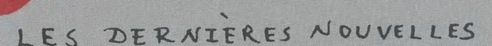
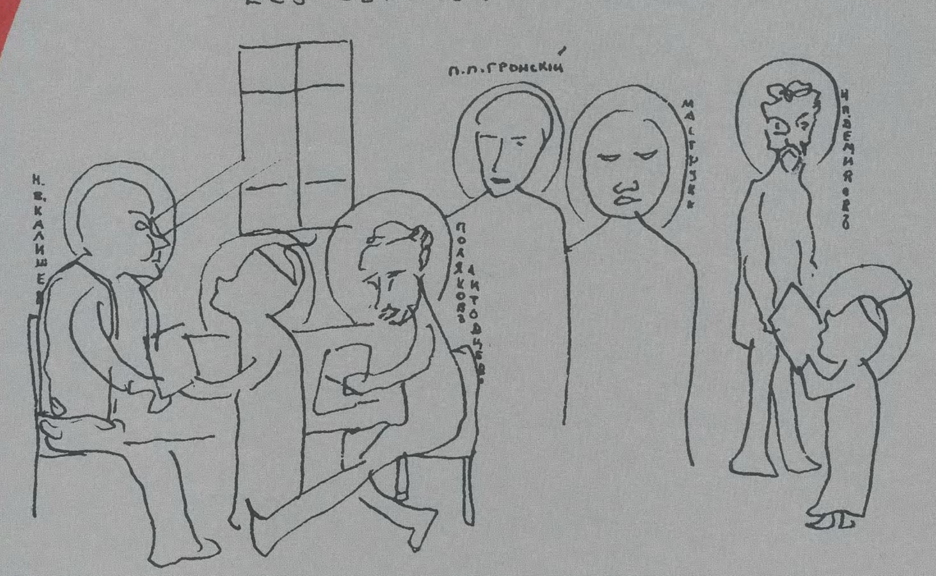
А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ

А. М. РЕМИЗОВ
ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ

А. М. Ремизов. *Фотография (Франция, 1933).*
ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.161.1-32-34
ББК 84.3(2Рос+Рус)1
Р38

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Издание подготовлено при содействии
Е. Д. Резникова, А. Д. Резникова

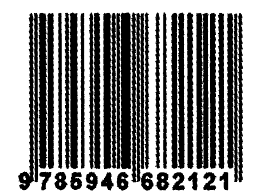
Подготовка «Мерлог» (комментарии), статья: *Антонелла д'Амелия*
Подготовка «Русские легенды» (часть I «Звезда надзвездная»,
часть III «Свиток»), текст, комментарии: *В. Н. Быстров*
Подготовка «Мерлог» (текст, комментарии, аннотированный именной
указатель); «По следам протопопа Аввакума в СССР» (комментарии):
А. М. Грачева
Подготовка «Павлиньим пером» (текст, комментарии): *Н. Ю. Грякалова*
Подготовка «Русские легенды» (часть II «Дела человеческие»), текст
комментарии; «Мерлог», «По следам протопопа Аввакума в СССР» (текст):
О. А. Линдеберг

Научный редактор тома *А. М. Грачева*

Ремизов А.
Р38 Звезда надзвездная. Собрание сочинений. Т. 14. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2018. — 735 с.

Книга «Звезда надзвездная» (Четырнадцатый том Собрания сочинений А. М. Ремизова) включает в себя первую полную публикацию оставшихся в архиве писателя книг 1930-х гг. «Русские легенды» и «Мерлог». Эти книги — результат многолетнего труда Ремизова по раскрытию богатств наследия древнерусской культуры, итог раздумий о художественной природе творчества. В 14-й том также включен сборник сказок, легенд, притч «Павлиньим пером» (1955—1957) и «творчество по материалу» — ремизовское переложение воспоминаний известного французского медиевиста Пьера Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР».

ISBN 978-5-94668-159-9
ISBN 978-5-94668-212-1 (т. 14)

РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ

I. ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ

Stella Maria Maris

Посвящаю С. П. Ремизовой-Довгелло

Звезда надзвездная

Иуда — «он первый у Христа ученик» — и предал.

И когда всё понял, швырнул деньги —

«кровь на них к рукам прилипла!» — и пошел.

А куда идти? — За смертью пошел: «один конец!»

Пошел за смертью — а смерти-то и нет:

к речке прибежал — река ушла;

в лес бежит — наклоняется лес.

— Кто же избавит его от его черной окаменелой жизни?

*

Христа на крест повели —
Спрашивают Петра:
«ведь ты знал Христа?»
«Не знаю такого — никогда ничего не слыхал про такого!» — отрекся Петр.

И когда всё понял — ведь еще так недавно он клялся:
«и пусть все соблазнятся, он никогда не соблазнится»,
«и пусть лучше помереть, не отречется никогда!» —
и горько заплакал и пошел — «не вернуть!» —
пошел, куда глаза глядят.
И три дня плакал во рву, в придорожном овраге:

не мог от горя подняться
и глаз поднять.
— Кто же подымет его из его черного рва?

*

Богородица у креста стоит.
Видит Сына — висит на кресте,
видит муки — и не может помочь.
— А есть ли горе темней и безысходнее твоего бессилья: «нельзя помочь!» —
И упала она перед Крестом
и замешались в ней мысли...
Ночь! — «а как был ты маленький, ехали мы из Вифлеема в Египет ночью, впереди бегут львы и барсы, показывают путь в пустыне; остановилась звезда, я присела на камень, распеленала тебя, а лев подошел и голову положил к ногам, как шуба, тепло, и другой подошел — самый страшный — лапу протянул поздороваться — "звери понимали..."» — Ночь! Эта ночь истерзанного отчаявшегося сердца, когда угасают последние звезды.
И когда погасли последние звезды —
стал перед ней архангел —
и подает ей ветку — звезду с неба:
она подняла глаза и видит: ее Сын на кресте — в свете и славе!

*

И пошла Богородица от креста, понесла в мир звезду —
мимо рва проходила, где плакал Петр:
и Петр увидел звезду и вышел из рва;
по бездорожью идет, где и зверь не проходит,
Иуда увидел звезду — и свет озарил ему путь...
В этот мир пришла — там ничего не ждут и не чают! — и звездой осветила нам тьму:
з в е з д а н а д з в е з д н а я

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

Солнце

Что ты знаешь о солнце?
Вот горит оно и греет,
и греет и сияет —
что же?
и откуда оно?
А как нет его долго,
долго не видим,
мы его ждем и грустим,
а встретим — обрадуемся.
И откуда свет такой?
И где тепло — откуда оно греет,
свет-солнце?

Солнце от Бога —
от страстей Божьих.
Сотворив небо и землю, помыслил Бог о делах своих:
что сотворит?
И когда подумал, что сотворит человека,
и чем будет человек —
как оставит человек завет Божий
и не пойдет в судьбах Божьих,
о беде и о всем горе людском подумал,
и о мерзости в людях на трудной земле,
и как родится от человека Сын Божий,
и как для славы и чести погибшего человека
Его распнут,
И в муках примет Он крестную смерть —
и когда о смерти подумал — —
слеза
покатилась
из
ока
— —
—
эту слезу свою Бог и назвал солнцем.
Солнце от Бога —
солнце — Божья слеза.

Адам

Восьмичастным создал Бог человека:
от земли — остов,
от моря — кровь,
от солнца — красота,
от облак — мысли,
от ветра — дыхание,
от камня — мудрость и твердость,
от света — кротость,
от духа — мудрость.
И когда сотворил Бог человека, не было имени ему.

Высота небесная — Отец,
широта земная — Сын,
глубина морская — Дух.

А созданию Божьему — человеку — имени нет.

И призвал Бог четырех ангелов:
Михаила,
Гавриила,
Рафаила,
Уриила.
И сказал Бог ангелам:
«Идите и изыщите имя человеку!»

Михаил пошел на восток —
и встретил звезду, Анатоли имя ей, и взял от нее
А
и принес к Богу.
Гавриил пошел на запад —
и встретил звезду, Дисис имя ей, и взял от нее
Д
и принес к Богу.
Рафаил пошел на полночь —
и встретил звезду, Арктос имя ей, и взял от нее
А
и принес к Богу.
Уриил пошел на полдень —

и встретил звезду, Месеврия имя ей, и взял от нее
М
и принес к Богу.
И повелел Бог Уриилу произнести слово — имя человеку.
И сказал Уриил:

АДАМ
И был Адам первый человек на земле.

Клятвенный камень

«Идите! И не думайте возвращаться! И не кляните Бога своего: гнев ваш будет бессилен и упадет на вашу голову!»

И загорелся огненный меч в руках херувима —
— затворились двери рая —

В отчаянии упал Адам, и Ева — и заплакали.

Семь дней они плакали, не подымая глаз, не подымаясь с земли.

И в седьмой день услышали голос:

«Простираю милосердие мое над вами: настанет час завета, я приду и верну вам рай!»

Они подняли глаза — и не увидели Бога, как прежде! — в дверях рая стоял херувим с огненным мечом.

И просят они херувима открыть им:
когда же придет Бог и возвратит им рай?

«Не год, не тысяча, пять тысяч и пятьсот восемь лет пройдут, и Бог освободит вас! — сказал херувим, — а теперь идите, говорю вам, и не думайте возвращаться! И не кляните Бога своего: гнев ваш будет бессилен и упадет на вашу голову!»

И они пошли, покорные, чтобы никогда не возвращаться.

И змей пополз за ними — и они не узнали змея:
был он прекраснее всех тварей — а теперь ползал,
был он одарен словом — а теперь нем.

Немой, он с укором смотрел на Адама и Еву.

*

Угрюмо жуткою ночью сменялись первые дни на земле.

И было тяжко и трудно.

Бесплодная, проклятая Богом земля — пустыня:

мрак и теснота в жилище,
страх перед враждебными зверями,
тоска, страх и утомление.

увы! раю мой прекрасный!

Не могли забыть райской жизни, вспоминали; вспоминая, подходили к райской ограде: становились на колени —

И змей с ними:

был он прекраснее всех тварей, и вся тварь любовалась им,
а теперь ползал, ядовитый! — и от него все убегали.

увы! раю мой прекрасный!

И никто их слез не слышал.

Никто не отзовется.

Херувим с огненным мечом охранял двери рая.

В отчаянии они возвращались на свою ненавистную скалу в пещеру.

И змей полз за ними.

— — — — — — — —

*

В конце первого года родился Каин.

Был он — первый, рожденный на земле — прекрасен, как змей, и страшен:

на его голове извивалось семь змеиных голов.

Трудно Еве и тяжко: измученная, она всех кормила — и сына, и змей, извивавшихся венцом на его голове.

Адам ничем не мог помочь, бессильный облегчить ее боль.

А змей — он жил с ними в пещере — немой, только смотрел с укором.

И была скорбь на земле.

*
* *

Безнадежно сменялись дни тяжкою ночью.

Пришел Сатана и сказал Адаму:

«Что мне дашь, я помогу Еве?»

«Всё, что хочешь!» — ответил Адам.

«Клянись, — сказал Сатана, — и ты и всё твое потомство предаетесь в мою власть».

И, взяв белый камень, кровью подписал Адам клятву:

отдается во власть Сатаны и всё потомство его
до последнего человека.

И тогда семь змеиных голов отпали от головы Каина.

И была на земле первая радость.

А Сатана, забрав красный клятвенный камень и семь змеенышей, пошел от пещеры на Иордан:

там под утесом положил камень, и змей сторожит его.

И когда умер Адам — душа его отошла к Сатане.

Умерла Ева — и душа ее отошла к Сатане.

И все, кто умер за Адамом и Евой, все пошли в царство Сатаны по клятве Адама.

*

Установленные Богом дни шли чередом.

Люди рождались и расходились по земле:

надеясь и отчаиваясь,
беспокоясь и в беспечности тратя жизнь,
одни хотели власти, другие богатства, третьи славы,
и любя и ненавидя,
и жалея и убивая.

Установленные Богом часы проходили в тайном служении неизменно.

Наступал первый час ночи — час поклонения демонов:

и демоны не вредили человеку и зло покоилось,
не убывая, не прибавляясь.

Наступал второй час ночи — час поклонения рыб:

и подымался Океан с своим царством, склоняясь до глуби морских глубин.

Наступал третий час — час поклонения бездн преисподних — —

Наступал четвертый час — час славословия серафимов:

и шумы крыльев музыкой наполняли небесные храмы.

Наступал пятый час — час служения вод превыше небес — —
Наступала полночь — шестой час:
и собирались облака, потрясая вселенную великим священным ужасом.
Наступал седьмой час — час покоя сил всего живущего.
Наступал восьмой час:
и радовалась земля росе, нисходящей на семена и травы.
Наступал девятый час — час служения ангелов, стоящих перед престолом Величия.
Наступал десятый час — час молитвы:
и отворялись небесные врата — и молитвы входили к Богу и Бог благоволил к человеку;
а серафимы, ударяя крылами, музыкою наполняли небеса;
и пел на земле петух.
Наступал одиннадцатый час:
и всходило солнце, радостью освещая и согревая вселенную.
И наступал двенадцатый час — час надежды и молчания чинов ангельских
перед престолом Божиим.

— —

Красный клятвенный камень лежал на Иордане под утесом — змеи сторожили камень.
И ад с каждым часом возрастал, наполняясь сынами Адама.

*

И настал час завета — родился на земле Сын Божий.
И когда наступило время, пришел Он в пустыню на Иордан к Иоанну:
и Его узнал Иоанн.
Став под утес на красный клятвенный камень, крестился Христос от руки Предтечи:
и вода под стопами Христа обратилась в огонь —
огнем попалило змей,
огонь прожег камень.
Дух Святой осенил — — и слышен был глас с небеси:
«Вот Сын мой, в нем мое благоволение!»

*

— Разбит, изъеденный пламенем, красный клятвенный камень!

Сатана собрал черные куски и силою своего духа соединил их и черный камень унес в ад-преисподнюю.

Еще не исполнилось время!
Еще три года Христу быть на земле.

Скрыв в аду черный камень, ждал Сатана последнего часа: он соберет всю свою силу, победит непобедимого, истерзает его в его крестную муку и, истерзав, покроет черной каменной тьмою вселенную.

И была в аду радость обольщенного мечтою властелина в канун своей гибели.

Плач Адама

— — — —
гремит ад громом,
бурит бурею —
страшны удары, бесстрашен:

— Моя власть и воля! —

Огненные стрелы летят от одежд —
громок, грозен, бесстрашен.
Никто еще живьем войти не вхитрился,
а назад ходу нет:
ворота медные,
верея железная,
замки каменные,
запоры крепкие.
Крут и шаток мост через Юдоль-реку,
черен путь на живой век:
жаркие молоньи зарят в ночи —
светят Смерти: ведет она полки
на приволен-горек пир — —
слышен топот конских ног:

— Моя власть и воля! —

Нужда, теснота, терпение —
преисподний ад.

— — — — — —

И воззвал Адам, первозданный человек:
«Сестры и братья мои,
пошлем весть ко владыке Христу
со слезами на землю —
хочет ли нас избавить от муки!»
Неутешны, унылы
пророки, праотцы
все праведные:
кто же может донести весть?

«Други, воспоем песнями днесь,
отложим плач!»
— ударил Давид в гусли —
«заутра пойдет от нас Лазарь,
друг Христов,
донесет до Христа весть».

И услышал Адам, первозданный человек,
и начал бить руками себя по лицу,
и был его голос яр и тяжек:
«Поведай от меня владыке,
светлый друг Христов, Лазарь:
скажи, вопиет к Тебе первозданный Адам!»

———————

На то ли ты, Господи, создал меня:
на короткий век на земле быть
и много лет мучиться в аде?
Того ли ради я землю наполнил,
о, владыко!
Вот внуки мои во тьме сидят
на дне ада,
мучимы от сатаны,
и скорбью и тугой сердце тешат,
и слезами очи и зеницы омывают,
и памятью терзаемы,
унылы!

Я на земле только краткий час
видел добро,
а в этой муке много лет
в обиде!
Краткий час я был царь
всем тварям,
а теперь долгие дни раб аду
и полоняник бесам.
На краткий час Твой свет видел,
а вот уж солнца Твоего давно не вижу
и Твоей не слышу ветряной бури.
Господи, если я согрешил
больше всех человек,
по делам моим Ты и воздал мне
эту муку —
не жалуюсь, Господи!
Но горько мне, Господи,
я по Твоему образу сотворен Тобой,
а дьявол унижает меня,
по Твоему образу сотворенного Тобой,
мучит меня,
понукает жестоко мной.
Господи, я Твою заповедь преступил,
а вот Авраам, друг Твой —
Тебе ради хотел закласть сына Исаака,
и Ты сказал ему: «Тобою благословятся
все колена земные!» —
в чем же его грех?
А он здесь, в аде, мучится тяжко.
И Ной праведный —
Ты избавил его, Господи, от потопа —
или не избавишь его от ада?

— когда бы согрешили они, как я согрешил! —

А вот пророк Моисей,
а он, Господи, в чем согрешил:
ведь и он здесь с нами, во тьме адове!
А Давид, Господи! —

Ты прославил его на земле,
дал ему царствовать над многими,
и он составил псалтырь —
в чем же его вина:
ведь и он здесь с нами в аде
и стонет и вздыхает!

— и когда бы согрешили они, как я согрешил! —

А вот великий в пророках
Иоанн Креститель — Предтеча:
рожден по благовещению ангела,
в пустыне воспитавшийся,
ядый мед дивий и от Ирода поруганный,
в чем же, Господи, его вина?
Моего ли ради греха не хочешь
помиловать нас,
или своего часа ждешь?
Один Ты знаешь —
нетерпеливы мы.
Господи, приди к нам,
избавь от лихости,
не угаси последнего света!

— в тайну Твою молюсь, Господи —
На мне вина —
прости меня!
прости меня, Господи,
прости меня!

Ангел Предтеча

— Вот уже триста лет ходит Иоанн по земле: кто ему откроет: — «может ли Господь отнять у нас то, что принадлежит нам?»
— Вот уже триста лет Иоанн живет с нами: у него шесть крыльев, и из всех он самый странный — —

Каждые триста лет демоны ныряют в море. (Триста лет — срок человеческому веку). Они ныряли посреди моря: один выловит серебра, другой ухватит драгоценные камни, третий перламутровую раковину —

— Господь дает души, по смерти все идут к нам!

Один Иоанн на берегу.
«Что ты здесь делаешь один на берегу? О чем ты всё думаешь? Брось, ныряй с нами: век дал нам большую добычу!»
«А может ли Господь отнять у нас то, что принадлежит нам?»
«Ни самого малого камушка, ни этой песчинки, но когда Он воплотится...»
«Как же он воплотится...»
«Не так, как рождаются люди».
«Он знает?»
«— — однажды на дне этого моря я нашел песок: из этого песку Он сделал землю; я дал ему грязи: дуновением Он создал из грязи человека. Я знаю: есть на дне моря лилия, она на самом дне — через этот белый цветок Он может воплотиться. Но про это никому не открыто».
Демон поднялся — за ним Иоанн.
И вместе со всеми Иоанн нырнул на дно моря. Все демоны видели его на дне моря — на самой глубине. Не серебра, не драгоценные камни, не перламутровых ракушек, лилию — белый цветок — взял Иоанн с самого дна. Демоны на дне — а Иоанн со цветком над морем. И поднимается выше над морем:
«Господи, сделай чудо — мне дойти до Тебя?»
И вот море замерзло. Демоны за ним — а лед, как стекло. И стали они бить крыльями, биться о лед и вынырнули. И видят: Иоанн высоко над морем — полетели вдогонку, летят наперекрест. И настигают.
«Господи, достигну ль Тебя!»
И слышит: «Вырви перо, брось на землю».
Иоанн вырвал перо из крыла и бросил. И все демоны бросились вниз за пером —

Иоанн подходит к Господу, и Господь
говорит ему:
«Что же ты узнал?»
Иоанн подал белый цветок-лилию.
(Кровь, как слезы, из его глаз):

«Пока не воплотится Он, не может
Господь отнять у нас то, что принадлежит нам!»

Марию, дочь Иоакима и Анны, выбрал Господь. Ангел нашел Анну на берегу моря и сказал:
«Иди в Иерусалим, господь тебе даст ребенка!»
И пошел в горы искать Иоакима и сказал Иоакиму:
«Вернись в свой дом, Господь даст вам ребенка!»
Анна и Иоаким встретились в Иерусалиме. И у них родилась дочь Мария.
Семь лет Мария ходила в школу. На Благовещение сидит она в классе и видит: подходит к ней ангел со цветком и говорит ей:
«Понюхай этот цветок!»
«— — —»
«Понюхай же!»
(Она его видит, а другие не видят). «Да это невозможно».
«Лилия, — сказал ангел, — понюхай!»
«Как я могу понюхать: призрак?»
Стояла под окном береза: ангел протянул руку — и упала береза. Мария поверила: понюхала цветок — и задрожала.
«Ты родишь сына, — сказал ангел, — и назовут его Христос!»
И ангел исчез — ангел пошел к Господу — —

На этом холме
появилась Мария:
с вершины склоняется —
возвеличим ее!
Богородица Дево, радуйся!

Демоны говорят народу:
«Скоро родится царь!»
Звезда с небесной высоты говорит царю:
«Скоро родится новый царь!»
«Как это возможно: родится новый царь? Наша вера теперь одна — у всех одна. Нельзя допустить, чтобы родился новый царь! Всех беременных надо убить, чтобы не родился — этот другой царь».
«Как знаешь!» — и звезда закатилась.

Велит царь: «Везде, где есть беременные, пусть всех убьют!»
А была такая стена — демоны построили ее — и все беременные проходили около стены, и, когда они проходили, стена их сдав-

ливала. Когда пришла очередь Марии, стена расступилась и она прошла невредимо.
«Завтра придешь!» — кричали демоны.
Весь народ собрался там, и говорят все о том, что произойдет завтра. Один демон, караульщик, «судак» — больше всех волновался — и «хорошо» звучало у него как «порошок»; а кто слышал, подхватывали: «Завтра ее в порошок!»

Мария говорит Иосифу (при школе старик по милосердию не оставлял ее): «Дедушка, отведи меня в пещеру: у меня болит сердце!»
И ночью он ее повел. Пастухи около пещеры спали с овцами, вдруг просыпаются и видят: ангелы спустились над пещерой — они спускаются от Господа и подымаются — и вверх и вниз. Пастух (поближе к пещере) встал посмотреть: он пошел — баран и собака пошли за ним. Заглянул он в пещеру: там — старик, женщина и ребенок, только что родился.
Мать говорит: «У нас нет дров огонь развести».
Пастух взял свой посох, разрубил его и зажег костер: согреть ребенка — холодно, ночь! Пастух стоит — — и Младенец благословил его: за то, что согрел. Вернулся пастух к овцам.
«Ну что? что там такое?»
«Нищенка, — сказал пастух (блаженный пастух!), — ребенка родила».

Тогда звезда зажглась над стеной, где ждал народ, и сказала народу:
«Он родился, новый царь!»
Демоны кричат:
«Он родился! Так пусть везде, где есть женщина с новорожденным, убить!»
И тогда бросились по улицам — в ночь: и было умерщвлено три тысячи младенцев.
Но Его не нашли — никаких следов.
И вот опять звезда говорит царю:
«Ему теперь три года!»
И тогда были убиты все дети трех лет. Но Его не нашли.

— Господи, кто может найти тебя? —

Мария с Сыном и Иосиф бежали из Иерусалима и скитались по всей земле.

Ангел сказал им: «Идите в Египет».
Они пошли в Египет, и там мальчик вырос, сделался взрослым и стал Христом.

— Вот уже тридцать лет ходит Иоанн
по земле: кто ему откроет: — «Господи,
где я найду Тебя?»
— вот уже тридцать лет живет Иоанн
в пустыне: у него шесть крыльев, и из
всех он самый странный — —

И когда пришел Христос в пустыню, Иоанн узнал Его. Иоанн крестил Христа — крестный отец Христа. И демоны убили его. Голову его на блюде подали царевне — она

пляшет — и острым проколола она глаза
ему: и из глаз не кровь — вода и
огонь, как слезы.

Один из учеников Иоанна Андрей пошел за Христом и брата своего Петра привел ко Христу. Подняв крест, Петр пойдет в Рим, Андрей — на Русь.

Ангел-благовестник

Кто тебя не ублажит, пресвятая Дева!
Ты заступница и утоление оскорбленным,
ты утешение скорбным,
ты радость скорбящим.

Захотела весь мир защитить — — ! или
покинуть и никогда не вернуться в свой вертоград:
в муке мучиться с нами —
во тьме века, с нами, в нашем лютом мире,
где болезни, печаль,
слезы и воздыхания,
клевета, память злая,
братоненавидение,
с нами, как мы, неутоленно любить
и безнадежно терять.
Радуйся, обрадованная,
Господь с Тобою!

Над рукодельем за искусной работой у окна пречистая Дева окаймляла четверосвитный убрус: голубым чистым

бисером шила круги — квадраты — радугу — феникса — змея и голубя: знаки вечности — мира — милости — воскресения — мудрости и непорочности. А на углах под крестом ставила по василиску: с головой петушиной и хвостом змеиным — милуя Божию тварь, дивовище земное и преисподнее.

Сердцем — в божественных судьбах,
к тайнам мира — умные очи.
Неувядаемый цвет чистоты — пресвятая пречистая Дева
честнейшую херувим и славнейшая воистину серафим!

*

В тихий час в тихой девичьей горнице
метнулся огонек у лампадки —
и белый бисер заалел на шелках:
с шумом вихря
с небесных кругов
стал
в большом углу
ангел:
и были крылья его — две зари полунощных ,
а лик невместим человеку.
И пала ниц на землю Дева Мария.
Радуйся, обрадованная,
Господь с Тобою!
Подняла она очи к небу —
и росный облак сошел
ей на лицо, кропя —
— — —
«Не бойся, Мария!»
— приблизился ангел, отер своей алою ризой —
«зачнешь Сына,
«и тем мир спасется,
«ты будешь спасение миру,
«мир тебе!
— — —
И огонь
изошел
из его уст.

*

Сияя, как солнце, махнул ангел десницей —
  и вот явился хлеб:
и, взяв хлеб, ел сам и дал ей.

Махнул ангел левой рукой —
  и появилась чаша, полная вина:
и пил сам и ей дал пить.

И, взглянув, увидела непорочная Дева,
  земля благословенная:
  цел был хлеб
  и чаша полна вина.

Радуйся, обрадованная,
Господь с Тобою!

Страды Богородицы

Когда сорвали с Его плеч царскую багряницу
  и в отрепьях вывели на улицу —
  и под свист и гик ожесточенной горемычной черни
  погнали к Лобному месту,
было ведомо всей твари — небесной, земной и подземной:
  знал лес — «хозяин» — где вился терн,
  знало море — «велеша» — где росла губка,
  знали звери — «зайцы» — и виноградный сад,
  и горы, и долы, и «огневики», сковавшие гвозди
  и копье,
и только не знала одна Богородица.

  Ожесточаясь, кричала чернь о Его крови
— пречистая кровь каплями падала в пыль дороги —
  По пыльной дороге шел Он в терновом венке,
    неся тяжелый крест.
Красный весенний день красным солнцем освещал город
    — сколько дел совершилось! —
    а Богородица ничего не знала:
    во всю долгую ночь не сомкнуть ей глаз,
    и лишь под утро, присев у окна, задремала.

*

Переполошился ад,
обезумел.
Молоньей облетела весть:
«Светило и Солнце, Венец и Слава мира,
Единородный Сын Божий — Сын человеческий
пленен!
и ведом на Голгофу!»
И, обезумев,
гремел ад — непроносная туча немилостивая!
ревел ад — разъяренный лев!
мычал ад — бешеный бык!
стонал ад — в погоду море!
горел ад — подстреленное оскорбленное сердце!
«Нескончаемому царству Христову
бесконечному
конец!»
Завыли, завели темные бесы на радостях
свой отчаянный пляс — бесовскую неистовую «чихарду».
Бес об одной курячьей ноге,
«претворенная тварь»,
злой прихвостень Змиев,
подпрыгивал на своей куриной ноге
даже до высочайших башен, ограждающих входы
в суровое жилище гордостных демонов — в муку вечную.
И бескостные — с вязигой вместо кости:
наушники, прихвостни, фискалы и кляузники —
взгромоздясь друг на друга, как в игре «мала куча»,
пыхали смрадом и едкою пылью, проникающей
сквозь адовы стены на землю.
И в пыху отчаянной бесовской возни изумрудом переливался
демонский глаз.
Из воска слепленный мост между адом и раем,
Мост Испытаний
(«мост мертвых»),
проходит через бурную смоляную реку, рухнул.
И охватило ненасытное адово пламя
бешеной Геенны небесные своды.
«Нескончаемому царству Христову

бесконечному
конец!»

*

Устрашились архангелы, херувимы и серафимы —
всколебалась небесная сила: в бессилии закрыли ангелы
свои недремные очи:
«Кто пойдет к Богородице,
кто передаст ей печальную весть?
кто возвестит непреклонную волю
Вседержителя Бога, извечно осудившего Сына?»
Свят-Дух
— утешитель огорченных и опечаленных —
не утешит их!

Сказал Господь:

«Ты, Гавриил — вестник радости, будь же ныне вестник печали!»

И ответил Гавриил:

«Как скажу я, возвестивший великую радость воплощения Слова о горестном Его кресте?»

Сказал Господь:

«Ты, Михаил — грозных сил воевода, поразивший копьем своего большого брата Сатанаила, ты, победитель, возвести — тебе легче принять скорбь!»

«Рука моя победила гордыню, но не смирение и скорбь: я силен против могучего».

И сказал Господь:

«Ты, Рафаил, простирающий руку помощи на всякую тварь, ты заступник от лица Всемогущего, иди и помоги предвечной воле:

пусть узнает о страданиях Слова родившая Слово!»

И отвечал Рафаил:

«Я помощь Божия, я утешение страждущим: я ли повергну в скорбь величайшую в женах?»

В страхе и трепете свивались белые крылья и огнедышащие —
наливались слезами огнезрачные очи:
«Лучше пусть бы Господь повелел
своим ангелам тихим, грозным
и милостивым вынуть душу
пресвятой непорочной Девы!»

Свят-Дух
— утешитель огорченных и опечаленных —
не утешит их!

*

Не в речке, не в озере, напившись на камушке, всюду летая, носилась под облаком коноплянка-птичка. И по ветру донесло до нее — небесная жалоба!
Спустилась коноплянка на землю к Богородице: села на окно —
крутя подсолнечной шейкой,
защебетала —
щебетала печальная
— — —
Подняла глаза Богородица —
Глаза, белые от отчаяния, безвекие
глянули на нее из темных глазниц:
Иуда Искариот, ученик Христа, предавший Учителя,
стоял под окном.
Поднялась Богородица — и опять опустилась на лавку.

— щебетала коноплянка печально, печальная птичка —
И пала на сердце тоска:
сердцем почуяв, бросилась Богородица к двери.
«Мария, где Сын твой?»
— остановил у порога другой ученик Иоанн —
«Мария, где Господь и учитель наш?»
А по улице мимо дома — мимо окон вели Христа:
Он волею шел
на крестную смерть.

*

Кто поможет матери, потерявшей сына?
Кто ее укроет?
Кто охранит от темной ночи?
К кому она обратится?
— улетела, спугнутая гиком, птичка-коноплянка —
— слепились от горечи уста у любимого ученика —

Кто ее утешит?
Одна Богородица,
она одна — стоптанная трава!
Ударилась она о землю —
(в не-уме, едва жива)
и опять вскочила:
стоном прорезалась грудь,
рассыпались волосы —
(кругом пошла голова)
помутилось в глазах:
бросилась она на улицу — —
и увидела Сына.

Тяжелый крест давил Ему плечи, пригибались колени под ударами;
с каждым шагом всё ниже Он склонялся к земле.
Простоволосая, с тихим причитанием,
шатаясь,
шла за Христом Богородица:
горькие слезы жгли ей глаза,
кровью обливалось сердце —
искало выхода, а не было надежды.

Не выдержав тяжести, Он упал — —
Симон Киринеянин выступил из толпы, поднял крест себе на плечи и понес.
Гикала чернь,
летели камни.
И подымался вихрь:
закручивал пыльной волной, сыпал песком,
слепя глаза.

«Радуйся, царь Иудейский!»

Насмехаясь, подталкивали:
и не слезы, кровь капала по Его щекам.
— Живого места не было на Его измученном теле! —

Кто поможет матери, у которой отняли сына?
Кто ее укроет?
Кто охранит от темной ночи?

Говорят ей: «Вернись домой».
Кто укажет ей дом?
Кто уймет ее горе?
Кто откликнется на стоны ее сердца?

*

Когда пригвоздили Его ко кресту, кровь лилась из Его ран —
и земля обагрилась.
Неутешна стояла у креста Богородица
и с ней любимый ученик Иоанн.
Видела она всю Его муку — и ничем не могла облегчить:
пить просил Он — изнывало сердце — а она не могла напоить Его —
(боялась отойти от креста).

И помрачилось небо
— клубясь тучились непроносные тучи —
темень темная
— наливаясь грозой от края до края —
нависала над городом,
и сыпались искры из-за облачных раскаленных печей.

Лик Христа искажался: побелело лицо, слеглись волосы.
«Боже, Боже мой, зачем Ты
воздвигнул меня!»
И голова упала
на грудь.

— —
—

На другом конце Иерусалима, в саду Магдалинином,
склонившись низко к земле, висел на своем кожаном поясе
ученик, предавший Учителя: Иуда —
глаза, белые от отчаяния, безвекие
глядели из темных глазниц в тяжелую землю,
и рот его был полон земли.

*

«Горе мне среди всех матерей!
Увы мне среди всех тварей земных!»

— рассеклось сердце несчастной матери —
тая,
— красные уголья! —
сердце горело жаром.
Над крестом вился ворон,
смолой воронье перо кипело, и горели свечи —
непреклонные вещие очи.

Глухо и грустно говорила Богородица:
« — — или, бездольный, Ты родился в сиротинскую ночь?
— — бессмертный, воскрешал мертвых! вижу:
непосульница-смерть взяла и Тебя! — —
о, мой сын прелюбимый! и за кого Ты муку терпишь?
за кого смерть принимаешь? — —
к дереву прибиты руки, кровью запеклись уста —
язык Твой нем!»
Поднял Христос голову:
«Не рыдай мене, мати, не оплакивай! Душа исходит —
хочу предать дух мой Отцу. Вот ученик —
будь ему матерью, он будет твоим сыном».
С горечью Богородица:
«Променяю ли создателя на создание —
творца на тварь? И куда уходишь?
И как мне жить без Тебя? На кого оставляешь —
одна! — скорбею — дай и мне умереть!
возьми с собой! — скорбею — »

Белая береза —
склонилась Богородица у креста на камень,
умоляла-упрашивала:
«помереть бы!»
Не могла она видеть ни людей, ни белого света,
не хотела подняться.

—

— рассеклось сердце несчастной матери —
тая,
— красные уголья —
сердце горело жаром:

«Горе мне среди всех матерей!
Увы мне среди всех тварей земных!»

*

Три часа прошло, как распяли Его на кресте жестоким распятием.

Три часа висел Он, создавший землю,
над своей от века трудной землей.
Вопли и стоны —
и те, что потрясали века,
и те, что в грядущих веках отравят всякое счастье,
вся скорбь и всё горе
униженных, покинутых, гонимых и обойденных,
вся беда, какая была в мире,
вся беда, какая придет на землю,
вся беда до последнего дня
собралась вокруг креста и, наполнив сердце,
жгла,
мучила последнею мукою.
И вот воззвал Он к Отцу —
и померкло в глазах.
Белый свет почернел — помертвело солнце.
Проглянули звезды: в черноте — изумруды! — дрожали.
И с шумом померкли. И месяц печально растаял.
— — — —
земля потряхнулась!
Всколебались моря, озера и реки; залелеяло в поле траву;
зашумела дубрава; пригнулся лес; посыпались с яблонь цветы;
с березок сережки; поломалось сухое пенье.

Крестом распростертая
— головня среди поля! —
лежала Матерь Божия у креста.

Мертвецы поднялись из могил — с кладбищ побрели от застав в город; на площадях и перекрестках

смешались с живыми. Холодом повеяло — стал мороз. И во тьме летало, шипело ужасно — ветер дикой волной ходил. Стук стоял — ковали железо! — стонало, плакало — огненные стрелы плыли по небу — и воздух порола ненасытная плеть —

— — — —

с краю на край пошатнулся храм —
разорвалась завеса — распались камни —

И вся тварь восстонала —
звери, птицы, поля, леса и болота,
травы, кусты, вода, камни и звери,
вся тварь восстонала
— восплакалась Матерь Божия Богородица —
«Господи, прости им:
не знали они, чего делали!»

Страсти Господни

На Голгофе — на эдемской могиле Адама
водрузили древо Познания,
и пуста голова — первая человечья кость
легла в основание под крест Сына человеческого.

Посеянное рукой Сатанаила — когда Бог насаждал рай на земле,
открывшее человеку глаза на добро и зло в грехопадении,
увенчавшее веткой мертвое чело Адама,
выросло древо Познания древом Спасения —
Крестом Спасителя.

Распяли Его на кресте леванитовом,
прибивали по пятам и ладоням гвоздями железными,
одевали в рубашку зеленую из жигучей крапивы,
опоясывали поясом из боярышника,
перевязывали хмелем и ожиною,
забивали под ногти иву (согрешившее дерево!),
а на голову клали венок из шипов и терниев.
Где гвозди вбивали — там текла кровь,
где вязали поясом — там лился пот,

где клали венок — там капали кровавые слезы:
— вино — миро — пшеница!

Несметные полчища демонов собирались с полдня и полночи, с востока и запада на Палач-гору голгофскую ко Христу распятому.

Белый — белый снег! — таял месяц,
и в слезах, омраченное, закрывалось солнце.
И была тьма по всей земле от шестого часа до девятого.

Искривленными кровавыми очами смотрели демоны в измученный лик Христа: держали в руках огромные свитки — хартии, исписанные грехом человеческим

от первого дня и до последнего,
и отвивали их — и конца им не было:
— не было конца греху человеческому —

— Восхотел Он весь грех взять на себя! —

На тяжкие кровавые преступления явились со всех концов немилосердные ангелы: лица, искаженные от ярости, зубы выше рта, глаза, как звезды, из уст пламя.

Это — ангелы приходят за душой грешных людей вести их на муку. Этих ангелов была тьма тем, ибо грехи были неисчислимые —

от начала мира и до конца:

— Восхотел Он весь грех взять на себя! —

Разбойники, распятые со Христом,
не вынося крестной муки и не чая спасения,
поносили Его, как обманщика.

И у подножия, у залитой кровью головы Адама,
гремело оружие: мытарские мечи, ножи, серпы, стрелы, сечива:
немилосердные ангелы расторгали составы изможденного тела —
отсекали ноги, потом руки и, оживив, опять пригвождали,

выдергивали маковые листочки с подсыхающих ран —
а демоны соленым языком облизывали раны —

Один гуселапый
бесшерстной свиньей поднялся к самому лику —
и, поднеся чашу, полную горести, дал Ему пить.
И, выпив чашу до дна, возопил Христос громким голосом:

«Боже мой, Боже мой!
для чего Ты оставил меня?»
Тогда от облак северных на зов покинутого
— принявшего грехи мира —
поднялся с престола в девятый час Сатанаил:
и сокол — кологривая молния — умчала его ко кресту
Сына Божьего.
Стал Сатанаил перед крестом и смотрел
на Христа,
и с креста, подняв тяжелые веки, смотрел Христос
на Сатанаила.

Друг против друга — перекрещивались глаза их:
царь и раб,
брат и враг,
царь и царь,
брат и брат,
враг и враг,
спаситель и покинутый.
И вся поднебесная повергнулась ниц в этот грозный час.
А она — скорая
шла от синего моря, от земли незнаемой,
по полю — зеленой траве, по бродучему следу,
по зяблым овсам через ржаные нивы,
молодая жена — смерть прекрасная.
Не просилась — потихоньку раздвинула железную тынь,
не оступилась — взошла на Палач-гору голгофскую

ко Христу распятому,
обняла Его голову —

И, преклонив голову,
Иисус предал дух.

Сворохнувшись, взвихнули вихри-орлы,
помахом подняли прах по путям:
затряслись горы, заметались глубины,
оболелеялись волны вод, улились изливы
— не уходиться — не уполошатся! —
и небеса, свившись, как свиток, прорезались пламенем
и, всколыбнувшись, горела земля —

«Помяни мя, Господи,
егда приидеши во царствие Твое!»

*

Когда замерли последние человечьи шаги и воины, перебившие голени у распятых разбойников, покинули Голгофу, а мертвые, восставшие из гробов, разбрелись по улицам в ночь — гогот, гром, стук, скок, свар потрясли мир неистовством, и сад Аримафейский обратился в бездну бездн, ибо сам Сатанаил пребывал в нем. Демонской силой он отвел глаза человекам и всей подлунной — погрузил душу в бесовский сон: и темный вещий сон сковал вселенную видениями и соблазном.

— — вскинулись, взбросились бесы — совлекли со Христа плащаницу, разделили пречистое тело:

плоть — земле,
кровь — огню,
кости — камню,
дыхание — ветру,
глаза — цветам,
жилы — траве,
помыслы — облакам,

пот — росе,
слезы — соленому морю.
И, развеяв благовонные масти, растлили — —
Звучало, бучило злое море демонов,
кишели, тешились
ехидные, свирепые
— сила несметная из темных ям! —
шелудяки, попользни, боробрющи, горбоногие,
топча и лягая.

И вот в полночь с шумом открылось всё небо
и воспылало над землей ярое солнце, какого никогда не бывало.

Выволокли демоны тело Христово из нового гроба и, убрав в дорогие царские одежды, вознесли на высочайшую гору на престол славы. И там, на вершине у подножия престола, стал Сатанаил и, указуя народам подлунной — всем бывшим и грядущим в веках — на труп в царской одежде, возвестил громом: «Се царь ваш!»
А с престола на метущиеся волны голов и простертые руки смотрели оловянные очи мертвеца. И в ярком свете — в этот внезапный ясный день — видно было: как распадались составы и под одеждой колебалось затхнувшее мясо. И вместо ответа на мольбы и вопли лебедями гоготала забродившая гниль раздувшейся утробы.

Отчаяние стягивало пространства,
и казалось: мера земле — четыре шага!

Из страны в страну — из земли в землю, выметывая раздолья, сквозь поля и луга, по городам, прорезая толпы всех времен и народов и царств, неслась колесница: оскаленный скелет в терновом венке: «Се царь ваш!»

И замглились светлые одежды народов,
смех перелился в плач,
падали люди, умирая друг с другом
и охватившись брат с братом,
и дитя умирало на коленях матери,
и мать, охватившись с дочерью.

От кряка и стенания погнулась земля,
расселись неплодные камни,
разверзлись великие пропасти,
и восплакалось море, и реки,
и вся глубина, и преисподняя.

Тогда высоко, в удольном месте, над ярым солнцем в ярких лучах последним обетованием возник на небеси крест, и на кресте пригвожден истерзанный Спаситель. Восседая на крыльях ветряных, Сатанаил дунул в крест: «Се царь ваш!» — и крест обратился в прах.

И не оставалось вольного воздуху,
иссякли источники,
деревья от смрада сбросили листья,
солнце померкло,
и злоба извела земную кору.

Так две ночи безумствовал Сатанаил, вселяясь на сердца — на тайные, зажигая мятеж, отравляя сердца отчаянием.

*

Жестокий сумрак безлунный безмолвием облек город;
мертвые бродили по дворам, стучались в двери,
и, как в дни мора, люди не смели выходить из домов,
а на безлюдных улицах являлись всадники: лица их не было видно, и кони их не были видны, лишь мелькали копыта коней.
А по чумному безлюдью с пустынной Голгофы
От Креста разносился по миру плач
Богородицы —
звезда надзвездная!
И до рассвета третьего дня, как встать заре и
взойти воскресшему солнцу, на Палач-горе голгофской,
поклонив ко кресту голову, не отходила от креста
неумолимая
смерть

—

— жизнь вечная —
дар на спасение.

Ангел-мститель

Среди поля на Голгофе пригвожден к кресту
— на кресте руки простер, окровавил персты —
на честном кресте посреди земли висел Христос,
совоздвизая четвероконечный мир
— создание своих божественных рук —
в высоту,
в широту,
в долготу,
в глубину.
Ангелы сходили и восходили с небес,
собирались в един собор,
силы небесные кланялись вольным страстям Его.

— Слава долготерпению Твоему, Господи! —

Силы небесные — все девять чинов:
ангелы,
архангелы,
начала,
власти,
силы,
господствия,
престолы,
херувимы,
серафимы,
от неба небес — престола славы — лествицей
сходя и восходя,
предстояли Ему.
И мертвые, восстав из гробов,
с мертвенного ложа притекали к кресту,
кланялись спасительным страстям Его.

— Слава долготерпению Твоему, Господи! —

Разбойники, распятые со Христом, два разбойника:
Сафет и Фемех,
отрепетны крестною мукой, погибали в смертной

тупой тяготе: гасли помыслы, отымался, издроблен,
повинный ум, горькая тьма ослепляла вещные,
в боли очаделые, очи, а умные — исходили в тоске:

«Милостиве Господи,
помилуй мя, падшего!»

Крестообразно руки простирая к Сыну
— распростершему руки на крестном древе —
ко кресту приникла
Богородица:
скорбное оружие пронзило ей сердце
— крещенное слезным крещением всё ее сердце растерзано —
и слезы, излившись, престали:

«Царю небесный,
Сыну мой!»

Три звезды
— три свечи Божии —
мерцали из тьмы от Девы Марии,
непостижимо, несведомо
родшей невместимого,
свет и спасение миру.

— *Слава долготерпению Твоему, Господи!* —

На востоке солнца раскрылось двенадцать небесных врат,
и другие двенадцать врат на западе,
и двенадцать врат на море.
И по всем путям от нижних и горних обителей
собирались в един собор
ко кресту
силы небесные.
И во мгновенье два ангела подвели под руки старца
— был он ветх и велик —
Адам первозданный.
И стали у креста перед лицом Господним.

Наклонив голову,
— да преклонятся все народы и облегчится грех верующих —
висел Христос на кресте,
напоенный горькой желчью.
Единый сущ
без конца,
без начала
сый.

И был Адаму глас со креста:
«Аз тебе ради и твоих чад с небеси на землю снидох,
Аз тебе ради и твоих чад на крест взошел, пригвожден ко кресту,
ныне разрешаю от клятвы, прощаю твой грех».

И вздохнул Адам:
«Тако изволил еси — тако изволил еси — Господи — Боже мой!»

Ангелы, силы небесные, величая перед Адамом Христа,
— кровью искупившего первородное проклятие —
«миновались темные ночи,
пропали печали!»

ангелы восходили на небеса со страхом и радостью,
до неба небес к престолу славы Отца небесного.

— Слава долготерпению Твоему, Господи! —

И один среди ангелов — в кругу ангелов — вятший паче всех,
прекрасен видением стоял перед крестом ангел:
один недвижен,
один безмолвен:
«Как! Сын Божий, Сын возлюбленный! любимый брат! Христос,
Царь небесный висит на кресте! И мучится, обагрен с головы
до ног, и нет ниоткуда защиты; покинут; неповинный,
висит на кресте!»

Не видел никого — только Христа,
только на Христа смотрел ангел —
не мог примириться:
пальцы его были крепко с тоскою сжаты,
и дымы — синие кольца благовонных кадильниц —
обручая пальцы, вывивались меж острых суставов;
копье бледнело в руке на дымящемся древке;
бурные крылья — синие молоньи — грозно орлили —
недвижен,
безмолвен,
не мог, не хотел он видеть Христа на кресте.

Силы небесные — недоуменно зря друг на друга —
молили ангела:
«Взойди на небо к престолу славы, прославь Сына перед
Отцом небесным!»

Бесстрастен к мольбе, не слушал ангел, не хотел слышать
— «взойти на небеса к престолу славы!» —
горело сердце — единая мысль возгоралась из горящего сердца:
«Один он может и готов стать на защиту — он может смирить грады, веси, поля, холмы, дубравы, он погубит
весь мир — разорит венец солнца! — за крест и страсти».
Один недвижен,
один безмолвен,
горел перед крестом в кругу ангелов грозный ангел,
вятший паче всех — всех недругов победитель — архистратиг
Михаил.

— Слава долготерпению, слава силе Твоей, Господи! —

Белоснежной кипящей быстриной восходили ангелы, славословя,

от креста за звездный круг к престолу.
И был тихий перезвон в небесах, говор, столповое пение.

И повелел Христос ангелу взойти на небо — оставить крест:
«Исполни закон!»
Но верен, ангел стоял перед крестом:
«Господи, Ты видишь:
не могу стерпеть распятия Твоего».
И во-вторые повелел Господь ангелу отойти от креста:
«Исполни закон!»
И не двинулся ангел: крепко, непреклонно, верен:
«Господи, как я пойду?»
И в третий раз был голос с креста — отклонявший — повелевая ангелу взойти на небо:
«Исполни закон!»

— — —

И то́роки — слухи Духа — дрогнули на бледнем челе, трепетен, ангел сделал шаг от креста и вдруг стал — —
обернулся:
черные то́роки вьюнились на его бледном челе, бурные крылья орлили,
очи синели — грозная деберь:
— видеть муку, иметь власть остановить —
— и не сметь! —
«Не требуй, Господи, не требуй! Видишь — мое горящее сердце!
Знаешь — моя любовь: ей нет грани, ей нет запрета, ей нет закона.
И на что мне власть, если запрещаешь прекратить Твою муку.
Не преступлю Твой закон, Твое слово, Твою волю, но не мог угасить
моей любви».
А пламень любви был так велик, а скорбь так остра и страда
так безмерна — все мысли, все стези сердца пылали! — ангел разжал пальцы — —

и пламя
вышло
из его
рук.

—

И было пламя так сине-жарко, живо и огонь плящ и горюч:
взлысился мрак, сдвинулись семь поясов небесных, пошатнулись земные;
с шумом ужасных четверопастных горестных труб из четырех медных
ветрий пыхнули четыре заглушные ветра, восшумели с востока и запада,
с юга и севера —
— кто им укажет путь? куда им деваться? не могут стать! для них нет уж покоя! —
избезумились, вздыбили море, хотя потопить землю, заколебали столпы преисподние.

И среди грохота, вопля и скрежета
еще острее врезалась скорбь,
и гнев стал безысходнее:
и ангел
бросил копье.

— —
—

— там стоял страх, клевета и обида, вопияла утрата, билось бессильно
оскорбленное сердце, гнела бесполезная жалость, глохла защита —

—

зазубрив тьму,
молнией
ударило копье в храм:
прорезало купол —
расшибло сень —

— —

И надвое — сверху и донизу — разодралась
капетазма:
на две части разодрал ангел завесу

во свидетельство сынам человеческим
о кресте.

*

И в тот час воззвал Христос, благословляя Отца, и предал дух —
Единородный Сын
Великого Света Ангел
Слово Божие,
смертью на смерть наступив.

Ангел погибельный

По воскресении из мертвых, отложив плотское тело, являлся Христос своим ученикам. Апостолы: Петр, Андрей, Иоанн, Варфоломей пребывали с Богородицей, утешая ее. И когда были они все вместе, стал посреди них Христос и сказал:
«Мир вам! Вопрошайте меня, я научу вас. Семь дней пройдет, и я взыду к Отцу моему».
И никто не решается. И покорно следуют за Ним — по божественным стопам Его — на гору Елеонскую. По пути приступил апостол Петр к Богородице: пусть попросит она Сына своего — «и явит Господь вся, иже суть на небесах». Богородица не захотела испытывать. И молча идут за Христом.

Когда взошли они на гору Елеонскую, и сидят вместе, и посреди них Христос, Варфоломей обратился к Христу:
«Господи, покажи нам дьявола, и увидим, кто он есть такой и что дело его. Тебя не постыдился — Тебя пригвоздил ко кресту».
«О, смелое сердце, — сказал Христос, — ты не можешь его видеть».
Варфоломей припал к ногам Спасителя, упрашивает:
«Неугасимый светильник! вечного света спасение! Ты пришел в мир отчим словом; Ты совершил дело свое: скорбь Адамову обратил в веселие, Евину печаль в радость — Испони!»
И сказал Господь Варфоломею:
«Хочешь видеть дьявола — увидишь его. Но говорю тебе: и ты, и апостолы, и Богородица ниц падете, как мертвые».

И все приступили:
«Господи, сделай! Господи, покажи его!»

И вот по слову Господню предстали ангелы с запада: воздвигли землю, как свиток, и явилась бездна — пропастная глубина. И, запретив ангелам дольним, повелел Христос протрубить Михаилу. И вострубил архистратиг. И в тот час изведен был из бездны ангел погибельный — Сатанаил.

— Вольный гоголю, старейшина небесных сил,
низверженный за разгордение, где твоя воля,
где венец власти? где небесный престол?

Шестьсот шестьдесят ангелов держали его, вестника зла, творца мечты —
связан огненными веригами — а высота его шестьсот локтей, лицо — молонья! волосы — стрелы! вежды — дикий вепрь! правое око — утренняя звезда! левое око — лев! а уста — пропасть! а персты — серпы! крылья — горящий пурпур! риза — кровь, и на лице его пишет вражья печать и погибельная — —

«Аз есмь Господь Бог!»
— воззвал Сатана —

И был великий трус — земля затряслась. И в ужасе повергились апостолы и Богородица на землю.

Воплощение

Бурным духом в вышнее небо
— с тихой сладúмой реки —
взлетела душа к престолу Господню:

«Господи Боже, благослови меня, царь милосердый, в тело облечься!»

взмолилась душа к Господу Богу —

Горел семигранный венец на престоле, расцветала звездами гора-цвет.

Благословил Бог душу:
поставил на путь.

Благословил Бог душу:
на землю вернуться.
Благословил Бог душу:
человеком на земле в человеках родиться.

*

Бурным духом с превышних высот
стремилась душа по небесному кругу.
Замирает от радости сердце
— там Божьи орга́ны играют на сердце —
«Скоро встретит она, кого полюбила однажды, любила и горько рассталась:
теперь ей будет легко и нетрудно на трудной и милой земле!»
Полные радости очи светились —
светили небельмными взорами
путь по небесному кругу.

И растворилась в пути по небесному кругу по бездорожным дорогам
Живая книга,
суд Господень — судьба ее жизни:
дни за днями — цепи — потянулись от колыбели и до могилы.
Каким холодом, жутью — жесткое слово! — обидой сдавило ей сердце:
сколько дней беззащитных — дней беспокровных,
тревог, и беды, и пропастей, ожиданий напрасных
тщетной надежды, безвинного терпенья, непоправимой и горькой потери,
а сколько раз в своих днях постылых уйдет она от ворот
со слезами: будет звать — не ответят, просить — не помогут.

«Где рай твой прекрасный — пресветлый день?»
«Где же твой ангел, спутник благой?»
— как звезды в ночи, то загораясь, то тая, сходились, горкуя, во святой круг

белые птицы — послы Господни —
«Где же мой ангел? Или на небе и на земле —
в целом мире! — нет ни души — никому нет дела!
так жалко кончаю бесполезные дни?»
— и запечатались страдно, зноем опаленные, холодом омерзлые уста —
«Где рай твой прекрасный — пресветлый день?»
«Где же твой ангел, спутник благой?»
— как звезды в ночи, то загораясь, то тая, вьются, горкуя, во святом кругу
белые птицы — послы Господни,
крыло в крыло вьются.

*

Бурным духом летела душа
от судеб-страны пророчных труб на пречистое снего-белое знамя
к Богородице:
премудрые девы радостно встретили душу — кротко стояли они со свечами
вкруг Царицы Силы Небесной.

«Матерь Божия! сердце во мне унывает: не хочу я на землю!»
— наплаканы очи смотрели на родимую Матерь, слезно, скорбно, сердечно просили
родимую Матерь —
«Странник, не плачь!»
Духом святым уряжая, взяла Богородица свечку,
вложила свечку в сердце,
в сердце —
в кручинную душу

— —

«Терпи, скорби с любовью, милый мой странник!»

— —

— и загорелась в сердце жаркая свечка —
Премудрые девы стояли со свечами,
«Христос воскрес» запели, с крестом поклонились.

*

Бурным духом с превышних высот
летела душа через святые небесные круги — через белые зори —
через Втай-реку — заповедное от всего темного мира —
с небесного царствия по Божьей стезе
в мир
на землицу сырую.

Странник прихожий — брат мой несчастный — сестра моя горькая,
будем жить полюбовно, согласно, в этом несведомом мире
на родимой земле!

Месяц и звезды

Ты видишь те зеленые луга — зеленые с белыми цветами? —
не по себе белеют луга — белеют от чистых риз Господних.

По весеннему полю, в потаенный час вечера, шел Христос и с ним тростинка-девочка Мария Египетская. Поспешала девочка, цеплялась пальцами за чистые ризы, засматривала вечеровыми глазками в глаза Спасителя. Допрашивала-пытала у Господа Бога:
«Господи милостивый, отчего это месяц такой и сверкают звезды?»
«Непонятная ты, недогадливая девочка, хочешь испытать меня! А как был я маленьким, сосал себе палец: с сосуном и спать укладывался. Отучала меня Богородица, а я знай сосу. Вот и говорит она мне: «Не будешь трогать пальчика, сотку тебе к празднику серебряную рубашку». Бросил я палец, прыгаю от радости: будет у меня к празднику серебряная рубашка! Торными дорогами пошла Богородица на зеленую тропку к вратам рая — там стоит цвет солнца, творя суд над цветами — и стала прясть серебряные нити. Откуда ни возьмись налетели соколы — похитили серебряную пряжу. Позвала Богородица Крестителя: Креститель разыщет соколиное гнездо, а соколят возьмет себе.

Полетел Креститель искать пропажу, да недолго летал, вернулся: «не могу, — говорит, — я это сделать: унесли соколы серебряную пряжу высоко под небеса, свили гнездо — белый месяц, а соколят негде взять — одни дробные звезды». Вот отчего месяц такой и сверкают звезды».
«Господи, дай мне одну серебряную нитку!» — пристала тростинка-девочка и тянет за ризу, засматривает вечеровыми глазками в глаза Спасителя.
«А зачем тебе серебряная нитка?»
«А я в коску вплету».
И подумав, прорицая судьбу святой, сказал Господь:
«Будет тебе серебряная нитка».

Ты видишь те серые горы — не по себе они серы, серы от дел человеческих: там ангелы, приставленные к людям, столпились на западе — так и всякий день по захождении солнца идут они к Богу на поклонение, несут дела людей, совершенные от утра до вечера, злые и добрые.

Рождество

В ночь, когда родиться Христу, ехала Богородица с Иосифом в
город Вифлеем. Вот дорогой словно стало что:
стала она смеяться и плакать.
Приостановил Иосиф лошаденку. Думал себе старик: «Не худо ль чего с Марией — — или волков забоялась?»
— волков по тем местам много! —
А Богородица и говорит:
«Вижу я, дедушка, двух людей: один человек смеется, и я с тем радуюсь — будет у него большая радость: а другой человек плачет, и я с тем горюю — будет у него большое горе».
Не понял старик слов Богородицы, но запомнились они ему, предвещавшие земле на новую жизнь:
великую радость
и лютое горе —
крест.

* *
*

Ехала Богородица с Иосифом в город Вифлеем. Случилась тогда перепись всем жителям: и кто в каком городе прописан, в тот город и должен был явиться. На перепись они и ехали.

Время зимнее — снежная зима — намело снегу целые горы. Трудно приходилось лошаденке — еле тащила по сугробам.

И не поехал бы Иосиф в такую даль, да ослушаться боялся:

строго приказано от царя явиться всем в город.

Старый старик Иосиф, смолоду-то плотничал, а нынче и топор не слушает; рассчитывал старик к вечеру в город поспеть, да сбился с дороги.

И в поле застигла ночь.

Ясная ночь. Звездная. Крепкий мороз.

Не вставала с саней Богородица — зябко. Старик за лошаденкой, понукивал Сивку рукавицей.

Так и ехали.

И чует Богородица: пришло время.

— что тут делать? —

— куда ей ночью среди поля? —

В стороне от дороги, у леса, землянка. Привязал старик лошадь. Вошли в землянку.

А в землянке конь да вол — больше нет ни души.

— пастухи сторожили овец за тыном! —

А время приходит — помощь надобна.

Посылает Богородица Иосифа: приведи ей бабку.

— а где в поле найдешь бабку? —

Пошел Иосиф по дороге — и сам не знает, где и искать?

* *
*

— — — и когда родился Христос, вдруг осветилась землянка, светло в землянке, ровно солнце взошло.

Взяла Богородица на руки сына, подняла его — и на солому положила в ясли — в колыбельку! — увидели конь и вол младенца, подвинулись:

стали дыхать на него, своим греть теплом.

Младенец, играя, тихонько погладил их.

А они всё дыхали, грели его своим теплом — конь и вол.

И он благословил их —

их трудную жизнь, коня и вола.

*

Идет Иосиф по полю, спотыкается — уж глазами старик ничего не видит, и ноги не слушают. Принялся кликать.

— да кто отзовется среди поля! —

Звезды. Так ярко —

звезды поют над землей.

— — и видит старик: бежит навстречу старуха, так по сугробам и сигает.

Окликнул.

А старуха едва дух переводит —

из города она Вифлеема, Соломонидой зовут; уложила она спать внучонка Петьку-неугомона, стала сама укладываться — день-то деньской за работой, умаешься! — «и только что завела глаза, слышу — зовут: “Иди, говорит, бабушка, иди, Соломонида, иди на поле: помощь нужна”.

И так меня всю страхом забило, выскочила я да бежать».

Обрадовался Иосиф — повел к землянке.

— бегут старики! —

А в землянке свет, ровно солнце.

И увидели старики младенца — и уж подойти не смеют.

А младенец им из яслей ручкой так показывает —

— — —

И благословил он бабушку Соломониду и старика плотника Иосифа

— приютил Богородицу! — —

благословил их трудную трудовую жизнь.

*

Сторожили за тыном пастухи овец от волков.

— волков по тем местам много! —

Страшно им ночью, и рассказывали они друг другу страшные сказки —

— чтоб не очень бояться! —

Вот поднялись овцы и к проруби. Только пить-то не пьют — как стали вкруг проруби, голову к небу, да так и остались.

— никогда еще не бывало такого! что там такое? —

— или волки нагнали столбняк? —

Пошли пастухи посмотреть. Да как взглянут на небо — а с неба им ангел:

— Чего вы, пастухи, стоите: Христос Спаситель родился! Ступайте скорее в землянку: в землянке в яслях лежит Христос.

И собралось ангелов много — так много, как в небе звезд.

Слава в вышних Богу —
мир на земле!

Пели ангелы вкруг ангела-вестника, перелетали, как звезды.

— — и всё небо кружилось — —

А овцы стоят у проруби — голову к небу — смотрят.

Взяли пастухи по ягненку, да скорее к землянке.

— овчарки за ними! —

— — —

А в землянке свет, ровно солнце.

Увидели пастухи младенца, пустили ягнят, поклонились в землю —

Младенец посмотрел, и ягнят потрогал — посмотрел на пастухов и благословил их —

благословил их трудную жизнь пастухов.

И пошли пастухи назад к стаду.

И овчарки за ними.

Пели пастухи за ангелами, как ангелы, — пели ангелы, перелетали, как звезды:

Слава в вышних Богу —
на земле мир!

Навстречу волки —

не тронули волки овец — ангел пас их овец!

Шли волки к землянке — дали пастухам дорогу.

— видно, и зверь почуял! —

*

Там за огнями, за дымами, за лесами, за реками, за ленивым болотом у Студеного моря — у Студеного моря-океана, там, где ветер вздымает до неба ледяные синие горы, в студеной полунощной стране чародеев, загремели-застучали в ночи волшебные бубны.

Три лопарских царя-волхва — три нойда — увидели звезду на небе — и узнали звезду: мудрые, всю жизнь ожидая, они гадали о ней. И с дарами, без слуг и оленей, пошли за крылатой звездой — и звезда, крыля, повела лопарских волхвов в Иерусалим.

* *

Много народа собралось на перепись в Вифлеем. Еще больше в царский город — в Иерусалим. Городские ворота не затворялись всю ночь. И на улице шум, как на ярмарку.

Поутру в Рождество два путника показались по дороге из Вифлеема в Иерусалим. Не простые путники —

— конь и вол.

Шли они без погонщика — шли прямо по дороге в Иерусалим. И, вступив в город, пошли по улицам. Они дыхали, как дыхали ночь, согревая младенца в сырой землянке.

Какой-то голах камнем запустил — но камень скользнул, как перышко:

— они его не почувствовали, даже не вздрогнули.

Шли конь и вол по улице, дыхали.

Глаза их, как человечьи, ясные. И если бы могли говорить, они сказали бы —

они весть о Рождестве несли!

они сказали бы, что ночью родился Христос:

«они видели Его, и Он благословил их».

Убогие — юродивые, странники, безумные — встречая коня и вола, кланялись.

— — —

Пройдя весь город, конь и вол скрылись за заставой.

Они шли дальше по дороге — как и теперь идут! — и будут ходить по дорогам, пока земле не придет конец. И в последний час — они загово-

рят! — они скажут —

благословенные, конь и вол.

*

К вечеру того же дня появились в Иерусалиме пастухи из Вифлеема —
четыре пастуха.

Они ходили по праздничным улицам. Ничего не видели и не слышали, что творилось вокруг. Они останавливались на площадях и хором запевали странно среди гулянья:

Слава в вышних Богу —
мир на земле!

Убогие — юродивые, странники, безумные — устремляясь, как овцы, в небо, окружали пастухов и вдруг с безумным криком, воплем и хохотом принимались петь за пастухами странно:

Слава в вышних Богу —
мир на земле!

— — и шумная площадь кружилась — —
— тихое звездное небо —
— — —

В ночи пастухи пропали за заставой.

Они шли дальше — по следу вола и коня — как и теперь идут! — и будут ходить по земле с песней ангелов, пока земле не придет конец. И в последний час — их услышат! — их услышат —
благословенных вифлеемских пастухов.

*

Скрылся конь и вол. Пропали пастухи. Кончилась ночь.

*

С рассветом заметили в Иерусалиме старуху.

Ходила старуха по улицам, и не разберешь, о чем она и на кого показывала:

она будто дите всё качала, качая, баюкала —
и вдруг упадет на колени и заплачет — не от отчаяния она плакала, она плакала от радости.

Это бабушка Соломонида о Рождестве рассказывала — представляла, как носит она святого Младенца и качает — баюкает на этих измученных руках, принявших на белый свет за свой век столько младенцев.

Убогие — юродивые, странники, безумные — ходили за старухой, как ребятишки за медведем-мишей. И когда она с плачем падала на колени, они с плачем повторяли странные ее слова — —

— — и темная улица кружилась — —
— звезды на ясном небе —
— — —

Обойдя город, ушла старуха за заставу.

И дальше — по дороге — как и теперь идет! — и будет ходить по земле, рассказывать, что ее глаза видели, и плакать от радости, пока земле не придет конец. И в последний час — ее поймут! — ее поймут —

благословенную старуху бабушку Соломониду.

*

А там, от Студеного моря — от Студеного моря-океана, где ветер вздымает до неба ледяные синие горы, через болота, через реки, через леса, сквозь огни и дымы три лопарских царя-волхва шли за крылатой звездой.

И день и ночь, видя только звезду, не замечая дороги, шли волхвы, куда вела их звезда; обтрепалась, обдергалась царская одежда, нищие лохмотья повисли на плечах, и одни царские короны, как звезды.

На третий день звезда привела волхвов в Иерусалим: поднялась над царским городом и пропала.

И когда появились на улицах Иерусалима три царя-волхва и расспрашивают, где родился Христос — «они Его звезду видели!» — царский город насторожился.

— Где родился Христос, Спаситель мира? — останавливали они прохожих, — где родился царь иудейский?

— Нет у нас царя, кроме Ирода и сына его.

Не Архелая, сына Ирода, не Ирода — Христа-царя, который победит всех царей и возьмет на земле все царства, Христа Спасителя мира, надо царям-волхвам.

Неотступно, как волхвы за крылатой звездой, ходили за волхвами убогие — юродивые, странники, безумные. И когда волхвы спрашивали о Христе, они столбенели, ожидая.

Но ответа нет.

С улицы на улицу, из дома в дом, из уст в уста весть о лопарских царях-волхвах и о путеводной крылатой звезде и о рождении Христа — «царь, который победит всех царей!» — облетя площади и перекрестки, к вечеру проникла за неприступные стены дворца.

И царь Ирод смутился.

*

Велит Ирод привести царей-волхвов. И привели волхвов во дворец к Ироду. Вышел Ирод к волхвам. И волхвы спрашивают Ирода, как спрашивали весь день у прохожих, о царе Христе:

— Где родился царь?

— — —

— Я — царь!

Был Ирод невысок и худощав — малая голова, на короткой не по плечам толстой шее, щурился — ёжил пугливо глаза; и говорил неожиданно громко, баском. И эта неожиданность поражала: «я — царь!»

Не поразишь лопарских царей!

> Лопарские цари имеют власть над ветрами, подымали бурю, могли передвигать морские острова, насылали стрелы, обращали живое в камень —
> Лопарские цари проникают в тайные дела и мысли, и им открыто, что творится на земле и на море в далеких странах и у чужих народов —
> Лопарские цари не знают страха!

— Где родился царь Христос? — снова спросили они у царя.

Ирод держит в руке чашу: он поднял чашу в честь славных лопарских царей — —

А над дворцом восходила звезда — и, став в окне против волхвов, звездами зажгла их царские короны.

И звезды глянули из глаз волхвов.

— Где родился царь Христос? — в третий раз спрашивают волхвы, — он победит всех царей, возьмет все царства, всю землю!

И чаша выпала из рук царя.

— Идите, — сказал Ирод, и дрожит весь, — идите, узнайте о младенце и возвращайтесь в Иерусалим: я первый пойду и поклонюсь ему.

Пообещав вернуться в Иерусалим и рассказать о младенце, вышли волхвы от царя. И повела их звезда из царского города Иерусалима в Христов город Вифлеем.

* *
*

Шла, крыля, звезда — за звездой волхвы.

Далеко в поле отстали люди, провожая волхвов за заставу. И царские лазни и пролазни, уши и наушники, не поспевают за ними.

Кружит звезда — волхвы кружили за ней. Сворачивает с дороги в лес — и волхвы в лес.

И идут так лесом, полем, дорогой.

Морозная ночь. Звездная, крепко морозит. Похрустывал снег под ногами.

Звезда, пройдя реку, остановилась у леса за тыном — тихо опустилась над землянкой.

Светло в землянке — играло солнце.

— — —

И увидели волхвы младенца. И подают ему дары:

золото,
костяной жезл,
кутью.

Поклонились младенцу.

Младенец долго глядит — «золото!» «костяной жезл!» «кутья!» И, приняв дары, благословил волхвов —

благословил их трудную жизнь вещих волхвов, ожидавших
Христову звезду.

Звездами загорелась тесная землянка.

Слава в вышних Богу —
на земле мир!

Из круга ангелов вышел ангел и, разрешив клятву, не велит волхвам возвращаться в Иерусалим.

— Не ходите, волхвы, к Ироду! Идите другим путем: зло на сердце царя — хочет он убить младенца.

*

Богородица держит на руках сына: пора в дорогу! Иосиф хлопотал у саней, разговаривает с Сивкой. И, усадив Богородицу с младенцем, махнул старик рукавицей.

Побежала лошаденка по дороге в цыганскую землю — так указал Иосифу ангел! — в Египет.

Звезда низко неслась впереди — светит путь в Египет.

Слава в вышних Богу —
мир на земле!

Пели ангелы вкруг ангела-вестника, перелетали, как звезды.

— — и всё небо кружилось — —

А волхвы вихрем неслись сквозь огни и дымы, через леса, через реки,

через болота, мимо царского города Иерусалима, мимо Ирода-царя к Студеному морю — к Студеному морю-океану, в Лопарскую землю, в студеную полунощную страну чародеев.

И там, в пустынной вещей земле, начертав Христову звезду на волшебном бубне, поднялись волхвы синими льдами и плывут по Студеному морю — по Студеному морю-океану, тихо отходя в вечную жизнь.

* *
*

Проводив волхвов, Ирод притаился в окне, смотрит на дорогу —

по дороге в Вифлеем сквозь вечерний сумрак звездами горят царские короны лопарских царей.

«Волхвы найдут младенца Христа — волхвы вернутся в Иерусалим —

волхвы расскажут ему о младенце — и он, царь, первый пойдет к Христу с поклоном!»

Не поворачивая шеи и дрожа, Ирод вдруг начинал хохотать неожиданно громко баском:

«Он первый пойдет к Христу на поклон — —! Не начнется день, как не будет в живых Христа — царя Христа, который победит всех царей, возьмет все царства, всю землю!»

— Я — царь!

Весь вечер караулит царь волхвов, притаившись у окна.

И ночь. Не возвращаются волхвы. Донесли царю, что волхвы в Вифлееме пропали.

— Пропали?

— нет, не пропали: обманули! —

— Обманули!

— насмеялись! —

— Насмеялись!

— некого и нечего больше ждать! —

«Жив Христос! — Он победит всех царей! — победит Ирода-царя!
— отнимет все царства! — у Ирода-царя отнимет его царство!»

В ярость пришел царь: топал ногами и кричит и плачет —
от обиды,
от бессилья.

И велит царь: идти в Вифлеем и там истребить всех младенцев до двух лет.

*

Барабанный бой и трубы — гремит среди ночи царский город Иерусалим. Площади переполнились народом. По улицам бегут люди: кто-то крикнул: «стреляют из пулеметов!»

С музыкой и песней выступил карательный отряд в Вифлеем.

Звездная ночь морозит крепко. Похрустывал снег под ногами.

В полночь, достигнув Вифлеема, солдаты с музыкой и песнями вступили в город.

И началась расправа.

Дети ничего не знали. Они никаких царей не знают, — ни Ирода-царя, ни сына его. И никаких клятв, никаких заповедей — Ирод ли обманул волхвов, волхвы ли обманули Ирода? — они говорили по-своему и смотрели по-своему «своими глазами». Они улыбались — так улыбаются дети. Они играют, смеются, плачут.

* *
*

— И не было на земле грознее ночи, и нет грознее ночи, и не будет, как

эта вифлеемская ночь в святые дни Рождества — в первый день новой жизни нового завета! —

* *
*

Солдаты врывались в дома и, отрывая у матерей от груди малюток,

свертывали им шею, как цыплятам; других выбрасывали из колыбелек и сонных прихлопывали сапожищем.

Дети просыпались от крика и, ничего не понимая, сами подставляли шею под нож, — и их резали тут же на месте.

Дети, ничего не понимая, хватались ручонками за блестящие сабли — игрушка! — и их резали тут же на месте.

Вытаскивали детей, как котят, на улицу и давили лошадьми, и вешали, и кололи пиками, и разрывали, и топили в проруби, и шпарили, и бросали в костер.

Глубокие сугробы тают от горячей крови. И покрывается земля алой ледяной корой.

Звезды, наливаясь кровью, померкли.

— и не разберешь: скольких годов и каких ребят убивать велено! —

*

По случаю переписи кто-то пустил слух среди детей вифлеемской голытьбы, ютившейся в углах и каморках, будто ночью придут из месткома

«записывать детей на елку!»

Дети постарше не спали ночь: дожидались. И когда пришли солдаты, ребятишки бросились к солдатам: «записать их на елку!»

Петька, внучонок Соломониды, сторoживший весь вечер, задремал на пустой бабушкиной кровати. Вот сквозь сон слышит — шумят на улице! — проснулся, думает: «зовут!» Да на улицу.

Кричит:

— Меня не забудьте!

Чуть не плачет:

никогда он ни на какой елке не был!

Солдат схватил Петьку:

— Не позабудем! — — да винтовкой его —

И, не пикнув, ткнулся Петька носом — и потекла кровь изо рта.

*

Барабанный бой, трубы не могли заглушить отчаянного вопля и крика матерей, и стона, и жалобного горького плача.

— каменное сердце содрогнется от этого детского плача! —

До рассвета шла резня в Вифлееме и в пригородах.

* *
*

— Четырнадцать тысяч младенцев замучены в Вифлееме в эту кровавую ночь в святые дни Рождества — в первый день новой жизни нового завета! —

* *
*

На рассвете выступили солдаты из Вифлеема и пошли в Иерусалим, кровавя дорогу, по пути коня и вола, пастухов, старухи Соломониды и вещих лопарских царей.

Гремит музыка.

А крики и вопль несутся вдогонку — и далеко по всем дорогам разносится плач.

— каменное сердце содрогнется от этого материнского плача! —

* *
*

Фыркала лошаденка.

Слез с саней Иосиф, стал прислушиваться: чудилось старику —

сама земля кричит!

И вспомнил он слова Богородицы:

«Вижу я, дедушка, двух людей: один человек смеется, и я с тем радуюсь — будет у него большая радость; а другой человек плачет, и я с тем горюю — будет у него большое горе».
И понял — предвещавшие земле на новую жизнь:
великую радость
и лютое горе —

Хождение Богородицы по мукам

Забытые Богом

— — и увидела Богородица страшное место — муку несказа́нную:
великую тьму.
И тьма не разошлась по слову Богородицы — и во тьме ничего не разглядела Богородица.
Ангелы, стерегущие муку, говорят Богородице:
«Заказано нам: да не увидят света, пока не взойдет Солнце новое, светлее семи солнц».
Опечалилась Богородица: «когда взойдет Солнце новое!»
И взмолилась она к животворящему престолу Господню — звезда надзвездная: «да разойдется тьма — ей видеть всех мучащихся темною мукою!»
И вот внезапно свет неиздаемый разверз тьму.
«Что, несчастные, вы сделали?» — воскликнула Богородица.

— — жигучий свет — звериный глаз! — волной лелеется — —

А там скорчились: или тяжко голос подать?
«Что же молчите, не отвечаете?» — воззвали ангелы, стерегущие муку, к отчаянным.
А там — терпенья нет, больно: пренебесный свет режет глаза: от века кинуты в тьму — забытые Богом! — век-вечно беспросветно.
«Не поднять нам глаз! Ничего не видим! — кричат со дна муки мученской.
И заплакала Матерь Божия.

— — и была тишина от седьмого неба и до первого — —

А там, на дне муки, там от ее теплых слез прозрели ослепленные тьмою глаза — там, на дне муки, из муки мученской увидели звезду надзвездную.
Авраам — судия над грешными; Моисей — боговидец; Иоанн — предтеча Христов; Павел — восхищенный на третье небо — — ни Авраам, ни Моисей, ни Иоанн, ни Павел — никто, ни один из сходивших во ад, не приходил в темную муку отчаяния. И одна пришла, посетила их в беспросветной тьме — в темном отчаянии Богородица:

«Ты — Покров!»
«Стена необоримая!»

И руки отчаянных, уставшие просить о милости, потянулись со дна последнего мучения.

«Вот они: те, кто не веровал в Духа Святого — в тебя, Богородица, не веровал. Да за то здесь и мучатся!» — сказал Михаил, архистратиг силы небесной, водитель по грозным мукам.

И тьма упала на грешников —
и свет до века погас.

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

Забывшие Бога

«Пойдем, походим еще: хочу видеть все муки!» — сказала Богородица архистратигу, грозных сил воеводе Михаилу.
И сказал Михаил: «Куда хочешь, благодатная?»
«На полночь!»
И взметнулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов — вывели Богородицу с юга на север.

А там — в черной ночи — грозно распростерлась огнистая туча с края на край: там — костры! — стоял одр к одру — великое из огня и пламени ложе —
и много мужей и жен на том огненном ложе.

— — пламенные языки взвивались — —

И, увидев огненную муку, запечалилась Богородица:

«Кто они, несчастные, за что так мучатся?»
«Это те, кто в Христову ночь к заутрене не вставал — те, что забыли Святое Воскресение!» — сказал Михаил, архистратиг силы небесной.
«А кому если встать невмочь? болен, хворый кто? душа болит? душа исходит? за что же так?» — тихо горько спросила Богородица.
И сказал Михаил: «Слушай, Пресвятая Богородица: если дом у кого загорится и с четырех концов охватит пламя — вся душа, весь мир его запылает, и тот сгорит, не вспомнит о Христовой ночи — забудет Воскресение, на том нет греха».
И вздохнула Богородица: «— на том нет греха!»

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

Преисподняя

Неисчислены муки — скорбь нескончаема!
течет река огня негасимого — смола кипит; некроток червь — неусыпающий; бездонные колодези — тьма непросветимая — гроза негреема — скрежет — страх — непрестанные слезы — несказа́нный трепет — неизглаголаны беды — неумолчно стенание — плач неутешим — — и ветер не взвеет: крепко затворены ветры.

«Лучше бы было да не родиться в мир человеку!»
— воскликнула Богородица —

Взметнулись ангелы — от четырех ветров четыреста ангелов — белым светом белых крыльев покрыли: глубокие ямы — бездонные окнища — терновые рвы — кипящую смолу — всё поле мертвенное. И занесли Богородицу из полымя на дорогу в преисподнюю.

*

Тихо горько шла Богородица в преисподнем городе по каменным улицам.

— небо медное, без облак, безросное, плотной тяжелой корой выгибалось над городом —
«Куда хочешь, благодатная?» — спросил Богородицу Михаил, грозный воевода, архистратиг сил небесных.
Ничего не сказала Богородица, не обернулась к грозному водителю.
Тихо горько шла Богородица по каменным улицам преисподнего города.
— черные башенные стены простирались до самых небес —
И стала Богородица у ворот великого темничного здания:
«Радуйся, благодатная, Господь с тобою!» — встретила стража Богородицу.
И стояли поникшие: лица их дочерна измученные и белые крылья опущены.
«Кто вы, несчастные?» — спросила Богородица.
«Мы стражи мук человеческих: стережем мучительства грешников!»
И, припав к ногам Богородицы, сказал один из ангелов:
«Матерь Божия, сжалься над нами! Как стали мы у очага мучительства, свет покинул нас, померкло в глазах. День и ночь бессменно видеть горе человеческое. А когда приходит и к измученным грешникам отдых, и мы подымаем глаза, нет, не покой, это бессилье отчаяния, мертвая боль. И снова вопль и крик — еще резче, еще безнадежнее, и проклятие. И все проклятия падают на нас. Видеть всё, чувствовать, хотеть помочь — — хотим помочь и не можем, помоги нам, Матерь Божия! Муки свидетелей мучения горчее муки наказанных».
«Восстань и бодрствуй! — грозно сказал Михаил, грозный архангел, поникшему ангелу, — или не знаешь: каждому дано дело по силе его. И вам, как крепким из сил, дано тягчайшее. И горе тому, кто не изнесет дела своего до конца».

«Лучше бы было да и самому миру в веках не стоять!»
— воскликнула Богородица —

И пошла она прочь от великого темничного здания, от мрачных ангелов — стражи мучительства.

*

Вся в слезах, закрываясь ладонями, шла Богородица по каменным улицам преисподнего города за заставу —
там буря бушует — зла печаль, плач! там белеет наш родимый снег, а и капельки воды нет охладить запекшиеся уста!
за заставу шла Богородица к геенне огненной, где полмира мучатся грешников.
«Хочу — мучиться — с грешными!»

Богородицу и Матерь Света
в песнях возвеличим!

Христов крестник

В бедности жили люди, в такой крайней нужде, когда и попросить к себе в гости нельзя. А ведь у всякого есть праздник, и без праздника не светла трудная жизнь! И вот родился сын: окрестить надо, а в кумовья и позвать некого. Сидит Иван да Марья: «что с ребенком делать?» Богат если и в силе — все к тебе придут, а рваньем нешто заманишь? Да ропотом тоже не поможешь. А идет мимо странник —

«Позовем странника: странник не откажет!»

А как заглянули в лицо, даже страх стал: без носу и как смерть сама, щерится.

«А как назовем младенца?» — Марья уж и не рада. Да что поделать: некрещеному тоже невозможно!

«Иовом назовем, — кротко ответил странник, — Иов крестник мой».

И окрестили: Иовом назвали младенца. И жалко им стало странника. Видно, и сам он не от радости, а по судьбе:

и кто это знает: за что и для чего человеку такое — в мир ты пришел, и все бегут от тебя?

«Попросим, — говорит Иван Марье, — нашего кума: хоть так посидеть с нами».

Хвать, а его и нет — как и не было.

*

Вырос Иов, спрашивает: где его крестный и кто он такой? Не хотелось рассказывать: жили они уж не так: чего вспоминать? стали поправляться — стало и у них и светло и весело в доме. Это с Иовом пришло, видно, счастье! А Иов пристает: скажи да скажи.

«В бедности мы жили, — сказал отец, — никто к нам и не придет: бывало, да и пригласить совестно, а как ты родился, и в кумовья позвать некого: кто пойдет к нищему! Согласился странник один, окрестили тебя, и с того дня пропал, больше и не видели».

«А вот бы мне повидать его! — задумался Иов, — на Светлый день, как идут из церкви, христосуются с крестным, а мне и не с кем».

«Глупый ты глупый, — сказала мать, — крестный-то твой срамной!»

На заутрене в Пасху стоит Иов в церкви. Все идут и христосуются, он один стоит, и подойти ему не к кому. И вот подходит к нему — —

стал перед ним:

«Христос воскрес, милый крестник мой!»

«Воистину воскрес!» — обрадовался Иов: нашел он крестного!

Крестный взял его за руку и повел — не из церкви, в церкви же по воздуху вверх — на небеса.

Плачут отец и мать: потеряли сына! Сесть разговляться — Иова нет:

Иов пропал.

«Видели вы нашего сына у заутрени?»

Говорят: «Видели: с крестным он христосовался и вместе из церкви вышли. Под стать друг другу, как сверстники».

«Так это какой проходимец увел его: ведь крестный его — старый».

*

Год не было Иова дома — год не было о Иове слуха. Горевали старики о сыне: помириться не могут: пропал! А надо принять беду: неспроста приходит беда, и нет ничего, что бы зря было в жизни — и боль, и напасти; и только кто это знает: за что и для чего человеку такое?

На другой год, в самую Христову заутреню, как идти христосоваться, Иов как от сна очнулся: и на котором месте стоял в церкви, там и стоит. Кончилась служба, приходит он домой.

«Христос воскрес, родители мои!»

Взглянули старики: Иов, сын их! — «Воистину воскрес!»

Расплакались: не ждали ведь, не чаяли! — «Воистину воскрес!»

Спрашивают, где был, где пропадал: целый ведь год!

«И не год — только три часа! И завтра опять пойду».

«Да куда же ты — опять?»

«К Марку богатому: отнести ему надо златницу от крестного. Я ведь нашел крестного, у крестного я и был».

Еще только солнцу взойти, Иов прощается. И не пускали — «хоть бы с нами денек один прожил!» — ушел.

*

Приходит Иов к Марку богатому: сидит Марк у окна, качает в люльке родителей — старые они, ходить не могут.

«Прими, Марк, златницу, корми родителей, тебе на хлеб».

«Не надо мне золота: отымут у меня богатые, засудят судьи».

Вернул Марк деньги Иову. И вышел Иов от нищего — Марка богатого.

Идет Иов путем-дорогою:

— люди дрова перекладывают —

«Бог в помощь, добрые люди!»

«Ой, милый братец, рукавиц на руках нету, и видишь: без сапог, голы мы и босы, оборвались совсем, и от голода силы не стало. Спроси у Господа Бога: долго ли нам горевать?»

Дальше Иов идет:

— женщины воду черпают: из колодца в колодец воду ведрами переливают —

«Бог в помощь, добрые люди!»

«Ой, милый братец, кожа с рук слезла, иззябли. Спроси у Господа Бога: долго ли нам горевать?»

Дальше Иов идет:

— под углом дома старуха: держит дом на плечах —

«Бог в помощь, добрый человек!»

«Ой, милый братец, всю спину разломило: этакую тяжесть день-деньской всё на себе. Спроси у Господа Бога: долго ли мне горевать?»

Дальше Иов идет:

— лежит щука на дороге — вот-вот глаза выйдут — рот разинула —

Пожалел Иов щуку.

И говорит ему щука: «Ой, милый братец, не могу без воды, и поплавать так хочется, не могу жить на земле. Спроси у Господа Бога: долго ли мне горевать?»

И приходит Иов к пещере.

«Здравствуй, крестный! Едва я нашел тебя».

«А где же ты был?»

«Я от Марка богатого».

«Ты всю землю прошел».

«Не берет Марк золота: отнимут, говорит, богатые, засудят судьи».

«Хлеба снеси ему».

«А когда шел я, попались мне люди: дрова перекладывают — очень мучаются, оборванные и голодные».

«Пускай перекладывают до века: зачем дрова воровали — обидой, клеветой, своим черствым сердцем отымали тепло у сердца!»

«Встретил я женщин: переливают воду из колодца в колодец: иззябли».

«Пускай переливают до века: зачем воду в молоко подливали — обманывали, обольщали сердце!»

«Еще встретил я старуху: держит дом на плечах».

«Пусть держит до века: зачем подслушивала под окнами — ссорила и разлучала!»

«Еще видел я щуку: лежит на дороге — перетрескалась вся, от жажды рот разинут, просится в море».

«Жадная, жестокая: пускай выглонет сорок кораблей, будет в море!»

Иов хотел было идти и передать слова крестного всем измученным: они там на дороге ждут его.

«Милый мой крестник, — остановил крестный, — есть у Загорного царя дочь, царевна Магдалина: возьми ее замуж. Я вас обвенчаю».

Простился Иов и пошел из пещеры назад той же дорогой.

Приходит Иов к щуке.

Обрадовалась: «Ну, что, милый братец?»

«А выплюнь ты сорок кораблей и будешь в море — свободна!»

Выплюнула щука корабль за кораблем — все сорок кораблей, и поплыла себе в море.

Приходит Иов к старухе: плечом дом держит.

«Ну, что, милый братец?»

«Горюй до века».

Заплакала старуха: «— — до века! когда же?»

Приходит Иов и к тем: дрова перекладывают, к оборванным и голодным.

«Ну, что, милый братец?»

«Горюйте до века».

И руки опустились: «— — до века! век вечный?»

Приходит Иов к Марку богатому.

«Марк, вот тебе хлеб».

«Не надо мне: мои родители померли».

Положил Иов на стол хлеб нищему — Марку богатому.

*

Обидно отцу и матери: не живет сын с ними.

«Не на то мы тебя ростили, что тебя дома нет!» — и горько старикам:

«некому будет и глаз закрыть».

Странником в крестного ходит Иов по трудным дорогам — сколько есть радости в мире, и в этом же мире такая невыносная мука:

«И неужто нет срока?» — «И горе — навеки?» — «И какая такая сила — освободиться?»

Говорит Иов отцу и матери: «Есть у Загорного царя дочь Магдалина: крестный просватал мне».

«Магдалину? В гное лежит она, страшно смотреть, ей и еду в окно подают».

Не послушал Иов: Магдалина будет его женою.

Спрашивает Иов: «Можно видеть царевну?»

«Ой, милый братец, — говорит царица, — нельзя к ней: смрад идет».

«Я ее беру в обрученье».

Заплакала мать: «Несчастная она!»

Иов вошел к царевне — царевна лежала навек без надежды. Подняла она глаза безнадежно: никогда уж никого не просила, и в ее сердце последние жалобы острупели.

«Вставай, Магдалина, я, Иов, жених твой!» — и взял ее за правую руку, как невесту.

И вдруг как огонь жарко огнем пыхнуло — и чиста поднялась Магдалина невестой.

В церковь к Преображению Господню повел Иов невесту. Тут их крестный и повенчал: Иова и Магдалину.

«Милые крестники мои, оставляйте эту жизнь, ступайте за мной!» — и повел их из церкви — в церкви по воздуху вверх на небеса.

Прекрасная пустыня

Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!
Пришли тебя зажигать — со мной разлучают.
Я скажу тебе тайно: как люблю тебя, твою густыню, твои очи —
твои очи, что озера, там от берега до берега волна волнится, и тихи и тайны, что пустыня.
А за то полюбил тебя и матерью назвал:
я нашел в твоей дубраве и милость, и правду.
Безмолвная и непразднословна, мудрая и терпелива!
Теперь ты огню предаешься — и я тобою покинут,
ты горишь! — в которую страну посылаешь?
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Я бежал от суетного мира — от вражды и непокоя;
в тебя водворился — в тебе нашел: и правду,
и милость, и защиту.
Тихость твоя безмолвная, палаты твои лесовольные,
спасение мое, мудрость и благодать!
Теперь ты огню предаешься и я уйти от тебя должен,
ты горишь! — в которую страну посылаешь?
и где, на каком месте мне быть?
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Прости меня — прощаюсь с тобой;
благослови меня одному свой век вековать!
Не пойду я искать островов непроходимых,
ни безлюдного безмолвного места, ни земляную пещеру —
благослови меня, мать пустыня, в мир вернуться,
в мир — в суету мирскую.
Я взвихрю себе стрелами волосы,
покрою плечи алым — твои алые зори! — платком,
я пойду по большой дороге, выйду на площадь:
буду о тебе рассказывать — о твоей правде,
милости и защите.
Будут надо мной смеяться, будут бить меня больно —
промолчу, поклонюсь на побои: всё перенесу,
всё претерплю ради правды твоей —
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

В мире есть много несчастных: оскорбленных,
неутешных — горек мир, горюча тоска.
Если утешу — твоим светом утешу:
свет во мне — свет от тебя.
И когда после страдных дней странных
под милый осенний дождик упаду где-нибудь под забором,
ты придешь — ты меня примешь на свои руки:
ты меня не покинешь!
И очи твои будут близко — и я уйду за тобой

с легким сердцем, всем сердцем желая — в жизнь вековую.

Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Сокровище ангелов

Есть в Божьем мире пресветлый рай —
пречистое царство ангелов.
Весь озарен светом Божиим стоит град избранных —
а страж его: великий ангел:
как свет, одежда светлая,
и распростерты крылья белые,
копье в руках.

Там с праведными сирины вкушают золотые яблоки,
поют песни песневые, утешают святых угодников.
Там ни печали, ни воздыхания, там жизнь бесконечная.

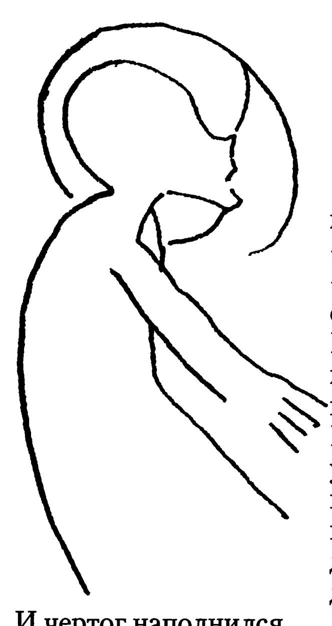
Долог, труден путь протягливый до рая пресветлого.
Много званных на пир в пресветлый рай — —
а не увидели они света Божия — неизбранные —
не дошли до камня рубежного: там сторожит великий ангел:
как свет, одежда светлая,
и распростерты крылья белые,
копье в руках.

Кому же открыты врата райские?
И кто избранный из позванных?

— чистое сердце кипенное, творящее волю Божию —
от Бога избрано;
— сердце, в туче измаявшееся —
от Бога избрано;
— сердце раненое —
от Бога избрано;
— сердце, открытое к людской беде и горестям —
от Бога избрано;

— сердце обрадованное, благословляющее —
от Бога избрано;
— сердце униженное —
от Бога избрано;
— сердце, от обиды изнывшее —
от Бога избрано;
— сердце, пламенное правды ради —
от Бога избрано;
— сердце кроткое —
от Бога избрано;
— сердце, готовое принять и последний грех ради света Божия, ради чистоты на трудной земле в жестоком мире —
от Бога избрано;
— сердце великое Матери Света — Звезда надзвездная! —
восхотевшей с нами мыкаться, с нами горевать и мучиться, с нами — обреченными —
вот сердце — от Бога избранное,
вот кому открыты врата райские.

II. ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

ЧЕРТОГ ТВОЙ

— Идите на вечерю: все готово!
— Мы и рады бы, да сегодня никак невозможно,
— Я никак не могу: дела по горло,
— Не могу, обещал в другое место, дал слово.
И многим слышен был голос, еще многие слышали
голос, но даже не отозвались.
И вестники пошли совсем по другим улицам, вестники
пошли по закоулкам в переулки, совсем по
другим улицам, совсем к другим людям.
И чертог наполнился.
И полон был пир странными гостями.
«Много званных — да мало откликается!»

Ученик

Жил в скиту отшельник. От напряженной духовной работы и одиночества очень он в мыслях смутился и захотел побыть на людях в монастыре.

Да не оказалось свободных келий.

А спасался в монастыре старец — великий светильник. И была у старца небольшая келейка вроде дачи неподалеку от большой его зимней кельи, где жил он.

— Побудь у меня в той летней келье, а отыщешь себе угол, иди с Богом! — сказал старец отшельнику.

Отшельник очень был благодарен старцу и сейчас же в келейку его и перебрался. И повеселел, как и не узнать.

А ведь ничто так не влечет человека к человеку, как обрадованность духа, и эта обрадованность духа в человеке здоровее самого солнца, гор и океана — или так и солнце и горы и океан от той же радости духа, какая влечет человека к человеку и зверя к человеку и человека к зверю, а ангелов к миру!

И стал к нему народ ходить, как к «братцу».

И несли ему все, что могли, желая слышать от него слова или просто посмотреть на него.

И в монастыре среди братии только и было разговору, что об этом отшельнике, поселившемся в келейке старца.

*

А старцу и стало завидно.

«Сколько лет я сижу тут, — думает старец, — и в большом воздержании, а не так приходят ко мне, а этот проныр и дня не высидел, а народ к нему так и прёт!»

И уж молиться старец не может, ни дела духовного делать. Да и куда, — ни молитва, ни дело на ум не пойдут:

такой в монастыре гам стоит, как на праздник в ярмарку.

И сказал старец ученику:

— Иди и скажи тому — немедленно чтоб уходил: келья нужна мне!

Ученик поклонился старцу и пошел.

Да за народом едва уж протиснулся к келейке:

— Старец меня послал справиться о твоем здоровье: как ты себя чувствуешь? хорошо ли тебе?

А отшельник все ведь в уединении, а тут как попал на люди, да нанесли ему всего вволю, грешным делом переел и расстроился.

— Пусть помолится за меня старец: живот больно отяжелел.

Ученик к старцу.

А старец серди-итый! уж и не смотрит.

— Ну? что? этот?

— А говорит: «скажи старцу, поищу другую келью и, как найду, сейчас же, ни минуты не медля, уберусь!»

*

Прошел день, прошел и другой, а этот отшельник, занявший келейку старца, ни с места.

А народ все идет, как на праздник.

И гам стоит еще пуще.

И уж не монастырь, а как базар какой: и песни и драка и всякое безобразие.

Терпел, терпел старец —

нет! нету сил терпеть!

И опять зовет ученика:

— Иди и скажи: если немедленно не уйдет, я сам пойду и выгоню вон!

Ученик поклонился старцу и пошел.

И опять едва дотолкался до кельи.

— Слышал старец, что очень ты болен: сокрушается о тебе!

Послал меня проведать.

— Скажи старцу: ради его молитв у меня перемена — совсем полегчало!

Вернулся ученик к старцу.

А старец и на месте посидеть не может, бегает, трясется.

— — ?

— До воскресенья просится оставить, — сказал ученик, — просит не гнать его: «в воскресенье, говорит, обязательно уйду!»

*

И наступило воскресенье.

А, конечно, отшельник и не думал никуда уходить.

И вот старец взял палку и пошел «жезлом поучить нахала» и уж, конечно, вытурить из кельи.

Ученик к старцу:

— Подожди, отец, дай я наперед пойду: там народ — осудят тебя!

Да сломя голову к келейке —

И руками и чем попало так отшвыривает — думают, бесноватый к братцу! — и просунулся.

— Сам старец идет! хочет просить тебя к себе, в свою келью!

Услышав о такой особой к себе любви старца, оставил отшельник народ и поспешил к старцу навстречу.

И издалека еще начал кланяться старцу:

— Не трудись отец, я сам иду к тебе и прости меня!

— — —

И вот разверзся старцу разум — умилился старец: бросил он на землю палку и, подойдя к отшельнику, поцеловал его.

И взяв за руку, повел с собой.

И радуясь, ввел к себе в келью.

И угощал и беседовал.

И беседуя, полюбил его.

Оказалось, что этот отшельник простой добрый человек, много передумавший в одиночестве: очутившись после одиночества своего на людях, большую радость духа почувствовал он в себе — и вот эта-то обрадованность его и ободряла приходящих к нему страждущих.

И разумея все бывшее, старец позвал ученика своего. И до земли поклонился старец ученику своему и сказал:

— Ты мне отныне будь учитель, я — тебе ученик!

Учитель

Был старец, общему житию отец, и немало иноков проходило путь свой в послушании под его началом.

А был этот старец всякою добродетелью украшен, большой подвижник: подвизался воздержанием, трудился смирением и особенно был милостив и милосерден.

«Господи, — молился старец, — я грешник, но надеюсь на Твои щедроты и уповаю спастись милосердием Твоим, молю Тебя: не разлучи меня от моей дружины ни в этот век, ни в будущий, сподоби со мной вечных Твоих благ!»

И часто так молился старец о своих учениках, прося и себе и им равную долю.

*

В соседнем монастыре был праздник. И зван был на этот праздник старец с учениками.

Старец сперва отказался, но потом раздумался и пошел.

Впереди иноки —

За иконами старец.

И на большой конец иноки обогнали старца.

— — —

Идут они, спешат: не опоздать бы!

А на пути им — нищий лежит: расслабленный в язвах.

Приостановились, стали расспрашивать.

— Волки покусали меня, — с плачем сказал несчастный, — сто шестьдесят два укуса по всему телу вдоль и поперек. Кто же возьмет меня в больницу!

— Что нам с тобой делать, — отвечали иноки, — пеши мы: ни осла, ни коня!

И пошли дальше — спешили: к празднику хотели поспеть!

— — —

Скрылись иноки, показался с палочкой старец: не угнаться ему, да и нездоровилось.

И видит: больной при дороге! — очень удивился:

— Как! разве не проходили тут монахи? — Или они не заметили тебя?

— Стояли — видели — и ушли. «Ничего, — говорят, — поделать не можем, пеши мы: ни осла, ни козла!»

— — — ты понемножечку можешь со мной идти? — спросил старец.

— Нет, не могу.

— Ну, я возьму тебя и уж как-нибудь донесу.

— Куда тебе, это не ближний конец!

— Я тебя не оставлю.

И старец поднял покусанного волками себе на-закорки и, согнувшись червем, понес.

— — —

И сначала показалась старцу тяжесть непомерной — тяжеле человеческой, но с каждым шагом вес убывал, и становилось легче.

А дойдя до монастырских ворот, старец вдруг почувствовал совсем легко — — схватился: а нищего-то и нет — пропал!

И услышал голос, как бы выговаривающий в сердце тайно:

«Вот ты все молишься об учениках, да сподобятся с тобой вечной жизни, а сам видишь: одно дело твое, другое дело их — понуждай их прийти в твое дело! Каждому надлежит воздавать по делам его».

Судия

Спасалось в монастыре два угодных старца: Даниил и Палладий. Учили они слову Божию — «в повелении его ходя день и ночь».

И случилось однажды, шли старцы на духовную работу и видят: мальчишка — голый:

вышел он из бани, помахивает стебельком.

Старцы пустились догонять его — запыхались, а нагнали.

— Чадо, не подобает тебе, будучи столь юным и здоровым, мыться в бане и угождать телу.

Кротко ответил юноша старцам:

— Если бы только телу угождал, Христу не был бы раб.

Тогда Палладий поклонился ему:

— Прости меня, чадо, грешен: по-человечеству согрешил.

Старцы пошли своим путем, юноша — своим.

— — —

И всю-то дорогу — Палладий ничего — но Даниил как сам не свой: и кряхтел-то и охал —

то молитву творит, то отплевывается.

— Ты болен, отец?

— Горе нам! — с горечью сказал Даниил, — поругано из-за этого бесстыжего инока монашеское имя и велик будет срам и укор от людей!

— — — ?

— Видел я мурина, сидящего на его плече и любызающего его; и другого мурина, шедшего перед ним и поучавшего его всякому безобразию; и по стопам его многое множество шло паршивых бесов. Не будь блудолюбив он и плотолюбив, не ходил бы нагишом в баню, на других бесстыдно не взирал бы. Много душ осквернит он, помяни мое слово! А бесам великое веселье! быстыдный этот мальчишка! Не подобает инокам и за самой нужной потребой обнажать свое тело!

И долго не мог успокоиться: и бубнил и гугнил — и духовное дело его не делалось.

*

Вскоре после этого юный инок сотворил блуд с наложницей комиссара, был схвачен его курьерами и безжалостно наказан.

И много стражда, через три дня помер.

И в тот час, как юноша помер, явился старцу Даниилу ангел и сказал:

— Вот душа осужденного тобой юноши: он помер! Ты — судия праведным и грешным, суди его! И что велишь, то и сделаю: мукам предашь — в муку понесу, помилуешь — понесу в блаженство».

Перепуганный насмерть, взмолился старец:

— Господи! пощади меня: согрешил!

И всю-то ночь, не подымая глаз, старец молился —

«ибо есть ли страшнее тяжести и тяжелее суда над душой человека?»

— — —

Наутро, когда старец поднял глаза, ангела с душой юноши и в помине не было, а только воздух благовонный, как от кадила.

Смех

В миру жить суетно: от мирского мятежа не отгребешься, от лукавого шатания не удержишься. И там согрешишь и тут нагрешишь, а потом изволь расплачиваться — и в этом веке и в будущем.

Нет, совсем уйти от мира —

«как хотите, так и живите, Бог с вами!»

И в тишине быть — во спасении.

*

Два старца так и сделали: старец Асаф и старец Меркурий.

В последний раз потолкались старцы по базару, подвязали себе по котомке, запаслись сухариками, да и с Богом — в пустыню.

О, моя пустыня прекрасная!
Твоя тихость безмолвная,
Твои палаты лесовольные —
Спасение мое.
Мудрость.
И благодать.

И в пустыне поселились старцы отдельно — каждый в своей избушке. И лишь в неделю раз ходили друг к другу — «духовной ради беседы».

А жил при старце Асафе отрок: забрел мальчишка в пустыню, попался на глаза старцу, старец его у себя и оставил жить — при себе в работе.

А был этот отрок Варфоломей и тих и кроток и ясен —

сложит так руки, стоит у березок и все словно улыбается!

Старцы отрока очень полюбили, и был он им в утешение, как дитё несмышлёное.

*

В миру жить трудно, суетно.

А в пустыне — пустынно: там находит уныние и тоска, там свое есть — серое горе!

Без отрока старцам куда там прожить было в пустыне!

Тих и кроток и ясен, примется он за рукоделье, поет псалмы и так красно́ — жить весело:

О, моя пустыня — прекрасная!
Твоя тихость безмолвная,
Твои палаты лесовольные —
  Спасение мое.
  Мудрость.
  И благодать.

На неделе сошлись старцы в избушке у Асафа вечерок провести и по обычаю начали разговор о божественном.

Разговорились-то о божественном, да стали примеры приводить и не заметили, перешли к делам житейским: как когда-то в миру жили. Ударились в воспоминания и, тача языком, впали в празднословие и скотомыслие.

Слово за слово, поспорили —

старец Асаф обличает Меркурия,

старец Меркурий корит Асафа.

— Ты, Асафка, начальник блудничный, хля медвежья!

— А ты, Мерка, запалитель содомский, кислядь!

И пошло —

зачесались руки, да вскоча, друг другу в бороды и вцепились.

Долго ль до греха, еще малость и разодрались бы до кровобоя.

Да старец Асаф спохватился — Асаф как «более сознательный элемент» и потише будет Меркурия! — Асаф пришел в чув-

ство первый: выпустил из рук Меркуриеву бороду, да к образам — покаянные поклоны класть.

Тут и Меркурий опамятовался и тоже принялся за поклоны.

И покаялись старцы, помянув грех согрешения своего, и оба отреклись от слов праздных и непотребных, и, прося друг у друга прощение, прослезились.

— Прости меня, Меркур, не хотел я тебя обидеть!

— Бог простит, Асаф, меня прости за дерзновение!

И так это мирно и хорошо стало, хоть опять за божественное берись, начинай философскую беседу, да отрок Варфоломей — — он, бывши со старцами в избушке, сидел тихо, в разговор не встревался и даже во время боя ни разу голоса не подал! — а тут его словно про́рвало: так со смеха и покатился.

Взо́рвало старцев:

«Как же так — дело Божье, каются, а он знай глотку дерёт!»

И бросили старцы каяться, взялись за отрока.

И так его щуняли, что не только что перестал смеяться — куда уж, до смеху ль! — но и совсем притих, в уголок забился, не пикнет.

Видят старцы, что поучили: усрамился мальчишка. Да и жалко: ведь какой был утешный —

сложит так руки, стоит у березок и все словно улыбается!

не наглядишься.

Покликали старцы ласково, приманили его к себе сухариком и стали допрашивать:

— Чего ты смеялся бесстыдно?

— С чего это на тебя такая дурь напала?

— А я такое видел! — отвечал отрок.

И рассказал старцам, какое он видел, и от чего смеялся.

. . . .

Когда старцы вели философскую беседу о божественном — «о законе Господни, о проповеди апостольской, о подвигах отеческих» — видел отрок двух ангелов:

— ангелы тайно на правое ухо нашептывали старцам!

Когда же старцы повели разговор о житейском, ангелы оставили избушку и в избушку вошли бесы — два поджарых беса:

— один бес одному старцу, другой бес другому старцу тайно на левое ухо принялись свое нашептывать — сами шепчут, сами на блокнотах старцеву болтовню записывать: и, исписав блокнот, взялись на себе писать: — — и не осталось и свободного местечка на их вонючем бесовском мясище, все сплошь с рог и до хвоста и с хвоста до кончика было у бесов мелко исписано стоячим почерком!

Но тут старцы в разум пришли, стали каяться и отрекаться от праздных слов и побоя:

— и загорелись тогда у бесов блокноты — и все записанное сгорело!

А когда старцы простили друг друга — — пошел пламень палить — слова, разговоры записанные жечь на вонючем бесовском мясище — и запрыгали бесы, заскакали фокстротом по избушке, и так скакали и такие рожицы корчили, нет, невозможно было не расхохотаться!

Вот отчего он расхохотался!

. . . .

— Ой, чудно́ как плясали! — сказал отрок.

И стоял перед старцами, как стоял у березок, так сложив руки, и словно улыбался, тих и кроток и ясен.

И был дух Господен на нем.

Крепкая душа

Во время службы вошла женщина в глубоком трауре.

С плачем она молилась:

— Оставил меня, Господи, помилуй мя, милосердый!

И от ее крика и вопля и слез старец перестал молиться и, ближе вглядываясь в плачущую, сам растрогался сердцем:

«Вдова, должно быть, трудно живется».

И дождавшись, когда кончится служба, подозвал сопровождавшего ее арапа:

— Скажи своей госпоже, — сказал старец, — есть у меня к ней тайное слово.

Арап передал — и она подошла к старцу.

И старец сказал ей все, что подумал о ней —

— О беде, как от людей она терпит!

— Ничего подобного! ты и не представляешь себе, что у меня за горе.

— Какое же твое горе?

— Я отверженная Богом — с плачем воскликнула она, — вот уж сколько лет, счастье и удача не покидает наш дом, я никогда не болела — ни я, ни мой муж, ни мои дети, и даже курам и козам моим ничего не вредило. И думаю я, за мой грех Бог отвратился от меня, и потому плачу и прошу: пусть посетит меня по своей милости.

И старец, дивясь ее крепкой душе, помолился за нее, готовую принять какую угодно беду.

Власть

Однажды вышел я поохотиться на гору, где спрятаны были большие сокровища из соседних реквизированных монастырей. И вот на дороге я увидел монаха: монах неподвижно сидел за книгой.

Я стал к нему подыматься, думая: разузнаю о тайнике, а его укокошу. Но когда я был совсем близко, монах, не подымая глаз, протянул ко мне руку и сказал:

— Стань!

И я невольно остановился.

И два дня и две ночи стоял я и не мог двинуться с места.

А монах все за книгой неподвижно.

И сказал я:

— Заклинаю тебя словом, которое ты читаешь, отпусти меня!

— Иди с миром! — сказал монах

И тогда только я мог двигать ногами и отойти с места, где два дня и две ночи стоял, как дурак.

Человек

Старец жил в большом молчании — молчальник. А чтобы не тяготить собой ближних и не клянчить милостыню, занимался он рукоделием: коробочки клеил и всяких чудных доремидошек, — доремидошками и пропитание себе добывал.

Однажды стоял старец на базаре с своею работой, а была большая толкучка, и вот кто-то обронил кошелек — и как раз упал кошелек у ног старца.

А было в кошельке тысяча червонцев!

Старец поднял кошелек и, держа его в руке, сказал себе:

«Кто потерял, явится!»

И долго так стоял и дождался: тот — потерявший пришел, жалкий, он шнырял глазами, жалко смотреть.

Старец взял его за руку — и передал кошелек.

И тот, не зная, что и делать от радости, и не зная, как отблагодарить старца, сунул старцу золотой.

Но старец вернул ему золотой.

И тогда тот гаркнул на весь базар:

— Товарищи! сюда! вот как поступил человек!

И стал сбегаться народ, а старец тихонько лататы с базару — чтобы как на глаза не попасться!

А поступил старец так потому, да не соблазнить человека: всякий ведь подымет его на смех и обзовет дураком, что счастье проглупал.

Козлище

К старцу пришел китаец с бесноватым китайцем, прося старца исцелить бесноватого.

Старец помолился, потом сказал демону:

— Выходи из Божьей твари!

И ответил лукавый демон старцу:

— Ладно, за мной дело не станет, только будьте любезны, скажите пожалуйста, кто это — никак не могу разобраться — кто козлище и кто агнец?

Старец очень удивился:

— Козлище! да это я самый, а кто агнец — кто ж его знает!

И услышав ответ старца, воскликнул демон:

— За твое смирение я — — !

И тотчас же вышел вон из бесноватого, дивясь в себе скромности старца.

Чистое сердце

Знал я одного брата, и не плохой он был человек, но необыкновенно ленив: редко когда и в церковь заглянет, а если и придет — к шапошному разбору. Скажу больше — встречал я его и навеселе.

И так, казалось, беспечно прожил он немало времени.

И вот однажды я увидел его: он готовился как на праздник, тихо молясь в своей келье.

И я не мог удержаться и сказал:

— Доброе дело делаешь, брат: давно пора о душе подумать!

Он же необыкновенно радостно мне ответил:

— Я на днях помру, отец!

И через три дня помер.

Нищий

Был один старец, и дан был ему великий дар милостыни: все, что бы ни принесли ему верующие, все он тут же и отдавал.

Шел мимо кельи побиральщик, постучал — просит Христа — ради.

А лежала у старца сдобная витушка, он ее и вынес —

Побиральщик же сказал старцу:

— Не могу я витушки, дайте чего-нибудь из носильного платья: сапожки или рубаху или пиджачишко какой.

Старец, не желая огорчать человека отказом, взял его за руку и повел в келью

И побиральщик ничего не нашел в келье —

оказалось, не было у старца и смены, а только то, что на нем, и все.

И стало ему неловко, больше чем неловко — — развязал он свой мешок посреди кельи, и все вытряхнул, что собрал за день, всю рвань и ветошь и куски и оглодки — —

— Возьмите, пожалуйста, этого добра я себе достану!

Любовь

Один из самых любимых учеников старца помер, и не знал о его смерти старец.

Ударили в колокол, собралась братия, и вынесли покойника в церковь.

Пришел в церковь и старец и, видя любимого ученика своего в гробу, опечалился:

горько ему стало, что не успел проститься перед смертью!

И, подойдя к гробу, сказал старец:

— Встань, брат мой, простимся!

И ученик встал из гроба и поцеловал старца.

И сказал ему старец:

— А теперь спи!

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

«Приди, покажу тебе дела человеческие!»

Я поднялся из своего затвора и силою духа был отведен в лес — в лесу я увидел человека, рубящего дрова:

> рубил человек дрова и, нарубив, захватил большую охапку, чтобы нести. И не мог. Бросил охапку и снова принялся рубить. И нарубив, опять захватил охапку и опять не под силу. И так несколько раз, и каждый раз бросал дрова и начинал снова рубить.

«Вот человек, поднявший большой грех, но по малодушию не может перенести его, а вместо покаяния — прилагает беззаконие к беззаконию, грех на грех».

И очутился я во дворе дома — во дворе я увидел человека у колодца, черпающего воду:

> у колодца стоял человек, черпал воду в утлый сосуд — и вода проливалась в колодец.

«Хочет человек доброе дело сделать. Но душа его ничтожна и мелка. И вот и добрые и никого не утоляют, а льются сквозь душу, как вода».

И отведен я был в третье место — к врагам церкви — у церковных ворот я увидел двух всадников на конях:

> держали они бревно поперек, хотели ввезти в ворота и не могли.

«Вот иго правды, но в руках гордых “партийцев”. Ни один не хочет смириться и переложить бревно — не хочет сознаться в своей ошибке. И оба остаются за вратами».

И я возвратился свой затвор — и было мне на раздуму.

Разумное древо

Сотворив из Адама жену Адама — Еву, Бог ввел их в рай и положил завет.

«Все, что вы видите здесь, для вас уготовано, всякое дерево на ваше наслаждение, от всех насыщайтесь, и лишь одно Разумное дерево на погибель вам. Бегайте его и не касайтесь: прикосновение к нему принесет вам тлю и горечь. Сохранитесь — и избегнете смертного жала и наследите пространство жизни вечной! Вкусите — падением великим падете: горек его плод и смерть прозябает в нем.

Сказал Господь и, благословив человека на райскую жизнь, почил.

И вошел страх в сердце первозданных.

* * *

Разумное дерево — мать деревам стояло посреди рая широколистое, прекраснее всех дерев.

И от корней его истекал источник, насыщая весь рай — великий Океан-река, разливаясь на четыре реки: Фисон, Геон, Тигр и Ефрат.

И звери и птицы и гады — весь рай, все собирались под Разумное древо наслаждаться его красотой.

«Бегите, не касайтесь! бегите, не вкушайте!»

И в сердце рос первородный страх:

> каждую минуту зорко следи за собой, чтобы невольно, нечаянно как не коснуться запретного — матери райских дерев: каждую минуту настороже будь: ступишь неловко — пропал!

В сердце вырастал страх —

страх греха,

страх потерять душу,

страх перед самим собой

И уйти некуда — от себя не уйдешь!

Устрашились первозданные — и райский сад им враждебен стал.

— — —

И тогда Сатана, обернувшись змеем, обольстил Еву, а Ева — соблазнила Адама.

И раздвинув листья, из плодов Разумного дерева вышла белая окликанная смерть и, щерясь, повела дружков за ушко-да-на-солнышко — из вольного рая на утлую землю.

Властелин

Был властелин велик.

Имел он власть над всеми царствами — все властители и цари были подчинены ему — вся земля.

И возгордился властелин и, чтя себя равным Богу, имя свое поставил выше самой судьбы.

* * *

На Коляду — в вечер Рождества — созвал властелин к себе на пир убогих и нищих со всех окрестных стран.

И взяв с собой большие сокровища — серебро и золото — сел на престол перед убогими и нищими.

— Просите у меня, что хотите: я дам вам!

Они же, как один, ответили:

— Дай нам бессмертие!

* * *

И повелел властелин, зная страсти человеческой души — корысть, зависть, сластолюбие — повелел рабам-челядинцам и юношам и девам и всем женам своим и гудцам и свирцам и скоморохам выйти на пиршество, стать круг престола со слонами, конями, верблюдами и крокодилами.

И пир загорелся огнями и кликами.

И резче всякого клика и человеческого и звериного клич самого властелина к убогим и нищим:

— Все это — ваше! Даю вам!

— Дай нам бессмертие — был ответ.

* * *

И тогда по повелению властелина воздвигнут был великий жертвенник: несметные дары от моря, гор и лесов возжены были в честь пирующих.

И юноши и девы, как богов, славили убогих и нищих и, хваля, кланялись убогим и нищим, как царям — земным богам.

Но яд человеческого призрачного счастья — слава и почесть — не отравили душу убогих и нищих.

— — —

— Дай нам бессмертие! — и в третий раз сказали они, как один.

— Да я же сам смертен! — воскликнул властелин и стал, как столп.

И тихость нечаема, как тьма внезапная, покрыла клики и песни и гвар и плеск.

— — — так зачем же ты грабишь и воюешь, порабощаешь народы, смертью казнишь, гоняешься за славой и клевещешь, со-

бираешь богатство, обманываешь и обольщаешь — сколько беды пошло в мир, сколько слез! — и насилию твоему нет конца! И куда хочешь понести награбленное или где хочешь скрыть свои богатства? Не один ли пойдешь в землю?

— Если оставлю поступать так, — гордо ответил властелин, — то и все останется творимое на земле: замрет всякая жизнь!

Они же сказали ему:

— Добру не повелено остановиться, ибо добро от света повелено. А злое — от тьмы есть. Зло и ложь достоит огнем сжечь или сам гореть будешь.

И убогие и нищие покинули пир.

Древняя злоба

Старец, великий в добродетелях и прозорливый, побеждая бесовские искушения и ни во что уж ставя их коварства, дошел до совершенного бесстрастия, обожился духом и чувственно видел и ангелов и бесов и все дела их над человеком.

Видел старец ангелов, видел и бесов.

И не только шапочно знал он всех бесов, но и каждого поименно. И, крепкий в терпении, без страха досаждал им и смеялся над ними, а то и горько пошутит, поминая им небесное низвержение и будущую в огне муку.

— Доиграетесь, — скажет, — несчастные, подпалят вам ужотко хвост!

И бесы, хваля друг другу старца, почитали старца. И уж приходили к нему не искушения ради, а из удивления. И кланялись ему:

> явится в час ночного правила одноногий какой — есть об одной ноге бесы такие, а рыщут так быстро, как мотоциклетка! — прикроется ногой с головкой и стоит в уголку смирно, пока не попадется на глаза старцу, а попался, — поклонится и пойдет.

Вот был какой великий старец!

На сходбище бесовском зашел как-то разговор у бесов о небесных тайнах.

И один бес спросил другого беса:

—А что, товарищ, если кто из нас покается: примет Бог его покаяние или не примет?

— А кто ж его знает! — ответил бес, — это никому неизвестно.

Зерефер же бес, слыша речь бесов, вступил в разговор.

— А знаете, товарищи, — сказал Зерефер, — я пойду к старцу и искушу его об этом.

А был Зерефер сам велик от бесов и был уверен в себе и не знал страха.

— Иди, — сказали бесы, — только трудное это дело, будь осторожен, старец прозорливый, лукавство твое живо увидит и не захочет вопрошать об этом Бога.

Зерефер преобразился в человека.

И солдатом в щегольском френче вышел от бесов к старцу.

* * *

В тот день много было приходящих к старцу — много пришлось старцу принять и беды и горя и глупости. И после вечерних молитв, когда наедине в своей келье размышлял старец о делах человеческих —

в келью постучали.

Старец окликнул —

и поднялся к двери.

— — —

Солдат, переступив порог кельи, с плачем упал к ногам старца — и плач его был так горек и отчаяние так смертельно, что и самое крепкое человеческое сердце не могло не вздрогнуть от таких тяжких слез.

— Что такое? О чем ты так плачешь? — растроганный плачем спросил старец.

— Не человек я! — отвечал солдат,— а сам дьявол! — мои преступления ужасны!

— Чего же ты хочешь? Я все сделаю для тебя, брат мой!

Плач надрывал сердце, смирение человека, в покаянии ровнявшего себя с самим дьяволом, открывало сердце.

— Лишь об одном — одно хочу просить тебя, — сказал солдат, — ты помолись и пусть объявится тебе: примет ли Бог покаяние от дьявола? Если примет от дьявола, то и от меня примет: дела мои — дела дьявола.

— Хорошо, будет так, как просишь, — сказал старец, — поутру приходи, и я тебе скажу, что повелит мне Бог.

* * *

Старец стал на молитву и, воздев руки свои к Богу, много молил, да откроется ему

примет ли Бог покаяние от дьявола?

— — —

И вдруг как молонья предстал ангел:

— Что ты все молишь о бесе? — сказал ангел, — или спятил? ведь это ж бес, искушая, приходил к тебе.

Старец закручинился:

знал он всех бесов и с одного взгляда каждого видел, и вот скрыл от него Бог умысел бесовский.

— — —

— Не смущайся, — сказал ангел, — таково было смотрение Божие. И это на пользу всем согрешающим, чтобы не отчаивались грешники, ибо не от единого из приходящих к Богу не отвращается Бог. И когда явится к тебе бес, искушая тебя, и станет спрашивать тебя, скажи ему, что и его примет Бог, если исполнит он повеленное от Бога покаяние!

И ангел внушил старцу о угодном Богу покаянии.

— — —

Поклонился старец ангелу и восславил Бога, что услышана его молитва.

И сказал ангел, отлетая:

— Древняя злоба новой добродетелью стать не может! Навыкнув гордости, как возможет дьявол смириться в покаянии? Но чтобы не сказал он в день судный: «Хотел покаяться и меня не приняли!» — ты передай ему, пусть исполнит покаяние, и Бог его примет!

* * *

Без сна провел старец ночь в тихой молитве.

Молился старец за род человеческий — за нашу обедованную, измученную землю и за беса, алчущего покаяния.

Рано поутру, рано — еще до звона старец услышал знакомый плач, и плач этот был так горек и отчаяние так смертельно, что и самое крепкое человеческое сердце не могло бы не вздрогнуть от таких тяжких слез.

Солдат стучал под окном и плакал.

Старец узнал его голос и отворил дверь кельи.

— Я молил Бога, как обещал тебе, — сказал старец, — и мне открыл Бог, что и тебя примет, если ты исполнишь заповеданное покаяние.

— Что же должен я сделать?

— Хочешь каяться, так вот что сделай: стоя на одном месте, ты должен три лета взывать к Господу непрестанно во все дни и ночи: «Боже, помилуй мя, древнюю злобу!» — и это скажи сто раз, а другое сто — «Боже, помилуй мя, мерзости запустения!» — и третье сто скажи — «Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!» И когда ты это исполнишь, сопричтет тебя Бог с ангелами, как прежде.

— Нет, этого — никогда! — сказал Зерефер, великий от бесов, бесстрашный, уверенный и гордый, и, дохнув, весь переменился, — и если б я хотел каяться так и спастись, я б это и без тебя давно сделал. «Древняя злоба?» Кто это сказал? — От начала и доныне я славен, счастлив и удачен, и все, кто мне повинуются, счастливы и удачны. И о чем люди просят, как не о счастье и удаче. И какая же «мерзость запустения?» — этот мир со звездами и бурей! и какая «помраченная прелесть?» ведь всякому хочется жить и не как-нибудь, и я даю эту жизнь. Я дал человеку радость, я дал человеку и смерть! Нет, я не могу так себя бесчестить.

И, сказав, бес был невидим.

«Древняя злоба новой добродетелью стать не может!» — уразумел старец слова ангела и с горечью принял их в свое сердце.

Вошь

Был один старец и шла о нем молва, как о праведном человеке. «Праведником» все старца и звали.

Ушел он от мира — от суетных мирских хотений в пустыню и, творя дело души, в уединении жестоко жил и молился в пустыне — во все дни и в самый полуденный зной собирал он камни в пустыне, страдами мучил и истлевал свое тело, и зарывался в болото, и пек себя на солнце, и, обнажаясь, садился на муравьиную ко́чку, а в морозы погружался в прорубь по шейку, пил и ел в меру — больше сухарики да ключевую воду, и до утра

ночь выстаивал на чтении словес Божьих, да «не утолстеют мысли».

И был Богу послух.

А дьявол не отступал от старца.

И все, чего бы ни сделал праведник, все только было дьяволу в смех:

> рассядется ли в муравейник, заляжет ли на припек на солнышко, и уж он, хвастун хвостатый свое чего-нибудь обязательно выкинет, какую-нибудь гадость подстроит — один грех!

Кряхтел старец, облизывался и отплевывался — и горько ему было, и просил он у Бога:

«просветить ум и смысл светом разума — открыть ему сердечные очи!» И приснился старцу вещий сон:

> — — разверзлись райские врата и вошел он в праведный град и сопричтен был к святым угодникам; и когда в веселии наслаждались праведники райским блаженством, увидел он себя покрытым с ног до головы ядреной крепкой вошью — —

Восстав от сна, уразумел старец перст Божий и стал усердно молить Бога:

«да пошлет ему Бог в этом мире от вши претерпенье!»

И услышана была молитва старца.

— — —

И вот ни с того, ни с сего среди бела дня наслана была на него вошь — «мышам подобная» — великое стадо.

И восскорбел старец со скорбящими и восплакался с плачущими и бездомными.

И тогда отступил от него дьявол.

Конь и лев

Занозил себе лев лапу, а старец Герасим вытащил у льва занозу. И благодарный лев не только не захотел съесть старика, а с безмолвием, без всякого своего рыку, стал служить старцу.

В мясопустные дни лев служил старцу с утра весь день:

> и воду возил, и все работы исполнял, какие надо, и к вечеру водил коня на водопой и, напоив коня, приводил назад к старцевой избушке.

Так втроем и жили: старец, конь да лев.

* * *

Старец, видя такую к себе милость Божью, благодарил Бога.

А лев, помня о помощи старца, из всех сил старался угодить старцу.

Но каково было коню? Что чувствовал конь, когда лев водил его на водопой и обратно к избушке?

* * *

Был этот конь — добрый конь: рыжий с белым пятном на лбу. Просвет-конь, звонко топал копытом, играл, а тут — тише воды, ниже травы:

> со львом-то жизнь какая! — ни тебе травы пощипать вольно, ни тебе побегать вольготно: лев так в оба и смотрит, а на уме — чуть что, и съест!
> (Ведь и человек, если что стараться очень начнет, и то жди — всегда наоборот, а лев — зверь!)

И уж вода не вкусна коню, и трава не сладка коню.

И никто не знал, как трудно коню!

* * *

Старец знал, для чего ему лев служит.

И лев знал, для чего он, лев, старцу служит.

А конь ничего не знал:

> для коня старец — старец Герасим, а лев — ле-ев!

И про это тоже никто не знал —

> ни старец, ни лев.

И возненавидел конь льва, а пуще старца.

И одного уж ждал конь и об одном — по своему, по лошадиному — творил Богу молитву и утренюю и вечернюю:

«чтобы освободил его Бог ото льва, прибрал старца!»

Дар рыси

В лесу в келейке жил старец. Уединился он в лесную келью, чтобы, очистив помыслы свои от суеты и сердце от вожделений, делать Божье дело.

> В миру страсти ослепляют человека! И как часто, думая, что делаешь для мира, на самом же деле лишь угождаешь своей страсти, и оттого не только какая людям помога, а еще большая смута бывает

в мире, а в смуте — и у первого твоего друга за рукавом нож спрятан!

Жил старец в лесу, трудясь над собой, и достиг большой чистоты и душевности, и уж от советов его и дел многое бывало облегчение людям в их мудреной жизни и, скажу, в наш горький век.

Старец редко выходил к людям, чаще к нему в лес приходили. И тут, в лесу, перебывали у него всякие — и смущенные, и покаранные совестью, и больные телесно, заболевшие оттого ли, что для их душевного совершенства надо было испытать им большую боль, или оттого, что потрясенная душа их расстраивала и телесную их жизнь. Старец по глазам и слову, обращенному к нему, угадывал силою своего духа недуги приходящих и отпускал от себя с миром.

Раз сидит старец в келейке своей, беседуя с Богом устами своего ясного сердца, и слышит, кто-то стучит.

Окликнул — —

не отвечают.

«Или ему это почудилось?»

И уж задумался старец о горести и обольщении чувств и всей неверности мира.

И опять — —

Нет, ясно: кто-то стучал под дверью.

— Да кто же там?

И пошел, отворил старец дверь — — а там — рысь и с ней детеныш ее: рысь детеныша подталкивала перед собой, а сама лапкой показывала на него.

— Слепенький, мол, рысенок у меня, исцели!

— — —

К старцу приходили люди всякие — и душой изболевшие и от изболевшей души телом расстроенные, а бывали и ниже зверя, ниже гада, ниже червя ползучего, звери же еще ни разу не приходили к нему. Но и появление зверя — этой рыси с детенышем не смутило старца — и разве еще не прозрели человеколюбцы, как часто человек-то, «гордость и венец земной твари», зарождается на свет Божий по духу куда там ниже зверя, гада, червя ползучего!

Сотворив молитву, старец плюнул в слепые глаза рысенку — и к великому счастью матери, рысенок вдруг стал озираться.

— — —

Путь до лесной келейки был неблизкий, рысенок проголодался и мать, первым делом, прилегла тут же у порога и накормила детеныша. А накормив, поднялась и, покивав старцу —

«спасибо, мол, спасибо, тебе!»

побежала домой, помахивая хвостом от счастья, и с ней рысенок ее, не слепыш, а быстрый.

«Какая понятливая!» — подумал старец.

И, благословив отходящий — день чудесный, стал на вечернюю молитву.

* * *

> Мы считаем дни, и дни наши проходят в заботах, мы боимся «случайности» и горчайшей из всех случайностей — смерти, мы живо забываем добро, какое оказывают нам люди, и болезненно помним все дурное и злое, мы обольщаемся счастьем, которое, думаем мы, достижимо в сем веке победой над внешним, и обольщаем других, суля мир и покой в беспокойном и враждующем строе самой жизни нашей, мы лжем себе, чтобы забыться, и лжем другим, чтобы отвлечь их от страшной и невыносимой правды жизни — — ведь жизнь наша и всей твари, от былинки до невидимых духов, волнующих нас и теснимых (эксплуатируемых) нами, ни больше, ни меньше, как постоянное насилие, явное или скрытое, каждого над каждым — слепцы, вопиющие против войны и убийства, как будто бы в мире, в самой «мирной» жизни не то же убийство и война постоянно! — и у кого есть еще глаза и уши и чувства, тот это ясно видит и слышит и чувствует.

Старец увидел и услышал и почувствовал страшную правду жизни и, отрекшись от этой жизни, не вел счет дням и ничего не боялся, старец жил в воле Божьей, не обольщаясь ни счастьем, ни покоем в юдоли труда и неизбежных, ничем не отвратимых напастей, старец не помнил ни добра, ни зла на людях и забыл о рыси и о ее слепом рысенке, прозревшем по его молитве.

И опять сидит старец в своей келье, беседуя с Богом, и слышит: стучат.

Окликнул — —

но никто не ответил.

И на этот раз пошел старец, отворил дверь — и увидел рысь — одну, уж без рысенка:

приподнявшись на задние лапы, положила рысь к ногам старца овечью шкуру.

«Вот тебе за рысенка!»

Старец изумился — он никак такого не ожидал от рыси! И с благодарностью смотрел в небо, для которого создан человек и всякая тварь на земле.

Но, опустив глаза, был изумлен не меньше:

он увидел тут же возле шкуры ободранную овцу — «Господи, за что мне такая мука?» — говорили ее закаченные глаза и весь ужасный ободранный вид;

а рядом с овцой стояла старуха Ефремовна и трясущейся головой жаловалась бессловесно —

«Господи, куда я пойду теперь, последнюю у меня овечку отняли!»

Старец замахал на рысь:

— Не надо мне твоей шкуры, ты погубила овцу, последнее отняла у старухи, не возьму!

Рысь не видела ни овцы, ни старухи и только почуяла, что сделала что-то не так —

и лапкой показывала старцу:

«Не знала, мол, и не собиралась, я только хотела отблагодарить за детеныша!»

И стояла так — и глаза ее рысьи неплаканные наливались слезами:

«Не знала я!»

— — —

И старцу жаль стало зверя.

— Ну, ладно, да вперед, смотри, не делай так!

И опять счастливая — «не сердится старец!» — подала ему рысь лапку на прощанье —

Подержал ее старец за колючую лапку —

— Ну, не сержусь, не сержусь!

И побежала рысь, махая хвостом от счастья.

«Какая неразумная!» — подумал старец.

И благословив отходящий день — чудесный, стал на вечернюю молитву.

* * *

Много приносили старцу всяких даров в благодарность за его помощь: дети приносили игрушки, матери и отцы — рукоделье и хлеб.

И все он отдавал тем, у кого была нужда, но овечью шкуру он никому не отдал: шкура так и осталась лежать в его келье — дар рыси.

То, что могут уразуметь люди, рыси не дано и, принося благодарность, она действовала своим звериным разумом — человеку же дано знать глубины, но свершение глубин и человеку не дано, а только искание и скорбь.

И рысьи слезы были как скорбь человеческая, а скорбь человеческая есть единый свет жизни.

Святая тыква

Был в Иерусалиме человек верен и праведен, именем Иаков. У креста предстоял Иаков на Голгофе перед распятым Христом. И когда воин пронзил копией ребра Христовы — и истекла кровь и вода, видел Иаков, как течет кровь. И, имея в руке только тыкву — как круглая чаша, — взял в нее кровь Христову.

И до смерти своей со страхом и твердостью сохранял Иаков эту тыкву-чашу с кровью Христовой.

По смерти Иакова два старца пустынника приняли святую тыкву.

> По пути в пустыню явился им ангел: «Мир вам, божьи старцы, — сказал ангел, — благовествую вам радость, храните сокровище — кровь Христову, и не возбраняйте дара сего и милости всем приходящим с верою!»

И со всех концов земли приходили к старцам в пустыню — и, как бы ни были одержимы страстью, всякий, с верою приходя, исцелялся.

Когда же наступил час помереть старцам, пришел в пустыню смирный монах Варипсава, и передали старцы Варипсаве святую тыкву.

* * *

И пошел Варипсава из пустыни, ходя из города в город, из страны в страну, по всей земле много чудес творил и исцелений от всякой страсти.

А разбойники, видя великие чудеса, смекнули себе:

— Убьем, — говорят, — монаха, возьмем эту кровь Христову, и будет у нас большое богатство!

И однажды в ночь, как шел Варипсава — нес страждущему миру бессмертный источник: кровь Христову — разбойники напали на него, убили и унесли сокровище.

С того часу пропала святая тыква с животворящей Христовой кровью.

В мире ходит грех — и страждет мир:
родятся на беды,
живут безнадежно,
погибают в отчаянии.
В мире грех вопиет на небо —
безответно!
Вопиют чувства, вопиют дела, вопиют мысли, вопиет сердце — неутоленно.
Боль и болезни, вражда и злоба, неведение и невидение, тупая, неустанная забота о днях гасят последний свет жизни.
Погасающий свет моей жизни вопиет на небо —
Беспросветно!
— — —
Веруй и обрящешь:
Веруй, ступай — делай, ступай — трудись, стучи, ищи — и найдешь; бодрствуй, молись, толкай, — и откроется!

И ты увидишь: воскрыленная подымется на небеса святая чаша с кровью Христовой и свершится — суд утолит твое неутоленное замученное сердце.

РУССКИЕ ПОВЕСТИ

«И я не различал, когда день или когда ночь, но светом неприкосновенным объят был»

Завет

От святой великой соборной церкви — Святые Софии-Неизреченные-Премудрости-Божия шел Варлаам к себе в монастырь на Хутынь.

У великого моста через Волхов народ запрудил дорогу —
тащили осужденного, чтобы бросить его в Волхов.

Увидев осужденного, велел Варлаам слугам своим стать на том месте, где бросать будут, а сам стал посреди моста и начал благословлять народ.

И благославляя, просил за осужденного:
«выдать его для работы в дом Святого Спаса!»

И как один, голосом воскликнул народ:

— Преподобного ради Варлаама, отпустите осужденного и дайте его Варлааму. И пусть помилован будет в своей вине!

И осужденного выдали Варлааму.

И взял его Варлаам с собой и оставил у себя жить в монастыре.

И работая в монастыре, человек этот — преступник осужденный — оказался и работящим и совестливым и никакого зла от него не видели!

Это было у всех на глазах, и каждый благословил дело преподобного Варлаама.

* * *

Случилось и в другой раз, опять, когда шел Варлаам по великому мосту —
вели осужденного, чтобы бросить его с моста в Волхов. Родственники и друзья и много народа с ними, увидя Варлаама, пали перед ним на колени, прося: пусть благословит он народ и отпросит себе осужденного.

— Избавь от смерти!

Но Варлаам, как и не видел никого, как и никаких просьб не слышал, поспешно прошел он через мост, и все его слуги с ним.

— Грех ради наших не послушал преподобный нашей просьбы! — сокрушались родственники и друзья осужденного и сочувствовавший народ.

А другие, припоминая бывшее с тем осужденным, говорили:

— Вот и никто его не просил тогда, сам остановился и начал благословлять народ и отпросил осужденного у супостатов его и народа.

И печалились друзья осужденного:

— Много мы просили его, он отверг наше моление, и за что, не знаем!

Подошел священник, «пoновил» осужденного и, дав ему причастие, благословил его на горькую смерть —

и тогда сбросили осужденного в Волхов.

У всех это осталось в памяти — и много было скорби в народе.

* * *

От святой великой соборной церкви — Святые Софии-Неизреченные Премудрости Божия шел Варлаам к себе в монастырь на Хутынь.

И у великого моста народ, увидя его, приступил к нему.

— Отчего так: первого того осужденного — за него никто тебя не просил! — и ты избавил его от смерти и позаботился о нем, и вот он живет! А другого ты отверг и не внял просьбе ни родственников его, ни народа, заступающего перед тобой, и вот он погиб.

И сказал Варлаам:

— Знаю, вы внешними очами видите только внешнее и судите так, сердечные же ваши очи не отверзты! И вот тот первый осужденник, которого испросил я у народа, был во многих грехах человек и осужден по правде за преступные дела, но когда судьи осудили его, пришло в его сердце раскаяние, а помогающих у него никого не было, и оставалось ему — погибнуть. А тот другой осужденный — неповинный, напрасно осужден был, и я видел, мученической смертью умирает и уж венец на голове его видел, он имел себе высшего помощника и избавителя, и участь его была выше нашей! Но вы не соблазнитесь от слов моих, и одно помните: горе тому, кто осудил неповинного, и еще горше тому, кто не стал на защиту неповинного!

И это памятным осталось на Руси русскому народу.

Царевич Алей

Был великий хан царь Огодай.

Правил Огодай своим царством разумно, и был порядок в его царстве. И быть бы ему довольну, да случилось большое горе:

царица Туракина лежала в проказе.

Печально проходили годы. Не собирал Огодай пиры, как раньше, не затевал игрищ, не тешился потехой.

Кроток вырос Алей царевич. Женился Алей — и опять горе:

царевна Купава сделалсь бесноватой.

* * *

Разумно правил Огодай своим царством, разумные давал законы, и любил Огодай о божественном послушать —

очень хотелось ему Христа увидеть!

Раз прилег Огодай отдохнуть после обеда, лежит себе раздумывает — и видит, откуда ни возмись, птичка! летает посреди палаты, и такая необыкновенная! Смотрит Огодай на птичку и диву дается.

А птичка взлетела под потолок, да как ударит крылом — посыпалась с потолка известка, да пылью Огодаю прямо в глаза — —

и ослеп Огодай.

Ослеп великий хан царь Огодай!

И сумрак покрыл царские палаты. И никому не стало доступа во дворец — крепко затворился Огодай.

И еще печальней потянулись дни.

* * *

А слух уж пошел: стали в народе поговаривать —

«слепотой поражен царь!»

И стало в народе неспокойно.

Призвал Огодай царевича Алея:

— Иди, — сказал сыну, — в дальние земли, да не бери с собой никого: еще станут обо мне рассказывать, о моей слепоте! Один иди, собери дань: на это мы и проживем! Как узнают люди, что ослеп я, придет другой царь и захватит наше царство. А что соберешь, то и будет нам напоследок.

* * *

Пошел царевич Алей в дальние земли — и никого с собой не взял, как отец наказывал ему.

А был Алей очень жалостлив —

жалко ему было слепого отца,
жалко прокаженную мать,
жалко бесноватую жену.

И много тужил он.

В дальней земле нанял Алей себе слуг и собирал дань с «великой крамолой» —

и мало давали ему.

Спешил Алей — и ничего не выходило путно.

А наемные слуги, крамолой возмутив народ, оставили его.

* * *

Жалостью замучилось сердце:

жалко ему было народа, что возмутил он крамолой — жалко наемных слуг, до его прихода мирных людей, обольстившихся легкой наживой и ожесточенных наемным делом —

жалко ему было отца, мать и жену: придет другой царь, возьмет их царство —

«И куда пойдут они: слепой, прокаженная и бесноватая?»

«Кому таких надо?»

«И сам он, чем им поможет?»

«И хоть бы дань собрал — это и было бы им про черный день, а то ничего! И то малое, что дали ему, он отдал, как плату, наемным слугам, а они же, получив деньги, бросили его!»

За городом при дороге сидел царевич Алей один с пустыми руками — —

— и лучше бы ему самому ослепнуть, как отец ослеп!

— быть прокаженным, как лежит мать прокаженная!

— стать бесноватым, как жена бесноватая!

— и лучше бы ему самому быть тем народом, обиженным им через наемных слуг, тем ожесточившимся народом, излившим ожесточение свое и обиду в непокорстве!

— и лучше бы поменяться ему местом со слугами, которых проклинает народ, и, которые, исполняя волю его, за все его же одного и винят!

* * *

И когда так сидел царевич Алей при дороге, покинутый, со своей отчаянной жалостью и уж чернело в его глазах —

и сумрак, кутавший его, был ночнее сумрака, упавшего на отцовский дом;
непрогляднее сумрака, простершегося над обиженным, ожесточенным народом,
удушливей сумрака, обнявшего наемных слуг, промотавших и плату и награбленное.

И когда почувствовал Алей, что один он на земле — кругом один! — какой-то подошел к нему:

— Возьми меня, — сказал он, — я тебя не оставлю.

— А откуда ты?

Странник показал на гору —

там на горе елочки стояли крестами в небо.

— Там. — —

— А как тебя звать?

Странник смотрел на Алея, ничего не отвечая.

— Кто ты?

Странник только смотрел на Алея.

— — —

И Алей протянул руки к нему —

— Ты меня не оставишь?

— В чем твое горе? — спросил странник.

— Я раб великого хана царя Огодая. Послан царем собирать дань. И вот мне ничего не дают. А велено мне собрать дань поскорее.

— Я тебе соберу. Оставайся тут, я пойду в город.

И странник пошел один в город.

А царевич Алей остался. И видел Алей —

свет голубой дорожкой таял по его следу.

* * *

А скоро из города показался народ:

шли по дороге к царевичу, несли дань.

И откуда что взялось — так много было и золота и серебра! — о таком сокровище царевич и не думал!

«И все это для него!»

«И всю эту дань он передаст отцу!»

«И эта дань куда больше той, какую ждет Огодай себе про черный день!»

За богатыми пошла беднота.

И когда последняя старушонка-нищенка Клещевна, истово перекрестясь, положила свою последнюю копейку, поклонилась татарскому царевичу и поплелась назад в город в свой арбатский угол к Власию, царевич Алей стал перед другом.

— Что я могу сделать для тебя!

— То, что я тебе.

— Ну, будем навеки братья!

И царевич подал страннику свой пояс.

И странник, взяв пояс царевича, связал его со своим поясом, и опоясал себя и царевича.

— Это братство, — сказал странник, — более кровного братства рожденных братьев. И как счастлив тот, кто избрал себе брата и был ему верен!

— — —

— Много серебра и золота с нами, — сказал царевич, — пойдем в нашу землю.

И они пошли, два названных брата.

И подошли к ханскому городу, два названных брата.

У берега реки остановились —

— О, брат мой, Алей!

— Я.

— Войдем в воду: омоемся вместе.

— и дивились ангелы на небесах, что сказал Господь человеку: «брат!» —

Странник вошел в реку и с ним царевич Алей.

Странник взял рыбу —

— О, брат мой, Алей!

— Я.

— Ты знаешь силу этой рыбы?

— Нет.

И сказал странник:

— Глаза этой рыбы — от слепоты: стамех — от проказы; желчь — от темных духов.

— — —

И почуял царевич сердцем:

отец ослеп — и вот прозреет!
мать в проказе — и вот очистится!
жена бесноватая — и вот освободится!

И положил он все сокровища — всю дань — и серебро и золото до последней копейки старушонки-нищенки Клещевны к ногам названного брата, взял рыбу и поспешил домой —

в дом печали и боли и отчаяния.

* * *

Желчью коснулся царевич сердца царевны Купавы — и жена узнала его. Перекрестилась Купава:

«Гоподи! как давно она не видела его, потемненная, и вот опять видит!»

— — — !

Стамехом царевич коснулся руки царицы Туракины —

и мать поднялась, как омытая.

— Ты мою душу обрадовал!

— — —

Глазами царевич коснулся глаз Огодая —

и отец прозрел.

— Откуда это?

— — —

И рассказал ему царевич все свои неудачи и все отчаяние свое и как в последнюю покинутую минуту, когда сердце его разрывалось от жалости, подошел к нему какой-то... пожалел его, собрал для него дань и потом побратались они —

«все сокровища он оставил брату, а брат дал ему эту рыбу!»

Великий хан царь Огодай поднялся:

— Пойдем, сын, ведь это был Христос!

* * *

И они поспешно вышли из дворца, царь Огодай и царевич Алей. И пошли по дороге к реке, где оставил царевич названного брата.

Но там его не было.

На берегу лежало сокровище — серебро и золото — но его уж не было.

И, глядя на дорогу, Огодай вдруг увидел:

по дороге к горе, где елочки крестами глядят, шел — — и свет голубой дорожкой таял по его следу.

Великий хан царь Огодай растерзал свои царские одежды и с плачем припал к земле —

Алазион

Молва о попе Сысое, о его верном житии и сердечном проникновенном зрении и добром наказании чад духовных с каждым летом все дальше да шире разносилась народом по большой русской земле.

И кто только ни приходил за покаянием,— какие разбойники! — всех с любовию принимал Сысой и каждого и последнего отпускал от себя с миром —

безвестным ведец,
неведомым объявитель,
помощник печальным,
сподручник и чиститель грешным.

* * *

Узнал о Сысое, о его праведной жизни сам князь Олоний.

А был Олоний зол и лют, губитель и кровопивца, не помнил страх Божий, забыл час смертный, и много от его самовластья и злых дел беды было и скорби и погибели в народе.

И вот задумался Олоний, как ему с своей душой быть!

— черна она была, еще и неспокойна стала!

И много в беспокойстве своем раздумывал князь Олоний.

И чем больше думал, тем неспокойней ему было:

как подступит, да начнет припоминать, одно какое худое дело в память придет, а за ним и другое в голову лезет, и уж назад в душу ничем не вколотишь, не остановишь и никак не забудешь.

И опостылело все Олонию, сам себе — постыл.

И обуяло такое беспокойство, хоть жизни решиться

— уж что ни будет, а хуже того не будет!

И опять слышит князь Олоний о Сысое:

— великие чудеса творит поп — праведен и говеен, и каждого, кто бы ни пришел, и последнего отпустит от себя с миром.

И решает Олоний:

Идти ему к Сысою и во всем открыться, и что ему придумает поп, то он и сделает, только бы прощение получить — покой найти.

Идти ему и каяться, покаяться во всем и начать новую жизнь.

«А что если за его грехи поп не примет покаяния?» — раздумная остановила мысль.

— Ну, если не примет, — сказал Олоний, — так и жизни мне не надо никакой, и уж назад не будет пути!

* * *

Так решил, так и пошел князь Олоний к попу Сысою.

На окологородье жил поп — за городом.

И как увидел Олоний попа, не стало и страха, ни опаски, что не примет поп.

И все рассказал о грехах, все свои злые дела, всю срамотную жизнь, все беспокойство.

Нет, не отверг, принял поп Сысой покаяние и от лютейшего грешника и последнего, каким был Олоний, губитель и кровопивца.

— Надо очиститься от грехов, — сказал поп и наложил эпитимию, — на пятнадцать лет тебе каяться.

— Не могу я, не вынесу: столь долгий срок!

Тогда Сысой наказал Олонию на семь лет,

Но и семь лет показалось много:

ни семь, ни три лета, ни даже три месяца не мог Олоний нести наказания.

— На одну ночь можешь?

— Могу, — легко согласился Олоний.

Конечно, одну ночь он готов как угодно каяться.

— Одну ночь? — переспросил Сысой.

Или не поверил поп, что и вправду готов Олоний и может за одну ночь все перенести.

— Могу, могу и все вынесу! — повторил Олоний.

И в третий раз спросил Сысой:

— Так одну ночь?

Или уж одна ночь тяжче пятнадцати лет?

И все не верилось попу в такую скорую решимость.

— Могу, могу! — и в третий раз подтвердил Олоний и ждал наказания:

он все вынесет,
он все претерпит,
он все подымет за одну покаянную ночь.

Сысой повел его в церковь.

Высока и тесна окологородская церковь Иоанна Предтечи.

Поставил поп аналой посреди церкви, зажег свечу, дал свечу Олонию.

— Ночь в сокрушении сердечном стоять тебе до рассвета и просить крепко от всего сердца за свои грехи!

Сказал поп и пошел.

* * *

Слышал Олоний, как громыхнул замок, —
запер поп церковь.
Слышал Олоний шаги по снегу —
похрустывал снег все тоньше, все тише, все дальше.

И больше ничего не слышал, только огонек свечи — разгораясь, потрескивала свеча, да свое жалкое сердце.

И настал глубокий вечер.
А за вечером вьюжная ночь —
вьюжная, заводила ночь на поле свой перелетный гомон, да звяцающий жалобный лёт.
Со свечой твердо стоял Олоний.
Неустанно много молился о своих грехах, —
обиды и горечь, какой отравлял он народ свой, все припомнил и жалкой памятью терзал себя.
И молил и молил от всего сердца—
— простить.

* * *

А там,

— а там, в пустом поле за болотом, где вьюга вьюнится — улететь ей до неба рвется, летит и плачет и падает на мерзлую землю — там за болотом по снежному ветру собирались бесы на бесовский совет.

Бесы летели — бесы текли — бесы скакали — бесы подкатывали — Все и всякие:

воздушные мутчики первонебные,
как псы, лаялы из подводного адского рва,
как головня, темные и смрадные поганники из огненного озера,
терзатели из гарной тьмы,
безустые погибельники из земли забытия, где томятся Богом забытые,
ярые похитники из горького тартара, где студень люта,
безуветные вороги из вечноогненной неотенной геенны,
суматошные, как свечи блещущие, от червей неумирающих,
зубатые сидни от черного зинутия,
гнусные пагубники, унылы и дряхлы, от вечного безвеселия,
и клещатые от огненной жупельной печи,
и серные синьцы из смоляной горячины.

— Други и братья и товарищи, — возвыл Алазион, зловод старейший от бесов, — вот уходит от нас друг наш! Если вынесет он эту ночь, навсегда мы его лишимся, а не выдержит, еще ближе нам будет, навсегда уж наш. Кто из вас исхитрится ослабить его, устрашит и выгонит вон из церкви?

Всколебалось морем, возбурилось бесовское поле.
И вышел бес —
был он как лисица, одноглазый, и светил его глаз, как синь-камень, а руки — мечи.
— Повелишь, я пойду, я его мигом выгоню вон!
И по согласному знаку моргнул с поля бес в беспутную воющую ночь.

* * *

И в ту минуту увидел Олоний, как на аналое по краешку ползла букашка —

пальца в два мураш, избела серый, морда круглая, колющая.

— — полз мураш по краю, фыркал, — —

И глаза приковались к этой букашке.

— — мураш, шурша колючками, полз и фыркал — —

Олоний все следил за ним и чувствовал, как тяжелеют веки, и мысли тают, и сам весь никнет, вот-вот глаза закроются.

— — мураш полз колющий — —

Олоний закрыл глаза.

И стоял бездумно с закрытыми глазами, будто оглушенный.

— — и слышит, голос сестры окликнул, его окликнул на имя, —

Вздрогнул и обернулся:

сестра стояла и озиралась беспокойно.

И от беспокойных ее глаз кругом беспокойный падал свет на плиты.

Хотела ли поближе подойти, да не решалась, или ждала, чтобы сам он подошел —

сестра его любимая.

— Брат, что же это, без слуг, без обороны, один... Разве не знаешь, как завидуют нам и сколько врагов у тебя: придут и убьют. Пойдем же скорей! Умоляю тебя, уйдем отсюда!

— Нет, сестра, не пойду. Ну, убьют... так и надо. Если уйду, не греха избуду; не избуду греха — какая мне жизнь! Нет, оставь меня, не смущай!

И снова принялся за молитву.

Со свечой твердо стоял Олоний.

О грехах молил он от всего сердца —

и ушла ли сестра, он не слышал,

говорила ли что, он не слышал.

Пламя свечи колебалось, огонек заникал, то синел, и синим выгибался язычком,

что-то ходило —

кто-то дул —

Или ветер дул с воли?

На воле метелило.

* * *

Там — вьюнилось.

Вьюга вьюнится — улететь ей до неба рвется, летит и плачет и падает на мерзлую землю.

Переменился бес опять в лысого беса.

И в беспутной воющей ночи стал среди поля.

— Тверже камня человек тот, не победить нам его!

И взбурилось бесовское поле, взвилось свистом, гарком, говором с конца на конец.

И вышел другой бес —

голова человечья, тело львово, голос — крък.

— Выкрклю, выгоню, будет знать!

Крыкнул бес и с птичьим криком погинул.

* * *

И в ту минуту почувствовал князь Олоний, как что-то сжало ему горло и душит.

Он схватился за шею:

а это гад — черный холодный гад обвился вокруг шеи.

Но гад развернулся и соскочил на аналой,

а с аналоя к иконостасу за образа и пополз —

— — полз выше и выше к кресту — —

И чернее тьмы был он виден во тьме

— — полз запазушный выше и выше к кресту —

— и вдруг вопль содрогнул ночь—

Всполохнулся Олоний и увидел жену:

растерзанная, шла она прямо к нему и сына несла на руках, и ровно смешалась в уме, и уж от плача не могла слова сказать.

Стала она перед ним.

И глаза ее, как питы чаши, наливались тоской.

И огонек от свечи тонул в тоске.

— Помнишь, ты мне говорил: украсишь меня, что Волгу-реку при дубраве, и вот покинул... И меня! и сына! и город! Татары напали на нас, все наше богатство разграбили, людей увели в плен, едва я спаслась с сыном твоим. Ты заступа! ты боритель! смирись, оставь свою гордость, иди, собери, кто еще цел, нагони врага, отыми богатства и пленных...

— На что мне богатства мои и люди! Ничего мне не нужно, и людям не нужен я: одно горе и зло они видели от меня. Нет, не пойду я.

— А я? Ты не пойдешь! Куда мне идти? И твой сын! Не пойдешь? Так вот же тебе!

И она ударила сына о каменные плиты.

И от треска и детского вскрика зазвенело в ушах.

Огонек заметался.

И сердце оледело.

Но Олоний собрал все свои силы и еще тверже стал на молитву.

Со свечой твердо стоял Олоний.

Неустанно много молился:

он молил за свою развоеванную, поплененную землю,
за поруганную стародревнюю веру,
за страждущий в неволях, измученный народ,
и за грех свой тяжкий —
— вот по грехам его Бог попустил беде!
— но пусть этот грех простится ему, и народ станет свободен и земля нарядна и управлена и вера чиста.

И не слышал князь ни вопля жены, ни детского сыновьего крика.

И ушла ли она или без ума в столбняке осталась стоять за его спиной, он не слышал.

И молил и молил от всего сердца—
— простить.

* * *

А там, —

а там, в пустом поле за болотом, бушуя, вьюга валит и мечет — вьюга, взвиваясь до неба, взвивала белые горы и снежные чащи и мраки и мглы — там, в полунощной ночи стал бес среди поля и снова переменился в крыкливого беса.

— Дерз и храбр Олоний!

И взвыл Алазион, зловод, старейший от бесов:

— Или побеждены мы! Кто же еще может и одолеет его?

И взбурилось бесовское поле.

И вышел бес —

был он без головы, глаза на плечах и две дыры на груди вместо носа и уст.

— Знаю, уж ему от меня ни водой, ни землей. Живо выгоню!

И пыхнув, как прах под ветром, исчезнул.

И в ту минуту почуял князь Олоний, как из тьмы поползла гарь —

гарь ела глаза, — и слезы катились.

Но он терпел.

и уж мурашки зазеленели в глазах — вот выест глаза!

Но он все терпел.

— и вдруг слышит, где-то высоко пробежал треск —

И стало тяжко, нечем дышать!

И видит, повалил дым,

из дыма — искры,

и как огненный многожальный гад, взвилось пламя вверх — до округа церковного.

И в ту же минуту кто-то дернул его за руку:

— Пойдем, Олоний, пойдем!

Свеча упала на пол —

и огонек погас.

А с воли кричали и был горек плач:

— Иди, иди к нам!

— Помогите! Помогите!

И от огня окровилась вся церковь:

там черные крылатые кузнецы дули в мехи, раздували пожар.

И какие-то в червчатых красных одеждах один за другим шаркнули лисами в церковь, и лица их были, как зарево.

— Горим, сгоришь тут, иди!

И они протянули руки к нему.

Но Олоний отстранился.

— Нет! Идет суд Божий за грех мой и неправды. И лучше есть смерть мне, нежели зла жизнь!

И опять стал молиться:

— Если суждено мне погибнуть, я сгорю, и Ты прости меня за последнюю минуту!

И закрыл глаза, ожидая себе злую ратницу — смерть.

И стало тихо, лишь на воле разметывала ночь свой перелетный вьюжный гомон, да звацающий жалобный лёт.

Олоний открыл глаза и удивился:

никакого пожара!

И стоял в темноте без свечи, повторял молитву от всего сердца —

* * *

И поднялся Алазион, зловод и старейший от бесов.

И разъярилось и раззнобилось бесовское поле.

Алазион переменился в попа.

И как поп вошел в церковь и с ним подручный бес-пономарь.

Поп велел пономарю ударить в колокол, а сам стал зажигать свечи.

Увидя Олония, с гневом набросился:

— Как смеешь ты, проклятый, стоять в сем святом храме? Кто тебя сюда пустил, сквернитель и убийца? Иди вон отсюда, а то силой велю вывести. Не могу я службу начать, пока не уйдешь!

Олоний оторопел:

или и вправду уходить ему?

И сделал шаг от аналоя —

Но спохватился и снова стал твердо.

— Нет, так отец мой духовный велел мне, и до рассвета я не уйду.

— Не уйдешь!

И поп затрясся от злости:

будь нож под рукой, рассек бы он сердце.

И загудел самозванно привиденный колокол — —

И всю церковь наполнили бесы, и не осталось проста места.

Все и всякие:

воздушные мутчики первонебные,
как псы, лаялы из подводного адского рва,

как головня, темные, и смрадные поганники из огненного озера,
терзатели из гарной тьмы,
безустые погибельщики из земли забытия, где томятся Богом забытые,
ярые похитники из горького тартара, где студень люта
безуветные вороги из вечноогненной неотенной геенны,
суматошные, как свечи блещущие, от червей неумирающих
гнусные пагубники, уныли и дряхлы, от вечного безвеселия,
зубатые сидни от черного зинутия,
и клещатые от огненной жупельной печи,
и серные синьцы из смоляной горячины.

Как квас свекольный разлился свет по церкви
и гудел самозвонно привиденный колокол —

И увидел Олоний:
перед царскими вратами мужа высока ростом и нага до конца, черна видением, гнусна образом, мала главою, тонконога, несложна, бесколенна, грубо составлена, железокостна, чермноока, все зверино подобие имея, был же женомуж, лицом черн, дебелоустнат, сосцы женские...
— Аз — Алазион!

И тогда ветренница, гром, град и стук растерзали бесовскую темность и черность.

Изострились, излютились, всвистнули бесы татарским свистом, закрекотали —
и под голку, крекот, зук и свист потянулись к Олонию —
крадливы,
пронырливы,
льстивы,
лукавы,
поберещена рожа,

неколота потылица,
жаровная шея,
лещевые скорыни,
сомова губа,
щучьи зубы,
понырые свиньи,
раковы глаза,
опухлы пяты,
синие брюхи,
оленьи мышки,
заячьи почки.

И длинные и голенастые, как журавли, обступили Олония, кривились, кричали,

и другие осьмнадцатипалые карабкались к Олонию и бесы, как черви — длинные крепкие пальцы, что и слона, поймав, затащат в воду, — кропотались, что лихие псы из-под лавки, —

скрип! храп! сап! шип!

* * *

Последние силы покидали князя — секнуло сердце:

вырваться и убежать, и бежать без оглядки!

Последние молитвы забывались.

И глаза, как пчелы без крыл — только бесы, только бесы! только бесы!

Но все еще держался —

последние слова — мытарев глас отходил от неутерпчева сердца,

душа жадала.

* * *

Уж на вьюжном поле в последний раз взвьюнилась вьюга и, припав белогрудая грудью к мерзлой земле, замерла.

Шел час рассвета.

И было тихо в поле.

И лишь в лысинах черное былье чуть зыблелось.

И воссияла заря-день.

И все бесы, дхнув, канули за адовы горы в свои преисподние бездны,

в глубины бездонные,
в кипучу смолу
в палючий жар — горячину.

* * *

И вышел Олоний из церкви безукорен и верен.

Сиял, как заря, и светлел, как день, над главой его круг злат.

И благословил его поп Сысой за крепость и победу на новую жизнь — на дела добра и милосердия.

Царь Аггей

От моря и до моря, от рек и до конца вселенной было его царство и много народа жили под его волей.

Стоял царь за обедней и слышит, дьякон читает:

«Богатые обнищают, а нищие обогатятся».

В первый раз царь услышал и поражен был:

«богатые обнищают, а нищие обогатятся».

— Ложь! — крикнул царь, — я царь — я обнищаю?

И в гневе поднялся к аналою и вырвал лист из евангелия с неправыми словами.

Большое было смятение в церкви, но никто не посмел поднять голоса — царю как перечить?

Царь Аггей в тот день особенно был в духе — на душе ему было весело и он все повторял, смеясь:

— Я, царь Аггей, — обнищаю!

И окружавшие его прихвостни, подхалимя, поддакивали.

А те, кто знал неправду царскую, и хотели бы сказать, да как царю скажешь? — страшна немилость.

По обеде затеяли охоту.

И было царю весело в поле. Сердце его насыщалось гордостью.

— Я, царь Аггей, — смеялся царь, — обнищаю!

Необыкновенной красоты бежал олень полем. — И все помчались за ним. — А олень, как на крыльях, — никак не догонишь.

— Стойте, — крикнул царь, — я один его поймаю!

И поскакал один за оленем.

Вот-вот догонит — — На пути речка — олень в воду. Царь с коня, привязал коня, скинул с себя одежду и сам в воду, да вплавь — за оленем —

— Вот-вот догонит.

— — —

А когда плыл царь за оленем, ангел принял образ царя Аггея и в одежде его царской на его царском коне вернулся к свите.

— Олень пропал! Поедемте домой!

И весело промчались охотники лесом.

* * *

Аггей переплыл реку — оленя нет: пропал олень! Постоял Аггей на берегу, послушал. Нет, пропал олень.

Вот досада!

И поплыл назад. А как выплыл, хвать, — ни одежды, ни коня! —

Вот беда-то!

Стал кликать, — не отзываются. — Что за напасть! — И пошел. Прошел немного, опять покликал, — нет никого! —

Вот горе-то.

А уж ночь. Хоть в лесу ночуй. Кое-как стал пробираться. Иззяб, истосковался весь.

А уж как солнышка-то ждал!

Со светом выбрался Аггей из леса — слава Богу, пастухи!

— Пастухи, вы не видали моего коня и одежды?

— А ты кто такой? — недоверчиво глядели пастухи: еще бы, из лесу голыш!

—Я ваш царь Аггей.

— Давеча царь со свитой с охоты проехал, — сказал старый пастух.

— Я царь Аггей! — нетерпеливо воскликнул Аггей.

Пастухи повскакали.

— Негодяй! — да кнутом его.

Пустился от них Аггей, —

в первый раз застонал от обиды и боли!

Едва дух переводит. Пастухи вернулись к стаду. А он избитый поплелся по дороге.

Едут купцы:

— Ты чего нагишом?

А Аггей сказать о себе уж боится: опять поколотят.

— Разбойники... ограбили! — и голосу своего не узнал Аггей:
сколько унижения и жалобы!

Сжалились купцы, — а и вправду, вышел грех, не врет! — кинули с возу тряпья.

А уж как рад-то он был и грязному тряпью, —
ой, не хорошо у нас в жестоком мире! —

В первый раз так обрадовался, и не знает, как и благодарить купцов.

— — —

Голодранцем день шел Аггей, еле жив.

Поздним вечером вошел он в свой Фелуан город.

Там постучит — не пускают, тут попросится — гонят. Боятся: «пусти такого, еще стащит». И одна нашлась добрая душа, какой-то забулдыга пьющий музыкант: «если и вор, украсть-то у него нечего, а видно несчастный!» — принял его, накормил.

Никогда так Аггей не ел вкусно — «советский суп» с воблой показался ему объеденьем. Присел он к печке, обогрелся, —
— ой, не хорошо у нас в жестоком мире! —
отдышался, все молчком, боится слова сказать, а тут отошел.

— А кто у вас теперь царь? — робко спросил музыканта.

— Вот чудак! Или ты не нашей земли? Царь у нас Аггей Аггеич.

— А давно царствует царь Аггей?

— Тридцать лет.

Ничего не понимает Аггей: ведь он же царь Аггей, он царствовал тридцать лет!

«И вот сидит оборванный в конуре у какого-то забулдыги. И никто не признает его за царя. И сам он ничем не может доказать, что он царь. Кто-то, видно, ловко подстроил, назвался его именем и все его ближние поверили. Написать царице письмо, помянуть то их тайное, что известно только ей и ему, — вот последняя и единственная надежда! — по письму царица поймет и обман рассеется».

Агтей написал царице письмо. Переночевал и другую ночь у музыканта. Ну, до царицы-то письмо не дошло! А нагрянули к музыканту «полунощные гости» с обыском и, как пастухи,

жестоко избили Аггея — выскочил он, забыл и поблагодарить музыканта: хорошо еще в чеку не угодил!

И бежал он ночь без оглядки. А вышел на дорогу — кругом один, нет никого.

«Я, царь Аггей, — обнищаю!»

Вспомнил все и горько ему стало.

Был он царем, был богатый — теперь последний человек. Никогда не думал о таком, и представить себе не мог и вот знает:

что такое последний человек!

* * *

Ангел, приняв образ царя Аггея, не смутил ни ближних царя, ни царицу: он был, как есть, царь Аггей, не отличишь.

Только одно забеспокоило царицу: уединенность царя.

— Есть у меня на душе большая дума, я один ее передумаю, и тогда будем жить по-старому! — сказал царь царице.

И успокоил царицу.

И никто не знал, что за царь правит царством, и где скитается по миру царь их Аггей.

А ему надо же как-нибудь жизнь-то свою прожить!

Походил он, походил по жестким дорогам голодом-холодом последним человеком, зашел на деревню и нанялся батраком у крестьянина лето работать. — А крестьянское дело тяжелое, непривычному не справиться! — Побился, побился, — плохо. Видит хозяин, плохой работник, — и отказал.

И опять очутился Аггей на проезжей дороге, кругом один.

И уж не знает, за что и браться. И идет так дорогой, куда глаза глядят.

Встречу странники.

— Товарищи, нет мне места на земле!

— А пойдем с нами!

И дали ему странники нести «коммунальную суму».

И он пошел за ними.

— — —

Вечером вошли они в Фелуан город. Остановились на ночлег. И велели Аггею топить и носить воду. До глубокой ночи Аггей ухаживал за ними.

А когда все заснули, стал на молитву —

и в первый раз молитва его была ясна.

«Вот он узнал, что такое жизнь на земле в сем жестоком мире, но и его, последнего человека, Бог не оставил, и ему, последнему человеку, нашлось на земле место! — он и будет всю свою жизнь до последней минуты с убогими, странными и несчастными: помогать им будет — облегчать в их странной доле! И благодарит он Бога за свою судьбу. И ничего ему теперь не страшно — не один он в жестоком сем мире».

— — —

И когда так молился Аггей в тесноте около нар, там, в царском дворце, вышел ангел в образе царя Аггея из затвора своего к царице —

и светел был его лик.

— Я всю думу мою передумал! Будет завтра у нас пир.

И велел кликать наутро со всех концов странных и убогих на царев пир.

И набралось нищеты полон царский двор.

Пришли и те странники, которым служил Аггей. И Аггей пришел с ними на царский двор.

И поил, и кормил царь странников.

А когда кончилось угощенье и стали прощаться, всех отпустил царь и одного велел задержать — что суму носит, «мехоношу».

И остался Аггей и с ним ангел в образе царя Аггея.

— Я знаю тебя, — сказал ангел.

Аггей смотрел на него и было чудно ему видеть так близко себя самого — «свой царский образ».

— Ты царь Аггей, — сказал ангел, — вот корона тебе и твоя царская одежда, теперь царствуй! — и вдруг переменился.

— — —

И понял Аггей, что это — ангел Господен.

«Нет, ему не надо царской короны, ни царства: он до смерти будет в жестоком мире среди беды и горя, стражда и алча со всем миром!»

И, слыша голос человеческого сердца, осенил его ангел — и с царской короной поднялся над землей.

И пошел Аггей из дворца на волю к своим странным братьям.

И когда проходил он по темным улицам к заставе, какие-то громилы, зарясь на его мешок, убили его. — Искали серебра

и золота и ничего не нашли! — И душа его ясна, как серебро, пройдя жестокий мир, поднялась над землей к Богу.

Балдахал

Ведьма снесла яйцо.

Куда ей? — не курица, сидеть нет охоты, — завернула она яйцо в тряпочку, вынесла на заячью тропку, да под куст.

Думала, слава Богу, сбыла —

А яйцо о кочку коко! — и вышел из него детеныш и заорал.

Делать нечего, забрала его в лапища и назад в избушку. И рос у нее в избушке этот самый сын ее ягиный.

Ну, тут трошка-на-одной-ножке и всякие соломины воромины и гады и птицы и звери и сама старая лягушка хромая принялись за мальчишку во всю — и учили и ладили и тесали и обламывали: и вышел из него не простой человек — Балдахал.

А стоял за лесом монастырь, и спасались в нем святые старцы, и много от них Яге вреда бывало, а Яга на старцев зуб точила.

И вот посылает она свое отродье:

— Пойди, — говорит, — в Залесную пустынь, намыль голову шахлатым: чтоб не забывались!

А ему это ничего не стоит: такое придумает, не поздоровится.

И вот, под видом странника, отправился Балдахал в Залесную пустынь.

*

Монастырь окружен был стеною, четверо ворот с четырех сторон вели в ограду.

И у каждых ворот, неотлучно, день и ночь пребывали старцы караульщики, — у южных Василиан, у северных — Феофил, у восточных — Алипий, у западных — Мелетий.

Балдахал, как подступил к воротам, сейчас же в спор, — и посрамил трех старцев:

— А кто переспорит, того и вера правей!

И бросив посрамленных старцев, напал нечистый на последнего четвертого старца у западных главных ворот.

И день спорят и другой, и к концу третьего дня заслабел старец Мелетий.

Замешалась братия.

И положили молебен отслужить о прибавлении ума и разумения.

Да с перепугу, кто во что: кто Мурину — от блуда, кто Вонифатию — от пьянства, кто Антипе — от зуба.

Ну и пошла завороха.

А уж Балдахал прижал Мелетия к стенке и вот-вот в ограду войдет и тогда замутится весь монастырь.

*

Был в монастыре древний старец Филофей, — прозорливец.

И как на грех удалился старец в пустынное место на гору и там пребывал один в бдении, и только что келейник его Митрофан с ним.

Видит братия, дело плохо: без Филофея ума не собрать ниоткуда, и пустились на хитрость, чтобы как-нибудь дать знать старцу, — сманить с горы.

А случилось, что на трапезу в тот день готовил повар ушки с грибами.

И велено ему было такой ушок сделать покрупнее, да вместе с грибами письмо запечь, да погодя, поставить в духовку, чтобы закалился.

И когда все было готово, подбросили этот каленый ушок к главным воротам на стену перемета. И вот, откуда ни возьмись, орел — и унес ушок.

*

Старец Филофей сидел в своей нагорной келье, углубившись в святое писание. А келейник прибирал келью.

Понес сор Митрофан из кельи, глядь — орел кружит. И все ниже и ниже — и прямо на него: положил к ногам ношу и улетел.

— Что за чудеса!

Со страхом поднял Митрофан каленый ушок да скорее в келью к старцу.

И как раскрыли, а оттуда письмо.

И все там прописано о поруганных старцах и о нечистом.

«Хочет проклятый обратить нас в треокаянную веру! соблазнил трех старцев, за Мелетия взялся и тому не сдобровать».

— Что ж, идти мне придется что ли? — сказал старец.

— Благослови, отец, я пойду! — вызвался келейник.

— Под силу ли тебе, Митрофан? — усумнился старец, — а ну-ка, давай испытаю; я представляюсь нечистым и буду тебя совращать, буду толковать святое писание, неправильно, а ты мне говори правильно!

Митрофан крякнул, подтянул ременный пояс. И, ревнуя о вере, в такой пришел раж — всего-то исплевал старца, и, подняв персты, ничего уж не слушая, вопил:

— Победихом!

Не малого стоило старцу унять Митрофана.

Опомнившись, с сокрушением приступил Митрофан к старцу, прося простить.

Старец сказал:

— Бог простит. Это знамение — победишь проклятого!

И благасловив на прю, дал ему — кота, зеркальце да горстку зерен.

— Гряди во славу!

*

С котом под мышку вышел Митрофан на великую прю.

А уж Балдахал прикончил с Мелетием, вошел в ограду и как у себя в поганой луже в монастырских прудах купается.

— «Пускай де с меня сойдет вся скверна: упрел с дураками!»

Слышит это Митрофан и тут же, на бережку, расположился, достал кувшин, напихал в него всякой дряни да и полощет: обмыть старается.

А ничего не выходит, все дрянь сочится.

Балдахал кричит:

— Дурак, в кувшине сперва вымой!

Задело Митрофана:

— А ты чего лаешь, сам-то себе свое пакостное нутро очисти!

— Экий умник, — рассмехнулся Балдахал, — тебя только не доставало.

И вылез из пруда и, в чем был, книгу в охапку да к Митрофану.

И начался у них спор. И с первых же слов стал нечистый сбивать с толку Митрофана. Растерялся было Митрофан и видит: — мышка указывает усиком Балдахалу по книге. Митроха

за кота: выпустил Варсанофия, — Варсанофий за мышкой. И пошел уж не тот разговор. Да ненадолго. Опять нечистый взял силу.

И видит Митрофан: — голубь ходит по книге, лапкой указывает Балдахалу. Митрофан за зерно, посыпал зернышка — и пошел голубь от книги, ну клевать, наклевался, отяжелел и ни с места. И Балдахал запнулся. Да вывернулся проклятый. И не знает Митрофан, что ему и делать: ни слов нет, ни разуму. И вспомнил тут о зеркальце, да как заглянет — и сам себя не узнал: откуда что взялось!

А Балдахал только глаза таращит, и вдруг поднялся над землей и понесся.

Осенил себя Митрофан крестным знамением и за ним вдогонку — только полы раздуваются да сапог-о-сапог стучит.

И занеслись они так высоко — к звездам: там, где звезды вертятся, и не дай Бог коснуться, завеют, закрутят, и падешь, как камень.

— Эй, — кричит Митроха, — гляди, не напорися!

— А что там? Что такое?

— А вот подбрось-ка туда космы!

Балдахал сгробастал пятерней свои космы, да как запустит — и хоть бы волосок на голове: гола, как коленка.

— Ну, слава Богу, хоть голова-то уцелела!

И раздумался.

Видит, что враг — добрый человек: предостерег.

И удивился. — Тут его Митрофан и зацапал.

*

Кельи в монастыре стояли без запору — так и по уставу, да и не к чему было: разбойники братию не обижали. И только одна книжная казна держалась под замком: чтобы зря книги не трогали да не по уму не брали.

В эту книжную палату и заточил Митрофан Балдахала.

И трое суток держал его, не выпускал.

В первый день, как завалился Балдахал на книги, так до полудня второго дня и дрыхнул, а потом, надо как-нибудь время убить, взялся перебирать книги.

И вот в одной рукописной книге — подголовком ему служила — бросилось ему в глаза пророчественное слово.

А написано было в книге:

«В некое новое лето явится в Залесную пустынь нечестивец, именем Балдахал, и обратит в свою треокаянную веру четырех приваратных старцев — Мелетия, Алипия, Феофила, Василиана, а с ними замутится братия, и один лишь келейник праведного старца Филофея смирит его».

Вгляделся Балдахал в буквы, потрогал пергамент, понюхал — времена древние! — и устыдился.

«И чего я такое делаю, окаянный!»

И давай жалобно кликать.

И когда на его жалкий клич наутро третьего дня пришел Митрофан и с ним старцы и братия, пал Балдахал перед ними на колена, раскаялся и обратился к правой вере.

И перед лицом всего собора дал крепкую клятву переписать все книги, загаженные им в заточении, и новую написать во осуждение бывшего своего нечестия.

В лес же к матери Яге Балдахал больше не вернулся, трудником в монастыре остался — жить при монастырской сторожке.

Камушек

Жил-был старик со старухой. С молоду-то плохо приходилось: навалит беды и обиды, никуда не схоронишься. Очень они роптали на свою жизнь и долю: и сколько ни просят, сколько ни молятся, все по-прежнему, а то и того хуже!

Ну, а потом свыклись и все терпели.

Старик рыбу ловил, старуха рыбу чистила, так и жили.

И до глубокой старости дожили —

дедушка Иван да Митревна старуха.

* * *

Лежит раз дед, спать собирается, а сам все раздумывает:

«и почему одним жизнь дается и легкая и удачная,
а другим не везет и все трудно, и люди, как рыба,
одни мелко плавают, другие глубоко?»

И слышит дед, ровно кто с речки кличет:

«Дедушка Иван! а! дедушка! перевези меня, прекрасную девицу!»

Не хотелось старику вставать, а надо — «мало ли что может быть, несчастье какое!» — и поднялся, да прямо к речке, сел в лодку — и на тот берег.

А на берегу-то и нет никого.

И уж думал старик назад возвращаться и только что взялся за весла, слышит, опять кличет:

«Дедушка Иван! поезжай ниже! возьми меня, прекрасную девицу!»

Старик сажени три проехал и остановился.

А и там нет никого.

«Эка досада, — думает старик, — все-то попусту, только зря взворошился, сон разбередил!»

И только это он подумал, слышит и в третий раз:

«Дедушка Иван! поезжай ниже! возьми меня, прекрасную девицу!»

И опять послушал старик — проехал еще немного.

И нет, никого не видно.

«Или шутит кто?»

И уж взялся за весла — — и вдруг как в лодку стукнет:

«Поезжай домой, дедушка!»

И лодка сама оттолкнулась — и поплыла.

А ведь никого — никого-то не видать старику!

Доехал он до деревни, оставил у берега лодку и домой.

А старуха не спит: забеспокоилась — ждет старика! И рассказал ей старик, как трижды кто-то кликал его, и от берега до берега искал он, кто это кличет.

— В лодку кольнуло: «Поезжай, говорит, домой, дедушка!» А никого нет, не видать. Не знаю, кого я и перевез!

— Надо, старик, поутру посмотреть, что ни есть в лодке! — сказала старуха, — с великого-то ума, может, ты рака какого рогатого перевез на свою голову: я за твоего рака отвечать не желаю!

И до утра все беспокоилась старуха.

* * *

Утром рано, еще все спали, вышел старик на реку и прямо к лодке.

Глядь — — а в лодке икона:

девица с крестом в руке и так смотрит, как живая, жалостно —

«Дедушка, мол, Иван, потерпи еще!»

Взял старик икону да скорее с иконой в избу.

— Вот кого я, старуха, перевез-то!

Обрадовалась старуха:

— Ну, старик, это наше счастье, молись Богу!

И поставили икону в красный угол на божницу, засветили перед ней лампадку — от огонька она еще живее, как живая смотрит.

И ожили старики: теперь им пойдет удача.

— Слушай, старик, помяни мое слово, мы разбогатеем, только не надо из рук упускать!

— — —

А она взяла да и ушла — через трое суток ушла от стариков.

Есть на деревне у берега площадка — она туда и ушла на муравку:

на муравке-то, значит, ей там лучше, на миру, на народе!

* * *

Сорок дней прошло, сорок ночей, лежит старик, не спится ему, все раздумывает:

«и почему одни и не ищут счастья, а им все дается, а другие, сколько ни стараются, а из-под рук, все мимо, и как рыба — и дается, и не удержишь!»

И слышит дед, ровно с реки, как тогда, кличет:

«Дедушка Иван, перевези мой камушек!»

Поднялся старик да на реку в лодку — и прямо к тому самому месту, откуда тогда икону перевез — «прекрасную девицу».

«Я, дедушка, камушек!» — услышал старик.

Стукнуло в лодку, закатилось в нос — и лодка потяжелела.

«Ну, дедушка, пихайся, вези меня домой!»

Старик отпихнул лодку, и поехали, и чем дальше, тем труднее, едва добрался.

«Дедушка, вынеси меня на муравку!» — камушек-то просит.

Пошарил старик в лодке, поймал камень — каменный крест —

а поднять-то и не может!

Так и пошел домой с пустыми руками.

— Надо всем миром! — сказала старуха.

И до утра просидели старики, не спалось им в ту ночь, все о камушке разговаривали: какой он, этот камушек — каменный крест — каменный или серебряный?

— Дедушка, вынеси меня на муравку! — повторял дед, как сказал ему мудреный этот камушек.

У всякого есть свой камушек — свое им вспомнилось, свое тяжелое и горькое — беда, свое невыносное — доля, и как вот, слава Богу, до старости лет дожили и уж пора «домой!»

* * *

Наутро пошел старик народ собирать.

Рассказал старик о камушке.

— Надо всем миром!

И откликнулись: всем народом пошли к речке — всем миром подняли камень и на мураву снесли, на берег.

Там и поставили —

А на камне написано:

«Великая мученица».

И как поставили этот каменный крест, из-под камушка-то ключик и побежал — студеная вода! — и в самую засуху бежит, не высыхает, а и в зиму не мерзнет:

«Ради крестного камушка великомученицы!»

Венец

В Святой вечер шел Христос и с Ним апостол Петр —

нищим странником шел Христос с верным апостолом по земле.

Огустевал морозный вечерний свет. Ночное зарево от печей и труб, как заря вечерняя, разливалась над белой — от берегового угля, нефти, кокса еще белее! — снежной Невой.

Шел Христос с апостолом Петром по изгудованному призывными гудками тракту.

* * *

И услышал апостол Петр: из дому пение на улицу.

Приостановился —

там в окнах свечи поблескивали унывно, как пение.

И вот в унывное пробил быстрый ключ —вознеслась рождественская песнь:

Христос рождается —
Христос на земле!

Обернулся Петр: хотел Христа позвать войти вместе в дом —
а Христа и нет.
— Господи, где же Ты?
А Христос — вон уж где! —
мимо дома прошел Христос — слышал божественное пение, не слышать не мог — и прошел.
Петр вдогон.

Христос рождается —
Христос на земле!

С песней нагнал Петр Христа.
И опять они шли, два странника, по земле.

* * *

По дороге им попался другой дом:
там шумно песня, и слышно — на голос подняли песню,
там смех и огоньки.
— Под такой большой праздник бесстыжие пляшут!
И Петр ускорил шаги.
И было ему на горькую раздуму за весь народ:
«пропасть и беды пойдут, постигнет Божий гнев!»
И шел так, уныл и печален — жалкий слепой плач омрачал его душу. Вдруг спохватился —
а Христа нет.
— Господи, где же Ты?
а Христос — там!
«или входил Он в тот дом и вот вышел?»
Христос там — у того дома:
и в ночи свет — светит, как свет, венец на Его голове.
Хотел Петр назад, но Христос сам шел к нему.
И воззвал Петр ко Христу:
— Я всюду пойду за Тобой, Господи! Открой мне: там Тебя величали, там Тебе молились, и Ты мимо прошел, а тут — забыли Твой праздник, песни поют, и Ты вошел к ним?

— О, Петр, мой верный апостол, те молением меня молили и клятвами заклинали и мой свет осиял их сердце — я всегда с ними! А у этих — сердце их чисто, и я вошел к ним в дом. И вот венец: сплетен из слов и песен — неувядаем, виден всем.

* * *

В Святой вечер шел Христос и с ним Петр.

И в ночи над белой Невой — над заревом от печей и труб сиял до небес

венец.

— пусть эта весть пройдет по всей земле! —

Не из золота, не из жемчуга,
А от всякого цвета красна и бела
И от ветвей Божия рая —
неувядаем венец
от слов и песен чистого сердца.

Прокопий праведный

— Тучи, сестрицы, куда вы плывете?

Отвечали тучи:

— Мы плывем дружиной, милый братец: белые — на Белое море, на святой Соловец-остров, синие — на запад, ко святой Софии-Премудрости-Божией.

На Сокольей горе на бугрине сидел Прокопий блаженный —
благословлял на тихую поплынь воздушных сестер.
Унывали синие сумерки —
там, за лесом уж осень катила золотым кольцом по опутинам,—
синие вечерние, расстилались они, синие, по приволью — зеленым лугам.

*

Он пришел к нам в дальний Гледень
от святой Софии —
от старца Варлаама с Хутыни.
Был богат казною —
и за его казну шла ему слава;

Разделил богатство —
и была ему честь за его щедрость.
И стало ему стыдно перед всем миром; что слывет он хорошим и добрым и все его хвалят! —
и разве не тяжко совестному сердцу ходить среди грешного мира в белой и чистой славе?
И тогда взял он на себя великий подвиг Христа ради
— юродство —
и принял всю горечь мира.
И соблазнились о нем люди.

*

Он пришел в суровый дальний Гледень
от святой Софии.
«Бродяга, похаб безумный!» — так его привечали.
Оборванный, злою стужей постучался он в сторожку к нищим —
нищие его прогнали.
Думал согреться теплом собачьим, полез в собачью конурку —
с воем выскочила шавка, — только зря потревожил! — убежала собака.
Окоченелый поплелся он на холодную паперть.
— Кто его, беспприютного, примет, последнего человека?
— Честнейшая, не пожелавшая в раю быть...
не Она ли, пречистая?
пожелавшая вольно мучиться с грешными,
великая совесть мира,
Матерь Света?
— И вот на простуженной паперти ровно теплом повеяло —
И с той поры дом его —
папертный угол в доме
Пресвятой Богородицы.

*

Шла гроза на русскую землю —
никто ее не ждал
и жили беспечно.

Он один ее чуял, принявший всю горечь мира:
с плачем ходит он по городу,
перестать умоляет от худых дел,
раскрыть сердце друга для.
Суета и забота, — кому его слушать?
и били его и ругали.

И вот показалось:
раскаленные красные камни плыли
по черному небу —
и было, как ночью, в пожар,
и был стук в небесах,
даже слов не расслышать.
Ошалели от страха.
«Господи, помилуй! Спаси нас!»
А он перед образом Благовещения бьется о камни, кричит через гром:
не погубить просил,
пощадить жизнь народу,
родной земле.
И гроза повернула —
каменная мимо прошла туча:
Там разразилась,
там раскололась,
за устюжским лесом
и далеко засыпала камнем до Студеного моря.

*

Он пришел в суровый Гледень
от святой Софии.
И был ему кровом дом
Пресвятой Богородицы.
И когда настал его последний час,
идет он вечером в церковь
к Михайле-архангелу,
а на Михайловом мосту поджидает его смерть.
«Милый братец, ты прощайся с белым светом!»
Сказала смерть
и ударила его косой —.

и он упал на мосту.
И вот тучи-сестры принесли ему белый покров:
в летней ночи закуделила
крещенская метель —
высокий намело сугроб.
И лежал он под сугробом
серебряную ночь.

*

В синем сумраке тихо плыли синие и белые тучи
и, как тучи, плыли реки —
синяя Сухона
и белая Двина.
Зацветала река цветами —
последние корабли уплывали:
одни в Белое море — на святой Соловец остров,
другие ко святой Софии в Великий Новгород.
На Сокольей горе на бугрине сидел Прокопий блаженный —

— Милый братец, помоли о нас:
даруй тихое плавание!
— Милый братец, благослови русский народ
мудростью святой Софии,
совестью Пречистой,
духом Михайлы-архангела!

ОТ ПАТЕРИКА

Обоюдный

Привязанный к столбу по рукам и ногам, я стою у столба перед лицом рая на грани вечной муки. Я вижу солнце — как неслышно идет оно к райскому саду, и опадают листья и другие, весенние, распускаются, как звезды, на темных сплетшихся ветках.

Я вижу землю, зеленая в росной траве горит она в венце из звезд.

Тихо веет из рая, повевает в лицо, наполняя цветами воздух— а в спину мне пышет и жжет из геенского пекла.

И я не могу пошевельнуться — так и стою у столба на перепутье.

«Ради твоего милосердия, — сказал ангел, страж моей души, — ты избавлен от ада, блуда же ради лишен царства небесного!»

И покорный, вздохнув от глубины моего сердца, я вспомнил всю мою блудную жизнь, но дел милосердия — ни одного, никакого.

Покровенный грех

Рано поутру, лишь только ударили к заутрене, в келью к старцу вломилась братия, и в великом волнении, с плачем и ожесточением донесли старцу, что в кельи одного юного брата сидит блудница —

«и всю ночь он творил с ней блуд ненасытно».

— Поди и посмотри! — вопияла братия к старцу.

И со старцем двинулись все в ту келью, к юному брату, где сидела блудница.

На неистовый стук брат отворил дверь — и келья его наполнилась иноками.

Старец же, уразумев, где схоронил брат жену «под спудом», как вошел, так и сел на то место, прикрывая собой блудницу. А братии велел обыскать келью.

И много трудились иноки:

все колени исшмыргали, и рясы исшаркали, заползали к тайным щелям, за печку лазали, под печку совались —

А нет — и нет никого.

И сказал старец:

— Бог да простит! Как мало вы верите ближнему!

И, укоряя иноков, отпустил их.

И когда в келье не осталось ни одного инока, старец поднялся и, взяв за руку брата, сказал:

— Подумай, брат, о душе своей!

И вышел.

И умилился брат и, войдя в страх Божий, сотворял дело своей души.

Испытание

В тот день много было молящихся, и вот припала с плачем к ногам старца женщина, прося защиты:

муж ее два уж года как в тюрьме сидит, а ее хотят продать в Америку!

Стоявший подле старца послушник пленен был красотою женщины и, «погибая от похоти», по уходе ее, в сердечном покаянии открылся старцу.

— Отец, — сказал он, — разве не заметил ты, как прекрасна эта жена, и как мог ты устоять против такой красоты?

Старец же стоял бесстрастный, творя молитву Иисусу.

— Да, и меня коснулось вожделение и душа моя разжигалась, но я смирил ее молитвой. Так и ты, брат, видя разжение плоти, не беги, а смиряй ее, испытуя.

* * *

Ночью того же дня по очищении покаянием лег старец и увидел в видении —

— — красная поляна, осененная высоким деревом и под деревом человек, сидящий в уединении. А из пустыни приближаются к нему лесные звери и гады: зияющие львы, грозоокие медведи, поджарые волки, простирающаяся рысь, ехидные змеи, лютые василиски, усатая скорпия и некий многожнец, имея ног до тысячи и усы, подобные рогам. Когда же сей лукавый легион приблизился к человеку, не захотел человек вступать в борьбу и, оставив посох, спасаясь от врага, забрался на самую верхушку дерева. И, укрепившись стопами на ветках и крепко охватив ствол, смотрел сверху на смятенное воинство чудовищ, раскрывавших пасти и напрасно казавших ему смертоносные жала, зубы, хоботы и рога.

И услышал старец голос:

«Всякий, испытанием укрепляя свою душу, да знает меру сил своих и предел!»

Покаяние

В одном монастыре одна из самых верных сестер, наученная действом дьявола, тайно ушла из монастыря и впала в блуд.

И так, в блуде жила сколько, не обращая внимания.

И вот однажды, раздумавшись, крепко пожелала каяться и решила вернуться в монастырь.

Но уж подойдя к монастырю у самых ворот, она упала — и померла.

* * *

И явил Бог старцу смерть этой несчастной.

Видел старец ангелов, пришедших взять душу блудницы — и бесы шли им во след.

И слышал старец, как пререкались бесы, говоря ангелам:

«Позвольте, наша работа столько лет, наша она и есть!»

Ангелы же говорили:

«Глупые, покаялась она!»

«Да ведь она ж не вошла в монастырь! — радовались, галдели бесы,

— как же вы говорите, что покаялась?»

И отвечали ангелы бесам:

«Так как видел Бог устремление ее сердца, Бог и принял ее покаяние: покаянием она владела, положив его на ум себе, жизнью же Бог владеет».

И, осрамившись, бесы отбежали.

Невера

Был один монах, и лежало на нем дело крещения:

крестил он тех от неверных, кто приходил в монастырь креститься.

Во время же крещения, помазывая миром женщин, монах соблазнялся. И так это мучило, что просто хотел он сбежать. Но всякий раз, когда готов уж был решиться, попадал на глаза старцу.

— Не отходи, брат, — говорил старец, — потерпи, я облегчу тебя в этой борьбе.

И монах оставался.

* * *

Однажды пришла в монастырь молодая персиянка и просила окрестить ее. И была она так «добра телом», что у монаха «все естество восстало» и не в силах он был помазать ее миром. И так это его расстроило, взял он, да и ушел.

— Пропадешь ни за что! — плюнул и пошел вон из монастыря.

И только что вышел из ограды, навстречу старец.

— Возвратись, брат, в монастырь, — тихим голосом сказал старец, — потерпи, я облегчу тебя в этой борьбе.

С гневом ответил монах:

— Нет уж, дудки! Не верю. Сколько раз обещал и ничего не помогает.

Тогда старец усадил монаха в сторонку на камушек и, открыв ризы его, крестным знамением осенил трижды — —

— Хотел я, брат, — сказал старец, — чтобы ты за борение свое дар имел, силу духовную, но ты не хочешь. И вот я освобождаю тебя, но уж дара не будет тебе от этой вещи.

И возвратился монах в монастырь.

* * *

Наутро монах окрестил персиянку — и, помазуя миром, вовсе не заметил, что естеством она — жена.

И потом, сколько лет, крестя, как ничего уж не видел и не помнил, как во сне без сна.

Да так и помер, не заметив.

Покаяние

Один престарелый епископ, о котором шла молва, как о святом человеке, не удержался и впал в блуд.

И вот на соборном богослужении, зная, что грех его для всех тайна, перед всем народом исповедался.

— Я впал в блуд. И больше не могу быть вашим епископом.

И на это все бывшие в церкви с плачем ответили:

— Грех твой пусть на нас будет: останься, не покидай нас!

И много молили его.

И сказал епископ:

— Если хотите, чтобы я остался, сделайте со мной то, что я скажу вам.

И приказал запереть двери.

И когда двери были заперты, он лег у дверей ничком — лицом на камень.

— Всякий, — сказал он, — проходя, пусть попрет меня ногами.

И образовалась очередь.

Вереницей шли от алтаря к дверям, ступая прямо по хребту лежащего ниц епископа.

И когда последний, попирая его, прошел неслышно, как по ковру, — ведь кости расплющились под ногами и хребет стал как мякоть! — епископ поднялся и, как ни в чем не бывало, благословил народ.

Постник

Жил старец в пустыне много лет. И так просветил себя добродетелями и успел в посте, что и на бесов получил власть — изгонять их из человека.

И много народа приходило к нему в пустыню.

А бесы старца невзлюбили:

в самом деле, только что устроишься поудобнее, разложишь вещи и изволь убираться — а квартиры-то менять это только на любителя!

Бесы очень не любили старца.

Но из всех бесов один бес особенно — «Пестик»: за год несчастному душ сто переменить пришлось из-за старца, хоть в дупло лезь! Вот этот самый Пестик очертенелый и вошел в дочь разжившегося нэпмана.

Родители сейчас же к старцу: и то несут ему, и другое, и всяких соленых грибов кадушками и маринадов — просят за дочь.

И помолился старец —

«о бесной отроковице».

Тут Пестику крышка — хочешь-не-хочешь, а вылезай!

А уж ему — вот где этот старец! — выйти-то он вышел, а бежать и не подумал, а тут же у старца в келью в пустой гвоздной пробоине, в клопиное гнездышко, и засел.

Старец его не видит, но дух-то его слышит — и забеспокоился:

Отпустить с родителями дочь опасно, не ровен час, бес и опять в нее вскочит!

И оставил ее у себя в келье —

«пока совершенно не исцелится».

И Пестик остался.

Прошла ночь и другая — все ничего.

А на третью ночь вонищу свою блудную и распустил Пестик по келье, старцу в нос как шибанет — старец не выдержал и «смесился».

А сойдясь с «бесной отроковицей», от страха и отчаяния убил ее, а сам бежать.

И убежал.

А Пестику того только и надо —

— — пи-пи-пи-пи! — и как пузырь: — пык! —

Гуляй на своей воле!

*

В пустыне, каясь, вошел старец в львиную пещеру.

И живя в пещере, каясь, так очистился от своего греха, что не только взял власть, как прежде, изгонять бесов, но и в бездождие по молитве его бывал сильнющий дождь.

И уж бесы его, как креста, боялись.

И не докучали, а далеко обходили —

«чтобы не нарваться на неприятность!»

А имя старцу — Иаков-постник.

Блюдущий

Был один брат, блюдущий себя и великий постник.

Однажды, взбешенный на блуд, выскочил он из монастыря и побежал в город прямо в блудилище.

Но только что вошел он в «обитель» к блуднице и чуть только прикоснулся к ее одежде, как тотчас был покрыт с головы до ног проказой.

И увидев себя в таком безобразном виде, «не скончав и похоти своей», возвратился в монастырь.

— Навел на меня Бог наказание, да спасется душа моя!

И до смерти, быв в проказе, славословил Бога.

Воскресения день

А как с Волги до Поморья, с Поморья до Сурожа печальная вошла тьма в Христову ночь, затаилась без отклика.

«Отчего такая тьма и печаль по русской земле?»

«Это души из пропастей и канав, из-за огненной реки, из загробных темниц — скорбной вереницей

в отпуск на родину за каплей росы омочь уста. И другие — вижу — подымаются с родимых полей: вон — моя мать, вон — мои братья... Еще вижу: да, их очень много: замученные и измаявшиеся — —»

Тьма слепит глаза. Полночь приблизилась.

По церквам подняли хоругви, со свечами выносят запрестольные иконы. Я зажег мою свечку — на весь мир огонек. И в огонь свечей ударил колокол — и свернулась тьма, рассеялась.

«Вижу, среди живых и умершие, а как живые: пришли, не забыли свою родину — “Христос воскрес!” Еще вижу — другие идут — их кровавые слезы стали белыми — “Христос воскрес!”»

И время остановилось.

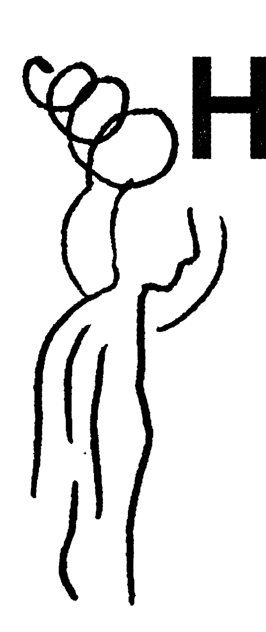
А Трехдневное — Воскресение, омывшись весенней росой, зажигает зарю и ведет ее, нарядную, по талой зазеленевшей земле над пригорками, по-над лесом, край поля — с Волги до Поморья, с Поморья до Сурожа.

А из зари крест — солнце играет. И горит этот крест ярче солнца.

А кто ждет, тот увидит — крест в солнце над русской землей — от восхода солнца до белого дня.

III. СВИТОК

Гнев Ильи Пророка

Необъятен в ширь и даль подлунный мир —
пропастна́я глубина,
высота поднебесная.
Много непроходимых лесов, непролазных трущоб и болот,
много непроплывных рек, бездонно-бурных морей,
много диких горбатых гор громоздится под облаки.
Страшны бестропные поприща —
труден путь.
Но труднее и самого трудного тесный, усеянный колючим терниem,
«путь осуждения»
в пагубу.

На третьем разжженно-синем небе —
за гибкоствольным вязом с тремя враждующими зверями:
гордым орлом,
лающей выдрой
и желтой змеей;
за бушующей рекой-окияном,
за тесной и мутной долиной семи тяжких мытарств,
за многолистной вербой и дальше — —
по вербному перепутью к яблоне,
где течет «источник забвения», —
там раздел дороги.

Под беловерхой яблоней:
с книгой Богородица

и апостол Петр с ключами райскими.
Записывает Богородица
в «Книгу Живых и Мертвых»,
указуя путь
странствующим, отрешенным от тела, опечаленным душам.

Весела и радостна блаженная
цветущая равнина
— огненный поток из васильков! —
И печальна другая — в темных цветах —
«без возвращения».

Не весело лето в преисподней:
скорбь и скрежет зубовный поедают грешников
во тьме кромешной;
и кровь мучеников
— исстрадавших от мира земную жизнь —
проступает — приходит во тьму, как тать, —
нежданная и забытая,
точит укором,
непоправимостью,
жрет червем неусыпаемым.

В бездне бездн геенны
зашевелился Зверь:
злой и лютый,
угрызает от лютости свою конскую пяту,
содрогаясь, выпускает из чрева
огненную реку.

Идет река-огонь,
шумя и воя,
устрашает ад;
несет свою волну —
всё истребить.
И огонь разливается
широколапый, перебирает смертоносными лапами,
пожирая всё.

Некуда бежать,
негде схорониться,
нет дома,
нет матери.
Изгорают виновные души —
припадают истерзанные запекшимися губами
к льдистым камням,
лижут в исступлении ледяные заостренные голыши:
охладить бы воспаленные внутренности!
Нет защиты,
нет утоления.
Архангел!
Грозный — — он
явился не облегчить муки:
грозный, он сносит свой неугасимый огонь:
зажигает ледяные камни — последнее утоление!
Загораются камни —
тают последние надежды.
И оттеняют кольцом,
извиваются, свистят свирепые змеи,
обвивают удавом,
источая на изрезанные огнем, рассеченные камнем рты
горький
свой яд.

Земля!
Ты будь мне матерью,
не торопись
обратить меня в прах!

*
* *

Вышел Иуда из врат адовых — —
кинутый Богом в преисподнюю,
осужден навсегда торчать у самого пекла,
неизменно видеть одни и те же страдания,
безнадежно,
презренный,
забытый Богом Иуда.

Не обживешься.
Прогоркло.
Берет тоска. И дьявольски скучно.

Слепой старичок-привратник позеленевшими губами жевал ржавую
«христопродавку»,
смачивал огненной слюной разрезные листья проклятой прострел-травы.

Иуда подвигался по тернистому пути — —
Темные печальные цветы томили Божий день;
не попадалось новичков. Безлюдье.
Какие-то два чёрта без спины
— с оголенными раздувающимися синими легкими —
дурачась, стегали друг дружку крапивой по живым местам.
И опять некóшные: бес да бесиха.
Больше никого.

— — — —

Странно! У Яблони, где толпами
сходятся души и всегда стоит шум, было тихо.
Три несчастные заморыша,
подперев кулаками скулы, на корточках,
наболевшими глазами — с лиловыми подтеками от мытарских щипков,
застывши смотрели
в ползучий отворотный корень яблони, уходящий —
в бушующую реку-окиан.
Да сухопарая
— не попавшая ни в ад, ни в рай —
зевала равнодушная душа
уставшим зевать квелым ртом.

Склоненная пречистым ликом
над «Книгой Живых и Мертвых»,
опочивала Богородица.
А об руку —
окунув натрудившиеся ноги в «источник забвения»,
спал святой апостол Петр

блаженным сном
крепко.
Свесившиеся на боку на золотой цепочке
райские ключи сияли бесподобным светом —
глазам больно.

Ни ангела, ни архангела,
ни херувима, ни серафима,
ни единого Божьего вестника —
Купаться пошли бесплотные,
отдыхали ли в благоухании,
или разом все улетели к широколистной вербе
на вербное перепутье —
задержать чтобы там из мытарств странников —
не беспокоить Богородицу?

Походил Иуда по жемчужной дорожке
вокруг Богородицы,
заглянул в раскрытую Книгу.
Хотел дерзновенный от Источника умыться —
да свернулась под его рукой
— не поддалась голубая вода! —
очернила кончики пальцев.
Отошел ни с чем.
Повзирал на Яблоню — —
сшиб себе яблоко:
покатилось ябло-
ко
к
но-
гам Петра.
Полез доставать:
ухватил наливное райское — не удержался зломудренный! —
Заодно и Ключи ухватил.

С золотыми райскими ключами
Иуде всюду дорога:
всякий его за Петра примет.

Легко прошел Иуда васильковый путь
— подшвыривал яблоко, подхватывал другой рукой —
гремел ключами.
Так добрался злонравный до райских врат.

— — —

И запели золотые ключи —
пели райские:
отворяли врата.

*
* *

Дело сделано.
Забрал Иуда:
солнце,
месяц,
денницу,
престол Господен,
купель Христову,
райские цветы,
крест и миро.
Да с ношей в охапку
прямо в ад —
в преисподнюю.

И наступила в раю такая тьма,
хоть глаз выколи, ничего не видать.
А в аду такой свет,
так светло, даже неловко.

Вылез из бездны бездн
геенский Зверь,
засел на Господен престол,
вывалил окаянные свои срамные вещи,
разложил богомерзкие по древу креста —
Из купели пищал паршивый бесенок:
тужился как можно больше нагадить —

Плясали черти в венках из райских цветов,
умащались миром,
покатывались горохом от хохота.

Щелкали черти райские орехи —
заводили, богохульные, свои вражьи песни.
Плясали с ними грешники — лакомы, лжецы,
завистники, гневные, чревобесные,
ябедники, сребролюбцы, обидчивые,
лицемеры, тати, разбойники,
душегубцы, богоотступники, гордые, немилостивые,
клеветники, судии неправедные, цари нечестивые,
архиереи, дьяконы, начальники,
скотоложцы и скотоложницы,
рыболожцы и рыболожницы,
птицеложцы и птицеложницы,
и всякий женский пол, бесчинно
убеляющий лицо и оголяющий свои колена.
Плеща друг друга по ладоням, плясали
все семьдесят семь недугов
и все сорок болезней
с хворью,
хилью,
немочью
— павальные, падучие, трясучие —
резь,
грызь,
ломота́,
колотьё.
Плясали черти и грешники,
перевивались
с холерой, чумой, моровой язвой,
болячкой, нарывом, огне́виком,
мозолью, килой, опухолью,
и с вередом,
и с чирьями,
перевиваясь,
топали да подпрыгивали.
Сама Смерть
кувыркалась
долговязая.

Распалялся Зверь:
трещал крест под пудовыми
богомерзкими вещами:
здоровые, как кость,
распухали срамные вещи, вставая, мерзили.

И творилось бесование —
лихое дело.

×

Темь.
Ни зги.
В поле сива коня не увидишь.
Ночь на небесах.

Пробудилась Богородица.
Проснулся апостол Петр.
Не может Богородица ни Книгу чести, ни в Книгу записывать.
Нет у апостола райских ключей.

Плутают души — взывают потерянные.
Шалыми летают ангелы, натыкаются —
теряют перья пречистые,
разбивают свои серебря́ные венчики.

Лезут черти — —
забираются на Яблоню, обрывают золотые яблоки,
топчут копытами заливной луг,
оставляют следы по жемчугу,
напускают нечистого духа в фимиам кадильниц,
пакостят на крылья и ризы ангелам,
наставляют рожки непорочным женам,
приделывают хвосты угодникам.

И сошлись со всех райских обителей и прохладных кущ
все святители и угодники,

чудотворцы, мученики, великомученики,
блаженные, присноблаженные,
страстотерпцы, заступники усердные,
лики праведных жен, лики царей милостивых,
благоразумные разбойники, и пророки, и апостолы.

Спрашивает Господь:
«Кто возьмется из вас, преподобных,
принести мне похищенное?»
Молчат угодники и все святители
— повесили носы —
страшен Иуда с ключами райскими!
Неохота преподобным платиться боками —
люты козни дьявольские.

Лишь один вызывается
Илья Пророк.

Ожесточено сердце пророка:
некогда лживым наветом увлек дьявол Илью
к убийству отца и матери.
Ожесточено сердце пророка:
хочет мстить.

«Дай мне, Господи, гром Твой и молнию:
я достану похищенное, я истреблю
вконец бесовский род».

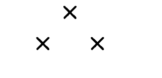
«Молод ты и не силен, —
говорит Господь, —
не по тебе такое оружие!»
И воскликнул Илья:
«Господи, я от моря поднял облако,
сделал небо мрачным от туч и ветра,
низвел большой дождь.
Я словом останавливал росу,
я насылал засуху и голод,
устрашая царя Ахава, сына Амврия.
Я на горе Кармил перед лицом

четырехсот пятидесяти пророков вааловых,
и четырехсот дубровных гордой Иезавели,
посрамляя Ваала, низвел на тельца огонь —
и огонь пожрал всесожжение —
дрова,
и камни,
и прах,
и поглотил воду во рву.

И еще раз я свел огонь и попались пятидесятников
царя Охозии, сына Ахава, посрамляя Веельзевула,
идола аккаронского.
Господи, не Ты ли в пустыне у горы Хорива звал меня,
и не в ветре, не в землетрясении, не в огне,
но в веянии тихого ветра я услышал Тебя?
И в пустыню к Иордану Ты послал за мной
огненную колесницу и коней огненных?
Ты меня взял к Себе — —».

Молчат угодники и все святители —
дуют в ус.

Милосерд владыка Господь —
не попустит Он раба своего:
дает Господь Илье
гром
и молонью.

— — — — — —

грохочет гром,
трещат нещадные стрелы,
гремит преисподняя.

Испепелен ад,
разгромлен Иуда,

сковань цепями.
Отнята добыча,
погас в аду свет,
прикончилась пляска,
скрючились черти.

Ночь.
На небесах солнце,
и месяц,
и денница,
престол Господен,
купель Христова,
райские цветы,
крест и миро.

Грохочет гром,
трещат нещадные стрелы,
гремит преисподняя.
— — — — — — —
Громом стучат колеса:
на летучих огненных конях от края в край
бороздит колесница.

Хлопает,
— бьет бич —
стучит молот,
скользят, колют копья,
колотит каменная палка.

— мстит ожесточенное сердце —

Подбитые, подстреленные низвергаются дьяволы,
падают черти.
И корчится небо от огней — как корчится в огне береста.

Горит огненным шаром
— перебрасывается ханская* красная шапка —

* *Было*: татарская

встает крыльями,
прорезает твердь огненная мантия;
кровавым парусом носится огненная рубаха;
сверкают огненные очи.
Неотвратимыми ст<р>елами развевается синяя борода,
и сечет —
и сечет
синий пламенный меч.

Обвивается небо
Пламенным змием.
Трещат небесные своды,
лопается небо.

— мстит ожесточенное сердце —

Злыми щенками мчатся за колесницей
души детей,
— рожденных по смерти отца —
воя и кусая,
грызут попавшихся дьяволов.

И души цыган не успевают мастерить из снега
зернистый град —
мерами рассыпаются острые градины.

Травит Илья окаянных.

Хлопает
— бьет бич —
стучит молот,
скользят, колют копья,
колотит каменная палка.

Падают черти на землю —
прячутся в гадов, в змеев,
за спины людей,
в кошек, собак,
под шляпки яру́ек.

Встают ветры.
Веет злое поветрие —
Гонятся дикие молоньи — —
Обезумели тучи —
бегут за ветром,
и другие безумные —
прут против ветра.

Загорелись амбары —
го-орит!
Сжигаются нивы,
побиваются градом поля,
разоряются пастбища —
скотина вразброд, побежали, ревут.

Всё смешалось:
телята, быки и коровы,
овцы, козы, бараны,
ягнята, козлы.

Хлещут ливни
— валят копну за копной —
захлещут до корня.

— —

У старых дубов открылись ключи —
текут рекой.
Разливаются реки,
сплываются озера,
мутнеют —
прогорчаются воды,
угрожают потопом.

Гонятся дикие молоньи — —
Сорвались,
летят снесенные вихрем вершины гор,
давят долины —

— ад —
— преисподняя —

— тартар —
— тартарары —

—— ——

содрогнулись стены —
рушатся церковные купола.
И крестом распростертая
в алтаре у престола
черная
— убита громом —
Яга.

«Ты плододавец,
Ты наделяющий,
Ты унимаешь руду-кровь —
уйми, удержи грозу,
положи печать на облаки,
отврати громовый огонь,
отклони,
не направляй на нас,
прости нам
стрелы твои!
Не погуби —
Помилуй —
Пощади мир!
Оставь житницы наши,
рожь и пшеницу,
овес и просо!
Не погуби —
Помилуй —
Пощади мир!

—— —— ——

— тартар —
— тартарары —

——

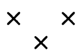
валится лес —
две белые лани из леса —
падают мертвые.

Хлопает
— бьет бич —

стучит молот,
скользят, колют копья,
колотит каменная палка.

Задавлены пчелы, замочен рой;
без листьев деревья, го́ло орешенье;
задушены птицы, побит скот —
ни шерстинки!
Поломан горох, помята капуста;
пожжены амбары,
спалило избы —
тает змеиная свечка:
тают вражьи наветы,
напуски,
чары,
призо́ры —
— —
нет нового хлеба,
нет обнов,
погибла крупа, погиб солод —
не будет ни каши, ни квасу!
Нет житья-бытья,
нет богатства,
нет густой ужинистой ржи!

— мстит ожесточенное сердце —
без жалости,
без милости,
беспощадно.

На третьем разжженно-синем небе забушевала неслыханная буря.
Гнется гибкоствольный вяз, исцарапались звери:
орел,
выдра,
змея.
Гнутся ветви — еле переносят убитых на зеленых плечах.

И тянутся —
не провитав близ земного жилья сорока
положенных дней, через мытарства до Вербы
— по вербному перепутью — к Яблоне
сонмы покаранных душ.
Запружают убитую стопами равнину. Толчея.
Некуда яблоку упасть.

Не успевает Богородица в Книгу записывать,
иступилось перо;
и весы кажут неверно:
согнулись стрелки.

Шаршавый пастушонка Елька
— ни с того ни с сего —
толчется у Яблони:
зарится на золотые яблоки.
И две белые лани,
Яга,
скаредный дух,
скот бессловесный.

Приступает Богородица к Сыну — к Спасу Господу —
говорит Богородица:
«Сыне мой возлюбленный, Иисусе Хресте <так!>,
пощади мир: уйми Илью —
убьет он всех!»

— — —

И бросают ангелы миро варить,
бросают архангелы чистить Христову купель,
пускаются ангелы и архангелы во все концы
— летают за колесницей —
ловят Илью.
Поймать не могут.
Прытки кони — шибко мчатся
с края на край.
Сбилась ханская* красная шапка,
изодрана огненная мантия.

* *Было:* татарская

Наступает архангел —
настигает архангел:
и поражает грозный громовного —
Илью в десницу.

— —

грохочет гром,
трещат нещадные стрелы —
гремит мир,
клокочет ад.
Зыком потрясается поднебесье,
зашатались райские обители.
Свертывались звезды,
как листья,
чернели,
падали в темь.

—

И потащились к престолу Господню со всех райских обителей
и прохладных кущ
все святители и угодники,
чудотворцы, мученики, великомученики,
блаженные, присноблаженные,
страстотерпцы, заступники усердные,
лики праведных жен, лики царей милостивых,
благоразумные разбойники, пророки и апостолы.
Восплакались преподобные:
«Господи, никакого покою нет:
обуздай Илью! разрушит он небо и землю,
погубит весь свет: и нам несдобровать!»
Прослезилась Богородица:
«Уйми Илью!»

И внял Всевышний мольбам праведных,
послушал Пресвятыя Богородицы.
Порешил Всемогущий:
огненную колесницу и коней,
стрелы, бич, копья, меч
и каменную палку —
оставить навсегда у Ильи;

навсегда сделать его
властителем молний и подателем дождя;
на голову же возложить пророку камень
в сорок десятин,
десницу его онегодить
и навек не открывать день памяти его —

И была великая брань
на небеси
и на земле.

×
× ×

Смраден час — невозможный.
Глубокими, как пропасти, устами
глотал ад жертвы погибели
и вскипал смрадом.

В бездне бездн
— где родится и плавится огонь —
в геенне
серебряный столб,
в столбе золотое кольцо:
к золотому кольцу прикован
на цепи
Иуда.
Так и будет — прикован
на цепи —
с петлей на шее до последнего суда,
не тронется ни на единую пядь
из горького пекла.

Бесятся бесы —
завивают лохматые винтом
свой острый кабаний хвост:
с налёта, визжа, сверлят
волосатую блудливую душу.
Зацепили за пуп
плясуна и волынщика,

поддёрнули на железное гвоздьё,
пустили качаться
над раскаленными каменными плитами —
— качался плясун и волынщик —
влеплялись стрелы
в изъеденный коростой
язык балагура —
— — —
грыз дьявол — веревкин чёрт,
заячье сердце и лукавое.
Один черт без спины
— с оголенными раздувающимися синими легкими —
пилит руку
дерзкому хитрому писцу.
— —
Железное дерево с огненной листвой
трепетало,
осыпались огненные листья.
Из темной реки подымался вопль,
и клич,
и визг.
Змеи сосали лицо,
черви точили раны;
двуглавые птицы,
крича,
кружились,
выклевывали глаза.
Дьяволы разжигали железные ро́ги
и проницали сквозь тело.
— — —
Пламя грозит,
душит дым,
падает горящая смола.
Писк,
скаканьё,
сатанинские песни.

Там плач неутешный,
мука вечная
и бесконччинная.

Земля!
Ты будь мне матерью,
не торопись
обратить меня в прах!

Пляс Иродиады

Ударила крыльями
белогрудая райская птица:
пробудила ангелов —
спохватились ангелы,
полетели печальные
на четыре стороны,
во все семьдесят и две страны
понесли весть —

свя-атый ве-ечер!

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

В этот вечер
— святой вечер —
Христос на земле родился,
воссиял ночному миру
мир и свет.

— свя-атый ве-ечер! —

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

Непробудным сном спали волхвы
в теплой просторной избе.
Три золотые короны
— золотые лампады —
теплились на вещих
серебряных головах.

Разморило старые кости:
долог был путь
и труден весьма.
Золото, ладан и смирна
оттянули мудрецам все руки;
ходко шла звезда,
как вела их к вертепу, —
едва поспевали.

И снились мудрым
чудесные вещи:
в сонном видении предстали
три пламенных ангела —
сказали три пламенных ангела:
«Идите, идите, волхвы,
на свою гору Аравию,
не возвращайтесь к царю
Ироду:
не добро на сердце цареви,
хочет царь извести
Младенца.
Идите, идите, волхвы!»

Мигом слетел сон,
будто спать не ложились.

Поднялись волхвы,
помолились звезде,
Младенца поняньчили.
Еще раз поклонились Младенцу,
пастухов пожурили;
и с путеводной
по скользким тропам
отошли иным путем
на гору Аравию в страну свою
персидскую.

И там сели мудрые
в столпы каменны,

и сидят доднесь,
питаясь славословием,
усердно хваля Всевышнего.

— свя-атый ве-ечер! —

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

Вошел гнев в сердце,
разлился по сердцу
Ирода:
— обманутый и осмеянный —
тоска, тревога, страх
медяни́цей жалят сердце;
тоска, тревога, страх
вороном клюют царское сердце

— ибо народился царь иудейский! —

И помрачилась смущенная душа:
посылает царь перебить всех
младенцев
от трех лет и ниже

— ибо народился царь иудейский! —

Замутились непролазные туманы по нагорью —
тутнет нагорное царство.
Ясные звезды и темные
со звездами и полузвездами
затмили свой светло-яркий свет,
держали дороги,
путали перепутья.
— не всплыла святая луна —
рогоногий встал месяц
на ее месте,
и от востока до запада,

от земли до неба
стон
стал.

«О, безумие и омрачение
нечестивых царей!
Нет меры и конца
жестокости».

Колыбели — гро́бы,
не скрипят,
не качаются
липовые,
— нет младенца живого! —
не погу́лить,
не пикнуть
бездыханному.

И плачет мать
— Рахиль неутешная —
не хочет утешиться:
ибо дом ее пуст
и нет детей.

Твердо, как камень, молоко,
а сосцы ее — железо,
а сердце — ад.

Одна Божия Матерь не горюет:
к ее девичьей груди
приливает
теплое молоко;
не тужит.
И увлажняются глаза непорочные
радостью обрадованной
кормящей матери.

Один жив младенец-свят —
один

Исус
Христос!

У седого Корочуна —
— укрыл Корочун странников! —
(на том свете старому
стократы зачтется!)
У седого деда в хлеву
лежит в яслях
Младенец.

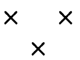
Конь подъел под Ним сено,
топает ногой,
как топал,
когда белый ангел
зажег звезду над вертепом.

Сонно жуют волы жвачку,
не му́кнут,
не шевельнутся —
не чета вороному!

Укоряет коня Богородица:
— Зачем съел всё сено! —
И стелет солому,
повивает сына —

свя-атый ве-ечер!

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

На черной горе,
на семидесяти столпах
златоверхие три белых терема;
вокруг теремов железный тын —

булатные вереи,
на каждой тыминке по маковке,
на всякой маковке по черепу —
не подойти злой ведьме,
не подступиться к теремам
и на семь верст:
не любы ей медные ворота да железный тын —
заворо́жены!
В медных сапогах, в железной одежде
Ирод-царь,
празднует черный казар новолетие —
жатвенный пир.

На царском дворе
запалили костры,
на царском дворе
кипят котлы:
пшеничное вино,
червонное пиво,
сладкие мёды.
Полон дворец гостьми,
— не сосчитать ликом —
битком набиты три терема.

Веселые люди, потешники
— и звонкие гусли гудут —
скоморохи, глумцы, кукольники,
и ловка́ и вертка́
береза́-коза

в лентах бренчит погремушами,
удоноши, зачерненные сажей,
игрецы и косматые хари:
кони, волки,
кобылы, лисицы,
старухи, козлы,
турицы, аисты, туры,
павлины, журавли,
петухи;

— там пляшут со слепой рыжей сучкой —
— вертятся вкруг чучелы с льняной бородой —
— там обвитые мокрым полотном рукопашь борются
с лютым зверем —
— там безволосые прыгают с обезьянкой
через жерди —
— разносят утыканные серебром яблоки —
пожеланья,
визг, драка, возня
и подачки.
Осыпают, осевают зернами,
кличут Плу́гу,
гадают.
И на сивой свинке выезжает сам У́сень
— овсеневые песни —

«Заря-Усень!
Синь-зелен-Овсень!
Приди к нам!
Та́усень, Та́усень!»

— Бьют в заслонки, решота, тазы, сковородки —

И бродят мартыны безобразные
да медведчики с мохнатыми плясовыми,
медведи

непозванные садятся за стол —
беззапретно ковыряют свиную морду,
навально ломают из чистого жита калач,
объедаются румяным пирогом,
лопают пышки-лепешки,
непрошенные пьют крепкую чашу.

Ого-го, коза!
Переминается с ноги на ногу,
поворачивается на копыточках
на серебряных —
и вдруг дрожит серая, что осиновый лист,

дрожит и не с места.

—— —— —— ——

Завизжали собаки,
заметались медведи —
громыхают цепями,
рвут кольца —
на дыбы толстопятые.

То не бубны бьют,
не сопели сопят,
не бузинные дуды дуют,
не домра, не сурна дудит,
не волынка, не гусли,
тимпаны —

красная панна
Иродиада,
дочь царя пляшет.

×

Белая тополь,
белая лебедь,
красная панна.

Стелют волной, золотые волнуются волосы
— так в грозу колосятся колосья
белоярой пшеницы —
И стелют волной, золотые подымаются косы,
сплетаясь вершинами,
сходятся
— две высокие ветви
высокой яблони.
А на ветвях в бело-алых цветах
горят светочи,
и горят —
и жгучим оловом слезы
капают.

А руки ее —
реки текут —
из мира —
ми́ровые,
из прозрачных вод —
бело-алые.

А сердце ее —
— криница —
полная вина красного
и пьяного.
А в сердце ее —
один,
— он один —
он один,
он в пустыне
оленем рыщет.

Белая тополь,
белая лебедь,
красная панна.

Он один,
он в пустыне
оленем рыщет.

А руки ее
— реки текут —
из мира —
ми́ровые,
из прозрачных вод —
бело-алые.

А сердце ее —
— криница —
полная вина красного
и пьяного.

И восходит над миром навстречу
солнце пустыни,

раскаленной пригоршней взрывает
песчаные нивы.
И идут лучи
через долины и горы,
через долины и горы,
по курганам,
по могилам,
по могильным холмам,
по могильникам —
Закидывает солнце лучи
через железный тын
в белый терем —
——— ——— ———

Быстры, как стрелы, и остры
глаза царевны:
она проникает в пустыню —

Он в пустыне,
облеченный в верблюжью кожу,
он крестит
небо и землю,
солнце и месяц,
горы и воды —

Белая тополь,
белая лебедь,
красная панна.

Он в пустыне,
он крестит
небо и землю,
солнце и месяц,
красную панну —
он крестит
в кринице:
ее сердце —
криница,
красная, пьяная,

и кипит
и просит.

Не надо ей царей, королей,
королевичей:
он — единственный
жених ее,
она — невеста.

И сердце ее отвергнуто!

Осень,
осéнины,
синие вéчеры.

Синим вечером одна тайком,
— одна тайком —
из терема она
на Иордане:
в Иордане крестилась
— крестил Купало —

— и сердце ее отвергнуто!

Не надо ему дворцов, золота,
царской дочери,
не надо сердца сердцу,
обрученному
со Христом,
— женихом небесным —

И вопленицы не станут причитать
над ней,
не посетует плачéя,
не заголосит певуля,
не завопит вытница.

Осень,
осéницы,

синие вечéры.
«Ой, рано-рано
птицы из Ирья по небу плывут.
Ой, рано-рано
Таусень! Таусень!

Красная панна
Иродиада,
дочь царя пляшет.
И пляшет неистово-быстро
и бешено,
— панна стрела —
пляшет метелицу,
пляшет завейницу.
Навечерие
— свят-вечер —
ночи — сквозь,
ночь.

×

И встал царь.
Не дуют дуды,
не кличут Плýгу,
замолкли сурны, домры.
Зачерненные сажей жутко
шмыгают удоноши,
сопят медведи.

«Чего ты хочешь, Иродиада?»
И клянется:
«Чего ни попросишь, я всё тебе дам!»

Прожорливо пламя — огнь желаний,
— тоска —
тоска любви неутоленной
неутолимо
жжет.

«Хочу, чтобы ты дал мне голову Купалы!»

И опечалился царь,
опечалился белый златоверхий терем.
Зачерненные сажей жутко
шмыгают удоноши,
сопят медведи —

Красная панна!
Несчастная панна!

× ×
×

Зажури́лась черная гора,
Ту́тнет нагорное царство.

Повелением царя усечена
голова
Иоанна Крестителя.

Нагорное царство
— туда ветер круглый год не заходит —
на черной горе
и кручинится.
Белая порошица выпала —
белая кроет,
порошит кручину
да черную гору.

— свя-атый ве-ечер! —

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

Звонче меди, крепче железа
царская власть — —

«О, безумие и омрачение
нечестивых царей!

Нет меры и конца
жестокости».

Он не рыщет в пустыне
сивым оленем,
не крестит в реке Иордане:
пророк Божий Предтеча
в темнице.
Его тело одеяно кровию —
гроздию,
и в село до села
не пройдет его голос —

— свя-атый ве-ечер! —

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

В прогалинах белой порошицы
в ночи
показалась луна.
В зеленых долинах на круторогой
Магдалина
прядет свою пряжу
— осеннюю паутину —
«Богородичны нити».
Тихий ангел из терема
залетел на луну
к Магдалине.

«О чем ты плачешь, тихий ангел?»
«Как мне не плакать:
моя панна Иродиада
свои дни считает».

— свя-атый ве-ечер! —

«Ой, коляда, коляда!
Пришла коляда
накануне Рождества».

× ×
×

Красная панна!
Несчастная панна!

На серебряном блюде,
полотенцем окрытая,
— с тяжелой золотой царской вышивкой —
голова Крестителя.

Зарная змейка с лютым жалом
в руках царевны —
острая вспыхивает
в руках царевны
над головой Купалы.

—— ——

И красная —
из проколотых оленьих глаз
по белому
кровь потекла —
и не канет,
течет ей на белую грудь
прямо в сердце —
— в ее сердце —
ее сердце —
криница,
не вином,
огнем напоена.

Красна —
— свеча венчальная —
Иродиада
над головой Крестителя:

она дает ему последнее
— в первый раз —
первое
— в последний раз —
целование.

Стучит
сердце,
колотится.

Раскрыты губы к мертвым —
горячие
к любимым устам.
Тоска,
тоска любви неутоленной,
неутолимой —
——— ——— ———

Стучит
сердце,
колотится
— отвергнутое сердце! —

И очервнелись мертвые,
зашевелились холодные губы —
и вдруг, отшатнувшись от поцелуя,
дыхнули исступленным дыхом
пустыни.
——— ——— ———

Задрожала гора,
вздрогнул терем,
выбило кровлю,
согнулся железный тын,
подломились ворота —

— попадали чаши и гости —

кто куда, как попало:
царь, царица,
глумцы, скоморохи,
кони, волки,
кобылы, лисицы,
старухи, козлы,
турицы, аисты, туры,

павлины, журавли,
петухи
и березá-коза,
и медведи —

«Пусто место — —!!!»

Злая ведьма
и с ней ее сестры,
— одна другой злее —
без зазора, без запрета
ринулись по черной горе —
прямо в терем.
И другие червями
ползли по черной горе —
прямо в терем.
Там заиграли волынку —
— чёртов пляс —
шипели полосатые черви,
растекались,
подползали —
— чтобы живьем заесть черного казара —
царя Ирода.

— Слышен их свист за семижды семь верст. —

В вихре
вихрем унесло Иродиаду.

×

Красная панна
Иродиада —

несется неудержимо,
— навек обращенная в вихорь —
— буйный вихорь —
плясовица проклятая.
И пляшет
по пустыне, вдоль долины, вверх горы —

над лесами,
по рекам, по озерам,
по курганам, по могилам,
по могильным холмам,
по могильникам.
И раздирает черную гору,
сокрушает нагорное царство,
нагоняет на небо сильные тучи,
потемняет свет,
крутит ветры,
ви́рит волны,
— вал на вал —
пляшет плясея проклятая.

Белая тополь,
белая лебедь.

И тесно ей,
— теснит грудь —
и красный знак вокруг шеи
красной огненной ниткой
жжет.
Но пляшет —
не может стать,
— не знает покоя —
вся сотрясаясь,
всё сотрясая.

Так вечно-навечно
до скончания века,
на веки
бесконччинные.

Сисиниева молитва

В Гадояде, в стране стеклянной, царствовал некогда сильный и могучий царь Гог с царицей Магогой. Родила ему царица шестерых сыновей, да таких — загляденье.

Славно царство Гогово, не сосчитать в нем богатств, золотой казны, и скота, и тучных нив.

Привольны поля — хоть туда, хоть сюда — не окинет глаз: там пашут железной сохой до самого моря, вышина борозды — сажень. А лес, что в небе дыра, ни деревца кривого в лесу. Завернулись золотые бережки по рекам и по светлым озерам.

Дивности исполнена стеклянная страна, только было бы всё поживу, подобру и поздорову: ели, пили, кручины над собой не знали. И вот, как снег на голову: нашло на царство страшное войско комариное — ввалилось в Гадояд, пошло потопом: хочет голодное крови пососать!

Скликнул царь князей, бояр, мурз, царевичей, ударил всей силой и одолел комариное войско — и ни капельки крови не попало в их голодную глотку; а старого комара, начальника комариного, в темницу посадил — в каменный мешок.

И взмолился из темницы старый комар, говорит царю:

— Дай мне твоей крови пососать, а не то запечется тело твое, что еловая кора, погибнешь сам и всё твое царство и дети твои, дай мне твоей крови пососать!

Рассердился царь, шлет палачей, велит казнить комара.

И день казнят, и другой — три дня казнят, не могут извести: на третьей вечерней заре извели комара — погиб комар.

На третьей вечерней заре из-за холодных гор показалась Ве́щица.

— Эй, Го-ог! Выведи своих детей к холодным горам, зарежь детей, нацеди горячей крови их, помажь голову старому комару, эй, царь!

Посмеялся царь словам Ве́щицы, устроил пир на весь мир и пировал всю ночь.

А наутро не стало царских детей.

Схватился царь, посылает в погоню гонцов. И вернулись гонцы — не вернули царских сыновей.

×

Всякой ночью — на молоду́ и под полн, на перекрое и на исходе месяца — показывалась Ве́щица из-за холодных гор.

И горе тому, на кого упадет ее глаз:
она сомкнет уздою уста, высосет душу и только одни оставит глаза на немилый свет — постылую землю.

И горе тому, кто отзовется на ее отклик:
она войдет и ляжет на сердце, щемит неведомой тоской, недознанной грустью, недосказанной кручиной, и тот с утра до вечера кидмя кидается из дверей в дверь, из ворот в ворота, из села до села — на погост.

И горе тому, кто в напущенном сне полюбится с ней:
бросится она в голову, в тыл, в глаза, в уста, в сердце, в ум, в волю, в хотенье, во всё тело и кровь, во все кости и жилы, и тот нигде пробыть уж не может и мечется всю свою жизнь — червь в ореховом свище.

Стало всё с толку сбиваться — настало лихолетье — задряхлело Гогово царство: в коробах да амбарах завелись мертвые мыши, не рождалось младенцев — подкатит порча под сердце и лежит там, как пирог.

Призывал царь колдунов.

Страшные колдуны водились в стеклянной стране.

Знали колдуны порчи временные и вечные:

временные — их отговаривают заговором;
вечные — они остаются до конца жизни.

Знали колдуны, как занимать чертей:

они посылали их вить веревки из воды и песку,
перегонять тучи, срывать горы, засыпать моря,
дразнить слонов, которые поддерживают землю.

И зная еще много чар и заклинаний, на такое не могли пойти — не могли осилить Вещицу.

Ходил царь по указу колдунов пешком в Окаменелое царство на Скат-горе: ел там царь пену с заклятых гробов, силы набирался. Да только попусту.

Всякой ночью —на молоду́ и под полн, на перекрое и на исходе месяца — положит Вещица свое тело под ступу и летает бесхвостой сорокой, спускается в трубы, похищает детей, а на место их кладет головню, либо голик, либо краюшку; сама разведет огонек на шестке, там детё и сожрет.

И до зари, налетавшись сорокой, на заре наденет Вещица свое тело и за зарю до белого дня плещется в море, поет свои вещие песни: кто ее слышал, навеки становился как кукиш.

×

Сидел царь с царицей в золотом дворце на двойных запорах, за крепкими стенами да глубоким, вострыми то́рчами утыканным рвом, ночи не спали — не со́билось — горькую думу думали, тужили о потерянных детях да молили Бога, чтобы дал им еще дитё — последнее.

И услышал Господь молитву — царевна* сказала царю. И не успел царь от радости опомниться, не успел пир отпраздновать, как из-за холодных гор показалась Вещица.

— Эй, Го-ог! Выведи живым мне к холодным горам твою царицу, эй, царь!

Помертвел царь.

А над дворцом, напырщив перья, красный птичищ каркал черным граем.

Собрались тут князья, бояре, мурзы, царевичи; вот они шушу́-шушу́ и решили: поналечь всей силой, а не дать в обиду страну — поправиться с Вещицей.

И в одну ночь построили вдали от жилья башню из крепкого камня, оковали ее железом и залили оловом: ни снаружи, ни изнутри невозможно проникнуть. В этой башне затворилась царица и с ней старуха нянька. Карасьевна должна была за печками глаз держать и закрывала б каждый вечер с молитвой и плотно, чтобы как ненароком не залетел в трубу нечистый.

И всё шло хорошо, лучше и не надо в это страшнее лихолетье.

Когда пришло время и родился у Магоги сын, — родной ее брат Сисилий, великий воин, победитель Пора, царя индейского, возвращаясь в Гадояд, вздумал навестить сестру: ночью подъехал он к башне и просится пустить.

Не хотела Магога пускать брата, боялась, не стряслось бы беды, но Сисиний повторял свою просьбу.

* *Вероятно, должно быть:* царица

Бурная ночь была, всколыбалась сильная вода, сек дождь до кости́, просвистывал ветер все уши, и молния, брячá, клевала землю.

И когда отворились двери башни, поднялась из бури Вещица, вошла в горло коню, проникла с конем в башню и в полночь похитила царского сына — умчалась за холодные горы.

Так и не стало царевича.

Растужилась Магога, жаловалась на брата. Не плакала — ту́гой сту́женное сердце проклинало. Сотрясалась башня от вопля и проклятий.

А над башней, напырщив перья, красный птичищ каркал черным граем.

Ужаснулись Гог и Сисиний. Поднявши руки к небу, стали просить они у Бога дать им власть над нечистой: поймать ее. И по моли́тве, сев на коней, погнали через пропасти за холодные горы.

×

Вот они гонят три зари — взмылены кони, не напоены. На третьей заре напал на Сисиния глубокий сон. И едут они врозь: Гог впереди, Сисилий за ним в глубоком сне.

Шагом проехали много длинных верст, стало уж солнце за лес заходить, туманами ночь заволакивает пустынный путь, и взбесился конь под царем, бьет копытом, дрожит — нейдет.

И видит царь сквозь туманы бабу на болоте. Вгляделся: никак Карасьевна? Бултыхается старуха, молит о спасении. Ударил Гог коня, направил прямо на болото, хвать старуху — и вытащил.

А она и говорит:

— Я не старуха, я смерть! — и ощерилась, — прощайся, с кем хочешь.

И стал царь просить и молить смерть пощадить его.

— Было у меня царство и обилье всего, жил я, не тужил — всё прахом пошло; было у меня шесть сыновей — в одну ночь все погибли; народился последний — и его не стало...

Не приняла смерть моленья пустынного, ничего не ответила.

Слез царь с коня, стал перед конем на колени — и конь на колени стал.

— — —

Тут надоело смерти ждать, как коснёт — — скосила она голову царю и, взвыв, пошла по болоту в поле-поляну к окатному шелому в свои костяные чертоги.

Проснулся Сисиний, кличет царя — а царь мертв: не может подать голоса; и царский конь в болоте по губы — не может выдраться.

Повздыхал Сисиний, помолился и, боднув коня, поскакал один в путь.

×

Путь полунощный — путь на девять зорь по трем тропам за холодные горы. За холодными горами под травой красной, белой и черной, на костях погубленных детей бесное гнездо. Без отдыха три зари едет Сисиний и видит: идет по пустыне —

она шла по пустыне, блеща огнем — длинные до пят волосы крыльями горят за ней, и от всего тела ее пышет пламенем.

— Кто ты, откуда и как имена твои? — крикнул Сисиний.

— Я крыло Сатанино, я мор-ах-хо... — и, захлебнув глазами Сисиния, прожгла его насквозь, так что золото расплавилось на нем.

Тогда Сисиний, вздернув коня, схватил ее со всего плеча за волосы и, сбив в меч, стал бить и колоть ее: требуя выдать царских сыновей и последнего.

— Я пожрала их! — воскликну́ла Вещица.

— Так изрыгни.

— Ты наперед изрыгни матернее молоко, которое сосал ты.

Горячо молясь, духом напряг Сисиний всё свое существо: глубинной памятью вмиг прошел он свои годы — до года — до колыбели:

и вот на губах его белое засладилось матернее молоко.

— — —

И тогда, пораженная чудом, Вещица сдалась:
и все семь царских сыновей предстали живьем.

— — —

— Клянусь тебе крылом Сатаны, — воскликнула Вещица и вдруг переменилась: опали крылья, погасло пламя, и только глаза горели, — кто напишет имя мое и будет при себе носить: не войду я в дом того человека, ни к жене его, ни к детям его, пока стоит земля и небо...

— Скажи же, проклятая, имя твое!

— А имя мое — двенадцать имен с половиной:

— Мора —
— Ахоха —
— Авиза —
— Пладница —
— Лекта —
— Нерадостна —
— Смутница —
— Бесица —
— Преображеница —
— Изъедущая —
— Полобляющая —
— Изгрызущая —
Го-
ля-
да.

Поясок

Есть море каменное,
на каменном море столп,
на столпе стоит каменный муж:
высота его — от земли до небес,
широта его — от востока до запада;
каменный, зяблет заповедь,
каменный, воюет каменным посохом.

И всякому железу и окладу,
синему и красному булату,
стрелам простым и железным,

пулям свинцовым и оловянным,
серебряным, медным и каменным,
и пушечным ядрам железным,
и проволоки медной —
ни саблею сечною,
ни ножом разить,
ни копьем колоть —
не рушить меня.

Как воротят сковородными ушами сковороду,
так бы воротилось от меня железо
в свою матерь-землю,
а дерево в лес,
а перья в птицу,
а птица в небо,
а клей в свою матерь-рыбу,
а рыба в море;
и было б платье мое крепче шамина,
а булатней ковчега.

*

небо — ключ,
земля — замок.

*

Идет Адам дорогой,
несет в руках колоду;
порох — грязь,
пуля — прах;
он меня не убьет,
от меня не уйти.

*

небо — ключ,
земля — замок.

*

На море остров,
на острове гробница,

на гробнице белая голубь,
белая, шьет-зашивает
шемахинским шелком
кровавые раны.
— летит черный ворон — —
Ты, ворон, не каркай,
а ты, кровь, не капай:
ни от буйной пули,
ни от стрелы летячей!

Море котлянеет,
кровь не канет,
белая голубь!

*

Белая — голубь.

*

Взойдет с ночи туча,
молния сверкает,
гром и дождь,
дождем-водою нальет твое ружье,
напоит порох.

Ты не стрелец — ты чернец,
не ружье — кочерга,
не порох — сенная труха,
забитая палкой.

*

Столп медян,
железная верея.

*

В чистом поле тридцать
и три реки — — —
две реки — —
едина река —
черна смородина.

По реке бежит легкая лодка,
в лодке стар человек,
в руках длинная вострая сабля,
везет наго-сине-мертвое тело;
и сечет и рубит
сине-наго-мертвое тело;
а с того синя-нага-мертвого тела
кровь не течет и не канет.

Так и у меня из кровавой раны
кровь не течет и не канет.

*

Столп медян,
железна верея.

*

Блохи, клопы, тараканы,
всякая тварь,
вот иду я к вам гость:
мое тело, как кость,
моя кровь, как смола,
ешьте мох, не меня!

*

Так тын,
над аминями аминь,
аминь.

*

Есть озеро железное,
есть царь железный,
железный, защищает от железа,
от сабли и копья,
от меди и топора,
от рогатины и ножа.

Поведи стрелы прочь от меня —
в дерево, в железо,

а клей — в рыбу,
а рыба — в море,
а перья — в птицу,
а птица — в небо;
полети железо,
рогатина, копье и сабля,
кинжал, топор, дубина —
прочь! прочь! прочь!

Легко вьется хмелевое перо коло тычины,
так легко падало б около меня железо, —
будь роса на железо!

*

Солнце одесную,
месяц ошую,
звезда над головой.

*

На каменных горах стою я:
становлюсь в котел железный,
покрываюсь железною шляпой,
отыкаюсь железным тыном,
замыкаюсь железными замками.

На каменных горах стою я:
стой, стрела, не ходи до меня,
не ходи, стрела, —
через Богородицу!
стой, стрела, не ходи до меня,
не ходи, стрела, —
через Милосердие!
стой, стрела, не ходи до меня,
не ходи, стрела, —
через Тернов Венец!

Пойдет стрела-железица
в железо секучее,

из столпа — в дуб,
из дуба — в лист,
а лист — за море.

В море камень,
круг камня тридцать
замко́в железных;
как крепка кора на камне,
так крепко мое тело

*

из ключа в ключ,
из замка в замок.

*

Язык — проветчик,
зубы — межа,
глаза — вода,
лоб — бор,
веди меня на двор,
бери клюку,
мели муку,
пеки хлеб,
корми меня,
будь отныне и до века моя!

Спущу три тоски,
три сухоты,
три жальбы,
и буду милее хлеба,
милее солнца,
милее месяца.

*

Мало-молодо,
мало-молодо.

*

Есть в чистом поле три дуба,
три дуба — вершинами свились,

так вились бы около меня
князья и вельможи,
и весь народ Божий
в день и в полдень,
в ночь и в полночь,
в час и в полчас,
на молоду́, на ветха, на перекрое,
и в меженные дни
при теплых облаках,
и в исхожую пятницу;
и возрадовались бы мне,
и радовались,
как солнцу,
как звездам,
как Светлому Воскресению.

*

Зубы мои волчьи,
их — овечьи.

*

Пресвятая Богородица!
Укрой своею ризою —
от неба до земли,
и моего коня.

Пресвятая Богородица!
Учини порох водой,
А пулю ветром.

Пресвятая Богородица!
Ангела хранителя
с небеси мне дай —
сохрани,
просвети
и направи.

*

Вода тиха,
звезда чиста.

*

Ангелу мой,
сохранителю мой,
сохрани мою душу,
скрепи мое сердце!

*

Вода тиха,
звезда чиста,
аминь.

[1917]

С того света

Горю! — припал я к горючим стенкам котла, — горячо! Язык пересох, горло запеклось.

«Один глоток, — прошу*, — один глоток!»

— — идет: зло глаза горят, почуял зов.

«Страж мой, — прошу, — мучитель мой, дай испить!»

«Бог подаст — Бог подаст!»

И опрокинул котел.

— — —

Мороз, у! лютый! трещит мороз.

Выкарабкался я из проруби — по горло стою в воде; зубы мне с дрожи разбило, закоченел, и двинуться страшно, вот оборвусь.

«Страж мой, — прошу, — мучитель мой, дай огонька!»

«Бог подаст!» — ощерился, насмешливо пылают глаза.

— — —

И опять весь в огне — горюч котел. — Го-рю! Го-рячо!

Черный мой страж — неизменный — ходит вокруг.

[Кого мне просить?]
[Кого звать?]

* *Было:* кричу

МЕРЛОГ

РИСУНКИ ПИСАТЕЛЕЙ

В традиции русской литературы — рисунки писателей. Начиная с Ломоносова, все писатели рисуют: Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев. Наверное, рисовал и Лесков и Салтыков и Писемский и Мельников-Печерский и Гончаров. Известны рисунки Лермонтова, Баратынского, Жуковского, Батюшкова, Полонского, Хомякова. Традиция продолжается: рисовал Леонид Андреев, Гумилев, Блок, Андрей Белый; сохранился рисунок В. В. Розанова. Исключение — Лев Шестов. Когда Н. В. Зарецкий затеял в Праге выставку рисунков писателей, ему непременно хотелось иметь рисунок Шестова, но, сколько я ни просил Шестова, сам вижу, что не может — и на каракулю рука не подымается. Но зато один из всех Шестов в молодости пел, все это помнят: «Ах, Ленский, ты не прав, ты не прав!» А ведь рисовать и петь такое разное, но одной страсти, как и писать.

В самом процессе письма есть рисование. А когда «мысль бродит», рука продолжает механически выводить узоры — так обозначается рисунок. А как только появился рисунок, выступает рисовальщик. Но два дела делать нельзя: или писать или рисовать.

Рисунки писателя любопытны, как очертания его «невысказавшейся» мысли, или как попытка неумелой рукой изобразить выраженное словом: ведь написанное не только хочется выговорить — пропеть — но и нарисовать.

Источник моей рисовальной страсти — каллиграфия, но еще и то очарование, какое испытываю я перед красками: цветная память о моей шелковой и ковровой родине.

Был ли я китайцем — ученые доказывают мое литературное родство со знаменитым китайцем, поэтом XI века, Оу-Янг-Сиу, будто одними глазами смотрим мы на небо и землю, — или я был персом, или не китайцем и не персом, а искони московским — странником по чудесному востоку, цветистые шелка и расшитые ковры, вижу их и осязаю. Есть красочная тайна: что руководит в выборе красок; и не только по теме, но и по звуко-краско-словному выражению узнаешь о человеке.

Рисунки мои могут быть заметны только с книгой и рукописью. На большее я не претендую. Они всегда связаны с книгой, как часть или продолжение: моя рукопись переходит в рисунок и рисунок в рукопись, все рисунки я подписываю. Так во всех моих разрисованных книгах — «Взвихренная Русь», «Посолонь», «По карнизам», «Оля», «Учитель музыки», так и в иллюстрациях к Гоголю, Тургеневу, Лескову, Достоевскому: картинка с текстом. Исключение: «Демоны и люди» и «Бестиарий» — книги без подписей, но это потому только, что я не знаю имена всех демонов, а у меня их триста, и басенных зверей, их тоже порядочно.

Организатор выставки в Моравской Тшебове преподаватель гимназии В. В. Перемиловский отнесся с большим пониманием к моей рукописно-рисовальной работе. Картинок было до тысячи — «тюк — пуд», и надо было этот пуд распределить, устроить и показать. В. В. Перемиловскому помогали его бывшие ученики: его сын В. Перемиловский, Н. Кривенко, Вс. Гейн, В. Бернер, Тамара Каминчан, Галина Аше, Инесса Аше, Вера Гейк, Людмила Калмыкова, Ирина Кривенко.

В учительскую — самую большую комнату в гимназии — снесли все классные доски (6), поставили их в линию с небольшими интервалами и закрыли девятью черными одеялами, — так получился экран. Два огромных стола должны были принять альбомы, которые не уместятся на экране. Из женского барака нанесли все, какие там были, горшки с цветами и зеленью. Сверху экрана спускался золоченый шнурок собственной позолоты, на высоте глаз шнурок обхватывал альбом петлей и спускался, оттягиваемый кистью рябины. На экране были таким

образом подвешены: «Взвихренная Русь», «Посолонь», «Сказки». В пролетах между досками экрана были подвешены отдельные листы — портреты Гумилева и В. В. Перемиловского, четыре письма скорописью и грамоты. Параллельно экрану на широком лакированном столе были разложены все остальные альбомы, крепленные, чтобы их не возили по всему столу и не трепали: от одного края к другому было протянуто двенадцать шнуров, которые петлей обхватывали по два альбома — один для этой стороны, другой для той.

За два дня выставки посетителей перебывало семьдесят; лупами очень пользовались...

Приношу благодарность В. В. Перемиловскому за его внимание и ученикам Перемиловского, справившимся в короткий срок с «тысячною» работой.

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ ПИСАТЕЛЕЙ

И это вовсе не обязательно вместо носа иметь хронический насморк, носить под фалдами потрепанные знаки препинания и чтобы несло от тебя мышью и нафталином, если ты любишь старинную книгу, автограф и самодельнишный рисунок писателя. Не скажу о Костроме, но наши питерские и московские книжники могли позволить себе жениться и даже иметь детей. К примеру, Василеостровский Я. П. Гребенщиков, уж какое пристрастие к книгам, и пользовался большим успехом и по преимуществу у городских учительниц. А парижские пушкинисты Гофман и Ходасевич — молодец к молодцу, чуть что не авиаторы. Тоже и художник Н. В. Зарецкий — художник, археолог, библиограф, коллекционер, выдумщик и «предприниматель», т. е. пропагандист и агитатор, да еще в прошлом и гусар, да его на коня если, да дать ему саблю в руку — взмахнешь — командор!

Открывшаяся на Николин день в Народном музее выставка привлекла большое и должное внимание, как среди русских, так и чехов, оказавших к тому же и участие.

Выставочное обозрение начинается с Ломоносова — мозаика и северное сияние, тут же и «российская грамматика» 1755 г. А рядом Жуковский «Баллады и повести» 1831 г. и рисунки, — большой был любитель и предпочитал очень мелкую работу, Гоголь в письмах из Рима не раз поминает, на мелочи и глаза сорвал. Батюшков, Пушкин, Боратынский, Хомяков, Гоголь,

Шевченко, Кулиш, Я. Полонский, — каждый представлен рисунком, автографом, книгой, и висит портрет. Тургенев выделен, — Тургеневский поминальный год. Лермонтов с автографом «На смерть Пушкина». Достоевский — два рисунка. Толстой — рисунок к Азбуке. Оказывается, Толстой много делал рисунков к Жюль-Верну, когда читал его своим детям, но эти рисунки затерялись. Короленко, Розанов, Брюсов. А тех писателей, которых рисунков нет, их портреты со стен смотрят — «русский Пантеон». Рисунки Блока, Гумилева, Волошина, Маяковского, А. Н. Толстого, Осоргина, Болдырева-Шкотта и Кобякова, — фотографические снимки с «фейермэнхена». И совсем «молодая поросль»: М. Горлин — Берлинские портреты и Б. Очередин — в разноцветных красках, и в каждой краске еще красочка — Монпарнас.

А в заключение Ремизов, — и тут каких только нет каллиграфических затей и карандашом, и пером, и спичкой, и коготками мелких зверей, и птичьей породы: рукописные альбомы, рыцарские грамоты, знаки и печати, чудища («Посолонь»), революция («Взвихренная Русь»), интерпретация («По карнизам»), пустяки или, по Достоевскому, мизер («Учитель музыки»), иллюстрации к избранным любимым текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова, и Гоголь — «Вечера». Так от Великого Ломоносова до «чудачеств» Ремизова — живая русская книга. Рукописный каталог работы Зарецкого, устроителя выставки.

Василий Куковников

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ ПИСАТЕЛЕЙ
(Письмо из Праги)

Открывшаяся на Николин день в Народном музее выставка привлекла большое и должное внимание как среди русских, так и чехов, оказавших к тому же и участие.

Выставочное обозрение начинается с Ломоносова — мозаика и северное сияние, тут же и «российская грамматика» 1755 г. А рядом Жуковский «Баллады и повести» 1831 г. и рисунки, — большой был любитель и предпочитал очень мелкую работу, Гоголь в письмах из Рима не раз поминает, на мелочи и глаза сорвал. Батюшков, Пушкин, Боратынский, Хомяков, Гоголь, Шевченко, Кулиш, Я. Полонский, — каждый представ-

лен рисунком, автографом, книгой, и висит портрет. Тургенев выделен, — Тургеневский поминальный год. Лермонтов с автографом «На смерть Пушкина». Достоевский — два рисунка. Толстой — рисунок к Азбуке. Оказывается, Толстой много делал рисунков к Жюль-Верну, когда читал его своим детям, но эти рисунки затерялись. Короленко, Розанов, Брюсов. А тех писателей, которых рисунков нет, их портреты со стен смотрят — «русский Пантеон». Рисунки Блока, Гумилева, Волошина, Маяковского, Ал. Н. Толстого, Осоргина, Болдырева-Шкотта и Кобякова, — фотографические снимки с «фейермэтхена». И совсем «молодая поросль»: М. Горлин — Берлинские портреты и Б. Очередин — в разноцветных красках, в каждой краске еще красочка — Монпарнас.

А в заключение Ремизов, — и тут каких только нет каллиграфических затей и карандашом, и пером, и спичкой, и коготками мелких зверей, и птичьей породы: рукописные альбомы, рыцарские грамоты, знаки и печати, чудища («Посолонь»), революция («Взвихренная Русь»), интерпретация («По карнизам»), пустяки или, по Достоевскому, мизер («Учитель музыки»), иллюстрации к избранным любимым текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова, и Гоголь — «Вечера». Так от Великого Ломоносова до «чудачеств» Ремизова — живая русская книга. Рукописный каталог работы Зарецкого, устроителя выставки.

Василий Куковников

РУКОПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ А. РЕМИЗОВА

В России немало находится рукописных книг, альбомов, листов, грамот и свитков А. Ремизова. Его трудное рукописание с паутинками, усиками, завитками, закрутью, разводами и переплетами начинается с 1901 года. В период 1919—1920 г., когда писатели за невозможностью издать свои книги, сами стали переписывать их и иллюстрировать, кто как мог и умел, Ремизовым выпущены несколько книг, из которых книжными любителями были отмечены по сложности письма и краскам «золотая» — поэма в прозе: «Илья Громовник» и «волшебная» — гадальные карты Сведенборга. И теперь в Париже — пришла пора и на Париж — с конца года Ремизовым сделаны 25 книжек

по 7-и страниц книжка, и в каждой где одна, где две картинки. Рукописные книги будут выставлены на его вечере чтения в «Лютеции» 31 марта.

РУКОПИСИ И РИСУНКИ А. РЕМИЗОВА

Ремизов мечтал сделаться учителем чистописания. По нынешним временам это не высокое звание. В старину «доброписцы» были в большом почете, а теперь учитель чистописания приравнивается к учителю пения и гимнастики: они не числятся в педагогическом совете, и на учительские заседания их не приглашают. Своим учителем Ремизов считает учителя чистописания Московской 4-ой гимназии Александра Родионовича Артемьева, впоследствии артиста М. Х. Т. Артема.

Не копирование прописей и образцов древней скорописи, а самая росчеркная и завитная природа букв вдохновляет каллиграфа. И все иллюстрации к рукописным книгам — рисунки А. Ремизова от его каллиграфии.

Ремизов начал с усиков и завитков, которые довел до завитушек — одним махом без перерыва. Закругляющиеся или расщепляющиеся завитки принимали самые разнообразные формы, и легко было найти не только форму какой-нибудь морды, мурла, рожи, рыла и хари, про хвост и «мелочи» и говорить нечего, но и самые замысловатые китайские постройки. То, что называется «литературой» — преднамеренности — в этих рукописных рисунках никак не могло быть: все для себя и из себя.

Другие учителя чистописания: Иван Евсеевич Евсеев и Иван Алексеевич Иванов, оба из Строгановского училища, очаровались Ремизовскими завитушками, да не очень. Иван Евсеевич еще ничего, допускал кое-какие «безобразия», но Иван Алексеевич прямо заявил, что он «эти усы обломает». Иван Алексеевич — большой знаток в письме, «ученый каллиграф» — писал, как рисовал: и линия у него выходила прямая и тонкая, а строчку вел ровную — «абсолютный глаз». Он как-то прищуривался и нацеливался — хромой — когда, вспомянув старину, — все прописи на память знал — выводил, точно клал, на черной доске белым:

Америка очень богата серебром

Ремизову ничего не оставалось, как уступить и расстаться со своими «хвостами» — за годы он научился писать «калли-

графически» — четко, ясно, бисером, но учителем чистописания он не сделался, да видно и никогда не будет. Природа взяла свое, а ремизовская природа непокорная и своевольная — тянуло расшыривать перо по листу в игре — как Бог на душу положит, т.е. к самому настоящему искусству, природа которого без «почему», а «само по себе», «так», — «потому что», как говорят дети.

В России немало находится рукописных книг, альбомов, листов, грамот и свитков А. Ремизова. В одном из московских государственных музеев хранится рукописная книга Ремизова «Гоносиева повесть», относящаяся к годам после революции 1905 года. Эта паутинная, мелко расшитая буквами, книга — начало рукописных работ Ремизова.

На рукописно-рисовальные упражнения Ремизова обратили внимание петербургские художники: А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, И. Я. Билибин, С. В. Чехонин, Б. М. Кустодиев, А. Я. Головин.

Впервые Ремизов выставил свои рукописные завитки в «Треугольнике» у Бурлюков, а первые рисунки появились в сборнике «Стрелец», у А. Э. Беленсона, автора «Голубых панталон».

В революцию из молодых художников очень внимательно отнесся Лев Бруни и Ю. П. Анненков.

Деятельное отношение Ремизов встретил в Берлине, познакомившись с Иваном Альбертовичем Пуни и Николаем Васильевичем Зарецким. Через Пуни Ремизовский рисунок появился в Das Kunstblatt. August-Heft. 1925. Berlin, а через Зарецкого рисунки и грамота воспроизведены в «Gebrauchsgraphik», Iuni 1928, Berlin, и в Die Litterarische Welt. N 19. 1926. Berlin.

В 1927 г., в Берлине, в «Штурме» у Вальдена состоялась выставка рисунков Ремизова. В 1932 г. в Париже на выставке «Чисел», организованной Н. А. Оцупом — «рисунки французских и русских писателей», были рисунки и Ремизова. В сентябре этого года в Праге на выставке писателей, организуемой Н. В. Зарецким, будут показаны до 1000 рисунков и отдельные альбомы Ремизова: «Сны Тургенева», «Видения Гоголя», «Из Достоевского», «Из Лескова», «Из Писемского», «Бесноватая Соломония», «Взвихренная Русь», «Посолонь», и портреты современников — писателей, художников и музыкантов: Paris est en nos mains.

В период 1919—1920, когда писатели за невозможностью издать свои книги, сами стали переписывать их и иллюстрировать, кто как мог и умел, Ремизовым выпущены были несколько книг, из которых книжными любителями были отмечены по сложности письма и краскам, «золотая» — «Илья Громовник» и «волшебная» — гадальные карты Сведенборга. И теперь в Париже — пришла пора и на Париж — с конца 1932 г. по май 1933 Ремизовым сделаны 45 альбомов, заключающих в себе 80 рисунков и 285 страниц текста.

Как ни зайдешь вечерком на огонек, сидит Ремизов, пишет — и пишет с удовольствием: разводы пером разводит — дело увлекательное, только проку мало: товар на любителя — и кому это нужно, да и понять ничего нельзя. Помню из петербургской жизни 1919—1920 г. товарищ Ложкомоев из Петрокоммуны на керосиновых прошениях Ремизова ставил резолюцию и всегда «выдать» — и исключительно за почерк. Да, попадаются любители, да редко.

РИСУНКИ ПИСАТЕЛЕЙ

В традиции писателей рисование: Гюго, Бодлэр, Верлен, Стендаль, Мериме, Жорж-Занд, Теофиль Готье, Гонкуры, Анатоль Франс, Леон Блуа; традиция продолжается: Валери, Поль Моран, Жакоб, Кокто, Бретон, Элюар.

Известны рисунки Гете.

И среди русских; с Ломоносова: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Лермонтов, Батюшков, Баратынский, Жуковский, Шевченко, Хомяков, Полонский; традиция продолжается: Чехов, Леонид Андреев, Гумилев, Андрей Белый, Маяковский.

Сохранился рисунок В. В. Розанова. Я видел рисунок Блока. Известно, что Л. Н. Толстой много делал рисунков к Жюль-Верну, когда читал его своим детям, а известен только один: рисунок Толстого к Азбуке — Н. В. Зарецкий в Праге на выставке рисунков писателей всем его показывал.

И как начнешь вспоминать, кажется, не было и нет писателя, который бы не рисовал.

Писатели рисуют.

Объясняется очень просто: *написанное и нарисованное* по существу одно. Каждый писец может сделаться рисовальщиком, а рисовальщик непременно писец. Писатель по преимуще-

ству писец: каллиграфический или исамчертшеюсломает, неважно, а стало быть, в каждом писателе таится зуд к рисованию.

А, кроме того, в самом письме рисовальный соблазн: когда «мысль бродит» или когда «сжигается», когда не «поддается слово» или лезет несуразное, рука невольно продолжает выводить узоры — так обеспечивается рисунок на полях или в тексте; рисунок же выступает и из зачеркнутого, зачеркнутое — зазубренное или заволненное — всегда тянет к разрисовке: неизбежные паузы, заполненные мечтой. И то неопределенное, известное, как «мука творчества», имеет наглядное выражение: рисунок. «Рукопись, испещренная рисунками», а рисунки рукописи без никакого к написанному, очень характерно для нелегкого, тугого или, как здесь говорят о таких редких мастерах слова, как Валери-Ларбо, «запорного» писателя.

Но это еще не все: написанное не только хочется выговорить — отсюда, между прочим, непреодолимая страсть у скучных, лишенных меры и юмора, а также и у начинающих писателей, публично читать свои произведения — написанное не только хочется произнести в полголоса, как это часто делается в процессе письма, а чтобы на-голос — во всеуслышанье, а если возможно, то и пропеть, и уж само собой нарисовать (иллюстрации Пушкина и Гоголя).

Но и это еще не вполне: творческая одаренность непременно угнездиться на каком-нибудь из видов творчества, оставаясь в то же время открытой для всех других. Ведь только человеческая ограниченность — нельзя два дела делать! — да природное несовершенство исключают «мастера на все руки» в высоком значении.

Редко, но попадают случаи совместительства: Вильям Блейк, и гравер и поэт; Э. Т. А. Гоффман — и писатель и музыкант, как и М. А. Кузмин. И все-таки, остаются непревзойденными «Александрийские песни» Кузмина, а не его музыкальные иллюстрации и «Куранты»; чудесные истории Гоффмана, а не его оперы; а гравюры Блейка, по крайней мере для меня, не больше, как дополнения к его «Венчанию неба и ада».

В рисунках писателей различаются; рисунки рукописей и те, когда писатель выступает, как художник.

Рисунки рукописей неотделимы от письма; эти рисунки — продолжение строчек и являют очертание невыраженных мыс-

лей и несказавшихся слов: рисунки Пушкина и Достоевского. В их непосредственности трепет жизни, живость «горячей руки» и отплань «воспаленных мыслей».

Рисунки писателя-художника не изрисованные, а нарисованные, — задуманные; и любопытны только потому, что делал их или Бодлэр или Лермонтов или Баратынский, и без магии имен остались бы незамеченными. Общее в них: любительство, а если даже и мастерство, то никак не Рафаэль и не Калло. По этим рисункам можно судить, что занимало писателя: Гюго рисует Вианденский дом в Люксембурге, Жуковский Рим, Лермонтов Кавказ. — А. Н. Бенуа с закрытыми глазами скажет, кому из художников или какой школе подражал рисующий и *не могущий не рисовать* писатель.

Стать писать и на какой-то ошибке, на каком-то сомнении, на досаде, — не закрутить крючка, и вот из крючка — *мои завитки и рисунок.*

О пушкинском «крючке» рассказывает М. В. Добужинский в своем «Рисунок Пушкина». Природа пушкинских рисунков каллиграфическая; секрет в пере: тонкость и воздушность линий, их завитной пушок вывело гусиное перо, легче ручки, нечувствительней и китайской кисточки. Старинная пропись дает указание о «чинении перьев к письму» и о «расположении себя к письму»; без этой «азбуки» пушкинская каллиграфия недоступна живому воспроизведению и остается загадкой.

«Перо способнее признается к письму из правого гусиного крыла кое размоча в горячей воде, чинить таким образом; срезать его бока со обеих сторон полуциркулно из чего и произойдут два равные острея. Из которых задняя часть срезывается долой, а на передней просекается по самой средине его разкеп. Потом положа на ноготь левой руки большого пальца, подсекается тот острый кончик пера по произволению вкось, или прямо. Корпус с головою должен быть прямо расстоянием на ладонь от стола, глаза беспрестанно обращены иметь на кончик пера, а ноги должны быть прямо протянуты». (Пропись показывающая красоту Российского письма. Изданная в Москве, 1793 Года. Из собрания С. Ю. Кулаковского).

Все мое рисование из каллиграфических завитков. Завитнув, я не могу остановиться и начинаю рисовать. И в этом мое и счастье и несчастье. Мне хочется писать, а завиток, крючком

вцепившись в руку, ведет ее рисовать — мысли разбегаются, конец письму, а под неоконченными строчками рисунок.

Так с незапамятных времен. Но употребления из этой моей рисовальной одержимости я не делал. Я никогда не обольщался, и для меня было всегда ясно, что «легче борову свиному проткнуться в ослиное ушко», чем писателю сделаться художником.

Кое-что из письменно-рисовального я делал еще в России — и однажды участвовал на выставке футуристов у Бурлюков в «Треугольнике». И потом — в Берлине, где мои начертательные рисунки приютил Вальден, собиратель живописных и графических курьезов, в своем «Штурме». Но развой и цвет моей рисовальной каллиграфии — Париж: в Париже на выставке у Оцупа, в Праге у Зарецкого, в Моравской Тшебове у Перемиловского была представлена она всех цветов, как чичиковский шарф, а закорючек — подпишет московский подьячий Федор Грешищев.

Последние годы, когда у меня не осталось никакой надежды увидеть изданными мои подготовленные к печати книги, а в русских периодических изданиях оказалось, что для меня «нет места» и я попал в круг писателей, «приговоренных к высшей мере наказания», или, просто говоря, обреченных на смерть, я решил использовать свою каллиграфию: я стал делать рукописные иллюстрированные альбомы — в единственном экземпляре. И за шесть лет работы двести тридцать альбомов и в них две тысячи рисунков. Перечень 157 номеров напечатан в ревельской «Нови», кн. 8. Сто восемьдесят пять альбомов «так или иначе» разошлись.

Из всех рисунков писателей я больше всего люблю рисунки Пушкина. Как бы мне хотелось посмотреть на его движущиеся чудища из сна Татьяны! А полюбились мне рисунки Пушкина за их непосредственность. Ведь только *непосредственность* — ненамеренность передает мгновения в беспрерывном, взблеск жизни в ограниченном окостенелом событии.

И у меня, как и у каждого писателя, было когда-то такое в рисунках, но по мере того, как начал я выпускать мои альбомы, стал вырисовывать и обрамлять рисунки, мое «само-собой» — мое «из-строчное» пропало. И это безвозвратно: глаз осурьезился, рука навострилась. И я невольно попал в круг

Лермонтова и Бодлэра, писателей-рисовальщиков, но, не имея их душуивремяпронизывающего имени, не могу претендовать ни на определение историка, ни на любопытство исследователя.

COURRIER GRAPHIQUE

Что ни говорите, а Рождественский Дед есть, он «существует, этот Пэр Ноель», так же, как существует «Неизвестное дитя» волшебной Гоффмановской сказки. И от одного сознания, что они где-то тут, близко, мне делается тепло. С горячим чувством я засыпаю, мечтая, как когда-нибудь их встречу лицом к лицу, как без слов, только глазами, буду разговаривать — да и не надо, таким все ясно: совсем я запутался, забили скучные заботы. И потому ли, что моя вера в чудесное, нарушающее жесточайший «нормальный» порядок, меня не оставляет никогда, — винюсь, не сердитесь, вы, мои странные сестры и братья, из моей «фантазии», бывают и у меня ночи, вы замечали, когда кругом потерянный, изверившийся и иззябший сижу на кухне и докуриваю свои сбереженные на «тот» случай окурки, в чадном холодном дыму, за которым ничего уж не различаю... — потому ли, что я всегда жду «сверхъестественного», моя жизнь наполнена чудесами и я тоже еще существую.

Пэр Ноель мне сделал подарок: перед Рождеством я получил книгу «Вестник графики». А ведь это мое самое любимое: буквы, картинки, бумага.

Вот уже третий год, как в Париже выходит этот общедоступный — 8 фр. за книгу в 48 стр. — в разноцветных обложках «Le courrier graphique». Директор (заведующий издательством): Альберт Сэмболист; главный редактор: Пьер Морнан; редакционный комитет: Андрэ Блюм, Анри Кола, Жорж Дангон, Марк Жарик, Жан Порше и поэт-сюрреалист Жильбер Лели.

Сейчас на всех литературных перекрестках только и слышно: «Асланыч! Асланыч!» — французы за двадцать лет русской денационализации отлично усвоили, русские отчества; это про Льва Аслановича Тарасова — про Henri Troyat, получившего за своего «Паука» премию Гонкуров. И надо помнить, что вывезший его «паук» — образ исконно русский, Пушкиным представленный во сне Татьяны и Германа; Гоголем в «Вии» — пузырь с тысячью клещей и жал; Достоевским в пауковой бане — «вечности», в Исповеди Ставрогина — «красный паучок» и в ви-

дении Ипполита, по чудовищности сравнимого только с Пиранези — «паук», как последний суд и расправа и над самым совершеннейшим природы, когда-либо возникшим в «ошибочном» мире. Я убежден, что во Франции есть или будут какие-то еще премии «Гонкуров», озвучающие среди имен одно единственное имя, и я не сомневаюсь, что имя Альберта Львовича Цимбалиста — Albert Cymboliste — будет также повторяться за изобретательность, находчивость, подбор и работу.

Должно быть, это правда: «русская земля обратилась во мне в тело и кость...».

Французский журнал под руководством Сэмболиста, представляя книжные и графические богатства в веках и в самых разнообразных видах до соблазнительных наклеек на лекарство, от которых хочется захворать, чтобы купить дорогую пеструю коробочку, не обошел русское.

№ 5 посвящен столетию смерти Пушкина с воспроизведением иллюстраций Н. Кузьмина. (Этими иллюстрациями украшено издание «Онегина» в замечательном по передаче ритма переводе еврейского поэта А. Т. Шленского). После А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского, первых иллюстраторов Пушкина, самым любопытным из графиков — Н. Кузьмин: его манера — по Пушкинским рисункам; мне кажется, он рисует не кисточкой, не нашим пером, а гусиным пером, как Пушкин, и оттого в его рисунках линейная живость, усиная эластичность и воздушная рядь. Есть №, посвященный русским народным картинкам из собрания Иванова со статьей Иванова — мне особенно трогательно читать такое русское по-французски, ведь это про него у Блока в «Незнакомке»: «и каждый вечер друг единственный...». В № 9 — иллюстрации к Гоголю Ирины Кольской: «Шинель» и «Записки сумасшедшего». А в последнем 19-м №-е сны Тургенева: сон Аратова из «Клары Милич», сон Петушкова, сон Лукерьи из «Живых мощей», сон Чертопханова — четыре рисунка.

Не могу считать себя художником, я пишу и моему писанию отдаю все. Но только не могу я — так всю мою жизнь — не рисовать. И тема моя, с чего я и начал, «сверхъестественное» и все, что с людьми совершается, когда они «балдеют» и «распоясываются», освобожденные великим чародеем сном от всяких обязательств и математики, когда и самому робкому в жизни вдруг «море по колено» и «на все наплевать». Я все доискива-

юсь, каким способом выразить такое «ненормальное» состояние, как передать символику сонных видений? А это очень важно: стоит только начать вырисовывать сон, и в рисунке он окажется куда содержательнее только сказанного, и в сказанном всегда недоговоренном. Но музыка и краска сновидений? Может быть: абстрактная конструкция из цветных наклеек графированных...?

В № 19, рождественский подарок Пэра Ноеля, кроме Тургенева, неизменная из номера в номер статья авторитетнейшего Морнана, воспроизведение писем Наполеона, Людовика XVI и последних строк Марии Антуанетты: «...mes yeux n'ont plus de larmes pour pleurer pour vous mes pauvres enfants», а это значит, что до последней слезинки... и остался один сухой огонь — кровавая ссадина.

За два года выпуска «Вестника графики» на моих глазах проходила работа Сэмболиста: изо дня в день без праздников и традиционных «ваканс» все что-то клеит, рассчитывает, прилаживает. Молодость? А кто же не знает, что «беспредметные» кафе на Монпарнасе обязаны своим существованием исключительно и только той же «молодости», после которой, однако, одно пустое место, запорошенное окурками.

ЩУП И ЦАПЛЯ
— дела литературно-семейные —
(Под редакцией баснописца Василия Куковникова)

Василий Петрович Куковников роду московского получил высокое звание баснописца, живя в Берлине в период инфляции — Fabeldichter aus Tiergarten, хотя с Лафонтеном и Крыловым у него ничего общего. К литературе вообще никакого отношения, а сочинял испокон веков, и была у него страсть к письму: переписывал древние памятники и выборные места из классиков; имел же такой обычай: переписанное самодельно переплетет, занумерует, поставит на полку и успокоится. Характера миролюбивого, разговор с ним легкий, сговорчивый. «Только очень прошу, обязательно упомяните, что я бывший младший регистратор Государственной Думы, а то, может, есть еще в Париже Василий Петрович, в Петербурге был один... и много было неприятностей по службе». Пропитание Василий Петрович

добывал себе вязанием джемперов и жил тихо и радостно. Самый подходящий редактор — и кто еще может так легко и совсем безобидно выщупать и зацепить то, что совсем не к месту или не при чем или наоборот или по «недоразумению», а попросту с великого ума.

Рак и раковая наследственность

Всякий человек, даже в самые возвышенные минуты при получении денег или при известии о неожиданном вспомоществовании, равно и в самых простых разговорах — по-русски и по-французски — говорит прозой. Слова складываются сами собой и, если выходит не всегда вразумительно, — все зависит, с каким дураком вы ведете разговор, — договориться обо всем можно: в разговоре большую роль играет интонация и мимика — от игры глаз до игры воображаемого, постоянно виляющего хвоста. Другое дело в письме, где не может быть живого беспорядка — звучащие и движущиеся слова разговорной речи должны быть строго организованы: каждое слово знает свое место. Смешливый разговор учителя стихосложения с Журдэном о перестановке слов в — «belle marquise vos beaux yeux me font mourir d'amour» — имеет глубокий смысл: место слова дает ему свое значение. В одной парижской газете — заметка:

«Профессор Н. А. Добровольская-Завадская вернулась в конце декабря пр. года из поездки по Северной Америке, где она прочла ряд лекций о *раке и раковой наследственности в университетах и ученых собраниях*».

Из этого сообщения ясно, что Надежда Алексеевна читала лекции о каком-то особом виде «рака», называемом «университетский рак» и о раковой наследственности, наблюдаемой в ученых собраниях. А в действительности ничего подобного: Надежда Алексеевна прочла ряд лекций в университетах и ученых собраниях о раке и раковой наследственности. Ведь совсем пустяковая перестановка, а весь смысл другой!

Бы-быть и же

Сказанное слово звучит для всех, написанное слово звучит не для всякого: читая, воспринимают только начертание, которое представляется и окрашивается чувством, вызывая другие

представления, другие чувства и другие слова. Не одни иностранцы, а и писатели часто лишены этого «глазного слуха».

Единственный выход: написанное читать себе вслух.

«Кем вы хотели бы быть?»

Анкета «Рубежа», Харбин.

Ясно, что писал глухой. А ведь как просто: «кем бы вы хотели быть?» А кроме того, ударение на «кем», — к нему, значит, и «бы».

Одна старая петербургская писательница и теперь упражняющаяся в словесности, имела необычайное пристрастие к частице «же», она не то что ставила ее, а сеяла, где надо и не надо, должно быть для гладкости стиля, и еще была у нее неизбывная страсть писателей читать публично свои произведения. И такая получалась музыка; кончит, точно концерт прослушал. А вспомнил я ее при чтении тоже «опытного» писателя, поместившего свой рассказ в хрестоматии, изданной в Париже:

> «Но за то какие же есть жрецы! От них же первый — Иван Осипович Степанов».
>
> «Рыбная ловля».

«Опытные» и неопытные писатели! во имя русского слова остерегайтесь музыки! Не ассонируйте, не рифмуйте в прозе, не пишите: «крутились-доносились» или «скрывать-спать» или «в работе — на народе», читайте написанное вслух! даже при острейшем «глазо-слухе», не уступающем ажану на пасажклютэ, есть опасность замузыцировать; «музыка», как и пестрота «живописи» эпитетов, делает прозу «разложившимся элементом», подкрашенным и надушенным треско-пустословием; проза, и самая сложнейшая, скромна, как сталь.

Английский язык

«Линдберги живут в маленьком доме, в открытом поле, в двух часах езды от Нью-Йорка, Однажды они пригласили меня к чаю. На мой вопрос, как к ним добраться, г-жа Линдберг ответила: “О, это очень просто! *Езжайте прямо по дороге*”».

«Андрэ Моруа и миссис Линдберг»
из парижской газеты

Не о неправильности идет речь: по-русски от «ехать» и не только «езжайте», а и почище можно, только все в своем месте,

а неуместно — получается неловко. Ну, возможно ли, чтобы Анна Каренина сказала Вронскому: «Езжайте прямо по дороге», — никогда! — она скажет: «поезжайте», а вот Анютка из «Власти тьмы» может. «Анну Каренину» и «Власть тьмы» написал Лев Толстой.

Е и Ё

«Буква е может произноситься как ё только тогда, если она стоит под ударением. Если, с изменением формы слова, ударение переходит на другой слог, то звук ё исчезает.

Напр.: учён, но учена».

«Pour bien savoir le russe»
Payot, Paris, 1930, p. 297.

Ничего подобного: если «учён» (т. е. образованный), то женский род — «учёна» (т. е. образованная), а если «учен» (выучен или не выучен), то женский род — «учена» (выучена или не выучена).

Это то же, за что Игоря Северянина в Варшаве нынче обличали русские Грамматики, всякие бывают Грамматики: ему говорят — неправильно произносите «утонченный», надо говорить «утончённый»! А он по простоте своей — учение о предложении и о словосочетаниях для него мертвая грамота — возразить ничего и не может. Так и уехал в Тойлу. А ведь был прав: есть «утончённый» (по существу тонкий), а есть «утонченный» (не тонкий, лишь сделавшийся тоньше: как бы рубанком прошлись!).

О и ОБ

Если вы спросите Грамматика, он вам скажет, что «о» надо употреблять перед согласной, а «об» перед гласной, и примеры приведет из старинных памятников: на «об»: «сташа об оноу строноу Оке» (Новг. I л. 6717 г.); и на «о»: «Аже братья ростяжються перед князем о задницю» (Р. Прав. Влад. Мономаха). И этим «об ону» и «о задницу» все решит. А между тем искони говорится: «ударился мордой об стол», «треснулся головой об стену», «об рундук головой билась» («Власть Тьмы» Толстого), как есть русская традиция, известная поэтам (свидетельство Валерия Яковлевича Брюсова и Михаила Алексеевича Кузми-

на) и книжным справщикам, что искони писалось и надо писать: «комедия о Алексее, человеке Божьем», а не «об Алексее», или «комедия о Евдокии», а не «об Евдокии». Стало быть, опять все дело в «глазо-слухе»: начертание «об» перед «Алексеем» и звучание этого «об» — нестерпимо, но и как нечувствителен был бы звук, если, следуя правилу «о задницу», написать «треснулся головой о стену». Вот почему следует писать «о Осоргине» и «о Алданове», непосредственно: «а-Осоргине», «а-Алданове». И только желающему придать своему слову гром и грозу может быть сделано исключение к удовольствию Грамматика.

Самоочевидности

Великая тайна сказать слово, и чем тайнее слово, тем оно проще, и самые простые и самые тайные из слов — самоочевидности: «все, что имеет начало, имеет и конец», «целое всегда больше своей части», «из ничего и будет ничего». (Ex nihilo nihil fit) и т. д. — все их знают и никому в голову не приходит, что кто-то сказал их первый. В дополнение к известным приведу еще две, не зарегистрированных ни в каких философиях, принадлежащие Юлии Леонидовне Сазоновой:

1) «Чем выше вершина, тем дальше с нее взор охватывает горизонт».

2) «Тенор не может стать хорошим басом»

(Из статьи в «Последних Новостях»).

Соблазн

«Нилка был большой мужик с набухшим, в зеленых угрях носом».

Леонид Зуров. «Кривичи».

Самое соблазнительное по двусмысленности в русской литературе — описание деревни, мужиков и вообще «народа». Это описание сводится или к фальшивому представлению барином мужика, как любили барыни представлять кухарок, или к переодеванию в мужика для высказывания через него своих заветных мыслей. О проникновении в душу «народа» — о перевоплощении в мужика (а почему не в слона и зайца?), — а об этом старались неискушенные критики к соблазну авторов повестей о жизни «народа» и читателей, желавших узнать жизнь

«народа», — не может быть речи: творчество не перевоплощение в кого-то и не проникновение куда-то, а только в самого себя и в извлечении из себя мыслей-чувств-и-слов и в изображении себя — своих мыслей-чувств-и-слов. Пример Толстой, который хотел обнять необъятное, — так и поняли: чего только не описал Толстой! Дядя Ерошка в «Казаках» без Толстого в природе не существует, потому что это Толстой в маске Ерошки. Каратаев в «Войне и мире» существует настолько же, насколько его лиловая собачонка, — пример расславленного «художественного проникновения»: Каратаев существует через обонятельно-зрительное восприятие — крепкий пот, и как сидит перед расстрелом у березы (а почему не заяц?), а между этими впечатлениями набор слов, среди которых мотив русской заветной сказки: «чужая вина». Толстой внешне нарядился под мужика и написал «Власть тьмы», переряживаясь то в Акима, то в Никиту, то в Митрича.

БИБЛИОГРАФИЯ

1

Sigmund von Herberstain, Moscovia. In Anlehnung an die älteste deutsche Ausgabe aus dem Lateintschen übertragen von Wolfram von den Steinen, eingeleitet and herausgegeben von Hans Kauders. Mit zum Teil handkolorierten Wiedergaben zeitgenösslischer Bilder. Verlag der Philosophlschen Akademie. Erlangen, MCMXXVI. Der Weltkreis — Bücher von Entdeckerfahrten und Reisen. Erster Band. S. 238.

Эта замечательная книга, которая не только немецкая, а и такая русская. Имя Герберштайна для России — имя Нестора Летописца: Герберштайна знает в России всякий образованный человек, т. е. все, кто учил русскую историю. И если Герберштайн не попал в «святые» подобно Нестору Летописцу и не зовется преподобный Зигмунд, то разве только за фамилию, которую на русский лад никак не переделать.

Герберштайн — посол императора Максимилиана дважды посетил Россию: в 1517 и 1526 при царе Василии III (1505—1533). Московия — один из главных источников русской истории: единственный исторический атлас — проф. Замысловского основан на карте Герберштайна.

Герберштайн открыл Европе Россию, России — Москву XVI в.

А картинки, которыми украшена книга, они памятны всякому русскому человеку: по Герберштайновским изображениям представляем мы себе старую Россию. И не надо читать П. П. Сувчинского, а только взглянуть на «русских всадников» — этих подлинно «русских» (не васнецовских) богатырей и уж на всю жизнь поверовать в Евразийство.

Книга издана чудесно.

2

L'art populaire en Russie Subcarpathique. Texte explicatif de S. Makovski. Préface par Denis Roche. Edition Plamja, Prague, 1926. Planches : 10 en couleur et 100 en noir. P. 152.

Кому только из русских ни мерещилась «Подкарпатская Русь»! Гоголь в своем таинственном — своим «Вием» и «Страшной местью» — глядит из-за Карпат, а с его голоса и всех туда тянет.

Подкарпатская Русь — перекресток, завязь нечистой силы: «там ей попить, там ей поесть и погулять!» — в людях-нелюдях (басуркунах) и в упырях.

А вот что человек сделал своими руками, как украсил он свою жизнь, свои дни, каким крестам кланяется и в каких церквах молится, и чем себя прихорашивает, и какие лица — как этот человек глядит на Божий мир, это — в книге «Народное искусство Подкарпатской Руси».

Материалы собраны С. К. Маковским, он же и растолковал — что и к чему. Denis Roche в предисловии открывает латинскому глазу Подкарпаты. Это хорошо, что Подкарпатской Русью занялся русский, — Маковскому есть что подарить России. А издателям — «Пламени» — Ф. С. Мансветову и И. В. Гайному за искусное выполнение книги золотая медаль.

Следует упомянуть о № 320 (22.11.25) Prager Presse, посвященном Подкарпатской Руси — «Podkarpatska Rus und die Ost-Slovakei»: кроме описания земли и хозяйства и как управляется и «всяким видам» в приложении, даны и несколько сказок, написанных по материалам П. Г. Богатырева, которые и есть самая суть искусства Подкарпатской Руси. Предутренний горный туман и сквозь туман огненные движущиеся шары: жизнь — «пить и есть» — трехмерной реальности и сюрреальное много-

мерное «погулять» явственно и стройно сложены в волшебной подкарпатской сказке.

3

L'Elaboration d'un roman de Turguenev: Terres vièerges, par André Mazon. Revue des Études slaves, tome V, 1925, fasc. 1—2.

Исследованием «Нови» — как она писалась — проф. Андре Мазон кладет начало своему труду о Тургеневе. Рукописи Тургенева, хранившиеся в Париже, достались Мазону. И это хорошо, что исследователь Гончарова взялся за Тургенева. Можно быть уверенным, что разбор будет сделан образцово.

Первое требование: точность передачи рукописи со всеми поправками и зачеркнутым. Удобочитаемость — вещь хорошая и, если можно, отчего ж! но первое и главное: воспроизвести «процесс» — поправки, надписи на полях и под-и-над строчками. Специалисты разберут, а «любитель слова» потрудится и без жалобы разберет.

Это требование выполнено Мазоном: текст есть.

По «Нови» можно видеть, как работал Тургенев. Для писателей это очень интересно. Он выписывал действующих лиц романа с годом рождения и событиями в жизни от колыбели. При этом отмечал: с кого взято. Все это для себя, не для читателя, а потому сокращенно, часто одной буквой. Мазон разобрал, кто это? — Открыл фамилии живых людей под «действующими лицами».

Тургенев писал «биографию» действующих лиц и подробный план действия — «рассказ»: из этих двух частей делался роман. Любимый знак Тургенева и самый частый — «тире». Из слов следует отметить: круговой проповедник, в самом себе заключенный и определившийся.

Работая над Тургеневым проф. А. Мазон читает в College de France курс лекций о «Методе творчества Тургенева по неизданным рукописям». Подробный отзыв о работе Мазона: Г. Л. Лозинский, История «Нови». Звено, 1925 г. № 146).

4

Paul Mouratow, l'ancienne peinture russe. Ouvrage traduit du manuscrit russe par André Caffi. Plamja, Praha; A. Stock, Roma, 1925. P. 181. Figs. 60.

Живи П. П. Муратов в старину, возвели б его в иконные нарядчики, ходить бы ему в колпаке, «председать» на собрании мастеров.

Муратов — свидетель открытий за годы революции (1918—1921) живописных иконных кладов, и больше чем свидетель, а и сотрудник по «охране памятников старины» с теми, о которых не перестает он поминать в своих статьях и корреспонденциях из Первого Рима, с теми русскими людьми, которые жили в революцию и живут посейчас в России, трудясь и храня русскую живописную казну.

Муратов — «иконный нарядчик», кому же, как не ему и книги в руки писать историю старинной русской живописи — об иконах и фресках.

Только теперь, когда сделаны открытия в старинном русском живописном искусстве и «русское» поставлено на свое должное высокое место и введено в круг «европейского» искусства, можно глядя в старину, держаться «русского», не стыдясь, как недавно было, когда всякий хотел, «как в Европе», а на счет своего лучше помолчать.

И в этом высоком месте «русского» Муратов один из первых именитых проводников.

Муратов в своей иконной истории показывает, что есть в русской живописной казне «русского» и за что держатся, как за «русский» образец. Во всех искусствах сейчас идет та же работа: и в музыке и в литературе — в музыке «знаменный распев», в литературе «Слово о полку Игореве» и «Житие Аввакума». Это Россия, «взвихренная революцией» подымается на росчистях, светясь иконами и фресками под знаменный распев и слово «Слова» и «Жития».

Книгу Муратова прочтут иностранцы для науки. А русские, для которых иностранная грамота не говорит, а лопочет, пусть, хоть картинки посмотрят и думой пройдут с глазом по ним, вспомнят Россию и укрепятся в своей вере в русскую землю, которая не впусте, а жива, живет и творит.

5

The Life of the Archpriest Avvakum by Himself. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Published by Leonard and

Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavi-stock Square, London W. C. 1924. P. 156.

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» в переводе Miss Harrison и Hope Mirrlees с предисловием князя Д. П. Святополк-Мирского. Слово Аввакума не звучит так, как по-русски, но жар слова сохранен и по-английски. Слог Аввакума: и книжный «церковно-славянский» свободно взятый, и то, что книжники и фарисеи того времени называли «вяканье» (теперь сказали б «говорок»), т. е. та русская речь — русский «природный» язык, на котором говорили все — от царя до последней кабацкой голи — одинаково.

Пример «вяканья»: « — — — на цепи кинули в темную палатку, ушла в землю, и сидел три дня, не ел, не пил во тьме, сидя, кланяяся на цепи, не знаю на восток, не знаю на запад, никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат и блох довольно».

Пример «книжный»: « — — — виждь, слышателю: необходимая наша беда; невозможно миновать! Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!»

Переводчики трудного «Жития» исполнили свою работу с любовью. Miss Harrison — одна из выдающихся ученых женщин Англии (Jane Ellen Harrison, Reminiscences of a Student's Life. Published by Leonard and Virginia Woolf at the Hogarth Press. London 1925); Hope Mirrlees — молодая английская писательница («Le navire d'Argent», Paris, 1925 № 6); кн. Д. П. Святополк-Мирский человек с зубом, голова с башкой («О московской литературе и протопопе Авуакуме» в Евразийском временнике, кн. 4. Берлин, 1925; его же «Modern Russian Literature» by Prince D. S. Mirsky, Lecturer in Russian Literature at King's College University of London. London, Oxford University Press, Humphrey Milford, 1925).

6

Margarita Sobaschnikowa. Makarius. «Die Christengemeinsohaft», Stuttgart, 1925, N 9.

О старце Верхотурском Макарии — который старец так превозмог «страсную стихию», что и звери и скот слушались его. На вечерней заре — это когда старец пастухом был — станет старец и начнет молиться и все стадо — коровы и овцы и козы станут и стоят не шелохнутся, головой туда, куда старец смотрит, и как другой раз домой хочется, а терпеливо идут, когда старец кончит молитву.

Об этом старце Макарии и его разговоре рассказывает М. В. Сабашникова.

7

Die goldene Kette. Weltpasionen Altrussische Legenden nach Alexei Remisoiv. Ubertragen von Gertrud Hahn. Pflüger Verlag, München. S. 60.

Солнце, месяц, звезды, «страсти», ангелы и демоны. Страсти Адама. Страсти Господни. Страсти Богородицы. Воплощение. И отречение. (По-русски не издано).

8

Alexei Remisow. Russische Frauen. Dem Volksmunde nacherzählt. Ubertragen von Alexander Eliasberg. Drei Masken Verlag. München. S. 154.

«Открытый к слову русского народа, пользуясь записями изустных рассказов, я сказываю сказку о России — о матери, о сестре, о жене. Русская женщина проходит со своей разной долей, каждая неся свою тайну. И первая тайна — тайность сердца — любовь: любовь — васильковое поле! — щедрое одаряющее сердце; и любовь — там брошенный в подвал! — безвыходно бьющееся сердце. Марья — с бессмертной суженой любовью и Маша — разлученное кукующее сердце. Любава — с беззаветной воскрешающей любовью, и Маша — чудодейное мудрое сердце. Нелюбая Сошка, и отчаянная Маша — бессчастная доля! Федосья — родное сердце, а любовью крепка до смерти, и верная Ульяша. Какою береженною думой одумана любовь сестры к брату, и как жестоко и какая горечь в слове о подружьей любви — Варушки и Анюшки. И та же беспощадность к ревнивой клевещущей любви Варвары. От старого до малого — от бабушки-ворожеи, Карасьевны и Кондратьевны до девчонки-ска-

зочницы Машутки и умницы Ульки. От человека-женщины до лешачихи и водянихи и рыси — Наташи, разлученной с мужем и сыном. Я слышу, Россия — мать, сестра и жена — голосом русской земли сказывает свою волшебную сказку» (Из предисловия к книге).

Книги по-русски нет.

9

Michail Ossorgin, Rondinella Natascia ed altri racconti russi. Prima traduzione italiana dal testo originale russo di Raja Pirola Pomerantz, Copertina e illastreèzioni di Roberto Aloy. G. Morreule. Editore, Milano, Milano, 1924. P. 126.

«Ласточка Наташа», по-русски «Сказки и несказки». Вся книга проникнута любовью к России и самого братского чувства ко всей природе. Да иначе и невозможно, посмотрите на приложенный к книге портрет автора. И не читая, а только взглянув, просто захочется подойти к человеку безо всяких — и не наткнешься!

10

Le Monde Slave. Décembre 1925, Paris: Henri Moyesset, P. Milioukov, Jules Légras, B. Mirkine-Guétzévitch, Alexis Remizov.

Вся книга посвящена памяти декабристов. Извлечение из статей П. Н. Милюкова и Б. Миркина-Гетцевича появилось в юбилейном №-е «Последних Новостей»; «Письма Пестелей» в переводе на русский — в «Воле России», Прага, 1925, кн. 12. Самое яркое, что было сказано в эти дни о декабристах — это слово М. А. Алданова, а самое живое — воспоминание В. М. Зензинова, («слово» и «воспоминание» напечатаны в «Днях»), а самое «своеглазое» — статья кн. Д. П. Святополк-Мирского «The Slavonic Review». London, 1925, December. Vol. IV, No 11).

11

Stephen Graham, The Dividing Line of Europe. D. Appleton and C-o. New-York, 1925 VII + 390.

В отделе «Россия во Франции» одна глава посвящена русским писателям, проживающим в Париже: З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому, И. А. Бунину и А. И. Куприну.

12

«Die literarische Welt». Herausgeber Willy Haas. Ernst Rowohlt Verlag, Berlin.

С октября 1925 г. в Берлине выходит еженедельная литературная газета на манер парижской «Les nouvelles littéraires». Из русских участвуют А. Ремизов и Илья Эренбург. (Переводчик — Hans Ruoff). В № 3, 1926 — статья Эренбурга о С. Есенине «поминки». В № 2, 1926 — «Die russische Dichterkolonie im Café "Prager Diele"» (1922—1923); Эренбург описывает из заседателей кафе только высокопоставленных лиц: вы видите таких «трезвенников», как наш знаменитый философ Лев Шестов, наезжавший в Берлин по делам нового философского общества «Z. V. S», и не менее знаменитого Андрея Белаго, и таких «молчальников», как Ф. А. Степун и Виктор Шкловский, затем выступают — Б. А. Пильняк, В. Г. Лидин, Вс. Мейерхольд, Вл. Маяковский, Натан Альтман, Таиров, Дуров; но всякий, кто только жил об эту пору в Берлине, знает, что самое ядро кофейни — Соломон Каплун («Эпоха») и Абраша Вишняк («Геликон» — племянник «Современных Записок»), и о них ни слова. Укажу, как на дополнение, на рассказ А. Ремизова «Z. V. S.», напечатанный в «Огоньке», Рига, 1925, № 50.

13

«Russische Rundschau ». Monatshefte für die neue russische Literatur. I. Ladyschnikow Verlag. Berlin, Erstes Heft, October, 1925.

Рассказы: Горького, Лидина, Эренбурга, Соболя, Бабеля, Леонова. Стихи: Маяковского и Тихонова. «Русская литература в Германии» Артура Лютера. О театре — П. Маркова. О стихах — С. Либермана. И «Разыскания» Евг. Замятина о литературе — Евгений Иванович Замятии, стерегущий, как демон в преисподней, преисподние дыры и норы и окнища «русского слова».

<ЦАПЛЯ>

Георгию Иванову

Есть поэт Клюев и зовут его не Николай Васильевич, а Николай Алексеевич; Николай же Васильевич был Гоголь, а из современников — барон Дрезин. («Дни»).

Барону Дризену

Вы пишете: «что называется, на последнем издыхании». — Бога ради! что хотите и как хотите, только не «на», а «при». («Возрождение»).

Марку Вишняку

Из «монаха» — «монашество», совершенно верно, но из «бунтаря» никак не «бунташество», как и из «токаря» не «токашество», а «токарство». («Дни»).

Георгию Адамовичу

Р. В. Иванов-Разумник — вот бы удивился! нет, он никогда в Москве не жил, а всегда в Царском Селе, теперь в Детском. («Звено»).

Любови Столице

Алянский искренно был убежден, что есть «Альконост», да так было и свое издательство назвал и напечатал проспект. Да к его счастью попал этот проспект двум книжникам (книжники там — в России!) Левкию Ивановичу Жевержееву и Якову Петровичу Гребенщикову, и чего уж, не знаю, только у «Альконоста» отпал его мягкий знак и издательство стало называться «Алконост», и как, бывало, помянешь Алянскому, сердится! («Возрождение»).

Е. В. Постниковой

«Привыкнув оставлять в городе шпагу у швейцара, т. к. в церковь с оружием не полагается входить, отец смущенно ложил шпагу на крыльцо маленькой, беленькой церковки». И еще: «оглохшие мы смотрели на бушующее море огня, покуда не принесли убитого учителя и не поклали в канаву». «Ложить — ложил — ложит», если б «ложет» (лжет), то от «лгать», но никак не «класть», а от «класть» совсем не «поклал!». И еще: «матушка встали и, льстиво прощаясь, стали одевать свои шляпы и ватерпруфы». А ведь до войны — у всех в памяти — Д. В. Философов в «Речи» растолковывал Саше Черному о «шляпе», что по-русски никак невозможно «одевать шляпу»: только то,

что можно раздеть, про то говори одену! Ну, а на загадку уж больно заковыристо, куда там «поклали» — ! вот, это не стихи:

«пыль пройдет ужасная и везде навоз,
«пахнет пóтом теплым,
«будто сам потóм заразился пóтом,
«и пастух идет...

(«Воля России»).

Последним Новостям и Возрождению

Гора с горой не сходятся... трогательное единение на «парах»: «история одной пары кальсон» («Последние Новости») и «через пару дней» (Сергей Савинов из «Возрождения»). И почему не сказать и что тут смешного — советское «десяток пар золотых часов?».

« — — сквозь дурманящий головы хмель красноречия прощупывается, однако, холодный и продуманный план». Не иначе, как доктор писал! (№ 1489).

Владиславу Ходасевичу

«Провожая» — «провождая» не нуждается в сопроводительном примечании: Казины в России говорят на русском природном языке. («Дни»).

Н. И. Мишееву

«Кусково», как и «Останкино» ни «некто» и можете безбоязненно склонять во всю: с Кусковым, в Кускове, о Кускове — из Останкина, в Останкине, с Останкиным. («Перезвоны»).

К. И. Чуковскому

«А другой младенец в Крыму, в Коктебеле выдумал слово пулять... и только потом оказалось, что это слово тоже существует в Сибири». Корней Иванович, зачем Сибирь! неужто проходя по Невскому во «Всемирную Литературу» ни разу не слыхали: что-что, а на счет «пулять», за этим дело не станет, спросите Евг. Замятина. («Красная Газета»).

Д. С. Мережковскому

«Продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания мне помогают немногие спутники. Из старых — такие ученые как Шамполион, Лепсиус, Бругш и мудрецы и поэты — Гёте, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич, Гоголь; из новых — Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и, величайший из всех, Достоевский. Не услышали их и меня не услышат. Великая скорбь и радость — быть не услышанным с ними». Благодарите Бога, что спутники-то вас не слышат: народ, хоть и не обидчивый, но совсем не компанейский! («За Свободу»).

Вел. кн. Николаю Николаевичу

«Беззаконие, безверие и разврат продолжают править нашим отечеством... обескровленный и изнемогающий народ русский борется». И еще: «нестерпимы угнетение народа русского... преследование веры и церкви православной». Определение поставленное после определяемого, приобретает свойство парафина («Parlax»), на этой слабительной стороне держится весь т. н. «русский стиль»: не «русский народ», как это было б по-русски, а «народ русский», да Бог с ним! высокопоставленным адресам время прошло. («Новогоднее поздравление» и «Зарубежное приветствие»).

ВОРОВСКОЙ САМОУЧИТЕЛЬ

1.

Самое верное и выгодное в житейских делах: «отрицательная реклама». Трубить, скажем, о вреде табаку и в то же время заведи табачную фабрику и продавай папиросы в каких-нибудь особых «символических» коробках, вкладывая листок вредной рекламы — «табак — яд, но наш — де табак»... одним словом, кроме пользы, ничего. Тоже и в питейном и в проч. делах, также и в литературных: ведь лучший способ обратить внимание публики на произведение — ругать и выругивать автора систематически, надо и не надо, при всяком удобном и неудобном случае.

2.

Верный способ извести ближнего: выражай ему сочувствие. А делай это так: вызови по телефону и ахай и ахай: «Какое это безобразие, вас все время по телефону беспокоят и по пустякам тревожат!»

3.

А если хочешь извести окончательно: звони, спрашивай адрес общего знакомого, — «не знаете ли адрес Андрея Белого?» Это действует ошеломляюще, если еще позвонить после некоторой паузы: «извините, опять забыл, адрес Андрея Белого?»

4.

Хорошо еще на костюмированном вечере или «в пользу» на благотворительном выбрать самого шикарного «молодого человека» (возраст не важно!), только б с претензией, и отрядя стаю, один за другим пускай подходят, справляясь: «извините, пожалуйста, не знаете ли где уборная»?

5.

Если стянешь, например, картину и ждешь к себе ее хозяина, советую, убери со стены на время, а то он может заметить, спросить: откуда? — сразу и не найдешься. На случай: единственный выход — вали на Пильняка, что подарил-де Пильняк! Пильняк же в Москве, ищи-свищи!

6.

Расстроить человека очень просто: хорошо рассказать дурной какой-нибудь отзыв. Приходи и прямо: «Слышали, что про вас такой-то»? — И жарь, чего хочешь, всему поверит. И пользуйся случаем: себе.

7.

Очень действует: приходить не вовремя «на одну минутку».

8.

Посулить денег, обнадежить, разгласить, чтобы все знали — и ничего не сделать, и притом так смотри, будто ничего никогда и не обещал.

9.

Скорая помощь: иди и проси за многих — наверняка всем откажут.

10.

Взять рукопись, посулить устроить — и держать. Попросит вернуть, не отвечай, и так порядочно выдержав, верни. Да тот уж рад, что получил (дубликата обычно не бывает), не спросит: и почему? Благодарить будет.

11.

Если кто в разговоре помянет, что нету денег (ясный намек одолжиться!) — «У всех теперь нет, — говори, — вот и у меня то же!» А можно вообще предупредить всякие просительные намеки: сошлись на Россию: «в России, скажи, осталась семья, приходится из последних сил помогать: десять человек! Или на «фам де менаж: не по средствам — все самим приходится, и тарелки мыть и кастрюли чистить!» Ну, тот язык и прикусит. Или не дав передохнуть: «Вот, — скажи, — сейчас я и франка не мог бы дать...»

12.

12-ая: «не зевай»!
13-ая: «ешь пирог с грибами, язык держи за зубами»!
14-ая: «прелюбы сотвори»!
15-ая: «укради»!
Впрочем, это всякий дурак знает!

<ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОМУ. (Отрывок)>

«Поэты, эти огни, излетаюшие из сердца народа, вестники его сил», говорят больше, чем народ, из которого они вышли, больше той земли, на которой они родились, и их голос — глас «самосознающей природы». Из Толстого и Достоевского узнаешь о самой завязи «живой жизни» — как строится она на земле, и чем люди живы: и какая несхожесть! но и самое противоположное — правда жизни. И больше, чем для истории литерату-

ры, а для истории человеческого самосознания важна каждая их строчка. Но разве не любопытны их корреспонденты — уж одним обращением своим заявляющие о своем полном одиночестве среди живых, живущих на земле без оглядки. Петушков, автор письма Достоевскому, один из самых смирнейших, кого я встречал в Париже за эти годы, по профессии он... теперь он устроился: разносит творог, масло, а может и настоящие сливки, от какой-то русской фермы в Париже.

ЦВОФИРЗОН

«Да не посетуют философы на мою память о давно-минувших днях в Берлине (1922 г.) и на мое слово не от злого сердца. "Смех полезен для щитовидной железы, а улыбка для мозга!" — припоминается мне изречение латинского философа Псевдо-Далмата (Лутохина) из Мокропсов и руку окрыляет смелость подать этот поминальный свиток».

Предпосылки

Протокол

§ 1.

На Красную горку в кафе «Die stille Ecke» в Шенеберге состоялось организационное собрание нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантскому отделению закрытой в России «Вольфилы». Общество называется «Свободное Философское Содружество», а для краткости на манер «Вольфилы», — «Цвофирзон» (Zwovierzon). Почетным председателем избран единогласно Лев Шестов, секретарем инж. Я. С. Шрейбер. В члены принимаются все искавшие и что-либо нашедшие, как физически, так и духовно, в вещи или в идеях, безразлично.

§ 2.

В противовес появившемуся художественному журналу «Object — Вещь — Gegenstand», созданному кучкой художников «левого» направления во главе с А. Шрейдером, образовалась при Цвофирзоне «авангардная» ячейка, объединенная небезыз-

вестным Я. С. Шрейбером, и с осени предполагается издание журнала — «Idée — Понятие — Begriff».

Музыку берет на себя П. П. Сувчинский, художества — С. И. Шаршун, литература же вся в руках Г. С. Киреева.

§ 3.

В пивной «Berliner Kindel» в Шарлоттенбурге состоялось первое открытое собрание Цвофирзона. Первым выступил Г. С. Киреев, «Ижица, как символ вещей сокровенных», затем П. П. Сувчинский «О знаменитом распеве», третьим Жорж Шклявер свои римские воспоминания о встрече с Кодексом. После чего М. М. Тер-Погосьян продекламировал поэму «Лалазарь». А в заключении была оглашена приветственная телеграмма из Парижа от Льва Шестова: наш философ решительно отказывается от звания почетного председателя, мотивируя свой отказ исключительно дальностью расстояния и неудобствами путей сообщения.

Следующее собрание будет посвящено докладу д-ра А. С. Роде «О питательности пилюль д-ра Кубу» и очерку В. К. Винниченко «Днепровские пороги, как подводная Скандинавия: запорожцы и викинги».

§ 4.

После летних каникул Цвофирзон возобновил свою деятельность.

В Rosenkranzsonntag на Erntedankfest в кафе «Ruhiges Plätzchen für brennenden Zigarren» приехавший из Парижа б. почетный председатель Лев Шестов, chargé de cours à l'Université de Simféropol, поделился своими тирольскими афоризмами.

«Если бы не дождь, — сказал философ, — так бы и зазимовал на альпийской панораме. Верите ли, целое лето пришлось таскать ватошное киевское пальто, а из калош, прямо скажу, не вылезал».

Затем выступил с докладом секретарь общества пресловутый инж. Я. С. Шрейбер: «Адогматическое обоснование трирэмы, как безмоторного двигателя для борьбы с соляным и спиртовым червем». После Шрейбера сестры Черновы исполнили под аккомпанемент Е. Д. Кусковой «Солнце всходит и заходит» и послана телеграмма Кемалю паше в Турцию.

§ 5.

В день Всех Святых в кафе «Drei Reichskronen» состоялось прощальное заседание Цвофирзона. Перед отъездом в Париж б. почетный председатель Лев Шестов прочитал доклад на латинском языке, коснувшись главным образом своей знаменитой полемики с секретарем общества пресловутым Я. С. Шрейбером по вопросу о спиртовом и соляном черве: Лев Шестов в противоположность Шрейберу пытается доказать, что подобного червя в природе не существует и, больше того, никогда не могло быть.

«Капустные же черви, — сказал наш философ, — появляются, как на капусте, так и на других питательных и полезных овощах и прочих фруктовых продуктах по преимуществу, как говорится, в теплые дни после дождя».

С возражением выступили только что прибывшие в Берлин из России высланные московские философы во главе с Н. А. Бердяевым: в общем не отрицая червей, как «проводников в вечность», Бердяев выставил свой тезис о курином непаленом пере.

«Непаленое куриное перо, — заявил наш философ, — попадая в организм и соединясь с луковицей, становится актуальным, так например, рентгенизацией установлено у философа Степуна присутствие целых двух павлиньих крыльев, а у Г. Г. Шпета одно утиное в зачаточном состоянии. Celui qui veut mange l'oiseau commence par lui ôter les plumes».

На это возражений не последовало.

Единственный из оппонентов М. А. Осоргин говорил по-русски; он затронул вопрос о гонораре, защищая себя и прочих недалеких писателей из обезволпала. А в заключении П. П. Сувчинский исполнил цикл евразийских песенок под аккомпанемент Ильина 2-го.

§ 6.

Геликон — А. Г. Вишняк (Шварц), племянник «Современных Записок» и член президиума Цвофирзон, вслед за «Эпопеей» Андрея Белого предпринимает серию популярных справочников по заграничным курортам на русском языке с подробным указанием цен на предметы первой необходимости, медикаменты («передвижные аптечки») и железнодорожный тариф

на грузы, как малой, так и большой скорости, и с историческими очерками городов, как близ лежащих, так и более или менее отдаленных. Вся серия будет называться «Эпоха» под общей редакцией Соломона Каплуна-Сумского.

Z. V. S.
Эсхатокол

В одной деревушке была засуха. Жители обратились к колдуну. Колдун сказал, что дух дождя — дождевик-Регенмантель требует человеческой жертвы. Кинули жребий. И жребий пал на Н. В. Зарецкого. Зарецкому ничего не оставалось, как покориться. И когда наступила ночь, он с помощью Тер-Погосьяна и Барладьяна сделал из соломы чучелу, убежал а лес, где жил этот самый дождевик-Регенмантель. А ранним утром, ничего не подозревая, чучелу сожгли. И когда погас последний уголек, к всеобщему удовольствию хлынул сильнющий дождь. Тут Зарецкий под видом дождевика вышел из леса и давай Бог ноги.

По пути в соседнюю деревню на горе стоял женский монастырь.

И как раз о ту пору в монастырь проник под видом блаженного какой-то... безо всего, наг и бос, и расположился бесстыжий в кельях, как у себя дома. Монашки же, уверовав в его святость, немедленно подпали под его волю. Но тут что-то случилось — ревность? а может, раскаяние? — только монашки в один прекрасный день, сгрудившись, выгнали его вон из монастыря. И вот, завидя теперь Зарецкого, подняли тревогу и с криком — «Пильняк возвращается!» — бросились на него и давай лупить, чем попало. Зарецкий отбивался, как мог. Монашки, сорвав с него листик, уж ловили его рукой, норовя защемить как побольнее или, попросту, оторвать. Только чудом вырвался от них Зарецкий и, сломя голову, пустился с горы и там юркнул под кустик.

Дождик между тем перестал, прояснилось.

Зарецкому надо было только выждать и: в уединении собраться с мыслями: как дальше? И вдруг зверчайший чох оборвал ему сердце: ему представилось, это монашки — тут! — нагрянули! — и вот разложат его, как зайца.

А никакие монашки — под кустиком сидел, как и Зарецкий, и также наг и бос и безо всего, только смокинг на пуговицу, Соломон Каплун-Сумский.

«Соломон Гитманович!» — обрадовался Зарецкий.

И Соломон рассказал ему свою не менее чудесную повесть.

* * *

На том же самом необитаемом острове на горе как раз против женского монастыря жил чародей. Одни говорили, что это Степун, другие — Бердяев. А это был и не Степун и не Франк и уж никак не Бердяев, а самый настоящий живой Андрей Белый.

Жил он великим отшельником, никуда не показывался, никого к себе не принимал, и голосу его никто никогда не слышал. И лишь на ранней заре в теплую погоду он высовывался по плечи из узкого окна и кричал так, что даже в женском монастыре посуда с полок падала, кричал на-голову и всегда одно и то же:

«Существую я — или не существую?»

Покричит-покричит и спрячется.

Потом только носом выглянет на минуту и уж пропал.

И опять до теплой зари ничего не слышно, и существует он или не существует, неизвестно.

«Как-то засиделись мы в Prager Diele, — рассказывал Соломон, — и вышел у нас большой философский спор: кто скорее до дому дойдет? Шкловский стоял за меня — Шкловский доказывал: пусть Эренбург и Вишняк-племянник живут тут же наверху над кафе и подняться им, кажется, ничего не стоит, но это только так кажется, на самом же деле поздний подъем несравненно труднее, а главное кропотливее бега по гипотенузе на Мартин-Лютерштрассе, и затем даже после удачного подъема еще ведь поиски комнаты, а это займет гораздо более времени, чем вынуть ключ и отпереть дверь. Бахрах же держал сторону Эренбурга, доказывая, что гипотенуза, хотя и представляет все выгоды и в общем быстрее опущенного перпендикуляра, но есть и величайшая опасность: гипотенуза, и совсем незаметно, может превратиться в гиперболу и уж вместо Мартин-Лютерштрассе я будто бы попаду на Виктория-Луизенпляц. Большинство было на стороне Бахраха: Пуни, Богуславская, Осипов, Богатырев, Хентова, Ходасевич, Берберова, Одоевцева, Лурье, Георгий Иванов, Адамович, Оцуп, Шрейдер и Лисицкий, Ко-

зинцева, Сувчинский, Шрейбер, Залкинд, Валтер и Ракинт, Лагорио, Исцеленов и Вишняк-племянник; за меня же кроме самого Шкловского, Андрей Белый, Сергей Гессен, Муратов и два Зака. Осоргины же и Зайцевы ни за, ни против. Бердяев — при «особом мнении». И все-таки я решился. А уговор такой: я проиграю — я должен Эренбургу 13 трубок; если же Эренбург проиграет, я заказываю себе за счет Вишняка-племянника смокинг. Была чудесная теплая погода. Превратившись в верблюда, я пустился по пустынной Прагерштрассе. Воображение мое, разгоряченное спором, пылало гастрономической витриной. И незаметно для себя я очутился на Виктория-Луизенпляц. И в ту же самую минуту в пансионе Крампэ распахнулось окно и на всю площадь раздался пронзительный крик: "Существую я или не существую?" "Да, ответил я, — не только существуете, но и пред-и-надсуществуете, Борис Николаевич!" И в доказательство я вытащил из карманов два тома "Петербурга" и два "Серебряного голубя" и, подняв высоко над головой, помахал ими, чтобы было видно и ясно, как "kein Ausgang" ("проход воспрещен"). С этой роковой зари завязалась между нами самая тесная дружба. Летом мы жили вместе на взморье в Свинемюнде, вместе купались, танцевали фокстрот "под Ходасевича" и увековечили нашу дружбу на семейной карточке трех видов: вплавь, на пляже и с Гржебиным».

«А что же Эренбург с Вишняком-племянником, нашли комнаты?» — отдышавшись, тихонько спросил Зарецкий.

«Им ищет Метакса! — и Соломон гордо показал на свой смокинг, — я выиграл!»

* * *

Дружба Соломона Каплуна с Андреем Белым продолжалась и после купанья. Вернулись они в Берлин вместе — ехали в одном вагоне. Вместе ночевали в «Эпохе». Всюду, где появлялся Соломон, мелькал и Белый. Их видели неразлучно в ревире, в вонунгсамте, в полицейпрезидиуме на Александерпляц. И Андрей Белый, когда его куда звали, беспомощно повторял одно и то же: «Как Соломон Гитманович!» А по пустынному острову в час теплой зари еще резче надносился крик чародея: «Существую я или не существую?»

Кто-то из знакомых — не то гостившая в Берлине Шкапская, а может, и Цветаева, не помню хорошенько, — кто-то одним словом, сказал, что Андрей Белый — «выходит из себя».

И захотелось Соломону посмотреть, как это делается.

«Но это не безопасно, — возразил Андрей Белый, — вы знаете: выходящий из себя действует на душу присутствующего при этом постороннего тела, как реактив. Все зависит от природы души. Бывали случаи, что человек начинал мяукать, а один, например, и это у всех на памяти, вдруг залаял...»

Но Соломон настаивал: ни лаять, ни мяукать, ни даже кукарекать Соломон не собирался.

«И вот Борис Николаевич, закрыв себе ладонями глаза, стал понемногу выходить... "У вас роковой день 17-ое мая, — сказал он, — я вижу пески, финики, пустыню". — "Как же, — ответил я, — в эту ночь, именно 17-го мая, я мчался, как верблюд, по Прагер-штрассе!" Но что произошло дальше, я больше ничего не помню, я только слышал, как что-то в комнате летало и жужжало, как телефонное "besetzt" ("занято"), потом резкий запах ромашки ударил мне в нос, я чихнул и очнулся. Борис Николаевич сидел у стола, перелистывая "Эпопею". Я хотел его спросить, но чох не давал мне выговорить слова. "Kamelenseel! — сказал Андрей Белый, — Kamelenseel!" Тут я все понял и кубарем скатился с лестницы».

Соломон чихал, не переставая, день и ночь чихал потрясающе.

Доктор нашел — «рефлекторное раздражение обонятельного нерва»: мазать вазелином переносицу на ночь. Соломон вымазался весь — до кончика. Ничего не помогало. Хозяйка набавила на комнаты. В Prager Diele от «будьте здоровы» не стало проходу, а в «унтергрунде» (метро) и в трамваях скандалы: будто бы иностранная речь. Далин (сосед) ищет квартиру.

— И вот я пошел, куда глаза глядят.

* * *

Секретарь Цвофирзона инженер Я. С. Шрейбер, «всемирноизвестный» изобретатель «*Wünschelrute*» — такая палочка вроде дирижерской, которая на расстоянии безошибочно показывает, где и какая есть горная порода и где текут подпочвенные воды, как горькие, так и сладкие, — Шрейбер, воспользовав-

шись праздничным отдыхом, выбрался в Груневальд. Испытание чудодейственной волшебной палочки — как она будет действовать? — и текущая работа в «Пельмене» не выходила у него из головы.

«Пельмень» — это такой технический журнал при Цвофирзоне, очень распространенный: в Logos'е на складе лежит.

«Освещение вопроса о применении авиационных моторов в сельском хозяйстве по преимуществу для тяжелых тракторных плугов; способы использования отработавшего пара для пуска в ход газовых турбин, установка дизелей для товарной локомотивной тяги и т. п.» — было над чем подумать!

Так в размышлении, и совсем незаметно, Яша достиг того Укромного местечка, где под кустиком с Соломоном засел Зарецкий. И вдруг волшебная палочка сделалась необыкновенно чувствительна, а стрелка показала присутствие горной породы.

Шрейбер тихонько раздвинул кусты — но вместо — угля — он увидел никакую породу, а своих соратников по Цвофирзону.

Тут они, голубчики, и попались, а с ними и Андрей Белый и Ходасевич. И поехали все в Саров на «Беседу» есть горьковские медовые оладьи.

<ОТВЕТЫ НА АНКЕТЫ. ЗАМЕТКИ>

2

Приятель мой, небезызвестный Иван Козлок, не раз мне говаривал, что, случись ему, чего Боже упаси, снова на земле мыкаться, ничего бы он не желал, как иметь собственную колбасную.

Небольшая торговля.

Колбасы б висели над ним, а он сидит за прилавком, либо стоя, покупатель если: ведь чего приятнее духу колбасной, разве — оранжерея?

Я согласен, но я был бы доволен, если б мой приятель Козлок разрешил мне заходить иногда к нему в лавку, — я тоже люблю этот копченый воздух.

Постоять, посмотреть на вкусный душистый товар, а потом — 1/4 фунта довольно! — и домой: с чаем хорошо колбасу с хлебом.

Почему, вы спросите, этот ваш Козлок такой колбасный человек зародился?

А скажу так, что на большее заноситься — все равно никто тебя не послушает: выше своей природы не станешь.

А тут — хоть продовольствием обеспечен, и то слава Богу.

3

Как и от человека, жду всегда только одного хорошего, но не удивлюсь, если обманет. Так и от нового года. Я жду, что наконец-то ученые, трудящиеся над изобретением удушливого газа, совершенно случайно откроют такой состав, от которого человеку дышать будет легко и приятно. И как только захочется кому-нибудь почесать руки у пушек, немедленно пустить этот газ, и всякое воспоминание о истреблении забудется. Это будет лучшая гарантия мира среди народов.

4

В школе 1-го Морского Берегового Отряда (б. 2-й гвардейский экипаж) на уроке русского языка зашел разговор: кто кого читал и что кому нравится? Один говорит: «Горький». Другой: «Демьян Бедный». Больше Горький да Демьян.

«А Пушкин? нравится?»

А моряк Костров, старательный ученик, и говорит:

«Я понимаю: Пушкин великий! Но это для образованных людей, а мне больше всех нравится Некрасов».

Пушкин интересовался архивом, матерьялами — конечно, тут было любопытство к истории, к событиям — но вернее, его верное чутье узнать свой родной «природный» язык. Пушкина привлекал «базар» — русский склад речи (а в матерьялах история склада этой речи) — «базар» (отсюда «Балда»), чуждый образованным людям, а близкий, свой и понятный таким, как моряк Костров, а Костров — это русский народ, Россия.

5

Старинный московский обычай — соседи наши, немцы, на елку обязательно дарят детям книги, а у нас повелось так: книга и приложение.

Я — московский, из самого Замоскворечья: я хочу, чтобы мне подарили Робинзона или Гулливера и приложение — пять тысяч франков.

Я поеду на юг Франции, — никогда не был, — возьму с собой книгу.

Это мне будет для отдышки после сумбурного Парижа, а Робинзон с Гулливером для науки и во-обра-жения.

6

Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передается не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и канут в тысячах французской литературы.

Устремленность к Западу, т. е. к той жизни, во всех ее видах и разнообразии, истории и современности, в которой живут молодые русские писатели, явление нормальное, и русская традиция, без которой не может быть русского писателя, ответственнейшая после Гоголя, Толстого и Достоевского, не только ничего не потеряет, а даст при талантливости писателей своеобразный вид русского письма.

Две темы современности: «хлеб» (люди работают всю жизнь, а не могут найти себе и угла, и нищенствуют) и «автономная мысль» (чем сильнее стук и строже ритм машины, тем мысль упорней и сама-по-себе) — эти темы одинаковы на берегу ли океана в Европе, или на равнине в России, отгороженной железным хребтом Урала от другой, русской же, бескрайней сибирской равнины до другого океана.

Живя за лесом, трудно следить за литературой в России: слышал о «Соти» Леонова и «Каспийском море» Пильняка, но книги еще в дороге. И все еще нахожусь под чарами Дон-Кихота: новый перевод под редакцией кельтолога Александра Александровича Смирнова.

7

У Лескова в «Полунощниках» Николай Иванович в религии все произошел, «потому что с самим патриархом Макариу-

сом в Константинополе чай пил». Так и я в киноических делах, «потому что полтора года прожил над кинематографом».

«Мимические» фильмы с изобретением «говорящих» обречены на пропад. А пропадает все то, на что больше не обращается внимания. «Говорящие» же по своему техническому совершенству сливаются во всей своей словесной массе в «Рычи, Китай». Правильнее было бы вести параллельную работу: не бросая «мимических», заниматься «говорящими».

В общении человека с человеком мимика играет несравненно большую роль, чем это думают словесники, забывая, что слово без движения часто только пустой звук. А пересадка театральных разговоров в кино и при всяких усовершенствованных передачах не оживит их, потому что театральные разговоры изжиты и потеряли свое волшебство.

Я люблю географические и производственные фильмы — люблю путешествовать и всегда остановлюсь посмотреть, как дом строят. Только не надолго: все, что больше часу, мне уж и скучно; а это от моей нетерпеливой природы. Но я представляю себе, почему кино влечет и даже затягивает — высиживают вечера изо дня в день: кино — место общения в присутствии общего третьего соединяющего — действия на сцене и притом такого разнообразного, чего современный театр не может дать. Современный театр в лучшем случае только подделка под кино.

8

На океане только и есть: или буря, или, как сейчас, тишина. Закутанный туманом, океан спит, и оттого тишина. И петух Бабиляс уверен, что все еще ночь, схватится и запоет, а все то же — тихо — и моим глазам тихо — там серые тихие тучи, а в комнате — мухи.

Я люблю утро — только утром мысли ясны и во всех своих развивах уловимы — я люблю утро и печальное, как сегодня, и бурное, как вчера. И, когда летом попадаем на океан, время проходит незаметно в стократной работе: наверстываю парижские утра, занятые хозяйством и тягчайшими хождениями «по делам».

На берег к океану я больше не выхожу. В раскрытое окно мне видно, как плывет он: его необозримая чешуйчатая дышащая спина, а в лунные ночи сверкающий серебром хвост.

Не я один, обходят его и другие, не такие, как я; и не едят больше крабов и омаров. Мне пришлось однажды плыть в Нуар-Мутье, на этот друидический остров — «черный монастырь», на Сен-Филибере, и в тихую погоду какого натерпелся я страху! И теперь особенно жутко в лунные ночи.

В полдень père Jourdan приносит почту. За «деженэ» Бику, или как его зовут его «копэны», Куку или Момо (Морис) — теперь ему уж десять лет и он мечтает собрать «trois cents vues de la Collection Coloniale du Chocolat Suchard» и сделаться авиатором или... казаком — Биби-Куку-Момо учит меня техническим словам, которые я тотчас забываю и рассказываю ему о слонах, гиппопотамах, носорогах.

Однажды приходили другие дети, товарищи Мориса: в первый раз они увидели не француза и были очень довольны, а еще больше, потому что ели варенье — Синет, Бебер, Птижан, Фифин.

Днем, прочитав газету, продолжаю работу. И вечером до «динэ». А после «динэ» читаю вслух. Так проходит ваканс.

9. О Фурасе

Фурас (Fouras) во Франции на берегу Атлантического океана между Вандеей и Жирондой. А знаменит тем, что это последний берег Франции, откуда на фрегате «La Saale» в 1815 году отплыл Наполеон в ссылку на остров св. Елены. В сезон народу наезжает, не протолкнешься; коров много, а молока на всех не хватает. Дважды в день на улице появляется глашатай (le crieur) с барабаном; пробарабанит, а потом все новости выложит — и где какое представление или собрание и что продается и, если пожар случился, и о пожаре. (Вот бы завести нам в России такую живую газету в маленьких городах!) Съезжаются одни французы, иностранцев нет. (Потому, должно быть, и не во всякой уборной крючок есть). Я, «китаец», попал по неведению и, прожив три дня, вижу, пора восвояси.

* * *

1. Я очень люблю детей, всегда любил, и много их встречаю на улице и всегда радуюсь, глядя на них, и мне кажутся они та-

кие же, как помню их в Париже и до войны. Иногда очень взволнованно вдруг примутся что-то рассказывать мне, но говорят все вместе, и трудно разобрать, в чем дело. А из того, что я понимаю, я чувствую, что это какое-то важное событие из их мира, который мы не замечаем и, возможно, что даже при желании заметить, ничего не разберем. В то время, как оценки взрослых очень изменились, везде и на все понизилось требование: выбирают ли книгу для чтения, смотрят ли в театре пьесу или просто развлекаются, — сказать о детях, что бы и их мир так обеднел и так сомкнулся, будет неправильно.

2. От всякой книги прежде всего требуется, чтобы она была не безразлична, будь то о путешествиях, о бабочках, о звездах или как люди живут и чем живут или о воображаемых поступках. При таком условии слово получает силу, как соль и сахар, хина и яблоко, гнев и милость.

3. И лучше всего брать для детей не то, что написано «для детей», а то, что ни для кого не предназначалось, но и не могло не быть написано, и потому вышло для всех — и для детей и для взрослых: Аксаков, Толстой, Гоголь, Достоевский.

* * *

Кто еще чувствует острее, а знает, как свои пять пальцев, что такое безработица, как не русский писатель? Без книги или зачахнешь или оскотеешь, а между тем во все времена судьба писателя — наглядный пример «безработного». Мой голос, как одного из обреченных, испытавшего на своей собственной шкуре всю беду и унижение, не может быть не услышан, потому что сказанное от самых корней сердца — чудодейственно, и я знаю, мое слово — помочь безработным! — постучится в дверь не безотказно.

Когда горит, не говорят «пожар», а бросаются в огонь и спасают. А безработица это тот же пожар, и не надо ссылаться ни на какой «кризис». В войну повторяли «военное время», и этим словом все покрывалось, как сейчас «кризис». Что же связывает человеку руки? Да страх. Единственно страх: «а ну — как самому не хватит?». И этот страх леденее и самого черствого сердца. Но, только победив этот страх, человек почувствует себя свободным. Не бойтесь, жертвуйте на безработных!

«ПРУД»

«Пруд» — мое первое произведение. Написан в Вологде (1901—1902), но в него вошло — «запевы» (лирические вступления) — из ранее написанного еще в Устьсысольске (1900—1901). В 1-й редакции с некоторыми редакционными пропусками «Пруд» напечатан в ж. «Вопросы Жизни» в 1905 году. Встреча была самая дружная — не было журнала и газеты, где бы не было отзыва — везде выругали. Несмотря на изустное заступничество — слово: П. Е. Щеголева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Льва Шестова, Е. В. Аничкова — я не мог найти издателя. И только в 1908 г. через С. К. Маковского в изд. «Сириус» (С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников, М. Н. Бурнашов) вышел «Пруд» отдельной книгой с обложкой М. В. Добужинского. Это 2-я редакция без пропусков.

«Пруд» отпугнул «странностью и непонятностью», теперь совсем не странной и ничего не непонятной. У меня не было, конечно, ни «серебристой дали», ни «истомы зноя», ни традиционных при описании природы «вальдшнепов», я по пылу молодости хотел все обозначить по-своему — назвать каждую вещь еще неназванным именем. И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное: каждая глава состоит из «запева» (лирическое вступление), потом описание факта и непременно сон; при описании душевного состояния, как борьбы голосов «совести», я пользовался формой трагического хора.

Через год после выхода «Пруда» в «Сириусе» я попал в еще горшее положение: «Неуемный бубен» — последняя надежда — был отвергнут ред. «Аполлона», хотя устно — и И. Ф. Анненский и Вяч. И. Иванов и С. К. Маковский и Н. С. Гумилев и М. А. Кузмин и Е. А. Зноско-Боровский выражали мне только сочувствие. Все издательства отказались издавать мои книги — от Горького («Знание») до Андрея Белого («Мусагет»). Ну, никуда!

Через Р. В. Иванова-Разумника попал я в «Шиповник»: напечатав в 13-м Альманахе «Крестовые сестры», взялся «Шиповник» издать собрание моих сочинений в 8-и книгах. Тут-то мне и пришло в голову: «а что если попробовать странный и непонятный “Пруд” изложить своими словами? (скажу теперь: никому и никак не пожелаю этого делать — ни волею, ни неволею, ни от желания и сердца, ни со зла, ни на зло)». Целое лето,

сидя в Париже на Rue Monsieur le Prince, я прилежно занимался исправлением: и если в 1-ой редакции и во 2-ой я, как тогда говорили, «наворотил», в 3-ей я так «разворотил», что самому неловко стало — уж очень «на дурака»! Так вышла 3-ья редакция «Пруда» (1911 г.), изд. «Шиповник — Сирин» (1911—1912). Собр. соч., т. IV.

И опять в Париже, но уж на Avenue Mozart — опять целое лето — IV-ая редакция (1925 г.) и в последний раз! В основу я взял 2-ую редакцию («Сириус»), а из 3-ей («Шиповник — Сирин») только то, что дополняло хронику романа, все же, «изложенное своими словами» вычеркнул; выделил «запевы» (лирические вступления), а также сны и «хор»; и, насколько возможно, сделал поправки в самом «письме»:

1) есть т. н. «ритмическая проза» (само собой во всякой прозе свой ритм!), но это именно то, что принято называть «ритмической прозой» и что так любят мелодекламировать, — большой соблазн для начинающих, но от которого легко избавиться чтением вслух;

2) всевозможные описательные украшения по преимуществу природы, и притом ничего не изображающие или захватанные до беззвучия и бесчувствия;

3) однословные фразы — без надобности, а главное без внутреннего напряжения, что можно сравнить с искусственным органом без пульса;

4) повторение слова «для углубления», смысла не углубляющее, а только удлиняет строчку;

5) библейское «и», уместно звучащее у пророков;

6) бесприличные многоточия, как мушиная паль...

7) ассонансы (глагольные), производящие стрекотню кузнечиков, а бывает и зазорнее;

8) расслабляющая слащавая чувствительность: ставь определение за определяемым и готово дело, — не скажи, напр., «французский народ», а говори «народ французский».

В первый раз читал я «Пруд» по рукописи в Вологде Щеголеву, Савинкову и Каляеву: когда П. Е. Щеголев не был еше «Архивным фондом», а всего только «почетный академик» — за осанку, за голос, а главное за искусное плавание (так вологжане уверовали!), а Б. В. Савинков сотрудничал в «Искре», а И. П. Каляев служил корректором в газете «Северный Край» в Яро-

славле. И «Обезьянья великая и вольная палата» называлась не «обезволпал», а таинственным С. С. А.

«Пруд» — автобиографичен, но не автобиография. Круг моих наблюдений — фабричные, фабрика, где прошло мое детство; улица и бульвары — я был «уличный мальчишка»; подмосковные монастыри, куда оравой выбирались мы летом «на богомолье». Все это из жизни. Но самые центральные места: «Монах» (самоубийство матери) и «Латник» (видение в тюрьме) — подлинные сны.

<ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О КНИГАХ «ТРИ СЕРПА», «ПО КАРНИЗАМ», «ПОСОЛОНЬ»>

«Три серпа» — византийские легенды о Николае Чудотворце, любимых на Москве и пересказанных по-русски, как русские, о русском. Современная обстановка легенд — Париж, Москва, Бретань — в духе народных рассказов, законный прием передачи легенды, которая есть выражение явления духовного мира и стоит вне истории и археологии. Легенды о человеке, которого страждущее человеческое сердце наделило в веках отзывчивым на все беды чудотворным сердцем — книга мира, мудрости, молитвы, тесно связанная с бурной «Взвихренной Русью». И также повесть «По карнизам» — повесть о человеке и его судьбе и о вещах и их жизни — есть продолжение «книги бытия» Взвихренной Руси.

Но и в «взвихренной» и в безгрозной России на русской земле есть целое царство духов — земляные, водяные и воздушные — и этой волшебной России посвящена книга «Посолонь».

СОННИК

«Сонник» с картинками; картинки — иллюстрации наиболее ярких снов — в мозаичной рамке: по золоту красное, голубое, черное — крапинками, клеточками и сетка. Глаз на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований). Самый равнодушный читатель, раз заглянув в книгу, никогда от нее не отделается: всякое утро, вспоминая сон, хватится, чтобы узнать — «что сей сон значит?» И самое несуразное толкование не отпугнет: ведь когда-нибудь непременно же случится — «исполнение сна». Любопытство человека к своему будущему обеспечивает

успех книги. В России не было кухарки, которая не имела бы «Сонника», да и во Франции «Сонник» — «живая» книга. И никто так картинно не сумеет рассказать сна, как простой человек, насобачившийся на «Соннике». «Сонник» побуждает вспоминать сны.

Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на «тот» свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные.

«Реальная» жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство «свободы» и сейчас же обнаруживаются чудеса «совместности» и «одновременности» действия, немыслимые в дневном состоянии. Принуждение остается и во сне, но оно совсем другое, и, пожалуй, тягостнее нашего дневного и, главным образом, по неожиданности и внезапности. («Вдруг» и «сразу» — характерные признаки сонного явления).

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным «причинным» сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а «приключения» — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием «предсказывают» и «открывают» будущее.

«Сонники» появились не для забавы и развлечения: в прошлом это «руководящая» книга — по ней можно знать, что тебя

ждет, а, стало быть, и как поступать надо — чего остерегаться и, наоборот, к чему стремиться. Но и как забава и развлечение «Сонники» могут, и совсем незаметно, служить педагогическим целям: «Сонники» приучают запоминать сны; а запомнившиеся сны — матерьял для «психоанализа»: по снам можно разгадать прошлое. В древности было устремление на будущее — «сон предсказывал!» Теперь же на прошедшее — «сон выбалтывает всю подноготную!»

С открытием Фрейда «сон» занял свое место, как факт человеческой жизни. В искусстве явления сна всегда были значительнейшими фактами: Э. Т. А. Гофман, Гауф, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой.

Обзавестись «Восточным сонником» дело и приятное и полезное. Если ночью снилось — припомнишь сон, чтобы по «Соннику» узнать его значение; а когда «дрых без просыпу» и ничего тебе не снилось, ну, так перелистать книгу, посмотришь картинки — особенно хороша одна: изображен фокусник в белых перчатках с отрезанной головой, он же и отрезанную свою голову держит, как мешок с картошкой, и хоть бы что, ну, как бесчувственный, и рука не вздрогнет, а означает такой безголовый сон — «славу и богатство»!

КНИЖНИКАМ – И – ФАРИСЕЯМ

Гонение на «употребление знакомых» мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д. С. Мережковский с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанхамоном упражняется; М. А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С. В. Познера! А в чем виноват Познер, что он не «фараон» и не «граф» и никакая придворная птица?

ТРИ ЮБИЛЯРА (1866–1926)

В нынешнем году исполняется шестьдесят лет со дня рождения наших знаменитых философов.

Вячеславу Ивановичу Иванову, Дмитрию Сергеевичу Мережковскому, Льву Исааковичу Шестову. Вот — нет В. В. Розанова! вот кто бы написал юбилейную память о «трех волхвах»:

подумать только — В. И. Иванов на древнегреческом языке не только пишет, а и разговаривать может, Д. С. Мережковский — по-египетски, Л. И. Шестов — по-латыни. Этакого ни в одной земле не водится!

Будь я царем, как были цари египетские, греческие и римские, я по такому случаю издал бы декрет: издать полное собрание сочинений по новой орфографии и по старой, как кому любо; квартиру без мебели в собственность в Кламаре (Clamart) поблизости от Н. А. Бердяева; автомобиль для личных поездок и отокар для гостей — развозить по домам после разговоров ночью, когда трамваи не ходят; carte d'identité или récépissé — бессрочно; femme de ménage; визу во все государства и Нобелевскую премию каждому, а если сразу трем не полагается, то одну, разделя на три части (поровну) —

Вячеславу Ивановичу Иванову,
Дмитрию Сергеевичу Мережковскому,
Льву Исааковичу Шестову.

PARFUMERIE
Из зарубежной прессы

1

Капризную, но со средствами в качестве спутницы в Монте-Карло, а при желании и далее, ищет веселый русский молодой человек.

2

Дип. инж. 34 л. и мой приятель машино-техн. 22 л., оба из наилучшей дворянской семьи, ищем знакомства с целью брака с дамами. Владеем рус. и французским языком.

3

Вполне сурьезно. Надоело одиночество! Хочу жениться! Милые эмигрантки 30—35 лет, бросьте предупреждения к газетным объявлениям и откликнитесь хотя бы вкратце, но искренно.

4

Ольга Ивановна Ломокова просит своего мужа Александра Ивановича Ломокова прислать ей немедленно денег. Саша, ведь

ты же, уезжая из Монте-Карло, отобрал у меня все деньги, мне тобой сперва оставленные. Если ты не откликнешься и не поможешь мне, я буду вынуждена принять относительно тебя решительные и печальные меры, где бы ни скрывался.

5

Александр, одумайся, вспомни ты все хорошее, мной тебе сделанное, и исполни обещание. Оля.

6

Солнышко, прежде чем отозваться твоему Александру, пришли вещи последнего, тобой у него забранные, его законной жене.

7

Солнышко в Монте-Карло до востребования. Пишу, писала Париж.

СТРАШНО

Мне вспомнился случай на Таврической в Петербурге. Мы только что переехали на новую квартиру в дом Хренова. Дом еще не совсем кончен и с отоплением и трубами продолжались работы.

К нам пришел Чуковский. Сидели с ним чай пили. Разговор самый мирный; помню, объяснял я ему, почему еще не могу писать продолжение повести моей «В поле блакитном» (отдельные главы были тогда напечатаны). И вдруг из стены — из крохотной дверцы, не заклеенной обоями, выполз, — очень уж узко отверстие! — огромный человек, не то маляр, не то печник и, не обращая на нас никакого внимания, прошел через комнату и скрылся за дверью. Я-то сообразил сразу, хоть это было и для меня неожиданно, но для Чуковского осталось: среди бела дня вылез человек из стены, прошел через комнату и пропал. Я помню его лицо — исступленное, точно застигнуло и надо ответить, а ответить и не знаешь что, слов таких нет.

* * *

И еще случай, тоже на Таврической. Повадилась к нам ходить одна барышня. Ничего она — дурного ничего не скажешь,

только очень разговорчивая и ужасно восторженная: конечно, разговор про любовь. И это бы не беда, но главное, такую взяла повадку: непременно ночевать. А комнаты у нас маленькие и по ночам я обыкновенно долго сижу, писал и уж тут всякий посторонний мне помеха. И не то что ей негде ночевать, у нее была своя квартира и хорошая, нет, это такая повадка. И вот я как-то за чаем, когда подошло время — или ей идти домой или оставаться ночевать — и говорю:

— Бог знает, — говорю, — что у нас творится по ночам!

— Что такое?

— А видите: тот вон отдушник — вентилятор, и из этого отдушника ночью вываливаются колбаски — одна за другой.

И должно быть, я сказал с такой верой в эти таинственные колбаски, вижу, барышня-то как застыла: поверила!

Как тогда маляр или печник, внезапно вышедший из стены, был для Чуковского, так для этой барышни вываливающиеся из отдушника колбаски, которых она еще не видела, но кто знает: останешься ночевать и увидишь.

— Вываливается колбаска за колбаской! — повторял я. (Я тогда сказку про «мышку-морщинку» писал и там как раз в Забругальском замке мышка это все видела.)

Барышня заторопилась домой. И уж больше никогда не ночевала у нас: посидит, расскажет за чаем какую-нибудь любовную историю и вовремя домой.

* * *

И еще: но это из далеких времен, московское.

Я не знаю отчего так, а еще с детства находило на меня — «так ничего, смирно, все около книги и вдруг, ни с того ни с сего — так говорили про меня, — какие-то безобразия!» И немало было от этого хлопот другим, да и мне попадало.

Одно время, помню, — я был тогда в университете на 1-м курсе — прислуга у нас постоянно менялась из-за — — страхов. Купил я себе за 15 рублей скелет, не составленный — отдельные кости, чтобы дома изучить все позвонки с отростками и бугорками. А жил я наверху и вот поздно вечером, как идти вниз чай пить, лампу я не гасил — керосиновая с голубым абажуром — и возьму другой раз да на кровать к себе (кровать за печкой укромно), возьму на подушку положу череп и все такое сделаю

и полотенцем и одеялом, как человек лежит. А сам вниз и что-нибудь выдумаю, будто забыл наверху, и к прислуге: прошу —

— Принесите, пожалуйста, у меня на столе осталось!

А подойти к столу — кровать не минуешь!

Ну, та, ничего не подозревая, и пойдет. И представьте себе, входит: а на кровати-то там лежит — — и свет такой от лампы. Как сумасшедшая кубарем слетала вниз, — конечно, куда уж там на столе искать! — забыв за чем и пошла.

И это будет пострашнее вылезшего из стены среди бела дня маляра или печника и вываливающихся по ночам из отдушника колбасок — — или это только потом так рассуждаешь, сам страх — ни больше ни меньше и есть одно: «страшно».

ДЛЯ КОГО ПИСАТЬ

Нет и не может быть такой оценки литературного произведения: для кого оно написано? Литературное произведение — дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано. Толстой исправлял и переписывал свои произведения не для себя и не для Софьи Андреевны, а чтоб выразить как можно яснее то, что думается. Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя. И что было бы с несчастным писателем, если бы он оглядывался — и на ком ему остановить глаза: на Шестове или на Пугавкине? То, что поймет Шестов, останется невнятным Пугавкину, а то, что легко прочтется Пугавкиным, Шестов просто читать не будет. Писатель отдает в печать то, что на его глаз сделано и что может он показать в свет как вещь. Понравится ли эта вещь, или ее выбросят — тут он совсем не причем. А судить его вещь будут по ее добротности, и судов будет столько, сколько будет судей. Говорить о литературном произведении, что оно плохо, потому что автор сделал его «для себя», так говорить может только человек, который никогда никаких литературных вещей не делал и не представляет себе, как они делаются. И, говоря так, Осоргин-писатель говорит не от себя, это через него, его голосом говорит «стомиллионное» население русского Парижа. Критик Макеев решает дело проще: по его мнению, точка зрения Осоргина — оглядка журналиста. Но, по-моему, Макеев не прав: когда я писал рекламу о распродаже моих книг, я не думал ни о Бреннере, в ма-

газине которого будут продаваться по дешевке дорогие книги, ни о Демидове, которому пошлю рекламу с просьбой напечатать в «Последних Новостях», ни о покупателях, которых зазовет моя реклама в книжный магазин «Москву», я думал только о том, как наиболее ярко выразить состояние писателя, книги которого, изданные в тысячах экземпляров по контракту и в тысячах «про запас» сверх условленных в контракте, обречены на корм мышам и пожизненную обузу для автора; и если моя реклама подействовала на читателя и вызвала покупателей к Бреннеру, то единственно оттого, что рекламный зазыв прозвучал в ней полным голосом, т.е. вещь была сделана добротно, и самые разнообразные судьи в оценке ее согласились. Только мнение «стомиллионов» выражается по-другому, а именно: писатель, когда пишет, прислушивается и приглядывается к этому «стомиллиону» и, написав, отдает в печать, а иногда пишет что-то «для себя» и оставляет у себя «в портфеле», но бывают чудаки, которые это написанное «для себя» печатают — «но мы ничего не понимаем!» И такому «стомиллионному» мнению давность века, и в веках никому не пришло в голову усумниться в своем мнении и, оставив виноватить «чудака», признать в себе «недоразвитый мозг» и еще «непрорезавшиеся глаза». И эти уверенные «стомиллионов» совершенно правы, да иначе и думать не могут, а каждый из них усомнившийся немедленно выбывает из их «стомиллионного» строя. Но никогда не прав писатель, принимающий в своем суде о литературном произведении расценку такого «стомиллионного» глаза, слуха и сердца. Повторяю: для писателя, когда он пишет, нет ни читателя, ни расчета — пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано.

<«Я СТАТЕЙ НЕ УМЕЮ ПИСАТЬ...»>

Я статей не умею писать: не могу. Я не журналист, не историк литературы и никакой «мэтр», который все может. У меня совсем другой прием — другой глаз. Но, употребляя литературные имена и хронологию, я могу соблазнить неопытных и неспециалистов, и они примут мои рассказы за «исследования». Ведь как часто и наоборот — обыкновенную журнальную статью читают, как рассказ, только потому, что попала в отдел рассказов.

А называю я эти мои «завитушки» — Чупыжник, лесным словом, означающим мелкую заросль — ольха, елка, крупный кустарник, но очень густой; оно подходит, а также в виду «денационализации».

<«ОХОТНЕЕ ВСЕГО И С ПОДРОБНОСТЯМИ...»>

Охотнее всего и с подробностями любят старые писатели вспоминать о начале своей литературной работы. Спросите у Льва Исааковича Шестова, вот кто порассказать мастер — десять вечеров будете слушать, а всего не переслушаете: и как ему «опытные писатели» слог выправляли с «плевательницей, то бишь чернильницей», и как Тулов к Толстому за статьей ездил, и о Бердяеве, и о Челпанове. Умеет и Николай Александрович Бердяев вспомянуть такие обстоятельства, какие в историю литературы не попадают и вовсе не за неуместностью, а по небрежности и невниманию сочинителей. И все это понятно, ведь с первым напечатанным произведением связаны самые яркие надежды, и лишь раз чувствуешь в себе твердую уверенность: еще вчера ничего, а с сегодняшнего числа попал в ряды неизгладимых никаким временем имен: от Фалеса до Толстого. Когда появилось мое первое напечатанное произведение: «Плач девушки перед замужеством» (8.X. 1902 г. в газете «Курьер», Москва; входит в книгу «Посолонь», изд. «Таир», Париж, 1930) и притом совершенно неожиданно для меня — мои начинания не одобрил ни один «опытный писатель» — я, вознесенный до Фалеса, прежде всего задал себе вопрос: как же я себя теперь именовать должен? И летом, на следующий год, очутившись в Херсоне, на опросном листке Городской Библиотеки, в первый раз написал в рубрике занятий «писатель».

Когда писал, ничего, не пропустил в «писателе» ни одной буквы, но когда подал листок с «писателем» библиотекарше, и она, взглянув на него, как-то так посмотрела на меня — так смотрят подозрительные на почте, когда подаешь заказную бандероль с надписью «manuscript pour l'impression», которая расценивается, как «imprimé» — и я посмотрел на нее... А через три дня попросил знакомого снести в библиотеку взятую книгу и больше не брал книг, так и залог пропал. Или нельзя так сразу в Фалесы вскочить, а надо время.

Прошло три года, напечатан был мой роман «Пруд», а уж в «Курьер» меня больше не принимали. Случилось, искал я квартиру и обратился к какому-то «полковнику»: сдавал квартиры в собственном доме. Говорили об условиях, и чего можно, и чего нельзя, и как всегда, говорили не о действительных требованиях, а о возможных; я несколько раз спрашивал: «можно ли петь после двенадцати?» — и не потому, чтобы я пел, а имея в виду наезды в Петербург Льва Исааковича Шестова. И когда обо всем договорились, полковник обратился ко мне с самым животрепещущим для меня вопросом: «чем вы занимаетесь»? И я не нашел в себе той уверенности, какая была у меня в Херсонской библиотеке, и не без застенчивости, но и лукаво ответил: «Я так». И ответ мой решил все дело: от квартиры пришлось отказаться — одна из комнат в подвальном этаже оказалась залита водой — но сколько ни просил я вернуть задаток, 20 рублей, «полковник» не вернул. Но когда же — в какие сроки я найду в себе право называться без всякого такого, двусмысленного «так» — «писатель»? Я об этом долго потом думал. И как-то совсем незаметно — автоматически прикрепилось название. И в войну я уж смело сказал хозяйке, передававшей квартиру, что я писатель; и получил ответ: «у меня муж был писатель, ни за какие деньги!» Но я не оправдывался и не опровергал. И теперь, после стольких лет литературной работы, мне не раз приходилось здесь, в Европе, доказывать свое звание: не верят — и в кардидантите я не числюсь «писатель», а redacteur. И скажу так: не всякому дается легко прыгнуть в Фалесы, но еще труднее удержаться.

<«ЧЕГО Я БУДУ ГОВОРИТЬ О МОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ...»>

Чего я буду говорить о моем творчестве, когда читатели «Чисел» ничего не слыхали о моих книгах. И если бы я затеял рассуждать о моем письме, эти рассуждения были бы также неожиданны и странны, как мое описание нового типа самоуправляемых, без шофера, автомобилей с автоматической (с помощью магнита) остановкой на пассаж-клютэ. Я думаю, я буду вполне прав, перечислив мои последние издания, и это будет моим ответом: «Взвихренная Русь» (1927), «Оля» (1927), «Звезда-надзвездная» (1928), «Три серпа» (1929),

«По карнизам» (1929), «Посолонь» (1930) и появившиеся в «Воле России» — «Русская повесть XVII века о бесноватой Соломонии» (1929) и «Тридцать снов Тургенева» (1930).

Алексей Ремизов

Читатель, прочитав такой ответ, подумает: большое значение придает себе этот человек, если так ценит каждую свою печатную строчку, помнит все годы, как войны, революции и бывших королей.

А. Р.

КОСМОГРАФИЯ

Мучительное

Для меня самое мучительное, когда спутник мой по каким-нибудь делам пошел, ну, купить что-нибудь или за справкой, пошел: «я сейчас, подождите!» — — и пропал.

Ожидание и поиски — ни другу, ни недругу не пожелаю.

Удовольствие

Самое большое удовольствие для меня, да наверно и для вас да и для всякого — показать человеку дорогу.

Но мне, не говорящему путно ни на каком языке, и даже по-русски, если внезапно, не находящему слов для ответа и обреченному скитаться среди иностранцев, это удовольствие очень чувствительно.

Лучшее

Самое лучшее — смех и улыбка.

Только никогда не знаешь, что другому будет смешно и на что улыбнется. И как часто (замечал на улицах и в театрах) там смеются, когда, кажется, нет ничего смешного, и улыбаются, не знаешь почему.

Лысые поверхности

Лысые поверхности (пустыри, взлизы, взбоины) — излюбленное Полдневного, Ночника и кикимор — — но это вещь очень деликатная.

Род

Одной душой я испокон веков чувствовал себя, ну, как бы это сказать — для меня совершенно неважно ни земля, ни народ, ни речь: я принимаю все земли, все народы и всякую речь и, кажется, заговорил бы на всех языках и назвался бы всяким народом. Но другой душой (у меня в этом две, а наверно попадает у человека и больше!) вот этой — я чувствую страшное лишение и обездоленность, когда долго не слышу родной речи. И это я особенно понимаю и радуюсь, когда зазвучит хороший русский говор, «русский природный язык» — поэтому-то верно я так часто и вспоминаю историка П. Е. Щеголева.

СТОЛЕТИЕ ПАНА ХАЛЯВСКОГО

Григорий Федорович Квитка-Основьяненко (1778—1843) — как мало кому известно это имя в России, а между тем его хронику «Пан Халявский» читали, как «Мертвые души» Гоголя. Значение Квитки для русской литературы чуть ли не гоголевских размеров: и как предшественника Гоголя (1808—1852); и как единственного давшего образец южнорусской речи в ее обиходе или, по Аввакуму, «природной».

В русскую литературу войдут три значительнейших памятника: автобиография протопопа Аввакума (1620—1682) — образец просторечия XVII в.; судебные показания московского сыщика Ваньки Каина (1750) — живая речь XVIII в.; и «Пан Халявский» Квитки-Основьяненко. И вот уж негаданная судьба: авторы были или вне литературы или, как «Пан Халявский» — без всякой литературной претензии, а скорее с расчетом на легкое незатейливое чтение: «Тьфу! ты пропасть, как я посмотрю! Не удивляешься, право, как свет изменяется!»

Голос сожженного протопопа дойдет из пустозерского сруба до Лескова (1831—1895), голос сыщика с вырванными ноздрями и знаком на лбу В. О. Р. донесется с каторги до Пушкина (1799—1837), а легкая литература Квитки, проникнутая высоким юмором, даст Гоголю и материал, и воздух для нечеловеческого полета, а за Гоголем Салтыков-Щедрин (1826—1889) в своих прославленных «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине» не раз вспомянет «Пана Халявского».

Гоголь и Салтыков — да это крепость русской литературы! И как же, повторяя эти блистательные имена, не помянуть Григория Квитку-Основьяненку, его единственное произведение, написанное им по-русски, хронику «Пан Халявский».

ТАЙНА ГОГОЛЯ

Из всех отзывов о Гоголе проникновеннее всех — В. В. Розанов: «никогда более страшного человека... подобия человеческого не приходило на нашу землю».

Розанов считал Гоголя за какого-то доутробного скопца и всегда выражался с раздражением, но однажды сорвалось неожиданно добродушное: «кикимора!» Когда же стал писать и раздумывать и, высказав эту свою бесподобную мысль о «подобии», иллюстрируя ее, перегнул, — или сатанинское имя Гоголя — имя птицы, под видом которой, по богомильскому сказанию, является Сатанаил при сотворении земли, сбило и перепутало, — и Гоголь получился не Гоголь, а какой-то «басаврюк» «проклятая колдунья с черным пятном в душе, вся мертвая и вся ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная..., в которой вообще нет ничего! Ничего!!!» («Опавшие листья», 1 короб) — а на ничего и сказать нечего, ка-ка-я досада! «кикимору» забыл.

В русской музыке «кикимору» создал А. К. Лядов. Лядов знал существо — «подобие человеческого» и, отвечая на мысль Розанова, с какою ясностью открыл своей музыкой, как это все далеко от «ничего». Если бы только ничего...!

* * *

Медноликой северной ночью, когда в полночь солнце рвется и не может уйти, и свет не гаснет, а рдеет, вышел месяц — «ухо ночи», какой тяжелый огромный! медной лунью залелеялись тени и вдруг — и откуда? — неутоленный клич рассек весеннюю буй.

Белой ночью как загудит в лесу и как! — отчаянно-безнадежно, нет, не мое это чувство — не человек вложил его в дремучий гинь.

Есть существа непохожие: лесовые, водяные, воздушные — в лесу, в реке, в воздухе. Это те, кто связан кровно с человеком. С кипучей тревогой, вдунутой в лесную душу, они рвутся из

круга — но в человека воплотиться навсегда заказано, а стать лесным чистым духом человечьи путы мешают.

* * *

Кикимора — от лесавки и человека. Существо и обычай ее — лешее, а мечта — человечья. И оттого-то ее озорное «ки-ки» огнем прорывает вопль человека: она никогда не сделается, как ее мать, лесавкой, и никогда не станет человеком.

— Гоголевская лирика в «Мертвых душах»! — Кикимора — озорная.

Как-то шли мы в Петербурге с Шестовым по Караванной и разговаривали на философские темы (кому и как писать прошения о «вспомоществовании»). Был ясный осенний полдень. И вдруг сверху капнуло — прямо ему на шляпу. Посмотрели — что за диковина? — видим: птичье.

— Да это Кикимора.

— Конечно, Кикимора, кому ж еще!

Кикимора шагу не ступит, чего-нибудь уж жди. И как возьмется озоровать, ну никакого нет угомона. И кажется, и во сне-то она что-нибудь выделывает, а не выделывает, так выдумывает — озора!

— Сцены поветового суда из повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Шинель —

Кикимора — существо доброе: зла не хочет — зла на уме не держит. А если что и выходит, ну, философу — Льву Шестову на шляпу попала! — это у ней не со зла.

Кикимора влечется к человеку.

Кикимора из всех лесных существ больше всех влечется к человеку. И если выходит что-то озорное, ее ли вина? И не игра ли это? — все ведь вертится около человечьей мечты! — подход к человеку? — и только у нас за озорство сходит.

Ки-ки-мора:
ки-ки-хи-хи — смех,
мора-мор-морана-мара-наваждение-чары.

Есть чары злые — и змея чарует!

Но есть — не от зла, не погубить, напротив — ведь Кикимора влечется к человеку. И нет никого чудней и смехотворней, и чары ее — смех.

— Эти чары — Гоголя.

Вы посмотрите, как сидит она где-нибудь на тоненькой жердинке — я видел ее однажды весенним ранним утром в Устьсысольске, где солнце не заходит, — какая мордочка умора! и какая вся... чистила себе копытце, помню, а в голове, я это видел по выражению лица, и выдумка и рой проказ.

Кипучая и легкая, она вся — скок и прыг — веретено.

Кикимора влечется к человеку. Но стать человеком ей никогда не дано. И не сойтись с человеком, как ее мать лесавка — с лешим сколько угодно, и будет от нее тысяча тысяч кикимор проказливых и чудных, весело? — Да-а.

— Русская литература зачарована Гоголем! —

Д-да! если бы ей только погасить в себе человечью мечту: стать человеком. А от этой мечты ей никуда не деться. И в этом ее судьба.

— Гоголь с его мечтой о «живой душе» — о «настоящем человеке!» — но ни его подвиг и сама Святая Земля не открыла ему — а могла бы, да не открыла б ему!

Вот почему в прыге и смехе Кикиморы — в танце «ки-ки» мне слышится неутоленное — трагические звуки — не лесной бездушный гул, а наша тоска. В самом слове «кикимора» —

ки-ки — мора
— трагедия —
смех, наваждение, рок.

В «Сказаниях русского народа» у И. П. Сахарова есть стих о Кикиморе. Этот стих — тема для музыки А. К. Лядова, автора «Бабы-Яги» и «Кикиморы».

Живет-растет кикимора у кудесника в каменных горах,
с-утра-до-вечера тешит кикимору кот-баюн — —
говорит сказки заморские.
С-вечера-до-бела-света качают кикимору
в хрустальчатой колыбельке.
Ровно через семь лет вырастает кикимора:
тонешенька-чернешенька та кикимора,
а голова-то у ней малым-малешенька,
с наперсточек,
а туловище не спознать с соломинкой.
Стучит-гремит кикимора от-утра-до-вечера,
свистит-шипит кикимора с-вечера-до-полуночи;
с-полуночи-до-бела-света прядет кудель конопельную,

сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую —
зло на уме держит кикимора на весь люд честной.

Нет, что-то не так: у кудесника живет... только не Кикимора! — что-то тут спутано и не досказано. Но лад стиха как раз: по-тайный. Говорила ли сама Кикимора или пожалевший ее сказал человек, только какое зло у Кикиморы? Нет, не то, не так... на одно мгновенье? как и человек на надчеловеческое — «задохнулось сердце» — — ?

Кикимора — лесная, зачем ей попадать в каменные горы? Зеленый комочек — лесного ребеночка приютил у себя кто? да самый добрый из леших, конечно, Аука.

Ремез — из птиц первая, вьет гнездо лучше всех гнезд, а Аука дом строит лучше всех лешачьих домов, у него и хрустальчатая колыбелька найдется. И опять же затейный и большой сказочник — Аука. Конечно, Аука и приютил у себя на зиму лесного ребеночка обольщенной охотником лесавки.

А ходит за Кикиморой не кот-баюн — кот-баюн... тут никак не Гоголь, а Э. Т. А. Гофман? — ходит за Кикиморой Скриплик: кому же, как не Скриплику и научить Кикимору всяким ки-ки, как учит он по весне птиц пению, жуков жунду, стрекоз рекозе, медвежат рыку, лисят лаю.

Скриплик баюкает Кикимору. Скриплик и человека баюкал, когда оленю или медведю подвешивали в лесу колыбель с дитем, Скриплик знает колыбельную человечью — а Кикимора ведь человечья!

Первый весенний вей выманит Кикимору — гулять. И тут Лешак: жениться! — в лешачьем быту это моментально. Что ж? она готова — — но человек? и вот на мгновенье не узнать Кикиморы: она — как человек. А все равно, от судьбы не уйти —

— ки-ки
— мор
— а!
— —
—

Музыка так и звучит и «лад» ее открывает больше, чем «склад» слов.

Лядов был добрый, во всяком случае он был далек от «зла на уме». В последние годы его жизни, он умер в самом начале войны, 1914 г., мне пришлось немало говорить с ним о русской

нечисти — о лесовых, водяных и воздушных — и я чувствовал, как ему чуждо злое, а как он радовался, когда я рассказал ему о Бабе-Яге и совсем не безобразной и старой, как это принято думать, а о молодой и чарой, какой представляется она «честному люду» в новолуние.

Э. Т. А. Гофман — 1776—1822; Н. В. Гоголь — 1809—1852; В. В. Розанов — 1856—1919; А. К. Лядов — 1855—1914.

«ЗАВЕТЫ»
Памяти Леонида Михайловича Добронравова
1887 – †26.5.1926

Добронравов выступил в канун войны с Замятиным и Вяч. Шишковым: Замятин — «Уездное», Шишков — «Тунгусские рассказы», Добронравов — «Новая бурса». (Шишков и «Новая бурса» печатались в «Заветах» у Р. В. Иванова-Разумника, 1913 г.)

«Новая бурса» сразу заняла место в истории русской литературы: после «Бурсы» Помяловского первое и единственное «Новая бурса» Добронравова. Добронравов сделался известным писателем и не по газетам (свои хвалят своих или по каким «политическим» соображениям), а действительно: не было семинариста в Петербурге, да и не только в Петербурге, все читали «Новую бурсу».

У Шишкова большой материал — 20 лет жизни в Сибири, не в ссылке, а доброй волей на работах — Алтай и тайга, сибирские промышленники и разбойники, вот что его привлекало изобразить, он и исполнил — много чего написал и в больших размерах, но первые короткие его рассказы в «Заветах» о странных людях — тунгусах с их полуречью (дикой или детской), с их кривыми движениями (как во сне: идут не улицей, а кругами через заборы — так вернее) — это лучшее Шишкова, это — *настоящее.*

У Замятина материал — «уездное?» — нет, его собственная голова, а средство: слова — игра в склад и лады.

Чехов завершил «интернационализм» русской прозы или, как тут говорят, «космополитизм»: начал Пушкин (Пушкин «прорубил окно в Европу»), расцвет — Тургенев (между прочим, Достоевский рекомендовал Тургеневу обзавестись телескопом, чтобы, сидя в Париже, наблюдать жизнь в России,

а так как жизнь и мысли связаны со словом, то, значит, телескоп и на слова!), конец этому интернационализму — Чехов (достаточно взглянуть на портрет: и это пенснэ со шнурком и записная книжечка!). После Чехова — «плеяда» Горького: тут или, как выразился один «поэт» про «Что делать?», *«трактат-роман»* (дело почтенное и педагогически очень полезное), или *беллетристика* (тоже вещь необходимая в общежитии: читают, обсуждают, спорят); эта беллетристика, конечно, за подписью, но по существу безымянная: все пишут одинаково — одними и теми же словами, одним складом, с одними оборотами и сравнениями (Леонид Андреев жаловался: «как начну писать, лезет в выражениях одна пошлость!»), иногда очень даже «красиво», попадается и неподдельный «пафос» и искренняя страстность, и всегда все понятно написано — по правилам «грамматически», что без труда переводимо на все европейские языки, хотя в этом и нет нужды (во Франции, например, больше тысячи томов в год выпускается такой беллетристики), правда, скучновато, (одни пространные описания природы чего стоят!), но читается легко (а это-то и нужно) и легко забывается — «беллетристика»! И в то же время с концом интернационализма, началась работа над словом по «сырому материалу» и опыты над словом и «русским» складом (как и всегда не от пустого места, в прошлом были примеры: Пушкин — «Балда», «Вечера» Гоголя, Лесков). А началась эта работа с первой революции, можно даже обозначить место: круг Вячеслава Иванова. (Когда-нибудь историки литературы выяснят огромное значение этого ученейшего человека!) И в канун войны в этой «национальной» работе одно из первых мест — Хлебников и Замятин. А от Хлебникова — весь «футуризм», Маяковский (с традицией Ивана Осипова), и кто еще, не знаю (телескопом не обзавелся!), но чувствую, есть и должно быть. Один «дурак второго сорта» — (употребляю и совсем не в обиду философскую терминологию Льва Шестова, по-шестовски: дураки бывают двух сортов, первого сорта — это «Дурак», а второго сорта — это «дурак под Дурака»!) — так вот этот «дурак под Дурака» потом уже в самый разгар революции, (урвав поесть), признался мне, что уважать (признавать) начал Замятина, когда в войну, живя

в Англии, Замятин написал повесть из английской жизни «Островитяне», а что до тех пор, состоя редактором «передового» (левого) журнала, он, «дурак второго сорта», в течение нескольких лет, все, что было близко к «Уездному» или другим подобным образцам, безжалостно «бросал в корзинку», а присылался такой материал из самых отдаленных медвежьих (неожиданных!) углов России и, к великому огорчению, «помногу». «Второго сорта!» не понял (да так по-шестовски ему и полагается, а то как же?), не почуял («редактор!») — в самом деле, не из ж... же вышла вся современная *русская* (глубоко национальная) проза, Леонов и другие — не понял, что начиналась не какая-нибудь местная работа, не петербургская выдумка и сумасбродная затея, а что-то гораздо большее — р у с с к о е — какой-то сдвиг, поворот — революция! Да, это была революция — еще с революции 1905 года. Революция — завет: прошлое «сделанное» — все, что живо-пламенно, все равно, интернациональное и такое из беллетристики, не разрушать ни под какую руку — только дурашливый хозяин в революцию коверкает машины и разрушает «налаженный аппарат» каких-нибудь очень полезных хозяйственных учреждений только потому — «революция!», «старый режим!» или еще как. Нет, не насмарку, а кроме того, ведь «слово»! — а слова, как звезды —

и звезда с звездою говорит — —

Добронравов — материал еще больше, чем сибирского у Шишкова: Добронравов — сын священника, учился в Петербургской Духовной Семинарии, по дому — связи с духовенством, и притом высшим: архиереи, митрополиты, синодские чиновники, Победоносцев, Саблер. Вот что должен изобразить Добронравов и в этой особенной обстановке — церковь, церковная служба, тут ему и книга в руки — в литургике познания его были огромны, бывал он по монастырям и в кельях и в архиерейских покоях.

После «Новой бурсы» (отдельным изданием в 1914 г.) Добронравов выпустил книгу рассказов «Горький цвет» (рассказы 1910—1915 г.) и написал целый ряд больших пьес.

У Добронравова был хороший голос баритон — дружил с Шаляпиным. Пристрастие к пению при исключительном даре — к опере, за душой богатейший материал — архиереи, ми-

трополиты, пестрые мантии, митры в драгоценных камнях, панагии, усыпанные бриллиантами, наперсные кресты, звезды, золотые и серебряные ризы, лампады, архиерейский хор, колокола — Добронравов сам ходил как в мантии Святейшего, а его речь — из Оперы (Шаляпин!). Таким представлялся он мне, когда я читал его рассказы о царе Сауле — очень величественно и красиво.

А тут Замятин: «красиво?» — «опера»? — —?

— Если есть что-то самое порочное в литературе, это «красивость»; это какой-то словесный разврат.

— Но это нормально, эта «красивость»!

— Да, конечно. Недаром есть спрос и восхищаются и этим оценивают: «изящно», «красиво». Да, это нормально.

— А что нормально, имеет право быть (так, стало быть, по природе!). И почему «порок» и «разврат»? Имеет право и будет, как деторождение («прямое назначение женщины дети»!), как лад и строй соловья, живописные ландшафты, приятная, ласкающая и убаюкивающая музыка или как «трагедия» — — из-за «женщины».

— Но есть же разница между соловьем и человеком, между кошкой и женщиной. И ведь тут тоже природа «эта разница», а она есть. «Музыка планет!» что в этой музыке от Девятой симфонии?

Да ничего, наверно.

— Вот! — — и в человеке ничего не может быть от соловья и в женщине от кошки... Один мудрец сказал, что приглашать к себе на обед, это все равно как пригласить в отхожее место рядушком испражниться. И я думаю, индус прав: неловко! Как-то неловко тоже читать, когда описывают, как какой-нибудь герой романа «гибнет» из-за «женщины», неловко же слышать «красивые» и «изящные» обороты речи, вообще неловко это «нормальное». А я согласен, это всегда будет, только — — —

Кроме рассказов и пьес, Добронравов писал стихи — под графа Алексея Константиновича Толстого, под былины.

— А ведь былины — эта слащавая подделка 18 века, пичкали нас во всех хрестоматиях с приготовительного класса, настраивая ухо на какой-то не русский «красивый» лад!

Вот он и призадумался.

И одно время, я не знаю, я не видел прилежнее ученика: с каким старанием и терпеливо он сверял в рукописях мои поправки; он знал на память целые страницы из Лескова —

— Подражать можно и следует для науки, чтобы самому, проделав всю работу, догадаться, в чем дело — для чего, напр., у Лескова какие-то «созвучные» слова: «Марья Амуровна», «просить прощады»: или контрасты: кабак, и вот мысль: ехать в родильный дом! или начинается в прошедшем и неожиданно перебивка — настоящее! — как спохватился или со стороны кто.

Из «Соборян» и «Полунощников» Добронравов читает без книги, а сядет писать, и эта самая мантия Святейшего на плечах его, как живое к живому, и губы катушкой, вот запоет, как Шаляпин — не то «Борис», не то «Хованщина»!

Добронравов был настоящий писатель. У всякого есть какая-нибудь особенная склонность: один строит любовь и все что-нибудь мастерит, другой путешествует, третий, хлебом не корми, про политику, четвертый мечтает, а вот попадается, не оторвешь от бумаги, возьмет перо, и так оно у него как само ходит — такая склонность была писать у Добронравова. Во время войны он писал роман из студенческой жизни — 30 листов! Это очень поразило Горького: в наше время такой размах! У Добронравова был размах Чернышевского. Из «студенческой жизни» — это так, упражнение; к концу войны он приступил наконец к своему заветному — затеял роман (размер — 50 листов!): архиереи, митрополиты, мантии, митры, золото, драгоценные камни, лампады, колокола — и назвал «Черноризец». (Название удачное — «по контрасту»; впоследствии переменил: «Князь века» — «по-оперному»). Несколько глав он читал мне. Особенно «Всенощная» — такого никто не использовал: «всенощная»! — до ощущения ладана и чувства «подъема», когда на Великом выходе запоют «Величание» — сначала клир, потом певчие —

Величаем Тя, Пресвятая Дево,
Богоизбранная Отроковице — —

В революцию (1917) Добронравов забросил «Черноризца», а в 1920 г. уехал из России: поехал проводить мать, сестер и брата — «вернусь через месяц!» да там и застрял, рукопись осталась неоконченной.

Осенью 1924 г. Добронравов появляется в Париже. Я очень обрадовался — «вот, думаю, теперь и помереть не страшно, Добронравов не бросит, похоронит!» — «и справку какую по церковной истории или в службе, Добронравов скажет!» «Новая бурса», журнал «Заветы», Р. В. Иванов-Разумник, Шишков, Замятин — — я напомнил о «Черноризце». И секретарь «Заветов» С. П. Постников пишет ему из Праги о «Черноризце». «Рукописи нет — где-нибудь в Петербурге, и должно быть, пропала на квартире — надо все заново!» Но это надо. Ведь это то, что он должен сделать и единственный, кто может сделать.

Добронравов занялся «Черноризцем». И, как когда-то в «Заветах», приходил читать. Называлось «Князь века», не «Черноризец».

Тогда Добронравову было 30 лет и у него был хороший голос-баритон, а теперь под 40, и голос пропал. Я слушал, но поправлять не мог — в 40 не переделываются. «Мантия Святейшего!» — или никогда не сбросить? Или восстанавливать — тоже ничего не выйдет? Там был «Черноризец», теперь «Князь века» — «беллетристика» — очень «красиво» — какие эпитеты, образы! —

— Беллетристика — вещь в общежитии очень нужная и полезная. Пока женщины будут рожать детей и «герои» погибать из-за «женщины», а «героини» краситься (украшаться) для «героев», пока будут устраивать (и всурьез!) публичные обеды, пока будет такое «ненормальное» и т. д. и т. д., как же без беллетристики? «Князь века» — книга имела б огромный успех и здесь в зарубежном несчастьи и там, на родине, в России — но ведь я-то хотел другого — пусть никакого успеха! — такой ведь особенный материал — — и ведь никто больше не может, не знает такого — —

— «Мертвые души» не беллетристика, «Полунощники» не беллетристика, можно сколько угодно читать, и никогда не скучно. А «беллетристика» на раз. Во второй раз не возьмешь. Нельзя «перечитывать».

— Ну хотя бы раз!

— И о большем нам нечего думать. В самом деле, все литературное поколение после Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова — все мы — ведь в т о р о й с о р т и вот нисколечко не прибавили в книжную русскую казну... разве наши пожелания....?

Про свои пожелания я мог говорить Добронравову, но встреваться в «Князя века» я не мог, — теперь уж не 50 листов, а говорилось о 30. Все-таки 30, это — я даже себе представить не могу. Одно только, чтобы закончил. А то все отдельные главы, и не поймешь, не то из середки, не то из конца...

А потом вдруг Добронравов исчез. И в последний год был у нас раза два. Я понял, хотя и боялся себе сказать: «“Черноризца” он не пишет!» И все как-то отводило от этого разговора. Добронравов рассказывал советские анекдоты:

«Ленин помер, а дело его живет!» (Записка, оставленная ворами в ювелирном магазине).

«Русская колония празднует свой праздник!» (Ответ иностранцу, что значит — звонят колокола в Москве на Святой).

«Авторская скромность». (Надпись на деньгах).

И странно, рассказывал он очень просто, безо всякой «мантии» и ни одного «оперного» оборота.

Нынче на Пасху — 1 мая — забрались мы в церковь спозаранку. Пугали нас: трамвай в 8 прекратится, и народу найдет, затолкают. Вот мы с 8-и и стали. Стою и дремлю и озноб — будет жарко, нечем дышать, вот наверху окно и отворено. Так — идешь по Никольской, а у Пантелеймона стоят по стенке, дожидаются: мощи привезут! — стою и жду. В церковь зашел Добронравов: к плащанице приложиться и свечку поставить. — Он был очень болен: крупозное воспаление легких, недавно из больницы. Но выглядел ничего — очень только бледный — а нарядный такой. Я свое: о «Черноризце». Но он рукой так — пенсне поправил.

«Ну что нового на Олимпе?»

«Мне — насчет “Олимпа” — !? — И прошу: собрать бы те главы “Черноризца”, что он написал, — и мне дайте, я придумаю!»

И простились.

В последний раз. На Преполовение (середа 4-й недели) помер: недели не пролежал, «вдруг одно легкое истлело» — скоротечная чахотка!

А когда он приехал в Париж, к кому я только не приставал: «послушайте, “Черноризца” Добронравов прочитает!»

«Какой Добронравов?» (а были: «какой Тихонравов?») — вижу, никто не знает.

«Добронравов, автор “Новой бурсы” (нет, не слыхали! — Разумник Васильевич, Добронравов помер!), автор “Новой бурсы”, родной брат Левитова (с его “белой дорожкой”, открывшейся ему весной!), Слепцов (с его “фе-фе-фофем”), Николая Вас. Успенского (с жестокими рассказами и жесточайшим концом: в Москве зарезался), русский из русских — —».

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ГРЕБЕНЩИКОВ
1887 — † 1935

Помер Яков Петрович Гребенщиков, один из самых ревнивых и яростно-ревностных библиотекарей Государственной Публичной Библиотеки, известный всему книжному Петербургу под именем «василеостровского книгочия» и знакомый всякому, кому приходилось бывать в библиотеке — безымянно по бороде и падающим, спускающимся, как на колок, на нос волосам при исступленно-восторженном говоре на старинный манер протопопа всея Руси Аввакума.

Помер Яков Петрович Гребенщиков, как сам он величал себя, не около дорогих его сердцу книжных сокровищ Публичной библиотеки, в которой служил с войны до прошлого года верой и правдой, «отдавая все свои силы», и не на 15-й линии Васильевского острова, окруженный любимыми книгами «первого издания», которые добывал самоотверженно, отказывая себе в самом необходимом житейском, а в Сибири, в Новосибирске, быв. Ново-Николаевске, в ссылке.

Я помню, в самую темь военного коммунизма, в годы 1918—1921, у кого только не было по слабости человеческой мысли бежать куда глаза глядят — «оставить Россию? а кому же сторожить русскую книгу?» — Яков Петрович приходил в ярость. Какая преступная рука, какого изменника России могла подписать ссыльный приговор книголюбу, стражу Государственной книжной казны, незаменимому работнику, подлинно «герою труда»!

Я. П. Гребенщиков из города Ржева, пролетарского происхождения, сам своим трудом, при всех лишениях бедности добывший себе высшее образование, человек чистого сердца, с душой песенной, и умилением. Любитель старинного церковного пения, пел на клиросе и, имея голос козий, но при необычайном одушевлении, и козлогласуя, приводил в чувство и бла-

гоговение молящихся. И вообще зол был песни петь. В темь и «глад и мор» военного коммунизма, в годы 1918—1921, я не запомню жизнерадостнее человека во всем Петербурге: в какой только ячейке, на каком только собрании: и у балтморов и у красноармейцев, и на всяких «трубошных» заводах во всех районных отделах и подотделах не выступал он, «бия себя в грудь», часами читая о своем любимом библиотечном деле и библиографии, а после лекции — песни петь.

Книжники! вам это понятно: за неточное примечание, за перепутанную хронологию он мог на всю жизнь поссориться с приятелем, а за разорванную или похищенную книгу вступить в рукопашь.

На пасхальной службе в Сергиевском подворье, на Кримэ, под старинное пение превосходного певца Ивана Кузьмича Денисова подымалась и проходила перед моими глазами, как живая, извечная Россия от первопечатника Ивана Федорова до — Якова Гребенщикова. Эта песенная традиция, связанная с книгой — русской книгой — русским стилем — не бабьей заслюняванной, рассахаренной, «патриотической», не насильственно усеченной «без музыки» глухих душ и не мещанским говорком «народных» рассказчиков, а полнозвучной русской речью со строгим, строжайшим ритмом разливного «знаменного распева», проникающего лад гоголевской речи, через старинные киевские распевы, а главное, «думы», прозу Салтыкова, Толстого, Гончарова... Да, и Яков Петров Гребенщиков, быв. библиотекарь, стоял передо мной в ряду первопечатника и протопопа, держа в руках русскую книгу, за которую готов был положить душу.

Яков Петрович, при нашем горестном расставании вы принесли и дали нам в наш страннический путь «русскую землю» из Таврического сада, вы подали в день нашего отъезда из России в Казанском о «путешествующих» и о болящем Александре — умирал Блок, которого вы любили за стихи и за его мучающуюся совесть, ваши горькие слезы над нами, — «покинуть Россию!» Яков Петрович, в наш век, когда человечество превращается в Бестиарий, и не человеческий голос, а бестий визг, окрик и клич гасит слова, а ваши любимые книги обречены на

пожар, — за вашу любовь к книге, которую люблю, за вашу любовь к старинной песне, которую люблю, — и что есть прекраснее догматиков, песней, сложенных в честь Богородицы? — на пасхальной службе я подумал, это не сожжется, не может сгореть, и когда провалится мир, испепелится земля, только человеческое слово, как эти песни, вылетевшие из человеческого сердца, не сгорят, а зажгутся созвездием, и в этом созвездии будет гореть и ваш козий, но тогда чистейший голос: «Ангел вопияше».

ПАМЯТИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Последнее напечатанное Льва Шестова — о Бердяеве; последний рассвет — на рю Буало: окна клиники против нашего окна. Это судьба. И этой судьбой однажды соединило нас, и на всю жизнь. Да иначе и не могло быть. Во всех моих «комедиях» Шестов играл неизменно главную роль да и в нашей литературной «горькой» участи было похоже: оба мы были «без пристанища» — с неизменным редакционным отзывом «не подходит» или деликатно сказанным «нет места» или обнадеживающим безнадежным «в следующий раз». А познакомил нас Бердяев, всеми любимый и всегда желанный. Был конец ноября, но не бодлэровский, с болью глухо падающими дровами для камина, а киевский — этот сказочный захватывающий душу вестник рождественских колядок, с теплым чистейшим первоснегом. На литературном собрании, доклад В. В. Водовозова. Бердяев повел меня куда-то вниз и не в «буфет», как я подумал, или мне так хотелось выдумать, а в «директорскую» с удобными креслами. «Да где же тут Шестов?» И вдруг увидел: за конторкой под лампой... сидевший снял пенснэ, поднялся, мне показалось, что очень высокий и большие руки, — конечно, «Лев Шестов»! Это и был Шестов. «Рыбак рыбака видит издалека!» — сказал он и на меня глянули синие печальные глаза. Таким я его вижу. И вот, взглянув на него в последний раз в его последнее ноябрьское утро в воскресенье, я увидел, как на мой пристальный взгляд синий печальный свет заструился из-под сомкнутых век, и улыбкой осветилось бескровное застывшее лицо.

«Человек» — я говорю о человеческом мире — пропадает именно от своей тупой «разумности» и холодной «расчетливости», этот самообманывающийся непогрешимой «математи-

кой» игрок! А что это так, не надо и смотреть, чтобы почувствовать, что творится вокруг, какое бездонное горе разливается по миру в этом мире заочных бумажных приговоров, теоретических программ, без слуха к живой трепещущей жизни. Шестовское «безумие» — «апофеоз беспочвенности» был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинно бесчувственному идолу, «логизирующему сухарю», для которого горячее человеческое сердце с его безграничной волей и чудесами — **сапогом!** —: «дважды два четыре!» А ведь за каждый вызов по установившимся законам жизни («природа» богаче, глубже и разнообразнее, но как-то так повелось и одно из случайных стало нормой!), за каждое наперекор какому-то «ровнению» — так это не проходит. Жизнь ему и показала: годы высиживался он в Коппэ под Женевой, а тут по три часа в день шагал в Булонском лесу. «По-нашему не согласен, так вот же, поди посиди или погуляй, посмотрим!».

Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала, Шестов пришелся на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее «безобразия». И моим «фантазиям» Шестов верил, доверчиво принимая и самое «несообразное». И никогда я не скажу, говоря «никому нет дела!», чтобы хоть когда-нибудь при этой отчаянной мысли я назвал себе Шестова. Как один из старших моих братьев, Шестов учил меня житейской мудрости на манер гофмановского кота Мурра: воображаете, какая выходила ерунда! И еще потому мне было легко с ним и свободно — вот кто не деревяшка, не эти безулыбные, лишенные юмора трезвые люди, среди которых дышать нечем!

«Беспросветно умен», так отозвался о Шестове Розанов, а я скажу и «бездонно сердечен», а это тоже дар: чувствовать без слов и решать без «расчета».

«Лев Исаакович, ты “понимаешь”, я поднялся по этой веревке на страшную высоту, крепко вцепился, под ногами пропасть, заглянуть вниз... ветер меня разносит и мой голос сливается с его щемящей бурей, и какие-то остекленелые надутые куклы, они стояли рядами в этом вихревом пространстве, бездушные, они караулили мое подрыгивание на веревке, но я поднимался выше. Ты на путях своего духа в этот миг говорил с Сократом. Я провожал тебя до предела... А эту горстку земли я бросаю тебе в могилу».

АВВАКУМ
(1620–1682)

Все мы от Пушкина, Гоголя и Бестужева-Марлинского (родоначальник Лермонтова и Толстого, первый поэт русской прозы), но нет и не может быть русского писателя, кто бы вольно или невольно не тянулся к Аввакуму: его «природный» русский язык — речь самой русской земли! И нет и не было писателя, кто бы безразлично отнесся к этой «природной» речи Аввакума, все сошлись на восхищении: я вспоминаю отзыв, исходящий от величайшего дара, и от большого таланта, и от скромного, но всегда и везде необходимого «культурного труженика», — отзыв Толстого, Тургенева, Горького.

И не в словах — с Далем и областными можно нанизать самые заклепистые прямо со словесной жарины, а зазвучит не по-русски — в том-то и дело, что не слова, а все в обороте — лад слов. Лесков, кореня Аввакумова, в «Воительнице» и «Блохе» каких-каких во славу Аполлона «Полведерского» не понасажал «мелкоскопов» и «нимфузорий», а ведь не спутаешь: сказано по-русскому, русским сказом с его особым, не Ломоносовским синтаксисом — словесными построениями.

И когда задолго до революции, а особенно в революцию многие молодые писатели записали «под меня» — это не так; они только через мое, через меня, открыли в себе слух к «природному» и своим «третьим ухом» откликнулись «природным» же, потому что жили-были на русской земле.

Аввакум не с ветру, за его спиной в русских веках безымянные «невежды», выражавшиеся «просто» и обреченные на молчание — их произведения никак не могли попасть в Житийный Макарьевский кодекс с мерой на блестящие речи, «красные словеса» Пахомия Логофета и Епифания Премудрого, с которыми со временем перекликнутся из Киева «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича.

В 1924 году Аввакум заговорил по-английски. Перевод создавался в Париже мисс Харрисон Еленой Карловной, и ее ученицей Хоп Миррилиз Надеждой Васильевной в сотрудничестве С. П. Ремизовой-Довгелло и Д. П. Святополка-Мирского. Мое участие было в звании «чтеца»: интонация и ритм вшепчут и самое заковыристое и непривычное — не «литературное» —

живую речь, которую всегда можно представить «книжно» и перевести на живую речь другого языка.

А читается «Житие» Аввакума двояко: по-московски с ударением в самом имени на «у» — «Аввакум» и по-староверски «Лесов и Гор» Мельникова-Печерского с ударением на втором «а» — «Аввакум»; в Андрониеве и Новоспасском на выставке Рогожских и Таганских невест по ударениям различали «щепотницу» и «двуперстницу»: староверка не скажет «спасенье», а непременно «спасенье», так и сам Аввакум сказывал, земляк Горького.

Аввакум жил в век Паскаля, а сожжен царем Федором Алексеевичем в Пустозерске 14 апреля 1682 г. Царь Федор «гимнограф» (его «Хвалите» исполнялось Афонским за всенощной на рю Дарю) отменил на Москве вековечный «природный» знаменный распев, ввел киевский и покончил с беспокойным протопопом.

С разных концов земли два дымка поднялись к небу: в Париже на площади Грэв сожгли «гадалку» Лавуазен, а в Пустозерске на «красной» перед *земляной* тюрьмой из пылавшего сруба с пламенем улетел ловить царский венец протопоп «всея русской земли», Аввакум.

И вот, в 1939 году в Сорбонне «аршипретр» Аввакум Петрович Петров заговорит по-французски. Его толмач — переводчик и толкователь — профессор школы восточных языков Пьер Паскаль, Петр Карлович.

В субботу 4 марта в Сорбонне, в аудитории Лиарда, Паскаль защищает докторскую диссертацию: «Житие Аввакума (1620—1682)». Председатель жюри: профессор Сорбонны Рауль Лабри; оппоненты — профессора: Жюль Легра, Андрэ Мазон, Жак Ансель, Андрэ Вайян. Начало в 1 час 30 мин.

Для русских знаменательный день.

ЧУДЕСНАЯ РОССИЯ
Памяти Льва Толстого
1828—1910

Скудость веры, когда просто непонятным кажется, как это люди могли когда-то затевать многолетние коллективные постройки вроде готических соборов; сужение поля зрения — видишь только то, что под носом, а что дальше и глубже — ничего; подавленность воли и робость и поддонная жажда чуда, кото-

рое одно лишь способно вывести из пропащего круга безнадежного, забитого, серого существования на земле — это тот мир, в который пришел Толстой и принес свою зоркость, свое смелое и прямое слово и свою веру в чудесное в этом мире и человеке.

Мысли о жизни и человеке все давно сказаны и их жизнь и действие не в новизне, а в воле, в вере и в огне слова.

Величайшая вера в чудо и безграничное доверие к человеку — к человеческой воле и совести, вот пафос — вера, воля и огонь творчества Толстого. И в этом разгадка, почему люди повлеклись к нему, почему слова его трогают.

Толстовское «непротивление» — это при жесточайшем-то законе жизни беспощадной борьбы, какими средствами все равно, когда Гераклитов бог войны воистину «царь и отец жизни» — какая должна быть вера в чудесное в человеке: человек услышит, почувствует и опустит занесенную руку, а с другой стороны, найдет в себе силы со всей крепостью духа запретить.

И еще Толстовское: остановитесь и прекратите ту жизнь, которая идет на земле, основанная на лжи и насилии — на эксплуатации человека человеком или поощряющая это насилие, и которая создает вещи, не поднимающие дух человека, а отравляющие или отупляющие человека! — какую надо веру в чудесное: человек найдет в себе мужество остановиться и своей волей перевернуть весь уклад жизни, начать новую свободную жизнь.

Эта вера в чудесное покоряет человека, еще не задавленного и не захлебнувшегося, живой дух которого рвется высвободиться из кольца размеренной тягчайшим трудом жизни.

Жизнь для Толстого представлялась большой реальностью, не ограниченной дневными событиями, а уходящей в многомерность сна. Явлению сна Толстой придает большое значение и часто повторяя слова Паскаля: если бы сны шли в последовательности, мы не знали бы, что — сон, что — действительность.

В русской литературе явлению сна всегда отводилось большое место. Гоголь, как Э. Т. А. Гофман, брал сон в чистейшем его существе — повесть «Нос» построена на сне и во сне, или ряд одноименных снов Ивана Федоровича Шпоньки; Достоевский дал образцы «видений»; у Толстого же, как и у Лескова, сон весь в жизни, неразрывно связанный с событиями сегодняшнего дня и еще неизвестного завтра, — и такой вещий сон, обнажающий скрытую судьбу человека, дан им со всей ярко-

стью изобразительности труднейшей и страшной многомерности. В «Анне Карениной» сон — вехи, по которым идет повествование; замечательный сон в сказке «О двух стариках» и в сказках «Много ли человеку земли нужно» и «Чем люди живы».

Расширенная и вглубь и вдаль реальность жизни, где в сегодня смотрится завтра, это — взлет надчеловеческий, это — касание и видение самой судьбы! И этот взлет чудесен и, как вера в чудо, покоряет человека.

В вере в чудо есть вечная молодость и залог жизни, а вера не только движет горами — побеждает стихию, а и создает миры.

А. П. ЧЕХОВ
1860–1904

С первых книг я полюбил Чехова. Но это была любовь не та, с какой я читал Достоевского и Толстого: Достоевский действовал на меня до содрогания, а Толстому мне хотелось подражать и в письме и в жизни. Чехова я полюбил какой-то домашней любовью и рассказы его читал напоследок, но верно и неизменно, не пропуская ни одной печатной строки. Что же такое повлекло меня к Чехову после Толстого и Достоевского: ведь если расценивать по дару и сокровенному зрению, имя Чехова попадает не в первый круг к Гоголю, Толстому и Достоевскому и не во второй в ряд с Лесковым, а только в третий и притом на второе место: Слепцов, Чехов. Я очень люблю Слепцова и преклоняюсь перед его мастерством, но Чехов — с его небрежностью и провинциализмом?.. Потом, перечитывая Чехова, я увидел, что его душа — описание, как пропадает человек и притом пустой человек, или, по определению Шестова, «творчество из ничего». Пропад ли, который я видел вокруг себя с детства, пустота ли человеческая, которая чувствовалась и в благополучии и в неблагополучии московской жизни, или не пропад и не пустота, а тот чеховский рефрен, выделяющий его рассказы из тысячи пустых рассказов «беллетристики», рефрен, неизменно начинающийся — «и думал он...» — то самое раздумье — мечта, взблеск в глухой пустоте и безнадежном пропаде. Должно быть, эта мечта и покорила меня; я невольно думал с героями Чехова, что вот и мне, незаметному человеку, среди великого множества таких же незаметных, мне, забившемуся в свой угол, в пропаде и такой духовной бедности — до пустоты, все-таки

наперекор всему — всей этой непонятной и непостижимой силе, распорядившейся обездолить меня, дано право и отпущен дар мечтать о какой-то другой жизни, другом человеке с другими желаниями. На Чехове я отводил душу.

Как мастер-литератор, что мог дать мне Чехов? Я читал и перечитывал Гоголя. Мои первые рассказы в рукописи Мейерхольд, у которого я служил в театре, показывал Чехову: Антон Павлович не одобрил, как потом не одобрит и Алексей Максимович: Чехов от своей простоты, Горький от высокопарности. В литературе, как и Андрей Белый, оба мы происходим от Мельникова-Печерского, преданнейшего ученика Гоголя: ритм Андрея Белого со страниц «Лесов» и «Гор», из «Лесов» и «Гор» тема моей «Посолони». А это совсем другой исток и другие корни в нашей литературной традиции, чуждые и Чехову, и Горькому.

Не довелось мне в жизни встретить Чехова, но во сне однажды снился. Это было в прошлом году осенью, когда снова я взялся за «Хмурых людей». Мне приснилось: в святой Софии Цареградской открыли фрески: «страды Богородицы», показывает Замятин и Муратов, а на экране появляются семь мудрецов: Эйнштейн, Шестов, Шаляпин и Горький — совсем как живые, Шестов с ключом, а из рамки не выходят, и тут же Сумский разложил на столике и показывает с фокусами пластинки; раскрывается комната: Антон Павлович Чехов в черном драповом пальто сидит на зеленой садовой скамейке и весь как освещен изнутри серебром. «Вот вы к нам и совсем пришли!» — говорю я и прохожу по мосту — все в мраморе: выставка скульптур — разноцветные бутылки и сосуды.

ФИЛОСОФСКАЯ НАТУРА
1853–1900
Владимир Соловьев — жених

Что роком суждено, того не отражу я
Бессильной детской волею своей,
Пройти я должен путь земной тоскуя
По вечном небе родины моей...

Так начинаются стихи Владимира Соловьева, посвященные своей невесте, Екатерине Владимировне Романовой, в послед-

нее свидание перед ее замужеством: стихи написаны ей в альбом на первой странице: 31 января 1878*.

Уже три года, как она ему отказала; она давно его разлюбила... да она по-настоящему любить его никогда не могла, она ему была всегда благодарна: его умные письма доставляли ей «счастье».

Свободолюбивая; детство ей выпало трудное; рано она поняла подлый изворот человеческой жизни; в душе ее, по определению Соловьева, была «божественная искра», и она отказалась от той обыкновенной дороги, по которой идут, как заведено и принято, под знаком «человек есть скот». Она потеряла «детскую» слепую веру, а «сознательной» еще не было, ее тянуло к «реальным» наукам: она мечтает уехать учиться в Петербург или в Москву; единственный, кто ее в этом поддерживал, был ее двоюродный брат — Владимир Соловьев; но отец и мать его были против: они боялись их сближения: одна порода: Поликсена Владимировна Соловьева, урожденная Романова, — сестра отца Екатерины Владимировны; Вл. С. — в мать, Ек. Вл. — в отца.

Если бы она встретилась тогда со Слепцовым — ей шестнадцать лет — она была бы в Знаменской коммуне, если бы встретилась с Брешковской, она пошла бы «в народ».

Теперь ей двадцать три; два года она провела заграницей, в Швейцарии, потом Париж, вернулась в Россию — война, поступила сестрой милосердия и собирается на фронт. На нее обратит внимание Александр II**. А кончится война и, очертя го-

* Приведенное далее в тексте полностью стихотворение Владимира Соловьева, появляющееся в печати впервые, предоставлено «Современным Запискам» Екатериной Владимировной Селевиной, урожденной Романовой, двоюродной сестрой Вл. Соловьева. Ей же принадлежат и воспроизводимые здесь, до сего времени остававшиеся неизвестными, две фотографии Вл. Соловьева той эпохи (прим. ред. ж. «Современные записки» к первой публикации эссе. — *Ред.*).

** По воспоминаниям Е. М. Лопатиной (К. Ельцовой) («Современные Записки», 1926, кн. XXVIII) Александр II взял Ек. Вл. Романову за подбородок. Было это или не было, Ек. Вл. отрицает: государь ухаживал за ней, но не трогал; а что, оттираемая другими сестрами, она однажды схватила государя за «фалду», это было (прим. А. Ремизова. — *Ред.*).

лову, без любви, только из жалости (жених из-за нее стрелялся) замужество: как бы исполняя давний завет Вл. Соловьева.

Она помнит, когда-то она отказала кн. Дадиани, которого она «не настолько любит», чтобы выйти замуж, и вот какой был ответ Соловьева:

«Твой отказ кн. Дадиани меня очень опечалил... Мне очень жаль, если ты веришь скверной басне, выдуманной скверными писаками скверных романов в наш скверный век — басне о какой-то особенной, сверхъестественной любви, без чего будто бы непозволительно и вступить в законный брак, тогда как, напротив, настоящий брак должен быть не средством к наслаждению или счастию, а подвигом и самопожертвованием. А что тебе якобы не нравится семейная жизнь, — то разве нужно делать только то, что тебе нравится или что ты любишь?» (Письмо 31-XII-1872 с припиской от 1-I-1873): «Если в этом письме, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбит, то ты простишь меня, потому что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чем нужно. Прошу тебя пиши мне поскорее: меня очень интересует дело с предложением, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня в сорок тысяч раз дороже всей писанной и печатной бумаги в мире».

С этого и началась любовная переписка*.

Она помнит, это письмо ее тогда совсем запутало и на ее «выведи меня из этого состояния», он ответил:

«Отвечаю тебе прямо: я люблю тебя, насколько способен любить; но я принадлежу не себе, а тому делу, которому буду служить, и которое не имеет ничего общего с личными чувствами, с интересами и целями личной жизни. Я не могу отдать тебе

---

* В «Русской Мысли», 1910 кн. V. М. Б. (Марья Сергеевна Безобразова, сестра Вл. Соловьева) напечатала «Юношеские письма Владимира Соловьева» (1871—1873): 28 писем к Екатерине Владимировне Романовой (по мужу Селевиной). Вл. С. Соловьев (1853—1900) — ему было 18—20 лет; Ек. Вл. (1855 — живет в Париже) — 16—18 лет. Любовная переписка с 6-VII-1873 — 8-X-1873 — пять месяцев. Подлинники, переплетенные в черную тетрадь, хранятся в Киеве; среди них есть ненапечатанные.

К. В. Мочульский в книге: «Владимир Соловьев, жизнь и учение». YMCA-Press, Париж, 1936, пользовался этими письмами; все, что касается взглядов Вл. Соловьева, его «мыслей», передано им с большой точностью, но в делах житейских (стр. 25, 26) не совсем (прим. А. Ремизова. — *Ред.*).

себя всего, а предложить меньше считаю недостойным» (6-VII-1873).

Наконец исполнилось ее желание, она в Петербурге, она помнит, перед ней — цель жизни: «народная школа» (ведь и «несколько человек, освобожденных от того страшного невежества, в котором находится весь русский народ, много значит, когда есть так мало выведенных из этой ужасной темноты»); и как возмутило ее «Преступление и наказание», не могла дочитать; и как она ждала его: приедет и все разъяснит; только, что это значит: «насколько способен любить?» «не могу отдать себя всего?».

«Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви мы не совсем понимаем друг друга. В этом впрочем, виноват больше я сам: как бы то ни было, постараюсь говорить яснее. Я думаю, ты не можешь сомневаться в моей любви: я даже не умел хорошо скрывать ее до сих пор; теперь же ты даешь мне возможность говорить открыто: я люблю тебя, как только могу любить человеческое существо, а может быть и сильнее, чем должен. Для большинства людей этим кончается все дело; любовь и то, что за нею должно следовать: семейное счастье — составляет главный интерес их жизни. Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днем становится для меня все яснее, определеннее и строже. Ее посильному исполнению посвящу я свою жизнь. Поэтому личные и семейные отношения всегда будут занимать второстепенное место в моем существовании. Это-то только я и хотел сказать, когда написал, что не могу отдать тебе себя всего. Но это, как я заключаю из твоего последнего письма, не может изменить твоих чувств ко мне. С моей же стороны, хотя та задача, о которой я говорю, такого рода, что не может быть ни с кем разделена, но, конечно, участие любящей женщины должно поддерживать и укреплять силы в тех тяжелых ударах и жизненной борьбе, с которыми необходимо связано разрешение всякой серьезной задачи. Это помощь незаменимая и конечно только от тебя могу я ее принять. Но ты знаешь, моя дорогая, что не от нас и не от нашей любви зависят наши отношения. Ты знаешь, какие препятствия не допускают нашего соединения* (хотя мне несколько затруд-

* Родители Соловьева не соглашались на брак из-за близкого родства (прим. А. Ремизова. — *Ред.*).

нительно писать об этом так прямо, но я должен прибавить, что разумею единственно только то соединение, которое освящается законом и церковью: ни о каких других отношениях между нами не может быть и речи). Устранить эти препятствия очень трудно, но возможно. Во всяком случае, нужно употребить все средства. Пока я предлагаю следующее: мы подождем три года, в течение которых ты будешь заниматься своим внутренним воспитанием, а я буду работать над заложением первоначального основания для будущего осуществления моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть определенного общественного положения, которое бы мог тебе предложить. Если ты согласна, то об этом еще поговорим при свидании. Много бы хотел сказать тебе, но слова немы и пошлы» (11-VII-1873).

И еще она помнит: тогда же — Петербург — вот и лето прошло, так он и не приехал («поговорим при свидании!»), а скоро зима; «большая перемена произошла за последнее время», она уж не та, она его не ждет...

«Во-первых, пишу «Историю религиозного сознания в древнем мире» (начало уже печатается в журнале). Цель этого труда — объяснение древних религий, необходимое потому, что без него невозможно полное понимание всемирной истории вообще и христианства в особенности. Во-вторых, продолжаю заниматься немцами и пишу статью (также для журнала) о современном кризисе западной философии, которая потом войдет в мою магистерскую диссертацию; конспект этой последней уже мною написан. В-третьих, читаю греческих и латинских богословов древней церкви. Их изучение также необходимо для полного понимания христианства. Все это только начальные подготовительные занятия, настоящее дело еще впереди. Без этого дела, без этой великой задачи мне незачем было бы и жить, без него я бы не смел и любить тебя. Я не имел бы никакого права на тебя, если бы не был вполне уверен, что могу дать тебе то, чего другие дать не могут. Ты видела и всегда можешь видеть у ног своих множество людей, которые имеют надо мною все внешние преимущества. Пока, в настоящем я ничто...»

* * *

Есть два начала света и цвета жизни: любовь и любва — любить и любиться. «Разожженный уголек» в крови и белый, са-

мый жаркий и пронзительный свет... но кровь и есть дух. Самые знойные песни сложила любва; самые высокие помыслы от белого пронзительного света. И преступления до ножа, как от любвы, так и в любви. И у любвы и у любви нет половинок: все или ничего.

«Философская натура» на тонких ногах — Владимир Соловьев, не Рогожин, не Свидригайлов — не Достоевский. В его «недоношенной» натуре белый жаркий свет, не «уголек». Никакой знойной песни Лермонтова или Некрасова или Блока не может быть в стихах Соловьева, но мысли его семянны и видения его жарки.

Вот она с длинными глазами сверкающей панночки «Вия» — маленький красный рот, а это как у Полины в «Игроке» следок ноги узкий и длинный — мучительный.

«Сегодня я только к утру задремал и видел тебя почти как наяву. Ощущаю Katzenjammer. Если тебе сколько-нибудь дорого мое спокойствие, если ты меня не на словах только любишь, пиши мне хоть раз в неделю несколько слов. Прощай, мое сокровище, обнимаю тебя всей силой своего воображения; придет ли, наконец, время, когда обниму тебя в действительности, радость моя, мучение мое!» (8-X-1873).

Он покорил ее своим белым самым жарким и пронзительным светом. Но он никакой кентавр, в его философии ничего от философа Хомы Брута. И если бы он осмелился не в одном «воображении» — судьба его была судьбой псаря Микиты: куча золы да пустое ведро.

* * *

Соловьев-жених — не Чехов со своей «собакой»; есть что-то общее с повадкой и существом Андрея Белого, та же «мудрость змия и незлобивость голубя», шитая белыми нитками, и то же прозрачное «лукавство», и путаница и слепота.

«Только что отправил жалобу на твое молчание, дорогой мой друг Катя, как получил твое письмо, обрадовавшее меня бесконечно. (Ты, однако, не думай, чтобы я высказывал свою радость; при получении твоих писем я изображаю олицетворенное равнодушие. Вообще я становлюсь гораздо сдержаннее, даже начинаю лукавствовать, уверяю тебя: хочу быть мудр, аки змий и незлобив, аки голубь). Что касается наших отношений,

то хочешь ли ты или не хочешь, я дал и еще даю тебе слово, о котором говоришь. Способен ли я обмануть, это окажется в будущем, на деле, говорить же об этом нечего» (2-VIII-1873). — «Подателю сего письма, если он будет говорить обо мне, верь не безусловно, не потому, чтобы он стал нарочно врать (он человек порядочный), но потому, что я не был с ним вполне откровенен, точно так же, как ни с кем другим, кроме тебя одной. A propos des bottes: какой невозможный вздор слышал я про тебя с разных сторон. Удивлялся изобретательности человеческого воображения. Не поверил ничему ни на минуту. Писал тебе, что начинаю лукавствовать. С непривычки не очень успешно: иногда прорываюсь самым смешным образом. А иногда и не хочется притворяться, как будто что дурное скрывать» (10-VIII-1873). — «Что ты пишешь мне, дорогая Катя, о сделанном тебе предложении, было мне очень неприятно отчасти по той моей бессмысленной гадкой ревности, вследствие которой у меня скребет на сердце каждый раз, когда кто-нибудь другой даже только произносит твое имя, не то, что делает тебе предложение; но еще более потому, что очень, очень тяжело шагать через других и, мечтая о спасении человечества, по какой-то злой иронии жизни быть невольной причиной чужого несчастья. Напиши мне, пожалуйста, как подействовал на него твой отказ (не Пасеком ли его зовут?). Все, что ты пишешь о моих целях, совершенно справедливо. Только ты напрасно воображала, что я мечтаю о каком-то мгновенном возрождении человечества. Живого плода своих будущих трудов я, во всяком случае, не увижу. Для себя лично ничего хорошего не предвижу. Это еще самое лучшее, что меня сочтут за сумасшедшего. Я, впрочем, об этом очень мало думаю. Рано или поздно успех несомненен — этого достаточно. Мы должны исполнять свою обязанность — вот и все, а определять времена и сроки — не наше дело. Иногда далекое представляется уму близким — тем лучше — это утешает. Что это у тебя за странная фраза: боюсь надоесть своей болтовней?»

* * *

Свидание с женихом, по его вычислениям, через 114 дней! Мечту о «народной школе» сменила музыка — появился кентавр.

Всеволод Соловьев* (в письмах он называется «джентльмен», В. и Х.) будет заниматься с ней историей. Он старше Вл. С., вот уж ничего общего с братом: он в отца, такой же коренастый, широкоплечий. В ее альбом за август написал он шесть стихотворений и в каждом самое пылкое признание. А когда временно уедет из Петербурга в Москву между ними начнется переписка.

«За днями дни обычной чередой
Идут — а я письма не получаю,
Другим же пишешь ты...
Что сделалось с тобой?
Я этого совсем, мой друг, не понимаю!»

«По крайней мере, спокоен, что ты здорова, ибо другим пишешь. Видишь, однако, до чего любовь может доводить даже философские натуры: еще немного, — и я буду писать настоящие стихи, буду списывать их в тетрадь и угощать ими своих близких, по примеру известного тебе джентльмена, о котором, кстати, будет и речь. На другой день по его отъезде, только что я проснулся и еще не совсем пришел в себя, внезапно является Аполлон (не тот, которому поклонялись древние греки, а наш лакей Аполлон) и подает мне письмо, полученное накануне в мое отсутствие. Вижу твою руку и, не разобравши хорошенько адрес, распечатываю и читаю начало. Из сего начала вижу, что упомянутый джентльмен (к которому, оказалось, адресовано ваше письмо) вторгается туда, где его никто не желает. Ты бы очень хорошо сделала, если бы раз навсегда положила должный предел его порывам. Имею слишком достаточное основание, постоянно страдая от своей доверчивости, предупреждать тебя: не доверяй людям вообще, а петербургским джентльменам в особенности. Как ни стараюсь во всех людях видеть настоящего человека, но должен признать начальную и давно известную истину, что в людях совсем мало человеческого, а гораздо более преобладает образ различных зверей, как-то: волка, лисицы, свиньи, гиены, осла и т. п. Ты мне никогда ничего не пишешь о себе. Неужели ты не веришь, что для меня важно все, что тебя касается. Пиши же, я серьезно беспокоюсь. В Сергиевский по-

* Всеволод Сергеевич Соловьев (1849—1903) — романист (прим. А. Ремизова. — *Ред.*).

сад окончательно переселяюсь 8 сентября, когда начнутся академические занятия. Ты мне должна будешь писать, по крайней мере, 2 раза в неделю. Кроме твоих писем у меня там ничего живого не будет» (25-VII-1873). — «В. (Всеволод) раз мне рассказывал, какое ты мнение имеешь» и т. д., я уже писал тебе, дорогая, чтобы ты относительно меня не верила В., потому что я не был с ним искренен: я ему действительно говорил то, что он тебе передавал, но говорил нарочно, о чем тебя и предупреждал. Не знаю, почему тебе неприятно, что я живу отшельником, т. е. избегаю бессмысленных забав и не развратничаю. Вероятно, тебе что-нибудь наврали. Относительно твоих сомнений могу только заметить, что наша разлука достаточно долга, чтобы «минутное увлечение» успело пройти; минутные увлечения у меня бывали, и я знаю разницу» (26-VIII-1873). — «Не быть мнительным и ревнивым я не могу: это болезнь характера и, следовательно, неизлечима. Но конечно ее можно скрывать. Во всяком случае, моя ревность остается при мне: ты ведь не можешь пожаловаться, чтобы я тебя обвинял или упрекал в чем-нибудь, а самого себя мучить я, конечно, имею право. Итак, об этом больше ни слова. Что касается нашего свидания, то я сам думал его ускорить. Если ничего особенного не случится, то буду в Петербурге в начале ноября (около десятых чисел). 7 недель еще подожди меня — это сравнительно недолго. Писать не буду часто — времени нет: нужно хорошенько потрудиться, чтобы сколько-нибудь заслужить радость свидания с тобою. Ты же пиши мне, жизнь моя. Очень рад, что ты будешь заниматься музыкой. Экзамен тоже не мешает на всякий случай выдержать. Но скажи, пожалуйста, как это ты будешь заниматься с Х. (Всеволодом)? Мне кажется забавным. Впрочем, об Х. (Всеволоде) я не хочу распространяться, потому что должен сказать, что как это ни скверно с моей стороны, я просто не люблю его. Как я ни старался себя принудить, как ни уверял себя, что должен его любить и что люблю — не удается. Это какая-то инстинктивная антипатия. Напротив, я был бы очень рад, если бы представился случай оказать ему какую-нибудь важную услугу, чтобы, по крайней мере, не быть неблагодарным, как он меня в этом упрекает. Тем не менее, у меня к нему (и странно — к нему одному) очень нехорошее чувство. Впрочем, надеюсь это временем пересилить, тем более, что он ненависти и враж-

ды ни в коем случае не заслуживает: он более пуст, чем зол. Прости, моя радость, я верю твоей любви и полагаюсь на нее» (23-IX-1873).

* * *

«Семь недель еще подожди меня — это сравнительно недолго!» И он трудился в Сергиевском посаде, чтобы «заслужить радость свидания». А ей в Петербурге за музыкой и «историей» не до чего: кентавр победил!

«Сегодня полученное мною письмо твое возбудило во мне такую необычайную радость, что я стал громко разговаривать с немецкими философами и греческими богословами, которые в трогательном союзе наполняют мое жилище. Они еще никогда не видели меня в таком неприличном восторге, и один толстый отец церкви даже свалился со стола от негодования. Я ведь уже был вполне уверен, что между нами все кончено, и только не мог придумать от чего и как это случилось...»

Эка! и давно все кончено, а случилось очень просто. Говоря житейски: «проворонил», а попросту — «проглупал». Хорош жених! Да надо было тогда же после объяснения (Письмо 11-VII-1873), несмотря ни на что, немедленно ехать к ней в Петербург, а не откладывать, не философствовать и не оправдываться.

И это она помнит, еще бы! «Москва, 25 июля»:

«Пожалей меня, дорогая моя, жизнь моя, Катя; еще четыре месяца должен я дожидаться свидания с тобою. Совсем собрался ехать в Петербург; спрашивают, зачем ты теперь туда едешь? Для таких-то и таких-то дел. «Но в Петербурге летом никаких дел сделать нельзя, никого из нужных людей не найдешь; все на лето разъезжаются». «Но мне необходимо заниматься в Публичной библиотеке». «Зимой там заниматься гораздо удобнее, а теперь и в библиотеке никого не добьешься». Что же? мне оставалось или признаться, что я еду в Петербург единственно для того, чтоб видеть тебя, что мне там, кроме моей Кати, никого и ничего не нужно, — сказать эту правду прямо было бы глупостью непоправимой; или же приходилось согласиться с основательными доводами и принять предложение папа ехать в Петербург с ним вместе 1 декабря, в воскресенье, в $8^1/_2$ часов вечера. Я согласился и, кажется, поступил благоразумно. Но только

теперь, когда дело уже кончено, чувствую я, до чего невыносимо тяжело мне это благоразумие, никогда не испытывал такой смертельной тоски. Знаю, что и тебе невесело одной в скверном пустом городе. Давно бы приехал, несмотря ни на что, если бы можно было это сделать, не компрометируя тебя же. Да, кажется, не много роз придется нам сорвать на нашей дороге. Это, впрочем, и хорошо: быть счастливым вообще как-то совестно, а в наш печальный век и подавно. Тяжелое утешение! Есть правда внутренний мир мысли, недоступный ни для каких житейских случайностей, ни для каких душевных невзгод — мир мысли не отвлеченной, а живой, которая должна осуществиться в действительности. Я не только надеюсь, но так же уверен, как в своем существовании, что истина, мною сознанная, рано или поздно будет сознана и другими, сознана всеми, и тогда своею внутреннею силою преобразит она весь этот мир лжи... все это исчезнет, как ночной призрак перед восходящим в сознании светом вечной Христовой истины, доселе непонятной и отверженной человечеством, — и во всей своей славе явится царство Божие — царство внутренних духовных отношений, чистой любви и радости — новое небо и новая земля, в которых правда живет, но невозможно ничтожному человеку постоянно жить в этом мысленном, еще не осуществленном для нас мире. Сердце берет свои права, и опять тяжелая тоска, тупое страдание, и еще невыносимее становятся мелкие препятствия и столкновения, все эти пощечины обыденной жизни. Радость моя, дорогая моя, в эти минуты душевной усталости, слабости и отчаяния только твоя любовь может поддерживать, ободрять меня: напоминай мне о ней чаще, умоляю тебя, я еще не верю вполне, прости меня. Твой навсегда».

«Навсегда?» — вот когда все было кончено навсегда: живое «безумное» человеческое сердце — огонь — и... это благоразумие! Или и так — по слову протопопа Аввакума: «не им было, а быть же было иным». Или...

Что роком суждено, того не отражу я
Бессильной детской волею своей,
Пройти я должен путь земной тоскуя
По вечном небе родины моей.

Звезда моя вдали сияет одиноко —
В волшебный мир лучи ее манят,
Но недоступен этот мир далекий, —
Пути к нему не радость мне сулят.

Прости ж, и лишь одно последнее желанье,
Последний вздох души моей больной —
О, если б я за горькое страданье,
Что суждено мне волей роковой,

Тебе мог дать златые дни и годы,
Тебе мог дать все лучшие цветы,
Чтоб в новом мире света и свободы
От злобной жизни отдохнула ты,

Чтоб смутных снов тяжелые виденья
Бежали все от солнечных лучей,
Чтоб на всемирный праздник возрожденья
Явилась ты всех чище и светлей.

Она стояла перед ним, — и это было наяву, но трепетно, как в видении: на ее голове крылил белый убор сестры милосердия; видит ли он или не видит, как тенью следит она из-под опущенных глаз — он видел этот непорочный убор: его белый цвет сверкал самым жарким и пронзительным светом, красное, как рана, раскаленным углем на груди — крест. «И рубины уст ее, казалось, прикипали кровью к самому сердцу».

ЭТОТ КАМУШЕК
Памяти Владимира Диксона

Умер поэт Владимир Диксон. Какой роковой срок — 30 лет! В гроб ему положили лепестки розы из надгробного венка А. А. Блока — его любимого поэта. И чутку земли — Русская земля — с его материнской родины, где он родился, вырос и вырастил в себе горячую любовь к России. Два сборника его стихов, изданные в Париже — «Ступени» и «Листья», изд. Вол — овеяны Россией.

Нас соединяла Россия и книги. Все часы после службы он посвящал ученью. Бретонские легенды и Византия, мне близкое, занимали его, и наши свидания заполнялись кельтами

и византийскими веками. Пытливость и жажда знания меня трогала в нем, а и еще — его сердце.

В первый раз, когда он пришел к нам, я подумал, глядя на его глаза: «вестник с опущенными крыльями!» И за шесть лет нашей дружбы я понял и благословил его приход — придуманное им название издательству «Вол» есть ведь символ материнской любви, излучающей тепло.

И в первую же нашу встречу я подумал: «такие не живут долго на земле!» Получить в дар сердце — его жалостное сердце — а это очень больно ходить по земле: кругом жесточайшая судьба с ее бедой, наградой за весь труд и терпение, и холодные глаза, в которые не проникнет ни одна жалоба, и черствое сердце, для которого все одинаково. И какую надо мудрость или какую волю, чтобы не захлебнула эта жалость, я это так чувствую, когда весь мир вдруг жалко, и не погибнуть...

Мой бедный брат — сторона небывалая! — вот камушек — он с белых берегов Двины, сбереженный из краснозвонного Сольвычегодска — за вашу любовь к России, за ваше измучившееся жалостью сердце и за вашу пламень перед высоким духом неподдельным, открывшимся в вашем сердце — это вам — этот камушек — мое последнее.

ВЛАДИМИР ДИКСОН
16.III.1900 — 17.XII.1929

Мне хочется говорить о сокровищах человеческого духа — о книгах, когда я думаю и вспоминаю В. Диксона. Любить книгу — это дар. Мне хочется говорить о свете — о дарах света, когда я думаю и вспоминаю В. Диксона. Все, что есть от Бога прекрасного, дано ему было. Мне хочется словами повторить взгляд человека, отмеченного светом. И я ищу это слово, что может быть прекраснее в мире — и вспоминаю: что может быть прекраснее музыки, и книги хотя это понятно очень немногим, или те редкие минуты обрадованности и благословения, когда вдруг нахлынет... или еще — молитва, соединяющая покинутого человека с Богом. И если подумать о жизни, какая она есть с ее трудом, бедой и страхом, и со всякими ухищрениями победить страх и обойти беду, и если с гоголевскою отчетливостью представить себе мир — «Господи Боже мой! — повторяя за Гоголем, — как много всякой дряни на свете!» — встреча с челове-

ком, отмеченным светом, неизгладима и память до последней минуты жизни.

В русской литературе есть непревзойденные страницы у Толстого и Достоевского. Мне приходит на память Анна Каренина, когда она на вокзал едет, а у Достоевского из «Скверного анекдота», как под дверями стоит начальник. Толчея мысли. Проследить эту спутаннейшую нить мысли и выразить ее словами — современная тема. Это напор человеческого духа против всего автоматизирующего строя жизни.

Диксон был хороший математик, мысль его изощрилась на отвлеченном. В передаче этого сцепа — толчеи мысли, в которой отражаются и с которой движутся вещи, была бы его сила. Такое у меня чувство от его последнего рассказа: «Описание обстановки».

Но не только в передаче вещной мысли, а и хлыва чувств — той среды, где «пробегает мысль», выражается живое. А для этого надо проникновение. И такое открытое сердце ему дано было.

«Пронзенный волнами беспроволочного телефона, цыганской песней у Будапешта, сообщениями с нью-оркской биржи, сотрясаемый колебаниями невидимого эфира, на пересечении незримых звучаний всех радиостанций всех стран земли и не только земли — Вселенной! ибо и космические лучи проникают на десять верст в глубь океана, и инфракрасные и ультрафиолетовые и те, о которых никто еще и не мыслит — но кто пронзен состраданием, кто слышит песню людской тоски — не из Будапешта, а из соседней квартиры? и никакой беспроволочный телефон, нагромождение миллиарда электронов на миллиард протонов, никакая радиостанция не уловит незримую печаль земную и невидимую земную радость, а только сердце человеческое познает горесть и нужду другого сердца».

Из современных иностранных писателей, которые ему были близки по восприятию и способу выражения «жизни», я назвал бы: Макс Жакоб и Джойс.

Легенда — повесть о явлениях духовного мира. Легенда по своему существу одного порядка со сновидениями. Русская литературная традиция литературную обработку легенды начина-

ет с Лескова. Лесков правильно порвав с книжным изложением, сбился на искусственный ритм и рационализовал легенду. И только Толстой, реализируя по духу нереальное явление, воссоздает легенду. Пример: о трех старцах. И это понятно: потрясенному с «Набега» Толстому явления сновидений, как и дух легенды, были несравненно ближе много передумавшему и перегорюнившемуся Лескову. В западной литературе Анатоль Франс пользовался материалами легенд для занимательных рассказов, неизменно сопровождая оное изложение улыбкой все понимающего культурного человека, не понимая, чем может быть в таких случаях улыбка и уж совсем не представляя улыбку, а гогот, которым, оглушенный, измученный потусторонними голосами, Гоголь предварял или сопровождал жутейший рассказ о явлениях колдовства и мороки, не для развлечения, а для отвлечения объявляя о смехотворном источнике и сомнительной достоверности предлагаемой жути.

Бретонские легенды — «Мерлин, Кристик» и легенды о Бретонских святых: «Соломон, Еффлам, Ронан» — первые опыты задуманного большого собрания кельтских легенд. В русской литературе впервые. И это был бы большой вклад в нашу легендарную Византию Лимонарей и Прологов. Устремление к Бретани и Ирландии объясняется родом Диксона: его память о таинственной и чудесной полосе Океана, где совершались большие духовные события, о которых теперь молчаливо говорят дольмены и менгиры. И любимый его поэт — Блок был зачарован легендой Короля Артура.

Диксон переводил Гамлета и Фауста для себя, и Вильяма Блэйка. И опять я думаю: как это печально, что оборвалась работа. А как это важно для писателя: больше, чем глазом, больше, чем губами прикоснуться к слову великих творцов слова — перевести на другой язык, и передать другому. Я представляю себе Гоголя, читающего Дон-Кихота: ведь это были счастливейшие часы — незабываемая встреча — и, может быть, впервые после Сервантеса каким ярким золотом заблистал медный бритвенный таз, воистину волшебный шлем Мамбрина!

Диксон быль религиозный — верующий и сознающий всю ответственность своей веры. Я не знаю, должно быть, и здесь на этой полосе Океана, но в России, я знаю, был обычай не только читать святое писание, но и переписывать. Я понимаю, в мед-

ленном искусном письме, а Диксон писал твердо и крупно, и украшая заставками и концовками, слово проникает больше, чем в мысли. Он переписал евангелие от Иоанна и несколько псалмов. Под Пасху, в Рождество и на праздники неизменно мы втроем бывали вместе в церкви.

У Диксона была заветная память детства: плюшевый белый медвежонок. Когда я остался один в его комнате среди книг, где собраны были большие сокровища, сколько любимых имен окружили меня, я их различал и в сумерки, и вдруг увидел в углу у книг белого медвежонка. Он сидел с растопыренными лапами, вытянув черный свой нос. А как одинок, но и как нечеловечески покорен судьбе, посмотрел он на меня, застыв с распростертыми лапами и вытянув свой черный нос. Вещь не только вещь, но и знак. И я понимаю. Но как трудно человеку покориться.

ВЛАДИМИР ДИКСОН
1900–1929

Владимир Диксон. Стихи и Проза. Изд. Вол. Париж, 1930. Стр. 249. Склад издания: «Moskwa», 9 Rue Dupuytren, Paris VI.

Наша жизнь складывается по строго размеренным часам работы, и дело, в котором участвует человек, владеет им и распоряжается его волей. Но мысль человека, наперекор всему строю жизни, не хочет подчиняться никаким рабочим дням и идет против всякой механизации, навязываемой ей, даже больше, сковывающей ее вещевой жизнью. И никогда еще так громко и настоятельно не заявляла мысль, а с нею и чувства свое право на свободу и самостоятельность. Мысль выражается словами и само слово в движении мысли начинает в свою очередь свое, чисто словесное движение, и может увлекать за собой мысль. Движение непокорной и не желающей покоряться человеческой мысли и связанное с ней движение наших чувств в среде строго регламентируемой законами механики, производства и всякой политики, строй и взблеск мысли и чувства в хлыве вещей, движение мысле-чувство-слова — современная тема.

В творчестве Диксона намечен путь описания мысль — чувство — словных движений: в рассказе «Червь» — ассоциации мысли и слов: в «Описании обстановки» пример нового воспри-

ятия вещевого мира. Стол и стул! — что можно сказать, только глядя и осязая, но какой развертывается богатый мир при мысле-чувство-словном восприятии!

Пруст и Джойс, корни которых в Толстом и Достоевском, самые видные представители нового восприятия и способа выражать это мысле-чувство-словное движение. Из русских самый близкий к Джойсу Андрей Белый стоит совсем одиноко в современной русской литературе, которая за немногими исключениями — а эти исключения сжаты в лучшем случае в крепкие рамки Толстого и Достоевского — информационна, т. е. только материал, как для иностранца, так и для русских вне России. Среди молодых, наиболее одаренных русских писателей вне России, «зарубежных», явно чувствуется устремление к Прусту и Джойсу; и если удастся им, в условиях очень трудных — вне стихии русского слова, создать цельное, оно будет иметь большое значение в русской литературе.

* * *

В мире начинается новая жизнь. Будет она хорошая или плохая, а новая. Раздавленная войной Европа, которую доканают революции, эта береговая полоса Океана передает свою «германо-романскую» культуру на тот берег Америке. Россия — Третий Рим — по старине наряженная в тюбетейку мечтает о американском укладе жизни. Русский человек, очутившийся на рубеже — между Америкой и Россией — там, где когда-то была Европа, что увидит он из пустыни, какие звезды? Одна звезда светит ему с разрушенного Шартрского собора —

Молюсь Тебе русскими словами.
Ты поймешь северную молитву, —
Племена поднимают знамя,
Все народы знают Тебя

Богородица — единственная милость,
Мария — крестная Мать.
В черной ночи звезда явилась —
Тихий путь, прозрачная даль.

И другая с застроенной домами св. Софии — звезда Византии Нового Рима —

Если в глухой вологодской деревне
Свечка горит пред иконой святой —
Не от тебя ли, сильной и древней,
Веру мы приняли, свет и покой?

Византия и Шартр, сейчас, когда колеблется вся земля, сердцу, которому открыта звезда земли, голос их подземной жизни особенно чуток:

Почему тебя Господь оставил,
Отдал все пустынному врагу?

——————————————

Кому дано знать свою судьбу! И если скрывается человеку, то никак не «знанием», от «разума». Бывает, в стихах их «неразумном» складе — кто ж говорит в дневной работе жизни стихами! — совсем «невольно» высказывается тайность.

Мне кажется, я не отсюда родом,
Хотя к земле привык мой глаз,
И к этим далям и этим синим водам
Я странником пришел на краткий час.

Диксон умер, не дожив тридцати лет. Те кто его встречал в жизни, не позабудет — его чистоту глаз и свет.

* * *

В книге четыре отдела: I. Стихи, среди которых первая часть чистая лирика —

Долго странствую, много скитаюсь,
Вместе по миру с ветром кружу —
И всегда я к тебе возвращаюсь,
И всегда я к тебе прихожу...

стихи городские — «Окна». «Византия», «Шартр», «Франциск Ассизский», «Памяти Блока»; II. Сказка; III. Рассказы; IV. Легенды. К книге приложен указатель стихов и рассказов трех книг: «Ступени», Париж, 1929 (120 стихов), «Листья», Париж, 1927 (31 стих и 3 рассказа) и «Стихи и Проза», Париж, 1930 (120 стихов, сказка и 15 рассказов). Два портрета. Шесть концовок — рисунки В. Диксона из его черновых тетрадей. Предисловие Алексея Ремизова.

Я помню звезд бесчисленные свечи,
Как угольки в мерцающей золе,
Мне кажется, я не на этой встречной,
Любимой больно, родился земле.

Я только гость, оставшийся случайно
На перепутьи переночевать,
И лишь заря займется на окрайне,
Оставлю я случайную кровать.

И снова в путь — искать родное поле,
Где много звезд и много васильков,
Где жизнь без лжи, без горя и без боли,
Течет ручьем у тихих берегов.

А на земле останется за мною
Лишь слабый свет моих немногих слов,
Как снег, упавших тонкой пеленою
В прозрачной дали долгих вечеров.

Лучшая память о человеке — его слово. И как хорошо, что такая книга появилась в свет. Издание прекрасное. И выполнено тщательно.

НАД МОГИЛОЙ БОЛДЫРЕВА-ШКОТТА
1903—1933

Когда гроб показался во дворе Монпарнасской церкви — медленно и важно, а этот двор мне, как тюремный в Таганке, я вспомнил — вот точно так же Шкотт вошел к нам на Villa Flore, где мы жили в 1927 году, — и я узнал ее в этом дощатом, очень узком, медленном и важном гробе, как тогда в его очень узком, но опрятном пиджаке, — «глядела бедность».

Последние дни Пасхи — «Христос воскресе», с которого начато и кончено отпевание, и за этим необычным — пасхальным — и при виде черным покрытого и бедными цветами, но цветами! гроба — не чувствовалось смерти. И только там, на дальнем, открытом, как среди пустого поля, Тиэ, когда в одну из узких, рядами заготовленных ям упали первые комья — твердый ком за комом, — земля о деревянную крышку гроба, — этот обратный звук вскрику человека, впервые увидевшего свет, — последний безответный из мира, я всем существом моим до

дрожи ощутил глухой и непреклонный голос смерти, но и понял, что уж больше не надо «думать», по крайней мере весь кошмар верональной температуры кончен... а о снах в бестемпературном «смертном сне» я не подумал.

Жизнь Шкотта за эти шесть лет с нашей встречи — круг напряженнейших дум, суровый литературный путь, тяжелая физическая работа и тяжкий недуг.

«А ведь и самому упорному надо какую-то передышку! ну, просто выспаться, переменить место, — тогда и в самом тягчайшем недуге освеженные силы дадут надежду!» Это я сам с собой — не могу помириться, чтобы взять так и — кончить бесповоротно.

А какие они — крокморы! засыпали да не совсем — стоят над незасыпанной: «лопаты на три осталось, завтрашний день кончим!» И догадываться не надо: дал кто-то пять франков — смотрим: а уж все и готово. Дали еще — и уж крест воткнут, цветы кладут. «Такое их мэтье!» — сказал кто-то. Ну, точно дети.

В памяти о человеке всегда остается, хотя бы и последняя мелочь, но что особенно тронет и станет незабвенным: это тогда, еще в первое знакомство на Пасху принес Шкотт маленькую ветку сирени, и веткой-то нельзя назвать, а так лапасток какой-то от ветки с белыми звездочками-цветами, ветку, из которой — — и я вспомнил, как однажды в Петербурге, тоже на Пасху, прислали нам «добрые люди» корзину с ландышами — «прямо из Ниццы» — и стоила она шестьдесят рублей, как объяснил посланный, а потом уж в Париже я не раз видел такие корзины, — удивительные свежие ландыши! — но никогда я не видел и только однажды такую ветку, из которой — «глядела бедность», и перед ее болью в вихре моих мыслей и глуби моих чувств осветился стол, комната. Villa Flore, Avenue Mozart — весь Париж. И теперь я все беспокоился о наших последних цветах: ведь крокмору — дело привычное — и не заметит, и не заметишь, сапогом смахнет! — венок от «Технической школы», где последние годы учился Шкотт, к кресту поставили и от креста дорожкой цветы тех, кто в последний раз вспомнил, и вижу, наши — желтые ромашки — память о его материнской родине России, и ландыши.

«В ваших странствиях, Иван Андреевич, дорога привела вас на Villa Flore в мой мир «по карнизам» и мир «слова», вы сту-

пили на трудный путь «слова», но слово — «слово без денег, будь оно и самым раскаленным, оно бескровно, ничего!» и что я мог и что могу сделать для устройства литературных дел? — ничего. А моя работа — впрочем, разве я мог удивить вас и самой беспощадной требовательностью? — вы такого крепкого корня: вам напролом и упор — наследственная стихия».

Родословие Шкотта — от «старого Шкотта» — Джемса, Якова Яковлевича, память о котором долго хранилась на Москве: «распахать всю русскую землю усовершенствованными орудиями и научить русских детей английскому языку!» — вот с какой затеей приехал Шкотт в Россию сто лет назад. Сын его Александр был женат на тетке Лескова, и в судьбе Лескова семья Шкоттов имела решающее значение.

Имя Лескова Иван Андреевич слышал с детства, но близости никогда не чувствовал. Не Лесков, а Достоевский, и особенно «Необходимое объяснение» Ипполита из «Идиота» и Кириллов из «Бесов», вот куда обращены были глаза Шкотта.

Умный, а это большая редкость, начитанный, и это нечасто, не пустой человек и не легкий — ответственный, и без этой «шутливой беззаботности», хорошо читал и хорошо смеялся... и большой искусник — делал тонкие миниатюры на слоновой кости и решал головоломные задачи, он добился бы своего и стал бы в литературной работе мастер.

Весной 1927 года перед своей поездкой в Нормандию на работу в Коломбеле в первую нашу встречу Шкотт принес сказку в стиле Леонида Андреева беспредметную, где действует Электрон, Океан и Голоса. Но в разговоре выяснилось, что у него есть русская память — повесть «Мальчики и девочки», погребена в «Современных Записках», а, кроме русской памяти, есть и наблюдения над «живой жизнью» русских в Париже, — ряд рассказов: «Пирожки Ивана Степаныча». С этих «пирожков» и началось его литераторство под фамилией Болдырев.

На металлургическом заводе, где работа была очень деликатная, — «постоянно на сквозняке или иногда приходится под дождем все восемь часов», а после работы в комнате-казарме на четырнадцать человек, Шкотт «настойчиво и упорно» писал «Цветную сумятицу» — его третья тема: «сон и безумие».

«Мальчики и девочки» вышли в 1929 г. отдельной книгой в издательстве «Новые писатели» — «Москва».

Но ни «сны», ни «пирожки» не вышли и продолжения не появлялось, — впрочем, где и появиться? А тут еще «требовательность к себе» и «ответственность» — наварзать-то легко и даже очень, Шкотт очень хорошо понимал всю смехотворность и всю жалость звания «искусственного» писателя или славу «кинематографического» мотылька.

С кладбища нас вез товарищ Шкотта дальними путями, но дорога не показалась утомительной: говорили о Шкотте и его судьбе — невеселое решали — и какой это холод и черствость — круг человеческой доли — на глазах погиб человек! — и со словами руки у меня горели. На набережной недалеко от Сен-Мишель автомобиль приостановился — затор — я заглянул в окно: седые, еще седее показались мне камни Нотр-Дам! — и вдруг на узком тротуаре среди локтями пробивающих себе дорогу... и я узнал ее — «глядела бедность» — это моя — неразлучная сестра со всей ее болью, гневом и моим несмирным смирением.

ПАВЛИНЬИМ ПЕРОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Присказка

Я, лама Сахор-Тарба, покинутый, лежал на земле, в забытьи. Моя душа, видя, что глаза мои не смотрят, уши не слышут и замирает сердце, поспешила оставить меня: она была уверена, что мне конец.

И когда я лежал на земле и мое сердце достукивало чуть внятные стуки, она порхнула моим последним вздохом и явилась в подземном царстве.

Эрлик, властелин подземного царства, увидя, ее, удивился:

— Зачем так рано?

— Безнадежно, — сказала душа, — к чему еще ждать, уж вороны летят. И вот я пришла.

Эрлик покорностью души доволен, но принять душу не властен до срока.

— Вернись на землю к покинутому тобой, — сказал он, — но я хочу твое послушание отметить: бери у меня, что хочешь.

И Эрлик повел душу по преисподней в свой подземный сад.

Какой это сад — ровно Божий рай! какие деревья, цветы, звери! Богатство — счастье — наслаждение — удовольствие — радость — страдание — слезы — смех — музыка — пение — пляска и сказки, — все, чем жив человек на земле.

Моя душа все посмотрела, все видела, всего коснулась.

— Дай мне сказку! — сказала она.

— Бери, — сказал Эрлик, — со сказкой все тебе будет!

И он подал ей мешок и в мешке до верху, как рисинки, крупинки — запах цветов, цвет радуги и гулко музыка.

А я лежал на земле, и вороны клевали мне глаза.

2. Под быком

Мы жили под быком: нас двое, бык, орел, лисица и козел. Жили мы в-душу. Мы и без слов читали друг у друга мысли.

Помню, орел раздумывал, чье вкуснее мясо, и какой-то лягастый из болотного мира ему посоветовал попробовать человечьей крови.

Оберегая мою Лу, я острым камнем надрезал себе руку и с брызжущей кровью протянул ее к орлу. Орел, остро встрепенувшись, крыльями покрыл мою окровавленную руку — и глядел, не моргая, пока не остановилась кровь.

Козел нам часто служил подушкой, а зимой мы устраивались под ним на ночлег. Лисица нас кормила. Знали мы ее проделки, не прямым путем корм добывает, а она с первого же слова напрямик нам, что и привязалась-то к нам: «вы для меня единственный в жизни прямой путь».

Бык смирный, хоть и рогатый. Никого он рогами не бодал, мы за ним ходили. Хороший бык, теплый — ну, да и сел нам на шею: от хвоста до головы три дня ходу, изволь всякий день путешествовать. Поутру Лу начистит ему рога и копыта и травой его кормит, а я навоз прибираю. Лисица сушила бычий навоз и кому-то сбывала, будто «грудной порошок» — во многих аптеках покупали.

И вот случилось: бык больше траву не ест и под быком навозу никакого: помер наш бычок.

Мы его и за хвост дергали: думаем, оживет. И травой ему Лу полон рот пихает, все ждали, замычит.

А тем временем лиса на версты всех перемутила: бык помер, хватай имущество! — кто с вилами, кто с топором, а под руку попала метелка, жарит с метелкой — дым коромыслом!

Окружили быка, навалились: шкуру ободрали, а тушу топорами пополам.

А летел орел, и как увидел озеро крови — не узнал быка — ухватил переднюю часть с головой и унес в поднебесье. И в облаках под свист вихря, окровавленный, клюнул — и раз и другой — нет, не по нем эта кровь. И выпустил быка из когтей на землю.

А я стою, запрокинул голову, слежу за орлом. И падая, бык попал мне прямо в глаз.

Это было так неожиданно и так меня ошарашило, потерял я голову и опрометью в убежище — под бороду козлу.

Встревоженная Лу — она думала, что я рехнулся, сейчас же вызвала лисицу. Запыхавшаяся лиса обмахала мне глаза хвостом, думала успокоить, а сама бросилась на озеро. Пригнала лодку.

И три дня ездила лисица в лодке по моему глазу — искала утонувшего быка. Но бык погруз во мне «с головкой».

Лу очень плакала. И хоть был добрый бык — сколько с нами возни ему было, любил нас! — но Лу стала меня побаиваться. Ее пугало — и нужно ж такое придумать! — «ты меня забодаешь». И лукаво заглядывая мне в глаза, просила хоть разок покататься в лодке в моих глазах...

3. Чуткур

В одном китайском монастыре, близ Пекина, спасался благочестивый лама по имени Сомон. Терпением он укрепил свою волю и достиг духовных высот. Он побывал в Лхассе, сблизился с тибетскими мудрецами и вернулся в свой пекинский монастырь и уж не просто лама Сомон, а лхарамбо Сомон.

А был у него ученик по имени Тоин. И не было в монастыре ламы, кому бы ни был он по сердцу, а для богомольцев святыня.

Из глаз Тоина глядела сама бесхитростная чистая природа, его улыбка нежила, слова ласкали.

И не только люди, звери засматривались на него и слушались его; и даже который себе на уме, не косясь, без опаски протянет мохнатую лапу.

Тоин был учеником лхарамбо и его первый друг. Одному Тоину открывал лхарамбо свои тайные видения, и когда не было с ним Тоина, беспокоился.

Тоин горячо любил своего учителя и высокого друга. И самое трудное в науке не чувствовал обузой, а строгое не принимал за угрозу.

А как радовался лхарамбо встрече: у себя ли в келье, на богослужении или по пути в молельню. Его сон, его молитва были озарены светом его ученика и единственного друга.

* * *

Сорок дней как захворал Сомон, и за все сорок дней болезни ни разу не пришел к нему Тоин.

Размышляя, что все это значит, и не находя другого ответа, одно — «разлюбил», лхарамбо вдруг понял, что что бы он ни делал, все делал он для своего ученика-друга, что Тоин для него все, и без Тоина нет смысла жить.

И видит лхарамбо во сне: поздно вечером приходил Тоин и оставил ему письмо. О письме лхарамбо вдруг вспомнил и очень удивился, как мог он лечь спать, не прочитав. И сейчас же взялся за письмо. По голубому любовью налитые буквы: цветы любви, развитье-благодарность, венком все вместе и каждый лист сам по себе — готовность все исполнить. Не переводя дыхания, лхарамбо читает — не надо свету, сияют буквы. И вдруг колокольнуло: другие буквы — «я хочу всем нравиться».

«Хочу всем нравиться!» — подхватывает, пробуждаясь, лхарамбо, когда и без того всем нравился. И ты не знаешь, мысленно обращается он к Тоину, в твоем «хочу» заключено жало: «хочу» значит «обещаю».

В его глазах темнеет — проколотое сердце — смертельно ранен. И его любовь, вскипая болью, вспыхивает зелеными глазами, и мысли закружило в мысль-петлю: «умереть!»

«И пусть он знает: тот, кто его больше всех любил, отвернулся!» И с этого часа, мстя своему другу, лхарамбо готовится к смерти.

— Человек не властен в своей судьбе, — сказал Сомон ламам, — и не в воле человека изменить сроки. Приходит срок — конец, и это совсем не важно, задушит ли болезнь, задавит ли гора, съест ли зверь или этой рукой перережешь себе горло. Мой срок пришел.

И он приказал ламам: пусть обкурят его арцой и лицом в землю зароют его в могиле.

Ламы исполнили волю лхарамбо.

И объявили народу, что по воле судьбы лхарамбо Сомон обрек себя добровольной смерти и зарыт лицом в землю, по его же воле.

* * *

Сорок дней, как Тоин странствует.

И как вышел за ворота с богомольцами, так и идет. Его увлекают новые встречи и незнакомые места — все к нему льнут:

люди, деревья и звери. Желание его чаровать ненасытно, и он никогда б не остановился.

И никогда за все сорок дней он не забывал своего учителя-друга. Ему казалось, что и дня не прошло, и это было вчера, он видел его, и как двурогая монастырская гора, его образ неизменно жив в его глазах. Мера жизни отошла от Тоина, и все обычное сбылось.

А когда дорога, без пути привела его назад в монастырь, и он узнал о судьбе Сомона, его душу охватил ужас. И все чувства поднялись одним желанием в одно огненное жало: «раз, и в последний раз взглянуть, и пусть ослепну».

Ламы разрыли могилу.

Тоин стал на колени у самого краю, низко наклонился. Какими глазами, светя до самого дна, заглянул он в мертвую тьму. И, как наступивший на колючку, сразу поднялся на ноги:

«Там нет никого!»

А под зазвеневшие осколки взголосившего отчаяния, выскочил из могилы черный клыкастый Чуткур.

Черный клыкастый Чуткур обернулся, принюхался, да и припрыг прочь от могилы, скок на гору, и став ногой на одном хребте, другая на другом, раскоряченный, захохотал.

Этот рогатый хохот, так человек не смеется и зверь не зарычит: леденело сердце и душу тоскою тянет, задохнешься.

Могилу не зарыли, куда там! Так и осталось грозное днище—пробитый глаз.

Порастеряв четки, без тамбур и мешков, бросились ламы вон из монастыря: желтыми и синими шарами катились они по дороге под хохочущей плетью, насмерть перепуганные, пугая.

Богомольцы: недужные ползком, а кто с ногами впрыть и без оглядки.

Не день, не час, в минуту опустел монастырь, и не осталось живой души. И выгорели лампады, и погасли свечи, и птицы отлетели, и зверьки ушли.

Не ушел Тоин.

* * *

Ночи и дни он проводит в могиле.

Его слезы горячи, печаль горька.

Никакому хохоту не заглушить — не отшибет память — голос Сомона, и никакой хохот не выцарапает залитые слезами глаза — не погасит образ Сомона.

«Раз, и в последний, взглянуть, и пусть ослепну», — повторяется единственное, и нет других слов, одно желание.

После горькой шестой ночи в тонком сне он слышит: лхарамбо окликнул.

И, пробудясь, Тоин вышел из могилы.

Было ясное утро, и как пустынно тихо кругом. Чуткур, зажав пальцами рот, раскорячась, стоял на горе.

Тоин бесшумно приблизился и стал прямо в глаза Чуткуру: а ничего не было страшного в злом смехуне, только что на человека не похож и на зверя мало.

Чуткур вздрогнул и опустил лапу.

— Спускайся! — покликал Тоин, — я тебя не трону.

Молча боднул Чуткур одним ухом и, скрутя, выластил другое: проверил, не ослышался ли? И медленное с-ноги-на-ногу — им ходить непривычно — стал спускаться.

Тоин взял его за лапу — в неразвитых узловатых пальцах было что-то детское, а глаза виновато печалились.

— Бородатый козел! — ласково сказал Тоин, хотя в Чуткуре не было ничего козлиного и никакой бороды, — и тебе не стыдно? Чего взял ты своим дурацким смехом? Полюбуйся! — и, выпустив лапу, отправился к опустелым кельям.

Чуткур покорно следовал, — взглянув со стороны, только и можно было сказать: «попался!»

Тоин прошел прямо в келью Сомона. С Тоином Чуткур. И весь день и всю ночь провели они вместе. Тоин рассказами оживил память Чуткура. Сначала Чуткур только трогал книги и вещи лхарамбо, а понемногу и сам заговорил: какая премудрость!

И когда настало утро, из кельи лхарамбо, как бывало прежде Сомон и Тоин, вышел Тоин и с ним Чуткур — Чуткур— чойнужонги или уткур-сахюс, что значит «просвещенный».

Они поднялись на гору.

И далеко разнеслась песня: величание Сыну Света Солнцу и Матери Земле — жизни безначальной и бесконечной.

У Чуткура оказался хороший слух и небольшой приятный тенор без верхов.

Заслышав величание жизни, первые прилетели птицы в свои покинутые гнезда; за птицами сбежались в свои норы зверки. И один за другим, несмело, плечо коромыслом — откуда б не дернет, быть наготове — пробрались, синя и желтя дорогу, беглые общипанные ламы.

* * *

Чуткур поселился в келье Сомона. Рядом келья Тонна. Книги общие. Обедают за одним столом. Да Чуткуру мало чего надо: глотнет воды да за щеку сухой палый листок, к живому не прикоснется, ловил он мух и комаров, но не для еды, а твари на забаву: «попался, а вот свободен!»

Тоин наряжает своего странного дикого друга в одежду лхарамбо и всякое утро — богомольцам в диво — тащит за собой на гору к утренней молитве.

А уж не Тоин — чарующий, а Чуткур — чудище у всякого в глазах и мыслях.

* * *

Как ветер разносит сухой бараний помет, неслась молва, что у Хохочущей горы в монастыре Цаган Даянчи завелся святой человек.

Чуткур принял имя Сопухон сахюс. И повалил к нему народ со всей Монголии.

Кто верит, тому он поможет: слепому вернет зрение, ослабевшему силу, бедные богатеют, опечаленные возрадуются. Да что! Нет такого, в чем бы не помог Сопухон сахюс.

Но горе тому, кто усумнится. Неверие карается жестоко: он, взглянув тебе в глаза, только разинет рот — и ты пропал: на земле валяются одни обутые ноги со вшарившейся между ног безглазой головой — все, что от тебя осталось.

А говорит он только ночью. И неразлучен с ним Тоин. А днем на него только смотрят, как когда-то засматривались на Тоина.

Сопухон сахюс — святость и совершенство — сбитые рога в поларшина хунхарагуроса и потертые клыки дикого вепря.

4. Тигр

Жил-был чудак человек, звали его Бальджуши, а мы его Сушилой. Непутевый и самой простой работы не справит. Все се-

бе думает — и о чем это он думал? На оклик отзовется, но погодя, не сразу. И не речист: носом сделает надсадку, слова, значит, готовы, и улыбнется, а ни слова.

И оттого, что Сушила никуда, жизнь его была никудышняя. И как это он по земле тыкался? Ни кола, ни двора. И все над ним потешались. Незлобивая душа (редко, а бывает среди людей), на всякую насмешку опять-таки носом, как подсадку, и только улыбнется. Со смеху помрешь: один этот его нос: овечье копыто!

А Сушила думает себе, живи он в другом месте, был бы он, пусть и овца, на человека похож. Известно, среди своих проходу не дают, а попадешь к чужим, и все тебе: «пожалуйте!». Одна беда: смолчать не велик труд, ко всему привыкаешь, и самая насмешливая обида не больше, что собака лает, ветер носит, а вот место переменить не очень просто. Ни коня, ни осла, ни верблюда, изволь на своих на двоих. Дорога не скатерть, и какой уж там человеком показаться! Заморенный скот не в скот, а обессиленный человек скотина!

А жил этот чудак в сторожке, добрый человек приютил: ночное время в колотушку постучи, да за ворами посматривай. Дело немудреное, да хозяйство не маленькое: рогов не счесть, а в хвостах запутаешься — ворам бессменная работа и удовольствие. А изо всех рогатых особенно славился Бык, и все Быка уважали: белобокий, степенный, не суровый, но и неразговорчивый и работящий. Надежда Сушилы.

Никакой конь, ни верблюд, а на таком бычке, не успеешь оглянуться, до самого Пекина доскачешь. А у китайцев кому знать? — небу да звездам, и только. Там, у китайцев, под их синим небом начнет он по-новому — не овечье копыто, человек, не Сушила, а Бальджуши.

* * *

Ночь пришла темная.

Ляга, Шуша и Варса, сестры полунощницы, черным прожженным саксаулом забили на небе все щели и просветы, а человека и зверя завеяли сном. Их сны — навождения — непробудны, живо помнятся, а никак не вернуть, никогда такое не повторяется. Можно отравить словами, отравиться мыслями, а сном захлебнет.

Сушила, не таясь, вошел в хлев — места знакомые, нащупал теплую волнистую спину и ловко вскочил на быка. Бык рванулся — и прощайте! Путь чист. Да и кому спохватиться: кругом одни черные глаза, ночь с быком, как и с Сушилой, за руку не поздороваешься: был, и не были.

Едет Сушила ночь. Ехал без дороги, куда быку попутье и приятней. Не даром белобокий, коню не ровня, а и девяти коням не в перегонь.

Исчернили до дыр свое полуночное платье, затуманились лягие черные сестры, стали блекнуть — серо-белое и ало в-синь — стало светать. И в глазах заяснело.

Тут бы и дух перевести, а душа ушла в пятки: видит Сушила, под ним не белобокий бык, а сидит он на тигре — пятнистый тибетский тигр, напружен хвост — кулак прямо Сушиле в спину подпоркой.

Спрыгнуть и не подумай: ошарашенный тигр лупит с такой быстротой, как девяносто девять тигров. А не спрыгнешь— пропал. Сушила ухватился за дерево. И только что подумал: «повисну», — тигр поднасел да в-кувырк — и с корнем дерево очутилось в руках Сушилы.

С зеленым, хлещущим по глазам острым оружием, а в спину хвост — упор и подстег, несся Сушила на пятнистом тибетском тигре — незавидная доля. А еще печальнее то, что в ветвях выдранного с корнем дерева сидела змея, растрясло змею, и тянется мордой, вот оклюет. Сушила зажмурился. А тигр — тигру, что змея, что мыша, обезумел от страха: и оглянуться боится и стать не смеет.

Остановили ворота.

Тигр замер — не отличить, подпудренная порошком блоха.

Это были стенные ворота трухменного ханства. Старый хан помер, а нового нет. А по гаданью бурхана Мандзышира ханом будет тот, кто приедет на тигре, держит в руке дерево, а из дерева торчит змея. Сушила и есть нагаданный хан.

И как только стало известно: приехал человек на тигре с деревом и змеей, повалил народ встречать нового хана.

Без труда поймали ошалелого тигра; дерево со змеей в сарай под колпак, а Сушилу, бережно ссадя с тигра, на руках понесли под музыку во дворец. И там ламы всенародно провозгласили Сушилу ханом.

Ни отказаться, ни дать согласие Сушила не мог, так он был обеспамятен: в его глазах все еще висела очковая змея, а в спину пырял пружинистый хвост тигра. И первая ханская воля — как поступить с тигром и змеей? — выкрикнулось новорожденным криком от всей души и внутренней: «змею укокошить, а тигру долой хвост!»

И было исполнено без рассуждений ханское слово.

С отрубленным хвостом со всех ног, как на предстоящее удовольствие, опрометью побежал тигр, и видели, как скрылся он за лесом в тигровой пустыне. А змею долбанули свинчаткой, и она осталась на месте: из ее задохнувшихся глаз, наводивших змеиными чарами трепет, смотрела сама горечь, и горький яд капал на дерево, зеленый, как древесные листья.

* * *

Сушила думал, тем все его ханское и кончится, а ему и передышки не дали, изволь судить да рядить: без воли и слова хана ни одно дело в ханстве не делается.

И так опостылело рассуждать и приказывать, — быть везде и всему голова, глазами, слухом и сердцем, лопнуло наконец терпение.

Вот жил он в сторожке, и все над ним смеялись, попал во дворец, и всякий к нему на поклон, и пусть был он бедняк, да своя голова, а у хана тысяча голов, а воли нет.

И рассудя свою богатую завидную долю, он не нашел другого выхода, как умереть: одна смерть освободит его от неволи, и он, хан трухменного ханства Бальджуши, перейдет в другой мир, где заказано человеку «велеть» и нет «слушаюсь».

И только ждет случай, как когда бы проститься — с тобою, синее небо! и с вами, моя тайна — звезды!

И дождался.

Завелись, говорят, в лесу тигры, штук шесть, и всякую ночь подавай им человечьего кушанья: когда пять, а когда и все десять туш сожрут, выбирая помоложе, но и стариками не брезгуют. Не стало людям покоя, страх стал на стражу.

«Какое счастье, — думает Сушила, — как раз по мне: пойду к тиграм, пускай полакомятся ханским мясом!»

И объявляет: сегодняшнюю ночь поедет один в лес и освободит свое ханство от тигров.

Тушмул (по-арабски великий визирь) пытался его отговорить, или пусть хан возьмет провожатых из свиты, но Сушила наотрез отказался: один, только он один освободит от тигров.

* * *

Ночью один безоружный отправился хан в лес. Шел он подтянут:

«Сейчас тигру в пасть залезу и конец: оборвется моя пропащая жизнь. Начну заново!»

А как ступил в лес и стало страшно: хорошо говорить «заново», но что такое это новое там, неизвестно.

«Когда плохо живется и надеяться не на что, — думает он, — постыло, а умирать, уходить в неизвестность, страшно».

И не в пасть тигру, а залез он на дерево. И там, дрожмя дрожа, обрывает вкруг себя ветки и в-брос на землю: надо ж чем-нибудь развлечься, очень уж страшно.

А тиграм пришел их час ужинать, вышли они из своих пещер. Идут лесом, почуяли, и прямо к дереву. Окружили. И рычат.

Чуть что брезжит. Сушила заглянул: и не шесть, а семь их. И сам тиграм бросился в глаза: языки себе облизывают, да чавкая, прищелкивают, а не доскочишь, высоко.

«Давайте, говорят, лесенку состроим!»

И самый грузный из семи, раскорячась, стал у корневища, головой о дерево уперся, а другие кульком один на другого. И верхнему тигру оставалось только лапу протянуть и вцап, как увидел Сушила: у корневого, весь под тяжестью выпятился, хвоста и звания нет, а торчит что-то вроде кочерыжки.

«Э, голубчик, — на крик крикнул Сушила, — да я на тебе давеча верхом лупил!»

Бесхвостый слышит: голос знакомый: «ну, думает, еще и голову оторвут!», — понадсадился и выдрался из-под груза да бежать. Лестница подломилась и с визгом рухнула наземь — и кто хвостом, кто мордой о корье, всю рожу себе исполохвостили, да врассыпную: и ни одного под деревом тигра не осталось, чисто.

И когда наутро Сушила вернулся к себе в ханский дворец цел и невредим — «победитель тигров!» — загремела о трухменском хане кругосветная слава, и уж ему ни дня, ни часа:

один за приказанием, другие за советом, третьи только посмотреть — с головой затормошили.

Поговаривали, как свои, так и соседи, объявить Сушилу и величать не просто хан, а «святой хан».

И оковало его отчаяние.

Страшны эти неключимые оковы, обузнее куда железа: если у тебя отняли твое заветное, как у Сушилы-хана его свободу, одно просится и тянет, чтобы еще и еще: «все берите, мне все равно». И тут человека можно как муху прихлопнуть: сопротивляться не будет.

* * *

Только-только что очухался от тигров, как стряслась новая беда: за городом объявилась трехсаженная лисица, ее нору проследили, это была огромадная заброшенная пещера. И всякую ночь подавай лисе корм: когда три, а когда и шесть человеческих голов, как изволит.

— А не дадите, — грозила лиса, — съем все ваше ханство и с косточками!

— Иду на лису! — объявил хан.

И опять тухмул остерегает: «опасно!» и просит хана, ради блага всего ханства, поберечь свою жизнь.

— Один за всех! — непреклонно стоит на своем хан.

И в голосе его — или вы не слышите, какое отчаяние! А это вы слышите, какая удаль.

Не свое ханство, а себя освободит, наконец, Сушила от бремени тягчайшего человеку быть не самим собой, а во имя «человечества», этого блестящего жгучего кураре для «человека», разыгрывать святого хана.

С голыми руками собрался он на лисицу, как тогда на тигров, но на этот раз так просто не прошло: ему навязали лук и стрелу, отравленную ядовитой кураре. Он не сопротивлялся: ему все равно. И ночью он вышел один на верную смерть: последняя надежда не вернуться.

* * *

В пещеру три входа. У одного входа положил Сушила свою ханскую шапку, у другого лук и стрелы, а у третьего лег лицом к звездам — лисе в корм.

К полночи поднялась лисица и пошла к тому входу, где ждала ее отравленная стрела.

Лиса не понимает: заряженный лук и кураре — почему не попробовать. И наклонясь над этим не похожим ни на что звериное твердым зверем, взяла на зуб и принялась грызть. И когда перегрызла тетиву, освобожденная стрела ударила ее в сердце — удар был смертелен.

Лиса опрокинулась на спину и, задрав саженные лапы, замерла глазами к звездам.

Хан слышал свист стрелы и ровно б в яму ком земли ухнул. И не пошевелился: его глаза бродили от звезды к звезде.

Ляга, Шуша, Варса, сестры полунощницы, вея чернью ночи и забыдущим сном, одна легла к ногам хана, другая поперек на грудь и третья в головах.

И звезды вдруг померкли: другие звезды огоньками зажглись на черном — одна звезда глядела с чела, другая перемигивала на сердце и третья у его ног.

Сияющий в звездах лежал Сушила, не видя и не слыша, и ничего не чувствовал. И ровным стуком его сердца двигалось время с полночи к заре.

И когда сестры полунощницы, затуманясь, сменили свои легкие шелка, гася звезды и сбросив темное, заалели, а под ударившим лучом солнца блеснули оскаленные зубы лисицы, ликования огласили пещеру: освобожденный от лисьей напасти славил народ освободителя хана, его отвагу и святость.

Мертвая лисица с отравленной стрелой в сердце у всех на глазах, как и стрелы и лук и ханская шапка, но самого хана не нашли. Да и сам бы он не нашел себя: его не было на земле.

— Экая соня, овечье копыто, ну, подымайся, — слышит Сушила сквозь сон, — на дворе день!

5. Черный змий

Черный змий из всех змеев самый гордый — не подступись. А не повезло: свалилась беда. А за бедой пропад. И что толку, не простой, а черный: пиши, пропащий.

С умыслом или только под руку попадал, а не мало докучали змеи отшельнику: появлялись они ночью в его келье и наводили из темных углов свое змеиное око, хмельное и сонное. И всякий раз на молитве, борясь с искушением, отшельник проклинал всех, какие были и какие есть на земле змеи.

Проклятие — гроза: хорошо если тучу отведет, а ударит гром над головой, только держись, не пощадит. Проклятие отшельника низринулось на змия и палящей резкой молнией пронзило его: горный змий ослеп.

Слепому дни и ночи одно: плеть и безвыходно, подстегивает и никуда пошел. Но голод жестче и арбузной плетки: тычась, выполз голодный змий из черной норы, взгорбился и пополз.

На какой остров или на какую гору приведет его, не обманет верный глаз нутра? Змий добрался до жабьего болота— то самое, где зрячим добывал он себе корм.

* * *

Распростертый у края болота лежал он — кто в этой скрючипадали признает гордого змия?

Хоронясь, жаба выглянула из-за кочки. Змий не пошевельнулся. Но он был живой — брюхом дышит: только не по-змеиному затуманены глаза.

— Что ты, как драная кошка? — говорит жаба.

— Окошатишься, — отвечает змий, и по его голосу жабе чутко: голодный, когда-то от вашего болота питался, да вот ослеп, и уж как манит поймать тебя, да не вижу! И он высунул блестящий налитой рогатый язык и пободал рогулькой впустую, — а так, кроме глаз, у меня все на месте и действует, и дыхание и голос: свистну, все болото всколыхнется, песня такая моя.

— Песен нам твоих не надо, — перебила жаба, — у нас у самих без тебя чудесный хор и как затрубим, все звери разбегаются и птицы прячутся.

Голодный слепой змий молча смотрел, безнадежно уставясь в муть своего безглазья.

— Но ты еще что-нибудь можешь? — И пожалела жаба слепца.

— Разве что ездовым конем попробовать? — сказал змий.

— Да мы пешие!

— Не под тебя, дура, а под твоего царя: цари пешком не ходят.

А слышала царь-жаба, и ей любопытно: царствует она над жабами, а никогда ни на ком не ездила. И приставые жабы взяли ее под лапы и подвели к змию.

Черный лежал он огромадный, сам страх: захочу, все болото сожру.

— Подложись под царя, — затараторила жаба и тихонечко подтолкнула слепого: царь хочет попробовать на тебе покататься. Слышишь?

— Чай не глухой, я только ничего не вижу. Пускай царь садится.

— А можно мне на кончик?

— А мне хоть и все вы подсаживайтесь, местов хватит.

Царь-жаба не без дрига засела на страшного коня. Змий взбоднулся и пошел.

Змий пошел — так и метет, так и стелет, и в-раз и в-россыпь, и в-скат и в-колокол и калачом.

Задымилось жабье болото. Тряслась, ворча, подболотная тинь.

Царю-жабе понравилось: дух захватывает на перекатах и сердце замирает, очень приятно.

И возвела она гордого черного змия в своего царского ездового коня: быть змию на жабьем болоте на всем готовом— безвыходно и без выползу.

* * *

Ослеп человек, и нельзя спрашивать, принимаешь или не принимаю: слепая участь-судьба. А твоя неволя. Что ты скажешь, гордое сердце.

Или яд проклятия, ослепив глаза, проникает глубже в чувства и слепит душу? А для ослепшей души свет воли гаснет.

Змий не жаловался и не тяготился своей участью. Всякий день на обед ему выдают по две жабы; работа легкая и приятная— жабьим духом не надышишься! Петь запрещают, ну, что ж, и помолчать можно, даже безопаснее, не простудишь горло. Значит, спасибо проклятому отшельнику, — слышите! — о такой безбедной доле змий и не мечтал.

Но мог ли он представить себе, что когда-нибудь такое случится. А если бы представил и ему говорят, что это неизбежно, он, гордый, не дожидаясь срока, на собственном хвосте удавился б.

Как ослепленному, отравленному проклятием до корней сердца черному змию, так и отшельнику, проклинавшему змей, было за удовольствие.

«Одного змия обезвредил, — рассуждал отшельник, — одним грехом в мире меньше, и жить на земле проще».

И кто скажет — где и в чем искать счастье на земле? Многопутье дорог и всякий путь навыворот.

6. Алтан — золотое слово

— От книг бытей татарских —

Был в татарской орде царь Исламгирей: жесток, немилостив, жадный до серебра, но и сам никогда не солжет и ложь не терпел, прямой. А был у царя ближний вельможа Узун и у того Узуна два сына: больший — богатырь Алнаш, телепень или, просто, болван, и меньший, не в брата, не велик да удал Алтан — «золотое слово»: от всякого слова царь давал ему по триста алтын.

Алтан поехал к себе в улус, а Алнаш на лов зверя гонять. А как вернется с поля и к царю:

— Государь-царь, вольный человек, ездил я на лов и убил оленя: пуля попала в правое ухо и вон в левое ухо, да в заднюю левую ногу, в копыто.

— Как ты так говоришь, что не станется, — удивился царь, — как тебе так убить.

И царь на него закручинился: врет Алнаш! И собрал своих ближних о той лжи. И приговорили: казнить смертью — царю солгал.

Так в их татарском обычае: кого уличат ложью, тому казнь смерть.

Царь послал ближнего: велел Алнаша казнить, а за Алнашем послал пристава.

И повели Алнаша на казнь.

Встречу из улуса едет Алтан, увидел и ужаснулся: брата ведут на казнь. И за расспросы: за что?

Пристав сказал:

— Уличен ложью. — И дело ему сказал: про оленя.

— Не проливай напрасной крови, — говорит Алтан,— пока царя не увижу. А брат мой не солгал, а не умел рассказать толком.

Пристав припредержался, а Алтан к царю:

— Государь-царь, вольный человек, пощади Алнаша, не вели казнить. Мой брат тебе не солгал, а только не умел выразиться. А было так: подъехал он к оленю, а олень, стоючи на болоте, отбивает левою ногою от левого уха мухи. Алнаш стрельнул в правое ухо, а пуля левым ухом и копытом вон.

— Станется так, — сказал царь, — речистый ты человек, вижу, не сумел Алнаш сказывать, а мне то стало за кручину.

И царь Алнаша пощадил, не велел казнить.

И в орде на базарах говорили, похваляя Алтана:

— Разумный человек не одну свою душу спасет, а людские многие.

* * *

Случилось Исламгирею ехать на охоту, а с ним князья и уланы и старый Узун и его сыновья: богатырь Алнаш — телепень и золото Алтан. И приезжает царь к их татарскому кладбищу, а стоит там мизгить (масджит), по-русски церковь (мечеть). И видит царь, у стены человек прячется. И велел его взять и привести к себе.

Привели мужика.

— Что ты за человек, — спрашивает царь, — чего для тут пришел?

— Человек я гулящий. А как увидел вас, хотел спрятаться.

— Нет, ты крадешь, ты вор!

У них в татарском обычае — мертвых погребают с большим сокровищем.

— Государь-царь, вольный человек! никакого за мной воровства нет, а человек я надобный. Будет меня пожалуешь, и я тебе скажу.

— Скажи, и я тебя пощажу.

— Умею я, государь, птичьему языку и звериному: что говорит птица с птицей и зверь со зверем.

И царь на то прельстился, хотячи чтобы то самому знать.

— Мне такие люди в государстве годны.

И кликнул Алтана и велит ему гулящего птичника взять.

— Научися тому языку, я тебя пожалую, и я у тебя научусь.

Да гулявши, царь поехал опять к себе.

* * *

Привел Алтан того мужика и спрашивает:

— Сказывал ты царю за собой ремесло и царь мне велел тому учиться, и ты мне скажи.

И тот ему сказал:

— Я теперь человек бедный, голодный и мне то на ум нейдет. Дай мне поотдохнуть, у меня и речи будут.

Алтан дал ему срок поразмяться и опомниться. И спустя спрашивает опять о птичьем языке.

— Дивлюсь твоему разуму, Алтан, — отвечает птичник, — и у всех ты в чести. Я человек простой. Кому Бог то дал знать, кроме себя. А мне бы то знать!

— Чего для ты царю солгал, что тому горазд? Царь велит казнить.

— А тогда я царю того для солгал: было мне от царя быть вскоре казнену.

— Да ведь тебя и теперь царь велит казнить.

— То ведает Бог да царь. А я не чаю от царя казни.

Алтан мужика отпустил — хоть и глуп, да с головой! И царю про него не сказал. А царь пропамятовал.

Задумался Алтан, хотя царя привести от немилости в милость и от сердца в кротость.

* * *

И случилось Исламгирею опять ехать тою же дорогой мимо той же мизгити (мечети). И сидят на той мизгити две совы дружка к дружке носами, и как бы что говорят. И царь, на них глядя, вспамятовал: «Кто, бишь, у меня языку птичью горазд?» И вспоминает: мужика тут намедни видел и отдал его Алтану, велел тому языку научиться. И кликнул Алтана.

— Учился ты у того мужика языку птичью?

— Научился, — говорит Алтан, — только тебе не явил, не к слову было сказать.

— Поезжай да послушай, чего те две совы меж собой говорят.

Алтан к мизгити, повертелся, послушал, и назад к царю.

— Великое дело, государь, говорят, да не смею тебе сказать.

Да приник к царю на ухо:

— Государь-царь, вольный человек! слышал я, что они говорят, да не смею тебе сказать: блюдуся от тебя опалы.

— Скажи, не бойся: за чужие речи тебя про что казнить?

— Говорят, государь, они, сидячи, о сватании. А женит сова у совы сына, дает сова сове в приданое триста селищ пустых, а та у ней просит тысячу селищ пустых, а трехсот не возьмет. Им то и кормление, что ищут себе, по пустым селищам, мышат. И она говорит той сове: «Будет не возмешь трех селищ, а больше трехсот дать нельзя, потому—будет царь наш еще побудет на государстве, повыпустошат и больше того, и я тебе дам две тысячи, а будет государство переменится и того Бог скротит и станет льготу давать и дани поубавит, и государство опять полно наполнится, селища опять жилы будут, и мне тебе больше четырехсот дать нельзя.

— Все? — спросил царь.

— Да чего еще больше!

И Алтан отошел посмотреть сов.

Царь и раздумался:

— Гораздо я немилостив, что про меня птицы рассуждают, увидев мое немилосердие ко всей земле моей.

И с той поры стал царь Исламгирей милостив и льготу стал давать и дани поубавил. И опять стало в орде все жило.

7. Царь зайцев

Была такая страна, никаких зверей, только жили слоны. И случилась в той слоновой стране засуха.

Без воды, что без сна, — те же сапоги без подметок. От жажды слоны высоко взвивали хобот к небу, но из непроницаемой пламенеющей сини за все лето не капнуло и дождинки, не стреконуло градиной. И они пожаловались своему царю-слону.

«Очень нам пить хочется!»

И послал царь-слон ходоков во все стороны.

«Ищите воду».

Одни ходоки не вернулись — зарыло песками, а другие принесли весть: нашли, отсюда рукой подать, лунный источник:

«Воды — обопьешься!»

Живо собрались слоны, подклыкали свои блестящие бивни, и с царем на водопой.

А была та земля зайцев. И по пути к лунному источнику потоптали слоны всех придорожных зайцев: не по песку шли Слоны, а по ковровым заячьим ушам.

Слоны ключевой остались очень довольны, а зайцам горе.

И собрались зайцы к своему царю-зайцу и жаловались на слонов:

— Слоны ушли, — говорили зайцы, — но они вернутся и потопчут всех зайцев.

Сказал царь зайцев:

— Кто из вас головой заяц, пойдет посол к слонам, слонов окрутит?

Выступил заяц, не простой, бирюзовый, Фируз, царю известен за свои лунные уши и тонкий ум: понимал язык зверей и недурно выражался на слоновом.

— Я пойду к слонам, — сказал Фируз, — отпусти со мной подручного, он тебе потом все расскажет.

Царь-заяц, в знак одобрения, шевем пошевелил усами: он знал, такой, как Фируз, будет достойный посол, возьмет свое не нахрапом, а в стилку («дипломатически»). И отпустил к слонам для переговоров, в подручные Фирузу Михру, полоухого зайца, первый среди зайцев сочинять докладные записки.

* * *

Лунной ночью доскакал Фируз и с ним полоухий докладчик Михра в безводную страну слонов: песок хрустит в глазах, воздушные лиловые башни. Ряды слонов, их просиневые бивни ножами пыряли в луну.

Не решаясь приблизиться к слонам, и нехотя растопчут, Фируз впрыгнул на холм, в лунном текучем море, виден бирюзовый издалека.

— Царь слонов! — вскричал Фируз, — меня послал к тебе царь-луна. Цари выслушивают посла, не осуждая, хотя бы его речь была жестока.

Царь слонов отвечает:

— Каково послание?

— Говорит царь-луна, — кричал Фируз, выговаривая пронзительно и цепко, — не кичись перед сильными силой над слабыми или будет тебе твоя сила погибелью. Ты знаешь свое превосходство над зверями, но я, царь-луна, не зверь, я могущественнее

всех зверей, я — свет: зачарую в играх, но могу, зачаровав, ослепить. Ты пошел к моему источнику и замутил его воды своими слонами. А еще пойдешь, я погашу свет твоих глаз.

Царь слонов был мудрый слон, понимал, что и со своими, а с луною — подавно, ссориться не годится. И покорно пошел за Фирузом.

* * *

Лунная ночь — лунный источник полон с краями луной.

И когда царь-слон приблизился к источнику, Фируз говорит:

— Набери в хобот воды, умойся и поклонись.

Но только что царь-слон погрузил свой хобот, как источник взволновался и вода затрепетала луной.

— Что с твоим царем, — сказал слон, — он гневается на мой хобот?

— А ты думаешь, луне приятно?

Царь-слон поспешно освободил свой хобот и взбросил его высоко над головой, с хобота струилось, и в каждой струйке играла луна.

— Поклонись же, — настойчиво сказал Фируз, — и дай слово впредь не тревожить.

Царь-слон поклонился до земли ушами в воду. И не встряхиваясь, пошел.

И никогда уж ни сам он, ни его слоны не решались ступить на землю зайцев к лунному источнику, богатому водой и прохладой, себе на пущую жажду, а зайцам на радость.

8. Кошка-подвижница

Большой у меня был приятель Сифрид-птица: гнездо его под горой против дерева, а на дереве мое гнездо, соседи. Редкий день не виделись, то он ко мне, то я к нему: он хорошо блинчики пек, а я его рисовой кашей. Одинокий и молчаливый, с таким нескучно.

Я заметил, скучнее слов ничего не придумаешь, да, эти слова! Слова и загубили моего молчальника.

Разговаривали мы на нашем природном птичьем языке, но у обоих у нас была язычная страсть: со словарем читали мыши-

ные и котьи книги: мелкая печать, глазам трудно, а любопытство пуще. Начитаемся вдостоль, а потом думаем про себя.

Раз, после чтения, Сифрид задумал что-то и не сказав ничего, так я и не узнал, зачем он полетел за горы. Да и пропал.

Тужил я о своем друге, словами не передашь, как мне было скучно, один сидел я за книгой, забыл и человеческий голос.

А на место Сифрида пришел заяц в гнездо и засел крепко, как у себя. Не могу сказать, чем промышлял заяц, но на меня чего-то подозрительно смотрит. Соседи. Молча мы раскланивались друг с другом, этим все наше кончалось: по-заяшному я говорить не умею и не все понимал.

Не мало прошло, и тепло и холодно и дождик и снег, всего было. Мы живем по погоде, от нас не зависит. А заяц, будто век вечный под горой гнездился, а о Сифриде нет слуху.

Как-то после дождя, выхожу я на улицу, а навстречу Сифрид. Я было приостановить его думал: дознаюсь, наконец, в чем дело — «где изволил пропадать?» А он говорит:

— Потом! Нет времени: зайца выбиваю.

Мне показалось обидным, но потом я раздумался: не до сказок, когда человеку нет места на земле, где жить.

Вечером из своего гнезда слышу разговор соседей.

Сифрид зайцу:

— Убирайся ты, нахал нахальный, ко всем чертям пока цел.

А заяц Сифриду:

— Сам убирайся, бродяга взворень, место мое насиженное.

То же и на другой день, та же грызь, и на третий день.

Заяц знать ничего не хочет, с пол-избы уши развесил.

Сифриду негде и клюв себе почистить. О совместной жизни не может быть и речи.

И слышу, решили обратиться в суд.

* * *

Неподалеку от наших гнезд, на берегу моря, жила кошка-подвижница — святой человек.

Кошка чистая тварь, а про эту сказать — чище чистого: вся, как пепел серая, а брюшко голубое — небесная лазурь. Жила кошка в полном одиночестве, день молится, а вечером божественные книги читает, и приляжет ли хоть на час глазам отдохнуть и душе успокоиться, никто не знает, и как знать: на ночь

в окне спущены занавески и всю ночь свет, божественная кошка! Никого она пальцем не тронет, не обидит ни взглядом, ни словом, соседи ее боготворили. А питалась она, да и то по большим праздникам: ущипнет листок, да из ручья напьется, вот и все розговенье. Жизнь ее была пример, как надобно нам жить, зверям и птицам.

К подвижнице-кошке и задумали идти мои соседи, рассудила бы, кому же в самом деле принадлежит гнездо: Сифриду, пропадавшему без вести, или наброжему зайцу? Заяц уверял и справедливо: он ремонтировал заброшенную квартиру и сделал всякие улучшения в обстановке, особенно заяц гордился автоматическим зеркальным умывальником на бесшумных педалях.

* * *

Когда Сифрид и заяц вышли из спорного гнезда — со стороны не скажешь, враги. Или как любовь, так и вражда в решительный час примиряют — я поднялся и полетел за ними, мне было любопытно взглянуть на подвижницу-кошку и послушать, как она их рассудит, я наперед говорил себе, суд ее будет необычный.

А кошка, действительно, была — мимо не пройдешь: ее пепельное и голубое облачение воздушны, ее зеленые глаза, нежные весенние листки, в глубине налиты соком земли, передают своим трепетом движения души и ступенный взлет духа.

Сифрид и заяц рассказали кошке о своем деле, не перебивая друг друга, каждый отдельно.

— Я ничего не слышу, — сказала кошка: в ее голосе мне послышалось и сожаление и желание помочь.

Этот голос, мне напоминавший что-то в моей жизни незабываемое — или мне во сне снилось? — очаровал меня; мне захотелось прикоснуться к кошке и я поднял крылья.

А Сифрид и заяц подошли поближе. И каждый громче повторил свое затверженное, не прибавляя и не убавляя к сказанному.

Притягивая магнитом своих играющих глаз, кошка сказала:

— Я вас понимаю. Вы правы. И впредь не стремитесь ни к чему, кроме истины. Тот, кто стремится к истине, достигнет желаемого, будь даже по суду неправ. А тот, кто не стремится к истине, если по существу и прав, неизбежно проиграет в споре.

Для живого существа высшее благо и нет и не может быть другого, и это ни деньги, ни слова, а совершенные добрые дела. Рассудительный человек ищет и собирает, что можно сохранить и использовать, все же бесполезное его никак не тронет и не повлечет к себе, а люди, которым он желает добра и которым не желает зла, для него, как сам он...

Сифрид и заяц, внимательно прислушиваясь, подвигались к кошке, а кошка, изрекая истины, все ниже наклонялась к земле. И вдруг, оборвав свою речь, подпрыгнула и, ухватя одного за уши, другого за крыло, задушила обоих непримиримых.

9. Мышонок

Когда он сидел на берегу и следил за тихой речной жизнью, коршун пролетал над рекой, нес в когтях мышонка, загляделся на странного человека и выронил ношу.

Мышонок упал к ногам, не убился и растерянно, по-мышьи смотрит.

«Возьму-ка к себе домой, — подумал странный человек, — воспитаю, будет у меня жить, жаль только, не человек, мышка».

И только что он подумал, видит, не мышка, а прижалась к его руке девочка и смотрит на него, чего-то ждет. И разве такую можно покинуть? Он взял ее себе на руки и пошел домой.

И с того дня стала ему мышка, как родная дочь.

Он научил ее книги читать и сказки сказывать, и пела она ему по памяти мышиные песни, и всюду, куда он ни задумает, она с ним — на речку посидеть или подняться в горы, к солнцу, погорячить мысли.

Идет весна, не замечаешь, как настало лето; так и год за годом уходит без оглядки. Не заметил человек, как его мышка расцвела в мышавку.

И задумался человек: пришла пора мышке своим домом жить, надо ей мужа найти, да чтоб из всех самый могучий и крепкий. Очень любил он свою мышку и судьба ее была его первой мыслью и главным желанием.

* * *

Он поднялся на гору и сказал солнцу:

— Солнце, кто могучее и кто крепче тебя! Будь мужем моей дочери мышки.

Солнце отвечает:

— Я укажу тебе более сильного.

— Кто же это?

— А вон то облако. Посмотри, как оно уверенно плывет, хочу я или не хочу, оно закроет меня.

И когда облако, подплыв, закрыло собою солнце, он обратился к облаку, предлагая ему в жены свою мышку.

— Нет, — сказало облако, — есть сильнее меня: это ветер. Ветер подует и, куда ему любо, погонит меня.

И когда оно так говорило, внезапно налетел ветер, дунул, — и от облака следа не осталось.

— Ветер! — сказал человек, — вижу, ты всех крепче и сильнее, возьми за себя мою мышку.

А ветер расстегнул себе ворот отдышаться. И передохнув, говорит:

— Плохой я муж твоей мышке. Гора, на которой ты стоишь, сильнее меня, пусть самым бурным дыхом, а мне ее не сдвинуть.

Человек к горе:

— Твой обнаженный утес скользит воздушнее лунного света, кто его одолеет? А найдется смельчак, венец его победы — пропасть. Чем ты не муж моей мышке?

— Глупый ты человек, ты не видишь, а есть и на меня, на крепкую гору, сила.

С удивлением он смотрит вокруг: кто б это был, крепче горы. Да солнце застит глаза, и ветер глушит.

Сквозь ветер едва различает, — говорит гора:

— Царь крыс строит себе дом, подкопает меня под самое сердце, и по камешкам раскачусь я далеко по полю, и ты меня не узнаешь.

Человек спустился с горы, подстерег крысу.

— Царь, — обратился он к крысе, — ты роешь гору, ты всех сильнее, не возьмешь ли себе в жены мою дочь?

А крысиный царь отвечает:

— Взять-то я взял бы с охотой, да вот с норой беда, одному не повернуться.

И человек подумал: и зачем это он тогда пожелал, жалея мышонка, и желанием превратил мышонка в человека. И только он это подумал, как его любимая мышка снова обернулась в мышь и, без прощайте, влетела в тесную крысиную нору.

А человек пошел к себе в дом.

Бедная любовь! Обглоданная мечта. Любовь украсит в любые наряды, но душу не переделать: волк смотрит в лес, мышь — в нору.

10. Журавлиная мудрость

Наше болото тихое, берега отинены, остров незабудок. Житье журавлю: без рыбы спать не ложился.

А хорошо, когда глаз зорок и нос чует. Да под молотом годов и сама ящурова крепь трушится. Состарился журавль, куда уж там рыбу ловить. Оголодал. Падает перо, и на ноги не боек.

Бросил журавль болото и пошел к горе: авось, посчастливится! И как будет подыматься в гору, еж ему на дороге.

— Чего нос повесил? — говорит еж.

— Да не до песен, — журавль бессильно пожевал клювом, — питался я рыбой вдоволь: и поужинаю, и на обед. Без рыбы мне, что тебе без хлеба. И жить бы так, варланиться, а пришли на болото два рыбака, шушукались: «выловим — говорят — всю рыбу».

Еж вдруг взыглился, что по-ежиному «готов», и клубком покатился с горы на болото. И прямо к рыбам. И рыбам все рассказал, что слышал от журавля о рыбаках.

А журавль не дурак, смекнул и за ежом на болото. Подтянулся, ходит по берегу, прохлаждается.

Рыбы говорят ежу:

— Надоумь.

— Чего там рассуждать, — говорит еж, — а вы посоветуйтесь с журавлем.

Задыхаясь от страха, рыбы к журавлю:

— Которые рыбаки приходили, хотят нас всех поймать, а мы не хотим.

— Одно вам скажу, — подумав, сказал журавль, — переходите на другое место. Тут недалеко, знаю, есть болото: воды больше и тростник гуще. Корм вы найдете.

— А ты нас перенеси.

— Боюсь, — сказал журавль, сам уж все наперед рассчитав, — кабы рыбаки не нагрянули. Сразу всех никак не успеть. Разве понемногу.

Рыбы на все согласны: готовы и на «понемногу», только б рыбакам в ведро не попасться.

— Мы тебя поблагодарим.

— Не за что.

И без разговоров принялся журавль за рыб.

А и правда, вот и не ждешь, откуда помощь приходит.

Всякий день на обед и в ужин приносил рыб на гору: перенесет и съест.

А рыбам и невдомек: рыбы только и ждут — каждая своей счастливой очереди — попасть в надежное место, где и воды больше, и корм, а главное, безопасно.

* * *

Не по злой недоле сытый, вышел журавль со своего болота на гору поразмяться. И как будет у ежиной норы, еж ему навстречу.

— Охота мне взглянуть, — говорит еж, — куда это ты рыб пристроил?

— А садись на меня. Я тебя живой рукой доставлю. Места привольные!— Журавль от удовольствия мягко поплавал над ежом крыльями, а сам думает: «съем я и тебя, дружок, заодно».

Еж передними лапами уцепился журавлю за шею. Журавль встряхнулся. И понес дружка в привольные места — кладбище глупых рыб.

И еж, как увидел: ни вода, ни тростник, а брошены лежат рыбьи кости, вчуял всем сердцем свою неизбывную гибель. И крепко обвился лапами вокруг шеи друга, ища себе спасения.

И задушил журавля.

11. Пификово сердце

Прогнали пифики своего царя Асыку. Не за то прогнали, что состарился — стариков гнать в обычае, — а уж очень с Асыкой беспокойно.

«Мы, пифики, народ простецкий, любим, чтобы все было легко и весело, без никаких загогулин».

И у пификов появился новый Асыка — дурак из дураков. Да с таким ладно: не жмет, не стесняет — пифики больше всего любят свободу. А старый Асыка, царственный обезьян, простым пификом покинул обезьянье царство.

* * *

Смутно было на душе. Негодование клокотало из всех его чувств. Он хотел бы этими руками перерыть всю землю, он перегрызет под корень лес и выколет себе глаза.

«Я любил моих пификов, я хотел поднять их природу — наше обезьянье очеловечить. И за любовь, значит, как и за злобу и равнодушие, одна дверь: вон!»

Так пустынной дорогой шел Пифик, и жарко и горько раздумывал. Было б сжаться ему, как этот спаленный солнцем тростник, и нестись пылью. Бесцельный путь.

Незаметно проникла в его мысли спасительная мысль: «смирись и отваливай!» Эта мысль и выручила его из злого отчаяния.

Пифик дошел до берега моря, дальше некуда. В глаза ему смоковница: под смоковницей и будет дом.

* * *

Как-то на обед взял Пифик себе в лапы две винные ягоды, но до рта не донес, одну выронил. Нагнулся поднять и видит: ухватила ягоду черепаха и за обе скулы уписывает: знать по вкусу. Смешно Пифику — заглядевшись, в первый раз он улыбнулся: так близко, на его глазах живое существо сияло счастьем!

В первый раз черепаха отведала сладкую смокву, ей очень понравилось. И присоседилась она к Пифику под смоковницу.

И смоквы засахарили черепаху. Забыла она свой дом и подруга покинула.

А черепаху не по душе: дом опустел, ночью покличешь — молчит, хозяйство распущено, вороха грязного белья, сор по углам. И засела в голову черепаху мысль, как погубить Пифика — вернуть в дом жену.

* * *

Пифику говорит черепаха:

— Пойду-ка я проведаю, что-то у нас в доме делается.

Она не то, чтобы соскучилась о муже или набила б оскомину на сладком кушанье, нет, а только из одного любопытства: на старые места тянет. Она съела свою дневную смокву, убралась и прощайте.

А ее подруг — черепах, как почуял, жена домой возвращается, шмыг на кровать, скорчился и стонет.

— Что случилось? На тебе лица нет, — испугалась черепаха, — давно ты так?

— С каждым днем все хуже, — и черепах еще больше подобрался, коленки к зубам, что означает очень больно, — сколько докторов перебывало: «нет, говорят, никаких средств медицинских, одно спасение: достать пификово сердце».

Черепаха задумалась: она знает одного пифика... и вдруг спросила себя, что ей дороже: Пифик и его сладкие смоквы или черепаший дом?

— Достань пификово сердце, — стонал черепах, — одно только пификово сердце меня на ноги поставит.

* * *

Черепаха вернулась под смоковницу.

Как ей обрадовался Пифик!

— Но почему ты такая, — спрашивает черепаху, — что-то тебя расстроило?

— Нет, дружок, — ластилась черепаха, — всю дорогу только о тебе и думала. Ты не знаешь, как много ты мне сделал. Какая я была раньше и какая теперь: ты мне открыл глаза.

— Что ты, — перебил Пифик, — если уж говорить по правде, конечно, не я, ты мне открыла глаза. После стольких черных бед на тебе зажглась моя первая улыбка и ею озарена моя жизнь. Если есть на земле счастье, вот оно — это ты.

— Какой ты добрый, — сказала черепаха, — я люблю тебя.

И наступило молчание.

Это молчание не безразличный промежуток в вечности: клубится прошедшее и грядущее, а настоящее кануло.

— Я хочу показать тебе наш дом, — сказала черепаха.

— За морем, — с грустью заметил Пифик, — далеко.

— Я на своих плечах перенесу тебя, не беспокойся.

— Но разве это так необходимо?

— Есть три способа показать любовь, — черепаха оживилась и, говоря, спешила: — первое: ввести в дом; второе — знакомство с родными и третье — посещение родственников. Я созову много гостей, устрою обед. Если любишь, надо показать любовь на людях, чтобы все видели. Пред всеми скажу я, как благодарна тебе и как люблю.

— Какая суетная ваша любовь, — сказал Пифик, — а я думаю: от любящего надо искать глубокое, открытое сердце, а в себе несомненную веру. Открытость и доверие — вот что такое любовь.

— Ты думаешь? Но у нас такой обычай. Наш дом на травяном острове, много всяких плодов. Ты с нами останешься жить.

— Я тебе верю, — сказал Пифик, — я люблю тебя.

* * *

И они поехали.

Грозное море. Даль без берегов. Пучина.

Они плыли быстро, но когда достигли середины дороги, черепаха пошла тише. И вдруг остановилась — только нахлыв решительной мысли так крепко схватит и не отпустит.

У Пифика заныло сердце.

— О чем ты? — с тревогой спросил он, — ты — мой верный, мой единственный друг, скажи мне правду.

— Я тебе не все сказала, — и черепаха передохнула, видно было, как неспокойна она, — не могу я тебя принять, как надо бы: какие там гости! подруг мой тяжело болен.

— Так надо подумать о целебных травах. На что он жалуется?

Черепаха, глядя — сама пучина! — длинно вытянутыми губами, глухо:

— Какие еще травы? Говорят: одно только пификово сердце исцелит его.

И слыша о своей гибели, — кто же не поймет? — захлебнулся Пифик слезами: рыдало его обманутое сердце: «как я ошибся — поверил!» И ему представилась черепашья жизнь: проходит просто и легко, как падает камень: «Но кому нужны пространства — какая жгучая моя доля!»

— Почему ж ты меня не предупредила, когда мы выходили из дому, я б взял с собой мое сердце, — сказал он обратясь к черепахе, — у нас такой обычай: когда идем к другу, оставляем дома наше сердце: лукавой мысли не было б места.

Черепаха без слов повернула назад.

Они плыли на перегонь с волною сквозь топь и пучину, по пусту-ясту, срезая даль.

Забрезжил берег — а вон и смоковница, верный приют.

— Подожди, — сказал Пифик, — я сейчас. И прямо к смоковнице.

Обнял ее теплые ветви. И упорно и цепко неуклонно воздушной волной вверх — ряцнуют сухие ветки, сшибаются смоквы.

— Дружок! — доносится с берега, — слезай скорей и поедем!

А он не слышит — он подымался все выше.

— Да скоро ты там?

— Но я хочу собрать все мое сердце, — крикнул Пифик, достигнув вершины, — мое сердце до последней капельки крови.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. О Петре и Февронии Муромских

Муром город в русской земле, на Оке. Левый высокий берег. И как плыть из Болгар с Волги, издалека в глаза белыми цветами земляники, из сини леса, церкви. На Воеводской горе каменный белый собор Рождества Богородицы, за городом женский монастырь Воздвижение. Городом управлял муромский князь Павел. К его жене Ольге прилетает огненный летучий Змей.

I

Как это случилось, Ольге не в разум. Помнит, что задремала, блеск прорезал ее мутный сон, она очнулась и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней — горячо обнял, и она видит белые крылья и что с лица он Павел.

Всем нечувством она чует и говорит себе: «не Павел», но ей не страшно. И это не во сне — не мечта: на ней его след и губы влажны. А когда он ее покинет, она не приберется — так и заснет, не помня себя. День — ожидание ночи. Но откуда такая тоска? Или любить и боль неразрывны? Или это проклятие всякого сметь?

А вот и среди дня: она узнала его по шуршу крыльев и как обрадовалась. И весь день он ее томил. И с этих пор всякий день он с ней.

Видит ли его кто, как она его видела, или для них он другой — Павел?

Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро всос соседа.

И у всех на глазах с каждым днем она тает.

Постельничий докладывает князю:

— С княгиней неладно: день ото дня, как вешний снег...

Павел ответил:

— Кормите вдоволь.

Павел зверолов: поле милее дому. Простые люди живут тесно, а князья — из горницы в горницу дверей не найдешь: муж у себя, жена на своей половине, муж входит к жене, когда ему любо, а жена ни на шаг.

На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и нежданный показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потрескивая горело: ветка любви и горькая ветвь измены.

Павел смутился: огненный змей, известно, прилетает ко вдовам, но к мужней жене не слыхать было.

— И давно это?

— На Красную Горку.

И он вспоминает: в последний раз он был у нее на Святой, стало быть, после.

— И вы это делаете?

Она вскинула глаза — чиста! и виновато потупилась.

— Да ведь это большой грех.

И на слово «грех» она вздрогнула от клокота ответных слов — и голос пропал.

— Надо принять меры, — сказал он не своим голосом глухо и без слов грозно, так — что рука поднялась, но не ударила.

Досадуя, вышел.

Не звери и птицы, которые звери рыскали и птицы порхали в его охотничьих мыслях, огненный Змей кольчатый шуршал белыми крыльями.

«С чего бы?» — и ему жалко: плохо кончит. Зверю от рогатины не уйти, и на птиц есть силки, но чем возьмешь Змея? И он видит ее и Змея, и все в нем кричит зверем: как ты могла допустить себя до такого? — но себя он ни в чем не винит: он зверолов, свалит медведя.

* * *

В Муроме ходил беспризорный, звали его Ласка — Алексеем. Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко сжаты, в глазах ла-

зурь, подымется с земли и улетит. Ласка глядит сквозь лазурь из души, ровно б у него глубже еще глаза, а скажет, большому не в сказ — такое растет среди лесов на русской земле. Мимо не пройдешь не окликнув: Ласка! А какие он сказывал сказки, и откуда слова берутся! про зверей, о птицах лесовое, скрытое от глаз, и о чудесах и знамениях о звездах. Летом —лес; зима — Воздвиженские монашки присматривают. Бывал и в кремле на княжеском дворе: Ольга любила слушать, как он рассказывает, от него она знает о Змее — огненный летучий. Змей, бумажные крылья — чудесная сказка!

Павел встретил Ласку в лесу.

«Божий человек, подумал Павел, спрошу о жене».

— Надо ей на волю, — сказал Ласка, — она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

— Не в обычай, — сказал Павел, — да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

— Воли нет.

— А что ты знаешь о огненном Змее.

— Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул.

— А на огненного — где его смерть?

— Откуда мне знать! Пускай сам скажет.

Прямо с охоты, не заходя к себе, Павел незаметно в горницу к Ольге.

Она сидела расставив ноги и улыбалась, а глаза наполнялись слезами. И вдруг увидев Павла, поднялась, дрожа.

Павел посмотрел на нее гадливо.

— Перестань, слушай. С этим надо покончить. Дойдет до людей, ославят: жена путается со Змеем. Один человек мне сказал, огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь, а сам он тебе скажет, откуда ждать ему свою смерть. Слышишь, Ты подластишься к нему и выпытай: от чего тебе смерть приключится?

Она слушала, озираясь: она искала глазами другого Павла, которого не боится.

— Большой грех. И я за тебя отвечаю перед Богом.

— Я спрошу, — говорит она безразлично и черные кольца катятся из ее глаз.

* * *

На другой день канун Рожества Богородицы — муромский престольный праздник. Ко всенощной он ей не велел, а пошел один в Собор. Он думал о ней с омерзением и нетерпеливо ждал ответ. Он видел ее, как она ластится, выпытывая — и закрывал глаза, передыхая и потом тупо молился, прося защиты: он ни в чем не виновен. И наутро, отстояв обедню, не мог утерпеть и сейчас же к Ольге. После огненной ночи — и это под такой праздник! — она крепко спала. Грубо растолкал. Она таращила глаза перекатывая белками: верить и обозналась — который Павел?

— Что он сказал?

Она поняла и, по-птичьи раздирая рот — слова бились на языке, но не складывались, мучая.

— Что он сказал? — повторил Павел.

И она закусив губы ответила нутром, раздельно приглушенным, не своим, посторонним голосом, рифмуя:

— Смерть — моя —

от Петрова плеча
Агрикова меча.

Павел вошел гордо: он знает тайну смерти — но что значит «Агрик» — Агриков меч? он не знает. И имя Агрик вкогтилось в его змеиную мысль, притушив кольчатый огонь летучего Змея.

* * *

О Агрике жила память в Муроме.

Старожильцы памятуя сказали: «Знаем, помним, за сто лет от отцов слышно: проходил из Новгорода к Мурому Агрик и брат его Рюрик». А о мече — который карлик Котопа сковал меч, точно не сказали, уверяя на Крапиву. А Крапива ничего не помнит.

Другие вспоминали Илью, свой — муромский, богатырскую заставу — на заставе, помнится, среди русских богатырей, стояли два брата — Агриканы — оба кривые: один, глядит по сю, другой по ту.

Когда всех богатырей перебили и остался один Агрикан, собрал мечи и сложил в пещере, а свой Агриков, в свой час, вручил Добрыне.

Третьи знахари сказали:

«Точно, к Добрыне в руки попал Агриков меч. Этим мечом он вышиб душу Тугарина Змеевича. И в свой час замуровал меч: явится в русской земле богатырь, откроется ему меч. А где замурован, кто ж его знает». И эти своротили на Крапиву, а Крапива впервой: Агриков меч! Не дай Бог прослыть знающим: затормошат и потом на тебя же в требе.

Агриков меч есть, но где этот богатырь кому владеть?

* * *

Был у Павла брат Петр. На Петра и Павла именины в последний птичий пев, когда в песнях колыбеля припевают: «ой ладо».

А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!

Петр всякий день приходил к Павлу. Жили они в честь прославленным в русской земле братьям Борису и Глебу. От Павла к Ольге проведать. На тихость Петра глаза Ольги яснели, как при встрече с Лаской.

Перемену Петр заметил, но не смел спросить. А Ольга и Павел перед братом таились.

Когда узнал Павел тайну Змеиной смерти: «от Петрова плеча, Агрикова меча» — его поразило имя брата, и он открылся Петру.

— Я убью его! — вскрикнул Петр: не узнать было его голоса: решимость и отвага не по плечу: он поднял руку клятвой и гнев заострил ее мечом.

Но где ему найти меч.

* * *

На выносе Креста Петр стоял у праздника в Воздвиженском монастыре. Агриков меч неотступно подымался в его глазах, как подымали крест — в широту и долготу креста. Его воля защитить брата подымала его вместе с крестом над землей высоко.

Всенощная кончилась. Пустая церковь. А Петр стянутый крестным обручем, один стоял у креста: «Агриков меч» вышеп-

тывали его смякшие губы — «дай мне этот меч! пошли мне этот меч!» — и рука подымалась мечом: «Агриков меч!»

И погасли свечи и последние монашки черными змеями расползлись из церкви. Сумрак окутал церковь глубже ночи и цветы от креста с аналоя дохнули резче и воздух огустел цветами.

Взрыв света ударил в глаза — Петр очнулся: с амвона Ласка со свечой и манит его. И он пошел на свет.

— Я покажу тебе Агриков меч, сказал Ласка, иди за мной! — и повел Петра в алтарь.

И когда они вошли в алтарь, Ласка поднял высоко над головой свечу:

— Гляди сюда, — он показал на стену, — ничего не видишь?

В алтарной стене между кереметей из щели торчало железо. Петр протянул руку и в руке его оказался меч; на рукоятке висела ржавь и липло к пальцам — кривой кладенец.

Это и был Агриков меч.

* * *

Не расставаясь с мечом, Петр провел ночь у монастырских стен: домой боялся, было полем идти — отымут. Осенняя ночь серебром рассыпанных осколков свежестью светила земле, а ему было жарко: Змей жег его — как и где подкараулить Змея? И на воле не находя себе места, он прятался за башни, глядя из скрыти на кольчатую ночь — не ночь, а Змея. Только синяя заря развеяла призрак и благовест окликнул его: мерным «пора к нам!».

* * *

Не помнит как выстоял утреню, часы и обедню. Никаких песнопений — в ушах шипело, и глаза — черные гвозди, еще бы, всем в диво, князь Петр, в руке меч, — искал Ласку, одни черные гвозди. Зубами прижался к золотому холодному кресту и обожженный вышел.

* * *

Павел только что вернулся из Собора, когда вошел к нему Петр с находкой.

— Агриков, — сказал Петр, кладя меч перед братом. Павел недоверчиво посмотрел на ржавое оружие.

— Где ты его достал?

— Агриков, — повторил Петр.

И оставив меч у брата, вышел — по обычаю поздороваться с Ольгой.

Не задерживаясь со встречными и не заглядывая в боковушу, Петр вошел к Ольге. И что его поразило: Ольга была не одна: с ней сидел Павел.

Петр поклонился ей, но она ему не ответила, в ее глазах стояли слезы, но она не плакала, а улыбалась, пристукивая каблуком: то-то заговорит песенным ладом, то ли закружится в плясе. Такой ее Петр не видал. И как случилось, что с ней Павел, которого он только что оставил? Или Павел обогнал его?

Таясь Петр вышел.

Навстречу один из слуг Павла. Петр остановил его.

— Брат у себя?

— Князь никуда не выходил.

— Тише! — погрозил Петр, не спугнуть бы! и сам поднялся на цыпочки: он вдруг все понял.

Павел сидел у себя и рассматривал диковинный меч.

— Ты никуда не выходил?

— Никуда! — не отрываясь от меча, ответил Павел.

— Но как могло случиться, а я тебя только что видел с Ольгой.

— Ты меня видел?

— Он сидит с ней. Он знает свою смерть, — Петр показал на меч, — он нарочно обернулся тобой: я не трону. Дай мне меч, а ты останься.

— Осторожно! — Павел подавая меч, — расколоться может.

С обнаженным мечом Петр вышел от Павла.

Крадучись — не спугнуть бы! — подошел к дверям Ольги. Не предупредя, переступил порог.

В его глазах Ольга и с ней Павел. Задохнувшись, подошел ближе. И оглянул. Нет, это не чудится: это Павел! И странно: сквозь Павла видит он окно, в окне золотая береза. И догадался: огонь! — огненный Змей.

Они сидели тесно: губы его вздрагивали, а она улыбалась.

Петр подошел еще ближе и ноги его коснулись ее ног. Вскрикнув поднялась она — и вслед за ней поднялся Павел.

В глазах Петра резко золотилось, и он сам поднялся в золотом вихре и ударил мечом по голове Змея.

Кровью брызнул огонь — сквозь огненный туман он видел, как Павел, содрогнувшись, склонился к земле, орошая кровью Ольгу, и Ольга, как и Павел, склонясь, клевала землю.

Петру мерещилось кольчато-кровавое ползет на него, душит грозя и он махал мечом, пока не разделется меч на куски и куском железа его очнуло.

Со Змеем покончено — в мече нет нужды: Агриков меч отошел в богатырскую память.

* * *

Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змееборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога.

Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу, и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал и Павел, но брату не выговаривал «чего де бабу укокошил», как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попалась: какая она ему жена — змеиная!

За Петром осталось: змееборец. Так он и сам о себе думал, терпеливо перенося свою телесную скорбь — безобразие: исцарапанный, скривя шею и корча ноги, скрехча зубами, лежал он, на его груди горел струпный крест, жигучий пояс стягивал его, и глаза и рот разъедала ползучая сыпь — кости хрястают, суставы трескочут.

Муромские ворожеи, кого только ни спрашивали, ни шепотом, ни духом, ни мазью, ни зельем не помогли, хуже: спина и ноги острупели и зуд соскреб сон. От слабости стало и на ноги не подняться.

Тут и говорят, что в рязанской земле водятся колдуны старше муромских: везите в Рязань.

А говорил это Ласка — кому еще знать.

И решили везти Петра в Рязань: почему не попробовать — рязанские колдуны, на них и посмотреть страшно — найдут жильное слово и заоблачно и поддонное — шаманы!

II

Петр на коне не сидит, его везли. Путь не веселый: и больному тяжко и людям обуздно. Недалеко от Мурома в Переяславле решили остановиться и попытать счастье.

Приближенные Петра разбрелись по городу, выведывая, есть ли где колдуны лечить князя. Гридя, княжеский отрок, в городе не задержался, вышел на заставу и попал в подгороднее Ласково.

От дома к дому. Видит, калитка у ворот стоит раскрытая, он во двор. Никто его не окликает. Он в дом. Приоткрыл дверь и вошел в горницу. И видит за столом сидит девка — ткет полотно, а перед ней скачет заяц. Он на зайца взарился: диковинно такой заяц — усами ворочит, не боится, скачет. А девка бросила ткать и прихорашивается: экий вперся какой серебряный.

— То-то хорошо, — сказала она с досадой, — коли двор без ушей, а дом без очей.

Гридя оглупело глазел то на нее, то на зайца.

— Старше есть кто? — робко спросил он.

— Отец и мать пошли плакать в заём, — говорила она, с любопытством оглядывая дорогое платье заброжего гостя, — а брат ушел через ноги глядеть к навам.

— К навам, — повторил растерянно Гридя, — загадки загадываешь.

— А ты чего не спросясь влез, — строго сказала она, — а будь во дворе пес, слышит шаги, залаял бы, а будь в доме прислуга, увидит, что кто-то вошел, и предупредит: — вот тебе про уши и про глаза дому. А отец и мать пошли на кладбище, будут плакать о умершем, эти слезы их — заёмные: в свой черед и о них поплачут. А брат в лес ушел, мы бортники, древолазы: полезешь на дерево за медом, гляди себе под ноги, скувырнешься — не подняться и угодишь к навам.

— К навам, — повторил Гридя, — к мертвым. И подумал: «не простая!» — А как тебя звать?

— Февронья.

«И имя замысловатое, подумал Гридя, Февронья!».

— Я муромский, служу у князя, — и он показал на гривну — серебряное ожерелье — приехал с князем: князь болен: весь в сыпи.

— Это который: змееборец?

— Петр Агриковым отсек голову огненному летучему Змею и острупел от его змеиной крови. Наши муромские помочь не могут, говорят, у вас большие ведуны. А звать как не знаем и где найти?

— А если бы кто потребовал к себе твоего князя, мог бы вылечить его.

— Что ты говоришь: «если кто потребует князя моего себе...» Тот, кто вылечит, получит от князя большую награду. Скажи имя этого ведуна и где его найти.

— Да ты приведи князя твоего сюда. Если будет кроток и со смирением в ответах, будет здоров. Передай это князю.

И как говорила она в ее словах была такая кротость, как у Ласки, и улыбнулась. Гриде стало весело: князя Петра его приближенные любили за кротость.

С каким запыхавшимся восторгом, как дети, рассказывал Гридя Петру о Февронии какая она, среди боярынь ни одна с ней не ровня, и о загадках и о зайце — заяц на прощанье пригладил себе уши, ровно б шапку снял, — будешь здоров, сказал Гридя, повторяя слова Февронии о кротости и смирении.

Петр велел везти себя в Ласково.

В Ласкове послал Петр Гридю и других отроков к Февронии: пусть скажет к какому волхву обратиться — вылечит, получит большую награду.

Феврония твердо сказала:

— Я и есть этот волхв, награды мне не надо, ни золота, ни имения. Вот мое слово: вылечу, пусть женится на мне.

Гридя не понял скрытое за словами испытание воли; ничего неожиданного не показалось ему в этом слове. С тем же восторгом он передал слово князю. «Как это возможно князю, взять себе в жены дочь бортника!» мелькнула поперечная мысль, но он был так слаб и страждал.

— Поди и передай Февронии, я на все согласен, пусть скажет что делать.

И когда Гридя передал Февронии: «князь на все согласен», Феврония зачерпнула из квашни в туис «шептала» и подув, дала туис Гриде.

— Приготовьте князю баню и пускай помажет себе тело где струпья, весь вымажется — и подумав, — нет, один струп пусть оставит, не мажет.

У Гриди и мысли не было спрашивать почему, он смотрел на Февронию беспрекословно, а заяц ему погрозил ухом.

— Да не уроню, — сказал Гридя, в обеих руках держа туис и осторожно вышел.

Пока готовилась баня, все отроки и слуги собрались у князя. Всех занимал рассказ Гриди о Февронии, ее колдовстве, о зайце, о птицах — птицы перепархивали в воображении Гриди — а больше всего ее загадки. Уверенность что князь поправится улыбнула и заботливую сурь и сам Петр повеселел.

«Да чего бы такое придумать, сказал Гридя, она все может. Давайте испытаем».

— Я придумал, —сказал Петр и велел подать ему прядку льну. И, передавая Гриде, сказал:

— Отнеси ей и пусть она, пока буду в бане, соткет мне из этой прядки сорочку, порты и полотенце.

Феврония удивилась увидя Гридю.

А он весь сиял: то-то будет. И положив перед ней на стол прядку льну, повторил слова князя.

— Хорошо, — сказала Феврония, — ты подымись-ка на печь, сними с гряд полено и сюда мне.

Гридя снял полено и положил перед ней на лавку. Она оглянув, отмерила кусок.

— Отруби.

Гридя взял топор и отрубил меру.

— Возьми этот обрубок, — сказала Феврония — и скажи князю: за тот срок, как очешу прядку, пусть сделает мне станок, было б мне соткать ему сорочку, порты и полотенце.

Зайцем выскочил Гридя. А там ждут. Положил перед Петром обрубок, как перед Февронией прядку: изволь станок смастерить, пока она очешет лен.

— Что за вздор, — сказал Петр, повертев обрубок, — да нешто можно за такой час сделать станок.

Но кому же не понять, что не меньший вздор и Петрова задача: соткать ему из прядки за банный час сорочку, порты и полотенце. И Петр дивился не столько мудрости Февронии, сколько уразумев свою глупость.

Балагуря, с одним именем Февронья — а ее мудрость у всех на глазах — приближенные Петра пошли в баню, а Петра несли на носилках.

Все было, как полагается: Петра вымыли, выпарили и на полок подымали и с парным сеником выпрыскали, потом положили в предбаннике и прохладя квасом и мочеными яблоками, все тело и лицо и руки вымазали наговорным.

Но где какую болячку оставить без маза? Решили ту, где будет незаметно. А чего незаметней задничного места. Спросить было у Февронии, да понадеялись на очевидность и оставили заразу на этом месте.

Ночь Петр провел спокойно — ему только пить давали: морила жажда. Или это гасло змеиное пламя. Наутро он поднялся легко. Тело не зудит — очистилось, и лицо чистое и руки чисты — не узнать.

Пронесло беду. Казалось бы, надо исполнить слово Февроньи. Но как всегда бывает, когда наступает расплата, человек возьмет на себя что полегче и пожертвует тебе, что ненужно или то, добытое без труда.

Покидая Ласково, Петр послал Февроньи подарок — благодарность: золото и жемчуг. Она не приняла. Молча рукой отстранила она от себя драгоценности, а на губах ее была печаль: «несчастный!».

На коне вернулся Петр в Муром.

На Петра диву давались: вот что может колдовство: пропадал человек, а гляди, не найдешь ни пятнышка. Чист, как перо голубя.

Шла слава на Руси: есть ведьмы киевские и ведьмы муромские, а бортничиха Феврония больше всех. Имя Феврония вошло с Петром в Муром и отозвалось, как имя Ласка, недаром и село ее зовется Ласково.

Петра поздравляли. В Соборе отслужили молебен. В Кремнике у Павла был пир в честь брата-змееборца.

Началось с пустяков: кольнуло. Не обратил внимания. Потом чешется, это хуже. А наутро смотрит: а от непомазанного вереда ровно б цепочка. Думали от седла. А про какое седло, на лице выскочил волдырь. Начинай сначала.

Петр с неделю терпел, поминал имя Феврония, винился — да ведь раскаяние что изменит? — «Согрешишь, покаешься и спасешься!» —какой это хитрец, льстя злодеям, ляпнул? Грех не искупаем. И только воля пострадавшего властна.

Петра повели в Ласково.

Неласково встретила Феврония. Сдерживая гнев, она повторила свое слово. Петр поклялся. И опять его повели в баню и на этот раз всего вымазали. И наутро поднялся чист.

Ласковский поп обвенчал Петра и Февронию. И Петр вернулся в Муром счастливый.

* * *

Пока жив был Павел, все шло ничего, женитьбу Петра на бортничихе спускали. Но после смерти Павла, когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: «женился на ведьме!».

Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом «ведьма». И не будь Февронии, все было б по «нашему»: Змееборца живо б к рукам прибрали: по душе ему с Лаской сказки сказывать, а не городом править. Разлучить Петра с Февронией другого нет выхода.

В городе Феврония княгиня, в доме хозяйка. Что плохо лежит само в руки лезет — на княжем дворе всякая вещь на своем месте, хапуну осечка: известно, бортничиха, не господский какпопал. Порядок спор, но и тесен.

Слуги поварчивали. И чтобы душу себе встряхнуть стали Петру наговаривать.

Стольничий, старый слуга, с подобострастным сокрушением, порицал Февронию: не знает чину — из-за стола поминутно вскакивает, без порядку хлеб ест, а тарелка стынет.

— И что за повадка: по обеде поклон положить забудет, а крошки со скатерти до чиста все соберет, и чего для? Ровно нехватка в чем, или в обрез?

За наговариванием — подозрительное любопытство.

Обедали врозь, каждый у себя. Петр велел подать два прибора и сесть Февронии с ним. И замечает. Да ничего особенного, Ласка до сих пор не научился, ест без вилки пальцами, а Феврония ровно б с детства за княжеским столом обедала. Но когда оставалось только лоб перекрестить, она поднялась и стала собирать со скатерти крошки. И Петр поднялся и за руку ее, развел ей пальцы.

— Что ж мы нищие? — сказал он с упреком и взглянув отдернул руку: на ее ладони не крошки, дымился ладан.

И вся столовая наполнилась благоуханием, ровно б поп окадил. Или это улыбка ее расцвела цветами и из глаз, таких напоенных, зрелых, источался аромат.

— Нет, наша доля мы слишком богатые, — сказала она.

Петр не знал куда девать глаз от стыда: и как он мог что-то подумать. И с этих пор что бы ему ни наговаривали на Февронию его не смущало: вера в человека гасит всякое подозрение легко и открыто и самое загадочное и непонятное.

* * *

Бояре свое думали — каждым годом власть Февронии сказывалась до мелочей, до «хлебных крошек» княжества, негде рук погреть, не люди, рыбы. И как устранить Февронию. И бабы бунтуют: первое место бортничиха и им, природным, кланяться и подчиняться — не желаем. И пилили мужей: глаза де пялят на Февронию и мирволят.

Осточертенелые бояре ворвались к Петру в Кремник.

— Слушай Петр! Ты наш змееборец! Рады служить тебе за совесть. Убери княгиню: Февронию не желаем. И мудровать над нашими женами не позволим. Пускай берет себе, что ей любо, казны не пожалеем, и идет куда хочет: в Муроме ей не место.

Петр не крикнул «вон»! Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным перед навалившейся на него силой и беззащитным и, тише чем обыкновенно, ответил:

— Я не знаю, спросите ее. И как она хочет.

И у бояр кулаки разжались: изволь, хвастай умом, хорош! — сами ж говорили: Петр брат его не Павел, из змееборца хоть веревки вей, а показали как на Павла: решай. Будь Петр один, другое дело, но за такой стеной, не устоит и Кремник.

Со стыдом разошлись бояре.

«Поговорите с ней!». А ты попробуй, она тебе ответит. Головоломная задача.

А бабы ноют — а это пожечше: по-морде-в-зубы — у каждой одна песня Февронья. Сами-то сказать ей в лицо не смеют, боятся, ведьма, а ты за них отдувайся — извели. И задумали бояре порешить хитро и разом.

* * *

В Городовой избе просторной, как княжеский двор, всем городом устроен был пир. Пригласили князя Петра и Февронию — честь за главным столом первое место.

Ели и пили чинно. А как хмель распустился в свой цвет, спряталась робь, голос окреп, залаяли псами. Друг друга подталкивают. Хороводились.

И прорвало:

— От имени города Мурома, — поднялся бахвал к Февронии и все поднялись и пошли, как боровы, — исполни, что мы тебя попросим.

И Феврония поднялась, она все поняла, но спокойна.

— Слушаю, — отвечает Феврония, — я рада все исполнить.

— Хотим князя Петра, — отчеканил ободренный согласием Февронии смельчак. — Петр победил Змея, пусть Змееборец правит нами, а тебя наши жены не хотят. Не желают под твоей волей ходить. Возьми себе добра и золота, сколько хочешь и иди куда хочешь.

— Хорошо, я исполню ваше желание и жен ваших, я уйду. Но и вы исполните чего я попрошу у вас.

— Даем тебе слово без перекора, все исполним! — загалдели враз.

— Ничего мне не надо, никакой вашей казны. Об одном прошу, дайте мне князя Петра.

Переглянулись.

И в один зык подвздохом:

— Бери.

У каждого прошло: «поставят нового князя и таким князем буду я».

Петр поднялся.

— В законе сказано: кто отпустит жену, не уличив в прелюбодействе, а сам возьмет другую, прелюбодействует. Мне с Февронией с чего расставаться!

— Согласны! — рявком ответили бояре, — ступай с ней.

Феврония вышла из-за стола, собрала со стола крошки.

Зажав в горсти, вышла на середку. И подбросила высоко над головой — хряснув посыпались дождем драгоценности — золото, серебро, камни, украшения.

— Вашим женам, пускай себе великанются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огнь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не менить.

Она взяла Петра за руку. И они покинули пир.

* * *

Нагруженные муромским добром плыли суда по Оке — путь на Волгу в Болгары. Петр и Феврония покинули Муром, плывут искать новые места. Долго будет, белыми церквами провожая, глядеть вслед им родной город. И за синей землей дремучих лесов скрылся.

В нежарком луче перетолкались толкачики. Зашло солнце. С реки потянуло сыростью.

Ночь решили провести на берегу.

И раздумался Петр: хорошо ли он сделал — покинул родной город? И из-за чего? И с упреком посмотрел на Февронию.

— Не ропщи, — сказала Феврония, она без слов поняла, — будем жить лучше прежнего, ты увидишь.

Петр не мог не поверить — в голосе Февронии была ясность. Но точащее сожаление не оставляло: «Если бы вернуться!».

На рогатках из крепких ветвей, укрепленных в землю, подвешен был котелок на ужин.

— Смотри, эти сухие ветви, — сказала Феврония, — а наутро, ты увидишь, вырастут из них деревья, зазеленеют листья! — и она, осеняя дымящиеся от пара черные рогатки, что-то шептала и дула.

Ночь пришла, не глядя, темная как лес, колыбеля сном без сновидения. Или такое бывает, когда всю душу встряхнет — все двери захлопнутся: без памяти — мрак.

Утро пробудило надеждой и первое что заметил Петр, и это как во сне, на том месте, где укреплены были рогатки и висел котелок, перебегали люди и что-то показывали, кивая головой. Петр подошел поближе. И это было как сон и всем как будто снится, так чудесно и не бывало: за ночь сухие ветви ожили, покрылись листьями и подымаются зелеными деревьями над котелком.

«Так будет и с нами?» подумал Петр и посмотрел на Февронию.

И она ему ответила улыбкой, с какой встречают напуганных детей.

И когда стали погружаться на суда плыть дальше, видят на реке показалась лодка, белые весла, поблескивая на солнце, руками машет — или стать за бедой не могут или не успеть боятся.

— Да это никак с Мурома? — Так и есть: причалила лодка, вышел боярин, шапку долой, низко поклонился.

— Я от города Мурома, — с трудом передохнув, проговорил он оборотясь к Петру, — и всех бояр кто еще на ногах и голова уцелела. Стало вам скрыться с глаз, как в городе поднялся мятеж: всяк назвался муромским князем и знать ничего не хочет: сколько дурьих голов, столько и шалых поволю. В драке не мало погубили народу, да и сами погибли. | В городе лавки в щепы, дома глядят сорванными с петель дверьми, в Кремнике нет не окровавленного камня. Ласку укокошили, зверь не трогал, а человеку под руку попался и готов. Вернись, утиши бурю! Будем служить тебе! — И, обратясь к Февронии, еще ниже поклонился — прости нас и баб наших, вернись!

Вот оно где чудо, какой чудесный день — у Петра все мешалось и не было слов на ответ. Феврония приказала судам повернуть домой — в Муром.

III

Повесть кончена. Остается загадка жизни: неразлучная любовь — Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Петр и Феврония.

Петр управлял Муромом нераздельно с Февронией. Про это запишут, как о счастливом годе, время Муромского княжества, канун Батыя.

Сроки жизни наступали.

Петр постригся в монахи, приняв имя Давид, и оканчивал дни в городском Богоявленском монастыре. Феврония под именем Ефросиния за городом у Воздвиженья, где в алтарной стене замурован был Агриков меч.

Расставаясь, Феврония сказала: Смерть придет за тобой и за мной в один час.

Петр в своей келье ничего не делал, он не мог, и своей тоской заторопил срок. Ему показалось, в окно заглянула Ольга и манит его: он освободил ее, теперь ее черед. Так он это понял и послал Февронии сказать:

— Чувствую конец, приди и вместе оставим землю.

Феврония вышивала возд*у*х: деревья, травы, цветы, птицы, звери и среди них любимый Заяц — они по шелковинке каждый брал себе ее тоску.

— Подожди немного, — ответила она, — дай кончу.

Но час не остановишь, срок не меняется. И чувствуя холод — самое лето, а мороз! — он и во второй раз послал.

— Последние минуты. Жду тебя.

Но ей еще остались пустяки — вынитить усы зайцу.

— Подожди.

И в третий раз посылает:

— Не жду, там — —

Она воткнула иголку в воздух — пусть окончат.

— Иду.

И душа ее в цветах и травах, вышла за ограду встречу другой неразлучной, вышедшей в тот же час за ограду.

25 июня 1228 года
на русской земле.

Еще при жизни у Рожества в Соборе Петр соорудил саркофаг, высечен из камня с перегородкой для двоих:

«Тут нас и положите обоих», завещал он.

Люди решили по-своему: князю с бортничихой лежать не вместе, да и в иноческом чине мужу с женой не полагается.

Саркофаг в Соборе оставили пустым, Петра похоронили в Соборе, а Февронию особо у Воздвиженья.

С вечера в день похорон поднялась над Муромом гроза. И к полночи загремело. Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру. Полыхавшая молнья освещала ей путь, белый огонь выбивался из-под туго сжатых век и губы ее дрожали от немевших слов проклятия.

Наутро в Соборе гроб Петра нашли с развороченной крышкой пустой и у Воздвиженья тела Февронии не было.

Петр и Феврония лежали в Соборе в саркофаге рядом без перегородки.

И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой.

2. Аполлон Тирский

I

Антиох, владетельный и многославутый царь сирийский, из всех царей храбр и красен, повоевал множество царств и создал город во славу имени своего — Антиохию. Но выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была у Антиоха дочь — во всей поднебесной не найти по красоте равной — царевна Ликраса.

И когда померла царица, и остался царь с царевной, вошла царю в сердце мысль о красоте царевны: выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы.

И царь не мог утаить своей мысли.

Царевна хотела бежать от отца. Но как убежишь: днем и ночью стережет ее царская стража.

Изумелый и неключимый смотрел царь, забыл, что царевна дочь.

— Лапландские волхвы предсказали... так оно, значит, выходит... — оправдываясь, путался царь.

«Ты победил народы и не можешь справиться с страстью! Истинное мужество не города покоряет, а мысли и чувства. Пойдет о тебе злая слава...»

— Пустяки, — обрадовался царь, — слава! Сначала-то, конечно, будут болтать и то, и се, а помаленьку все сгладится. Человек ко всему привыкает.

Был у царя Антиоха страж первый, человек лисавый: и так и сяк закрутить может и себя не забудет, — Лук Малоубийский. И велел царь этому лисавому Луке накупить в Рядах золотых ковров и всяких шелковых персидских и китайских поставов и как запрут купцы лавки, чтобы скрытно от сторожей устлать от ворот и до площади всю Ильинку: пускай царевна воочию убедится, до чего пуста всякая слава, а человек ко всему привычен.

Лук все исполнил по царскому слову.

Настало утро, потянулись со всех концов города купцы на Ильинку, кто на коне, кто на своих, и все, как всегда, а как увидели, что за мостовая, и уже не то, что на коне или идти, а по стенке всяк норовил до лавки добраться, чтобы как сапогом не

запачкать. И весь день только и было разговора, что о невидали и неслыханном деле: таким добром устлать мостовую! Весть разнеслась по городу, и побежал народ, хотя издали поглазеть, и такая была давка, как на крестном ходу. Прошла ночь, ковры не убирают, и уже на следующее утро кое-кто впопыхах, по меняльному делу, и ногами наступил, а тот, смотри, сапожищем прошелся. А разговор, хотя все еще о коврах, но куда потише. Много еще и любопытных, но опять же с вчерашним не сравняться и не та торопь: ковры на месте, успеется, все увидят. Прошла еще ночь, настал третий день, ковры на месте, а уже никто не смотрит, — не замечают! — кто на коне, кто на своих по коврам.

— Ты прав.

«Я ж говорил: человек новому дивится, а потом привыкает».

— Да, но твоя воля будет памятна в тысяча тысяч родов. Лучше я умру.

Изумелый и неключимый смотрел царь, — забыл, что царевна дочь.

В воскресенье Ликраса шла от обедни. Солнечный луч играл на ее лице. Царь увидел, и страсть пламенем пыхнула в нем, и он упал на землю. А вечером в тот день пришел к царевне — не убеждал, не упрашивал — изумелый, взял ее силой.

И с той поры, как с царицей, жил царь тайно со своей дочерью царевной.

II

Выше башен неподступного города, выше царского имени, выше славы его была красота царевны Ликрасы. И не могла красота такая укрыться от глаз, как никуда не скроешь солнца, месяца, цветов и звезд.

И со всех царств и земель цари и короли стали к царю Антиоху сватов засылать по дочь его царевну Ликрасу.

Антиоху такое совсем не по-сердцу: выдать царевну замуж — лишиться царевны, а без царевны ему ни царства, ни жизни.

Отстал царь от еды и питья, не знает, что и делать. Опять же, коли и отказать, надо не как-нибудь, а по-царски. А тут сам царь Обезьяний князей своих обезьяньих с дарами прислал — сам Обезьяний царь Асыка навязывается в зятья. А это уж совсем не шутка.

И нашелся-таки Антиох, на то и Антиох он, царь многославутый, — старался и Лук Малоубийский, приятель его лисавый, — нашел Антиох лазейку: он и царевну не упустит, и отказ будет соблюден с честью.

— Чтобы было и другим неповадно! — лисил перед царем Лук лисавый.

Вышел царский извет: дочери своей царь никому не отдаст в жены, «только тому отдам, кто мою загадку отгадает», а в чем загадка: от царя — самолично; кто ж не разгадает, тому смерть.

Вот какой извет, не калач, не больно заманит.

Да охота пуще неволи — пошли цари да короли к Антиоху.

И который явится, царь ему загадку. А как ее такую разгадаешь, другой, и не дурак, смекнет, да в голову-то не приходит про такое — загадку-то царь про себя да про дочь царевну загадывал, — ну, и мнется несчастный: «не знает». — «Не знаешь?» — Готово — и голова долой.

Сколько этих самых голов знатных царских да королевских несчастных торчало на страх и острастку, счет потеряешь. Лук Малоубийский в угоду царю и для пущей торжественности никого не допускал, сам собственноручно голову на шест насаживал.

Угодила голова и обезьянья, на дворцовых воротах у всех на глазах торчала мордастая. Только царь обезьяний Асыка очень осторожный, не сам, а вместо себя послал своего обезьяньего князя, ну, тот и попался в лапы.

Хорошо еще зауряд-князь, не настоящий.

Сущее горе, вот и задумай жениться после такого.

III

Тогда Аполлон, тирский царь, слыша о красоте Ликрасы и о неразгаданной загадке Антиоха, о бедовых царских и королевских головах, раздумался: самому не испытав, как разберешь? — и решил идти к царю Антиоху, видеть царевну, слышать царскую загадку.

Был же Аполлон, тирский царь, премудр и прекрасен, и в рыцарских науках мужествен и храбр.

Ближние отговаривали: загадка неразгаданная — сам Обезьяний царь попался на удочку, стоит ли? — Смерть неминучая.

Аполлон не послушал и выступил из Тира с своим любимым войском в Антиохию.

Приветливо встретил Антиох гостя: отец Аполлона был его старый друг.

— Добро жаловать, тирский царь!

— Я пришел слышать твою премудрость. — Аполлон поклонился царю. — А будет изволение твое, найду я любовь в тебе, как сын; и дочь свою, прекрасную царевну, дашь мне в жены.

Царь потемнел.

— Тебе известен наш царский извет?

— Знаю. Немало повинных царских голов торчит у заставы! Я пришел к тебе слышать твою загадку.

— Щажу твою юность ради твоего отца. Иди, ищи себе жену, где хочешь.

— Хочу знать твою загадку! — Устоял решительно Аполлон.

Царю стало жалко: так еще юн и прекрасен был тирский царь, да и отца его вспомнил, старого царя Лавра, давно это было, менялись крестами, побратимы.

— Я ничего не слышал, ничего не знаю, у меня нет никакой загадки, иди, не спрашивай.

Аполлон не уходил.

И окостенел царь.

Аполлон ждет.

— Тело мое ем, — залузел голос царя, как железная ржавь, — кровь мою пью, сам себе зять, отца дочь жадает, видеть не улучает, жена мужа не видит и муж жене быть не может.

Аполлон в ужасе схватился за голову и увидел царевну: ровно темь кругом, а она, как звезда. Тихим голосом спросил:

— Как повелишь отвечать: тайно или вьяве.

— Говори, как знаешь.

И наступила в царских палатах такая тишь, и только слышно, только чутко, кольчужный гул.

— Тело свое ешь и кровь свою пьешь, ты взял себе женою родную дочь: ждет она мужа и не находит, — ты ей отец и муж; ищет она отца и не находит, — ты ей отец. Кровь на кровь. — На царском месте высоко трон костян. На костяном троне сидит царь костян, подпершись костылем: шляпа на голове его костяна, рукавицы на руках его костяны, сапоги на ногах его костяны. Сам царь костян, и все семьдесят и две жилы его костяны, и становая жила — кость.

— Ты лжец! — взъярился царь, и лицо его стало кроваво: так кроваво восхожее солнце в пожар, кровавый гриб.

А о-бок царевна, белая голубь, поблекала денницей.

Царь удалился, за ним Лук лисавый.

В притворе глаз-на-глаз.

— Что ж мне ответить?

— А скажем: загадку не отгадал. И крышка.

— А разве так можно?

— Чего не можно! Для сволочи законы, а не для царей.

— Он царской крови...

— Отложи до завтра, и пускай завтра придумает новую разгадку. Понимаешь? Его никто не звал, сам на рожон прет.

Царские палаты. Царь, за ним Лук. Царь оправился. Зорко и отчетливо:

— Ты разгадал загадку, да по-своему. Настоящая разгадка совсем не та. Порешил ты свою голову.

— Праведный царь, все слышали. Прав твой суд, я готов.

И красный палач, как видение, поднялся у трона, и на красном синий топор обнажил провал.

Аполлон стоял перед царем тонок, как стебель, глаза закачены.

— За красоту и ради твоего отца, — царь поднялся, — даю тебе сроку до утра: не отгадаешь, велю голову отсечь, а тело псам.

И пошел царь, за царем Лук, за Лукой вся сволочь.

Аполлон вышел на волю. На душе тосменно: какую не скажешь разгадку, для царя она будет не та, смерть неизбежна. Есть один только выход.

И положил Аполлон бежать.

В первый сумрак сел Аполлон на корабль и тайно с войском отплыл в Тир.

Прошла ночь, а никому и в голову не придет. Поутру ждать-пождать, Аполлона нет.

Донесли царю:

— Аполлон, тирский царь, сбежал!

Распалился царь. А уж поздно: упустили.

— Он обесчестил наше царское имя.

— И всего народа! — ввернул Лук лисавый.

— Смерть ему! — топал в гневе царь.

И вышел царский извет: тому, кто достанет живьем Аполлона, пять тысяч, а тому, кто принесет его голову, сто тысяч — «тирский царь обесчестил царя, а с царем народ».

И как прочитали царский извет, вся-то гадость, мурье и заиграло в душах человеческих, и не только враги Аполлона — смешно от врага другого чего и ждать! — а и друзья предадут! — все, кому только не лень, пустились на выдумки, как бы так изловчиться изловить Аполлона и принять от царя честь и дары.

IV

Аполлон невредим вернулся в Тир. Собрал ближних и старейшин и поведал им гнев Антиоха.

— Не хочу ради себя губить вас, — сказал Аполлон, — я лучше уйду.

И был тверд, — силы не равны, царь в отместку не оставит от Тира камня на камне, — не хотел Аполлон из-за своей ссоры с царем губить народ и сейчас же снарядил корабль, полон хлеба, золота и серебра, и отплыл из родного Тира в безвестность.

А дня не прошло, пожаловал в Тир сам Лук Малоубийский. Притворился лисавый другом Аполлона, тужил, что не застал царя дома, расспрашивал, куда поехал и долго ль проездит.

Но ничего ему никто не мог сказать, — «сами не знаем».

Тогда клевещатый сбросил с себя личину дружбы и объявил царский извет великого царя Антиоха:

— Тому, кто доставит живьем Аполлона, пять тысяч, а тому, кто принесет его голову, сто тысяч!

И золотой яд вошел в тирские души.

Аполлон же, отплыв в безвестность, пристал к Тарсу.

А был в той земле голод: куль хлеба в восемь рублей продавали за тридцать восемь. Кто побогаче, еще не так чувствовал, а нашему брату плохо приходилось.

Видя такую беду, Аполлон открыл свой корабль и велел за бесценок продавать хлеб. А когда повыбрали до последнего зерна, велел возвратить деньги, чтобы не называли купцом.

И все дивились щедрости Аполлона.

И в благодарность за царский дар, ваятель Даил высек из белого камня истукана — образ Аполлона, и поставил истукана на Марсовом поле, место игрищ и веселья.

Аполлон шел по берегу моря.

«Вот достиг он первенства в Тарсе, царь и народ боготворят его. Но ему ничего не надо. И лучше быть ему последним, только бы вернуться в Тир. Родной Тир, город его детства, колыбель желаний, там все — земля, речь и от дворца до лачуги, от собора до часовенки все за него. И никогда не вернуться!»

Аполлон шел по берегу в жальбе.

По морю с родной стороны плыл корабль. Аполлон ничего не видел, весь в своей жальбе. А с корабля видно — Елавк, старейшина тирский, первый увидел Аполлона, вышел на берег, окликнул.

Аполлон глазам не верит. Нет, не ошибся: перед ним Елавк.

— Ты в большой беде, царь!

— Какая же беда, Елавк, в тебе весь мой верный город.

— Верный... — Елавк поник.

— Что случилось?

Елавк рассказал о царском после, о извете царя Антиоха.

— Живьем пять тысяч, за голову сто.

— Я так и думал.

— Да, но твой верный город отравлен: золото наострило и самый мирный меч. Как уберечься от соблазна? Сто тысяч. Мне раз приснилось...

— Я тебе дам эти сто тысяч!

— Нет! Скорей беги отсюда. Теперь все узнают. Больше нет тайны.

Елавк вернулся на корабль.

Корабль уплыл.

На берегу Аполлон один. Жальба острей. Верный город! Нет у него дома, нет родины — круг смертный. Голова его, как факел. Куда бежать? где скрыться?

Наутро Аполлон тайно покинул Тарс.

V

Десять дней плыл корабль плавно. И вот, восстал с полночи ветер, взбил волны, и море взбурилось.

Кораблем играли волны, не корабль, а мяч.

Волна за волной — сестры волны, за сестрами мать. Пришла большая волна, подняла корабль. Водным хлывом разорвало.

И все, кто был на корабле, — ко дну.

И золото, и серебро, все погибло.

Аполлон ухватился за доску и плыл. С волны на волну. Три дня и три ночи, куда волна. И прибило его волной к Кипрской земле.

Рыбак слышит кто-то кричит. Вышел посмотреть. И опять — человечий голос. Рыбак в лодку. И выловил Аполлона. Повел к себе в свою рыбацкую избушку. — Напоил, накормил. Время к ночи — спать.

Переночевал Аполлон, а наутро рыбак говорит:

— Я тебя от смерти спас, ты мне теперь раб.

Нарядился Аполлон в рыбакову рвань. Слава Богу, хоть и такое нашлось — больно уж беден рыбак! — ждет Аполлон, чего велят: у раба своей воли нет.

— Отправляйся-ка, милый человек, в город, — сказал рыбак, — постреляй, авось, на хлеб наберешь. А полюбишься кому, с Богом. А не приглянешься, возвращайся. Как-нибудь проживем.

Поклонился Аполлон рыбаку и пошел со двора — сущий босяк-голодран.

Трудно непривычному-то руку Христа ради протягивать. Все утро бродил Аполлон по улицам, много встреч, да язык не поворачивался. Так и ходил голодом.

По обеде вышел Аполлон на царскую площадь. На площади народ глазеет. Стал протискиваться и втерся.

Царь кипрский Голифор любил после обеда для разминки играть в игры: соберет на площади своих пажей и тешится до чаю.

Аполлон сам большой любитель, а по ловкости первые призы брал. Игра занимала, забыл и голод.

Царь Голифор шибанул мяч. Аполлон на лету подхватил и понес мяч царю.

Обратили внимание. Царь приказал узнать, кто. Но как узнаешь? Кто-то сказал, что видели, как поутру шел голоштан в город от рыбака. От какого рыбака? — От Лукича. Сейчас за Лукичом. Привели старика.

— Кто такой?

— Утоплый.

И больше ничего.

Донесли царю: «утоплый».

Ну, не все ли равно, полюбился Аполлон за ловкость царю Голифору, и велел царь нарядить его в дорогую одежду, а вечером явиться б во дворец к царскому столу.

— Вот, видишь, как повезло!

— Спасибо тебе, Лукич, век не забуду.

— А и забудешь, я привык! Ну, счастливо.

Лукич забрал свою рвань и пошел из города к морю по своей рыбной части, а Аполлон, нарядный, на вечер во дворец.

У царя Голифора был такой обычай: за ужином царевна танцевала перед царем.

И такая она была воздушная, Тахия царевна, как начнет свои танцы, заглядишься и о еде забудешь, все бы только и глядел.

И этот вечер залюбовались гости на царевну — нетронутые блюда уносили со стола царские лакеи — и один сидел недовольный, новый гость.

— Вот это танец! — толкнул сосед Аполлона.

Аполлон ничего не ответил. Да если бы и сказал, никто бы ничего не услышал. Все смотрели на царевну, ничего не замечали. Заметила царевна и перестала танцевать.

— Что такое? Голова закружилась? — забеспокоился царь.

— Этот гость надо мною смеется! — царевна показала на Аполлона.

Царь к Аполлону:

— Что смешного в царевне?

— Царевна прекрасна! Я не смеялся. Я сам танцую, я ничего особенного не вижу в танцах царевны.

Царь к царевне:

— Не печалься, гость над тобой не смеялся. Давай-ка заставим его показать свое искусство!

И по воле царя, звяцая на гуслях, стал перед ним Аполлон.

И все дивились игре. А когда Аполлон завел свой аполлонический танец, все поднялись с своих мест.

— Такого мы в жизнь не видали!

Хвалит царь Голифор, не нахвалится, а царевна пуще.

— Аполлон победил царевну.

И просит царевна, да повелит царь Аполлону учить ее своим танцам. Царь не перечил. А Аполлон рад все исполнить и для царя и для царевны Тахии.

По царскому повеленью построен был танцовальный дворец, в этом дворце и жил Аполлон, уча танцам царевну.

С того все и пошло.

И с год живет Аполлон в танцовальном дворце у царя Голифора — все дни и вечера с царем и царевной.

Переимчивая, живо переняла царевна аполлонову мудрость. Аполлон полюбился царю, еще больше царевне.

Царевна Тахия невеста. Время сватать. Понаезжало на Кипр всяких царей, королей да князья.

Царь Голифор:

— Без воли царевны ни за кого. Пускай сама решает.

А царевна:

— За Аполлона.

Как услышала царица и напустилась:

— За Аполлона? За утопленника морского? Ни под каким видом. Лучше уж за обезьяньего князя, все-таки князь.

А царевна:

— Если не за Аполлона, я ни за кого.

И больше ни слова.

Покричала царица, покричала, помаленьку и сдалась. Отпустили царей, королей да князей восвояси. Да за веселую свадьбу.

Так женил царь Голифор Аполлона на царевне Тахии. И пошла у них жизнь развеселая.

VI

Аполлон шел по берегу моря.

Каким отдаленным казалось ему то время, когда попал он на Кипр к рыбаку. Лукич был прав. И как это случилось, только теперь в первый раз он вспомнил о Лукиче, а с ним вспомнился Тир так ярко, как никогда еще. Второй год к концу. На Кипре он свой человек. Скоро у Тахии родится ребенок. А о нем никто ничего не знает. А там вспоминают ли? И неужели не суждено ему вернуться в родной Тир?

Вдруг затомило: все отдаст, только бы вернуться. И пусть смерть, за один день, за один час, за минуту.

По морю плыл корабль. Чем ближе подплывал корабль, тем чаще билось сердце. И тирское знамя ударило в глаза.

Покликал Аполлон.

Ответили на корабле.

Слышал Аполлон свое имя — величали тирского царя! — и больше ничего не слышал. И когда очнулся — перед ним стояли тирские послы: старейшина Елавк извещал Аполлона, что опасность миновала, нет больше Антиоха, и он, Елавк, и другие старейшины со всем народом зовут его в Тир, принять власть.

С Аполлоном отправились послы к царю Голифору. Тут-то все и открылось. И много дивились тирскому царю Аполлону. Царь на радостях дал пир в честь зятя и послов. Три дня пировали.

Всех занимала смерть Антиоха и судьба Антиохии Великой.

Поистине, кара Божия постигла грешного царя: на одном из торжественных приемов Антиох упал с трона и угодил подбородком о косяк. И начала гнить челюсть, отпало мясо, выгнили зубы и обнажилась гортань. Страшно видеть, невозможно было смотреть. Ничего не ел, только воды ему и то чуть. Изнемогал царь — другой Иов — горько страждя и кляня страсть, великий и многославутый царь сирийский Антиох. По смерти же царя лисавый приятель его, Лук Малоубийский, заточил царевну Ликрасу, женился на обезьяньей княжне Хлывне, дочери великого мечника и князя обезьяньего, Микитова, от ворота до голенищ поверх сирийских золотых медалей весь извесился цветными обезьяньими знаками, отвалил народу гору золота, насулил ворам, шпыням и безыменникам господских вотчин, поместий и должностей и под именем царя Епиха сел на престол царствовать в Антиохии Великой.

Аполлон решил немедля ехать в Тир. Но как быть с царицей. Море немилостиво — путь опасен.

— Дай мне свой перстень, — сказал Аполлон Тахии, — я пришлю за тобой, ты по твоему перстню узнаешь моих послов, а с ними и поедешь в Тир.

Тахия слышать не хотела. И, сколько ни упрашивал царь и царица, настояла ехать непременно с Аполлоном.

Снарядили царский корабль.

Простился Аполлон с царем Голифором и с царицей крикуньей, простилась Тахия с отцом и матерью. Поплакали. Много было слез, а весело, с большими дарами, приданым Тахии, отплыли с Кипра, держа путь к любимому Тиру.

VII

В пути на корабле, чего так боялся Аполлон, от морской ли качки или ветер морской, наступило время, и родила Тахия дочь — назвали Палагея.

И лежала Тахия, как мертвая, и сердце ее не было слышно.

Поднялся вопль, и откликом, как лев, воссвирепело море.

Поняли, море требует жертвы, и приступили к Аполлону, требуя извергнуть с корабля мертвеца.

— Если не выбросим, все погибнем.

Аполлон просил переждать: он все еще надеялся. И как винил себя, простить не мог, что согласился везти с собой Тахию. Аполлон убеждал не трогать царицу.

— Буря утихнет.

А буря ярилась, — люди ожесточились.

Люди стали, как змеи.

И Аполлон уступил.

Положили в лодку царицу Тахию, с ней под голову золото, в руки — рукописание: золото на погребение и в награду тому, кто ее похоронил. И поплыла царица Тахия по морю жертвою моря.

От волны к волне, как от сестры к сестре, быстрой птицей летела лодка, и на третий день принесла волна к Ефесу.

Был в Ефесе старик доктор, именем Ефиоп. Бродил по берегу, собирал морские лекарственные травы и заприметил странную лодку. Ефиопа очень все любили, и на клич собрался народ. Выловили лодку и понесли в дом Ефиопов.

Пожалел Ефиоп Тахию, только ничего не поделать, — мертвая лежала царица. И, взяв из-под головы ее золото, пошел к гробовщику: на все золото похоронит он несчастную царицу.

Любимый ученик Ефиопов, сириец Агафон, многие годы искавший в щитовидной железе все подборие человеческой жизни, пришел в дом своего учителя обедать и узнал от служителей о мертвой царице. Глазам не веря, так прекрасна была царица — живая и неживая, начал над ней свои щитовидные опыты.

Тахия чихнула и открыла глаза.

— Не прикасайся ко мне! — сказала Тахия.

Тут от гробовщика вернулся Ефиоп.

— Учитель, — встретил его Агафон, — ты готовил царице гроб, а она, смотри!

Убедившись, что царица Тахия подлинно живая, учитель поклонился ученику.

— Превзошел ты меня, Агафон, в своей науке. Отдаю тебе все мое дело. Ты лечил бедноту, теперь позовут тебя сильные и знатные. Помни: к знатным и сильным всякий пойдет для славы и чести, бедные же побоятся звать тебя, не оставляй их.

И положил Ефиоп перед Агафоном золото царицы в награду ему.

И была большая радость в Ефиоповом доме.

Тахия, оправившись, благодарила старика Ефиопа, что не бросил ее, благодарила Агафона, что к жизни вывел, и все рассказала о себе, о своем муже, тирском царе Аполлоне, и просила Ефиопа приютить ее у себя.

Ефиоп с радостью принял царицу, как за родной дочерью ухаживал. А Агафону захотелось на ней жениться.

— Прекрасная царица Тахия, без тебя не красна мне жизнь.

И много докучал ей, угождая.

Тахия жалела Агафона.

— Не пойду за тебя замуж, Агафон. У меня и на уме такого нет. И ни за кого не пойду. Буду до смерти ждать тирского царя.

Прожив с год у Ефиопа, укрепившись щитовидным сирийским врачеванием, переселилась Тахия к Скорбящей. Там черничкой при часовне и проводила свои дни, служа Богородице, в тоске по муже: будет она до смерти черничкой ждать тирского царя Аполлона.

Темнее моря плыл Аполлон.

Во всем он винил себя, не мог простить себе загубленную жизнь человеческую — «из-за меня погибла Тахия!»

И когда прояснилось на небе, волна устоялась, была на душе его буря и пучинная темь.

Нет, ему нет пути на родину. Бежал от смерти. Смерть миновала. Но теперь ему горше смерти. И ничто его не обрадует.

У Тарса, где когда-то за щедрость он почтен был от народа и на Марсовом поле ваятелем Даилом высечен из камня стоял его образ, велел Аполлон пристать кораблю.

Аполлон остановился у старых своих хозяев — у тирского купца Черилы и его жены Гайки и просил приютить у себя дочь Палагею. В няньки взял ей старуху Егоровну. И оставил много золота и серебра на воспитание. Черила и Гайка, в бытность его

в Тарсе, много ему добра сделали и не оставят его дочь, а нянька Егоровна будет ей вместо матери.

Пристроив дочь в верные руки, Аполлон нанял корабль, выделил часть тирской дружины и велел плыть в Тир, передать от него Елавку и старейшинам власть над Тиром. Сам же вернулся на тирский корабль и с оставшейся дружиной поплыл в безвестность.

Был он тирский царь, пошел искать счастья, бежал от смерти, жил безымянным, смерть миновала. И нет у него дома, нет ему пристанища — море, беспристанное плавание, вот его безвестный путь виноватого.

VIII

В Тарсе у Черилы и Гайки жила Палагея. Стала в гимназию ходить — переимчивая в мать.

Растет царевна и ничего про себя не знает, и кто отец ее, и кто мать, не знает. В старший класс перешла, много всяких мудростей постигла, и историю, и географию, и в танцах первая, в отца.

Не нахвалятся, не налюбуются учителя, и вот еще немножко и столько глаз будет зариться: невеста из невест первая.

Как-то в Великий пост вернулась Палагея из гимназии, а Егоровна, нянька, с постной ли грибной пищи либо от поклонов чуть дышит — смерть пришла. И уже на смертном одре рассказала Егоровна Палагее о матери ее царице Тахии и отце ее царе тирском Аполлоне.

— А Черила и Гайка?

— Нет, деточка, ты у них приемыш. Царь-то, как пуститься ему в безвестность, тебя им и оставил на сбережение.

И померла старуха.

Похоронили Егоровну на берегу моря. Просила старуха, как уж быть ей при последнем издыхании: «Потрудись, деточка, похорони меня близь синего моря, там мне упокоение на красном бережку!» Палагея настояла, и исполнили нянькину волю. И всякий день, как идти из гимназии, заходила она на могилу.

Ни Черила, ни Гайка ни о чем не догадывались — им ни словом не обмолвилась Палагея. А какие думы она думала о матери. Куда ее принесла волна и жива ли, — верила, жива, где-то на острове ждет ее. И про отца думала, как плавает он по морю в безвестности, кличет мать, а все нет от нее голоса.

Вот подождите, дайте кончит она гимназию, весь свет сквозь пройдет, а отыщет мать и отца. А как они обрадуются, она узнает их.

— Мама, мамочка, где ты?

Присядет Палагея у могилы Егоровны и думы эти свои думает и горькие и такие, как сама весна-красна. Только на могилке старухиной, няньки своей и подумать ей, а дома чужая, одна, бездумная.

Не нахвалятся, не налюбуются на нее учителя, еще, еще немножко и столько глаз будет зариться: невеста из невест первая.

А была у Черилы и Гайки родная дочка Марсютка, с Палагеей погодки. Гайке и стало завидно: приемыша хвалят, а ее родное, хоть и не хаят, да против Палагеи ни во что.

И задумала Гайка извести Палагею.

А тут как-то шли подруги от обедни, народ смотрит — разговоры. Гайке все слышно.

— Хороша, — говорят, — у Гайки Марсютка, а Палагее в подметки не годится.

А другие за ними:

— И красно одета, да против Палагеи и смотреть не на что.

Задело за сердце, и в тот же день положила Гайка порешить с Палагеей, не откладывая.

Был у них ночной сторож Гаврила, забитый нуждой человек, робкий, многосемейный — двенадцать ртов в сторожке голодных, да сам с Матреной, четырнадцать душ на круг. Призвала Гайка Гаврилу.

— Ты, — говорит, — Гаврила, что такое на уме имеешь? Ты чего против барина замышляешь? Все известно. Хочешь обокрасть нас? Ну, за это ответишь, голубчик.

Гаврила в ноги: ни сном, ни духом, знать ничего не знает, и куда ему замышлять?

— Оклеветали злые люди.

— Оклеветали, не оклеветали, а вся подноготная дознана и без наказания не оставим. Ответишь! И притом у тебя фамилия персидская.

А была в ту пору война с персами, и все тарские персы, страха ради и скрыти, переделывали свои фамилии из персидских на тарские. Гаврилы же фамилия Прокопов.

— Матушка, какая же такая персидская?

— Все равно, что персидская, изменник! А хочешь избавиться от наказания и по-старому служить нам, изволь, только за это ты должен убить Палагею. Знаешь?

— Знаем.

— Убить надо девчонку. Всякий день из гимназии заходит к няньке на могилу, там и покончишь.

Что делать бедняге? — Не согласишься — пропадешь, а согласишься — грех на душу. Лучше уж грех — грех замолить можно. А то куда ребятам-то без отца — двенадцать душ, с голода подохнут. Лучше согласиться.

Улучил Гаврила подходящее время, залег на берегу моря за нянькиной могилой, и когда явилась Палагея, присела на могилу тайные думы свои думать, выскочил Гаврила из-за своей засады да пикой на Палагею.

Она на колени:

— Не губи, — говорит, — Гаврила. Что тебе я сделала?

— А вот, сыму тебе голову с плеч, тогда и узнаешь! — а сам дрожмя дрожит.

Она тихим голосом:

— Ты, Гаврила, верно, обознался. Я — Пала́гея. Ни в чем я перед тобой не виновата.

— Знаю, — сказал Гаврила, — я и сам ни в чем не виновен. Оклеветали! Двенадцать ртов голодных, на круг четырнадцать. Ребят жалко! — а сам так смотрит, — и тебя мне жалко. Да ничего не могу поделать. Твоя мать Гайка приказала убить тебя. Не убью, мне крышка.

— Дай мне хоть с белым светом проститься! — заплакала Палагея няньке своей Егоровне, — не встанет старуха из могилы, не образумит Гаврилу, — няньке предсмертную жалобу на свою злую долю выплакивала.

И когда она так плакала, прощаясь с белым светом, случилось плыли по морю разбойники поживиться и видя Гаврилу с пикой над царевной, окликнули. Гаврила с перепугу пику на земь и драла. А разбойники к Палагее, ухватили да на корабль.

Очумелый прибежал Гаврила к Гайке.

— Готово: покончил!

И проверять нечего, конечно, покончил: такой был Гаврила очумелый, как от самой злой «ханжи».

И весь вечер до глубокой ночи, сидя под сторожкой, чумел Гаврила, сам себя допрашивал, сам же себе отвечая в растери.

— Ты кто?

— Я.

— А где ты живешь?

— Кто?

— Я.

— Да кто ты?

— Я.

Едва, едва уходился, конечно, не спроста, дело ясно.

И успокоилась Гайка. И все золото, и серебро палагеено отложила дочке своей Марсютке — вот будет невеста, всякому на зависть, хоть за царя, хоть за короля, и никто не посмеет хаить.

А разбойники приплыли на остров Родос и там, под видом месопотамских купцов, выгрузили с награбленными товарами и Палагею.

Торчать на пристани, мерзнуть под ветром не пришлось Палагее — живой товар ходкий — через блудничного откупщика Поддувалу в тот же самый день попала она к блудничной хозяйке, к знаменитой на всем острове Анне Дементьевне в дом.

Анна Дементьевна ни в каком политехническом институте не обучалась и никакой химии не проходила, а приготовляла «ханжу», что твою белоголовую: через отварной картофель пропускала она денатурат так ловко, ни запаху, ни привкусу. И на сладкую фиалку и розочку дом ее от гостей ломился, а притом еще и развлечения.

Очутившись у Анны Дементьевны, все поняла Палагея и горько заплакала: лучше бы ей тогда Гаврила с плеч голову снял.

Разбойники продали Палагею Поддувале за пятнадцать золотых. Поддувала уступил ее Анне Дементьевне за сто, а Анна Дементьевна метила заработать не больше, не меньше, как все двести.

Посадила она Палагею в блудилище среди самых первых блудниц, а сама кликнула по богатым и охотникам, что в ее доме объявилась новенькая красоты писанной.

Услышал Антагор, великий князь родосский, и как стемнело, шмыг тайком в блудилище по знакомой дорожке. Его-то Анна Дементьевна и поджидала: тут не двести, а и полтысячи

взять можно, да, кроме того, подарок. Она сама ввела Палагею в особую комнату и оставила их вдвоем.

Как перед Гаврилой-сторожем у нянькиной могилы, стала Палагея перед Антагором, все ему рассказала и о своей матери царице Тахии, — как на море волной унесена, и о отце, царе тирском Аполлоне, — как в безвестности плавает по морю, кличет царицу безотклично, и о себе рассказала, — как безвинно убить замыслили и вот разбойники ее схватили, и попала она сюда.

Жалостливый был князь Антагор и хоть мало чему поверил, — за свою многолетнюю практику сколько он от всяких новеньких этих самых царских да разбойничьих повестей наслушался, рассказывали для пущего завлечения и цены ради, — все-таки пожалел Палагею.

— Чего же ты хочешь?

Тут-то обычно и начинался торг. Но Палагея об одном просила — ей ничего не надо, пусть будет жить она в лишениях и нищете...

— Ну, ладно, коли уж так, вот отдай хозяйке, это за тебя плата. Я сам еще поговорю, что-нибудь сделаем.

Отпустив Палагею, дал Анне Дементьевне сто золотых: он берет за себя Палагею, но чтобы не только что касаться к ней, а и видеть ее никто не смеет: «понимаете?»

Анна Дементьевна с княжеским кушем, да и палагеина плата оказалась целою тысячью, Анна Дементьевна была очень довольна. И с того вечера пошла о Палагее слава, как о хозяйской любимице, и все с самой хозяйки и до вышибалы Степана величали Палагею княгиней.

IX

Аполлон плыл по морю безвестно.

Там где-то стоял его родной Тир, — вспоминали ли о нем, а может, и забыли? И где-то жила одиноко, дожидаясь его, царица Тахия, а может, и не ждала?

От острова к острову, от города к городу, от пристани к пристани плыл Аполлон.

И вот почувствовал он, наступил срок — он может увидеть свою дочь Палагею, и пусть решит она: пропадать ему или вернуться в Тир?

С полным чувством, решившись повернуть свою судьбу, с сердцем, затаившимся перед часом свидания, робко, как привыкший к ударам, и уверенно, как выдержавший искус, верно направил Аполлон корабль к Тарсу.

Вечером на закате Аполлон достиг Тарса.

С палубы ему видно Марсово поле и белый камень, розовый при закате, работа Даила, увековечивший его имя. Завтра, утром, когда зазвонят к поздней обедне, пойдет он через Марсово поле знакомой дорогой к красному дому, постучит в калитку. Сердце у него замирает — не дождаться ему утра.

А Черила и Гайка, прослышав от людей о тирском корабле, нарядились в черное, сделали кислые физиономии, да на корабль. Так и есть, не ошиблись, корабль Аполлона.

А вот и сам он: какой испуганный и оробевший.

— Жива ли моя дочь?

Еще больше окислились.

— Дочь твоя давно умерла.

Кто же решит его судьбу?

Бежал от смерти, не тронула. Но смерть по пятам идет — взяла царицу, взяла царевну. Тахию он сам отдал морю, дочь — чужим людям. Или все, что он делает, не так? И пусть бы сам он бросился тогда в море и умилостивил бурю, или нет, мертвую Тахию все равно не оставили бы на корабле, нет, он с мертвой поплыл бы живой на лодке. А куда же дочь-то? Оставил бы на корабле. Чужим людям? Или так, он плавал бы на корабле и с ним его дочь, сам бы ее и воспитывал. Зачем он поверил, разве можно было отдавать за золото чужим людям? Вот и уберегли: не свое. Но он знал их, хорошие люди. Может, и хорошие, да разве кто может уберечь от смерти, если смерть захочет? Нет, в чем-то он виновен и за то ему кара. Он должен все принять и все снести и тогда будет свободен.

Аполлон дал зарок плавать еще десять лет, не выходя с корабля на землю. И просил дружину свою, не искушать: что бы ни случилось, под страхом наказания, запретил выманивать из темной каюты на волю.

И поплыл черный корабль — плыл Аполлон, куда глаза глядят.

И много плутал его черный корабль.

Неверное море, то оно ласково — плыл бы и земли не надо, а то проклинаешь минуту, когда вверился его вероломной власти.

И опять, как когда-то, море вскипело и носился корабль как щепка.

В ночь прибило волной. Поутру смотрят, Родос.

В тот день на Родосе большой был праздник, и на пристани, как стая птиц, алели праздничные корабли, к ним и подплыл печальный корабль.

Аполлон велел дружине выйти на берег, закупить в городе угощения — пусть потешатся после гроз и испытаний, — а сам остался в своей темной каюте.

Слышны песни и музыка.

«Сойди же на берег! Посмотри, как хорошо на земле, какая трава, потрогай, вдохни!» — во все уши нашептывало в темной в душной каюте.

Аполлон твердо стоял на своем вольном столпе.

И музыка тише, а песни унывней.

После парадного обеда Антагор, князь родосский, вышел к народу. Потянуло на волю и провожаемый кликами, шел по улицам к пристани, — за веселость и добрую душу Антагора любили.

— Чей это печальный корабль и почему на нем траур?

Но никто ничего не мог ответить: должно быть, ночной бурей прибило к берегу корабль.

Антагор захотел сам разузнать.

Дружина Аполлона пировала на берегу.

— Чей это корабль и почему так печален?

— Наш князь в большой печали, потому и корабль печален.

— Сегодня мои именины, подите, попросите вашего князя ко мне. Я даю большой пир, будем веселы все!

Но никого не нашлось, кто бы осмелился нарушить завет.

— Под страхом наказания наш князь запретил вызывать его из каюты. Мы поклялись.

— Дело ваше, — сказал Антагор, — вы клялись, я же свободен от клятвы! — я пошел на корабль.

И увидев Аполлона, понял, как темная печаль легла на его душу. И жалко ему стало Аполлона.

— Я князь родосский Антагор. Сегодня мои именины. Сделай милость, не откажи, пойдем со мной. Вижу печаль твою и хочу тебя развлечь.

Аполлон покачал головой: развлечь! — если бы это было возможно.

— А ты скажи, что тебя печалит?

— Все равно не поможешь, а рассказывать, только растравлять.

И вернулся Антагор один с корабля во дворец. Там гости, музыка. Веселы все. А его не веселит: не может забыть. Жалостливый был Антагор, доброй души и совестливый.

С того вечера, как откупил он на месяц Палагею, он все чаще и чаще бывал у Анны Дементьевны. И вскоре за особую плату Анна Дементьевна отпускала к нему Палагею. Без Палагеи он жить не мог. И теперь вспомнил и послал за ней.

Палагея жила у Анны Дементьевны княгиней: Антагора боялись, а главное золото, золото оберегало ее от прикосновения, но и от любопытных глаз. И чем больше привязывался к ней Антагор, тем больше сама она радовалась его посещениям.

На зов Антагора Палагея, не замедля, явилась.

Антагор рассказал ей о печальном корабле и о таинственном хозяине корабля.

— Я не успокоюсь, пока не узнаю и не рассею его темных дум. Ты одна это можешь. Пойди к нему. Вернешься не одна, все отдам, освобожу тебя.

Да она готова все исполнить, только будет ли толк?

Дружина пропустила Палагею на корабль.

Тихо вошла Палагея в каюту.

— Чего тебе надо? — удивился Аполлон.

А и вправду, такой печали она никогда не видала.

— Хочу, чтобы твоя печаль отошла от тебя. Если ты мудрый, укрепи свое сердце. От уныния гибель.

— Мудрый? — усмехнулся Аполлон, — поговорил бы с тобой, да молода еще, — и отвернувшись, вынул кошелек с золотом, — вот, возьми себе и прощай.

— Я не за этим пришла.

Аполлон поднял глаза.

И они смотрели друг на друга.

— Чего тебе надо? — забеспокоился Аполлон: что-то знакомое показалось ему в ее лице.

— Да, я молода еще... ты думаешь, горя не видала?

— Откуда ты?

Палагея закрыла лицо: ей трудно было выговорить, — и дрожала вся.

— Что с тобой? — поднялся Аполлон, — тебя обидели?

Путаясь, рассказала Палагея, как уже третий месяц живет она в доме и как князь Антагор обещал освободить ее.

— Если не одна вернусь.

Аполлон вынул еще золота, много золота.

— Все тебе! Это и без меня освободит тебя.

И оба молчали.

Там на берегу музыка — вечерние пляски.

«Иди, иди же на землю, посмотри, как хорошо, какая трава! Для чего тебе мучиться, зачем горевать? Все неверно. Одна верна — мечта. Иди, иди же на волю, на землю!»

И в тосках его сердце билось.

«Золото! — так вот что вызывает ее горькие слова и другого нет для нее у людей».

Палагея упала на колени.

— Злая судьба моя, за что так крепко держишь меня, — причитала она от оскорбленного неповинного сердца, — ты мать моя, зачем родила меня на белый свет? Зачем не взяла в море с собой? Царь Аполлон, где плаваешь, где тоскуешь? И нет такого голоса, кто бы подал родную весть тебе? Твоя дочь покинута! Твоя дочь в злой доле! И нет ей защиты. Злая судьба моя, не могу я больше, и почему сразу не поразишь меня?

Аполлон в ужасе схватился за голову, и глаз его, как тогда перед царем Антиохом, как разгадал он загадку, глаза его — закачены.

Там музыка, пляска и крики.

Или это ему снится? Или он помешался?

Палагея стояла перед ним на коленях.

— Я — тирский царь Аполлон!

X

К удивлению дружины, Аполлон, вопреки зароку, вышел из каюты. Дружине объявил он первой о своей нечаемой находке — о дочери царевне.

Восторженные клики, перебивающие музыку, услышал Антагор и поспешил на пристань. И когда увидел Палагею не одну, счастье его было безмерно.

В тот же вечер Антагор обручился с Палагеей.

И был пир на весь мир.

Веселье омрачилось было одним событием, но, в конце концов, все разрешилось к общему удовольствию.

Поддувало, блудничный поставщик Анны Дементьевны, разузнав о Палагее, кто она такая, со страху, на глазах у всех, бросился в море. Схватились да ему спасательный круг в воду. Поддувало уцепился за круг и выплыл. Но ни за что не хотел выходить на берег, а плавал, как очумелый. Покричали, покричали, видят, ничем дурака не взять, да с силком его из воды, да с кругом вместе потащили к Антагору.

— Что велишь с ним делать? — спросил Антагор царевну. Посмотрела Палагея: жалкий, весь-то до ниточки измокший, какой-то слипшийся весь, жалко смотреть.

— Пусть идет себе!

А Поддувало от радости не знает, что и делать. Поддувало оказался хорошим фокусником и потехи ради, чтобы чем-нибудь угодить царевне, пустился на всякие фокусы и так затвенел руками и ногами, что со смеху животы надорвали.

Свадьбу решено было играть в Тире: с Аполлоном и Палагеей поедет в Тир и Антагор. Всех счастливей в этот памятный день был Антагор, жених Палагеи.

И на следующий же день на изукрашенном корабле полным ходом поплыли —

Путь в Тир через Тарс.

Благополучно достигнув Тарса, Аполлон с Палагеей, не извещая, прямо пошли в дом Черилы и Гайки.

Не ждал ни Черила, ни Гайка. Мечта их давно осуществилась: с палагеиным золотом пристроили они дочку, выдали свою Марсютку за богатого тарского вельможу и жили спокойно, благодаря Бога. Нет, и думать не думали они о таких гостях.

И когда увидели на пороге дома — Аполлон и Палагея, затряслись, обезъязычив.

— Мало вас казнить, мерзавцев! — кричал Аполлон.

А они стояли оба, старик да старуха, безъязычные, трясли головой.

— Да я бы вам, окаянным, ну, скажу только, засыпал бы вашу Марсютку золотом. Мерзавцы.

Тут вошел Гаврила сторож и в ноги:

— Прости, царевна, согрешил. Не погуби.

— Что с ними делать? — показал Аполлон на старика и старуху.

А на них смотреть жалко.

— Прости им!

И не тронул Аполлон стариков, а Гавриле дал шапку золота да корзину с гостинцами ребятишкам.

Как очумелый, бежал по берегу Гаврила за кораблем.

— Кто ты?

— Кто?

— Я.

— Куда бежишь?

— Кто?

— Я.

И когда скрылся корабль, грохнулся Гаврила о песок и лежал очумелый, пока морской ветер не охладил его.

XI

Оттого ли что стояло ненастье, или от душевных волнений, перехватило у Аполлона горло, и весь он расхворался. Решено было остановиться в первом попутном городе.

И судьба привела в Ефес.

— Кто у вас самый первый доктор?

— Есть у нас сириец Агафон, самый первый, только его никак не дозовешься.

— Захворал тирский царь Аполлон.

— А! Это дело другое. К царям да вельможам кто не поедет!

Послали за доктором. И вправду не успел посланный на корабль вернуться, явился доктор.

Болезнь оказалась пустяковая, ничего опасного. Но будь и самой опасной, забыл бы Аполлон и самую лютую боль: от сирийца Агафона узнал Аполлон о царице Тахии.

Позвал Аполлон Палагею:

— Твоя мать нашлась, а вот кто ее спас!

И снова все рассказал Агафон о царице Тахии, помянул и учителя своего Ефиопа и только в одном не признался, что хотел жениться на царице.

Решено было сейчас же идти к Тахии.

— Вон на том холме часовня Скорбящей! — показал доктор и предложил подвезти.

Но они отказались.

— Я понесу ей серебряный венок, а ты зеленую ветку!

Палагея не могла слова сказать от радости: сейчас, вот сейчас, наконец-то, она увидит свою мать!

С большими дарами отпустил Аполлон доктора, а Палагея за мать поцеловала его, как звезды, сирийские глаза.

И они пошли: Аполлон за серебряным венком, Палагея за зеленой веткой.

Тахия сидела у часовни, бесчастная, переговаривала тихо с тихими птицами о счастье.

— Что такое, милые други, счастье на земле в сем горьком свете?

Птицы ей отвечали:

— Солнышко светит и светится море. Корму у нас, слава Богу, и все наши птицы сыты. Вот наше счастье. Только никогда так не скажешь: всегда с тобою тревога — вон облачко, гроза будет, вон летит коршун, в скрыти ли дети? И лишь потом, как начнешь вспоминать, тут и помянешь, тут и скажешь: какое это было счастливое время, какое у нас было счастье! Счастье всегда потом.

— То же и это, ведь счастье, други, когда начинаешь думать, как это станет, наконец, то, чего так хочешь.

— Верно. Верно! Счастье и потом, счастье и затем, счастье мечта и память. А сию минуту — тревога.

— А вы знаете, в чем мое счастье?

— Мы не знаем, — признались птицы: это наш брат и не знает, а скажет, а что пичужки, что зайцы, зверье, они никогда.

— Если бы настал такой день, такой час, такая минута и пришел бы сюда тирский царь Аполлон.

Птицы закричали: не то между собой, не то так, слов они не знали, какие сказать, про царя Аполлона они ничего не слыхали, а так ничего не ответить тоже нехорошо, вот и чирикали, словно жалели.

— А я часто думаю: не дождаться мне.

— Дождешься! — сказала какая-то птичка: она только, только что с моря, села у часовни.

— Вот мое счастье!

Тахия подняла глаза и остановилась, — не шелохнется.

— Дождешься, идут.

По зеленой тропке подымался Аполлон с серебряным венком, а с ним Палагея. И не узнала, не почуяла Тахия, что не жена, а дочь ее идет об руку с Аполлоном.

«Так вот оно как, а я-то ждала!»

И кольнуло ей в сердце — дышать нечем.

— Други, птицы, — вскочила Тахия и просит, как дети: пустите меня!

И пробудилась.

Две белые птицы и она, как птица, летит над землею.

«Неразумная ты, посмотри, это дочь твоя!»

И увидела Тахия: там на коленях перед ней, перед ее маленьким телом, Аполлон и та.

— Это моя дочь?

— Палагея.

И запечалилась Тахия, затужила и увидела Тарс, красный дом Черилы и Гайки, Палагею гимназисткой, Егоровну няньку и могилу нянькину, и как стоит Палагея на коленях, а над ней с пикой Гаврила сторож, морских разбойников, Поддувалу.

Она летит, а столько видит и то, что было, и то, что есть, так ясно, близко, будто совсем рядом над ее маленьким телом Аполлон и Палагея. И так ей хочется обнять свою дочь— она ни разу в жизни не прикоснулась к ней. Подошел доктор. Это Агафон сириец, он спас ее когда-то. Нет, тут и он бессилен. И его щитовидный опыт непобедимое не одолеет.

И заплакала Палагея, и Агафон сириец заплакал.

А она все летит и с ней две белые птицы. Тоска подкатывает к сердцу и так бы плакать ей, как заплакала дочь, а слез нет — жжет.

И увидела она Антиохию Великую — она раньше никогда не видала великий город Антиоха, — и среди города башню, а в башне, как звезда из ночи, светит царевна Ликраса.

«Какая несчастная!»

И увидела Аполлона, он стоял в звездном свете печальный.

И от тоски ее всю скрутило, дух зашел, и в то же мгновенье, как молния, пронзило ее, и вновь, как пробужденная, точно вы-

скочила она из тугущих тисков и было легко ей. Спутников своих она не узнала, это были другие. И с ними легкая она летела, благословляя землю, мир и судьбу.

XII

На холмике у часовни Скорбящей похоронили царицу Тахию: ее сердце, обнадеженное, вдруг испуганное, не вынесло.

Аполлон раздал много золота на помин души ее и поплыл из Ефеса в Кипр.

Жив был старый царь Голифор и царица крикунья.

Поплакали, погоревали старики о дочери, а утешались внучкой. Вот не чаяли, не гадали! Отдал царь Голифор Аполлону свою кипрскую землю, только обязательно, чтобы внучка осталась при них.

Аполлон обещал.

— Да ты забудешь! — пристали старики.

— Ну, вот еще, сказал, не забуду, и не забуду.

Конечно, старикам никакого и царства не надо, была бы с ними внучка.

Был дан пир. Большое веселье. Развеселился и Аполлон. И вдруг вспомнил о рыбаке — все представилось ему: его первое утро на Кипре и рыбак Лукич.

«Я тебя от смерти спас, ты мне теперь раб!» И как тогда в первый же день повезло ему и, прощаясь с Лукичом, он обещался не забыть. «А и забудешь, я привык!» вспомнились и слова Лукича, привыкшего к немилостивой судьбе и нашей изменчивости. И как Лукич оказался прав: ведь забыл. И всего-то раз вспомнил, да и то в такую минуту — пришла весть о свободе, до того ли было, сейчас же и забыл.

Аполлон послал разыскать рыбака.

И нашли, явился старик.

— Лукич!

— Лукич давно помер. Я Никон Лопух.

И рассказал Никон Лопух, как часто поминал Лукич о тирском царе, как царь ему в рабы достался, много чудесного.

— А мы мало чему веры давали, думали себе, сказкой тешится. А оно, стало быть, так все и оказалось.

— Лукич был прав.

Наградил за Лукича Аполлон Лопуха, простился со стариками, еще и еще раз пообещал отдать им дочь, да на корабль в путь-дорогу, в Тир.

Еще с Кипра был послан вестник в Тир. И на пристани встретил Аполлона Елавк со старейшинами. И при ликовании всего народа передал Елавк Аполлону власть над Тиром.

Живо сыграли свадьбу. И на пиру всех счастливей был князь Антагор, зять Аполлона. И проводил Аполлон зятя и дочь на Кипр царствовать у стариков на Кипрской земле.

И опять остался один тирский царь Аполлон.

Услышали в Антиохии Великой о возвращении Аполлона, и долго терпевший народ восстал против царя Епиха, лисавого Луки Малоубийского, и прогнал его с его обезьяньей царицей Хлывной вон из Антиохии. Заперли город и снарядили послов в Тир: быть сирийским царем в Антиохии Великой тирскому царю Аполлону.

Старейшины уговорили Аполлона.

И выступил Аполлон с большим войском в Антиохию. Народ отворил перед ним городские ворота и с великой честью передал царство.

Аполлон вошел в башню, где томилась царевна Ликраса.

Звездой из башенной тьмы сияла Ликраса.

— Здравствуй, царевна!

Царевна с отчаянием посмотрела: она давно ко всему готова.

— Или не узнаешь? Я тирский царь Аполлон.

С горечью ответила царевна:

— Делай скорей, что задумал, я молила о смерти.

— Не смерть, а жизнь тебе дам.

Аполлон протянул к ней руки.

А царевна, как мертвая, — какая ей жизнь!

— Ты оттрудила свой грех, а меня дочь. Будем жить вместе, царевна.

Царевна смотрела молебно: это правда, она оттрудила? И стоял Аполлон в звездном свете печальный.

В Тир Аполлон не вернулся. Он женился на царевне Ликрасе и остался с ней в Антиохии Великой. А Тир передал своему другу Елавку за его верность.

И благословил народ мудрого царя Аполлона. И было то время счастливой порой и расцветом Великой Антиохии.

3. Царь Аггей

I

В Фелуане царствовал царь именем Аггей, единый подсолнечный, прегордый царь.

От моря и до моря, от рек и до конца вселенной простиралось его великое царство и много народа всякого — и молодых, и стариков, жен и детей жили под его волей.

Стоял царь за обедней и слышал, дьякон читает:

«Богатые обнищают, а нищие обогатятся».

В первый раз царь услышал и поражен:

«Богатые обнищают, а нищие обогатятся!»

— Ложь! — крикнул царь — я царь — я обнищаю? — и в гневе поднялся к аналою и вырвал из евангелия лист с неправыми словами.

Большое было смятение в церкви, но никто не посмел поднять голоса — царю как перечить?

Царь Аггей в тот день особенно был в духе — на душе ему весело и он все повторял, смеясь:

— Я, царь Аггей, — обнищаю!

И окружавшие его прихвостни, подхалимя, поддакивали. А те, кто знал неправду и хотел бы сказать, да как царю скажешь? — страшна немилость.

По обеде затеяли охоту.

И было царю отрадно в поле. Сердце его насыщалось гордостью:

— Я, царь Аггей, — смеялся царь, — обнищаю!

Необыкновенной красоты бежал олень полем. И все помчались за оленем. А олень, как на крыльях, — никак не догонишь.

— Стойте, — крикнул царь, — я один справлюсь!

И поскакал за оленем. Вот-вот догонит. На пути речка — олень в воду. Царь с коня, привязал коня, скинул платье и сам в воду, да вплавь — за оленем. Вот-вот догонит.

А когда плыл царь за оленем, ангел принял образ царя Аггея и в одежде его царской на его царском коне вернулся к свите.

— Олень пропал! Поедемте домой.

И весело промчались охотники лесом.

II

Аггей переплыл реку — оленя нет: пропал олень. Постоял Аггей на берегу, послушал.

— Нет, пропал олень. Вот досада!

И плывет назад.

А как выплыл, хвать, — ни одежды, ни коня. Вот беда-то!

Стал кликать, — не отзываются. Что за напасть! — нет никого. Вот горе-то!

А уж ночь. Хоть в лесу ночуй. Кое-как стал пробираться. Иззяб весь. А уж как солнышка-то ждал!

Со светом выбрался Аггей из леса.

Слава Богу, пастухи!

— Пастухи, вы не видали моего коня и одежды?

— А ты кто такой? — недоверчиво глядели пастухи: еще бы, из лесу голыш!

— Аз есмь царь ваш Аггей.

— Давеча царь со свитой с охоты проехал, — сказал старый пастух.

— Я царь Аггей! — нетерпеливо воскликнул Аггей.

Пастухи повскакали.

— Негодяй! — да кнутом его.

Пустился от них Аггей, — в первый раз зарыдал от обиды. Едва дух переводит. Пастухи вернулись к стаду. А он избитый поплелся по дороге.

Едут купцы:

— Ты чего нагишом?

А Аггей сказать о себе боится: опять поколотят.

— Разбойники! Ограбили! — и голосу своего не узнал Аггей: сколько унижения и жалобы!

Сжалились купцы, — а и вправду, вышел грех, не врет! — кинули с возу тряпья. А уж как рад-то был и грязному тряпью, — ой, нехорошо у нас в жестоком мире! — в первый раз так обрадовался, и не знает, как и благодарить купцов.

Голодранцем день шел Аггей, еле жив.

Поздним вечером вошел он в свой Фелуан.

Там постучит — не пускают, тут попросится — гонят. Боятся: пусти такого, еще стащит. И одна нашлась добрая душа, старушонка какая-то: если и вор, украсть-то у нее нечего, а видно несчастный! — приняла его, накормила.

Никогда так Аггей не ел вкусно — пустые щи показались ему объяденьем. Присел он к печке, обогрелся, — ой, нехорошо у нас в жестоком мире! — отдышался, все молчком, боится слова сказать, а тут отошел.

— А кто у вас, бабушка, царь? — робко спросил.

— Вот чудак! Или ты не нашей земли! Царь у нас Аггей.

— А давно царствует царь Аггей?

— Тридцать годов.

Ничего не понимает Аггей: ведь он же царь Аггей, он царствовал тридцать лет. И вот сидит оборванный в конуре у старухи. И никто не признает его за царя, и сам ничем не может доказать, что он царь. Кто-то ловко подстроил, назвался его именем, и все его ближние поверили. Написать царице письмо, помянуть то их тайное, что известно только ей и ему, — вот последняя и единственная надежда! — по письму царица поймет и обман рассеется.

Аггей написал царице письмо. Переночевал и другую ночь у старухи. Ну, до царицы-то письмо не дошло. Нагрянули к старухе полунощные гости и, как пастухи, жестоко избили Аггея — выскочил, забыл поблагодарить старуху.

Бежал ночь без оглядки. А вышел на дорогу — кругом один, нет никого.

«Я, царь Аггей, — обнищаю!»

Вспомнил все и горько заплакал.

Был он царем, был богатый — теперь последний человек. Никогда не думал о таком, и представить себе не мог и вот знает: что такое последний человек!

III

Ангел, приняв образ царя Аггея, не смутил ни ближних царя, ни царицу: он был, как есть, царь Аггей, не отличишь. Только одно забеспокоило царицу: уединенность царя.

— Есть у меня на душе большая дума, я один ее передумаю и тогда будем жить по-старому! — сказал царь-ангел царице.

Успокоил царицу.

И никто не знал, что за царь правит царством и где скитается по миру царь их Аггей.

А ему надо же как-нибудь жизнь-то свою прожить. Походил он по жестоким дорогам голодом-холодом последним челове-

ком, зашел на деревню и нанялся батраком у крестьянина лето работать. А крестьянское дело тяжелое, — непривычному не справиться. Побился, побился, — плохо. Видит хозяин, плохой работник, и отказал.

И опять очутился Аггей на проезжей дороге, кругом один. И уж не знает, за что и браться. И идет так дорогой, куда глаза глядят.

Встречу странники.

— Други, нет мне места на земле!

— А пойдем с нами!

И он пошел за ними.

Вечером вошли они в Фелуан. Остановились на ночлег и велели Аггею топить и подавать воду. До глубокой ночи Аггей ухаживал за ними. А когда все заснули, стал на молитву и в первый раз молитва его была ясна.

Вот он узнал, что такое жизнь на земле в жестоком мире, но и его, последнего человека, Бог не оставил, и ему, последнему человеку, нашлось на земле место, он и будет всю свою жизнь до последней минуты с убогими, странными и несчастными, помогать им будет. И благодарит он Бога за судьбу свою. И ничего ему теперь не страшно — не один он в жестоком мире.

И когда так молился Аггей в тесноте около нар, там, в царском дворце, вышел Ангел в образе царя Аггея из своего затвора к царице, и светел был его лик.

— Я думу передумал мою. Будет завтра пир у нас.

И велел кликать наутро со всех концов странных и убогих на царев пир.

И набралось нищеты полон царский двор. Пришли и те странники, которым служил Аггей. И Аггей пришел с ними на царский двор.

И поил, и кормил их царь.

А как кончился пир и стали прощаться, всех отпустил царь и одного велел задержать — мехоношу.

И остался Аггей и с ним Ангел в образе царя Аггея.

— Я знаю тебя, — сказал Ангел.

Аггей смотрел на Ангела и было чудно ему видеть так близко свой царский образ.

— Ты царь Аггей, — сказал Ангел, — вот корона тебе и твоя царская одежда, царствуй! — и вдруг переменился.

И понял Аггей, что это — Ангел Господен.

Нет, ему не надо царской короны, ни царства: он до смерти будет в жестоком мире среди беды и горя, стражда и алча со всем миром.

И слыша голос человеческого сердца, осенил его Ангел и с царской короной поднялся над землей.

И пошел Аггей из дворца на волю к своим странным братьям.

И когда проходил он по темным улицам к заставе, разбойники, зарясь на его мешок, убили его. Искали золота — и ничего не нашли. А душа его ясна, как золото, пройдя жестокий мир, поднялась над землей высоко.

4. Авраам

I

Когда настал срок жизни Авраама, сказал Господь архистратигу сил небесных, вятшему от ангел, Михаилу:

«Иди к Аврааму, другу моему, скажи Аврааму: отойти он должен от мира сего, да распорядится о доме своем прежде конца».

И стал архистратиг на пути к дому Авраама.

И нашел архистратиг Авраама: сидит на поле. А был Авраам в больших годах. И поклонился архистратиг Аврааму.

И не знал Авраам, кто это.

— Откуда ты?

— Путник я.

— Путник, присядь со мной, — сказал Авраам, — я велю привести коня и мы поедем домой. Уж вечер, отдохнешь, а назавтра в путь.

— А как имя твое? — спросил Михаил.

— Звали меня Аврам, но Господь переменил имя мое, и зовусь я не Аврам, а Авраам.

Авраам позвал отрока привести коня ехать домой.

— Не надо, — сказал Михаил, — мы и так дойдем. И они пошли, архистратиг и Авраам.

* * *

И когда проходили они мимо дуба — многоветвистый дуб стоял при дороге — от ветвей слышен был глас: «Возвести, к ко-

му послан!» Слышал архистратиг, слышал и Авраам. И затаил Авраам в сердце таемное слово.

* * *

И когда пришли они в дом, призвал Авраам рабов своих.

— Идите в стадо, выберите лучшего барашка и приготовьте нам вкусных кушаний на ужин.

И пошли рабы исполнять волю господина своего.

Сказал Авраам сыну Исааку:

— Налей воды и принеси умывальницу, омоем ноги гостю. Чую, в последний раз.

Слыша слова отца, загрустил Исаак, пошел, принес воды в умывальницу.

— Что это, — заплакал Исаак, — сказал ты: «в последний раз омою ноги гостю!»

И Авраам заплакал.

И архистратиг, видя плачущих Авраама и Исаака, заплакал с ними. И слезы архистратига падали, как камень.

Вошла Сарра, жена Авраама.

— Что такое? О чем?

— Ничего, Сарра, — сказал Авраам, — будем пить и есть с нашим гостем.

II

Когда солнце погрузилось в море и взошла луна, и звезды, пламенные птицы, разлетелись по небу, оставил архистратиг Авраама, звездой поднялся на небеса: с заходом солнца приходят все чины ангельские на поклонение к Богу, Михаил же среди них первый.

«Послал Ты меня, Господи, к Аврааму возвестить исход его телесный, не мог я исполнить, друг он Твой и праведен, странных приемлет. Господи, пошли ему смертную память да сам уразумеет о своем часе, а не от меня слышит горестное слово».

И сказал Господь Михаилу:

«Иди, будь в доме Авраама. Увидишь его за трапезой. Ешь и пей с ним. Я вложу память смертную в сон Исааку — глубоко на сердце».

Архистратиг вернулся к Аврааму и нашел великое пиршество.

И ел архистратиг и пил с Авраамом.

И когда окончилась вечеря, велел Авраам Исааку приготовить постель гостю. И возжег светильник и сам повел гостя.

И в доме Авраама все затихло, тихие дороги протянулись от дверей во все концы — путь сна.

И когда после полночи, потрясшей вселенную великим священным ужасом, наступил час покоя всего живущего, встрепенулся Исаак от сна и с криком бросился к Аврааму:

— Отопри, отец! Ты еще жив? Не отняли тебя?

Авраам отпер дверь.

И Исаак с плачем припал к отцу.

Заплакал и Авраам.

И архистратиг, видя плачущих Авраама и Исаака, заплакал с ними. И падали слезы его, как огонь.

Вошла Сарра:

— Дурные вести? Лот помер?

— Нет, Сарра, я не принес дурные вести, — сказал архистратиг, — Лот жив.

И поняла Сарра: не похожа речь гостя.

И сказала Сарра Аврааму:

— Перестань плакать! Или не разумеешь о госте? Зачем слезы! Или не видишь, какой свет светит в нашем доме?

— Откуда ты знаешь о этом человеке?

— Он один от тех трех, — отвечала Сарра, — помнишь, отдыхали у нас под дубом, ты им заклал тельца.

— Правда. И я, омывая ноги гостю, подумал: «эти ноги я омывал тогда под дубом!»

И Авраам и Сарра смотрели на своего странного гостя.

И сказал Авраам:

— Кто ты?

И архистратиг вдруг переменился.

И было видение тела его, как сапфир, а взор лица его, как хризолит, а волосы на голове его, как снег и как облак, и одеяние риз его, как багор, и жезл золот в руке его:

— Я сын света, архистратиг сил небесных, Михаил.

Авраам смотрел на небесного гостя и дивился свету.

— Зачем ты пришел к нам?

— Пусть тебе скажет это сын твой.

И сказал Исаак:

— О, что мне приснилось! Я видел: столп посреди двора — солнце и месяц сияли на голове моей. И вот велик муж сошел с небес, светя, как сам свет, взял солнце с головы моей, а лучи оставил мне. «Господи, не отнимай от меня света моего!» — заплакал я. И сказал мне Господь: «Не плачь. Я взял свет дому твоему: он пойдет от труда на покой, от низа вверх, от тесноты на простор, — к свету от горькой тьмы». — «Господи, бери и лучи с ним!» И сказал мне Господь: «Я возьму лучи, когда скончает семь тысяч лет — а тогда воскреснет всякая плоть!»

— Воистину, — стал архистратиг, — солнце — отец твой: на небеса возьмется дух его, а тело останется на земле. Авраам, распорядись о своем доме: час грядет!

И сказал Авраам Михаилу:

— Если исход мой близок, я хотел бы еще в этой жизни прежде смерти взойти на небеса и видеть все дела, какие сотворил Господь на небеси и на земли.

Отвечал Михаил:

— Сам не могу я исполнить твоего желания. Я скажу Владыке, Богу всемогущему, и да будет воля Его.

И взошел архистратиг на небеса.

И повелел Господь архистратигу:

«Вознеси Авраама и все покажи ему, и чего ни попросит, исполни: друг он мне».

Силою духа поднял архистратиг облако и на облаке понес Авраама за твердь на Окиан-реку.

III

И увидел Авраам двое врат: малые и великие; а между вратами на престоле муж в сонме ангелов: то плачет, то смеется.

— Кто это велик муж на престоле, ангелы окрест его, и плачет и смеется, и плач его в семькрат сильнее смеха?

И сказал Михаил:

— Ты видишь тесные врата и другие врата широкие: тесные врата ведут в жизнь вечную, а широкие — в пагубу; муж же на престоле, Адам, первый человек. Богом ему назначено созерцать души, исходящие из телес. Когда видишь его — смеется, разумей, видит он души, ведомые в рай; а когда видишь— плачет, разумей, видит он души, ведомые в пагубу; а что плач его заглушает смех, разумей, в семькрат больше душ идет в пагубу.

— И не может никто широкими вратами пройти в рай?

— Никто.

И воскликнул Авраам:

— Горе мне! Не пройти мне через тесные врата: телом велик я, а в такие— разве дети пройдут!

— Не тужи, ты и все подобные тебе, вы войдете в них, как дети.

Смотрел Авраам и дивился.

И вот показалось: ангел Господен провожал семьдесят тысяч душ и одну душу нес на руках и вогнал ангел семьдесят тысяч душ в широкие врата.

— Неужто все в пагубу? — спросил Авраам.

— Пойди и испытай, — сказал Михаил, — если найдешь достойную, выведи.

И повел архистратиг Авраама к широким вратам — душам погибельным.

Пытал Авраам о делах их — и ни одной не нашел достойной.

— А та душа, что держал на руках ангел Господен?

— Обоюдная, — сказал архистратиг, — грех ее был равен ее добродетели, и нет ей места ни в раю, ни в пагубе: останется стоять между врат до последнего суда.

— Ангел Господен, провожавший семьдесят тысяч душ, он же и душу вынимает из тела? — спросил Авраам.

— Нет, то ангел смерти; ангел смерти ведет душу на судное место.

И повел архистратиг Авраама к месту, где творился суд над душами человеческими.

И слышно было, как чья-то душа вопила:

— Помилуй, помилуй меня.

Сказал судия:

— Как мне тебя помиловать? Разве ты свою грешную сестру миловала?

— Я не при чем, — брыкалась жестокая, — меня оклеветали.

Сказал судия:

— Принесите записи.

И херувим принес две книги.

А был там муж велик, имея на голове три венца — венец на венце; держал он в руке златую трость, а призвали его свидетельствовать.

Сказал судия:

— Обличи грехи этой жестокой души.

И разгнув книги и поискав дела обличенной, отвечал свидетельствующий:

— О, жестокая, говоришь, оклеветали тебя! Не ты ли во лжи и лести прожила свою жизнь? Где милости, тобой сотворенные? Кого ты утешила? С кем радовалась, с кем печалилась? Никого не пожалела — ни единого из несчастных в сем горьком мире.

И грех за грехом обличал он, какие совершала душа и в какой час.

— Горе, горе мне! — вопияла обличенная, — вижу, ничего не забывается.

А два гневных демона взяли душу и хвостя и копыся, мучили.

— Кто судия и кто свидетельствует?

— Судия Авель, а свидетельствует Энох, учитель небесный и книгочий праведный: его поставил Господь записывать беззакония и правду каждого.

— А может ли Энох из жалости выгородить душу?

— Никак. Не от себя Энох свидетельствует — Господь указывает. Взмолился Энох к Богу: «Не могу душам свидетельствовать, да никому не буду в тягость!» И сказал Господь: «Повелеваю тебе, пиши грехи в книги и обличится душа делами своими, и всякий получает по делам своим».

И облак понес Авраама с места судного на твердь.

* * *

Посмотрел Авраам на землю — и как ясно ему все скрытое там от живых человеческих глаз! И какая ложь, и какое предательство, и какой обман, какая душевная низость, и нищета духа и бессовестье, — все увидел он по всем земным концам.

Он видит: клянется человек человеку, чтобы клятвою обольстить сердце, зло надругаться над уверенным сердцем.

— Да снидет огнь и изожжет его! — воскликнул Авраам.

И сошел огонь и сжег обманщика.

И видит Авраам: хочет человек выгородить свою подлость и валит вину на невиновного.

— Да разверзнется земля и поглотит его! — воскликнул Авраам.

И потряслась земля и провалила клеветника.

И видит Авраам человека, вышедшего на торжище обольщать словом простые доверчивые души.

— Зверь пустынный, приди растерзай его! — воскликнул Авраам.

И прибежал из пустыни зверь и боднув растерзал обольстителя.

И другие беззакония — бесчисленные: бессовестность, недумание, черствость и скаредность, подлость человеческую Авраам нещадно карал.

И видя Господь, что и малое видя, погубил Авраам в гневе не мало из живущего на земле в сем горестном веке, воззвал к архистратигу:

«Верни Авраама на землю: погубит он живую тварь. Не он создал, не ему и карать. Аз — долготерпелив, щажу создание мое и воздаю всякому по его судьбе».

И по слову Господню вернул архистратиг Авраама на трудную землю.

IV

И когда наступил последний час и подходила последняя минута жизни Авраама, сказал Господь архистратигу:

«Укрась нарядно смерть, пошли ее прекрасной к другу моему, да не устрашит его, а будет нежна, как мать!»

И исполнил архистратиг повеленное: цветом моря и вечерней зари нарядил он беспощадную разлучницу, вдохнул в ее гробовую грудь свежесть росных полей, пролил липовый мед в ее гиблый яд.

И она, горестная, в венке из полевых цветов, стала перед другом Божиим, нежна, как мать.

Авраам поднялся в тревоге.

— Кто ты?

И смутился дух в нем.

— Я не для всех такая, — сказала смерть.

И смутился дух в нем.

— Откуда венок у тебя? (— поля мои родимые!).

— Нет никого изгнилее меня! — шептала смерть.

И все ближе подходила.

Все ближе подходила последняя минута.

— Открой же, кто ты?

Смерть:

«Аз есмь гроб,
аз есмь плач,
аз есмь пагуба».

— Имя твое?

Авраам опустился на землю. Последние силы покидали его.

—- А перед другими ты какая? — спросил Авраам: он с болью раскрыл глаза и смотрел в лицо смерти.

— Му-у-у-ча-ю! — щерясь прогнусила смерть. И полевой венок упал к ее ногам.

Авраам простер руки —

И как пустынный вихрь, она столбом закрутилась над ним.

— Дела человека сплетают венец мне — в том венце я и являюсь.

Цвет моря и вечерняя заря развеялись с ее лица.

И зашипела змеевая голова:

— Я, как змея, я жалю, душу, пока не за-аму-ча-аю!

И ножи сверкнули из глаз и из ушей ее:

— Я режу, терзаю, пока не за-аму-ча-аю!

И пламя выпыхнуло из оскаленного рта, и языками, как венец, оплело пустую кость.

— Я палю, жгу, пока не за-аму-ча-аю!

Авраам на миг открыл глаза: венок из полевых цветов (— поля мои родные!) по-прежнему лежал на голове разлучницы.

— —

— ... Из всей твари, созданной Богом, я не нашла подобного тебе ни в ангелах, ни в началах, ни во властях, ни в престолах. И во всех живущих на земле и в водах нет подобного тебе. А когда ты появился на свет, воссияла на Востоке звезда и поглотила четыре звезды на четырех небесных концах и волхвы сказали царю, родился человек и этот человек будет отцом народов. И царь давал за тебя отцу твоему Фарре золота и серебра — полон дом насыплешь!.. Но твоя мать Эдна не выдала тебя царю, сохранила тебя и три года тайно жили в пещере. И Господь благословил тебя, назвал тебя другом своим. И сделалось имя твое велико по всей земле.

И нежные руки закрыли его усталые глаза.

И стала она на колени, смерть прекрасная, и пучком полевых цветов осеняя с головы до ног друга Божьего, шептала напутствие — подорожие заветным словом Божиим:

— И благословлю тебя и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. Я благословляю благословляющих тебя; и благословятся в тебе все племена земные. Я щит твой. И награда твоя велика.

И Авраам, как во сне, предал дух свой.

И ангелы понесли душу его на вечный покой.

А тело похоронил Исаак в пещере Махпеле на поле Ефрона, славя Всевышнего.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. БАСАРКУНЫ
<Сказки Подкарпатской Руси>

1. Басаркуны

Свинья или корова — ну, а если свиней поблизости и в заводе нет, а она у тебя невесть откуда, около твоего плетня трется? Или корова — коров давно загнали в коровник, а она, глядь, корова-то по саду ходит! — и вот ты за ней бегаешь, загоняешь, да не поддается, и уж не ты, она тебя загоняет, и вдруг как в воду.

И не в свинье дело и не в корове, а кто под свиньей и коровой, вот в чем дело!

Тоже и гусь —

Тоже и баба с хвостом: в избу вошла баба — баба, как баба, нос шишечкой — а из избы вышла —

у этой самой бабы, сказывают люди,
видела хвост соседка!

Тоже и конь —

Тоже и так —

Идет раз Михайла ночью — из гостей возвращался домой в Кривы — и слышит: на дереве зуск. Прислушался — шепчут.

А как глянул — а на дереве-то четыре бабы: три из Крив, узнал своих, четвертая чебринская, из соседней деревни, и с ними какой-то, уж кто его знает. И они его увидели. Тут лег он на землю и затаился — и мирно и чутко ему, как во сне.

Слезли они с дерева.
«Слышь, — говорят, — никому не сказывай!»
А уж он — какую божбу помнил, все
и чертом и месяцем — всем побожился.
Не верят.

Бабы эти кривские, свои-то, так и наступают: чтобы значит, задавить его тут же на месте. Спасибо той чебринской. «Чего вы, — говорит, — дайте ему спокой: все равно, коли выдаст, мы его! да мы безо всякого снисхождения, за его ж столом задушим!» Пощипали, полягали и опять полезли на дерево.

Встал он с земли, встряхнулся и пошел своей дорогой.

А на другой день встречает у корчмы ту чебринскую, купил ей бутылку водки.

— В благодарность, что отстояла.

— Не стоит. У нас тоже есть совесть, — сказала баба, — зря погубить, добро потеряешь.

И спокойно пошел домой.

А навстречу: идет по дороге белая свинья. И прошла свинья — идет белый конь. И конь прошел — идет белый гусь, —

а это были они самые на свое басаркунье сходбище!

Михайла и черта видел!

Шел он раз мимо корчмы. А было темно, ветер, дождь — жуткий час. И видит: стоит под дверью —

шляпенка лодочкой — муха сдунет, вязаная черная жилетка, и сапоги в руках, никто, как черт!

2. Упырь

Ни баба с хвостом, ни черт с сапогами, ни басаркунья порода, ни свинья, ни корова, ни конь, ни гусь, а упырь! — Инцик упырей не раз видел и знает все их повадки.

Нанялся Инцик сторожить на реке ночью плоты. Пошел на реку и видит:

на самой глубине стоит по пояс черный, а ногами упирается в самое дно!

Инцик на попятный. Еще не спали, взял с собой кого-то, что сбивал бревна, и повел показать. А пришли на то место, смотрят — и уж нет его, и не человек,

корч — и качается.

А то ночью ж шел Инцик толоком. И вдруг под плотом как затрещит! —

и вылезает — и прямо на толок.

Инцик затаился —

а тот как начал коней гонять, сам ржет, как конь!

— Будет упырь греться около огня, — говорил Инцик, — на один метр дальше от огня ничего не сделает. А дай ему хлеба и рыбы, и он пойдет прочь.

Пробовал Инцик говорить с упырем, но такой страх его взял, все слова забыл.

* * *

Едет Инцик лесом — вез рыбу на базар — а перед ним, откуда ни возьмись, какой-то, сразу-то и не узнать.

«Куда везешь?»

«На базар».

А тот понюхал воз:

«Ну, — говорит, — и рыбка! Сколько запросишь, столько и дадут. Да не забудь, купи ты мне какую одежонку».

Инцик дал ему рыбы и дальше поехал.

А по дороге до базара распродал весь воз. И так выгодно, никогда такого не бывало: подойдет который, понюхает, и, не торгуясь, — получай деньги, давай товар!

А ведь и рыба-то не скажешь, что первый сорт. И с чего это? И вспомнил он про одежонку, что обещал купить, и испугался:

купишь — пропадешь,
не купишь — пропадешь.

Думал Инцик и так и этак и решил спросить попа.

И рассказал, как встретил какого-то по дороге, и как тот посулил ему удачу —

«И все так и вышло!»

А поп и говорит:

«Да ведь это ж упырь! Но раз обещал, должен купить».

И как будто стало спокойно: покупать так покупать! И уж он на толкун ткнулся —

И опять взяло раздумье: стало быть, это упырь! А что рыбы ему дал, это ничего, но одежду? — про это что-то не слышно. И какое платье, фасон, упыри носят? —

купить-то купишь, а не потрафишь, и опять
пропал!

И стало ему так: лучше бы и рыбы не продал, а то гнилью людей смутил, и хоть домой не возвращайся!

Трезвый, и не только в корчме посидеть, а норовил от соблазна обходить корчму, хотя бы и крюку дать, а тут пошел в корчму. А там полно — базар. И рассказал он, какая ему удача —

«Весь воз распродал, и так выгодно, никогда и не думал».

А те требуют угощения —

«Спрысни!»

Поставил он штоф.

И когда угостились — стало свободно — он и открылся, что посулил упырю одежонку, и как ему быть.

«Покупать или нет?»

«А как же можно? Человек тебе добро сделал, а ты его не уважишь. Конечно, покупать».

И так это они дружно сказали: «покупай!» — Инцик, не выходя и из корчмы, сторговал у одного гимнастерку. Заплатил деньги. Спрыснул покупку. И навеселе поехал он.

А уж ночь —

> И ехал ничего, да на том самом месте, где поутру встретил, видит: как из-под земли стал, ждет. Инцик ухватил с воза гимнастерку, да не говоря ни слова, тычет ему — получайте!
>
> А тот рукой: не надо!
>
> В чем дело? — не понимает Инцик. «А ты, — говорит, — зачем к попу ходил? Мне это неприятно. И не возьму, не надо! Хотел тебе семь слов сказать, а вижу, и одного не стоишь». А Инцик: «оп» да «уп» — все слова-то и забыл.

И не помнит, как домой вернулся.

* * *

— Упырь, — говорил Инцик, — человеку годен, как конь годен и пес годен. Кто рыбу ловит, дает упырю есть рыбу. И потом рыбы много будет, возом вози.

Инцик ловил рыбу и кормил упыря рыбой и никогда без рыбы домой не возвращался.

3. Сливы

Драли девки перья в избе. И был с ними Палкан да и еще кое-кто из парней. Вот девки чего-то перемигнулись да вон из избы. А видел это Палкан да тихонько следом за ними.

Тут одна как спохватилась:

— Никто — говорит, — за нами не вышел?

— Нет, — отвечает, — никого.

— А знаешь, — говорит, — чего-то мне спелых слив захотелось!

— Да на чем же нам съездить?

А Палкан все слышит, только не понимает: куда это съездить?

А стояла на дворе зварыльня — котел, в котором белье парят — они на эту зварыльню и вскочили. Ну, не будь дурак и Палкан к ним — на краешек. А как засели — зварыльня и пошла — —

так и идет — как на моторе. И очутились они в саду. Зима была, а тут все зелено, деревья, трава, цветы. Девки соскочили и прямо на сливы. Тихонько и Палкан за ними и тоже на сливу, да целый сук со сливами и отмахнул, и себе под свитку. Наелись девки слив и опять на зварыльню — и он за ними. Притаился. А зварыльня пошла — и шла, как в сад, так и из сада без остановки.

Не успели и оглянуться, как очутились на том же самом месте у избы. И опять девки в избу — драть перья. И Палкан в избу.

И говорит Палкан парням:

— Ели, — говорит, — вы, товарищи, такие сливы — — ?

Да из-под свитки этакий сук и вытащил — потряхивает, а сливищи, во! пуд!

Все так и ахнули.

А те девки поникли: поняли, откуда это он про сливы.

Одна Палкану и поманила:

— Подь, — говорит, — сюда!

Да за руку его да из избы. И другая за ней.

— Хошь жить или не? — говорят.

— Чего? — говорит, — жить или не?

— А вот чего, не! ты чтоб никому не говорил, что там с нами был и сливы ел, слышь? — да как огнем его по глазам, инда искры посыпались.

И с той поры Палкан, как воды в рот, и не только о сливах, а ни о каких фруктах слова боялся сказать. А затеят при нем фруктовые разговоры, он так глядит, будто и не слышит.

А раз прошибся —

Случилось ему в дороге: попросился он на ночлег, — и пустили. Хозяйка молодая вдовая, ну и пошли всякие разговоры. А уж время позднее. Куда его девать?

— Иди, — говорит, — на подлавку.

А на подлавке чего-то все дуркало.

Прислушаются: дуркает! Взял Палкан лампу и пошел.

И она за ним.

И когда подымался по лестнице, вдруг лампа загасла —

а его как саданет — — какие уж там разговоры.

Чуть хозяйку не придавил!

4. Ожина

Жил-был человек, и было у него два сына. А был он басаркун, да никто — и дети его про это не знали.

Нес старший сын с мельницы муку — по дороге старая пустая изба, заброшена, давно никто не жил. И странное дело: когда шел он на мельницу, ничего не видел в избе, а вот назад идет — а сидел он на мельнице не малый срок — время позднее, около полночи! — и видит, в пустой избе свет. Не утерпел, подошел посмотреть, да как заглянул в окно — а там басаркунов — полна изба:

не лучина горит, не свечей, а набрали в сметье гнилушек, от гнилушек и свет — видно: все стены обсели, тесно, уж и места нет, стоят — всякие! — есть на человека похож, а то как ощипанный курячий зад; шепчут — собрание, видно! — шук да шепот сквозь свет, как пар. И видит: за курячьим задом стоит отец — —

И все на отца:

«С тебя, говорят, Петр, жертва: чего-нибудь должен в дань дать!»

«У меня нет ничего, говорит отец, только два сына».

«Ну давай сына! А не то сам пропадешь!» (— а пропадать-то, видно, никому не хочется, — что человек, что басаркун — одинаково —).

«Одного сына дам, сказал отец, завтра пойдет в лес за дровами, я обернусь ожиной, хляснусь ему

на дороге и, как будет он меня переходить, тут я его и загрызу!»

У! — как! — загудели — и гуд, как дым, заволок избу.

Ну, тот как услышал, да скорее от окна и домой. Пришел домой, а уж все спят: и брат и отец (— это духом отец вышел и там басаркунит, а тело его спит! —). Положил мешок и лег.

Поутру рано все встали — и отец и дети.

Взял меньшой сын топор. А старший и говорит:

— Ты это куда?

— В лес дрова рубить.

— Ладно, ступай. Да хорошенько смотри себе под ноги. Увидишь ожину через дорогу, переруби ее топором.

— Хорошо, перерублю, коли увижу.

И пошел. Вышел в лес на дорогу. И так идет лесом — и видит: на самой дороге ожина да такая кустатая — через всю дорогу, и вся-то в ягодах. Тут он вспомнил, что брат наказал — а топор у него вострый! — да как махнет: и перерубил — —

а из ожины кровь —
весь топор окровавил.

Посмотрел — кровь! — и дальше пошел.

И зашел в самый лес. И как стал рубить, глядь: идет брат.

— Пойдем, — говорит, — домой: наш отец помер.

— Что? — ты — — утром ведь был здоров!

А тот и говорит:

— Я все видел: не ожину перерубил ты, отца. А не переруби, тебя б он загрыз.

И рассказал: как в пустой избе ночью басаркуны и с ними отец на собрании решили.

— Наш отец басаркун!

— — —

И пошли они из лесу домой.

А дома отец лежал мертвый.

5. Палка

Шел один человек ночью домой. А метель крутит, свистень — и в глаза и в уши. Подымался он на гору — село на горе — и слышит: музыка — скрипка — свадьбу играют! Издалека слы-

шит. Вошел в село — так и есть: свадьба. Он в избу. Народу — богато! Песни. Поздравил молодых честь-честью. Отогрелся.

И видит: кум сидит за столом.

Он к куму — —

«Куда, говорит, вы, кум, идете со свадьбой?»

«А к попу Ивану венчаться. А вы, кум, что поздно так идете?»

«Да задержался, кум: уж больно погода. Домой пробираюсь».

«Нет, я вам, кум, скажу, не ходите так поздно».

«Да чего, кум, я страха не знаю».

А тот наклонился — чего-то шепнул соседу. И видит Василий, как сосед — а сидел такой прямой старик зеленый — осел старик и под лавку: вино, видно, ушибнуло. А кум тихонько сует в руку —

«Нате вам, кум, палку, да идите скорей: доведет. А придете домой, положите под лавку».

Взял Василий палку, пора уходить. Тут и народ поднялся.

Музыка — скрипка — песни — всех вон из избы. Попрощался Василий с кумом. Кум со свадьбой в одну сторону, Василий в другую.

И стал пробираться по снегу. Шел ничего — да вдруг как загарагачет — такой свист, хряс и лязк— — ко-ло-кол! — не то бревна катают, не то доски рвут, а в загривок так и хлещет: так вот носом и ткнется в землю. Хорошо еще палка —

— — музыка — скрипка — песни — докатилась басаркунья свадьба до попова дома, стучат, зовут попа — а нет ответа. Крепче, громче — не отвечает. И огня в избе не видно. Дверь рванули — а попа дома нет. Как! дома нет? — и ну рвать и метать: кто за косяк, кто за крышу — и лом и тряс, только солома взвырнулась и пучьями, хлеща кострикой, полетела —

* * *

Не помнит, как и домой дошел.

И дома, как учил кум, положил он палку под лавку в к столу: ужинать.

— Жена, — говорит, — я видел нашего кума.

— Которого кума?

— Да Петра.

— Да где ж ты его видел? Ведь он помер!

— — — ! а он мне палку дал, вон под лавкой. Со свадьбой пошел к попу Ивану.

Тут жена так и всплеснулась: (— ведь и кум басаркун! и поп Иван басаркун! —).

— Говорила я, не ходи ты так поздно по ночам — —!

Поужинали, пошумели, легли спать.

На поле метет метель —

— всю-то ночь мело! —

А по избе шуршит —ходит Ночник — от стены к стене, от угла к углу — присматривается, принюхивается — вздохнет, заохает.

— — и видит Василий, из-под лавки вылез старик — прямой зеленый — да это сосед кума, узнал Василий, эк его как скоробило! — а старик осмотрелся и боком пошел по стенке — в стену вперся, как клин, и пропал — —

Не в ранний час поднялся Василий — жена давно на ногах у печки! Схватился Василий, заглянул под лавку, палку проверить —

а палки и нет.

— Жена, палка пропала!

— Ну вот, говорила тебе, будешь по ночам шататься!

И опять пошла мурзыкать.

Тут-то Василий и понял: какую такую палку дал ему вчера кум — не палку, басаркуна!

(—это басаркун обернулся палкой, чтобы от других басаркунов схорониться: штрафной, видно! —)

А там слышут: поп Иван вернулся, да в дом-то ему не войти — крыша вся-то издергана, стоит изба не покрыта.

— Вот они какие: и своего не пощадили!

С той поры Василий всегда засветло домой возвращался, и никогда нигде в гостях не засидится, и на ночь куда — калачом его не заманишь: будет!

6. Колесо

Под Юрья говорит отец сыну:

— На тебе, Иван, мартову поясину (—в марте прядется такая!—) Не спи ночь, сторожи скотину: в эту ночь ходят басаркуны.

— А как же узнать, что басаркуны?

— А всякий, кто будет идти к овцам — собака ли, кошка ли или конь или коза, а то, бывает, и колесом подкатит, и ты лови и вяжи за эту поясину.

— Хорошо, спать я не буду: постерегу.

* * *

Пришла ночь, не спит Иван: глазами в ночь—на сторожбе.

И около полночи показалось:

катит колесо — живо так бежит — прямо к овцам.

Тут он изловчился, хвать за колесо да к дереву да за поясину и привязал. И опять глазами в ночь — не подкатит ли еще чего? — не спит.

Стало светать, запели петухи —

и слышит: от дерева кличет — — женский голос
кличет, просит отпустить — — и нет колеса,
а стоит кто-то, просит: «отпусти меня!»

А как совсем рассвело, видит:

Марья стоит, соседская — через рот, через нос поясиной к дереву привязана—

— Отпусти! отпусти! отпусти!

— А ты чего шла?

Та и призналась:

— Шла молоко брать у овец.

— Я тебя отпущу, — сказал Иван, — научи меня ворожить.

— А ты побожись, что никому не скажешь.

— Вот те крест! — побожился Иван.

Она ему и стала рассказывать про свое — басаркунье — —

Солнце поднялось, идет отец —

а девка так вся и скорчилась — через рот, через нос поясиной к дереву привязана! — стыдно.

— Эк, басаркуня! — крикнул старик, — мое молоко воровать!

А та уж не просит, только смотрит:

«Отпусти!»

Старик долбонул ее хорошенько — — да чтоб впредь не шаталась в стадо —

— Побожись! — кричит.

— Вот те крест! — побожилась Марья.

Развязали поясину, отвязали от дерева, отпустили девку — и! пустилась без оглядки.

Иван все рассказал отцу: и как колесо катилось, и как он поймал колесо и к дереву привязал, а из колеса стала Марья, и как Марья отпустить
просила —

— Марья — басаркуня: она не то что колесом, она может козой, может и кошкой.

И в другую ночь пошел Иван сторожить скотину — теперь он все знает — он отличит какого хочешь басаркуна, его не обманешь!

— —

А наутро, когда пришел отец, — а сына и нет.

Покликал — нету! —

а Иван — там, где колесо у дерева привязано было,
у дерева мертвый: висит на поясине — задушила!
басаркуня! —

Так и пропал.

(— видно, тайна так не дается и никакой поясиной ее не взять! —)

7. Мавка

Мавка — никак не признать, но сзаду — не ошибешься: внутренности у мавки сзади обнажены. Человеку лучше не видеть, а басаркун увидит — и прямо на нее: есть! — не оторвется, пока не съест. Большая дорога не дана мавкам, а полями вдоль плетня — к плетню пристроен коровник — и ходят они за молоком или портить.

* * *

Шел Волотарь от всенощной со Страстей, нес страстной огонек. Спустила́сь у него гача, он свечку на плетень: рукой ее от ветру застит, другой за гачу — поправляет. И накапало воску

на плетень, а что сделаешь — ветер! — хорошо еще огня не задуло. Поправил он гачу, отлепил свечку и пошел домой.

В ночь под Ивана Купала возвращался он с вечерницы, идет полем и видит — сквозь туман по плетню, как фонарь кто несет, белое катится. Окликнул — не отвечает. Он догонять — а быстро так катится, не поддается. Изловчился, хвать — —

а это девка!

И рвется — а рука ее, как гвоздем прибита к плетню, кожу содрала, не может отодрать руку: это сам воск ее держит!

— — только человеческой рукой можно! — и просит: —

освободи!

Волотарь ее за руку — и рука ее отлипла.

И как глянет она из тумана — всего его дрожью осыпало!

— Я тебе этого не забуду, — сказала она. — Не просил у меня награды, так освободил, так вот тебе слово, нет, тайного слова не выдержишь, я дам тебе камень, с этим камнем тебе никто не страшен. Ты его должен носить при себе, никогда не расставайся.

Волотарь положил камень в карман, а она так — как воздух выпила — и обернулась белым облачным шаром —

покатилась белым назад по плетню в туман.

Был Волотарь не из смелых, а с этой ночи не знал страху.

Сколько раз и в лесу и в поле, в дождь и туман огонь видел и шел на огонь, не боялся: а это басаркуны хлеб себе пекли или так сходбище басаркунье. И сколько раз случалось встречать — глаза в глаза — не трогали, первые с ним раскланивались, а какой-то даже руку подал: рука колючая, как щетка.

И прошла молва: басаркуны Волотаря любят!

Идет Волотарь лесом и видит огонек. Подошел поближе — костер. А вокруг костра — голые с бородами, хвостатые, пучки волос разных и серые и черные и рыжие, в разных местах торчат, и ладони в волосах. И такое творится — не до него. На костре жарят какую-то — и рвут ее: кто за ногу, кто за руку, кто за голову —

Хотел Волотарь дальше идти, а к костру другие: еще одну тащут — лица не видать, сзади —и она так жалобно причитает — —

Он снял с себя свитку да на плечи ей.

И все отступили.

И, как тогда из тумана, глянула она через дым — так его в жар и бросило! — и обернулась огненным шаром —

огненным шаром покатилась от костра по кустам.

А когда Волотарь вернулся домой и лег, вдруг как костер осветило его: и он узнал — это она стояла над ним.

— Ты меня спас, — сказала она, — я буду к тебе приходить всякую ночь, нет, человеку такое не вынести! — я буду к-тебе приходить, обернувшись тем, кого ты пожелаешь.

* * *

Волотарь губа не дура — выбирал самых недоступных, и таких, на кого лишь глазом скользнет или встретит, и покажется ему. Все, всякая, со всей округи, из сел и деревень, приходили к нему.

как ночь, погасит он свет, а она уж ждет из
тьмы.

И всегда камень при нем и никогда не ложился он без камня. Но однажды он снял свитку — и в свитке остался камень. Потушил он свет и подумал на Ягну из Густы — — и увидел:

не Ягна, кошка смотрела на него.

«Кошка?» Он ее пугнул и она побежала. И стала бегать — и куда он ни взглянет — кошачьи глаза на него, как иголки. А не может прогнать.

Бегала, бегала и убежала в стакан. Он за ней — в стакан — надо пройти огородами по этой дорожке и тогда он попадет в тот вон дом. Он идет не один, с ним Ягна. Идут они между плетней узкой дорожкой. Темно. По дороге шалаш — там кто-то сидит, что-то делает над огоньком; огонек, как плошка. И слышит Волотарь: его называют по имени. И тянет его отозваться.

А Ягна говорит:

«Иди, это ведьма, пропадешь!»

А дальше опять шалаш — и там опять над оконьком что-то делают, и огонек, как плошка. И слышит Волотарь: задирают Ягну. Он ее за руку — «И чего это, — говорит, — так страшно?»

«А верно, — отвечает Ягна, — или полночь или близко».

А мимо какие-то пробегают и так близко: вот зацепят и разорвут! А и идти-то всего ничего осталось, вот и калитка — там сторож. И уж у самой калитки вдруг бегут ребятишки — Волотарь пригнулся — а один рукой как ударит его по руке: рука за-

горелась — «припечатал!» Волотарь хотел крикнуть, но как резина, сжало его, а в глаза ударили горящие плошки — —

— —

И наутро нашли: Волотарь мертвый.

— Задушила мавка!

II. ШАКАЛ

Сказ кабильский

1. Дрозд

Бежал шакал мимо дерева, глядь — на дереве, на самом на шпыне, гнездо: в гнезде дрозд, а под дроздом семеро дроздят — головки высунули.

Окликнул шакал дрозда.

И говорит:

— Бросай-ка мне одного сюда! А не то залезу на дерево! тебя и всех твоих паршивцев съем!

Со страху у дрозда душа в пятки — птенца он шакалу бросил.

Подхватил шакал дрозденка и гоголем побежал домой.

А на другой день опять тащится. И опять ему бросай. И получил. Так и повадился.

И всякий день — шесть ден! — подходил шакал к гнезду. И не семеро дроздят — к седьмому дню один остался.

* * *

Сидит дрозд над дрозденком хмурый, наперился — и жалко и страшно, расставаться не хочется!

А проходила теми местами лисица и видит, дрозд — чудное дело! — приостановилась.

— Чегой-то ты, акуаба? никак плачешь!

— Э-э, акуаба, как мне не плакать! Всякий день шакал ходит, шакал стращает: «не дашь, гычит, птенца, залезу на дерево и всех съем!». Было у меня семеро деток, шестерых я ему бросил и вот дожидаюсь: пожалует, изволь ему седьмого — е-один-ственный!

— Шакал? залезет на дерево?! Еще скажи: яйцо снесет! Да понимаешь ты, шакал горазд по деревам лазать, что и мы, лисицы, — нам это против природы! — никак не схитриться.

А вот явится сюда, ты ему прямо так и скажи: «сам полезай!» — и больше никаких. Увидишь, какой шакал лазун. Смешно бояться.

И лиса побежала.

* * *

А шакал тут как тут: чего-то нажрался, ладит шельма дрозденком полакомиться.

— Ну, ты-ы, — кричит дрозду, — бросай, нечего там! А то залезу на дерево и тебя заодно.

— Сам полезай! — открикнул дрозд.

— И что ж такого? и залезу!

Шакал обежал дерево — высоко гнездо! — поднялся на задние лапы. Уперся, да как отбрыкнет!

И не тут-то: только о сук хвостом шарагнул.

А дрозд ни жив ни мертв: что еще будет?

Шакал не растерялся, постойте: из веток, видал он, лестницы делают, а по лесенке куда хочешь, хоть на небо.

И сейчас же ветки ломать.

Сгреб и за работу: лестница в самый раз! — и полез.

Ветка хряснула — шакал кувырок, да мордой о пень.

А дрозд облинял весь от страху и в слезы.

Летел над гнездом орел — что за причина: дрозд — плачет?

— Ты чего плачешь?

— Шакал! шакал стребовал! шакал шестерых сожрал. Хочет седьмого — е-един-ствен-ный!

— Не плачь, я тебя в обиду не дам.

Орел принизился — всклекнул — и к шакалу.

А шакал бросил лестницу, поджал хвост покрепче, прыгает вокруг дерева, цапается — приноровиться не может.

— Чего это ты, ушен, стараешься?

— Как чего? — отсказал шакал орлу, — за пайком! Мне тут паек полагается: всякий день по дрозду. Шесть дней получал. Нынче дрозд выдавать не желает.

— А хочешь, я покажу тебе такую землю — сказал орел, — такую дроздовскую страну: дроздов там, как мух, и тебе и всему твоему кодлу не в проезд будет.

— Дроздовую страну? — шакал языком прищелкнул, — дрозд — это наше любимое лакомство! Покажи.

— А садись на меня.
— А ты меня потом спустишь?
— Спущу, садись.

* * *

Залез шакал на орла — полетели.

Полетел шакал на орле — о дрозде забыл — там их как мух, дроздовая страна!

Орел поднялся высоко.

— Ушен, посмотри-ка на землю, какая тебе земля видится?

Шакал заглянул вниз.

— Красная.

— Это бараны, — сказал орел, — твоя жертва: ты их погубил однажды.

И поднялся выше.

— Ушен, посмотри-ка на землю, какая тебе земля видится?

Шакал боязливо заглянул вниз.

— Белая.

— Это ягнята, — сказал орел, — твоя жертва: ты их погубил однажды.

Да еще выше.

— Ушен, посмотри-ка на землю, какая тебе земля видится?

А у шакала от страха в глазах черно. С тревогой заглянул шакал на землю.

— Черно! Совсем черная.

— Это козы, — сказал орел, — твоя жертва: ты их погубил однажды.

И поднялся — за облака.

— Ушен, посмотри-ка на землю, какая тебе земля видится?

Но шакал уж не смел раскрыть глаз.

— Ничего не вижу.

— Так тому и быть.

Орел рванулся — шакал соскользнул с его плеч, не удержался.

И полетел шакал вниз на землю.

* * *

Шакал чуть не помер от страху. В смертном страхе вспомнил шакал:

— Сиди — абдель-кадер-дьи-ляли, волчий пастырь! — взмолился шакал, — в озеро — либо в стог! в озеро — либо в стог! в озеро — либо в стог!

И угодил прямо в озеро.

* * *

Шакал барахтался в озере.

Попробовал прыгнуть — не прыгнешь: вода под ногами! заливает.

Шакал тонул.

— Сиди — абдель-кадер-дьи-ляли, волчий пастырь! Я дам тебе меру зерна, спаси, дай не утонуть, утопаю!

А вода уж по губы.

И вдруг ткнулся ногой о дно.

Шагнул — и еще шагнул: мельче — по шейку, по пояс —

И выбрался шакал на берег.

Отряхнулся.

— На! выкуси. Сиди—абдель-кадер-дьи-ляли! Больше нечего мне тебе дать!

Шмыгнул носом.

И побежал.

2. Кабаниха

Бежал шакал по дороге — после встряски пробежаться никогда не мешает!

На дороге решето брошено.

Шакал ткнулся лапой, поднял решето и отошел в сторонку.

Там сел на солнышке — решето на колени.

— Ну, и дурачье ж!

Шакал мурчал.

* * *

А шла мимо кабаниха.

Видит шакал сидит, согнулся: не то книгу читает, не то молится.

— Что это ты, куманек, делаешь?

— Проходи, кума, не мешай, — отбуркнул шакал, — не дадут сосредоточиться! Что у тебя нет глаз, что ли: видишь, изучаю.

Шакал еще усердней согнулся над решетом и так замурчал, — а и вправду, по ученой части ударился!

«Ушен науку разрабатывает!» — уверилась кабаниха. И тихонечко подошла поближе.

— Извини, пожалуйста, кум: вижу, читаешь. Вот оно куда хватил: ты, значит, теперь ученым заделался? Хочу тебя попросить: семь у меня малышей, выучи ты их книжки читать.

Шакал оторвался от решета:

— Что ж, тильта, это можно.

И опять уткнулся:

— Учить, это — наше призвание.

— А много ли, примерно, требуется времени научиться читать?

— Как кому: толкового в неделю обработаю.

— Я тебе их пригоню, кум. Куда прикажешь?

— А валяй хоть сюда.

И шакал замурчал еще стервее: заниматься наукой, не по полю бегать!

А кабаниха за своими пошла за кабанятами: когда еще такой случай выдастся, а неграмотному нынче ходить — и свинье не полагается.

* * *

Ушла кабаниха и вот уж назад жалует. И не одна: семеро сорванцов за ней — клыки белые молоденькие так и поблескивают, а хвостики, что ниточки.

— Вот они мои все семеро. Обучи, сделай милость.

Шакал взглянул из-за решета на кабанят, не удержался — облизнулся большим облизом вкусным: хорошо хруптит кабаний жареный хвостик!

— А когда, кум, прикажешь наведаться?

— А я тебе сказал, через неделю. Коли толковые, за неделю успеют. Посмотришь, кума, как обработаю: и не узнать!

Кабаниха пошла домой одна.

* * *

Шакал отбросил решето: чего с ним? — пробито и прутья наружу — дрязг.

И погнал за собой кабанят.

Шестерых он поставил в закуток.

А седьмого — в котел: одна половина на обед, другая — на ужин.

Нажрался и завалился спокойно дрыхнуть: и сыт и впереди неделя сыта!

* * *

Всякий день у шакала на обед и на ужин кабан — всякий день по кабаненку выводит шакал из закутка.

Шкуру, растянув, приколотил на дворике: шкура к шкуре — рядком.

И полетели мухи на шакалий двор, на свежую шкуру.

И от мушиного зума и зура такой шум поднялся — весь шакалий дом, как живой брум, забрумбунил.

К восьмому дню шакал последнего кабаненка прикончил.

И семь шкур кабаньих на дворе шакальем висели мухам на утеху.

* * *

На восьмой день явилась кабаниха. Шакал вышел ей навстречу.

— Здравствуй, тильта! Как, кумушка, поживаешь?

— Спасибо, кум. Могу я моих ревезят посмотреть? И как — может, домой можно?

— Одно тебе, кума, скажу: усердно засели за книгу! Лучше не мешать. А не такие они гораздые, как мне тогда показалось. С лица милы — в мамашу. А насчет смекалки — в отца. Муженек-то твой, видно, не таковский: не тебе чета.

— Чего греха таить, старик не очень гораздый: ни читать, ни писать не умудрился.

— Ну, это твоим детям не помеха. Не даром у них такая мамаша. Не хвастаясь, скажу: прилежания у них не занимать стать. Хочешь, кума, проверим?

— Очень бы хотелось.

— Вот пойдем сюда к дому: приложи ты ухо к двери. И ты собственными ушами услышишь, как здорово долбят уроки. Да, знаете, — шакал ощерился.

А кабаниха распустила ухо под дверью.

А там — ну там такая долбня — ну такой брум и зум и зур, ну, как мухи.

— Что, говорил я тебе! каково?

Кабаниха даже всхлипнула:

— Очень, очень прилежны.

— Примешь их от меня не как какую дрянь, а совсем порядочных и вполне приличных, образованных, понимаешь?

— Очень, очень мне это приятно. А когда ж, куманек, придти-то за ними?

— Да так — через недельку, кума. К тому времени они будут совсем в отделку.

Кабаниха пошла.

* * *

Кабаниха с глаз долой — шакал за работу.

Немало немедля принялся шакал мастерить лазейку — другой выход из дому «на всякий случай» с другого конца: неровен час, улепетнуть чтобы.

А кабаниха, как вернулась домой, и до того без детей заскучала, нет уж сил сроку дождаться. День еще кое-как перебыла.

А наутро к шакалу.

Стучит она в шакалий дом.

Никто не открыл ей.

И принялась дубасить.

— Это я, — кричала она, — я, тильта! кум, отвори ж мне! Я пришла детей повидать.

Шакал, как услышал, да скорей через двор к лазейке.

Только его и видели.

Кабаниха кличет:

— Отвори! Я пришла детей повидать.

И ей никто не отвечает.

Постояла прислушалась: там брум и зум и зур, как мухи.

«Нет, это не мои дети: мои дети узнали б мой голос, пустили б!»

Кабаниха навалилась всей своей грузью на дверь — и высадила дверь.

Да в дом — нет никого.

Она во двор — и там никого.

Шкурки висят — семь шкур кабаньих — и вьются мухи: зум и зур и брум.

Это детей ее шкурки — узнала!

Бешеная бросилась она через шакалий двор — все углы обежала— отыскала лазейку. Да в лазейку по следу шакала.

* * *

Бежал шакал, что есть прыти — кабаниха следом.

Быстер шакал — бешеная свинья быстрее.

И все быстрее, по пятам уж. И видит шакал, не уйти! На дороге нора: он в нору.

И кабаниха тяп его — ухватила за лапу и потащила.

— Чего ты, — кричит шакал, — за корешок-то тянешь? Ты думаешь, это моя лапа? Моя лапа рядом.

Кабаниха сдуру и выпустила лапу.

Шакал лапу, а хвост не успел: кабаниха хвать за хвост.

— Чего ты, — кричит шакал, — за корешок-то ухватила? Ты думаешь, это мой хвост?

— Да, — сквозь зубы, — да, я думаю, хвост.

Да как рванет — и оторвала хвост.

Шакал провалился в нору в самую глубь, да по проходам выбрался с другой стороны на волю.

— Ладно ж! — кричала кабаниха, — упустила тебя, стервеца. Ну, да тебе от меня не уйти теперь: меченый! Я тебя, бесхвостого, из тысячи узнаю. Я тебя, подлеца, — не уйдешь!

* * *

Обошла кабаниха всех своих родственников, обежала всех знакомых и приятелей.

И всем и каждому одно свое о шакале — который шакал детей ее убил и которого — убить мало!

— Подлец, — кричала кабаниха, — ушен украл семь моих деток и всех убил! и всех сожрал! Кто б и где его ни встретил, тут же его, на месте, мерзавца! Или мне скажите, я с ним сама расправлюсь. Я ему, негодяю, оторвала паршивый его хвост: шакал бесхвостый!

И пошла молва по лесам, по полям, по дорогам: ищут кабаны среди шакалов бесхвостого шакала: от кабаньего клыка бесхвостому не уйти!

А бесхвостый:

— Эх, дураки, дураки! с хвостом ли, бесхвостого — голыми руками меня не взять.

* * *

По дороге к мельнице стояло большое фиговое дерево.

Давно на него шакал зарился: хорошо с винными ягодами чаю попить, не плохо и свежей смоквой полакомиться.

Только теперь уж не до чаю и не в лакомство, другая забота: хвост — как никак, а бесхвостый всякому взарь.

А стали шакалы между собой шушукать:

— Который из нас, товарищи, бесхвостый?

И пришло бесхвостому на ум:

«Угощу-ка я хвостатых фигой!»

Вот и скликал он шакалов под дерево на даровое угощение.

* * *

Большая собралась стая — и старые и малые — шакалы, шакалики, шакалята: за фигой да еще на даровщинку только дурака не заманишь!

— Товарищи, вы меня подсадите на дерево, и я вам стрясу — всем будет по фиге.

— Не согласны, — заорали шакалы, — мы тоже хотим полезть.

— Никак невозможно: первое дело — ветки не выдержат, а затем — подымется спор из-за местов, откуда кому фиги рвать, мельник услышит и не успеем во вкус войти, всех нас турнет по шеям.

— Правильно.

— Правильней всего будет так: я всех привяжу хвостами к стволу и у всякого под носом будет свободное местечко — в любой момент всякий может подхватить фигу.

Шакалы остались довольны. А шакал привязал шакалов хвостами к стволу, влез на самого большого шакала, а с большого шакала на дерево — пустяки, укрепился на ветке и ну трясти.

Фиги попадали — шакалы с визгом бросились подбирать всякий свое.

И не столько визжали шакалы, сколько бесхвостый унимал их криком.

Такое поднялось: и не только на мельнице, а и за мельницей слышно.

Мельник слышит, взял дубинку да с дубинкой прямо к дереву на горячее место.

Шакалы со страху побросали фиги давй бега — да бежать-то не убежишь, хвостами привязаны, хвост не пускает.

Или погибнуть или хвостом пожертвовать!

И разбежались шакалы кто куда — а оборванные их хвосты остались на стволе мотаться.

— На-ка-сь! ищи теперь бесхвостого, свинья! — взвизгнул шакал, да с дерева как сиганет.

Мимо хвостов, мимо дубинки, мимо мельника и — пошел.

* * *

А кабаниха рвет и мечет — давай ей бесхвостого шакала!

И устроили кабаны на шакалов облаву.

Окружили целую шакалью стаю да к кабанихе во двор и пригнали.

А глянула кабаниха и глазам не верит: все одинаковые — и хотя бы у одного какой завалящий! — у всех хвосты оборваны, бесхвостые.

«Ну, ладно ж, выведу я тебя, мерзавец, на свежую воду! Или всех погублю!»

И сейчас же на кухню.

Сварила такую перцовую кашу филь-филь на «вора-злодея». —

«Кто мне зло сделал, тот первым ах простонет!» — пошептала над кашей.

И выносит полное блюдо филь-филь — угощение шакалам: понапрасно ведь беспокоила! против них она ничего не имеет! так вот, чтобы загладить — угощение! Милости просим, отведайте кашки!

Шакалы на кашу навалились.

А бесхвостый-то кум только вид делает: ест, а сам все на землю.

И когда шакалы наелись — блюдо подлизали — перец-то у них там как зажжет, в один голос все разом и ахнули.

Кабаниха их в сад на пруд — водицы испить!

Шакалы на воду напустились.

Уж пили, пили — а жжет! — да там на бережку и лапы кверху.

А бесхвостый кум — ему с чего? — глотнул и довольно.

И как увидел он, что товарищам крышка, с берега шасть — да мимо кабаньих пырь —

— Твой кум тут! — крикнул.

И был таков.

3. Лев в сапогах

Что язык, что слово, — что волос, что хвост.

Подрос хвост у шакала.

И опять шакал, как шакал — ушен!

Раздобыл шакал коровью шкуру, взобрался со шкурой на холм, там и ему все видно, и сам у всех на виду! расправил шкуру, вырезал сапожной кожи и за работу: сандалии шить.

И уж ходит по холму и не просто — прогуливается: обнову разнашивает! шакал в сапогах!

* * *

А проходил мимо лев.

Что за диво: шакал в сапогах!

— Послушай, ушен, нельзя ли мне такие?

— Что ж, изюм, можно.

— Великолепные сапоги! И ты это все сам? — А кому ж! моих рук дело.

— Сделай, пожалуйста.

— Только твой материал, изюм! Кожи у меня подходящей нет, а что было, вся высохла, не годится.

— Чего надо, я все достану. Ну, и мастер же ты, ушен.

— Корову надо, да чтоб пожирнее! Чем жирнее корова, тем свежее кожа, тем крепче и мягче обувь. Такие тебе сапоги сошью — сандалии! — и век не сносить, и легко, и покойно: самый вострый шип не уколет и заноза не влезет, хоть по иголкам бегай. А главное, не чувствительно: босиком или обутый — не разберешь.

— Я тебе, ушен, корову мигом доставлю.

— Живую и пожирнее.

— Ладно.

Лев отбежал за холм и уж тащит этакую.

Шакал осмотрел: годится.

— Вот именно такую и надо. А из мяса мы и тупу наварим, и котлетов нарубим, и студню заготовим. Ты студень любишь?

— Не откажусь, ушен: студень с хреном очень вкусно.

— Ну, изюм, управься с коровой.

Лев корову кончил.

Шакал с коровы кожу, вырезал кусок для сандалий.

— Надо иголку и дратву, можешь расстараться?

— Это можно.

И опять лев отбежал за холм.

Шакал пощупал кожу — помял, потискал — не кому ведь, самому льву сапоги шить, надо постараться!

— А какая жирная корова, такой никогда не перепадало шакалу: то-то вкусно!

А лев уж идет: иголку и дратву, получайте!

* * *

— Ложись, изюм, и протяни мне свою лапу! Надо пометить. Надо, чтоб уж по ноге, честь честью. А затем прикрепим.

Лев лег, задрал ноги.

Шакал взял его лапу, ткнул в лапу иголку.

— Что? не очень? Зато будет крепко.

И стал пришивать прямо по живому.

Лев застонал от боли.

— Ну! перестань, маленький, что ли? Чем больнее, тем потом будет приятнее: и не то что иголка, пила ни по чем, прямо хоть пляши по пиле!

А очень больно было.

Шакал пришил подметки прямо к ступням, перелентил ногу — сандалии! — как раз по ноге.

Чудесно! А теперь на солнце, пятки вверх, кожа подсохнет, и всякую боль забудешь.

Лев попробовал подняться — ступил на ноги.

И хоть ревмя реви — нет мочи!

И так это его разожгло, не удержался да лапой на шакала.

— Мошенник!

— Что? — шакал отскочил, — хорош! вот — благодарность!

Забрал коровью тушу и поволок.

* * *

Боль все жгее, все крепче.

С трудом прополз лев, лег на солнышке, задрал ноги на самый припек: поверил (поверишь!) — подсолнечнит — поможет.

А солнце как ударит в кожу—и стала кожа сохнуть: загрузило! а ноги уж как в гвоздяных тисках сжаты.

Задрав ноги, лежал лев на солнце и тяжело дышал.

А проходили мимо холма две рябки: кур и курочка.

— Что это с вами, лев?

— А вот посмотрите! какую со мной штуку удрал шакал.

Рябки робко подошли немного поближе.

Что ж это такое?

— Мошенник! сапоги к ногам пришил! Помогите!

Рябки переглянулись.

— А дайте нам клятву, — разом проговорили, — ни сегодня, ни потом, никогда вы нас не обидите и не захотите съесть! Мы вам поможем.

— Я никогда не обижу ни одну рябку, — поклялся лев, — я никогда не съем ни одну рябку.

— Сию минуту! — сказали разом.

Да к ручью.

Они набрали воды себе в клюв и на крылья.

По капельке льют воду на израненные ноги.

И тихонечко клювами, когда размягчилась кожа и рана, вынули дратву у льва.

— Куда в холодок бы вам лечь! — разом сказали.

Лев поднялся.

Лев взревел от боли.

Да пастью как хап! — прямо на рябок.

С шумом шарахнулись рябки — и улетели.

А лев — так весь и вздрогнул: испугался!

Хорош! вот — клятва! А за то так тебе и всегда: забоишься!

Шакал тут же в холодке дожирал самый жирный коровий кусок.

А знаете, ведь и вправду, лев всегда полошится, когда мимо пролетает рябка.

4. Рябка

Подружилась рябка с шакалом: куда шакал, туда и рябка.

И шакал ни шагу без рябки.

Так и ходили вместе: глаза, как небо голубые — рябка на красных ножках и пес — сопатый! — шакал.

— Теткура, давай на спор: кто кого рассмешит?

— Давай, ушен: я рассмешу тебя.

— Попробуй.

— Идем.

И они пошли: рябка и шакал.

* * *

Привела рябка шакала на поле.

Там было двое: один работал, другой так —лодаря гонял.

— Видишь, ушен?

— Вижу.

— Так постой тут.

И рябка полетела.

А шакал остался: ну?

Рябка скружила да лодарю прямо на голову и села.

И сидит, как на кочке.

Заметил другой, оторвался от работы.

— Тише! я на твоей голове поймаю рябку! — да за заступ.

Тот замер.

— Так! —да заступом как махнет.

Рябка порхнула — и угодил не в рябку, а прямо по башке. С пробитой головой тот так и присел, не пискнул.

Шакал живот надорвал от смеха.

— Ну и ловкач! молодчага!

Вернулась рябка.

— Что? рассмешила?

— В жизнь так не смеялся.

— Теперь твой черед: рассмеши меня!

* * *

С поля вышли они в лес: шакал и рябка.

Идут лесом — стоит капкан: в капкане под камнем кусок мяса.

Шакал протянул лапу к мясу.

— Что это? мясо?

— Предательский кусок.

— Но он съедобный?

— Еще какой! Ты хочешь съесть?

— А как же, хочу.

Шакал протянул лапу к мясу — капкан захлопнулся — шакал попался.

Со смехом взлетела рябка на дерево.

— Придет охотник, вот удивится: каковский заяц! Пересчитает тебе ребра. Не отбрыкивайся, прими удар и представься мертвым.

И рябка улетела.

— Сами отлично понимаем! — уж досадовал шакал.

А охотник и идет.

И прямо к капкану.

— А! это ты, красавец! было б мне лучше — заяц! На, получай свое — награду.

Да палкой шакала раз да другой.

Шакал ткнулся и задрыгал ногами.

— Подох окаянный!

Охотник отшвырнул шакала, зарядил капкан и пошел себе из лесу.

А шакал вскочил и давай Бог ноги.

Едва рябка остановила: как очумел.

Шакал очнулся:

— Что? смешно?

— В жизнь так не смеялась.

* * *

— Ну давай чего-нибудь еще придумаем, ушен!

— Что ж, теткура, придумывай.

— Или ты меня наперед изволь накормить до отвалу или я тебя, а ты потом.

— Я потом.

— Ну, ладно.

* * *

Вышли они в поле.

И идет по дороге хозяйка, несет полную миску.

А в миске вкусное-превкусное мясо — тушеное с репкой, морковкой, луком: дочка родила — дочери дар родильный — кускус.

— Присядь-ка в канаву! — шепнула рябка.

Шакал в канаву, рябка на дорогу.

И не летит, а ковыляет — крылом по земле так и волочит, будто крыло перебито.

Хозяйку-то и приманула: хозяйка — миску на дорогу, сама за рябкой — ловить. А рябка в траву —

Шакал выждал, вышел и прямо на миску — все и упер.

— Ой, и до чего это вкусно кускус!

Облизал миску и опять в канаву.

А рябка над хозяйкой: вот-вот поддастся! вот-вот поймает! — ан, упорхнула.

Дальше и дальше —

Вдруг рябка расправила крылья и улетела.

Вернулась хозяйка на дорогу к миске, взяла миску.

— Я все слопал! — крикнул ей шакал из канавы.

И пошла хозяйка ни с чем.

Вернулась рябка к шакалу.

А шакал катается, гогочет:

— В жизнь так не обжирался, ну и кускус!

* * *

— Теперь твой черед, ушен. Я больше всего люблю горох.

— Очень кстати. Этого добра сколько хочешь — гороховый сев!

Шакал размялся — полным-полно брюхо! — и пошли неспеша.

И видят — в поле Лисак, сосед хозяйки, с мешком, горох несет.

Они за ним.

А тот развязал мешок, вынул горстку и пошел сеять.

Тут шакал к мешку.

— Послушайте, — кричит, — это мое.

Лисак оглянулся: шакал на мешке! — да скорее назад.

А шакал не уходит. — Он ближе. — Шакал стоит на месте. — Еще ближе. — Шакал отошел немного.

И пошла погоня.

И не бежит шакал, идет, а поймать не дается. Да все в сторону, с поля —

Рябке вольготно — рябка в мешок.

Мешок и подчистила.

— Горошку съела, — крикнула рябка.

Шакал услышал да позаправдашнему — бежать.

И пропал — туда-сюда — нет шакала.

Лисак и пошел назад: надо досеять.

А сеять нечего — в мешке ни горошинки.

— Сколько добра пропало! — тужил Лисак.

А делать нечего, пришлось домой идти за новым мешком.

Вернулся шакал к рябке.

— Довольна?

— В жизнь столько не ела! А какой сладкий горошек!

И пошли: и сыты и довольны — рябка на красных ножках — глаза, как небесная голубь, и с ней шакал.

5. Песнь шакала

Занозил себе шакал лапу, идет и хромает.

Навстречу старуха — жалко ей шакала.

— Что это ты, ушен, хромаешь?

— Заноза, бабка.

— А давай я тебе вытащу.

— Ну, тащи!

Шакал лег на спину, протянул старухе ногу.

Осмотрела старуха ногу — занозу и вынула.

Поднялся шакал — чуть-чуть побаливает.

— Ну, ничего, подживет, ушен.

— А куда ты, бабка, мою занозу девала?

— А куда ж, выбросила.

— Как выбросила? Ведь это же моя заноза! Нет, ты мне ее отыщи.

Старуха искать. Ползала-ползала. Не может найти. Да и не мудрено. Заноза не пятак, и глазатому не по глазам.

— Не могу, батюшки, сыскать! А коли такая охота тебе до заноз, я их тебе из щепочек повытаскаю хоть тысячу.

— Вот дурака нашла! на что мне твои занозы? Что я из них кофе варить буду? Мою отдай. Мне моя нужна. Понимаешь? А раз не можешь найти, давай за занозу яйцо. На меньшее я не согласен.

Еще поискала старуха, и на себе и на шакале искала, — нет, пропала заноза.

— Ну, яичком уж, Бог с тобой!

И дала она шакалу яйцо прямо из-под курицы — свежее.

Забрал шакал старухино яйцо и пошел, и твердо идет — как и занозы не было.

* * *

Идет шакал по деревне. Яйцо в кармане. Вечер. Постучал в избу. Просится переночевать. Пустили.

— Хочу тебя попросить, хозяин. Нельзя ли мое яйцо положить под курицу?

— Отчего не положить.

— Ты мне только курицу покажи, я сам подложу: больно уж яйцо-то у меня.

Провели шакала в курятник, положил шакал яйцо под курицу. И назад в избу.

И улеглись.

А как все заснули, шакал к курице, тихонечко яйцо вынул — сожрал — а желтком по клюву мазнул курицу.

И завалился спать.

Спозаранку встал хозяин — шакал еще спал. Пошел на поле. А вернулся — сидит шакал, плачет.

— Что это ты, а?

— Твоя курица мое яйцо сожрала.

— Курица — яйцо? Не может быть.

— А вот и может! Посмотри-ка на курячий клюв. Еще как!

Пошел хозяин в курятник.

Айв самом деле: клюв в желтке. Сроду не слыхивал: курица сожрала яйцо!

— Я тебе другое дам, ушен.

— Не надо мне другого, мне мое отдай!

— Чудак человек! Не могут же я тебе твоего отдать: курица сожрала! Я тебе два дам, пяток, ну десяток бери, а твое — откуда же я возьму?

— Не хочу никаких яиц: или мое подавай или ту самую курицу.

— Ну, ладно, бери курицу.

* * *

Идет шакал с курицей. И опять вечер. Надо ночь переждать. Попросился на ночлег в усадьбе. Пустили.

— Хочу попросить: курочка у меня, нельзя ли ее пустить на ночь к вашей козе?

— Можно.

Шакал в хлев: курицу под козу. И в дом — пора спать.

А как все заснули, он тем же ходом в хлев, курицу сожрал, а козе морду курицей вымазал. И назад — спать.

А наутро — в слезы.

Увидал хозяин:

— Что такое?

— Твоя коза мою курицу съела.

— Ну, что ты, в уме что ли: коза — курицу?

— А посмотри на козиных губах — вся мордца в крови.

Пошел хозяин в хлев и прямо к козе.

И что же думаете, ведь шакал прав: коза курицу-то сожрала!

— Я дам тебе, ушен, другую. Что поделать!

— Не хочу! И не надо! Отдай мне мою и больше никаких.

— Да что я тебе рожу что ли? Коза — сожрала. Ну? Хочешь я тебе взамен две, три курицы?

— И десяти не надо. Давай мне мою. Или ту самую козу.

Хозяин отдал козу.

* * *

И уж идет шакал — шакал ведет козу.

Вечер. На ночь глядя, мало ли что, лучше ночь переждать.

Попросился шакал ночевать на скотном дворе. Пустили и на скотный двор.

— Хочу попросить, нельзя ли мою козочку на ночь к корове поставить?

— Козу? Можно.

Шакал сам повел козу в хлев и там поставил к корове.

И на боковую.

И когда все заснули, он козу сожрал, а корову козой помазал.

И спать, как ни в чем не бывало.

И дрыхнет — буди, не разбудешь.

А проснулся — плакать.

— Ты что, ушен, плачешь?

— А твоя корова мою козу съела.

— Корова козы не ест. Ты с ума спятил.

— Сам-то ты спятил. А поди осмотри корову: все губы в кровище.

Пошел хозяин в хлев — а у коровы губы в крови: ясное дело, корова съела козу.

— Я тебе другую дам.

— Не хочу другой, давай мою.

— Мою! мою! Да корова — съела! Ну хочешь я тебе две, ну три козы отдам?

А шакал уперся:

— Мою. Мою козу или ту самую корову.

И отдал хозяин шакалу корову.

* * *

Целый день идет шакал — вел корову.

Вечером надумал у судьи остановиться.

Судья пустил.

— Разрешите корову поставить к вашей кобыле?

— Пожалуйста.

Шакал сейчас же в конюшню: корову к кобыле.

А как судья заснул, шакал назад: корову сожрал, а кобылу коровой помазал.

И залег.

И спал ночь хорошо, а наутро — в слезы.

— В чем дело?

— Ваша кобыла мою корову съела!

— Что вы говорите: кобыла — корову?

— А посмотрите: у кобылы на губах коровья кровь.

Судья в конюшню: на кобыле коровья кровь — кобыла съела корову.

— Я вам другую дам.

— А что мне другая? Мне дайте мою корову.

— Откуда же я вам ее возьму, из кобылы что ли? Я вам две, три коровы.

— Не желаю. Или мою корову или ту самую кобылу.

Судья отдал шакалу кобылу.

* * *

Идет шакал, ведет кобылу.

Навстречу несут покойника.

— Что это вы, товарищи, несете?

— Что ты, дурак, не видишь: чай покойника! Старушенция померла, тащим на кладбище.

— А давайте меняться: вы мне бабку — я вам кобылу. Подумали, подумали: ловко ли?

— Ну, бери, давай кобылу.

Шакал взвалил себе старуху на плечи и пошел.

А те повели шакалью кобылу, не шакалью — самого судьи: добрая кобыла!

* * *

К вечеру шакал пришел в деревню.

Идет по деревне, а там пир горой: свадьбу играют.

Увидали шакала, просят остаться.

Поблагодарил шакал: он не прочь.

— Мать у меня старуха хворая, натрудилась в дороге. Надо за ней присмотреть. Могу я ее положить с новобрачной?

Отец женихов согласен.

— Конечно! Ночью молодая за ней посмотрит.

И повел шакала в комнату невесты, показал кровать.

Шакал уложил старуху. А когда остался один, ножичком ей шею и подрезал. Прикрыл одеялом. Будто старуха заснула.

И вышел.

* * *

И гуляет шакал ночь на пиру: и пил, и ел, и плясал.

Веселей не сыскать, всех за пояс заткнет, фокусник.

Очень всем понравился шакал.

А наутро идет к отцу, воет.

— Что случилось?

— Ой, посмотри-ка, молодая что сделала? Ночью зарезала мою мать!

— Где? когда? — испугался отец.

— Мать — ночью.

Отец к молодой: а там старуха — шея надрезана — мертвая.

Еще больше испугался отец:

— Не знаю, что и делать.

— А отдай мне молодую! Или я пойду и донесу.

А старику это на руку:

«Ведь этак и сына б могла зарезать!»

И отдали шакалу молодую.

Шакал ее в мешок. Мешок на плечи.

— Бабку-то похороните!

Да и был таков.

* * *

Идет шакал, несет мешок.

Много прошел. Жарко и устал.

А проходил мимо усадьбы. Не передохнуть ли?

Видит, хозяин у ворот стоит.

— Разрешите? Я тут на скамеечке.

— Отчего ж, отдохни.

Шакал сбросил мешок с плеч. Присел.

— Испить бы водицы?

— А иди во двор, там колодец. Пей на здоровье.

Шакал во двор к колодцу.

И как пошел шакал к колодцу, молодая-то в мешке и зашевелилась — и надо ж такому случиться, занес ее шакал на родной двор! — узнала отца по голосу и просит освободить ее.

Отец развязал мешок — а и вправду, дочь!

— Скорее наполните мешок, а то шакал вернется!

А сама бежать.

Кликнули двух здоровущих собак да в мешок. Завязали в мешок, поставили на место.

А шакал всласть напился, бежит.

— Спасибо!

Подхватил мешок на плечи и в путь.

И так ему легко.
И уж тяжелый мешок как перышко.

* * *

По дороге холм.

Поднялся на холм, положил мешок.

И уж больше не мог — запел шакал: пел шакал, какой он шакал, не простой: из занозы вылупил яйцо, из яйца — курицу, из курицы — козу, из козы — корову, из коровы — кобылу, из кобылы — мертвую бабку, из бабки — молодую жену.

Да за мешок — развязал.

А из мешка как скокнут — собаки.

Забыл шакал, что и пел — только пятки сверкнули.

Вот тебе и молодая жена!

6. Ловушка

— Ну, ладно ж! один раз вам удалось меня обмануть, а уж больше — дудки!

Шакал пришел к пастуху:

— Я, ушен, тысячу раз могу провести тебя, а ты — попробуй!

И вспрыгнул на ягненка.

Пастух увидал да скорее к ягненку: освободить от шакала.

А шакал взял да в ухо ягненку как прыснет, да бежать.

А ведь это такое, тянее магнита — как слепой, побежал ягненок за шакалом.

Шакал в лес — и ягненок в лес.

Тут в лесу шакал с ним и управился.

И потащил себе на обед.

* * *

Видит пастух, шакал утек и ягненка заманил, ну постой же! взял да овцу клеем и вымазал — самым крепким, что и железо клеит — весь зад, и пустил, как мушеловку: шакал придет, будет ему угощение!

А шакал отобедал и в стадо.

Осмотрелся.

Да ту самую клейкую овцу и наметил — да прямо ей на спину.

И прилип.

Так брюхом прилип — не отдерешься.

А овца перепугалась — еще бы, шакал залез! — да со всех ног домой, а за ней и все стадо.

Пришел пастух.

Видит: шакал на овце.

Да долго не раздумывая, сграбастал шакала, стащил с овцы и давай лупить.

А шакал — дело испытанное! — сейчас же и подох.

— У! сукин сын! — пастух шваркнул шакала в угол.

А наутро, когда пастух отворил дверь, чтобы выпустить стадо, шакал поднялся, как ни в чем ни бывало, и выпрыгнул за дверь.

— Что, — крикнул пастуху, — говорил? нет, меня, брат, не проведешь! А у тебя я и еще кое-чем поживусь.

— Погоди, хвастун! дай только снежку, зима придет, я тебя вздрючу!

* * *

Пришла зима.

Пастуховы ребятишки поставили каменную ловушку, камнем которая бьет, капкан такой.

Пронюхал шакал и тут же под ловушкой устроил себе прятку.

Попадет ли птица или какой зверек — шакал сейчас же через дырку из своей прятки и из-под камня добычу забрал.

Так шакал и пробавлялся.

А ребятишкам никакой добычи не попадало.

Рассказали они отцу, осмотрел пастух ловушку.

— Это не иначе, как шакал, его работа. А поставьте-ка вы другую ловушку рядом да побольше, чтобы уж камень — ухнет, не встать.

* * *

Долго возились ребятишки и поставили большую ловушку: прямо на льва!

А шакал ничего не знает.

Всякий день ему корм, сытно, любопытства-то и нет, какая такая затея: а может, горку строят — зима!

Попалась птичка, полез шакал доставать, а из большой ловушки как камнем грохнет — и придавило.

Выкарабкаться-то и не может.

Прибежали ребятишки: нет ли чего?

А под камнем — шакал.

Ребятишки на него с камнями, а взять не больно возьмешь: сидючи в прятке, шакал так весь вывалялся в грязи и так огрязился, просто не за что и ухватиться.

Ну, подергали они его за хвост и выпустили.

— Снежок! — крикнул шакал, — зима! и не так еще проведу!

И не оглянулся.

А как копнули прятку, а там пять шакалят — постарался!

7. Коза

Жила-была коза и было у козы две малые козятины-рогатины.

А жили они в пещере за холмиком: тут это их дом был, тут они и пили, и ели, и спали.

Всякий день с утра мать отправлялась на луг, паслась, рвала траву и вечером на рогах приносила траву домой. У пещеры она стучала копытцем в дверь и всегда одна кликала:

меж ног горшок,
меж рог сена стог.

Постучит, покличет — козяты и знают: это мать обед принесла! — и сейчас же бросаются дверь отворять. Мать не раз учила козятов:

— Ой, смотрите, дети! Никому не отворяйте! Голос мой знаете: такого ни у кого нет и такую песню только мы, козы, поем.

Козяты знают: они — никому.

— Не беспокойся!

* * *

Как-то вернулась мать с луга и кличет — поет свою козью песню:

меж ног горшок,
меж рог сена стог.

Козяты отворили ей дверь.

А сидел под кустиком шакал, все и слышал. И козяток, как дверь-то отворяли, заметил: на обед они ему очень и даже очень подходящи.

И решил шакал:

«Навещу-ка я завтрашний день козят: несчастные, целый день в одиночестве без материнской ласки!»

* * *

На завтрашний день не забыл, припер.

Ногой — в дверь, кличет:

меж ног горшок,
меж рог сена стог.

Козяты слышат слова — козьи, а голос поет — толстый, совсем не матери.

— Нет, это не мать, это кто-то другой.

И к двери.

А не отворяют.

— Мы твоего голоса не узнаем. Мы вам не отворим!

— Глупые, да ведь это же я, ваша мама! — попробовал уговорить шакал.

Но козяты молчок.

Шакал потуркался — заперто крепко! — и побежал.

* * *

А жил неподалеку волшебник Амрар.

Шакал к Амрару.

— Что мне делать: хочу пищать тонко, как коза.

А Амрар и говорит:

— Заройся, ушен, мордой в муравьиную кочку, разинь рот и пускай муравей в тебя налезает и ходит в горле туда и назад. Накусают тебе горло, как следует, и будет у тебя не твой голос — козой запищишь!

Призадумался шакал: не очень-то соблазнительно в муравьиную кучу ложиться!

И побежал в лес, отыскал муравьиную кочку и разлегся мордой прямо в муравьиную кишь.

Муравьи полезли шакалу в рот, все горло разъели — и сделался у шакала голос козе под стать.

Когда пришел вечер, шакал — к пещере, постучал в дверь, покликал:

меж ног горшок,
меж рог сена стог.

Козяты услышали: слова козьи, голос матери.

Бросились к двери, дверь отворили.

Шакал вошел в пещеру и схряпал козят.

Вернулась с луга мать, принесла на рогах траву, а дверь — настежь, а в пещере — пусто: ни рожка, нет козят.

— Это никто, как шакал! Больше некому!

* * *

Всякий день с утра отправлялась мать на луг, паслась, рвала траву и вечером на рогах приносила траву домой.

Только не пела она больше своей козьей песни — ни к чему было: козятов нет!

И не стучала копытцем в дверь — своим ключом отворяла дверь.

Раз идет она вечером с луга и попадает ей шакал на дороге. Вспомнила она козяток и не успел шакал поздороваться, она траву с рог как шваркнет.

И завалила шакала с головой.

А сама на него.

И придавила.

Уж шакалу не подняться.

Кликнула пастухов.

Прибежали пастухи.

— Подо мной шакал сидит: он моих козяток съел!

Коза поднялась с шакала — пастухи за палки.

А шакал из-под травы как шаганет и — тю-тю!

Так и осталась коза без козяток и шакал ушел — на мерзавца управы нет!

8. Волы

Пахал пастух на двух волах с утра до вечера.

Вечером пришел лев.

— Вот что, стегун, давай мне вола! Или я и тебя убью и твоих волов!

Стегун испугался: лев не шакал!

Стегун выпряг вола и дал его льву.

А лев даже и не поблагодарил — потащил вола.

Стегун вернулся домой — один у него вол!

И сейчас же пошел и купил другого вола: на одном попаши-ка!

* * *

И пахал стегун на другой день — с утра до вечера.
Вечером опять лев:
— Вола! или тебя! и волов убью!
Ничего не ответишь.
Стегун выпряг вола и дал его льву.
Лев унес вола.
Стегун вернулся домой — опять об одном воле!
И опять купил другого вола: он и завтра на двух пойдет пахать!
А когда пропахал он день и собрался домой, лев уж тут:
— Вола!
Так всякий вечер давал стегун льву по волу.

* * *

Гонит вечером стегун вола домой: другого изволь купить: — нет житья со львом!

А идет шакал:

— Посмотрю я на тебя, стегун, и в толк не возьму: выходишь ты поутру — два вола, а домой идешь — вол один. Я давно примечаю. Ты что ж их ешь что ли?

— Один грех, ушен: не я ем, лев ест. Как вечер — лев: давай вола! А лев, сам понимаешь: и двух волов отдашь.

— Дашь мне барана, я тебя огражу от льва.

— Сумеешь оградить от льва, — баран — твой, с удовольствием бери.

— Вот из-за того холма завтрашний день я спрошу тебя не своим голосом: «кто с тобой говорит?» А ты отвечай: «это — чурбан!» Да топорик-то не забудь. Понял?

— Понимаю.

* * *

Поутру взял стегун топор и погнал волов на пашню.
Вечером явился лев:
— Давай вола! или тебя и волов убью!

А из-за холма толстым голосом:

— Кто с тобой, стегун, говорит?

Лев испугался, пригнул лапы:

— Чур! это сам Бог!

Стегун громко:

— Это чурбан.

— А возьми ты топор и разруби мне чурбан! — еще толще толстый голос из-за холма.

— А ты долбани меня тихонько! — уж прошептал лев.

И наклонил голову.

Стегун за топор да с плеча по голове как ахнет — череп пополам.

И льву конец.

А из-за холма идет шакал:

— Поздравляю! Я мое слово сдержал. Завтра приду: барашка-то не забудь, обещал.

— Само собой, ушен, спасибо.

* * *

Вернулся стегун домой — двух волов пригнал.

— Ну, жена, шакал меня от льва освободил. Дай Бог ему здоровья! За мной ему барашек. Заколю пожирней. И надо упаковать хорошенько. Завтра возьму с собой на пашню.

Заколол стегун барана.

А жена, как запаковывать, и говорит:

— Ой, и барашек же попался! Вот бы такого, хоть кусочек!

Завернула барашка в шкуру, а сверток положила в плетенку.

— Знаешь, что я придумала? Посажу-ка в плетенку Кушку.

И кликнула Кушку.

Да и Кушку в плетенку.

— Это я на случай: кто ж его знает, а ну — как шакал и не захочет. Кушка постережет. А то за ночь явится какой зверь — и добра-то нам никакого не сделает, а сожрет.

Пошел стегун на поле.

Поставил плетенку.

— Ушен, — крикнул, — здесь твой барашек!

И за работу.

И пахал весь день до вечера — теперь чего бояться — лев не придет.

— Вот он какой шакал!

А шакал, как стемнело, на поле за барашком.

И видит, стоит плетенка: верно, это и есть барашек!

— Вот он какой стегун!

Приоткрыл плетенку да носом туда —

А из плетенки Кушка — тяп его за нос.

Шакал бежать.

За ним Кушка — за день-то насиделась, так и чешет!

Но все-таки шакал убежал.

А стегун, как с поля возвращался, пошел посмотреть плетенку— баран цел, не тронут.

И забрал домой.

— Ну, жена, шакал не захотел брать. Придется самим съесть: баранина хорошая.

9. Ёж

Идет шакал и шмыргает носом — здорово его куснула собака, вот тебе и бараний бок с кашей!

Нет, никогда он не будет помогать человеку — человек — обманщик —

Навстречу ёж.

— А! имуза!

— Здравствуй, ушен.

— Давай, имуза, вместе работать!

— Давай.

— Будет у нас бобовое поле, согласен?

Ёжик согласился.

Ударили по рукам.

И сейчас же бобы сажать — целое поле.

* * *

Пришло лето — растут бобы.

И много их к осени уродилось — большой урожай.

И принялись шакал с ежом за работу.

А как стали жать и наткнулись: находка! — два горшка: горшок с маслом и горшок с медом.

Осмотрели находку и решили пока что не трогать.

— А как пошабашим, возьмем домой, дома и разделим. Поставили горшки в сторонку и за работу: вечер еще не скоро!

Шакал ходчей ежа — впереди идет.

Только чего-то он вдруг точно спохватился: станет, стоит и озирается. А потом опять ничего.

— В чем дело, ушен? — не вытерпел ёж, — что-то тебе не по себе?

— А видишь, дело какое, имуза. Я тебе признаюсь: у меня прибавление семейства, поздравь, сегодня в ночь вот этакий родился шакаленок, куль-кулька! Надо бы мне домой: крестины справить. Некрещеному, сам знаешь, не годится.

— Так чего ж ты, чудак! иди! Справишь крестины, а потом возвращайся.

И ёж пошел вперед.

А шакал повернул.

Шакал повернул да совсем не домой.

А к тому самому месту, где оставили они находку: два горшка — с маслом и с медом.

За горшки шакал и принялся: все масло сожрал — так чуть-чуть на донышке, весь мед сожрал — только что для подлизу по стенкам.

В горшки — землю, а по верхушке один горшок заслоил маслом, другой горшок медом. И опять поставил на старое место, как и не трогал.

Вернулся к ежу.

А ёж далеко ушел.

— Какое ж имя ты дал своему мизгуну?

— Додной назвал, — облизывался шакал, — у нас такое имя есть: Додна.

И опять взялся за работу.

* * *

И так остаток дня: шакал впереди, ёж сзади.

К вечеру сжали все поле.

— Находку не будем трогать, пускай себе стоит тихо-смирно; кончим все работы, тогда и разделим. Как ты думаешь? А сегодня надо все отнести домой и завтра обмолотить.

— Что ж, — согласился ёжик.

— Надо чтобы один носил, а другой молотить будет. Ты займешься ноской.

— Что ж, — согласился ёжик.

И ёж все перенес с поля — работал до глубокой ночи. А наутро, как начать молотьбу, шакал сказал ему:

— После молотьбы надо с вилами работать: надо высоко подбрасывать, чтобы зерна выпали. Ростом ты не ахти, имуза, для такой работы не вышел. Это уж мое будет дело, а ты лучше помолоти.

— Что ж, — согласился ёжик.

И за день все обмолотил.

Теперь черед шакала.

А шакал и говорит:

— Опять же надо позаботиться о мулах: возить зерно на мельницу. Местности ты здешней не знаешь, а у меня тут приятели есть, очень ко мне хорошо относятся. Ты, имуза, с вилами займись, а я пойду по соседству на разведки, присмотрю подходящих мулов. Нам пары будет довольно.

— Что ж, — согласился ёжик.

И целый день веял: вилами подбрасывал, зерно очищал.

А шакал — целый день его нет и только наутро вернулся.

Шакал одобрил ежиную работу.

— И ловко это ты обработал, не ожидал! Ну, имуза, теперь делить: одному солома, другому — зерно. Себе я возьму зерно, а тебе советую солому.

— Солому? — ёжик рассердился, — да я ж, не покладая рук, работал, и носил, и молотил, и веял. А ведь ты — ты только отвиливал, лодаря гонял, и ты мне суешь солому!

— Да солома-то, понимаешь, питательнее. Какой вкусный хлеб из соломы и все! А с бобов только пучит.

— Это у тебя пускай пучит. А я не согласен из соломы. Пойдем-ка к братьям и спросим: они нас рассудят.

— Зря только время тратить. Своего добра не понимаешь.

Шакал тоже был недоволен, а пришлось ему подчиниться.

* * *

Шакал и ёж пришли к братьям.

Рассказали братьям, как они вместе работали на бобовом поле и как урожай делили — о зерне и соломе:

— Кому чего?

— Это решит бег взапуски, — сказали братья, — кто первым придет к этой вот куче зерна, тому зерно, а который за, тому солому.

Тут ёжик улучил минуту и пришепнул другому ёжику:

— Затаись здесь в ямке у кучи и, как шакал прибежит, ты и обнаружься — ты придешь первым, понимаешь?

Братья показали место — начало бега.

И ёж и шакал отправились туда.

— Посмотрю я на тебя, имуза, — сказал шакал, — ведь я в пять, в десять, куда быстрее тебя. Ну, что ты можешь на своих на лапках, один смех. Впрочем, как знаешь.

Они пришли на место.

Стали рядом.

И началось.

Шакал побежал большими прыжками, а ёж шагу не сделал, свернулся и покатился в яму.

Шакал бежал во всю прыть — конечно, он придет первым!

Но когда добежал до кучи, другой ёжик высунулся из ямки.

— Я уже! — крикнул.

— Ёж пришел первым! — вскричали звери, — ему зерно. Так и присудили: ему владеть бобами.

Так и остался шакал на соломе.

— Что ж, солома тоже не худо. Хорошо и печку топить, горит ярко. А бобы даже вредно, если много напрешься. И бобовые супы однообразны.

Ёжик остался доволен.

* * *

— Теперь, ушен, давай делить находку!

— Пойдем, посмотрим.

И они пошли к тому самому месту, где спрятали два горшка: горшок с маслом, горшок с медом.

Горшки целы.

И все там же, как поставили, так и стоят.

Ёж царапнул поверху масло — а там земля.

Ёж царапнул поверху мед — а там земля.

Ни масла, ни меда — горшки с землей.

— Это ты, ушен?

— Ну вот, поди, сам сожрал!

— Я?

— А кому же?

Ёж не захотел даже спорить: нет, пусть их Абумс рассудит.

И они пошли на суд к Абумсу — к самой маленькой и самой мудрой птичке.

Всю дорогу шакал дергался.

— Больно нужен мне твой мед сопливый! А масла я и в рот не беру. Да и брезгаю. Может, отравлено. Не понимаю!

Ёж молчал.

А когда пришли они к птичке, все ей рассказали с самого начала: о бобовом поле, о находке и об уговоре не трогать и как шакал бегал справлять крестины — Додной назвал шакаленка, такое имя шакалье Додна! — как вместо меда и масла в горшках оказалась земля, — кто сожрал.

Ёж — на шакала, шакал — на ежа.

— Я не трогал ни меда, ни масла, а сожрал шакал.

— И мед и масло сожрал ёж, а я этого не употребляю, мне и даром не надо.

Абумс-птичка сказала:

— Как спать ложиться, пусть каждый положит под себя по черепку от горшков. У того, кто сожрал масло и мед, масло и мед покажутся наутро на черепках.

Шакал и ёж вернулись домой.

И как ночь пришла, подложили под себя по два черепка, и спать.

Среди ночи проснулся шакал и сейчас же за черепки: на черепках и мед и масло.

Лизнул — проверил: не ошибся — и мед и масло.

Он тихонько к ежу — ёжик спит, ничего не слышит! — он тихонько ему свои черепки и подложил, а ежиные себе.

На ежиных и залег.

Проснулся наутро ёж, смотрит—а черепки-то под ним и в масле и в меду.

— Ушен, ночью ты подменил!

Шакал ничего не ответил.

Шакал молча подошел к ежу.

Шакал ударил ежа — но ёж выпустил иглы — и до крови расцарапал шакалу лапу.

Шакал кусаться — и окровенил себе всю рожу.

А ёж в комок да на шакала: и куда попадет — там кровь, и что тронет — там как прошла пила.

Шакал бежать.

10. До дна

С расцарапанной рожей, ободранный, шел шакал.

«Что, нарвался? очень неосторожно — так можно было и глаз повредить — шутки шутками, а знай меру, собака! И человек то же, что собака, обманщик! — и еж тоже — что? — нарвался?»

От ежиных игл пуще собачьего куса жгло.

«Уйти куда подальше в горы, скрыться от этой сволочи — куда ему теперь?»

И видит шакал: рябка.

— Теткура!

Едет рябка на осленке — с горы спускается — важно: глаза, как небо, голубые, красный клюв, красным ножки, а вся, как осенний лес.

— Что ты сделала, теткура, чтобы стать такой?

Рябка сказала:

— Я каталась по лесу — оттого перья мои, как пестрые листья; — я ходила по скале, клевала — оттого мои ноги и клюв, как красный камень; — я смотрела на небо — оттого и глаза мои, как небо.

— Я хочу быть таким же прекрасным, как ты!

И шакал побежал.

* * *

Шакал прибежал в лес.

Шакал подрался в самую лесь — перекувырнулся.

И стал по земле кататься — по корням, по листьям: шкура его в клочья, ни волоска! треснула кожа.

Вскочил да к горе — горел как шпаренный.

Вскарабкался на скалу высоко.

Там ударился мордой о камень — как градины, разлетелись зубы и рожа залилась кровью, красная, как пузырь, вся — в крови — не сушеет!

Ступить — каждый шаг одна боль! — прямо мясом по камню.

А лезет — там с вершины небо! все небо!

* * *

И шакал взглянул на небо — прямо на солнце — небо голубое, как глаза рябки.

А не сморгнет, смотрит —

Красная волна прыснула ему в глаза — красные дрозды полетели, красная хапала львиная пасть, ежиные красные иглы затаращились, взметнулись красные песьи языки.

И один самый острый язык, как ежиная игла, лизнул его больно.

И все свернулось.

Шакал зажмурился.

* * *

И из черна вдруг выступил перед ним голубой круг и поплыл— в снежном ободке голубой; голубая река — голубая дорога.

Шакал ступил шаг — а в глазах одна голубь.

Шакал завыл — слепой над пропастью.

«Теперь он прекрасен, как рябка!» — и сорвался.

Там боком дернулся о камень, перекувырнулся.

И из распоротого брюха вывалились кишки, теча.

III. ЗАЯЦ
Сказ тибетский

1. Заячья доля

Созвал Бог всех зверей полевых, луговых и дубровных, — и слонов и крокодилов: поставил перед ними миску, а в миску положил Божью сладкую пищу — разум:

— Разделите, звери, кушанье себе поровну.

Ну, звери и стали подходить к миске, — кто рогом приноравливается, кто клыком метит: всякому ухватить лестно Божью сладкую пищу.

— Стойте, куда прете! — прикрикнул на зверей заяц, — мы не все в сборе: человека нет с нами. Станет он после пенять, станет Богу выговаривать, не оберемся беды.

— Да где же он, человек? — приостановились звери.

— Где? Да тут за пригорком.

— А ты зови его, мы подождем.

Заяц побежал и за пригорком нашел человека.

— Слушай, Кузьмич, Бог дал нам, зверям, кушанье, этакую мисищу с разумом, велел разделить поровну. Все наши сошлись

на угощение, уж метили заняться едой, да я остановил. Иди ты скорей в наше сборище, да не мешкай, а сделай так, как я научу тебя. Выдь ты на середку да прямо за миску: «А, мол, моя доля осталась!» — да один все приканчивай, а как съешь, миску мне. Понимаешь?

— Ладно.

* * *

И пошел человек за зайцем на звериное сборище управляться с Божьей сладкой пищей — разумом.

И как научил его заяц, так все и сделал: вышел он на середку, ухватился за миску:

— А! Моя доля!

Да все и съел, а миску зайцу.

Заяц облизал миску.

Тут только и опомнились звери.

— Что за безобразие! — роптали звери.

А тигр-зверь пуще всех сердился.

— Бог дал нам кушанье, — кричал тигр, не унимался, — велел разделить поровну, а оно двоим досталось. Так этога оставить не годится. И уж если на то пошло, пускай всякий год родится у меня по девяти зверенышей и пускай поедают они зайчат и ребятишек.

Как заяц услышал про зайчат-то, насмерть перепугался, да из сборища скок от зверей в поле и там под колючку.

Известно, какая у зайца защита: ни рога, ни шипа, а под колючкой и заяц — еж.

Ну, а звери погомонили-погомонили и стали расходиться: кто в поле, кто в луга, кто в дубраву, слоны к слонам, крокодилы к крокодилам.

Пошел и тигр.

* * *

Идет тигр полем, твердит молитву:

— Господи, пусть всякий год у меня родится по девяти детенышей, пожирают и поедают! Господи, пусть всякий год у меня родится по девяти детенышей, пожирают и поедают! — и так это ловко выговаривает, вот-вот от слова и станется: услышит

Бог тигрову молитву и пойдут рождаться у тигра по девяти детенышей ежегодно, беда!

Поравнялся тигр с колючкой.

— Господи, пусть всякий год у меня родится по девяти детенышей, пожирают и поедают!

А заяц со страху не выдержал да перед самым носом и выпрыгнул.

Тигр вздрогнул — из памяти все и вышибло.

— Чего ты тут делаешь? — крикнул тигр на зайца.

— Я ничего, Еронимыч, очень страшно. Как ты сказал, что твои детеныши будут поедать моих зайчат, я и выскочил. Я тебя боюсь, Еронимыч!

— Постой, о чем это я молился-то, дай Бог памяти.

— А ты твердил, — сказал заяц, — «Господи, пусть через каждые девять лет родится у меня по одному детенышу!»

— Ах да! Ну, спасибо.

И пошел тигр от колючки.

— Господи, пусть через каждые девять лет родится у меня по одному детенышу! — твердил тигр молитву — и так ловко выговаривал, вот-вот от слова и станется: Бог услышит молитву и будет у тигра через каждые девять лет рождаться по одному и единому детенышу.

Да так оно и будет.

А заяц бежал по полю, усищами усатый пошевеливал: эка, ловко от тигра отбоярился, все-то нынче целы останутся, — и ребятишки голопузые и зайчата любезные.

2. Заяц — Добрый

Жила-была старуха и был у нее один сын. Бедно они жили: земли — сколько под ногтем и все тут. И повадился на их поле заяц: бегает усатый, хлеб травит.

Дозналась старуха.

— Самим есть нечего, тут еще... уж я тебя! — точила на зайца зуб старуха.

У соседа росла в саду старая вишня, пошла старуха к соседу за вишневым клеем.

Дал ей сосед клею, сварила старуха да с горяченьким прямо на поле.

А лежал на поле камушек, на этом камушке любил отдыхать заяц: наестся и рассядется, усами поводит от удовольствия. Старуха давно заприметила, взяла да этот заячий камушек клеем и вымазала.

Прибежал в поле заяц, наелся, насытился и на камушек, сидит облизывается. А старуха и идет, и прямо на него. Он туда-сюда, оторваться-то не может: хвостиком прилипнул.

Ухватила старуха зайца за уши — попался! — и потащила.

— Изведу ж тебя, будешь ты у меня хлеб таскать, проклятущий!

А заяц и говорит старухе:

— Тебе меня, бабушка, никак не извести! А уж если приспичило, так я тебе сам скажу про мою смерть: ты меня, бабушка, посади в горшок, оберни горшок рогожкой, да с горки в пропасть и грохни, — тут мне и смерть приключится.

Посадила старуха зайца в горшок, обернула горшок рогожкой, полезла на горку — горка тут же за полем — вкарабкалась на горку да и ухнула горшок в пропасть.

— Слава тебе, Господи!

Горшок хрястнул и вдребезги, — а заяц скок и убежал.

И дня не прошло, заяц опять к старухе — опять хлеб травить. Не верит глазам старуха: он! — жив, проклятущий!

— Ну, постой же! — еще пуще заточила на зайца зуб старуха.

Опять пошла к соседу за клеем, сварила его да с горяченьким прямо на поле к тому самому любимому камушку, вымазала камушек клеем.

— Уж не спущу!

Зашла за кустик, притаилась.

А зайцу и в голову такое не приходит, чтобы опять на него с клеем; наелся, насытился и на камушек, сел на камушек и попался.

— Не спущу! — ухватила старуха зайца за уши, — не спущу! — И потащила.

— Бабушка, не губи! — просит заяц.

— И не говори, не спущу! — тащит старая зайца и уж не знает, чем бы его: и насолил он ей вот так, да и обманул опять же.

— Бабушка, я тебе пригожусь! — просит заяц.

— Обманул ты меня, обманщик, не верю! — Тащит зайца старуха, не придумает, чем бы его: ли задавить, ли живьем закопать?

— Бабушка, чего душе хочется, все для тебя я сделаю, не губи!

— А чего ты для меня сделаешь?

— Все.

Приостановилась отдохнуть старуха.

— В бедности мы живем.

— Знаю.

— Есть у меня сын.

— Знаю.

— Жени ты моего сына.

— Это можно. У соседнего царя три дочери царевны, на младшей царевне его женить и можно.

— Жени, сделай милость, — обрадовалась старуха, — а ты не обманешь?

— Ну, вот еще! Раз сказал, — сделаю.

— Постарайся, пожалуйста! — Старуха выпустила зайца. Заяц чихал и лапкой поглаживал уши.

Позвала старуха сына, рассказала ему посул заячий. Что ж, сын не прочь жениться на царевне. И сейчас же в дорогу.

— А как тебя величать, Иваныч?

— Ё, — сказал заяц, — так и зовите: Ё.

— Ну и с Богом!

И пошел заяц со старухиным сыном к царю по царевну — будет старухин сын сам царевич.

* * *

Идут они путем-дорогой, заяц да сын старухин, а навстречу им на коне какой-то верхом скачет — одет богато и конь под ним добрый.

— Куда, добрый человек, путь держишь? — остановил заяц.

— В Загорье, в монастырь, по обету.

— А мы как раз оттуда. Только ты чего ж это так? — покачал головой заяц.

— А чего?

— Да уж больно нарядно, и на коне!

— А разве нельзя?

— И думать нечего: ни верхом, ни в одежде в монастырь нипочем не пустят, только и можно — пеш да наг. Оставь свое платье и коня, тут пройтись недалеко.

Тот зайцу и поверил: слез с коня, разделся.

— Мы постережем, не беспокойся, — сказал заяц, — иди вон по той дорожке, прямехонько к монастырю выйдешь.

А в том монастыре в Загорье как раз о ту пору чудил один, под видом блаженного, проходимец, монашки догадались да кто чем, тот и убежал из монастыря голый.

Монашки, как завидели голыша, на того блаженного и подумали: возвращается! — да кто с чем, окружили его и давай лупить.

А заяц, как только скрылся из глаз несчастный, нарядил в его богатое платье старухина сына, посадил на коня и прощай!

* * *

Путь им лежал мимо часовни, там у святого камня понавешано было много всяких холстов и лоскутки шелковые — приношение богомольцев.

Зашли приятели в часовню, постояли, оглядели камень. Заяц, какие лоскутки похуже, в сапог сунул к старухину сыну, а понаряднее себе за пазуху.

Сел старухин сын на коня и дальше.

Целую ночь провели они в дороге, а наутро в соседнее царство поспели, и прямо к царскому дворцу.

Остановила стража:

— Кто и откуда?

Ну, тут заяц не задумался: старухин сын — богатый царевич, а явились они к царю по невесту.

— У царевича в его царстве, — рассказывал заяц, — такое дело случилось, — мор: родители его, царь с царицей, и весь народ перемерли без остатка и остался во всем царстве один царевич и все с ним богатство. Хочет царевич посватать младшую царевну.

Часовые к царю. Зовет царь к себе гостей. Выслушал царь зайца и отправил к царевнам: пускай познакомятся.

Пошел заяц со старухиным сыном к царевнам и завели там игру в перегонки — кто кого обгонит?

Старухин сын побежал и запнулся — сапог соскочил. Заяц к сапогу, вытащил из сапога шелковые лоскутки.

— Экая дрянь! — швырнул лоскутки прочь, а на их место, будто стельки, из-за пазухи другие нарядные вынул да царевичу в сапог.

Как увидели царевны, какие шелка царевич в сапогах носит, все три сразу и захотели за такого богача замуж выйти.

Тут заяц игру кончил и к царю.

А уж до царя слух дошел, царь рад-радехонек.

— Берите царевну, благословляю! А заяц и говорит:

— У жениха на родине ни души не осталось, мором все перемерли, некому и за невестой приехать. Уж вы сами, как-нибудь ее приведите.

Царь согласился: раз ни души не осталось, чего ж разговаривать? — и снарядили за невестой свиту.

— Я с женихом вперед поеду, — сказал заяц, — буду волочить по земле веревку, а они пускай по следу за нами едут.

А жил на земле того царя Сембо, по-нашему черт, пускал поветрия и жил очень богато, людям-то невдомек, а зайцу все известно. К нему-то, в его дом чертячий, заяц и направил.

Увидел их черт, раскричался.

— Как смели вы войти, вон убирайтесь, пока живы!

А заяц и говорит:

— Потише! Мы не просто к вам, а по делу: пришли предупредить вас. Пронюхал про ваши дела царь и послал войско: велено вас изловить и предать злой смерти. Прячьтесь скорее, а то все равно убьют. Не верите? Посмотрите в поле.

Черт к окну: и правда, по полю скачут, — народу невесть сколько. А это была царская свита, — везли невесту.

— А куда ж я денусь-то? — оторопел черт.

— Да вот хотя сюда! — заяц показал на котел.

Черт послушал да в котел.

Заяц взял крышку, крышкой его закрыл, а сам под котлом развел огонек.

Стал огонек в огонь разгораться, стало в котле припекать.

Черту жарко, — куда жарко! — жжет.

— Ой, ой, больно!

— Тише! — останавливает заяц, — услышат, откроют, убьют ни за что! Потерпите! — а сам еще огня прибавил.

Терпел, терпел черт, больше не может.

— Близко! Услышат! — унимает заяц да еще дровец под котел.

Поорал, поорал в котле черт и затих — растопился несчастный.

* * *

Навеселе прикатила царская свита с невестой: дернули на проводинах, галдят.

А заяц, будто в жениховом доме, выходит гостям навстречу, все — честь честью, одна беда, не успел угощенья наготовить.

— Есть только суп у меня вон в том котле, не пожелаете ли?

Гости не прочь: с дороги перекусить не мешает. И угостил их заяц супом — развар чертячий — каждому гостю по полной чашке.

А как кончили суп, повел заяц гостей жениховы богатства показывать.

Ведет заяц, в первый покой: там золото, драгоценные камни.

— Это приданое за невестой: когда женился женихов старший брат умерший, за невестой ему досталось.

Входят в другой покой: там полно человечьих костей.

— Это чего?

— А это вот что: напились гости на свадьбе старшего брата, безобразничали, буянили, за то и казнены.

Ведет заяц в третий покой: а там — полужив-полумертв.

— А это?

— Тоже гости. Напились на свадьбе среднего брата, задирали, безобразничали, за то заточены навечно.

Переглянулись гости — как бы беды не нажить, в голове-то с проводин у всякого муха! — да тихонько к дверям, пятились, пятились, да в дверь, там вскочили на коней и без оглядки лататы по домам, и про невесту забыли.

* * *

Сбегал заяц за старухой.

И стали жить-поживать старухин сын с царевной да старуха в большом богатстве.

При них и заяц жить остался.

Перенесла ему старуха с родимого поля его камушек, на этом любимом камушке и отдыхал заяц.

У старухина сына родился сын. Со внучонком старуха, а пуще заяц возился.

Так и жили дружно.

Захотелось зайцу испытать, чувствует ли старухин сын благодарность или, как это часто среди людей бывает: пока нужен

ты, юлят перед тобой, а как сделано добро, за добро же твое и наплюют на тебя! И притворился заяц больным, лег на свой камушек любимый, лежит и охает.

Сын старухин услышал: что-то плохо с зайцем.

— Чего, — говорит, — тебе, Иваныч, надо? Может, сделать чего, чтобы полегчало? Скажи, что нужно.

А заяц и говорит:

— Вот что, сходи-ка к ламе, в пещере спасается, и спроси у пещерника: он все знает. Да иди обязательно песками, а назад горой.

Старухин сын сейчас же собрался и пошел по песчаной дороге пещерника искать. А заяц скок с камушка да по другой, по горной дороге и прямо в пещеру и сел там. Сидит, как лама, молитвы читает.

Отыскал старухин сын пещеру, не узнал в потемках зайца, думал, что лама-пещерник.

— Чего тебе надо, человече?

— Заболел у меня благодетель. Скажи, чего надо, чтобы помочь ему?

— У тебя сын есть, — сказал пещерник, — вырежь у него сердце и накорми больного: будет здоров.

Пошел сын старухин горной дорогой, едва ноги тащит, а заяц скок из пещеры да песками, вперед и пришел домой. И опять улегся на камушек, лежит и охает.

Вернулся и старухин сын.

— Был у ламы-пещерника?

— Был.

— Что же он сказал?

А тот молчит.

— Чего же ты молчишь?

Молча отошел старухин сын от камушка, взял нож и начал точить.

— Чего ты хочешь делать?

А тот знай точит.

И наточил нож, покликал сына. Пришел сын.

— Раздевайся!

Разделся мальчонка.

— Чего ты хочешь делать? — крикнул заяц.

Старухин сын поднял нож и показал на сына:

— Его.

— Зачем? — заяц приподнялся с камушка.

— Сердце сына моего тебя исцелит.

— И тебе не жалко?

— Мне и тебя жалко. Ты для меня все сделал. Потеряю тебя, навсегда потеряю, а сына даст мне Бог и другого.

Тогда заяц поднялся со своего камушка и открыл старухину сыну всю правду.

— Хотел испытать тебя. Теперь — верю.

И в тот же день заяц убежал в лес.

А молодые со старухой стали жить-поживать и счастливо и богато.

3. Разные зайцы

Подружились волк, обезьяна, ворона, лисица да заяц и стали жить вместе в одной норе. Жили ничего, да год подошел трудный, весь хлеб подъели, а про запас ничего нету.

Терпели, терпели, а выкручиваться надо.

— Ты, Иваныч, самый у нас первый, ты все знаешь, выручи! — пристали к зайцу звери.

— Дайте, братцы, подумать, сам вижу, дело наше плохо.

Ну, и стал заяц думать: туда сбегает, сюда сбегает —
зайцы бегом думают — и говорит приятелям:

— Не горюйте, братцы, я нашел лазейку, живы будем.

А сидел у царя лама, по-нашему чернец, сколько дней и ночей молитвы над царем читал. И подходил ламе срок восвояси убираться и, конечно, не с пустыми руками. Вот этим ламой и задумал заяц поживиться.

— Выйдет лама от царя, а я на дорогу. Буду под носом у него кружиться, подбегу так близко, только руку протяни. Лама соблазнится, погонится за мной. Далеко не убегу, буду его обнадеживать. Он мешок свой с плеч сбросит, подберет полы да налегке и пойдет сигать по полю, а вы хватайте мешок и тащите в нору. Понимаете?

— Понимаем, Иваныч.

— Живо хватайте мешок и тащите в нору! — повторил заяц.

Одному только намекни и уж говорить не надо, все поймет, другому один раз сказать довольно, а третьему, чтобы втемяшить в башку, обязательно надо повторить, и не раз.

— И тащите мешок в нашу нору! — повторил и еще раз заяц.

Царь ламу за молитвы вознаградил щедро: с таким вот мешищем вышел лама от царя, Бога благодарил, — теперь ему от царской милости пойдет житье сытное.

А заяц, как сказал, так и сделал.

Заяц обнадежил ламу, соблазнился лама, захотелось зайца поймать, а когда приятели ухватили мешок, заяц ушел от ламы.

* * *

Приволокли звери мешок в нору, тут и заяц вернулся.

И сейчас же мешок смотреть.

Развязали мешок, а в мешке чего только нет: и съедобного всякого — пироги, аладьи, печенье, и из носильного платья порядочно — штаны, сапоги и четки, и свирель такая гандан из человечьих косток, и бубен-думбур.

— Вот что, братцы, — сказал заяц, — по-моему, нашу находку следует использовать вовсю! Ты, серый, надевай-ка сапоги и иди в стадо: в сапогах тебя всякий баран за пастуха примет, и ты пригонишь целое стадо, тогда нам и горя мало, с таким запасом надолго будем едой богаты. Ты, обезьяна, напяливай-ка штаны и иди в царский сад, залезай на яблоню и рви, сколько влезет, а яблоки в штаны складывай. Полные накладешь, возвращайся, опорожнишься и за грушу примешься. И варенья наварим, и пастилы всякой наделаем, будет сладкого у нас на закладку вдоволь. Ты, ворона, надевай на шею четки, садись у дворца на березу, да грамотку повесь на ветку и каркай. Заприметят тебя и всякому будет в диво: «Что это, скажут, за ворона такая в четках!» — и понесут тебе пирожных, конфектов, пряников, леденцов, а ты не моргай, все бери. Будет с чем нам чай пить. Ну, а ты, лисица, забирай свирель и бубен, отправляйся в поле, где живут твои лисы, лисята и лисенки, труби, свисти, барабань — сбежится к тебе весь твой род лисий, ты их и веди с собой. Будет нас большое сборище, будет нам весело!

Выслушали звери зайца — умные речи любо и слушать! — и принялся всяк за свое дело.

Напялил волк сапоги, да в стадо, идет гоголем: так вот сейчас и побегут за ним бараны, баранины-то будет, объешься! Да не тут-то: бараны, как завидели волка, шарахнулись кто куда, а за ними овцы. На шум выскочили пастухи, да с палкой. Пу-

стился волк улепетывать, а сапоги-то не дают ходу, — едва выбрался.

Обезьяна в штанах забралась на царскую яблоню, полные штаны наклала яблоков и только было собралась спускаться, бегут ребятишки. Увидели на яблоне обезьяну, загалдели, закричали, да камушками и ну в нее. Цапается обезьяна с яблони, а штаны мешают, ни туда, ни сюда, уж кое-как понадсадилась да с ветки прыгнула. Вот грех, чуть было ребятам в лапы не попалась.

А ворона в четках взлетела на березу, подвесила грамотку и закаркала, — поверила, так сейчас вот ей и потащут лакомства! А вышло-то совсем наоборот. Увидели ворону, да камнем. Ворона хотела взлететь, а четки за сук, запуталась, выдраться не может. Только чудом выскочила и уж едва жива полетела.

И с лисой тоже неладное стало, как затрубила она, забарабанила и уж куда там в сборище собираться, пустились от нее все звери улепетывать, собственные лисята и лисенки убежали без оглядки.

Идут товарищи печально: у кого глаз подбит, у кого ноги не тверды, у кого бок лупленный. Сошлись у норы и поведали друг другу о своем горе.

— Заяц — обманщик! Заяц подстроил все это нарочно, чтобы сожрать одному добычу. Давайте-ка его, братцы, отлупцуем хорошенько.

А заяц, проводив товарищей, засел на мешок, наелся хлеба и сыру и всяких печений, весь мешок подчистил. Нашел в мешке красную краску, вымазал краской себе губы, десна, и прилег в уголку, ровно б разболелся.

Нагрянули товарищи с кулаками, а заяц и слова им сказать не дал.

— Ну, братцы, и хитрящий же этот самый лама: мешок-то у него с наговором. Я всего этакую малюсенькую корочку пожевал, так что же вы думаете? — кровь горлом так и хлынула.

Звери смотрят: точно, кровь. Сердце-то у них и отошло. И принялись они за зайцем ухаживать. Уложили они зайца, закутали потеплее, — кто водицы подаст, кто чего.

— Ой, Иваныч! И как это тебя Бог спас, долго ль до беды. Какой ты неосторожный! — ходили звери на пяточках, ухаживали за зайцем.

А про себя уж ни слова: уж как-нибудь подживет, не стоит зайца расстраивать.

Ночью заяц потихоньку выбрался из норы и убежал.

* * *

Проснулись наутро товарищи, а зайца нет.

— Заяц убежал, заяц — обманщик!

— Конечно, обманщик. Сожрал весь мешок и притворился больным. Обманщик!

— Пойдемте, ребята, изловим его и отлупим. Чего в самом деле?

И пошли по зайцу.

Долго не пришлось приятелям путешествовать: заяц тут же забрался на гору и сидит, плетет корзину. Завидели приятели:

— А! — кричат, — попался! Так-то ты по-приятельски с нами. Опять нас обманул: мы из-за тебя натерпелись, а ты мешок сожрал, да еще больным притворился, мошенник!

— Что такое? Какой мешок? Каким больным? Ничего не понимаю. Кто вы такие? Чего вам от меня, зайца, надо? — заяц отставил корзину.

— Кто такие? Сам знаешь! Слава Богу, по твоей милости пострадали. Кто такие!..

— Да позвольте, я вас в первый раз вижу. Вы ошиблись. Над вами мудровал какой-то другой заяц. Зайцев на свете много, и все разные зайцы. Есть зайцы — плетут корзинки, есть зайцы — разводят огонь на льду, а есть зайцы — над дураками мудруют. Я из тех зайцев, которые плетут корзинки, видите! А с вами жил какой-то особенный заяц. Давеча пробежал тут один заяц и спустился с этой горы в долину.

— Извините, пожалуйста, мы ошиблись.

— Ну, что делать, бывает! А это, пожалуй, тот самый и есть заяц.

— Не можете ли указать нам дорогу, по которой пробежал тот самый заяц? Уж больно нам хочется изловить его и отлупить хорошенько: он — заяц плут и обманщик.

— Да вон она дорога, — показал заяц ушами, — с горы и вниз. Только мудрено изловить вам этого самого зайца, больно уж прыток. Хотите, я вам скажу одно средство и заяц будет в ваших лапах. А то ваше дело пропало, нипочем не догнать.

— Мы на все готовы.

— Ну, вот что: я посажу вас в корзину, спущу с горы, и вы будете в долине, куда раньше вашего зайца.

Заяц открыл корзину. И когда звери кое-как втиснулись, закрыл крышку, крепко увязал корзинку лычком, да с горы вниз и грохнул.

Что только было, — корзинка перевертывалась, ударяясь о камни, и не помнят звери от страха, как очутились они на дне.

Слава Богу, кончилось. Попали куда-то да вылезти-то не могут, — корзинка лыком туго скручена: не выйти! Уж ковыряли, ковыряли, доковырялись-таки и вышли на свет Божий.

Вышли в чем душа, а заяц-то, приятель-то их сердечный, сидит — он самый, ей-Богу, сидит на льду и греется у огонька, мошенник!

— Какой заяц-то наш умница, без него нам никогда бы не настигнуть плута. Ишь себе греется, мерзавец!

И звери бросились к зайцу.

— А! Попался! Не выпустим.

Заяц ничего не понимает.

— Что такое? Что вам нужно?

А они так и наступают.

— Нет, брат, вилять нечего. Научил ты нас уму-разуму, едва живы остались, да еще и больным притворился. Дай Бог здоровья зайцу — есть зайцы, которые плетут корзинки! — заяц нам твой след указал, мошенник.

— Понимаю, вас обманул какой-то заяц и убежал! Постойте, только что спустился с горы заяц и спрятался в той вон скале. Должно быть, это и есть тот самый заяц.

— Извините, пожалуйста, опять мы обознались! Мы ищем этого самого зайца, который спрятался в скале.

— А вы очень хотите поймать этого самого зайца?

— Поймать и отлупить хорошенько! — сказали приятели разом.

— За этим дело не станет, только вам придется перебыть мочь, а на рассвете вы двинетесь и сцапаете вашего зайца. Присаживайтесь-ка к огоньку. Вы должны сидеть тихонько, не шуметь и громко не разговаривать, а то заяц услышит, забоится и убежит.

Приятели стали покорно рассаживаться на льду.

— Тише! — прикрикнул заяц, — повторяю, будете шуметь и разговаривать, не видать вам зайца.

Тишком да молчком сидели звери и с ними заяц.

Заяц все подбрасывал дров и от костра лед таял, и вода подтекала под хвосты. Приятели мокли, а боялись шевельнуться — боялись спугнуть зайца: заяц услышит, забоится и убежит.

Среди ночи дрова все вышли, костер погас и вода стала замерзать.

— Пойти сходить за дровами, — поднялся заяц, — ну, я пойду, а вы сидите смирно.

Пошел заяц за дровами и пропал.

Ждать-пождать, нет зайца, не возвращается, пропал. Сидят звери одни, зуб на зуб не попадает, а уж светать стало.

— А что, братцы, не надул ли нас этот заяц?

Шепотком, потом погромче, потом во весь голос заговорили звери: решили приятели, не дожидаясь зайца, самим идти на свой страх к скале и сцапать того самого обманщика зайца.

И опять беда, попробовали подняться, ан, хвосты примерзли!

И натерпелись же бедняги, уж и так, и сяк, едва отодрались: у кого кончика нет, у кого из середины клок на льду остался, у кого основание попорчено, — инда в жар бросило.

Ощипанные, продрогшие — лица нет! — бежали товарищи по льду к скале. А заяц-то ихний сидит себе у колодца, а в лапах камень.

— Чего ж ты нас обманул, бессовестный!

— И не думал, вы сами во всем виноваты. Я набрал хворосту, иду к костру, тут вы чего-то зашумели, заяц испугался и бежать. Я погнался. А заяц не знает, куда деваться, вскочил в этот колодец и сидит на дне, притаился. Хотите посмотреть зайца?

Приятели за зайцем потянулись к колодцу.

А и в самом деле, на дне колодца они увидели заячью ушатую мордочку.

— А это он, наш обманщик! Он самый! — обрадовались товарищи.

— Сколько часов сижу я здесь с камнем и караулю, — сказал заяц, — одному никак невозможно. Хотите доканать вашего зайца, бросайтесь все разом. Когда скажу: три! — разом соскакивайте в колодец, и заяц — ваш.

Звери приготовились.

— Раз, два, три! — крикнул заяц.

И разом все четверо кинулись в колодец.

И назад никто не вернулся: ни волк, ни обезьяна, ни ворона, ни лисица.

А заяц пошел себе из долины в гору, все ходче и прытче, мяукал, усатый.

4. Заячий указ

Овца жила тихо-смирно и был у овцы ягненок. Как-то сидит овца под окошком и тут же ягненочек ее трется. И случился такой грех — мимо проходит Волк Волкович.

Увидала овца волка, — затряслись поджилки, и уж с места не может подняться, сидит и дрожит.

А бежал заяц, видит ни жива ни мертва овца, а никого нет, приостановился.

— Что такое?

— Ой, Иваныч, смерть пришла!

— Какая такая смерть?

— Волк прошел: не миновать, съест.

— Ну, вот еще! Я тебя выручу.

— Выручи, Иваныч!

— Ладно.

Заяц сел на овцу и поехал, а ягненок сзади бежит. Куда едет заяц, овца ничего не знает, а спросить боится, так и везет вслепую.

Выехали на большую дорогу, — там была покинутая стоянка, валялись всякие отбросы.

Заяц увидел лоскуток войлока, велел поднять ягненку. Красная тряпочка валялась, и красную тряпочку поднял ягненок. А потом красный ярлычок от чайной обертки тоже велел подобрать ягненку.

Тут заяц повернул овцу с дороги и поехали тропкой, и доехали до самой до норы волчиной.

Волк высунулся из норы: что за чудеса?

А заяц и говорит ягненку толстым голосом:

— Постели белый ковер! Ягненок постелил войлок.

— Покрой красным сукном! Ягненок разостлал тряпочку.

Заяц слез с овцы и стал на красную тряпочку, как на орлеца.

— Подай царский указ!

Ягненок подал красный чайный ярлычок. Заяц взял ярлычок в лапку.

— От царя обезьяньего Асыки велено от всякого рода зверя доставить по сто шкур. От волков доставлено девяносто девять шкурок, одной шкурки не хватает... —

Заяц остановился, будто передохнуть.

А волк хвост поджал: одной шкуры нет, не за ним ли черед? — да бежать, бежать без оглядки.

* * *

Бежит волк. Навстречу ему лиса.

— Куда это тебя несет, серый?

— Ой, смерть пришла.

— Какая такая смерть?

— Заяц царский указ привез: обезьяний царь мою шкуру требует.

— Не может быть!

— Ну, вот еще, сам видел: указ с печатью.

— Нашел дурака, а ты и веришь, я этого зайчищу на чистую воду выведу.

Волк уперся:

— Да ты убежишь, Лисавна, меня и сцапают!

— Да зачем бежать-то?

— А затем и бежать, давай схвостимся, а то иди одна.

Лиса согласилась: привязала свой хвост к хвосту волчиному. Волк подергал, крепко ли? Крепко.

И побежали волк да лиса выводить зайца на чистую воду. И легко добежали до норы волчиной.

Сидит заяц на красной тряпочке, как на орлеце, в лапках красный чайный ярлычок.

— От царя обезьяньего Асыки велено доставить сто лисичьиных шкур. Доставлено девяносто девять шкурок, одной шкурки нет.

Лисица как услышала — и! куда прыть! — да драла и волка за собой.

Волк прытче, лисе не угнаться. Бежали, бежали, упала лиса.

Уж мордой назад тащится, бок трется о камни, вся шкура долой.

Волк оглянулся.

— Бессовестная, еще и шубу снимает! — и погнал в гору.

А когда добрались они до самой верхушки, мертвая лиса скалила зубы.

— Мучаешься, стараешься, а у вас одни смешки! — Волк едва дух переводил, пенял лисе.

5. Злой заяц

Жил-был медведь и было много у него медвежатов. Медведь один — дела по горло: встанешь утром, иди по дрова, за детьми некому и присмотреть.

И раздумался медведь: неладно так— без призору медвежата, мало ли грех какой, и подерутся, и зверь какой обидит, обязательно надо глаз.

Насушил медведь мешок сухарей, взвалил мешок на плечи и пошел в путь-дорогу: отыщет он человека, человек и будет его медвежатам за няньку.

Навстречу медведю ворон.

— А! Медведь! Куда пошел?

— Ищу человека, медвежатам няньку. Без призору невозможно, а мне дела по горло, приходится по делу отлучаться.

— А что это у вас в мешке?

— Сухари.

— За три сухарика я, пожалуй, готов присмотреть за твоими медвежатами.

— Сухариков мне не жалко, — усумнился медведь, — а ловко ль ты няньчить будешь?

— Очень просто: кар-гар! кар-гар! — закаркал ворон.

— Нет, такая нянька не подходяща.

И пошел медведь дальше.

Навстречу медведю коршун.

— А! Медведь! Куда пошел?

— Ищу человека, медвежатам няньку. Без призору невозможно.

— А что это у вас в мешке?

— Сухари.

— Ну, что ж, за три сухарика я согласен няньчить.

— Трудно тебе их няньчить-то! — усумнился медведь и в коршуне.

— Чего трудного-то? — и коршун закричал по-коршуньи: в ушах засверлило.

Медведь и разговаривать не захотел, пошел дальше.

Навстречу медведю заяц.

— А! Куда, Миша?

— Ищу человека, медвежатам няньку. Сам знаешь, без: призору невозможно, а мне и так дела по горло, приходится из дому отлучаться.

— А что это в мешке-то?

— Сухари.

— Дашь сухари, буду нянькой.

— Да ты сумеешь ли нянчить-то?

— Еще бы, мне, да не суметь! Останусь я с твоими медвежатами. «Медведюшки, скажу, милые, мои медвежатушки-косолапушки, тихо сидите, не ворчите, лапками не топочите, вот вернется из леса батя, принесет меду-малины: соты-меды сахарные, малина сладкая». Буду им говорить, буду их поглаживать по спинке, по брюшку по мягонькому. «И! медвежатки, у! медвежатушки-косолапушки!»

Медведь слушал — слушал, растрогался.

— Ну, Иваныч, согласен: хорошо ты нянчишь.

— Еще бы! — заяц зашевелил усами, — ну, давай мешок посмотрим!

Развязал медведь мешок, заяц всунул туда мордочку, перенюхал сухарики и остался очень доволен.

— Я согласен.

Взвалил медведь мешок на плечи — зайцеву плату — и повел зайца в свою берлогу к медвежатам.

— Вот вам, медвежата, нянька, слушайтесь!

И возгнездился заяц в медвежьей берлоге на нянячью должность.

* * *

Поутру ушел медведь по дрова. Слава Богу, теперь ему очень беспокоиться нечего: заяц присмотрит.

А заяц, как только медведь из берлоги, скок к медвежатой кровати да всем медвежатам головы и оттяпал, положил головы рядком на кровати, прикрыл одеялом, — только носики тор-

чат. А сам сгреб туши да в котел, налил воды и поставил суп медвежий варить.

И пока суп варился, прибрал заяц берлогу, медвежатые мордочки молоком измазал, закусил сухариком и присел к огоньку старье медвежье чинить.

Вернулся медведь в берлогу.

— А, вернулся! А я медвежат молодых накормил и спать. Да тут купцы ехали, оставили говядинки. Я суп варю. Садись-ка! Поди, проголодался?

— Спасибо, Иваныч, проголодался! — свалил медведь дрова и к котлу.

И принялся суп хлебать.

Медведь с голодухи-то навалился, ничего не соображает и медвежьего духу не учуял, а как стал насыщаться, в нос и пахнуло. А тут, как на грех, зачерпнул ложку, а на ложке медвежий пальчик. Вскочил медведь и прямо к кровати, отдернул покрывало — нет медвежат, одни мордочки медвежьи!

И догадался — замотал головой — догадался да на зайца, а заяц скок из берлоги и — поминай, как звали!

* * *

Бежит заяц, выскочил в поле. Бежит полем прытче, — а за ним медведь лупит.

Навстречу пастух.

— Ай, пастух, спрячь от медведя: медведь вдогон, хочет съесть.

— А полезай в мешок!

Заяц — в мешок, а медведь тут как тут.

— Где заяц?

— Какой заяц?

— А такой, давай зайца!

— Да нету никакого, — уперся пастух, — нет и нету.

— Врешь, мерзавец! А еще пастух! Съем, давай зайца!

Пастух испугался, развязал мешок, заяц выскочил и — прощайте!

Бежит заяц полем, — за зайцем медведь.

Навстречу человек: копает гусиную лапку — коренья.

— Послушай, добрый человек, спрячь от медведя: медведь меня съесть хочет.

— А садись в мешок!

Заяц вскочил в мешок, а медведь тут как тут.

— Давай зайца!

— Какого зайца?

— Съем!

Ну, тот испугался, развязал мешок, а заяц прихватил горстку кореньев, да бежать.

Бежит заяц — за зайцем медведь.

Навстречу тигр.

— Еронимыч, отец, сделай милость, спрячь: медведь гонится, хочет меня съесть!

— Садись ко мне в ухо.

Заяц скокнул и прямо в ухо к тигру, там и притаился.

А медведь тут как тут.

— Подай сюда зайца!

— Зайца?

Уставился тигр на медведя, медведь на тигра.

— Убью!

— Посмотрим!

Да друг на друга, и сцепились, только клочья летят.

Бились, бились, и пал медведь под тигром.

А заяц, как увидел, что медведю крышка, выскочил из тигрова уха.

— Спасибо, Еронимыч, дай Бог тебе здоровья.

— Послушай, заяц, ты, сидючи у меня в ухе, ровно жевал что-то?

А заяц коренья грыз — гусиную лапку.

— Я, Еронимыч, глазом питался.

— А дай попробовать!

Заяц подал тигру коренья — гусиную лапку.

Съел тигр.

— Вкусно! Очень! Нет ли еще, Иваныч?

— Что ж, можно. Только теперь твой будет.

— Валяй, с одним глазом управлюсь.

Заяц глаз у него и выковырял, спрятал себе, подает опять корешков. Съел тигр,

— Вкусно! Знаешь, Иваныч, я еще съел бы!

— Да взять-то неоткуда.

— А коли и правый выколупать?

— Что ж, можно и правый.

— А когда я слепцом сделаюсь, будешь ли ты меня водить, Иваныч, слепца-то?

— Еще бы! Я тебя так не оставлю. Поведу тебя по дорогам ровным да мягким, где ни горки, ни уступа, ни колючек. Так и будем ходить.

— Спасибо тебе, Иваныч, ну, колупай!

Заяц выковырял у тигра и правый глаз и уж подает не корешков, а глаза тигровы.

Тигр съел, но без удовольствия.

— Что-то не то, больно водянисто.

— Глаз и есть водянистый, чего ж захотел? Ну, а теперь в дорогу.

И повел заяц слепого тигра.

* * *

Не по мягким ровным дорогам, — по кручам, по камням, по колючке нарочно вел заяц слепого тигра.

— Ох, Иваныч, ой, тяжко!

А заяц нарочно выбирал дурные дороги и не давал передышки.

Пришли к пещере.

Заяц посадил тигра на край, спиною — в пропасть, сам собрал хворосту, развел огонь перед тигром.

— Не жарко ли, Еронимыч? Подвинься немного.

Тигр попятился и очутился на самом краешке.

Заяц подложил огоньку.

— Подвинься-ка еще, Еронимыч!

Тигр еще попятился и ухнул в пропасть, да, падая, ухватился зубами за дерево и повис над пропастью.

И хочет тигр зайца на помощь позвать, да ничего не выходит, только мычит.

— Еронимыч, где ты? — кличет заяц.

А тот мычит.

— Еронимыч, подай голос! да где же ты?

— Я тут, — крикнул тигр.

Сук выскользнул изо рта, и угодил тигр в самую пропасть, да там и расшибся.

* * *

Бежит заяц.

Навстречу купец.

— А! купец! Я убил тигра, не хочешь ли шкуру?

— А где она?

— А вон, у пещеры.

— Ну, спасибо.

Оставил купец товар на дороге, а сам к пещере за тигровой шкурой.

Бежит заяц.

Навстречу пастух.

— А! Пастух! Под горой у пещеры купец шкуру снимает с тигра, товар на дороге оставил, хочешь попользоваться?

— Спасибо!

И побежал пастух купцов товар шарить. Бежит заяц. Навстречу волк.

— А! серый! Пастух ушел за добычей — купцов товар без хозяина на дороге, стадо пастухово без призору, ступай, поживишься.

— Спасибо, спасибо.

И побежал серый волк пастухово стадо чистить.

Бежит заяц.

Навстречу ворон.

— А! ворон! Волк побежал пастухово стадо чистить, волчата одни. Не желаешь ли полакомиться?

— Спасибо.

И полетел ворон к волчиной норе волчат клевать.

Бежит заяц.

Навстречу старуха с шерстью.

— А! бабушка! ворон улетел волчат клевать, попользуйся вороньим гнездом — соломы тебе будет довольно.

— Спасибо, Иваныч, дай тебе Бог здоровья.

Старушонка положила шерсть за кустик, побрела к вороньему гнезду гнездо снимать.

Бежит заяц —

А на него ветер — ——

А! Ветер Ветрович! Старуха пошла за вороньим гнездом, не желаешь ли поиграть с шерстью, эвона за кустиком трепыхтает.

— Спа-си-бо.

Ветер подул на дорогу, выдул старухину шерсть, закрутил, завеял, растрепал ее бородой и! — понесся — —

* * *

А там купец снял с тигра шкуру, вернулся со шкурой на дорогу, где товар оставил, а товара нет — пастух унес! — и погнался купец за пастухом — —

Пастух пришел с купцовым товаром к стаду, хвать, а волк овцу угнал, и погнался пастух за волком — —

Волк приволок овцу к норе, а у волчат глаза выклеваны — пропали волчата! — и погнался волк за вороном — —

Ворон поклевал волчат и назад в гнездо, а гнезда-то нет, старуха на дрова сняла, и погнался ворон за старухой — —

Старуха снесла гнездо к себе в избу, вернулась на дорогу, хвать, а ветер несет ее шерстку, и погналась старуха за ветром — —

Ветер дул, завивал старухину шерсть, гнал ее полем, свистел, играл —

Ветер дул и кружил — —

И увидел заяц — по дороге в ветре кружилось: купец, пастух, волк, ворон, старуха.

И как увидел заяц — смотрел — смотрел и захохотал.

Захохотал заяц и так хохотал — от хохота разорвалась губа.

6. Звериное дерево

У дерева сошлись три зверя: слон, обезьяна, заяц и с ними ворон. Без головы жить невозможно, кому быть старшим?

«Я слон. Я помню дерево чуть от земли: я старший!» — и стал под деревом, ничем не сдвинешь.

«Нет, я постарше!» — обезьяна прыгнула на ветку и уцепилась над слоном.

«Я заяц — Ё — я видел, как на дереве зазеленели первые листочки, я всех старше!» — да скок... и стал над обезьяной.

«Нет, ворон старше! Я принес зерно, из этого зерна все пошло» — и ворон взлетел над всеми.

Так старшинством живет зверье: слон, обезьяна; над обезьяной заяц; а выше над зверями ворон.

IV. СУФИЙНАЯ МУДРОСТЬ

1. ИЗ-ПОД ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ

Грешник — пьяница — дитя — женщина

Хасан Басри (642—728), месопотамский араб суфи (в рубище овечьей шерсти), наставник взыскующих правоверных, рассказывает о своих памятных встречах: четыре лица запечатлелись в его глазах: грешник, пьяница, дитя, женщина.

* * *

Однажды проходя по улице я встретил известного по всей Басре мошенника, на лице которого жалобы припечатали «негодяй». И я обличил его. Весь он, подергиваясь, выслушал меня и спокойно сказал:

— Праведный шейх, ты проколол мою душу. Твои глаза видят сквозь паутину моих уловок, а что ты скажешь о моем конце? И скажи мне, чем ты сам кончишь? Как знать, какой-нибудь случай повернет — и я раскаюсь и угожу в праведники святые, а ты при своей святости — тоже случай, ткнешься носом в грязь?

* * *

Проходя улицу, я наткнулся на пьяного человека — ничком в грязь. Жадно лакал лужу.

— Подымись, — окрикнул я, — твердо стань на ноги, чтобы снова не ковырнуться.

— Святой шейх, я поднялся, — отбулькнув, добродушно лепетал пьяный человек, — я умоюсь... на рожу воды хватит. Я поднялся... А вот ты, если ткнешься, с тобой упадут тысячи.

* * *

В окне дома я заметил, мальчик играл с зажженной свечой.

— Откуда взялся свет? — спросил я.

Мальчик, лукаво перемигнув, задул свечу.

— А ты мне скажи, куда ушел свет?

* * *

Раздумывая о бедном круге нашего знания, я продолжал путь.

Меня остановила женщина.

Я поражен был ее красотой, плечи ее были обнажены. Путаясь в словах, она принялась жаловаться на мужа.

— Сперва покрой лицо, — перебил я.

Резко она ответила:

— Что мне до покрывала? Я встретила одного человека, полюбила его и только его одного вижу неотступно перед собой, его глаза светятся в моих. А ты кичишься «возлюби Господа Бога» и шаришь по моему лицу.

Негр

Хасан Басри достиг высокого смирения и всякого, кого встречал он или думал о ком — казались ему выше его. И со всеми он говорил кротко.

Шел он по берегу Тигра и невольно остановился. На берегу сидел негр с женщиной в обнимку, а перед ним красовался кувшин. Они пили и григотали.

И глядя на негра и его бабу Хасан сказал себе: — «и эти выше меня». Но голос из подножия его души перебил голос вершинный: «Разве? Да ты посмотри на бабу, неужели и она выше тебя?»

По реке плыла лодка. То ли наткнулась на камень, то ли еще с чего, вдруг опрокинулась и кто в ней был пошли ко дну.

Негр это увидел и не раздумывая бросился в реку спасать. И вытащил на берег шесть человек, а всего было семь.

— Праведный шейх, — обратился он к Хасану, — у меня нет больше сил. Ты сильнее меня, спаси седьмого.

Но Хасан оставался неподвижен. Беспомощно он озирался. Опрокинутая лодка погрузилась в реку.

— Всесильный шейх, — произнес негр, — знай же — и он показал на кувшин — не вино, мы пили чистую воду, источник нашей жизни, а это — моя мать.

Шейх упал ему в ноги:

— Воистину, ты мой наставник, ты спас утопавших, спаси и меня! И благослови.

— Ты прозрел! — сказал негр и неумело благословил его «во имя» Бога милосердного и милостивого.

* * *

С той поры никакой соблазн не был властен отуманить его глаза. Хасан достиг совершенного смирения и набросившейся на него собаке, не отстраняясь, он сказал:

— Брат мой.

И в голосе призвучало такое необъемлемое — близость, шее, поджав хвост, конфузливо пошел прочь.

Рабийя

В дни Хасана Басри славилась в народе суфия, зовут Рабиейей, и Хасан отличил ее среди суфиев: он говорил о ней, как о источнике своего вдохновения.

* * *

Раз в неделю Хасан проповедовал в мечети. Всходя на мимбер, он всматривался — и если Рабийи нет, покидал кафедру без слова.

Когда его спросили, почему так? он ответил:

— Разве я могу насытить муравьев напитком, приготовленным для слона?

Проповедь Хасана дышала живым словом, слова наливались пламенем и падали на сердце слушателей.

И однажды в ударе он пронял и самых тугих и окончив речь, указывая на Рабийю, воскликнул:

— Ты! Под покрывалом! Искры твоего сердца одушевляли мое слово, ты — огонь моей речи.

* * *

Как-то в вечерний час Рабийя покинула город и поднялась на гору. Для Хасана ничего тут особенного. Но на этот раз он

удивился, что Рабийя не одна, а в кругу зверей: олени, серны, газели.

Хасан задумал проверить и стал подниматься в гору. Звери один за другим стали расходиться.

В чем дело? — Рабийя одна: ни рогов, ни копыт.

— Ты что сегодня ел? — спросила Рабийя.

— Курдюк с луком.

— Так чего же ты удивляешься? Ты распугнул моих гостей: человека можно провести, а зверь и из-под луку учует мясо.

* * *

Рабийя, проходя мимо дома Хасана, почувствовала: на ее голову упали две тяжелые капли.

«Начинается дождь» — подумала Рабийя. А подняв голову посмотреть — у окна сидит Хасан — глаза его наливались, слезами.

— Удержи эти слезы в себе, — сказала она. — Там их целое море, в этом море ты ищешь свое сердце, а не находишь. Но тот, кто воистину любит Господа, не находит и не найдет своего сердца — оно у Бога всемогущего, возлюбленного.

Тяжко ударили эти слова по Хасану, и ему нечего было ответить.

На новолетие Хасан получил от Рабийи подарок: свечу, иглу и волосок.

Хасан читает:

«Ты озаришь весь мир, как свеча, стань чист и наг, как иголка, не украшайся, и ты украсишь других. И ты подымешься на такую высоту совершенства, как будто ты каждым своим волосом тысячу лет послужил Господу Богу».

Когда Хасан попросил Рабийю быть его женой, Рабийя сказала:

— Для брака надо двух, а из нас — ты один, я ничто, принадлежу одному Богу и подчиняюсь его воле.

— Как достигла ты этого?

— Как все, что я постигаю, погружается в Бога.

— Как же ты знаешь Бога?

— О, Хасан, я его знаю без как.

Хромой толкачик

Из книги «Сафват Ус Сафа» («Несравненная Чистота»). Житие Сафи-Уд-Дина, из города Ардебили (1252—1334), родоначальник персидской династии сефевидов.

Рассказывает факир Мухаммед Сэзиэки, последователь шейха.

В ту же ночь мне приснился сон. Пробуждение было тягостно. Стало светать, и я пошел к шейху. Но пробраться было никак, у дверей большая очередь: ученики, каждый со своим сном. Все они пришли раньше меня — я постоял и покорно вернулся домой.

В тяготу неразгаданной ночи вошла печаль неудачи.

Поднялось солнце, и лучи заглянули мне в окно.

В жари света, выплясывали мошки — никаким счетом не счесть и не остановить толкучей волны их танца.

Вдруг смотрю, в дверях стоит шейх и, скользнув по жаркой, кипящей жизнью волне, выхватил и положил мне на ладонь живую пылинку света.

— Хромой толкачик! — сказал он.

Но в моих глазах мелькали тысячи мошек, неразличимых моему глазу.

— И в толпе ожидавших меня, — сказал шейх, — я различил тебя и пришел растолковать сон и утешить.

2. СКАЗАНИЕ О ШЕЙХЕ БАЯЗИДЕ

Баязид Бистами, персидский шейх суфи 10 века из Бистама. При жизни был 12 раз изгоняем из города — и каждый раз шейх, покидая город, говорил: «О, как высок город, в котором Баязид еретик». А теперь нет человека в Бистаме, кто не почтил бы гробницу шейха. По словам Джунейда суфи, Баязид занимал среди суфиев то же место, что среди архангелов — архангел Гавриил. Баязид достиг состояния «аль-фэна-фи-Алла» — исчезновение в Боге, слияние с Ним. Это высшая ступень исламской мистики, соответствует нирване браминов Индии. Шейх Абу Саид Абуль Хемр, 11 века, из Мехие сказал о Баязиде: «Я вижу восемнадцать тысяч миров, наполненных Баязидом, но самого Баязида я не вижу: он вошел в Бога».

Отмеченный

«Ты всегда был особенный — на других детей не похож. Еще когда я тебя ждала, — вспоминала мать Баязида, — ты и тогда не безразличен был ко мне: съешь, бывало, чего без охоты или пожадничаешь: было б другому отдать — всегда ты переворачивался во мне, и я принимала за укор».

Когда Баязид начал ходить в школу, однажды он слышит из Корана: «Будь благодарен Мне и твоим родителям». И было сказано: как должно почитать и любить Бога и родителей. Баязид дома сказал матери:

«Я узнал сегодня, что должен служить Богу и тебе. Но как мне разделить свое сердце — служить Богу и тебе? Испроси у Бога, чтобы он оставил меня тебе, или вручи меня Богу, чтобы я служил Ему одному».

Мать слышит такие слова, и точно что осенило ее: «Сын мой, отдаю тебя Богу. Ступай и служи Ему».

Баязид покинул мать и ушел в Сирию и провел 30 лет в аскезе — подымаясь по лестнице совершенства. Он повстречал за это время сто тринадцать старцев суфиев, служил им и многому научился.

Праведная увертка

В год паломничества Баязида в Медину, святой город, на могилу Пророка, толпа паломников задумала сопровождать его, принимая это как особую благодать. А ему хотелось быть одному и не ставить себя между людьми и Богом, чтобы не почитали его, а только Бога.

Наутро он обратился с проповедью и неожиданно возгласил: «Воистину, аз есмь Аллах, несть Бога, кроме Меня, да поклонитесь Мне».

«Свихнулся — ум за разум — спутал!» — кому что на язык. Паломники отступили, а ему только того и надо. Они приняли за чистую монету, невдомек было, что Баязид произнес слова Аллаха.

Неведение

Рассказывают: Баязид, отправляясь в Медину, погрузил свои пожитки на молодого верблюда. Ему говорят: «Жестоко так мучить животное: нешто верблюжонку вынести на себе такую тяжесть?»

Баязид ничего не ответил, но когда упрек повторился, сказал: «Эту ношу несет не верблюжонок, — посмотрите поближе».

Посмотрели и видят. Что же увидали? Груз на длину руки держался над горбом верблюда.

«Что за чудеса?»

Баязид сказал: «Открыть правду о себе – не поверите; открыть вам тайну — не поймете ее. Не придумаю, как мне и быть с вами».

Самоотречение

Когда Баязид возвратился на родину с своего паломничества, все население города вышло ему навстречу — оказать торжественный прием. Но он почувствовал, такая встреча возношение, отклонит его от Бога.

Толпа окружила его, и приставала к нему. Он вынул из кармана хлеб и принялся уписывать его демонстративно, а был этот месяц постный — Рамадан, и никто не ест от восхода и до самого заката солнца — когда белой нитки не отличить от черной.

Дерзкий поступок Баязида навел на мысль: конечно, он обратился в неверного — «кафира». И все отошли от него, порицая. Он остался один и только под вечер пошел домой, где в слезах ждала его мать.

Откровение

Только теперь я понял, сказал Баязид, служение, которое я считал последним, было самым верным из всех служений: обрадовать мать. Все, что я искал в пути совершенства, я нашел в одну ночь у моей матери. Как-то среди ночи зимой мать покликала меня и попросила глоток воды. Я поднялся и пошел на кухню за водой, но в стакане воды не оказалось. Я за кувшин, и в кувшине — ничего. Я вышел на улицу и принес от источника. Когда вернулся, мать спала. И я стоял со стаканом в руке, пока мать не проснулась. Она пригубила и помолилась за меня. Тогда глаза мои прозрели.

В пламени

Чтоб соединиться с Богом, двенадцать лет я, как кузнец, раскалял мою душу в печи порыва к отречению. Я положил порыв на наковальню порицания и ковал молотом уединения, по-

ка не сделал его, как зеркало. И пять лет я полировал зеркало эликсиром молитвы, размышляя и служа, а потом целый год, дивясь, я рассматривал себя в этом отполированном зеркале. И тогда я увидел, какая оковывает меня цепь самодовольства, гордыни и превозношения. И еще пять лет я трудился, пока не порвал эту цепь: я понял, что до тех пор я не был настоящий правоверный. Я начал вглядываться в мое начисто вылощенное зеркало. В нем отражался весь мир. И узрел, что все люди мертвы. Я прочел над ними отходную. И в это мгновение я стал свободен от мира и от людей, и по благодати достиг спокойного единения с Богом.

Баязид покинул свой город ради паломничества в Мекку, но скоро вернулся.

«Что случилось? Ты нарушил обет?»

— А вот как: когда я был в дороге, предстал мне вооруженный воин с обнаженным мечом в руке и сказал: «Вернись домой, или тебе голову снесу. Чего ты оставил Бога в своем городе Бистаме и ищешь его в Мекке, ровно б можно его обрести только и только там!»

Не выдержал

Баязид чувствовал себя в «накате» — задумал прогуляться на кладбище, там всегда тихо. Кое-где среди могильных камней сидели старики и кротко вспоминали. Откуда ни возьмись — веселый малый, да и еще дернул. Он упивался святой игрой на арфе. Увидя шейха, его бедность и его печаль, ему захотелось развлечь его. Весь мир зазвучал игрой на его арфе. И даже когда музыкант чувствовал, какие вылетали звуковые безобразия, его еще пуще веселило, лицо его расходилось до ушей — улыбка раздирала губы. Он подскочил и, семеня перед шейхом, развертывал свое искусство. Баязид долго терпел, остановился и решительно произнес — слышно сквозь арфу:

— Прекрати!

Музыкант впал в раж и с последними звуками арфы треснул шейха по башке, и арфа — на куски.

На следующий день потерпевший от «изувера» получил деньги на покупку новой арфы и сластей — рахат-лукум, халва и фисташки к чаю, и письмо: Баязид просит простить, — не выдержал.

Музыканту стало не по себе. После чего, сейчас же, немедленно отправился в дом к шейху сказать спасибо. И сделался одним из самых верных учеников Баязида.

Легкомыслие

Спросили Баязида, кто был его главный учитель?

— Одна старуха, — сказал Баязид. — Однажды, в высшем восхищении, я вышел в поле. Встретилась мне старуха и просит донести до города куль муки, а в моем состоянии я не мог нести. Я взмахнул рукой — и появился лев. Я положил ему на гриву старухину муку и сказал: «неси в город». Потом я спросил старуху: «Как ты думаешь, кто я и что ты расскажешь в городе?»

Отвечала старуха: «А скажу я, что встретился мне жестокий и легкомысленный человек».

«Откуда мне сие?»

Она мне сказала: «Подумай-ка, лев создан Богом свободным, а ты его принудил таскать муку, и это жестоко. Кроме того, ты хочешь показать жителям города твои чудеса. Разве это не легкомыслие?»

Тут я узнал от старухиной муковки свою слабость и грех — низвергся и притих.

Собака открыла глаза

Случилось Баязиду на узкой дороге встретить толпу юношей. Откуда-то выбежала собака. Баязид посторонился. Кто-то из толпы спросил: почему он, царь суфиев, попятился перед собакой? — ведь Бог вознес человека выше всех тварей.

Баязид ответил: «Эта собака сказала мне: “О, Баязид, в перворотворении мы не одно ли и то же? И чем я виновата, что Бог покрыл меня собачьей шкурой, и в чем твоя заслуга, что Бог короновал тебя царским венцом?” Эти слова побудили меня дать собаке пройти вперед».

* * *

Другой раз, во время прогулки, к Баязиду привязалась собака, вся в грязи. Баязид подобрал полу своего плаща — не запачкаться.

Но собака заговорила: «О, шейх, если я запачкаю твою одежду, тебе достаточно кувшина воды — вымыть, но нечистоту твоего сердца не смоет вода и семи морей!»

Баязид сказал: «И вправду — ты грязнуля, а я — разве душа моя чиста? Давай, будем друзьями, и из двух нечистых не получится ли чистое?»

А собака сказала, — она говорит по-своему, на собачьем, а Баязид перевел на персидский: «Собака не любит с тобой водиться. Собаку гонят в три шеи, а тебе всюду — здравствуйте, пожалуйста. О какой тут дружбе, я — собака. Какие у меня запасы — сухарик на обед, а на ужин — воспоминание, а у тебя — целый мешок пшеницы. Нет, нам с тобой не рука».

И воскликнул Баязид от всей души:

«О, Господи, собака считает недостойным ее сопровождать, откуда мне надеяться быть сопровождаемым Тобою!»

И возблагодарил Бога, что вразумил его через собаку.

3. ЗУН-НУН

Суфий египетский

Родина Зун-Нуна Египет. Имя одного из самых громких среди суфиев X-го века: Басри месопотамский, Баязид персидский, Зун-Нун египетский. При жизни шла о нем слава: колдун. И удивлялись его образу жизни, все не по-людски, навыворот и наоборот. Жил в одиночестве и скрытно.

Обращение / Подвижник

Есть что-то глубоко оскорбительное для человеческой души: законы природы. Одни времена года чего стоят, а непрерывное мое «хочу»? Какое рабство, безвыходно.

Рано я это почувствовал и тогда же сказал себе: свое рабское «хочу» — не хочу.

Мне говорят: трудное это дело и не всякому на руку. И указали дорогу: живет праведник. Долго искал я подвижника и нашел, вижу: привязал себя человек к дереву и висит вниз головой.

«О, мое тело, я буду терзать тебя, пока ты не станешь мне послушным. Я стану свободный, когда заглушу в себе твой голос: “хочу”».

Меня поразила решимость этого человека, он услышал мое удивление: «Кто это? — спросил он, — кого я мог тронуть—мое раскаяние при бесчисленных моих пороках?»

«Мир тебе, — сказал я и подошел поближе, — объясни мне твой подвиг».

«Мое тело не повинуется моей воле, — страждет, а кто дает страданию овладеть душой, душа теряет силу сопротивляться соблазну».

Ответ подвижника и другие мои встречи открыли мне путь, но я еще не постиг: «Кто предался воле Божьей, о том Бог печется».

Слепая птица

Однажды, раздумывая: как возможно Богу заниматься делами твари? — я увидел на дереве птицу: глаза ее никуда не глядели — слепая. Кто — подумал я, — накормит и напоит ее, слепую?

А птица слетела наземь, копается клювом, — подковырнула зерно, червяков прихватила и снова поднялась на дерево— на старое место.

Слепая птица открыла мне глаза и укрепила мою веру. Так совершилось мое обращение.

Целитель

Бродил я как-то в горах и вижу у входа в пещеру толпа. Мне говорят: в пещере живет святой, раз в год выходит он к народу и дуновением своим и взглядом исцеляет больных. Нынче этот день. Я стал в отдалении и жду. И вот вышел из пещеры человек: маленький, худущий, впалые глаза, но такие— от взгляда душа содрогается.

Ласково он посмотрел на больных. Поднял глаза к небу и потом подул на страждущих, — и все исцелились: слабоногие подпрыгнули, слепые опустив руки, без поводыря пошли по дороге, немые громко затараторили — глухим не по ушам: затыкай пальцами, а бесноватые — тише воды, ниже травы.

Увидя все это, я бросился к святому, схватил его за полу.

«Ради Бога, ты исцелил телесные немощи — исцели мою душу!»

Святой остановился, взглянул на меня и сказал:

«Зун-Нун, дай мне уйти: Бог смотрит на нас. И когда Он увидит: ты умоляешь меня, вместо него, Он оставит тебя мне, а меня тебе, и мы оба тогда пропадем».

Сказал и ушел в пещеру.

Кольцо

Человек — животное всезнающее и чем меньше знает, тем больше прыти судить и все охаять, и не от дурна, а от дури.

К примеру — Хасан, добряк — но какую ерунду он рассказывает о суфиях.

Зун-Нун позвал его к себе: «вот тебе кольцо, и что тебе за него дадут — то твое».

Болтун взял кольцо и пошел на базар и скóро идет назад:

«Нате, говорит, ваше кольцо, ни одного динара за него не дают: и золото не золотое и камень цветное стеклышко».

«А ты ступай к ювелирам, — что разумные скажут?»

Хасан пошел и скоро вернулся: «Тысячу динаров мне дали за твое кольцо».

«Твои слова, твоя болтовня о суфиях то же, что мнение базара: торговцы не хотели дать и динара, а ювелир, без всяких, по одному взгляду предложил тысячу динаров».

Юноше стало очень стыдно, и он оставил всезнайство.

Колдовство

Меня обвинили перед халифом Аль-Мутавакилем в колдовстве.

И вели к нему в оковах, а был знойный день; вижу — водоноша. Я попросил напиться, и он мне налил полный стакан. Но когда мой спутник хотел заплатить ему — водоноша сказал:

«Ты арестован, в кандалах, и на чужбине, как же я могу взять с тебя плату?»

С тех пор я понял и стал различать совесть.

В Багдаде меня ввели во двор халифа: я был поражен роскошью, — толпы слуг, — меня охватила тоска и я потерялся.

Ко мне подошла старая служанка:

«Ты — бренное тело, чего ты боишься? — сказала она, — ведь и ты и тот, перед кем тебя поставили, — вы оба рабы Божьи. И, если не воля Божья, что может сделать раб другому рабу?»

Зун-Нуна ввергли в темницу. И спустя сорок дней он был приведен перед халифом Аль-Мутавакилем — дать ответ в своем колдовстве.

Зун-Нун так изложил учение суфиев, что обвороженный халиф просил простить его, отпустил его на волю с почетом вернуться на родину в Египет.

4. ЖЕЛВЬ И УТКИ

Помню — в затоне, где чистая отражена как зеркало вода, а на вкус как источник жизни, напоминает родник — живую воду, жили две утки и желвь. Жили они по соседству в дружбе, как в одном доме, мирно.

Приятна жизнь в кругу друзей,
Мгновение — об руку с любимым другом.

Но вдруг судьба, ее жестокая десница стала бить по ногтю их устоя. И в зеркале завтрашнего дня отразилась разлука.

Где такое наслаждение, которое не обнаружила б судьба?
Приятно вино из чаши с друзьями,
Но приходит потом горечь похмелия, разлука.

Вода, основа их жизни и источник корма, стала убывать и зацвела. Убедившись в опасной перемене, утки решили покинуть родные места.

Странствовать не легкое дело,
но лучше домашнего гнета.

С надорванным сердцем, глазами, полными слез, утки пришли к желви прощаться.

Разлучница — черный глаз,
как выразить его злодеяние?

Желвь горько зарыдала: «Разлука, что вы говорите? Как могу жить без верных друзей?»

Жизнь без тебя называется смерть!
Как пережить мне тяжесть разлуки —
при одной мысли я никну как плакучая ива.

Говорят утки желви: «И наше сердце разрывается от печали— необходимости расставаться. Но мы не можем жить без воды и вынуждены улететь».

Кто по своему желанию покинет райский сад?

Говорила желвь: «О друзья мои, какая мне жизнь без воды, труднее, чем вам. Не оставляйте меня одиноку в безводье, возьмите меня с собой!»

Ты ведь моя душа, а хочешь улететь?
Что будет с телом без души?

Говорили утки: «Нам тоже больно без тебя. Где бы нам не довелось жить на приволье, все думали б только о тебе. Но как быть, нам по земле ходить не ладно, а ты ведь не можешь летать».

Сказала желвь: «Как тут быть, рассудите вы — а мне разбитое сердце разлукой — и ума не приложу».

Удивились утки: «О, дорогой друг, за все время нашего соседства ты отличалась разумом и силой воли, но согласишься ли ты на нашу затею?» Желвь говорит: «Как могу я не согласиться, раз вы мне желаете добра?»

Я дал слово быть верным уговору,
не стану нарушать согласия.

Прокрякали утки в ответ: «Наш уговор: когда мы тебя возьмем и подымемся под облака, ты не станешь возражать— и чтобы ни говорили люди, не обращай внимания ни на дурное, ни на хорошее». Желвь согласилась: «Я буду послушна вам и наложу печать молчания на мои уста». Принесли утки ветку, желвь вклюнулась в ветку, и утки полетели.

Поднявшись высоко, летели они над деревней. Народ высыпал смотреть и диву давались. Кричали: «Смотрите, утки несут на ветке желвь. И когда это было видано?» Шумели люди, глазам не верят. Желвь молчит, но скоро чаша ее рвения закипела и воскликнула желвь: «Пусть ослепнет невера!»

И только что желвь раскрыла рот, как тотчас упала на землю. И кричали утки.

Доброжелатели дают совет —
Счастлив тот, кто слушается.
Я желаю тебе добра, но на что тебе совет,
раз ты, несчастный, не слушаешь меня.

5. ХАЛИФАТ И ИМАМАТ

Предисловие

По мусульманской доктрине, исповедуемой суннитами, калиф— наместник Аллаха на земле. После упразднения Халифата в Турции Ислам лишен этого главенства.

Шииты не признают халифов и создали свою теорию преемства верховной власти Ислама в лице Алия.

Последний Имам Махди скрылся, и шииты верят, что он не помер, а в свое время появится на земле.

В 80-х годах прежнего века было восстание в английском Судане, во главе которого стояло лицо, называвшее себя: Махдием, — «безумный Мулла».

Шиитские теории Имамата находятся в исторической связи с понятием о «Саошианте» — Мессии в религии Зороастра (исповедание персов до Ислама — 7-й век).

Персы, обращенные в Ислам, сохранили много из своих прежних верований, и правоверные последователи Ислама их считают еретиками.

Первые четыре халифа по выборному началу — обычай бедуинов, были: Абу Бакр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—656), Али (656—661).

Раскол вспыхнул после смерти Пророка (632 г.), когда власть перешла к тестю Пророка Абу Бакру вместо Али.

По мнению шиитских богословов, халифом может быть человек без греха и неспособный к греховным деяниям. Догмат шиитского вероучения — предвечное сотворение Али.

Пророк говорит, по словам шиитов:

«Всевышний сотворил Меня, Али, Фатиму,
Хасана и Хуссейна до сотворения Адама,
когда еще не было ни небес, ни земли,
ни света, ни тьмы, ни солнца, ни месяца,
ни рая, ни суда».

После смерти Омара, убит, Халифат предложен был Алию с условием признать Коран и предание согласно толкованию суннитов. Алий не согласился, халифом был избран Осман, убит в 35-м году (хиджры), на халифский престол вступил Али.

После Али — избран его сын Хасан, но Хасан отказался, и халифом сделался полководец Муавия. После смерти Муавия стал халифом его сын Иезид.

Шииты признают имамами 12 лиц: Али, Хасана, Хуссейна, Али, Зейн-Уль-Абид*и*на, Мухаммеда Б*а*кира, Джафара Садэга, Мус*у* Каз*и*ма, Али Риз*а*, Мухаммед<а> Ток*и*, Али Нак*и*, Хасана Аскер*и* и Мухаммеда Махд*и*.

«У шиитов месяц мухаррем — первые десять дней посвящены памяти имама Хуссейна и его семьи (в 61-м году хиджры), погибших в Кербеле, в сражении с войском Иезида.

На всех больших улицах воздвигаются черные палатки, в которых особые чтецы (рузе—ханы) рассказывают в трогательных словах историю, разыгравшуюся в Кербеле. Кроме того, в специальных зданиях, так называемых «тэкье», ежедневно разыгрываются на ту же тему мистерии «тазийе», что значит «оплакивание».

Когда на сцене идет печальная драма, рыданья слышатся со всех сторон, зрители бьют себя в грудь и рвут на себе одежды».

Имамы

Джафар Садэг (700–765)

Джафар-ибн-Мохаммед — шестой Имам у шиитов.

Шииты считают Али первым преемником Пророка (632 г.), все же другие халифы — узурпаторы.

Одиннадцать потомков Али называются имамами. Одиннадцатый, последний — Мохаммед Махди, по преданию, не умер, а скрылся в конце 8-го века (в 260 г. хиджры), под Багдадом. Шииты верят, что Мохаммед Махди жив и в свой срок явится предъявить права на верховное главенство в мусульманском мире.

Джафар Садэг (правдивый) — шестой из одиннадцати имамов. По числу 12 шииты «двунадесятники» (12 — считая первым Али, остальные 11).

Джафар Садэг — из семьи Пророка и унаследовал знание и достоинство своего деда Али. Шииты называют Али — «князь правоверных».

Садэг («Правдивый»)

Джафар Садэг — «хранитель тайн Аллаха». Единственный из потомков Пророка. Он понимает сокровенное Ислама, и никто из современников — богословов и ученых — не был способен усвоить от него тайны.

— Вот где, — Джафар указал на свою грудь, — хранится знание, и как хотел бы я найти, кто мог бы принять сокровище.

Слышали однажды, как Джафар Садэг сказал:

— О, сын мой, старайся уяснить тайное знание. Оно много плодотворнее, нежели ты думаешь. О, сын мой, знакомясь с поверхностным учением и пренебрегая постижением внутреннего смысла, ты сам того не зная, утеряешь свою жизнь. Знай, однако, тайный смысл — дар Бога, а не приобретение. -Аллах дарует тому, кто всем сердцем стремится.

Халиф Мансур

Джафар Садэг был главою магометанских тайновидцев. Ему все верили и считались с его мнением. Не было равного ему в толковании символов и тайн Корана. Его современники получали от него знания, вдохновлялись. Он не вмешивался в политику, но халифы не доверяли ему: происхождение из рода Пророка давало ему право на главенство среди правоверных — звание халифа. У народа Джафар Садэг пользовался большим почетом.

Халиф Мансур приказал своему визирю привести Садэга, решив его погубить.

— Джафар Садэг отрекся от мира, — сказал смущенный визирь, — находится в уединении, вдали от людей и живет только молитвами Аллаху.

Но халиф, не слушая, настаивал на своем решении. И визирь пошел за Джафаром.

Лишь только визирь удалился, халиф приказал слугам убить Джафара: «Когда при появлении Садэга я прикоснусь к моей чалме».

А когда визирь появился, ведя за собой Садэга, Мансур вдруг поднялся, приблизился к Джафару и просит занять место на троне. Сам же опустился на землю у трона и просит Садэга открыть ему его желание.

Садэг сказал:

— Хотел бы я, чтобы ты не звал меня, и я спокойно мог бы служить моему Господу Богу.

Мансур приказал отвести Джафара обратно домой.

Когда халиф остался один, визирь спросил его:

— Что случилось, ты изменил свое решение?

— Когда Джафар вошел, — сказал Мансур, — моим глазам предстало видение: около Джафара появился дракон, грозя поглотить меня с моим троном. Страх вывернул меня, и я потерял голову, не зная, что делать. Я поднялся и попросил занять мое место.

Рабы

Джафар Садэг призвал своих рабов:

— Обещаем друг другу, — сказал он, — кто из нас в день Последнего Суда будет спасен, пусть поможет другим.

— Потомок Пророка, тебе ли нуждаться в нашей помощи? Твой дед в первый же день явится спасти весь мир.

— Я стыжусь моих поступков, — возразил Садэг, — и не посмею взглянуть в глаза моего деда.

Так слуги Божьи обращались со своими рабами.

Ожог

Один из рабов Садэга принес после вечери горячей воды для омовения рук. Вода была так горяча — Садэг ошпарил пальцы и, содрогнувшись, отдернул руку.

Раб от смущения содрогнулся не менее Садэга и, не зная, чем выразить свою вину и испросить прощение, он произнес стих из Корана:

Аллах любит тех, кто сдерживает свою злобу,
И тех, кто прощает людям,
И тех, кто выражает великодушие.

На каждую строку Садэг ответил:

— Я не чувствую никакой злобы.

— Я прощаю тебя.

— Отпускаю тебя на волю.

И возблагодарил Садэг Бога:

— Какие пустяки — обжегся! — пробудили великодушие.

Гордость

Сказали однажды Садэгу:

— Ты награжден всеми добродетелями и полон величия — ты свет очей в роду Пророка. Но ты уж очень горд.

Отвечал Садэг:

— Я совсем не горд. Это гордость Аллаха: Аллах занял место моей гордости, которую я победил в себе.

Мудрец

— Кто есть мудрец? — спросил Садэг ученейшего богослова Аб*у* Х*а*нифу.

Абу Ханифа сказал:

— Тот мудр, кто умеет отличить доброе от злого.

— Какая же это мудрость? — заметил Садэг. — Эта способность есть и у животных.

— Так кто же по-твоему самый мудрый?

Садэг ответил:

— Тот мудр, кто может различить два добра и два зла: и выберет лучшее добро из двух и меньшее из двух зло.

Дар

Какой-то потерял на дороге сумку, а в ней деньги.

— Не иначе, как Садэг присвоил, — утверждал потерявший сумку, лично он не знал Садэга, а только по слухам — бродячий.

Садэг спросил его:

— А сколько было в сумке?

— Тысяча драхм.

Садэг привел к себе потерявшего и дал ему тысячу драхм.

Спустя несколько дней обвинявший Садэга нашел свои деньги и принес Садэгу:

— Возьмите ваши, я нашел сумку. Садэг сказал:

— Мы, сыны из рода Пророка, не берем обратно, что однажды дали.

Бедняк и богач

Садэга спросили: Кто, по его мнению, лучше: терпеливый бедняк или благодарный богач?

Садэг ответил:

— Терпеливый бедняк лучше: сердце богача льнет к кошельку, а сердце бедняка к Богу.

От слов Садэга

— Мои внутренние глаза раскрываются, когда меня обличают.

— Не советую тебе водиться:

— Избегай лгуна — правды не найдешь, всегда будешь обманут;

— То же и гордый человек, в решительный час тебя покинет;

— Не лучше и дурак: «услужливый дурак опаснее врага»;

— Не очень-то полагайся на легкомысленного — оставить в нужде такому ничего не стоит;

— Бессовестность — в грош не поставит посул, ни слово, продаст;

— Тот грех, что начинается со страха и кончается прощением, приближает человека к Богу.

Спросили Имама:

— Как может Имам, потомок Мохаммеда, судить о мирских делах, не принимая участия в жизни?

Садэг ответил:

— Богом дано пророку пять душ:

— Животная душа — ею Он движется;

— Сердечная душа — с нею Он обладает устремлением и способен на борьбу;

— Душа страждущая, по воле которой Он живет: алчет и жаждет;

— Душа верующая, она помогает убеждать и направлять;

— Душа святая, с ней Он выполняет пророческое призвание.

— После смерти первые четыре пропадают или растворяются. А святая душа не может ни пропасть, ни раствориться и лишена честолюбия и переходит на Имама. И Имам, подобно Пророку, дает во всем отчет.

Бишр Хафи

Бишр Хафи родился в Мервском оазисе в 767 году, жил в Багдаде.

Жизнь его была не совсем так — завсегдатай багдадских кабаков.

Обращение его к Аллаху совершилось в кабацком угаре. Пропив сапоги, босой, не помня себя, кренделил он беспутно домой. На всю жизнь в память своего чудесного обращения решился остаться босоногим.

Обращение

Было дело так: поздно вечером, вдребезги пьяный, идет он и видит на дороге лоскуток бумаги, поднял грамотку и читает:

— Б-исми-лляхи-ар-рахман, ар-рахим — «во имя Аллаха: милосердного, милостивого...» (такими словами начинаются все главы Корана).

Бишр достал пузырек духов, окропил находку и с благоговением, как святыню, понес домой.

И в ту же ночь одному благочестивому человеку приснился сон: слышит голос: «Ступай к Бишру и скажи слова Корана», повторил написанное на лоскутке:

«...Ты очистил наше имя, так и мы очищаем тебя;

Ты превознес наше имя, так и мы превознесем твое;

Ты сделал наше имя благоуханным, так и мы сделаем тебя».

Человек проснулся и раздумался: «Что-то неладно. Бишр беспутный, пьяница, сон не о нем, так ли я понял?»

Поднялся, совершил омовение, проговорил молитву и снова неожиданно заснул.

И снится ему тот же сон. И третий раз тоже.

Когда настал день, человек пошел искать Бишра.

В одном из кабаков он наткнулся на пьянчужку: Бишр валялся под скамейкой мертвецки пьяный.

— Оставь его, какой может быть разговор, посмотри, пьян, как стелька, мычит.

Но человек просит кабатчика:

— Скажи ему, есть до него важное слово.

— Чье слово? — пролепетал Бишр.

И был поражен, узнав: слово Божье.

Тотчас поднялся и, обратившись к собутыльникам, твердо сказал: «Други мои, я призван и должен уйти. Никогда больше вы здесь не увидите меня!» Так и было. Раскаяние очистило душу и он достиг благочестия.

Ахмед Ханбал

Для Бишра весь мир казался озарен сиянием Аллаха. Ахмед Ханбал, первый из ученых-богословов и юристов, часто посещал Бишра и испытывал его в Боге.

Ученикам Ахмеда было вдиву, как это возможно: Ахмед, первый в науке Ислама, советуется с безграмотным.

Ахмед отвечал:

— Да, я в науке — минарет, но в познании Бога Бишр превосходит.

Бесподобный

Бессмертный пророк Эльяс (Илья) Аль-Хидр (Земной), когда его спросили: кем он считает богослова Шафия, ответил:

— Шафия — один из столпов Ислама. — А Ахмед Ханбал? — Ахмед Ханбал — один из знающих правду. — А Бишр Хафи? — Бишр Хафи — ему нет подобного.

Побежденное желание

Бишра упрекали: «Ты знаешь много изречений Мохаммеда, почему же ты таишь их?»

— В моем сердце сильное желание сообщить вам и я не могу победить это желание. Но я возвещу вам о них, как только превозмогу, — ответил Бишр.

Образец поведения

Говорили Бишру:

— Багдад погряз в мирской суете, и все, чем питаются багдадские жители, создано и собрано неправедно и бесчестно, как же ты этим питаешься?

Бишр сказал:

— Я ем то же, что и вы, пью то же, что и вы.

— А скажи: благодаря каким добродетелям ты достиг своего состояния?

Бишр отвечал:

— Откусываю куски меньше ваших, протягивая руку короче вашей.

Понять было так: довольствоваться малым, воздерживаться и быть честным.

Ответы

Его тянуло на мясное, но денег у него никогда не водилось, и он невольно воздерживался. Однажды зимой его застали: сидит в комнате голый и дрожит.

— Зачем же ты сам себя мучаешь?

— Я думал о бедных людях, — отвечал Бишр, — которые страждут от холода, и у меня нет ничего, чтобы помочь им. Вот и снял одежду, мерзну, чтобы, имея их мысли, равняться с ними.

— Почему ты не порицаешь великих мира сего, виновных в стольких жестокостях?

Бишр ответил:

— Имя Аллаха я ставлю слишком высоко, чтобы произносить его перед теми, кто Его не хочет знать.

Чудесный коврик

Рассказывает Ахмед-ибн-Ибрагим:

— Бишр поручил мне пойти к Маруфу, живет на том берегу Тигра, и сказать, что придет к нему после молитвы. Я исполнил поручение, но Бишр так запоздал — не было лодок для переправы. Очень меня забеспокоило: был поздний вечер. И вижу, наконец-то, Бишр появился и, не видя лодок, кинул свой молитвенный коврик на воду и так переправился на другой берег. До утренней зари Бишр оставался с Маруфом и таким же путем, на коврике, вернулся. Я бросился к его ногам, прося помолиться обо мне. Бишр помолился и просил меня не говорить об его тайне. До самой его кончины— я молчал.

Паломничество

Пришел к Бишру один человек, просит совета: у него две тысячи серебра и он хочет совершить паломничество в Мекку.

Бишр сказал:

— Если ты затеял паломничеством ублажить Господа, ступай и уплати долг должника, или дай деньги неустроенному, или тому, у кого на руках большая семья. Один такой поступок, которым ты порадуешь чье-нибудь сердце, несравненно выше всяких паломничеств.

Доброта

Незадолго до смерти Бишра пришел к нему человек и жаловался на свою нужду. Бишр снял с себя рубашку и подал человеку. Лег, прикрылся тряпьем и помер.

После его смерти видели его во сне, спрашивали:

— Как поступил с тобой Бог?

— Бог укорял: — Чего, — говорит, — ты, несчастный Бишр, всю жизнь боялся меня? Разве ты не знал, что доброта одно из моих качеств.

Изречения

Из изречений Бишра:

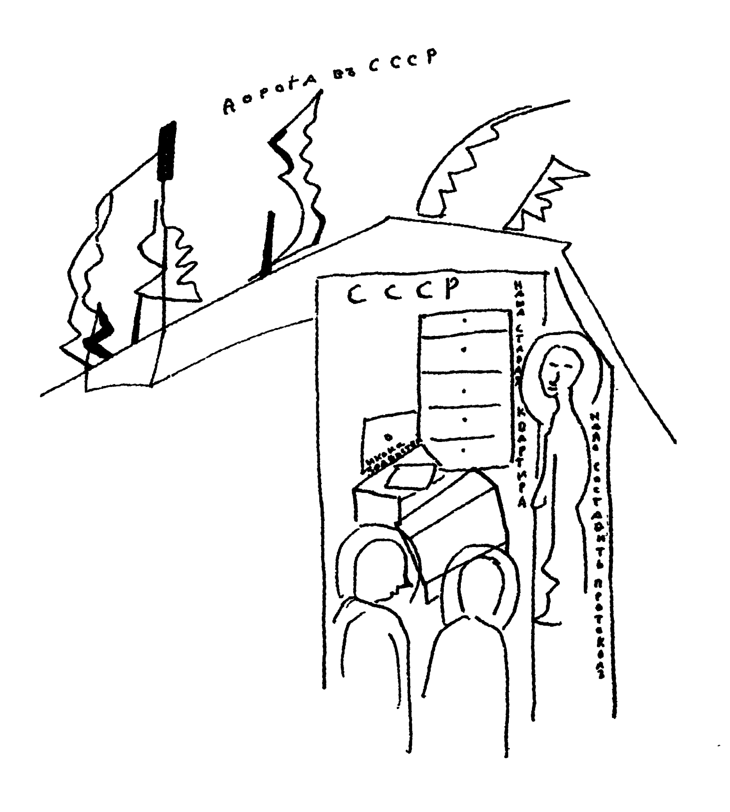
1) Странствуйте постоянно: вода, что течет, остается свежей, чистой и прозрачной;

2) Кто стремится, чтобы люди почитали его, тот не знает благодати божественной любви;

3) Три поступка самые трудные: быть щедрым, испытывая нужду; обладая властью, воздерживаться; говорить прямо перед тем, кто внушает страх;

4) Пока твой враг тебя боится, ты не достигнул совершенства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПО СЛЕДАМ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В СССР

Полезно, во всяком случае, любопытно, узнать, в какие условия поставлена работа в СССР для исследователя по церковной истории. Восстановляю в памяти эту полосу своей жизни на русской земле в кругу русских, мой труд над Аввакумом.

Как я открыл Аввакума

В 1927 г. я служил в Москве в Институте Маркса и Энгельса.

Московский барский особняк Долгоруковых, что за Музеем Александра III, в М. Знаменском переулке. Помещение переделано и богато оборудовано: три этажа — «кабинеты» всех стран и народов. Интернационал разношерстных «научных сотрудников» корпит над расшифровкой заковырчатых Марксовых «письмен» и комментарием столпов научного социализма. В распоряжении занимающихся тщательно расставленные по железным полкам десятки тысяч томов: экономика, обществоведение, история переворотов и материализм — материализм вульгарный, материализм философский, материализм исторический, материализм диалектический, материализм...

Я во французском кабинете приводил в порядок рукописи Гракха Бабефа и документы, относящиеся к этой судейской крысе, взбешенной революцией. Мне и в голову тогда не приходило: Протопоп Аввакум! И по мере того, как я тоже корпел над Бабефом, и так мне все это осточертело, я нет-нет, бывало, и сбегу. А бегал я в подвал: там склад самых разнообразных

книг или, попросту говоря, книги валялись, разбросанные по полу, как их швырнули. Подлинный клад для книжных любителей и для тех, кто, не поддавшись одури «материализмов», сохранял свободу думать по-своему. Тут были и разрозненные тома аббата Миня: творения греческих и латинских отцов; и древние классики, и прелестные по наивности записки Фонтэна о житье-бытье Пор-Рояля, и по-русски (не славянское) Добротолюбие. Роясь в книжных сокровищах, напал я на «*Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*». Изд. Археографической Комиссии, 1916 г.

Чем меня протопоп притянул, не сумею сказать, только вынес я его из мерзости запустения крысиного подвала и унес в свой французский кабинет. И в свободный час от крысиного Бабефа стал читать эту «жизнь», вникая в непростую, а «просто» выраженную русскую речь. Меня взволновала и сама «жизнь», и как она написана.

Как это все непохоже! И не такое давнее: русский XVII век. А сам «огненный» протопоп! Какая убежденность веры, какое железо воли и прямого слова. И в мире нет власти, а на земле властей, кто бы мог сломить такую веру и урезать язык. И костер такому — только царственный путь, а смерть — царский венец.

И еще острее было мое чувство: ведь перед глазами «советская действительность» — согнутая, запуганная, и раболепство с наушничеством и доносом — «подхалимаж».

«Житие» Аввакума — Библия русского старообрядчества. Не было дома, где бы не хранился список: береженая книга — от Белого моря по Волге, на Дону и на Урале. Поколения «последней Руси» вырастали на этой книге.

Старообрядцы — это лишь остров среди «православного» моря русского народа, и там имени Аввакума не слышно. А интеллигенция? В истории, когда проходили «раскол»: рядом с патриархом Никоном упоминался и Аввакум. И только. Потом, как с физикой, все путалось: «удельный вес» — «торричеллиева пустота», а Аввакум попадал в Даниила Заточника, а то и начисто стирался. «Житие» известно было только на вершинах: сохранился восторженный отзыв Тургенева, Толстого, Розанова, Мельникова-Печерского, Горького. В школьных историях литературы «житие», как литературный памятник, не упоми-

налось. Так было у русских. А с французов и спрашивать нечего: единственный Ю. А. Легра в своей краткой истории русской литературы впервые дал по-французски несколько строк из «жития» — честь ему за начало.

Я и задумался: Бабеф Бабефом, а Аввакум не выходит из головы. И, наконец, решил перевести «житие» на французский. Решил, но понимаю: дело не простое. С этого и начинаются мои разыскания.

Аввакум — не реклама интуриста. Для перевода требуется не только точно определить слова и выражения, а еще и прочитать текст исторически: упоминаемые лица, без справки о которых не обойтись; события и намеки на события, которые надо установить хронологически; а цитаты из Священного Писания, догматические и литургические споры... — так я и втянулся в работу историка и филолога.

По Москве — научной

В Институте Маркса и Энгельса нашлись две книги: Диссертация об Аввакуме А. К. Бороздина и Очерк В. А. Мякотина. У Мякотина (родственник Аввакума) живо, но уж очень легко или, как говорят критические обозреватели, «нажимающие педаль»: занимательно, но поверхностно. А. Бороздин — все, что можно представить себе, как «недисциплинированное», что случается или у очень молодого: сгоряча; или с путанной головы у ученого: беспорядочная и тяжеловесная мешанина (прошу прощения за пришитые слова!) биографических данных, культурно-исторических обозрений и текстуальной критики. Но Бороздин меня надоумил: теперь, после прочтения его книги, мне было куда глаз обернуть и чего доискиваться или, говоря по-книжному: Бороздин наметил мне «точку отправления». И за то ему благодарен.

О ту пору в Ученых Записках *Раниона* (Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук) появилась статья профессора-антрополога В. К. Никольского о *Сибирской ссылке протопопа Аввакума:* материал — по архивам, много новых и точных данных о протопопе.

Товарищ по кабинету, историк старого закала, без набившего оскомину казенного принудительного «материализма», обратил мое внимание на статью и познакомил с автором.

«Какой чудесный антирелигиозный фильм можно сделать из жизни Аввакума. Хочу непременно за это взяться!» — выпалил Владимир Капитоныч. И как отбрил.

Дело происходило на людях и, хоть никто за язык не дергал, как было не воспользоваться случаем и не засвидетельствовать свою «лояльность», или, употребляя оборот протопопа, запуганную «... душонку»? Тем разговор и кончился. А жаль: умный человек Владимир Капитоныч, и глаз без засоринки, ясный.

Я понимаю, мне ли не знать человеческую немощь, и не судьей с черствым сердцем, сухарем со своей бесчеловечной справедливостью хочу быть в несчастье, но передо мной неотступно стоит русский образ — человек — литая громада блестящая, блистающая крепью, для которого не надо никаких предохранительных мер или, по-советски, «окапываться»: протопоп Аввакум.

Книжный магазин «Международная Книга» на Кузнецком мосту. Разрешается не только посмотреть и руками потрогать, можно и приобрести книгу, — а попадают и очень ценные. Надо только захватить вовремя, а это возможно в первые дни после выпуска книги, ведь доля из общего тиража, поступавшая на внутренний рынок, была, что называется, символическая, и что по-русски нагляднее: на — выкуси! И вот, чтобы чего не проворонить, я от Бабефа, раньше как в подвал, теперь на Кузнецкий. И протоптал себе дорожку, шито-крыто, околом и проломом, как лиса в курятник.

На прилавке: *«Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая, выпуск I»*. Раскрыл я книгу, и как носом повел по странице, в глазах инда зарябило: Аввакум! — писания протопопа Аввакума. Это была первая часть и притом большая его сочинений (вторая так никогда и не вышла!). Тираж 900 экземпляров, начата набором в 1916 г.

Забрал я в «обе лапы» дорогую мне ношу и уж не лисой, а медведем прямиками по московским улицам и переулкам в Маркса и Энгельса. Там отодвинул я Бабефа, развернул книгу. Теперь я не безрукий: основной материал есть, — смешно было бы подумать, чтобы мне да на попятный! И не перевод жития и даже с примечаниями, — я должен написать историческое исследование.

Мысль написать исследование так меня закружила, что на первых порах я даже собственную природную речь, не то, что

забыл, а вдруг точно затмение, столбняк, стал и стою, и отстать нету возможности, или гогочу без причины, видно, очень меня заняло, что ухватил быка за рога, — тогда-то и стали на Москве поговаривать, будто какой-то заезжий на старых книгах... «Чего?» — «Карпыч, что усы в сосульках». У меня тоже с непривычки усы примерзали. «И немудрено, — говорили мудрые люди, — уж очень у нас требовательно. Если другой раз, и русскому человеку хоть на стену лезь, а иностранцу — буржуазное ошмотье! — ни по чем не выдержать!»

Я ходил по букинистам и забирал все, что касалось раскола, все, где было про XVII век и что относилось к истории русской церкви, и описания монастырей, и древние акты, изданные до революции.

При нэпе открылись книжные лавки, и хозяева охотно отделывались от «нелегального» товару: книг «божественного» содержания. А на базарах можно было купить и рукопись.

В ту пору мне посчастливилось: я приобрел I-й том *Материалов для истории раскола* Субботина; а в другом месте попался IV-й и VI-й. В третьем — книги Сергея Белокурова, на мой глаз самого подробного и обстоятельного исследователя-историка XVI—XVII вв.

В «Международной Книге» комната до потолка набита старопечатными книгами: Кириллова книга, Книга о вере, Поучения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея, Скрижаль, Требники, Служебники, Маргарит, Жезл правления, Грамматика Мелетия Смотрицкого — чего-чего не было! За какой-нибудь десяток рублей можно было все купить. И *спасти.*

Подтянул я поясок потуже — позабудь и пшенную кашу! — и набросился на редкости. Вот когда мечтал я иметь золотые горы.

Но так уж заведено и положено: все, что имеет начало, знает и конец. И только с пьяных глаз Китоврасу (читай в Палее!)* неизбежное — конец «бесконечалом» показался, да еще моя ста-

* О русском Китоврасе по-французски единственное образцовое по тщательности исследование у А. А. Мазона: *André Mazon.* Le nom du chamir dans la Légende vieux-russe de Salomon et Kitovras. Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer. Ed. Champion, éd., Paris, 1925; Le centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras // Revue des Etudes Slave.T. VII. Paris, 1927.

ропечатная мечта не имела конца-краю. «Гнилому либерализму» между тем пришел конец: хозяин, всегда такой любезный, вдруг точно окрысился, дверь в старопечатную на ключ, руки за спину, «проваливай!» — и не только в старопечатную перестал пускать, а и в подвал, где для меня заветный стоял шкаф, а хранились в шкафу пылью покрытые в застежках книги старой веры и старого пения.

Страсть собирательства — душа книжника. Но в моем рвении — в этом добровольно наложенном на себя посте, лишь бы купить книгу, было и не одно только книжное почитание, а и вроде как мера предосторожности.

Мне понадобилась статья в «*Богословском Вестнике*». Заручившись рекомендацией, я отправился в Библиотеку Московского Университета. Я был уверен, что с моей «бумажкой» никаких затруднений не встречу, и книгу мне выдадут без задержки. А вот послушайте!

«Выдается только для антирелигиозной работы», — объявил библиотекарь. И хоть выдать выдал, но с предупреждением: «В первый и последний раз».

В Библиотеке Исторического Музея я попросил статью о «Печатном Дворе» из «*Христианского Чтения*», и получил — вырванные страницы первой части, а окончания так и не мог добиться.

Должен сказать, в читальном зале библиотеки, расположенном под небесами, пространном и «стильном», куда по вечерам поднимались самоотверженные «вузовцы» читать «Известия» и «Правду» или долбить свои убогие учебники и руководства и где, кажется, я был единственный, кто требовал не «фальцифицированную» литературу, мне немедленно выдавали, и исправно, и «*Чтения Общества Истории и Древностей*», и «*Труды Археологических съездов*», и провинциальные издания какой-нибудь Вятской или Тамбовской Архивной Комиссии.

Влипнув в книгу, как жадный вонючий шмель в душистый пчелиный мед, глазами, носом и ртом в русских веках похеренной русской истории — ведь официально все начинается с Октября! — я забывал со своей вершины нижний советский мир; крик улицы не добирался до меня, не был помехой и сосед, некстати, но от доброго сердца, прерывавший мою работу: «Товарищ, не желаешь ли газету?»

А со стены на «пролетарскую публику» взирало картинно важное собрание знатных разряженных лиц, штатских и военных, в мундирах, орденах и лентах, с папой Львом XIII и Александром III. Нюх не сразу обнаружил контрреволюцию и пока-то не схватились, не занавешенной красовалась историческая фреска: глазей и удивляйся!

По архивам

Все следы — и никольский, и белокуров — вели в Архив.

Когда-то в Москве были известны: Архив Министерства Юстиции, Архив М. Иностранных дел, да в Кремле — Дворцовый Архив и Архив Оружейной Палаты, а в Петербурге — Государственный Архив. Нынче все эти «фонды» с добавкой из других собраний сосредоточены на Пироговской, бывшей Царицынской улице, за Девичьим полем в Московском Древлехранилище (б. Архив М. Юстиции).

Доступ в это Древлехранилище — легче борову свиному проткнуться в игольное ушко. Приезжему знатному иностранцу — хоть никакой науки и в хвост не нюхал, без никаких, пожалуйте; но своему, советскому, а я советский служащий, как перед стеной напрыгаешься, а сквозь — все равно не пройдешь.

Я использовал все мои коммунистические связи; рекомендательными письмами обклеился, как горчичниками. И в таком «горячечном» виде отправился в бывшую Синодальную типографию на Никольской — в Главное Архивное Управление.

Я должен был заполнить анкету.

Но что написать? Упомянуть по всей правде? Но позвольте: «Раскол»?.. «Аввакум!» да еще и «протопоп»!! — да это как пить дать, уйдешь с носом, нипочем не разрешат. Долго не раздумывая, — а видно «окапываться» такая уж необходимая и неизбывная советская доля! — я по-ихнему и ляпнул: «Социально-экономическое положение Верхнего Поволжья в начале XVII века». В этом моем экономическом ляпе была доля правды: Аввакум родом из Поволжья, мне надо было просмотреть «Писцовые книги». И я не дал маху: «экономика?» — это можно.

И был впущен в Древлехранилище, как благоразумный разбойник в рай.

На окраине города в саду этот рай, который бережет в виде бесчисленных рукописных книг и столбцов прошлое России. В читальном зале видишь столик, за которым из году в год последний летописец Сергей Михайлович Соловьев трудился над своей Историей. Три-четыре голодных оборванца (по-европейски!) согнулись над Писцовыми книгами: они переводят на готовые бланки цифры жилых и пустующих дворов.

А вы знаете, что такое Писцовые книги? Да к этим книгам и приступиться страшно: это все равно, как с Миланского собора по лесам без перил спускаться! Толщина этой листовой бумажной громады — ни с одной книгой, и самой внушительной, несравнима, и Постная Триодь, и Апостол, и Напрестольное Евангелие, все будет мало; на полустанках, попадает, лежат под дождем и ветром сложенные куски прокатных рельсов, вот что напоминает. А уж присесть и не думай, такую книжищу можно перелистывать, но лишь в стоячку. А раскрыл страницу, — а там не строчки, не буквы, а узор по узору, крюк на закорючке! — а это и есть *скоропись*, подьячья рука: не понаторев, как темная грамота, ничего не разберешь.

«Скорописью учиться писать!» — заветное слово одного из самых хитрейших скорописцев, московского подьячего Гораздова, с Москва-реки из Приказа не докатилось от Набатной башни на Сену в Париж. А в Школе у П. Ю. Буайе в наше время еще не заведено было: курс славяно-русской палеографии, — а вот бы когда пригодилось!

Оглавлений не полагается; села и деревни в уезде не по алфавиту, а по вотчинам — ищи-свищи! Да тут не только глаз себе своротишь, а и голова треснет. Недаром говорилось, на Москве слышно, что на Писцовых книгах не один смельчак напоролся, а на тех, кто одолел Гораздова, пальцем показывали.

Полубояринов, заведующий читальной залы, не без ехидства спросил меня:

«Оставлять не нужно?»

Но мое решение твердо, — и сама писцовая твердыня меня не остановила.

По Писцовым книгам Нижегородской губернии я нашел и село Григорово («Рожденіе же мое в Нижегороцких предѣлех, за Кудимою рекою, в селѣ Григоровѣ»), и Лопатищи, и Макарьев монастырь; я узнал имена всех односельчан и духовных

детей Аввакума, и книги, и иконы его прихода, и многие подробности житья-бытья, и жития протопопа.

Одолев писцовую премудрость, я перешел к «столбцам» Сибирского Приказа. Столбцы, как вам это известно, узенькие листки, краями склеенные в одну бесконечную ленту, — есть коротенькие, а есть и в несколько десятков метров (а бывали саженные, про это я потом узнал уже здесь, в Париже, от забеглых русских «срезневской культуры»: свиток «Уложения царя Алексея Михайловича» 434 арш. длины, послание патриарха Иосифа королевичу Вольдемару о принятии православной веры, на столбцах — в 48 саженей).

Часть столбцов ученые архивисты расклеили по листам, и не без путаницы, а часть осталась неприкосновенно, и приходится раскатывать — и побегут они по столу, а со стола на пол юркими ужами.

Я пользовался описанием Оглоблина, прекрасно составленным и все-таки недостаточным. И немало развернул я столбцов, чтобы добраться до воеводы Пашкова, гонителя и мучителя протопопа Аввакума в Даурии. Только с этими документами я мог осветить признания Аввакума о его даурском мытарстве.

Перебирая столбцы, понаторел я на скорописи. Работа не впустую пошла, и не хвастовства ради скажу, удавалось с черновиками справляться и прочитывать перечеркнутое — ясное лишь заправскому подьячему Сибирского Приказа Грешищеву.

Чтение столбцов увлекательно, как святочные орехи, не оторвешься. А для меня и вдвое: каждый раз мне хотелось в поисках моих как можно больше, захватя из этих ужей, успеть до закрытия зала.

И потом, очутясь за «вратами рая» — Московского Древлехранилища, я, часами погруженный в века, не мог поверить своим «отведенным» глазам, что на московских улицах ходят не стрельцы, «холопи великаго государя», а милиционеры, советские служащие, рабочие, бывшие люди, лишенцы и господа — ведь рожи, рыла и лица все те же, на одну мазь, русские.

Неистовые речи

Из прочитанных столбцов, даже и не относящихся к моим поискам, я всегда что-нибудь получал, хотя бы только слово

или выражение. Но однажды подвалило большое счастье — мне показался клад*:

**Как и почему 15 сентября
1656
Протопоп Аввакум бит кнутом
на козле**

*Неизданное донесение воеводы Афанасия Пашкова
и челобитная Даурских казаков. Архив Сибирского Приказа,
ст. 508, лл. 184—187; 188—193.*

Государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцу и государю благовѣрному царевичю і великому князю Алексѣю Алексѣевичю всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі холопъ вашъ Ѳѳонька Пашков челомь бьетъ.

В прошломъ, государи, во 163 (1655)-м году по вашему государеву указу послан я, холоп вашъ, на вашу государеву службу в новую Даурскую землю да со мною, государи, розных Сибирских одиннатцати городовъ і острогов служилые люди.

Да по вашему ж государеву указу послан іс Тобольсково города в Даурскую землю роспопъ, что был протопоп, Аввакумко и из Енисѣйсково острога велѣлъ, государи, я ево взять с собою.

І въ нынешнем, государи, во 165 (1656)-м году сентября въ 15 день, как я, холопъ вашъ, буду по Тунгуске рекѣ, не дошед Братцково острогу, на Долгом пороге, і тот ссылной роспопа Аввакумко, умысля воровъски невѣдомо по чьему воровскому наученью писалъ своею рукою воровскую составную память глухую безымянно, буттось, государи, вездѣ в начальных людех, во всѣхъ чинѣхъ нѣтъ никакия правды. І иныя, государи, многия непристойныя свои воровския рѣчи в той своей потметной памяти написалъ, хотя в вашей государевой Даурской службе в полку моемъ учинить смуту.

И то, государи, знатно, что он, вор роспопа, тѣмъ своимъ воровскимъ письмом хотѣлъ приводить служилых людей на то,

* В настоящем издании тексты «Донесения» и «Челобитной» печатаются с учетом внесенной в публикацию 1939 г. рукописной правки В. И. Малышева <*Ред.*>.

чтоб онѣ вамъ, государемъ, изменили і вашево б государева указу не послушали і от меня б, холопа вашево государева, отказались і были б не под вашим государевым указом: такъ же, какъ и іс Сибири из Ылимсково Острога такия же воры, что і он роспопа, ілимской казакъ Мишка Сорокин прибралъ к себѣ воров триста тритцать человѣкъ і вашъ государевъ Верхолѣнской острогъ і многих торговыхъ людей пограбили; такъ же, государи, что і на Бойкале озере такия ж воры Енисѣйския служилые люди Ѳилька Полетай с товарыщи пятдесят человѣкъ, пограбя вашу государеву казну і сына боярсково Василья Колесникова, ограбя, покинули на реке Прорве і побежали в Доурскую землю собою.

І то, государи, ево роспопино воровское письмо ево руки по сыску принесено ко мнѣ, холопу вашему, и по вашему государеву указу, я, холопъ вашъ, велѣлъ ему, вору роспопу, учинить наказанье бить кнутом на козлѣ, чтоб, государи, на то смотря, іныя такия ж воры впредь в ваших государевых ратех нигдѣ такими ж воровскими писмами смуты не чинили.

І какъ, государи, ему, вору роспопе Аввакумку, по вашему Государеву указу давано наказанье — бит кнутом на козлѣ, і он, роспопа, своим же воровским умыслом хотя служилых людей со мною ссорить, говорилъ в то время: «Братцы казаки, не подайте!» — буттось он, вор, на них, служилых людей, в том своем воровствѣ надежен. І иныя, государи, многия неистовыя рѣчи говорил он, вор, почасту.

А по вашей государевой соборной уложенной книге довелся он, вор роспопа, за то ево воровство і за многие неистовые рѣчи смертные казни. І я, государи, холоп ваш, без вашево государева указу тому вору совершенново вашево указу учинить не смѣю.

Да к тому жъ, государи, вору роспопе для ево воровсково умыслу і заводу учели было приставать такия ж воры і завотчики Томсково города служилой человѣкъ Ѳилька Помельцов, Березовсково города Микиѳорко Свѣшников, Івашко Тельной с товарыщи. І я, государи, по вашему государеву указу тѣхъ ево роспопиныхъ друзей, воровъ і завотчиков, Березовсково города Микиѳорка Свѣшникова, Івашка Тельново с товарыщи с вашей государевой службы в походе іс полку своево выслал вон. А пущему вору і завотчику Томсково города служилому человѣку

Ѳильке Помельцову велѣлъ учинить наказанье — бить кнутом на козлѣ нещадно, і отпустил ево в Томской город. А въ их, государи, мѣста на вашу государеву службу прибралъ і поверсталъ в казачью службу охочих вольных людей.

А ево, вора распопу, отдал за пристава і по вашему государеву указу взял в Доурскую землю. I впредь, государи, от такова вора роспопы в вашей государевой дальней Даурской службе чаеть такова жъ воровсково заводу і большова дурна. Да на нево ж, государи, вора распопа, били челомъ тебѣ, великому государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцу, и государю благоверному царевичю и великому князю Алексѣю Алексѣевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, а мнѣ, холопу вашему, в походе полку моево служилые люди подали за руками челобитную. И я, государи, холопъ вашъ, тое их челобитную под сею отпискою послал к тебѣ, государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцу и к государю благовѣрному царевичю і великому князю Алексѣю Алексѣевичю всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі к Москве в нынешнем во 165 (1656)-м году июня в 4 день полку своево Даурские службы с служилыми людьми з десятники казачьи Туринсково острога с Микиткою Максимовым, Кузнецково острога с Потапком Ѳедоровым.

И о том ворѣ роспопе Аввакумке великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайлович всеа Великія і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержецъ и государь благовѣрный царевичъ і великій князь Алексѣй Алексѣевичъ всеа Великія і Малыя і Бѣлыя Росиі мнѣ, холопу своему, какъ укажете.

На обороте: Государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержъцу, и государю благоверному царевичю и великому князю Алексѣю Алексеѣвичю всеа Великіа і Малыя і Бѣлыя Росіи.

Другой рукой:

166 (1657), октября въ 27 день, з Даурским казаком с Микиткою Максимовым.

За донесением Пашкова следует челобитная служилых людей. Перечисляются одиннадцать сибирских городов (Тобольск, Томск, Тюмень, Тара, Верхотурье, Березов, Пелым, Сургут, Туринск, Кузнецк, Красноярск), десятники и рядовые, а всего

420 человек. Рассказ ведется от их имени, но словами воеводы Пашкова, как «во 165 (1656)-м году, сентября в 15 день, как будем мы, холопи ваши государевы, по Тунгуске рекѣ, не дошед Брацково острогу...»

Отмечу разночтения. После слов Пашкова: «Аввакумко, умысля воровски невѣдомо по чьему воровскому наученью, писалъ...» — они добавляют: «іли будет, государь, затѣел сам собою, хотя в вашей государевой службе промеж вашим государевым воеводою Оѳонасьем Ѳилипповым с нами, холопями вашими, учинить смуту....» Шестой абзац читается по другому: «И то, государи, ево роспопино воровъское писмо ево руки по сыску обевилось перед вашим государевым воеводою Офонасьем Ѳилипповым и за то, государи, ево воровство по вашему государеву указу вашъ государевъ воевода Оѳонасей Ѳилипповъ велѣлъ...» — Послѣ слов Аввакума: «Братцы казаки, не подайте!» — в челобитной прибавлено, как объясненіе: «буттось государи, мы тѣ ево воровьския писма вѣдаемъ і он, вор, буттось на нас, холопей вашихъ государевых, в том своем воровствѣ надежен». — И окончаніе: «А мы, холопи ваши государевы, служить вам, государемъ, вашу государеву Даурскую службу готовы і от вашего государева воеводы Оѳанасья Ѳилиппова обиды і насилства к нам никакия нѣть і впредь ваши государевы службы с ним, воеводою, служить готовы». — И требуют высшей меры наказания (старая песня!): «Велите своему воеводе... ему, вору і завотчику і ссоршику распоспопе... по вашему государеву указу і по уложенной соборной книге свой государев совершенной указ учинить, чтоб нам, холопям вашим государевым, от такова вора и завотчика в том его воровском подметном писмѣ от вас государей в опале не быть... Смилуйтесь, государи, пожалуйте!»

На обороте челобитной руки приложили служилые люди, десятники и рядовые, во главе с Даурской службы черным попом.

Не могу удержаться и не отметить правописание: писали по слуху, как говорили. А это и есть самое важное: послушать, как говорилось по-русски в XVII веке: «розных», «ево», «Тобольсково», «роспоп», «Енисѣйсково», «Братцково острогу», «ссылной», «Аввакумко», «писал память глухую, безымянно, бутто», «людех, чинѣх нѣт никакия правды», «потметной», «чтоб онѣ вам, государем», «вашево», «іс», «из Ылимсково острога»,

«Ілимской казак», «на Бойкале», «с товарыщи» «боярсково», «побѣжали в Даурскую землю *собою»,* «ратех», «давано наказане», «бутто он, вор, на них, в том своем воровствѣ надежен», «говорил неистовыя рѣчи почасту», «по соборной уложеной книге довелся он смертные казни», «совершенново», «для ево умыслу и заводу учели было приставать такия ж воры и завотчики», «Томьсково городу», «Березовьсково», «ис полку своево выслал вон», «а пущему вору и завотчику», «а в их мѣста на вашу государеву службу прибрал и поверсталъ в казачью службу», «чаешь такова ж воровсково заводу і большова дурна», «на нево ж», «всеа», «Росиі», «своево» «з десятники», «Кузнецково», и «и о том ворѣ мнѣ, какъ укажете», «Брацково острогу», «обевилось», «затѣел», «Өөонасьем», «Аөанасьем», «буттось на нас в том своем воровствѣ надежен», «обиды и насилства к нам никаких нѣт», «ссоршику», «наученю», «подайте».

Еще отмечу путь: — Пашков отослал свое донесение 4 июня 1656 г., получено оно в Москве 27 октября, — значит, шло 4 месяца и 3 недели. А из Тобольска можно было добраться до Москвы зимним путем за 3 недели.

Москва старообрядческая

Следовало бы описать и другой архив, Синодальный или точнее Патриарший, перевезенный в революцию и не без ущерба из Кремля в Исторический Музей. Преданный своему делу, сердитый хранитель архива, неизменно в своей солдатской шинели, — с ним однажды мы столбец разбирали, сам черт голову сломит, такой черновик, а и клюкнул подьячий видно здорово! — три дня над загогулинами бились. Сборники Хлудова, Уварова, древнейшие славянские и греческие рукописи — богатства несметные, но и раньше-то мало использованные, а нынче просто плевать!

Следует упомянуть и мою поездку в Петербург. Книги по расколу продавались в те годы — даром бери, а какие! Кое-что удалось мне и с Невы собрать, одно горе: так, без денег, все-таки ничего не получишь.

По архивам и книгам можно восстановить историю — раскол; с чего началось и произошло, как происходило и чем закончилось. А вера неизыскома — старая вера нерушимо жива. А живет она по преимуществу на Москве.

Вечерами я отправлялся в дальнее путешествие на Рогожское кладбище. В трамвае куда было б быстрее, но зато на своих на двоих несравненно приятнее.

Как с Солянки подыматься в Таганку, каждый камушек не булыжником лежит, а историей, да не той, что из архивов и книг в глаза прет, а «неписанной», обыденной с житьем-бытьем-поживанием. На самой Швивой (Вшивой в просторечии) горке над серебряниковской Яузой высоко над седмихолмным, обреченно поблескивающим куполами городом, Никита Мученик за своей оградой, сердце замирает, глядя на этот освященный каменный памятник все той же «послѣдней Руси» — стоит ли он по-старому или и его, беднягу, не пощадили, и как сплюнули в Яузу? А дальше сквозь века читаю и как будто в старине живу — Косьма и Дамиан в Старых Кузнецах, Успение в Гончарах, Никола на Болвановке, Спас в Чигасах.

Помнится, у Спаса ученицы советской трудовой школы хоронили свою подругу. Священник громко журил мальчугана. И я спрашиваю себя: почему, в самом деле, советской власти, была б она не горе-марксистской, а народной советской властью, открещиваться от этого Спаса? В этих народных старинных церквах служил по старым книгам Аввакум, и те, кто верил с ним и исповедовал старую русскую веру, и стрельцы справляли тут свои победы. На моих глазах одна за другой эти «народные» церкви осквернялись — или закроют, или снесут. Но душу разве можно «погасить»?

В кольце железных дорог Рогожское кладбище.

В каменных церковных домах квартиры служащих Нижегородской дороги. На кладбище все еще плесневеют и мшатся плиты, урны, кресты — Рахмановы, Кузнецовы, Морозовы (Хлудовы — в Покровском монастыре) и на крестах надпись из канона: «Крест всѣм воскресеніе. Крест падшим исправленіе, страстем умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крест душам слава и свѣт вѣчный. Аминь». Те же самые слова, что стоят в житии Аввакума вступлением к его повести: «многострадальный юзник темничной, горемыка, нужетерпец, исповѣдник Христов, священно-протопоп Аввакум». Особо от мирян духовные лица, на их крестах указан возраст.

Зимний храм превращен в столовую. Служили в летнем. На дверях надпись: «Не принадлежащим к правой вере не молить-

ся!» А какие собраны иконы, не забыть мне одну особенно: «Спас — Ярое око». Я присутствовал при крещении: кругом на купели зажженные свечи, хождение посолонь, долгие молитвы.

По субботам и в воскресенье съезжались с разных концов бородачи в черных сорокосборках, приходили и здешние, они ютились тут же в деревянных домишках. С этими я скоро сошелся, и они мне не отказывали в книгах: «Виноград Всероссийский» на гектографе, старообрядческие журналы, листовки — и много еще такого, чего нигде нельзя было достать. А на Требник Петра Могилы только посмотреть позволили: руками не трожь!

Тяжелые бывали встречи: я, хоть и советский, но почти свободный, и я всей душой и сердцем с ними, но я могу уехать, вернуться к себе на родину, а они, на своей родине, затравленные, запуганные, забитые, они еще нищее последних невольников и рабов, они как назначенный к убою скот, с которым незачем считаться и можно оскорблять безнаказно.

Много от них получил я, от их «науки» — про старую русскую веру. Я возвращался с Рогожского ночью — еще безрадостнейшее ожидало меня в этом безрадостном русском мире на русской земле. Нэпу подходил конец: «ликвидация кулака» и «коллективизация» — вот затея еще и еще помудровать над человеком, благо, что «человек», — и скот того не выдержит, падет, а человек терпелив, и живуч, и беспамятен.

Побывал я и на Преображенском кладбище. Там одна часовня; она разделена: по субботам в одной половине служат никониане, в другой — беспоповцы. И тут мне показалось, что я погрузился: к самому Стоглаву, к Епифанию Премудрому, к Рублеву, к Сергию Радонежскому и Алексею митрополиту, в русский век татар.

У «австрийцев» на Рогожском, я не сомневаюсь, служба шла без сокращений по уставу или, в угоду времени, чуть-чуть, и распевы были старинные, а служил во всем своем великолепии архиерей, звенящий бубенцами. А на Преображенском «большак» в черном кафтане, а за иконостасом пустое место — ни жертвенника, ни престола: нет священства, и литургии служить некому, и не венчают, и только «часы». Порядок службы описан у Мельникова-Печерского в его «В Лесах», точнее не скажешь. Как обычно, мужчины стоят по одну сторону, женщины

по другую — в белых и черных платках; а крестятся, творят метания (без упражнения не одолеть!) и, подбрасывая подручники, кладут земные поклоны, только когда полагается по уставу, и все враз.

А какое чудесное пение — к моему горю мне не привелось в Успенском соборе слышать древний столповой распев, о котором уже здесь, в Париже, один забеглый русский, именующий себя «учителем музыки», прожужжал мне все уши! — не знаю, какой тут был распев — «знаменный»? но, вслушиваясь, я невольно вспомнил наших бенедиктинцев, григорианское пение, и в моей душе перекликнулся Первый Рим и Третий — Москва едиными устами: «Боже, Боже мой, вскую остави мя далече!»

Служба длилась долгая. Выходили, задымленные душной кацеей, садились с зелеными глазами на лавку в саду и, передохнув, плелись в часовню. Я не выстоял до самого конца. Я ушел потрясенный: старая русская вера! нет, больше! — я почувствовал и понял веру человека, ее силу и ее власть.

На родине Аввакума

«Село Григорово, что было за околничим за Ѳедором Васильевичем Волынскимъ в вотчине, а нынче за сыном ево за Иваном... а село стоитъ на трехъ усадахъ, а между усадов ключь; а в селѣ церковь страстотерпцовъ Христовых Бориса и Глѣба древяна... Образы и книгі и ризы и сосуды церковные и колокола строеніе мирское... да у церкви ж живут нищие, а питаютца от церкви Божіи...»

Проверить данные Писцовой книги (№ 296) я поехал по Казанской дороге в Арзамас. А из Арзамаса пешком «по горам». По пути село Вельдеманово, где родился Никон. Не обошел. Село по оврагам и буеркам, в садах; новая церковь, но есть и «роскольники»: и приемлющие священство, и беспоповцы. О Никоне живо еще предание, что происходит он из семьи суровой, нелюдимой: Ежовы.

С трудом добрался я до Григорова: и вправду, горы; без пастухов не найти было, они мне дорогу указывали. Село на трех холмах, посреди — пруд. Церковь тоже новая, XVIII век, колокольня отдельно.

Видел я в церкви древние потемневшие иконы — к ним Аввакум прикладывался! Узнал, что на селе живут его родствен-

ники: Темные. Думал разыскать их, да и со священником поговорю. Но этого не удалось.

1930 год разгар «коллективизации», мудрено и небезопасно было по деревням расхаживать. Для ночлега я наметил себе школу, а это не так-то просто оказалось. Собрался совет, потребовали документы, и долго заседали, пока не вынесли решение: можно. А наутро, когда я сообщил учительнице о Темных и о священнике, она не на шутку струхнула, словно бы открыл я ей свой план не исследователя, а «вредительский». И поспешила увести меня с собой в Мурашкино. Я все-таки до отхода попытался увидать священника, но сколько ни стучал, — безответно.

Не буду занимать рассказом о моих странствованиях страдным летом 1930 года по Нижегородской губернии, в местах громких в истории раскола. Побывал я в Княгинине и в Лыскове, и в Макарьеве-Желтоводском монастыре, — там и из поруганных развалин все еще сияет былое благолепие!

Скажу о Лопатищах — в них начало служения и проповеди Аввакума.

От Работок на Волге за час дошел я до большого села — это и есть Лопатищи.

— Где поп живет? — спросил я у девочки, она глазела на меня, как я на кооператив, школу и церковь новой постройки.

— Попа нету.

— Как нет?

— Закрыли церковь! — нахмурилась и убежала.

Я ходил по селу, глазея. И вдруг — из самой беднющей избы показалось: какой-то в выцветшей грязной рясе, худой и высокий, и от того, что так худ, еще выше казался, а от взъерошенности — страшнее; он посмотрел такими «жалостными» глазами — и как смотрел он, — от переполненности пропадом и страхом эта жалостность скручивалась безумным огоньком. И я тогда убежал, как девочка, нахмурившись.

Ни в Григорове, откуда Аввакум ушел еще до священства и никогда не вернулся, ни в Лопатищах, где он «пас Христовых овец» семь лет до 1652 г., ни на родине, ни на месте служения, нельзя было найти живых его следов.

А Волгу я узнал и полюбил. И еще сошелся с нижегородскими крестьянами, проводя летние месяцы в течение нескольких лет в Заволжской деревне. За все, что они мне дали, за все, что храню от них, и сохраню, я возвращаю им моим трудом — книгой о священномученике русского народа протопопе Аввакуме.

П. Паскаль

P. S. — *Статья П. Паскаля: «По следам протопопа Аввакума в СССР» написана по образцу и слогом журнальных статей — без краски и «живописания», чего, впрочем, и не требуется от ученого. Взяв для просмотра рукопись и сковырнув два-три выражения на русский лад, затеял я переписать. А как стал переписывать — инок ли Троице-Сергиевской Лавры Епифаний Премудрый, (нач. XV в. автор «Жития Стефана Пермского») — первый русский писатель* **книжной речи**, *наш первый словесный искусник, надо быть, толкал меня под руку, или сам протопоп, первый русский писатель* **живой речи**, *Аввакум подзуживал? — переписываю и вижу: пишу по-своему, а отстать не могу. А как еще раз набело взялся (люблю переписывать!), тут уж сами собой и вавилоны и заковырка — под стать росчерку — и прет и гонит. И получилось: вроде — «Как дошел я до Аввакума в СССР-е». Мысли и факты я сохранил неприкосновенно буква в букву и все тени и оттенки, и все житейское из той «советской действительности» (1927—1933) — ничего не навязываю, ничего не присочинил. Конечно, без «беллетристики» не обошлось, а это и без указки всякому в явь и в слух, и за нее в ответе я. Ведь цель искусства — подписываюсь под Новалисом в лад с сверкающим словами Епифанием Премудрым — никак не в содержании, а выполнение.*

Алексей Ремизов

Книга «Мерлог» и гравитационные поля художественного макрокосма Алексея Ремизова

1.

Мощные потрясения, испытанные Россией и ее обитателями в период Второй русской революции, не миновали Алексея Ремизова и как человека, и как творца. В 1921 г. он покинул страну, находясь в расцвете своего таланта, вдохновенно потрясенный, взбудораженный «бунташными» годами, проведенными вместе с «взвихренной Русью». Результатом «духовной переработки» опыта тех лет стал взлет его творчества в 1920-е — 1930-е гг. Однако на территории «России в изгнаньи» условия самореализации человека, имеющего профессию «писатель», не были благоприятными даже в 1920-е гг. Еще более они усложнились в 1930-е гг., в связи с наступлением мирового экономического кризиса. Хотя к моменту эмиграции Ремизов уже по праву входил в число мэтров современной российской литературы, имел репутацию одного из лучших прозаиков, признанного знатока русского языка, но это лишь отчасти помогало продвижению его произведений на страницы эмигрантской периодической печати. Последняя была вынуждена ориентироваться на среднеинтеллигентного читателя, для которого были чужды, а порой и просто эстетически неприемлемы авангардные новации и изыски прозы Ремизова. Еще сложнее обстояло дело с возможностями публикации его произведений в виде отдельных изданий. Литератор принципиально считал неприемлемым для себя участие в создании «литературы для шоферов» — т. е. художественных текстов, написанных или в стиле эпигонских повторений «доброй старой» классики XIX в., или по канонам популярной беллетристики. После фантастически удобных для писателей условий кратковременного

издательского бума, имевшего место в Берлине начала 1920-х гг., в Париже 1920-х – начала 1930-х гг. ситуация была не столь благоприятной. За публикацию книг Ремизова брались либо издательства, преследующие некоммерческие цели («YMCA PRESS"), либо издательства-эфемериды, существовавшие на средства меценатов («ТАИР», «ВОЛ»). С 1932 до 1947 г. книги Ремизова по-русски не издавались. Однако это не означало прекращения творческого процесса. В конце 1920-х – 1930-х гг. писатель работал над большими произведениями «Подстриженными глазами», «Учитель музыки», «Огонь вещей», продолжал созидать многолетнюю эпопею, основанную на биографической канве жизни С. П. Ремизовой-Довгелло («В розовом блеске»). Для публикации в периодике Ремизову приходилось переделывать отдельные главы и подглавки созданных произведений большого объема в рассказы или в автономно существующие отрывки. Как целостные тексты, они были частично изданы после 1947 г., частично напечатаны посмертно.

В «творческом портфеле» Ремизова 1930-х гг. были и работы, относящиеся к излюбленному им авангардному «жанру-ансамблю». К одним из них литератор возвращался вновь и вновь, до конца жизни надеясь на их публикацию; другие доводил до уровня наборных рукописей и оставлял в писательском архиве как творения «безнадежные», обреченные не дойти до читателя по независящим от автора причинам. В качестве примера книги, относящейся к «жанру-ансамблю», наборную рукопись которой Ремизов упорно переделывал до 1957 г., можно назвать второй том книги «Россия в письменах» (опубликован лишь в 2016 г.). К наборным рукописям, казалось бы, навсегда оставленным в архиве с поздней записью: «Не разберу», относится и уникальная книга «Мерлог».

Наборная рукопись книги «Мерлог» представляет собой единый по внутреннему авторскому замыслу проект, созданный на основе монтажа, составленный из отредактированных автором текстов ранее написанных статей, воспоминаний и очерков, опубликованных в русских эмигрантских газетах и журналах.

Как вспоминала друг, литературный секретарь, а впоследствии хранительница архива Ремизова Наталья Резникова, название книги родилось от часто употребляемого ее няней вы-

ражения: «что за мерлог!» (вместо «что за берлога!»), которое очень нравилось Ремизову. Диалектное слово «мерлог» и означает «нора», «берлога», «логово»*. Впоследствии писатель и выбрал это слово для названия своего монтажного текста, чтоб подчеркнуть разнородность включенных в нем материалов. Повторяя слова А. Синявского об «Опавших листьях» Вас. Розанова, можно сказать: «это не просто название книги, но определение жанра»**.

Тематически книга «Мерлог» условно делится на три части.

В первую часть включены статьи о графике как виде изобразительного искусства, о работе в этой области писателей (русских и иностранных), а также о графических трудах самого Ремизова. Это статьи, подписанные то авторским именем, то псевдонимом «В. Куковников»: «Рисунки писателей» (две статьи под одним названием), «Выставка рисунков писателей», «Рукописные издания А. Ремизова», «Рукописи и рисунки А. Ремизова», «Courrier graphique». При анализе наборной рукописи «Мерлога» можно сделать предположение, что комплекс этих статей, возможно, представлял собой подбор творческих материалов для создания автономного труда, посвященного теме «роль изобразительного искусства в творческом процессе создания литературного произведения», теме, которая личностно интересовала Ремизова и была одной из существенных составляющих при его работе над созданием художественного текста.

В статьях этой части «Мерлога» содержатся глубокие замечания об искусстве каллиграфии, о тяге писателя к рисунку, о том большом значении, которое, наряду с письмом, графический знак всегда имел в жизни литератора. Ремизов отмечал: «Не могу считать себя художником, я пишу и моему писанию отдаю все. Но только не могу я — так всю мою жизнь — не рисовать»*** (*Мерлог*). И далее, говоря о тесной связи между *на-*

* *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 3 (*бе—болдыхать*) / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 139.

** *Синявский А.* Опавшие листья В. В. Розанова. Париж, 1982. С. 111.

*** Здесь и далее текст «Мерлога» цитируется по наборной рукописи, публикуемой в настоящем томе Собрания сочинений А. М. Ремизова.

писанным и *нарисованным,* он добавлял: «Рисунки писателя любопытны, как очертания его “невысказавшейся” мысли, или как попытка неумелой рукой изобразить выраженное словом: ведь написанное не только хочется выговорить — пропеть — но и нарисовать» (*Мерлог*).

В статье «Рукописи и рисунки А. Ремизова» литератор подробно рассказал историю своего интереса к графике от первых гимназических опытов и овладения пленительной каллиграфической линией до первых рукописных изданий. Последние привлекли к нему внимание таких петербургских художников, как А. Бенуа, К. Сомов, Л. Бакст, М. Добужинский, И. Билибин, С. Чехонин, Б. Кустодиев, А. Головин. Используя прием остранения, писатель отмечал: «В России немало находится рукописных книг, альбомов, листов, грамот и свитков А. Ремизова. В одном из Московских государственных музеев хранится рукописная книга Ремизова: “Гоносиева повесть”, относящаяся к годам после революции 1905 г. Эта паутинная, мелко расшитая буквами книга — начало рукописных работ Ремизова» (*Мерлог*).

В биографии Ремизова-рисовальщика следует упомянуть выставку 1910 г. «Треугольник», когда впервые были выставлены его «рукописные завитки», и первую публикацию его рисунков в сборнике «Стрелец» (1915). Особый аспект рисовальное искусство Ремизова получило в проведенные в Петрограде годы «военного коммунизма». Тогда созданная им «продовольственная литература» — написанные полууставом и украшенные рисунками рукописные книги-альбомы — продавалась коллекционерам, в основном, через «Лавку писателей», и помогала физическому выживанию литератора в голодное время.

В 1920-е гг. каллиграфическая и изобразительная работа Ремизова не прерывалась благодаря поддержке русских и иностранных художников, писателей и критиков: «через Пуни ремизовский рисунок появился в “Das Kunstblatt”. August-Heft 1925, Berlin, через Зарецкого рисунки и грамота воспроизведены в “Gebrauchsgraphik”, Iuni 1928, Berlin и в “Die Litterarische Welt” N. 19, 1926, Berlin, а через Вальдена в 1927 г., выставка его графических знаков была устроена в Берлине в галерее “Штурм”» (*Мерлог*).

Особое место в судьбе Ремизова-художника заняла Прага. В статье «Выставка рисунков писателей» — репортаже из Пра-

ги, основанном на письмах к Ремизову его многолетнего друга, художника Н. В. Зарецкого, — автор как бы проводил читателя по залам чешского Национального музея. В его стенах зимой 1933/34 гг. «художник, археолог, библиограф, коллекционер, выдумщик и предприниматель» Н. В. Зарецкий выставил рисунки, записи, автографы и книги русских писателей «от великого Ломоносова до чудачеств Ремизова» (*Мерлог*). Каждый из русских писателей был представлен одним-двумя рисунками (в основном — репродукциями) или своим портретом. Однако основную часть выставки составляли оригинальные графические работы Ремизова. Были представлены более тысячи рисунков, среди них «рукописные альбомы, рыцарские грамоты, знаки и печати, чудища (“Посолонь”), революция (“Взвихренная Русь”), интерпенетрация (“По карнизам”), пустяки или, по Достоевскому, мизер (“Учитель музыки”), иллюстрации к избранным любимым текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова, и Гоголь — “Вечера”» (*Мерлог*).

Уже сам этот список показывает, как тесно ремизовский рисунок переплетен с книгой: «рукопись переходит в рисунок и рисунок в рукопись» (*Мерлог*). Этот подход заметен во всех альбомах Ремизова, являющихся составной частью процесса работы писателя над произведением («Взвихренная Русь», «Посолонь», «По карнизам», «Оля»), а также в его сопровождаемых текстовыми цитатами иллюстрациях к произведениям Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Лескова. Текст сливается с рисунками в единое целое, изображение сопровождает рассказ как часть и дополнение к написанному.

Ремизов констатировал: «Развой и цвет моей рисовальной каллиграфии — Париж» (*Мерлог*). Именно там, в среде парижской эмиграции, он стал хорошо известен как художник в 1930-е гг. Его рисунки публиковались в журналах по искусству и иллюстрировали его собственные книги. Рукописные альбомы Ремизова часто выставлялись на авторских вечерах чтения в залах гостиницы «Лютеция». Его графические «завитки» были включены в выставку русских и французских писателей-художников, устроенную группой «Числа» в галерее L'Epoque в декабре 1931 г.

Однако существенно отметить, что в 1930-е гг. расцвет творчества Ремизова-графика обуславливался не только имманент-

ными причинами развития его писательского таланта, но и причинами внешними. Как уже упоминалось, в связи с охватившим и Францию мировым экономическим кризисом, повлиявшим, в частности, на издательское дело, прекратилось печатание книг Ремизова, а также значительно уменьшилось количество его публикаций в периодической печати. В этой жизненной ситуации, вспомнив свое былое занятие — создание украшенных рисунками рукописных книг в петроградские годы «военного коммунизма», Ремизов вновь обратился к своему каллиграфическому искусству, и черной тушью, старым русским шрифтом (полууставом) стал рисовать рукописные иллюстрированные альбомы. Как позднее вспоминала Н. В. Резникова: «Рисунки и надписи Ремизова представляли собой чудо тончайшей графики. А. М. составлял из этих рисунков альбомы, или иллюстрировавшие его произведения, сказки, или на тему каких-нибудь событий или литературных произведений, или портреты знакомых лиц или писателей. Эти альбомы А. М. делал на продажу. Друзья Ремизовых обходили по адресам состоятельных людей, любителей искусства, или просто лиц, желавших помочь нуждающемуся писателю. Это было нелегкое дело, требовавшее от людей самоотверженности. Продажа альбомов помогала иногда Ремизовым прожить в самые трудные моменты» (*Резникова-2013*. С. 110—111). Сам автор вел строгий учет своих графических работ. Это отражено и в одной из его статей о своем изобразительном творчестве: «За шесть лет работы двести тридцать альбомов и в них две тысячи рисунков. Перечень 157 номеров напечатан в Ревельской Нови, кн. 8» (*Мерлог*). Обобщая, можно отметить, что рассматриваемая как единая тематическая единица, первая часть «Мерлога» суммировала материалы, характеризующие Ремизова-графика, повествовала об истоках его творчества такого рода, о его месте среди других литераторов, занимавшихся изобразительным искусством, и, наконец, давала представление об эволюции развития Ремизова-художника. Анализ собранных воедино статей и рецензий позволяет сделать вывод об адекватном, лишенном самоумаления или самовосхваления, понимании писателем своего места в области графического искусства.

Условно выделяемый второй тематический комплекс материалов, включенных в «Мерлог», посвящен гротескному

отображению интеллектуальной жизни русского Берлина («Цвофирзон»), а также содержит тексты, раскрывающие идейно-эстетическую позицию Ремизова как литературного критика и, одновременно, как создателя художественных произведений.

В тексте новаторской жанровой формы «Цвофирзон» в форме «отчета» описана жизнь «берлинских русских» — людей, только что вырвавшихся из тягот существования в Советской России, но еще полных возникшего в революционные годы ощущения братства людей культуры, сплотившихся в момент великих катаклизмов, которые переживала их Родина. Это — рассказ о создании вымышленного философско-литературного объединения под названием «Свободное философское Содружество». Как писал его «летописец», оно возникло «в противовес эмигрантскому отделению закрытой в России Волфилы» (*Мерлог*). Подробно отображена его работа: проведение заседаний и дискуссий, чтение докладов, издание журнала. Однако вся эта деятельность — как и само общество — «игра» писателя с историей. «Воспоминания» Ремизова лишь формально напоминают историческую хронику, по сути — это рассказ с выдуманной фабулой, герои которого при всем том носят реальные имена. «Цвофирзон» — литературная выдумка Ремизова, «апокриф» репортажа, мистификация*, ироническое жанровое переосмысление хроникальных заметок, которые были так распространены и популярны в периодической печати тех лет.

Несколько текстов второй тематической части «Мерлога» отражают поиски Ремизовым новой литературной формы. Они основаны на творчески преломленном использовании жанров и стилистики прозы Вас. Розанова. «Воровской самоучитель», «Щуп и цапля», «Parfumerie» с их мимолетными мыслями, житейскими заметками, критическими наблюдениями над русским языком, чудачествами и «безобразиями», эти произведения по своему жанровому своеобразию и «философскому» духу звучат как литературные продолжения традиции розановских «Опавших листьев». Подобно автору «коробов», Ремизов стремился воспроизвести в своих откликах, афоризмах звуча-

* О мистификациях Ремизова в «русском Берлине» см.: *Лундберг Е. К.* Записки писателя. 1920—1924. Л., 1930. С. 300—302; Русский Берлин. 1921—1923 / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 21.

ние живого голоса — его паузы, интонацию, повторы. Словесные скачки и остроты придают каждому изречению игровой театральный оттенок. Употребление афоризмов лучше всего отвечает «философскому» духу и жанровому своеобразию «бессвязной» тематики и непоследовательного повествования, где исповедь перемежается с шуточными изречениями, с замечаниями о языке, с темами повседневности. Афористичность позволяет Ремизову, не заботясь о логике, «перепрыгивать» с темы на тему, с предмета на предмет. Она же освобождает литератора от необходимости последовательного изложения своего миросозерцания. Неслучайно в «Апофеозе беспочвенности» философ, близкий друг Ремизова, Лев Шестов избрал афоризм как форму, наиболее подходящую для выражения нового «адогматического мышления» в русской культуре начала XX в.

В «Мерлоге» в центре внимания Ремизова находятся проблемы писательского мастерства, поиск ответа на главный вопрос, тревоживший литераторов: что значит быть писателем XX в.

Ремизов объединил на страницах готовившейся книги значительную часть своих выступлений в роли литературного критика и рецензента. Используя зачастую парадоксальные формы, во многом восходящие к прозе Вас. Розанова, идя как бы «от противного», полномасштабно обращаясь к «чужому слову», писатель еще и еще раз доказывал неприемлемость для подлинно художественного произведения языковой небрежности, тематической сиюминутности и утилитарности, характерных для части текстов, которые заполонили периодику русской эмиграции и подчас принадлежали перу не только газетных поденщиков, но и признанных литературных мэтров.

Ремизов, являющийся, при всей своей кажущейся открытости, одним из самых потаенных русских писателей, представил в «Мерлоге» целостную подборку своих прямых высказываний — ответов на анкеты по поводу разных, преимущественно литературных тем. Его отклики, точно «опавшие листья», были рассеяны по страницам газет и журналов, выходивших в подчас экзотически далеких местах рассеяния русской диаспоры и, казалось, были обречены на забвение. Соединенные вместе, они составили, пользуясь метафорой Вас. Розанова, ремизовский «короб», содержанием которого стало изложение концеп-

туальных представлений литератора о сути и задачах художественного творчества. Как пример, можно привести входящий в состав этой подборки программный ответ Ремизова на вопрос анкеты ж. «Числа» (1931 г.): «Для кого писать?». В нем отстаивается принципиальная позиция автора — утверждение полной творческой независимости писателя: «Литературные произведения — дело жизни. <...> Для писателя, когда он пишет, нет ни читателя, ни расчета — пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано» (*Мерлог*). В этом же ответе на анкету Ремизов заявляет о том, что писатель не обязан откликаться на потребности, потакать вкусу (или безвкусице) массового читателя, составляющего «стомиллионное население русского Парижа». Творец имеет право идти своим путем: «“Стомиллионному” мнению давность века, и в веках никому не пришло в голову усумниться в своем мнении, и, оставив виноватить “чудака”, признать в себе “недоразвитый мозг” и еще “непрорезавшиеся глаза”. <...> Но никогда не прав писатель, принимающий в своем суде о литературном произведении расценку такого “стомиллионного” глаза, слуха и сердца» (*Мерлог*).

Необычные словесные обороты, неисчерпаемые языковые богатства, сложная структура и трудная тематика сочинений отдаляли Ремизова от массового читателя. С течением времени, в «автобиографических» пересказах своей «легенды» он стал представлять себя как писателя непризнанного, непонятого, как творца для себя — сочинителя «былей и небылиц в нашей бедной, темной и рабской жизни», думающего «только о том, чтобы исполнить задуманную или взбредшую на ум закорючку», и ни разу за свою литературную жизнь не задумавшегося, «будет ли толк от моего письма, обрадует ли кого или раздрожит, и, наконец, будут ли читать мое или, только взглянув на имя, расплюются» (*Иверень-РК* VIII. С. 268). Собранные в «Мерлоге» высказывания автора на литературные темы напрямую свидетельствуют о том, что Ремизов в своем творчестве всегда сознательно следовал своему писательскому credo, которое было основано на четкой эстетической и идейной платформе.

С вопросом о сути литературного творчества связана и статья «Пруд». В ней, рассказывая о непростой истории создания

и публикаций своего первого романа, Ремизов еще подчеркнул право писателя на отстаивание своего творческого пути, обоснованность поиска новых форм прозы, пусть и не привычных не только для среднего читателя, но и для стандартно мыслящих участников процесса публикации произведения: редактора и издателя. Эта статья основана на предисловии к изданию романа «Пруд», так и не состоявшемуся в 1925 г. в издательстве «Пламя». Говоря о новаторстве своего раннего произведения, писатель отмечал: «И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное: каждая фраза состоит из “запева” (лирическое вступление), потом описание факта и непременно сон; при описании душевного состояния, как борьбы голосов “совести”, я пользовался формой трагического хора» (*Мерлог*). В подготовленной для публикации наборной рукописи «Пруда» 1925 г. Ремизов вернулся к той, первой, редакции текста (опубл.: СПб., 1908). Надо отметить, что в 4-м томе Собрания сочинений издательства «Шиповника» (опубл.: СПб., 1910) по воле издателей автор был вынужден заменить ее другой редакцией, выдержанной в более привычных для читателя формах и стилистике «классического» русского романа XIX в.*

Ремизов, формируя в «Мерлоге» тематический комплекс, связанный с раскрытием тайн своей писательской лаборатории, включил в него и имевшийся на то время материал, относящий к еще одному существенному для него аспекту творческого процесса — роли в нем сновидений. Это был как бы намек, метафорически говоря, протограф развития той темы, которой позднее будет целиком посвящена книга «Мартын Задека» (Париж, 1954).

Сны всегда играли большую роль в жизни и произведениях Ремизова. Они были тесно сплетены с его мироощущением, с его «видением» окружающей действительности. В «Мерлоге» целая главка «Сонник» посвящена сборникам толкований снов, которые были настольными книгами русских XIX в. «“Сонник” — “руководящая” книга — по ней можно знать, что тебя ждет, а, стало быть, и как поступать надо — чего остере-

* Наборная рукопись романа «Пруд» 1925 г. была опубликована посмертно. См.: *Ремизов А.* Пруд // Aleksei Remizov's “Prud” (The Mere). The fine text of the novel / Ed. by Roger J. Keys. Berkeley, 2004. P. 61–369.

гаться и, наоборот, к чему стремиться» (*Мерлог*). В той же главке дано и длинное отступление о значении снов для понимания и обогащения повседневной людской жизни. Сон — период, когда человек освобождается из-под власти трехмерного пространства: «воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на “тот” свет <...> события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже» (*Мерлог*).

Следующая тематически целостная часть книги составлена из статей, некрологов, заметок, связанных с именами ушедших писателей, деятелей культуры, значимых для Ремизова как человека, и как писателя. Изучение архива литератора позволяет говорить о том, что он, несмотря на трудные материальные условия жизни в эмиграции, никогда не создавал заказных статей «на тему», не писал некрологи лицам, которые были ему чужды. Его эссе и некрологи, посвященные писателям былых времен, по-разному, но вписываются в сформировавшуюся у него к 1930-м гг. концепцию развития «истории русской литературы», и, точнее, «истории русской прозы». В ней он четко вычленял идущую от Средневековья и продолжающуюся до современности линию традиций русских писателей, следующих теории «русского лада», идущих по «природной словесной дороге»*. Для Ремизова на этом пути в едином нескончаемом крестном ходе во славу «природного русского языка» идут и корифеи, и писатели, наделенные более скромным литературным даром, и скромные труженики-хранители литературного наследия (протопоп Аввакум, Н. Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов, Вл. Соловьев, Лев Шестов, Г. Квитка-Основьяненко, Л. Добронравов, Я. Гребенщиков). В этом тематическом своде материалов, содержащихся в «Мерлоге», можно видеть своеобразный претекст, который в дальнейшем будет в полной мере развернут в итоговой книге Ремизова, посвященной литературе как таковой и своему месту в литературном процессе — книге «Петербургский буерак».

Логичным завершающим звеном является включение в «Мерлог» материалов, связанных с двумя последними настоящими

* См. ремизовский схематичный план этапов развития русской литературы: *Ремизов А.* Лицо писателя. Материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е гг.). СПб., 2010. С. 315–322.

литературными учениками Ремизова — И. Болдыревым-Шкоттом и В. Диксоном. Ремизов соединял представление о своем непосредственном личном участии в продолжающемся развитии линии «русского лада» с «воспитанием» этих двух талантливых молодых писателей.

В статье-некрологе, посвященном И. Болдыреву-Шкотту, Ремизов отметил его природный литературный дар и его стремление учиться создавать современные произведения подлинно высокого художественного уровня: «“В ваших странствиях, Иван Андреевич, дорога привела вас на Villa Flore в мой мир «по карнизам» и мир «слова», вы ступили на трудный путь «слова», но слово — «слово без денег <...>», и что я мог и что могу сделать для устройства литературных дел? — ничего. А моя работа — впрочем, разве я мог удивить вас и самой беспощадной требовательностью? — вы такого крепкого корня: вам напролом и упор — наследственная стихия”. <...> Он добился бы своего и стал бы в литературной работе мастер» (*Мерлог*). В то же время для Ремизова анализ творчества трагически рано ушедших из жизни учеников являлся основой для раскрытия своих взглядов на главное направление развития современной русской словесности, идущей в одном ряду с писателями-лидерами мирового литературного процесса. Так в статье-рецензии на посмертную книгу Диксона «Стихи и проза», Ремизов отмечал: «В творчестве Диксона намечен путь описания мысль — чувство — словных движений: в рассказе “Червь” — ассоциации мысли и слов: в “Описании обстановки” пример нового восприятия вещевого мира» (*Мерлог*). И сразу от конкретного примера — реализации современного искусства в прозе конкретного писателя — Ремизов переходил к анализу нынешнего положения молодой русской прозы и к изложению своих теоретических взглядов на дальнейшее развитие русской литературы: «Пруст и Джойс, корни которых в Толстом и Достоевском, самые видные представители нового восприятия и способа выражать это мысле-чувство-словное движение. Из русских самый близкий к Джойсу Андрей Белый стоит совсем одиноко в современной русской литературе, которая за немногими исключениями — а эти исключения сжаты в лучшем случае в крепкие рамки Толстого и Достоевского — информационна, т. е. только материал, как для иностранца, так и для русских вне России.

Среди молодых, наиболее одаренных русских писателей вне России, “зарубежных”, явно чувствуется устремление к Прусту и Джойсу; и если удастся им, в условиях очень трудных — вне стихии русского слова, создать цельное, оно будет иметь большое значение в русской литературе» (*Мерлог*).

В итоге можно сделать несколько предположений о том, почему книга «Мерлог» не была доведена до окончательного вида и осталась в виде наборной рукописи определенным образом незавершенного произведения в авторском «портфеле» Ремизова. В условиях ситуации на литературном поле русского Зарубежья 1930-х гг. вероятность публикации подобной книги о литературе и секретах мастерства писателя была равна нулю. И Ремизов четко осознавал этот факт. В связи с этим он постепенно стал инкорпорировать тексты из «Мерлога» в состав других своих книг, обладавших более сложной, «симфонической» формой («Учитель музыки», «Петербургский буерак»). В них темы литературного творчества и «лица писателя» Алексея Ремизова были лейтмотивными, но не эксклюзивными. В этом плане наиболее целостным выражением ремизовской концепции: творчество как одна из мирообразующих констант, — стала книга, над которой он работал до смерти — «Петербургский буерак». Туда были включены и история его литературной карьеры, и портреты далеких и близких из мира российской словесности, и размышления о творчестве, как таковом, и заметки о рисунках писателей. Ремизов бесконечно менял по составу и совершенствовал и «Учителя музыки», и «Петербургский буерак». Работая над этими произведениями, он отказался от завершения «Мерлога» — книги, меньшей по масштабу охваченных ею аспектов проблем творчества. Однако «Мерлог» остался для писателя одной из существенных ступеней в истории создания его центральных произведений о жизни и формировании литературы, и о своем месте в процессе ее развития.

2.

Книга «Мерлог», неизданная, оставшаяся потаенной в архиве Ремизова, содержит в себе целый ряд ответов писателя на сущностные вопросы о природе его художественного творчества.

Одним из них является вопрос о взаимоотношении письма и рисунка в свете поисков А. Ремизовым нового языка и новой литературной формы.

Литература XX в. в своих самых ярких проявлениях стремилась к обновлению художественного языка и повествовательных форм, к стилистическим и структурным поискам новых направлений. Ощущение исчерпанности форм классического романа вызывало многочисленные попытки заново и иначе осмыслить жанр и приемы художественного произведения. Стилистические опыты Ремизова с самого начала его вступления в литературу органически вплетались в русскую культурную действительность, насыщенную поэтическими кружками и школами, где исследовалась «техника» письма. Словесные и стилевые эксперименты писателя развивались параллельно литературным поискам авангарда, пространственному расчленению кубофутуристов, филологическому углублению в славянские корни «планетчика» В. Хлебникова. Они созревали на той же почве, что и теоретические анализы формалистов, и литературные эксперименты Серапионовых братьев, и продолжались в течение всей жизни писателя, развиваясь в оригинальном направлении, как с точки зрения художественной композиции, так и с точки зрения языковых исканий.

Первые произведения Ремизова были высоко оценены современными ему писателями и критиками за их стилистическое богатство — использование сказа, музыкальных запевов, глагольных ассонансов, динамизм ремизовской фразы с ее эллиптическим синтаксисом, создание неологизмов, которые, как драгоценные камни, сверкали в повествовательной ткани. Одновременно, в сочинениях Ремизова происходила планомерная эволюция литературных жанров и поиск нового конструктивного принципа. В зрелые годы его композиционное новаторство вылилось в создание своеобразных монтажей материалов, собранных «археологической памятью» писателя, которая заново пересказывала литературные памятники прошлого и объединяла их с личными воспоминаниями, литературными очерками, путевыми заметками, некрологами.

В подарочной надписи Наталье Кодрянской 1948 г. сам Ремизов указал на путь к пониманию своих сочинений, как бы подсказывая разгадку своего письма: «Я только археолог, для

которого нет ни важного, ни неважного, все одинаково ценно для какой-то смехотворной истории» (*Кодрянская 1959*. С. 48). Как литературный «археолог», писатель старался заново открыть поэтические сокровища; все культурные «следы прошлого» оказывались одинаково ценны для построения художественного здания. Книга для Ремизова представляла собой законченный результат сложного стилистического и композиционного труда. «Как создаются литературные произведения? — спрашивал писатель и сам же давал ответ на свой вопрос: — Первое, запись, — полная воля и простор слову, только б удержать образ и высказать мысль. Но запись еще не работа. Работа начинается по написанному как попало. В работе глаз и слух, и от них идет строй (архитектура). Автоматическое письмо не произведение. Произведение выделывается, выковывается» (*Кодрянская 1959*. С. 133—134).

Литературное произведение требовало постоянной работы над ядром образа, настойчивого труда над очертаниями будущего текста и, главным образом, упорной борьбы с «книжным языком», для того чтобы воскресить в книге свой «голос» — лад русской природной речи. Ремизов отмечал: «Запись — силуэт, или только скрепленные знаками строчки. Надо разрубить, встряхнуть, перевести на живую речь — выговаривая слова всем голосом и заменяя книжное разговорным» (*Кодрянская 1959*. С. 134).

Подлинные звуки русского языка, в которые углублялся Ремизов, откликались ему с листов и столбцов древнерусских рукописей и грамот XVI—XVII вв. Большой знаток старорусских синтаксических форм, хранитель мелодического склада своего языка, Ремизов стремился создать язык новой прозы, возрождая древние языковые модели. Он утверждал: «Я никогда не был копиистом, нигде не говорил, что пишу и чтоб все писали как в XVI—XVII, а повторял и повторяю, что русским надо следовать в направлении природных русских ладов, выраженных отчетливо в приказной речи XVI—XVII, и на этой словесной земле создавать *свою* речь» (*Кодрянская 1959*. С. 243).

Уже в первых книгах Ремизова было очевидно стремление писателя возвратить прозе все ее фонетическое богатство, но с годами и с наступлением слепоты это стремление только усилилось. В книге «Постриженными глазами Ремизов писал:

«Я подразумеваю “русскую прозу” в ее новом, и в сущности древнем ладе: в ладе красного звона и знаменного распева, в ладе “природной речи”, и в образах русской иконы» (*Иверень-РК*. VIII. С. 132).

Ремизовская книга находила для себя образец в средневековой рукописной книге, стремилась воспроизвести не только ее словесное богатство и устный строй — ее «голос», но и всю графическую традицию, вкус к украшенной странице, к расположению заглавных и прописных букв, к всему образному оформлению рукописного кодекса. Неслучайно критик Б. Садовской заметил, что творения Ремизова — «это старинная книга с заставками-миниатюрами, правлеными киноварью. Это хитрая рукопись полууставом, с золочеными буквами, с завитушками, усиками и росчерками, на слоновой бумаге»*. Поиски писателя были направлены на воссоздание в своей прозе сложных жанровых структур, подобных структурам таких древних сводов, как, например, «Великие Четьи-Минеи» — уникальный по структурному построению сборник XVI в., включавшей в себя жития святых, поучения отцов церкви, апокрифы и даже «душеполезные» тексты светского содержания.

Не только весь объем ремизовских работ (написанных и нарисованных) вызывал в памяти древние сборники — сумму средневековых знаний, — но и каждая его отдельная книга, каждый текст, относившийся, пользуясь термином академика Д. С. Лихачева, к «жанру-ансамблю», черпал свое языковое, тематическое и образное богатство в этих произведениях. Еще в 1910-х гг. критик А. Измайлов констатировал: «Достаточно раз перелистать его книги, чтобы увидеть <...> с каким увлечением уходит [Ремизов. — *Ред.*] в старые пожелтевшие, пахнувшие ладаном Прологи, Шестодневы, Златоструи, Лимонари и Луги духовные...»**

В качестве примера можно остановиться на ремизовской книге «Россия в письменах». Она представляла собой не только пересказ и цитирование древних документов, но была как бы концентрированной «современной редакцией» русской истории. Эту книгу можно уподобить редкой рукописи, появив-

* *Садовской Б.* Ледоход. Пг., 1916. С. 141.

** *Измайлов А.* Пестрые знамена. М., 1913. С. 94.

шейся в современную эпоху, рукописи, в которой словесное содержание сливалось с визуальным образом в расположении слов и букв. Подобное внимание к слову и его графическому образу сохранялось у Ремизова и в дальнейшем. Даже в самых поздних по времени (конец 1940-х — 1950-е гг.) его миниатюрных книгах издательства «Оплешник» авторские рисунки, как миниатюры в древних рукописях, подчеркивали повествовательное развитие рассказа.

При всех сложностях издательской судьбы своих книг Ремизов всегда занимался поисками особой внешней формы издания и типографского набора, таких, которые показали бы необычность творческой мысли автора и стремление материала выйти за круг стандартного и единообразного. Он считал, что печатная мысль, лишенная своего личного облика (почерк писателя) и облаченная в шаблонные одежды (печать), подвергается опасности потерять свой неповторимый характер «устного» изложения авторской «легенды», выражения его природного языка и творческого мира.

Отождествляя себя, то с восточными каллиграфами, то с московскими писцами XVI в., Ремизов — «бывший книгописец XVI в. и знаменщик (рисовальщик) XVII в.» — старался, как он писал в книге «Пляшущий демон», вороньим пером «украсить рамкой рукопись, подрисовать глаза и уши в геометрические фигуры — в переплет полей, киноварью выделить букву» (*Россия в письменах-Росток.* XIII. С. 399).

Возвращая книге ее первоначальный дух рукописи, Ремизов воспроизводил в ней и тематическое разнообразие древних сводов, изложенное «сигнальным» письмом с необычным употреблением знаков препинания, и их графическое богатство с каллиграфическим переплетением — рисунком и письмом.

Неоднократно и решительно писатель отказывался считать выкристаллизованным и «немым» то, что для него была сама жизнь: письмо, слово, музыка. Они рисовались ему одновременно и в зрительных образах, и в рисунках, и в типографском наборе «рукописной» страницы.

Как отмечали многие современники, а потом и исследователи его творчества, Ремизов был «исключительным каллиграфом — писал любым уставом и полууставом, любил заставки,

заглавные киноварные буквы зачал, росчерки и круженья букв и около букв»*.

Со времени своего поступления в гимназию, а потом и в течение всей жизни (пока позволяло зрение) Ремизов жил в том волшебном царстве каллиграфии, «где буквы и украшения букв: люди, звери, демоны, чудовища, деревья, цветы и трава — ткутся паутиной росчерков, линий, штрихов и завитушек» (*Иверень-РК*. VIII. С. 35).

Унаследованный от матери врожденный талант к рисунку, любовь к росчеркам и линиям, направляли его путь в фантастический мир графического знака. Даже его орфография была не только фонетической, но и графической, придавая письму очертания рисунка, каллиграфического завитка. Свободным каллиграфическим искусством Ремизов был очарован на всю жизнь, использовал его и в шуточных обезьяних грамотах, и в «рукописных» книгах-альбомах, соединявших слова и рисунки**. Как вспоминала Наталья Резникова, «Алексей Михайлович по вечерам обыкновенно занимался рисованием или каллиграфической перепиской. Почерк у него был знаменит. Изучение древних русских образцов, в котором ему помогала Серафима Павловна, легло в основу его каллиграфического искусства» (*Резникова-2013*. С. 109).

В поздних произведениях Ремизов неоднократно ссылался на мифическую родину своей любви к каллиграфии — Восток и, более точно, Китай, чей образ который глубоко заворожил писателя, «шурша шелком» своей восточной мудрости и словесно-графических знаков.

Как известно, китайское произведение — слияние письма-каллиграфии-живописи — это завершенное искусство, в котором осуществляются все духовные состояния писательской души, линейная мелодия и пространственная структура, заклинательные жесты и зрительные слова***. Каждый знак, участвуя в создании целого, выражает одновременно и очертание

* *Филиппов Б.* Заметки об Алексее Ремизове // Русский Альманах. Париж, 1981. С. 202.

** См. издание рукописных альбомов писателя: *Ремизов А.* Рукописные книги / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 2008. 352 с.

*** *Cheng F.* L'ecriture poetique chinoise. Paris, 1977. P. 15.

предмета, и тягу художника к мечте, передает динамичное восприятие мира и включает в пространство страницы временное измерение. Следовательно, у китайцев каждое произведение требует своего особого буквенного расположения. Начертание слов не следует глухому и однообразному линейному построению западных страниц, а стройно располагает письменные знаки, которые уже в самом своем очертании содержат смысловое значение. В китайском письме явно вырисовывается «зрительный ключ» для чтения, «мелодия» текста. Как писал Ремизов: «Китайская рукопись, черной ли тушью на бумаге или золотом на шелку, всегда звучащая — и немых строчек, как в нашем однообразном написанном, не отличающим сказки Толстого и разысканий Веселовского, не может быть» (*Иверень-РК*. VIII. С. 35).

В китайской рукописи каллиграф Ремизов узнавал осуществление своей мечты — звучащий текст, который сливал воедино ритм слова с его изображением. Как и там, слова ремизовской книги восставали против однообразного равенства, требовали уважения к их личности, стремились необычным видом отразить творческое напряжение писателя. Ремизовский лист, украшенный печатным и курсивным шрифтом, испещренный черточками и многоточиями, скобками и тире, стремился подражать рукописи, воспроизвести авторский почерк и сделаться графическим произведением.

Чередование разных шрифтов, разрядка между буквами, необычные абзацы вместе с рисунками и каллиграфическими завитками придавали ремизовской странице вид единственного в своем роде произведения, рукописного изобразительного уникума.

Ремизов писал Кодрянской: «Красные строчки — как и знаки препинания — передают *интонацию*. Рукопись приближается к партитуре» (*Кодрянская 1959*. С. 140). Исследователи рукописей и последних книг-коллажей Ремизова, несомненно, отмечали тот факт, как часто исправлялись писателем знаки препинания и типографское расположение страниц в разных изданиях. Как признался сам писатель в дневнике, его использование знаков препинания не всегда подчинялось смысловому принципу, но следовало принципу ритмическому, а также и графическому, который как бы расчленял страницу на различные повествовательные элементы, подобно смысловому разложению

языка В. Хлебникова и атомному членению картины П. Филонова*.

Когда словесный запас был, как казалось автору, недостаточен, каллиграф Ремизов прибегал к соответствующей графической линии, чтобы передать творческие вспышки, зачатки идеи: «С какими усилиями я добываю слово, чтобы выразить мои мысли, а чтобы что-нибудь твердо запомнить, мне мало слов, мне надобен еще и рисунок...» (*Иверень-РК*. VIII. С. 42).

Ремизовская книга стремилась не только к поиску музыкального ритма, к передаче живого голоса, но также требовала соответствующей графической и зрительной формы. «Я не хочу воскрешать какой-нибудь стиль, — замечал Ремизов, — я следую природному движению русской речи и как русский с русской земли создаю свой. Во фразе важно пространство, как в музыке. Во мне все звучит и рисует, сказанное я перевожу на рисунок» (*Кодрянская 1959*. С. 255). Часто созданию ремизовского словесного произведения предшествовало представление развития сюжета, образов героев в виде серии рисунков, что являлось одним из этапов истории текста. Именно об этом Ремизов говорил в ведшемся в форме переписки разговоре с писательницей и журналисткой А. Мазуровой: «Часто сначала рисую, а потом пишу»**.

Выдержки из текстов и словесные выражения являются неотделимой частью изобразительного пространства графики Ремизова. Они представляют собой «толкования» рисунка и занимают свое собственное место внутри страницы. Именно они вводят временное измерение в повествовательное пространство изображения.

Рисунки Ремизова являются формой графического познания, с помощью которого, как и через его литературные произведения передаются очертания и пространственное строение его «ви́дения» мира «подстриженными глазами». Это особое призрачное ви́дение окружающей действительности, в котором соединяются мечта и действительность, сновидение и сказка. Писатель утверждал: «Для простого глаза пространство не за-

* См.: *Альфонсов В. А.* «Чтобы слово смело пошло за живописью» (В. Хлебников и живопись) // Литература и живопись. Л., 1982. С. 213–215.

** *Мазурова А.* Разговоры с Ремизовым // Дело. 1951. № 4. С. 29.

полнено, для подстриженных нет пустоты. Подстриженные глаза еще означают мир кувырком, эвклидовы аксиомы нарушены, из трех измерений переход к четырем» (*Кодрянская 1959*. С. 96—97). Мир, окружающий «прозорливого» Ремизова, — это волшебный и тайный мир какой-то немирной стихии, где царствуют и фантастические чудовища, напоминающие кошмары Босха и Брейгеля, и свиные гоголевские хари. Неслучайно в сочинениях Ремизова «так мало реальной, не волшебной природы, и его рассказы напоминают сны с их путаницей и свободой от законов логики»*. В ремизовском «ви́дении» мира есть такое же богатство и, одновременно, такая же замкнутость, как и в сновидениях, такое же нагромождение героев в воображаемом мире, такое же временное измерение, как и в снах. Писатель считал: «Реальная жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство свободы и сейчас же обнаруживаются чудеса “совместности” и “одновременности” действия, немыслимые в дневном состоянии» (*Мерлог*).

По Ремизову, во сне «освобожденный» человек проникает в другой мир — невещественный, беспредельный. Сон является одним из способов перехода из одной сферы универсума в другую: «через сон человек проникает на “тот” свет (*Мерлог*)». Сны выступают на хребте двух реальностей, соединяя дневные образы с представлениями иного мира. Дневные законы ослабляются, человек освобождается от причинного сознания, теряются границы между прошлым и настоящим, а «время крутится волчком». Жизнь расширяется, удваивается, поглощая дневную и ночную «реальность».

Ремизов обнаружил в сновидениях ту «интерпенетрацию» пространства и времени, то четвертое измерение, которое он всегда искал с помощью слова и рисунка. Сновидение становится для него завершенным художественным образом, местом, где пересекаются пространственные и временные перспективы. Время сгущается, делается почти зримым, а пространство погружается в течение времени, истории и повествовательной фа-

* *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 260.

булы. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем.

В произведениях Ремизова сны являются не только элементами содержания, но приобретают функцию литературной формы, равно как и аналогичные снам «виде́ния» средневековой литературы. Временная логика средневекового виде́ния — полная одновременность всего или сосуществование всего в Божественной вечности. Все, что на земле разделено временем, все эти вносимые временем «раньше» и «позже» сходятся в чистой одновременности сосуществования. В современном Ремизову мире такого понимания вечности нет, человеческая жизнь замкнута в своих рамках, и поэтому ремизовское «ви́дение» мира открывает присутствующих в нем отвратительных чудовищ, дробится на калейдоскопические мелкие части. Единственная реальная ценность для Ремизова — пространство культурной традиции, мир книги — богатого и старинного свода премудрости. Писатель обращался к памятникам древней Руси, к старинным рукописям как к образцу идеального — письменного и изобразительного — ви́дения мира; а сновидение для него — литературный жанр, способный более полно и правдиво выразить современность. «Сонная многомерность» богато наполняет сочинения писателя, расширяет их «реальность» другими пространственно-временными измерениями. Она освобождает повествование от дневной трехмерности, вводя в него время как четвертое измерение пространства.

С этой точки зрения еще более значительной предстает «археологическая работа» Ремизова, его пересказы мифического и легендарного наследия человечества. Глаз писателя, обращенный к таинственному и волшебному в жизни, проникал в многомерное пространство мифа: «Моим глазам в какой-то мере открыт мир сновидений — ерунда и вздор на лавочный глаз; а сказка (Märchen) в германском и восточном, мне она свой благоустроенный «тибетский дом»; в легендах же я чувствую несравненно больше живой жизни, чем в исторических матерьялах» (*Петербургский буерак-РК* X. С. 144). В сказочном повествовании появляется характерное для сновидений искажение временных перспектив. Герой движется в чудесном мире, повсюду проявляется фольклорно-сказочная свобода человека в пространстве. Во вне-историческом времени сказки

всякая конкретизация — географическая, бытовая или социально-политическая — сковала бы свободу мифического действия и ограничила бы абсолютную власть судьбы. В произведениях Ремизова абстрактная пространственная протяженность тесно связана со сказочным гиперболизмом времени, с его эмоционально-лирическим растяжением и сжиманием: «сказочность — разрушение временного строя, отрывного календаря, хода будильника» (*Кодрянская 1977*. С. 224).

В сказочных пределах развертывается и автобиографическая «легенда» Ремизова: его жизненный опыт символически отражает человеческую судьбу и путь человека в мире и в культурной традиции. Сказочно описан «задний план» автобиографической «легенды», неопределенными являются пространственно-временные измерения выдуманной им Руси-России. Это мифическая Русь древних рукописей и старинных документов, Русь сказок и легенд. Как сам писатель неоднократно повторял, его сочинения — «домыслы» из книг и воображения, из памяти и снов.

Ремизова привлекала субъективная игра со временем: переживание разных исторических эпох и «превращения» при встречах «живых и книжных». «Наша краткая жизнь, — утверждал писатель, — не бесследный обрывок во времени, дух души человека — без начала и без конца. Каждый из нас несет в себе бесконечность превращений: разнообразных, но явных пристрастий к вчерашнему (*Россия в письменах-Росток* XIII. С. 361».

Ремизовские пересказы старинных легенд и сказок и его «сочинение» автобиографической «легенды» включены в оригинальный и единый для него творческий процесс переосмысления мифа. Писатель для писателей, эрудит Ремизов как бы заново «оживлял» исторический документ, в том числе и зафиксированный в реальности факт своей жизни, перенося его в пространство мифа. А источник мифотворчества он открывал в сновидениях. Ремизов писал о снах, что они «непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. <...> Сны <...> “предсказывают” и “открывают” будущее» (*Мерлог*).

Антонелла д'Амелия

КОММЕНТАРИИ

От редакции: общие эдиционные принципы подачи текстов в настоящем томе подробно изложены в преамбуле к XI тому Собрания сочинений А. М. Ремизова, вышедшему в 2015 г. (*Зга-Росток XI*. С. 3–8). Она предваряет тома Собрания сочинений А. М. Ремизова, которое является продолжением издания, увидевшего свет в 2000–2003 гг. (*РК I-X*). Произведения Ремизова публикуются с учетом авторских особенностей орфографии и пунктуации. В текстах также сохранена «литературная игра» Ремизова с особенностями различных книжных и разговорного стилей русского языка.

РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Книга «Русские легенды» (далее: *РЛ*) относится к числу неопубликованных трудов Ремизова 1930-х гг. После публикации сборника «Звезда надзвездная» (1928, далее: *ЗН*) писатель задумал собрать воедино свои переработки ветхозаветных и новозаветных апокрифов, а также патериковых рассказов. В результате была подготовлена наборная рукопись *РЛ*.

В архиве Ремизова в ГЛМ (Ф. 156. Оп. 2) находятся две самодельные тетради в однотипных мягких переплетах из красной бумаги.

Первая тетрадь (Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 203. 67 л. – Далее: *НР РЛ-Ч II*) имеет надпись на передней стороне переплета: «Русские легенды: II / A. Remizov / Luci flos / Дела человеческие». На обороте этой стороны переплета запись на французском языке: «Les édition “Le Lion” / Paris / 1931 / Exemplaire unique». (Французская фраза написана с ошибкой. Надо: «Le édition “Le Lion” / Paris / 1931/ Exemplaire unique» (рус.: издание «Лев» / Париж / 1931 / Единственный экземпляр»).) На титульном листе *НР РЛ-Ч II* надписи: «[РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ: II] / Алексей Ремизов / [Luci flos] *<зачеркнуто карандашом>* / — дела человеческие — / Смиль <надпись карандашом рукой неустановленного лица>». На шмуцтитуле: «Посвящаю С. П. Ремизовой-Довгелло». На следующей странице тетради название: «Дела человеческие». В *НР РЛ-Ч II* произведена рукописная разметка текста для наборщика. В конце – рукописное оглавление. На внутренней части задней сто-

роны переплета тетради надпись: «Alexei Remizov. La Russie en tourmene. VI. Le cheval de L'abeille / 21 dessins en blanc et noire et en couleur <*вертикальная запись на полях страницы*>. / A. Remizov» (Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. VI. Лошадь из пчелы / 21 рисунок черно-белый и цветной. А. Ремизов (*фр.*)). Последняя надпись связана с первоначальным использованием бумаги переплета для экспонирования или упаковки рисунков Ремизова. На обороте задней стороны переплета записано оглавление: «РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ: / I. Звезда надзвездная / II. Дела человеческие / III. Свиток».

Вторая тетрадь (Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. 66 л. — Далее: *НР РЛ-Ч III*) также открывается заглавием на передней стороне переплета: «Русские легенды: III. / A. Remizov / Свиток». На титульном листе, украшенном абстрактными аппликациями из цветной бумаги, надпись: «РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ: III / Алексей Ремизов / СВИТОК / — Илья — Иродиада — Сисиний — Поясок —». На шмуцтитуле посвящение: «Посвящаю С. П. Ремизовой-Довгелло». Текст *НР РЛ-Ч III* имеет рукописную разметку для наборщика. В конце — рукописное оглавление. На внутренней части задней стороны переплета надпись: «Alexei Rèmizov. En suivant le soleil / 56 dessins / <*вертикальная надпись сбоку страницы*> A. Remizov» (Алексей Ремизов. Посолонь. 56 рисунков (*фр.*)). Эта заметка также связана с первоначальным использованием бумаги обложки для экспонирования или упаковки рисунков Ремизова. На обороте обложки надпись: «РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ»: / I. Звезда надзвездная / II. Дела человеческие / III. Свиток». Однотипность оформления и анализ почерка рукописной разметки текста для наборщика позволяет датировать *НР РЛ-Ч III* по аналогии с датированной *НР РЛ-Ч II* 1931 годом. Таким образом, к 1931 г. относится создание единой *НР* книги *РЛ*. Она состояла из двух тетрадей, а также из части I, представлявшей собой текст ранее опубликованной книги «Звезда надзвездная». После смерти Ремизова его парижский архив три раза подвергался разборке и систематизации, предусматривавшим, в частности, разделение имевшихся материалов на две категории: печатные тексты (книги, публикации в газетах и журналах) и рукописи. В связи с этим можно высказать два предположения об истории текста *НР РЛ*. Во-первых, сам Ремизов мог не включать в рабочий экземпляр *НР* имевшийся у него текст *ЗН*, а лишь указать на его присутствие в составе *НР РЛ*. Во-вторых, печатный текст *ЗН*, для Ремизова фактически представляющий собой наборную рукопись первой части *РЛ* (*НР РЛ-Ч I*), мог быть отчужден от *НР РЛ-Ч II* и *НР РЛ-Ч III* при неоднократных посмертных разборах материалов архива Ремизова.

В настоящем издании текст книги *РЛ* публикуется по печатному тексту книги «Звезда надзвездная» (*НР РЛ-Ч I*), *НР РЛ-Ч II* и *НР РЛ-Ч III*.

I. ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ
Stella Maria Maris

Впервые опубликовано: *Ремизов Алексей.* Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Paris: YMCA-PRESS, 1928. 79 с., с посвящением С. П. Ремизовой-Довгелло.

Рукописные источники: 1) *НР* (неполная, 115 с.) — Автограф // Amherst. Box 16. F. 31. 115 р.; 2) *НР* (отрывок). — Автограф // Amherst. В. 16. F. 31. 1 р.

Печатается по изданию 1928 г.

Название «Звезда надзвездная» восходит к заглавию переводного древнерусского сборника рассказов о чудесах Богородицы «Звезда пресветлая», широко распространенного в России со 2-й половины XVII в. Бóльшая часть рассказов сборника основана на чудесах, связанных с молитвой «Богородице Дево, радуйся», которая составляет основу католического молитвенного последования — «Розария» (лат. *rosarium* — венок из роз). «Розарий» — название четок, а также молитв, читаемых по ним. Молитвы «Розария» представляет собой чередование молитв «Отче наш», «Радуйся, Мария» и «Слава». Ср. также в тексте акафиста Пресвятой Богородице пред иконой «Одигитрия» Смоленская: «Радуйся, свеще неугасимая; радуйся, звездо незаходимая».

Заглавие первой части *РЛ* также непосредственно восходит к одноименной легенде Ремизова, а также к легендам «Страсти Господни» («От Креста разносился по миру плач / Богородицы — / звезда надзвездная!») и «Хождение Богородицы по мукам» («И взмолилась она к животворящему престолу Господню — звезда надзвездная») (с. 35, 60 наст. изд.).

Stella Maria Maris (*лат.*) — Мария звезда морская. Неточная цитата из известного с VIII в. текста католического гимна «Ave, Maris Stella» («Радуйся, Звезда моря»). С раннего средневековья образ морской (путеводной) звезды являлся одним из символов Богоматери.

Основной корпус *ЗН* представлен легендами, ранее входившими в состав «повествований по апокрифам» «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (1907, 1912) и в цикл «Цепь златая» (Сирин. СПб., 1913. Сб. 1). Из расширенной редакции «Лимонаря» (*Шиповник 7*, *Сирин 7*) в *ЗН* было включено 6 текстов: «Клятвенный камень», «Страды Богородицы», «Страсти Господни», «Месяц и звезды», «Рождество», «Христов Крестник» (краткую историю создания цикла см. в предисловии к комм. А. М. Грачевой: *Лимонарь-РК VI*. С. 664—666). Из цикла «Цепь златая» вошло 9 текстов: «Солнце», «Адам», «Плач Адама», «Ангел-благовестник», «Ангел-мститель», «Ангел погибельный», «Воплощение», «Преисподняя» (3-я часть триптиха «Хождение Богородицы по

мукам»), «Прекрасная пустыня». 1-я и 2-я части «Хождения Богородицы по мукам» в качестве диптиха были опубликованы в ж. «Заветы» (1912. Кн. 8). В виде триптиха впервые появилось в газ. «Дни» (1922. 5 нояб. № 7). Легенда «Ангел-предтеча» была впервые напечатана в ж. «Воля России» (1927. № 8/9), а «Сокровище ангелов» — в книге «Рёрих» (Пг., 1916).

Н. Кодрянская передала слова Ремизова о *ЗН*: «Книга “Звезда надзвездная” (страда мира). В этой книге собраны и выражены образы и чувства “отреченных книг”, какие занимали русский народ в веках» (*Кодрянская 1959*. С. 116). В 9-й рабочей тетради (<1956>) Ремизов так охарактеризовал *ЗН*: «В этой книге собраны и выражены образы и чувства “отреченных книг”, какие занимали русский народ в веках.

1) Страсти Господни
2) Страды Богородицы
3) Страды архангела Михаила
4) — « — Предтечи (Ивана Купалы)
5) Трагические события Рожества — избиение младенцев.

Весь мир страждет» (*Грачева 2010*. С. 356). Там же Ремизов указал: «(К “Звезде надзвездной” примечания не напечатаны). В примечаниях я показываю, на основании каких материалов я писал» (с. 359). Примечания до нас не дошли.

На обороте авантитула экземпляра *Лимонарь 1907*, подаренного Н. В. Кодрянской в Париже, Ремизов записал: «Мечтаю переиздать в нов<ой> редакции. И это надо здесь сделать. “Пляс Иродиады” вышел в изд<ательстве> Трирема. Алексей Ремизов. 1. 3. <19>23» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 57). Ей же он говорил о *ЗН*: «Книга “Звезда надзвездная” (страда мира). В этой книге собраны и выражены образы “отреченных книг”, какие занимали русский народ в веках» (*Кодрянская 1959*. С. 116).

На книге *ЗН* Ремизов сделал такую дарственную надпись Н. В. Зарецкому: «Старейшине Николаю Васильевичу Зарецкому — рыцарю и воеводе — книгу для чтения, требующую уменья читать по-русски, по-московски, без английского произношения, книгу, не посланную своевременно только потому, что экземпляров не дают, книгу, которая причинила вам столько хлопот и огорчений. 1. 1. <19>28 А. Ремизов» (цит. по: Рисунки писателей. СПб., 2000. С. 283).

На форзаце одного из экземпляров *ЗН* Ремизов 23 января 1929 г. надписал: «Еще в Берлине я мечтал о этой книге и, наконец, осуществилось: эта моя песнь Богородице. А писалась она в страду наших дней, и самые пламенные слова связаны с нашей судьбой» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 121).

Бронислав Сосинский писал о художественных доминантах сборника: «Новая книга Ремизова — книга о страдании человеческом. Да,

человеческом, несмотря на то, что книга в большей своей части посвящена жизни Христа и Богородицы. Эти два образа, символы страдания — недаром влекут к себе Ремизова и недаром лучшими сказаниями в книге являются "Страды Богородицы" и "Страсти Господни". Все мастерство художника заключается в том, что такие образы, как Христос, Мария, приобретают у него необыкновенную *человечность*, трогают нас самой сущностью человеческих страданий, не теряя в то же время своего создававшегося веками, надземного, надзвездного сияния. <...> Рецензируя эту книгу, мы воспользуемся случаем указать на несколько составных элементов, на которые можно разложить одну из сторон творчества Ремизова последних лет. <...> Чтобы приблизить к нам далекие образы прошлого, Ремизов прибегает к двум любопытным художественным приемам. *Перенесение современных нам явлений и предметов в ту эпоху и наделение национальными, русскими чертами людей и явлений той жизни.* Появление в периодической печати отдельных вещей Ремизова, в которых он широко использовал эти приемы (особенно первый), вызвали в свое время, главным образом в писательской среде, "некое неудовольствие". <...> Два сказания — "Звезда надзвездная" — первое в книге — и "Сокровище ангелов" — последнее — обнимают книгу с двух сторон и пронизывают ее единой темой. Самое высокое в мире — снисхождение в земную жизнь...» (*Б. С.* [*Сосинский Б.*]. Алексей Ремизов. Звезда надзвездная // Воля России (Прага). 1928. № 10/11. С. 208—210; курсив Б. Сосинского).

В. Набоков, не без изрядной доли пристрастия, резко отрицательно отозвался о книге: «Читая сказания Ремизова, поражаешься их безнадежной пресности, т. е. не находишь в них именно того, что одно может оправдать этот литературный жанр. Не оправданием является и то, что Ремизов, дескать, подражает древним апокрифам, сказаниям калик перехожих. В апокрифе, в легенде есть антикварное очарование, таинственные перспективы древнего мышления, пейзажи, облагороженные далью, символы, которые во время оно были полны благоухания и значений. Надобно какое-то особое вдохновенное воображение, необыкновенное мастерство, чтобы сочинить такие же бесхитростные сказки, какие сочинялись в старину. Ни особого воображения, ни особого мастерства у Ремизова не найдешь. Сказки в этой книге производят впечатление чего-то неустойчивого, безответственного, случайного. <...> Добро еще, если бы слог Ремизова был безупречен. Но, увы, — какая небрежность, какой случайный подбор слов, какой, подчас, суконный язык...» (*Сирин В.* [*Набоков В.*] // Руль. 1928. 14 нояб. № 2424. С. 4). На эту рецензию в ноябре 1928 г. откликнулся Н. В. Зарецкий, который с возмущением писал (при жизни автора текст не был опубликован): «Впервые встречая такую по тону и стилю рецензию, я был вдвойне поражен, прочитав под ней подпись прозо- и поэта В. Сири-

на. Рецензент, подчеркивая массу “недочетов” книги, заканчивает ее заключением, что у Ремизова — суконный язык! Вот так штука!! И это про Ремизова, о котором В. В. Розанов говорил: “Это потерянный бриллиант, а всякий будет счастлив, кто его поднимет: ум, спокойствие, археология...” А г. Сирин к этому драгоценному камушку отнесся по-петушиному, с задором и криком. <...> как мог критик, к тому же сам поэт, не почувствовать красот ремизовского языка, силы его образов; как это можно сказать о Ремизове, что у него нет особого воображения, ни особого мастерства!!! Сирин находит, что слог Ремизова небезупречен, что у него случайный подбор слов, небрежность и пр. и даже суконный язык! <...> В этой рецензии <...> я вижу кощунственное отношение к имени русского писателя, писателя большого, прекрасного, и такое выступление рецензента подобно плевку на алтарь поэта, где пылает его священный огонь» (цит. по: Рисунки писателей. С. 278, 279, 282; публ. И. С. Чистовой).

Звезда надзвездная

Впервые опубликовано: *ЗН*. С. 9—10.

С. 5. *...к речке прибежал — река ушла; в лес бежит — наклоняется лес.* — В. Набоков с иронией писал по поводу этих строк: «...и читатель одолеваем какой-то мысленной щекоткой и не знает, почему автор ограничился лесом, речкой и рекой, и не прибавил еще чего-нибудь, скажем: прибежал к горке, — сгладилась гора...» (*Сирин В.* [*Набоков В.*]. Указ. рец. С. 4). Ему возражал Н. В. Зарецкий: «Сирин негодует. А по-моему, это действительно сильное по образу место и красивое и пластически выпуклое; Ремизов именно дает в этих немногих словах картину: как от проклятого человека всё отступилось. Это сильно, это прекрасно, а г. Сирин говорит, что, прочтя это место, его одолела “какая-то мысленная щекотка” — действительно, “какая-то”!» (Рисунки писателей. С. 279; разрядка Н. В. Зарецкого).

«Не знаю такого — никогда ничего не слыхал про такого!» — отрекся Петр. — Об отречении Петра от Христа см. в Евангелии: Лк 22: 33—34, 54—62. Об этом эпизоде Ремизов упомянул в кн. «Петербургский буерак», рассказывая о своих видениях: «...я провожал Петра, когда пропел петух и раскаяние выжгло мои слезы» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 411).

С. 6. *Богородицу и Матерь Света / в песнях возвеличим!* — Возглашение дьякона во всенощном бдении перед молитвой к Пресвятой Богородице, перед девятым ирмосом (т. е. первой строфой песен канона, прославляющих святых). Ср. в дневниковой записи Блока от 7 но-

ября 1902 г.: «Матерь Света! Я возвеличу Тебя!» (*Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 65).

Солнце

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 243, под загл. «Божие солнце», в цикле «Цепь златая».

Рукописный источник: «Страды мира». 1924. *HP* — Автограф // Amherst. Box. 15. F. 15.

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 143, под загл. «Божие солнце», в цикле «Цепь златая»; Воля России (Прага). 1926. № 6/7. С. 49, в цикле «Покажу вам дьявола»; *ЗН.* С. 11—12.

Текст-источник: *Мочульский.* С. 67 («Беседа трех святителей»).

В. Г. Голиков, касаясь легенды, отметил: «...идеи и образы заимствованы из раскольничьей космогонии (“Божие солнце” — слеза из ока Бога, при думе о судьбах еще не сотворенного человека и о крестной смерти Сына)...» (Вестник знания. 1915. Декабрь. С. 802).

Адам

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 244, в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 144; Воля России (Прага). 1926. № 6/7. С. 47—48, в цикле «Покажу вам дьявола»; Перезвоны (Рига). 1926. № 19. С. 585—588, под загл. «Из книги “Страды мира”. Слово Адама»; *ЗН.* С. 13—14.

Тексты-источники: *Мочульский.* С. 102 («Беседа трех святителей»); *ПСРЛ III.* С. 12—14 («VI. Сказание, како сотвори Бог Адама»).

С. 8. *...от земли — остов, ~ от духа — мудрость.* — Ср. в *ПСРЛ III*: «...1) от земли — тело, 2) от камени — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — очи, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — оттепла» (с. 12). Ср. также: *ПСРЛ III.* С. 11. В. Набоков скептически отозвался об этом фрагменте: «...перечисляет Ремизов части, из которых Бог создал человека: “от земли — остов, от моря — кровь, от солнца — красота” и т. д. Можно и прибавить, и отсечь, — впечатление от этого не изменится» (*Сирин В.* [*Набоков В.*]. Указ. рец. С. 4).

...Михаила, / Гавриила, / Рафаила, / Уриила. — Перечислены архангелы, которые стоят по четырем сторонам Божьего престола, являясь стражами четырех концов мира. *Михаил* — в православии один из двух высших ангелов, наряду с Гавриилом, носящих звание Архистратига; вождь небесного воинства в борьбе с темными силами. *Гавриил* («муж Божий») — один из двух высших ангелов, носящих звание Ар-

хистратига; избранник Бога, возвестивший Богородице о рождении Христа. *Рафаил* — исцелитель, утешитель скорбящих, покровитель медицины и путешественников. Упоминается в апокрифической книге Товита (гл. 3, 5—9, 11—12). *Уриил* («свет Божий») — один из высших Ангелов, который упоминается, в частности, в апокрифической книге Еноха (Ханоха) (гл. 4).

С. 8. *Рафаил пошел на полночь...* — То есть на север.

Арктос (*греч.* медведь) — древнегреческое название созвездия Большой Медведицы.

Уриил пошел на полдень... — То есть на юг.

С. 9. *А Д А М* — Эти буквы на некоторых иконах «Неопалимая Купина» добавлены к концам четырех лучей.

Клятвенный камень

Впервые опубликовано: Жатва: Журнал литературы. 1912. Кн. 1. С. 207—214.

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 35—42, под загл. «Попрание клятвы Адамовой»; *Сирин 7.* С. 35—42, под загл. «Попрание клятвы Адамовой»; *ЗН.* С. 15—18.

Тексты-источники: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872; *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.

В примеч. к первой публикации в ж. «Жатва» Ремизов в качестве источника указал: «Материалы из исследования И. Порфирьева: Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872» (с. 214).

И. Я. Порфирьев так кратко изложил апокриф «Рукописание, данное Адамом диаволу»: «Каин родился с двенадцатью змеиными головами, которые страшно терзали Евву, когда она кормила Каина грудью. Адам сильно скорбел об этом и согласился дать рукописание на себя диаволу, когда он пообещал снять с Каина змиев. Для этого Адам должен был омочить обе руки в крови козлища и положить их на плиту из белого камня, которую принес диавол и на котором отпечатлелись руки Адамовы. Диавол снял с Каина двенадцать голов змеиных, положил их на плиту с рукописанием, которую опустил в Иордан, заповедав змеиным головам хранить рукописание. Змеиные головы и хранили рукописание Адамово до того времени, когда Спаситель пришел на Иордан креститься и сокрушил их» (*Порфирьев 1890.* С. 38—39).

С. 9. *...в дверях рая стоял херувим с огненным мечом. ~ Херувим с огненным мечом охранял двери рая.* — Ср. в одной из сектантских пе-

сен: «При дверях рая / Херувим стоит; / Путь мечом пламенным / Он нам заградит» (*Рождественский, Успенский.* № 501. С. 586).

С. 10. *увы! раю мой прекрасный!* — Ср. в духовном стихе «Плач Адама»: «Раю мой, раю, прекрасный мой Раю! <...> Увы мне грешному...» (цит. по: *Симони П.* Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3 // Сборник отделения русского языка и словесности. Пг., 1922. Т. 100. № 2. С. 12—13); «О раю, мой раю, пресветлой мой раю!» (*Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 45).

С. 11—12. *Наступал первый час ночи — час поклонения демонов: ~ И наступал двенадцатый час — час надежды и молчания чинов ангельских...* — Ср. в разделе «Апокрифы об Адаме и Еве» в книге И. Я. Порфирьева: «Разделение дня и ночи на часы и таинственные служения в эти часы разных тварей составляют самые интересные места в сохранившихся отрывках из *Завета* Адама. Вот в каком порядке перечисляются часы ночи и служения в них тварей. 1-й час ночи: это час поклонения демонов; в это время они перестают делать зло и вредить человеку, потому что сила Творца вселенной удерживает их. 2-й час: это час поклонения рыб и всего, живущего в море. 3-й час: поклонение глубин, или бездн преисподних. 4-й час: трисвятое Серафимов. Прежде моего падения, сын мой, я слышал в этот час в раю шум их крыльев; ибо Серафимы, обыкновенно, ударяли крыльями, производя гармонический звук в храме, назначенном для их служения; но с того времени, как я согрешил и преступил заповедь Божию, я перестал видеть их и слышать шум их. 5-й час: служение вод превыше небес. 6-й час: собрание облаков (туч) и великий священный ужас, который знаменует средину ночи. 7-й час: покой сил и всех природ, когда воды покоятся, и если в этот час взять воды, которую священник Божий соединяет с святым елеем, и помазать этим елеем тех, которые страдают и не спят, то они выздоравливают. 8-й час: благодарение Богу за произведение трав и семян в то время, когда роса небесная нисходит на них. 9-й час: служение ангелов, которые стоят пред престолом величия. 10-й час: поклонение людей: врата небесные отверзаются, чтобы дать возможность войти туда молитвам всего живущего; они повергаются и потом выходят. В этот час Бог благоволит ко всему, чего человек ни просит у Бога, в ту минуту, когда Серафимы ударяют крыльями и когда поет петух. 11-й час: великая радость во всей земле, в минуту, когда солнце восходит от рая Божия и поднимается над вселенною. 12-й час: чаяние и глубокое молчание между всеми чинами святов и духов до того времени, когда иереи поставят фимиам пред Богом, и потом все чины и силы небесные разделяются (расходятся)» (*Порфирьев 1872.* С. 169—170).

С. 12. *...пришел Он в пустыню на Иордан к Иоанну...* — Речь идет об Иоанне Крестителе.

...и слышен был глас с небеси: / «Вот Сын мой, в нем мое благоволение!» — Имеется в виду возглас Бога-Отца во время Преображения Христа на горе Фавор: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение...» (Мф 17: 5).

Плач Адама

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 245—247, под загл. «Страсти Адама, первозданного человека», в цикле «Цепь златая».

Рукописный источник: «Страды мира». 1924. *HP* — Автограф // Amherst. Box. 15. F. 15, под загл. «Страсти Адама».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 145—147, под загл. «Страсти Адама», в цикле «Цепь златая»; Звено (Париж). 1924. 4 февр. № 53. С. 2, под загл. «Из книги “Страды мира”. Плач Адама»; *ЗН.* С. 19—22.

Текст-источник: *ПСРЛ III.* С. 11—12 («V. Слово Адама во аде к Лазарю»).

С. 13. *...верея железная...* — *Вереи* — столбы, на которые навешиваются ворота.

...мост через Юдоль-реку... — *Юдоль* (букв. дол, долина) — жизненный путь с его заботами и печалями. Зд. в значении: мост между «землей» и адом.

...жаркие молоньи зарят в ночи... — То есть молнии сверкают в ночи.

С. 14. *«Други, воспоем песнями днесь, / отложим плач!» / — ударил Давид в гусли...* — *Давид* — царь древнего Израиля, правивший сорок лет приблизительно в X в. до н. э. Псалмопевец; ему принадлежат тексты библейской «Книги псалмов» («Псалтыря»). Ср.: «Пророк Давид, бия в гусли, веселящеся, прославляет победу Господа над диаволом и адом» (*Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о Пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в древней Руси // Христианское чтение. 1888. № 9/10. С. 292).

«заутра пойдет от нас Лазарь, / друг Христов... — *Лазарь* — согласно Евангелию, брат Марфы и Марии. «Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (Ин 11: 5). На четвертый день после смерти Христос воскресил Лазаря (Ин 11: 17—44).

С. 15. *Тебе ради хотел закласть сына Исаака...* — Патриарх Авраам, внимая Богу, хотел принести в жертву своего единственного сына Исаака. Но когда он взял нож, его предостерег небесный голос Ангела Господня: «...не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт 22: 1—13).

С. 15. *«Тобою благословятся / все колена земные!»* — Ср. в Библии слова Господа Аврааму: «...и благословятся в тебе все племена земные» (Быт 12: 3).

И Ной праведный... — Праведник Ной — последний из ветхозаветных патриархов, происходящих от Адама. Был спасен Богом после Всемирного потопа для продолжения человеческого рода.

А вот пророк Моисей... — Моисей (XIII в. до н. э.) — еврейский пророк и законодатель, сплотивший израильский народ; основоположник иудаизма.

С. 16. *А вот великий в пророках / Иоанн Креститель — Предтеча...* — Пророк Иоанн предсказал пришествие Христа, крестил его в реке Иордан.

...рожден по благовещению ангела... — Ср. в Евангелии о благовещении архангела Гавриила отцу Крестителя священнику Захарии, который, как его жена, был в преклонном возрасте: «Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн...» (Лк 1: 13).

...в пустыне воспитавшийся... — Иоанн жил в пустыне аскетом.

...ядый мед дивий... — То есть евший дикий мед (см.: Мф 3: 4; Мк 1: 6).

...и от Ирода поруганный...— По наущению Иродиады и повелению ее мужа Ирода Иоанну отрубили голову (см.: Мк 6: 21—29).

Ангел Предтеча

Впервые опубликовано: Воля России. 1927. № 8/9. С. 11—16, под загл. «2. Ангел предтеча (богомильская)», в диптихе «Две легенды».

Прижизненные издания: *ЗН*. С. 23—26.

С. 17. *«— — однажды на дне этого моря я нашел песок: из этого песку Он сделал землю...* — Ср. об участии дьявола в сотворении мира: «В Карпаторусской сказке чёрт <...> достает песку со дна морского и участвует в творении. В славянских и русских сказках “О сотворении мира”, представляющих переделку богомильской книги “бытия”, дьявол, нырнув в море, выносит землю, а по иным вариантам, тину» (*Мочульский*. С. 68—69).

С. 17—18. *...лилию — белый цветок — взял Иоанн с самого дна. ~ «Лилия, — сказал ангел, — понюхай!»* — Ср. в тексте Н. К. Бокадорова: «...народные легенды признали райским цветком Богоматери белую водяную лилию» (*Бокадоров*. С. 46).

С. 18. *Марию, дочь Иоакима и Анны, выбрал Господь.* — Имеются в виду Богородица и ее родители, святые праведные.

И пошел в горы искать Иоакима... — По преданиям, Иоаким был изгнан из Иерусалимского храма и удалился в пустыню.

С. 18. *Богородица Дево, радуйся!* — Ср. в молитве, основанной на приветствии архангела Гавриила Деве Марии: «Богородица Дева Мария, исполненная благодати Божией, радуйся!»

С. 19. *Один демон, караульщик, «судак»...* — В уголовной среде «судак» (*жарг.*) — член суда, судья.

С. 20. *Голову его на блюде подали царевне ~ огонь, как слезы.* — Подразумевается библейская легенда о дочери Иродиады, по наущению матери потребовавшей у царя Ирода в награду за свою пляску голову Иоанна Крестителя. Ср. в Евангелии: «И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф 14: 11). Ср. также в поэме Блока «Возмездие»: «Вот — голову его на блюде / Царю плясунья подает...». Сходный фрагмент о смерти Иоанна содержится в легенде Ремизова «Пляс Иродиады» (с. 176 наст. тома).

Ангел-благовестник

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 248—249, в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: Волны вечности в русской литературе. Киев: Религиозно-философское об-во, 1914. С. 322 (начальный фрагмент текста до строк: «Над рукодельем за искусной работой....» и т. д.); *Весеннее порошье.* С. 148—149, в цикле «Цепь златая»; Перезвоны (Рига). 1926. № 17. С. 506, под загл. «Благовещение. Из книги "Страды мира"»; *ЗН.* С. 27—28.

Текст-источник: *Мочульский.* С. 234 («V. Варфоломеевы вопросы Богородице»).

В. Мочульский так передал основное содержание легенды о встрече в церкви Богоматери с архангелом: «Тогда раздралась завеса церковная, и трус был велик. И пала я ниц на землю, не снося его вида. Он же воззвал ко мне, и когда я подняла глаза к небу, роса небесная сошла на лице мое и окропила меня от головы до ног. И отер меня ризою своею и сказал мне: радуйся, обрадованная! И махнул Он десницею своею и появился хлеб превеликий и явилась трапеза, и, положив хлеб на трапезе, ел сам и дал мне. Махнул левою рукою, и появилась чаша превеликая, полная вина неизреченного; и, выпив сам, дал мне...» (*Мочульский.* С. 234).

С. 20. *Вертоград* — сад, виноградник.

Радуйся, обрадованная, / Господь с Тобою! — Ср. в Евангелии: «Ангел, вошед к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою...» (Лк 1: 28).

...четверосвитный убрус... — Имеется в виду плат, платок, полотенце.

С. 21. *Круг* — древний символ космоса, неба, а также божества, которое нередко олицетворяло солнце. В христианской мифологии символизирует вечность.

С. 21. *Квадрат* — символ земного мира в противопоставлении к небу. Совмещение, соединение квадрата и круга обозначает единство земли и неба.

Радуга — символ единения между Богом и землею. Трехцветная радуга означает Троицу. Во многих культурах — знак милосердия Бога и его любви к людям.

...феникса... — Имеется в виду мифологическая птица, которая сжигала себя, а потом оживала; символ вечного возрождения.

...змея и голубя... — *Змей* — символ мудрости; *голубь* — символ непорочности и Святого Духа.

...ставила по василиску: с головой петушиной и хвостом змеиным ~ дивовище земное и преисподнее. — *Василиск* — мифологический огромный ядовитый змей, убивающий одним взглядом или дыханием. Появляется из яйца, снесенного старым петухом. По языческим народным поверьям, может иметь голову петуха, хвост змеи или ящерицы. Воплощение нечистого духа.

...пресвятая пречистая Дева / честнейшую херувим и славнейшая воистину серафим! — Ср. в молитве к Богородице «Достойно есть»: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим».

«Не бойся, Мария!» <...> *«зачнешь Сына...* — Ср. в Евангелии: «И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; / И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус...» (Лк 1: 30—31).

С. 22. *...махнул ангел десницей...* — То есть правой рукой.

Страды Богородицы

Впервые опубликовано: Утро России: Ежедневная газета. 1910. 16 апр. № 124. С. 2, под загл. «Страсти Пресвятыя Богородицы».

Рукописный источник: «Страды мира». 1924. *НР* — Автограф // Amherst. Box. 15. F. 15, под загл. «Страсти Богородицы».

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 117—126, «1910 г.», под загл. «Страсти Пресвятыя Богородицы»; *Сирин 7.* С. 117—126, под загл. «Страсти Пресвятыя Богородицы»; Петербургский сборник. Поэты и беллетристы. Пб.: Изд. ж. «Летопись дома литераторов», 1922. С. 88—94, под загл. «Кресту Твоему (Отреченная повесть)»; Перезвоны. 1926. № 19. С. 585—588, под загл. «Кресту твоему», в цикле «Из книги “Страды мира”»; Благонамеренный: Журнал русской литературы и культуры. 1926. № 2. Март-апрель. С. 47—57, с подзаголовком «Из книги “Страды мира”»; За свободу! 1926. 2 мая. № 101 (1832). С. 6 (перепечатка из ж. «Благонамеренный»); *ЗН.* С. 29—36.

В газ. «Утро России» Ремизов предпослал публикации следующее примечание: «При сочинении повести я пользовался грузинской ру-

кописью XVII века И. Д. Суханова — Плач Пресвятой Богородицы Марии в Великий четверг, когда видела Сына своего распятого на кресте, и извлечением из рукописи XVIII века. Обе помещены в Чтениях Имп<ераторского> Общ<ества> истории и древн<остей> российск<их> при моск<овском> универ<ситете>. 1895 г. кн. I» (разрядка Ремизова). На публикацию откликнулся филолог и археолог Александр Соломонович Хаханов (Хаханашвили; 1864—1912), писавший в той же газете: «В интересах восстановления истины следует отметить, что рассказ Алексея Ремизова "Страсти Пресвятыя Богородицы"... основан не на непосредственном знакомстве автора с грузинскими рукописями XVII и XVIII в., как он уверяет, а на моей работе, помещенной в "*Чтениях Императорского общества истории и древностей российских при московском университете*" за 1895 г., кн. I, вошедшей впоследствии в первый выпуск моих "Очерков по истории грузинской словесности" под заглавием *Народный эпос и апокрифы* (М., 1905). Если даже допустить невероятное предположение, что автор рассказа владеет грузинским языком, <он> не мог пользоваться грузинскою рукописью XVII в. И. Д. Суханова "Плач Пресвятой Богородицы в Великий четверг, когда видела Сына своего Распятого на кресте", по тому одному, что названная рукопись была открыта впервые мною, хранится у меня и никто ее, кроме меня, не видал. <...> Полагаю, что ссылка на источник должна быть сделана точно и добросовестно» (*Хаханов А.* По поводу рассказа А. Ремизова «Страсти Пресвятыя Богородицы» (Письмо в редакцию) // Утро России. 17 апр. № 125. С. 4; курсив А. С. Хаханова). Ремизов ответил на следующий день, 18 апреля, пояснив, что «пользовался единственно лишь текстами, приводимыми А. Хахановым, нисколько не касаясь ценных разысканий А. Хаханова». Ответ писателя был опубликован в той же газ. «Утро России» 25 апреля (полный текст см.: *Данилова Инга.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы. Helsinki, 2010. С. 117—118). В примеч. к *Шиповник 7* Ремизов счел нужным указать: «Я пользовался грузинским сказанием, помещенным в исследовании А. С. Хаханова. *Очерки по истории грузинской словесности.* Вып. 1. М., 1905» (с. 201).

По поводу публикации легенды в ж. «Благонамеренный» критик Ю. Айхенвальд отметил: «...писатель скидывает с себя шутовской наряд, бросает свое надоевшее затейничество и с необычайной силой слова, с изумительной красотою речи, русской речи воспроизводит такую серьезность предельную, как "страды Богородицы", как страсти Христовы» (Руль (Берлин). 1926. 28 апр. № 1642. С. 2).

С. 22. *...знало море — «велеша»...* — О *велеше* см. примеч. к легенде «Никола-Угодник» (*Россия в письменах-Росток XIII.* С. 852).

С. 22. *...и «огневики», сковавшие гвозди и копье... — Огневик* — у древних славян-язычников божество огненной стихии, а также камень для высекания огня.

С. 23. *...с вязигой вместо кости... — Вязига* — струна, проходящая через позвоночник осетровых рыб.

Из воска слепленный мост между адом и раем, / Мост Испытаний / («мост мертвых»), / проходит через бурную смоляную реку, рухнул. — Сравнивая «Хождение Богородицы по мукам» и «Хождение апостола Павла по мукам», Н. С. Тихонравов отметил: «...и там, и здесь фон адской картины занимает огненная река, отделяющая место мучений от рая; и там, и здесь человек должен пройти по перекинутому через нее узкому мосту, чтобы достигнуть рая: это — мост испытания... <...> Праведник безопасно переходит мост испытания, грешники падают с него в огненную реку. Огненная река и мост испытания составляют принадлежность древнейших индоевропейских и иудейских верований. <...> Память о реке, окружающей рай, осталась в легендах европейских народов и во всех средневековых видениях загробного мира и хождениях по раю и аду» (Сочинения Н. С. Тихонравова. М., 1898. Т. 1: Древняя русская литература. С. 206, 207, 209).

С. 24. *Свят-Дух... — Святой дух* — третья ипостась (Лицо) Святой Троицы.

«Ты, Гавриил <...> «Ты, Михаил <...> «Ты, Рафаил... — См. об этих архангелах выше в комм. на с. 533—534 наст. изд.

С. 25. *Спустилась коноплянка на землю к Богородице: ~ защебетала...* — Ср. в кн. «Петербургский буерак» в главе «Тонь ночи»: «И я же был той пичужкой, незатейливой песней пробудившей Богородицу от бесчувственного сна в черный день крестной муки» (*Петербургский буерак-РК X.* С. 411).

С. 26. *Ударилась она о землю — / (в не-уме, едва жива)...* — Ср. в сказании «Страсти Христовы»: «Пресв. Богородица от великия скорби пала на землю, аки мертва» (*Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространенные в древней Руси // Христианское чтение. 1888. № 9/10. С. 298).

Симон Киринеянин выступил из толпы, поднял крест себе на плечи и понес. — Согласно Евангелию, Симон часть пути нес крест, на котором был распят Христос (см.: Мф 27: 32; Лк 23: 26).

С. 27. *...в саду Магдалининомм...* — Возможно, имеется в виду Гефсиманский сад.

С. 28. *...о, мой сын прелюбимый! и за кого Ты муку терпишь? / за кого смерть принимаешь?* — Ср. в народном духовном стихе «О Христовом распятии»: «За кого ты, сын, муку терпишь, / Немалую смерть принимаешь?» (*Варенцов.* С. 52).

С. 28. *«Не рыдай мене, мати, не оплакивай!* — Ср.: «Не плачь, моя мати, Мария...» (Там же).

Вот ученик — / будь ему матерью, он будет твоим сыном». — Ср. в Евангелии: «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жéно! се, сын Твой. / Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин 19: 26—27).

И как мне жить без Тебя? На кого оставляешь — / одна! — Ср. в духовном стихе «Сон Мати-Марии»: «— На кого же ты меня оставляешь?» (*Варенцов.* С. 49).

С. 30. *«Господи, прости им: / не знали они, чего делали!»* — Чуть измененные слова Иисуса в Евангелии (Лк 23: 34).

Страсти Господни

Впервые опубликовано: *Лимонарь 1907.* С. 91—106, под загл. «О страстях Господних. Тридневен во гробе».

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 127—135, под загл. «О страстях Господних. Тридневен во гробе»; дата: «1906 г.»; *Сирин 7.* С. 127—135, под загл. «О страстях Господних. Тридневен во гробе»; дата: «1906 г.»; *ЗН.* С. 37—41.

Тексты-источники: *Веселовский. Разыскания* XI. С. 1—116 («Дуалистические поверья о мирозданьи»); XII. С. 117—172 («Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии»); XXIV. С. 185—213 («Видение Григория о последних днях»).

Анализ этого «эсхатологического» апокрифа см.: *Грачева 2000.* С. 62—66.

Ремизов до публикации читал легенду на «башне» Вяч. Иванова на Страстной неделе, 18 марта 1907 г. М. Сабашникова вспоминала: «В эти дни Ремизов читал нам свое новое произведение “Страсти Господни”. В этом произведении с небывалой силой словесно и ритмически было изображено демоническое начало мира. Писатель, казалось, ликуя, сам себя отождествлял со злом. Заключительные слова: “Но у креста стояла Мать, Звезда Надзвездная...” не являлись достаточным противовесом. Ад торжествовал победу. Когда Ремизов дочитал до конца, поднялся Вячеслав и возмущенно сказал: “Это кощунство, я протестую”. Ремизов, и без того уже сгорбленный и много претерпевший в жизни, сгорбился еще больше и молча ушел вместе с женой» (*Сабашникова-Волошина М. В.* Зеленая змея. СПб., 1993. С. 165).

Секретарь издательства Вяч. Иванова «Оры» М. Л. Гофман свидетельствовал: «Помню, я как-то пришел к Алексею Михайловичу, и он прочел мне новый рассказ — “О страстях Господних”, который произ-

вел на меня громадное впечатление. Я сейчас же побежал на “башню” и хотел прочесть эту вещь Вячеславу Иванову.

— А она действительно хороша?

— Изумительна! Может быть, это лучшая вещь в “Лимонаре”!

— Ну так сдайте ее в набор, — сказал Вячеслав Иванов, очень бегло просмотрев рукопись.

Я сдал ее в набор и вскоре принес корректуру. Вячеслав взял ее, пошел в свою комнату и через четверть часа влетел в столовую, где сидел я, со страшным криком <...>

— Как вы смели без моего ведома сдать в набор такую гадость! <...> этот рассказ богохульство, гадость, и никак не может быть напечатан в моем издательстве!..» (*Гофман Модест.* Петербургские воспоминания // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 376—377). Ремизов внес в текст рукописи поправки, о которых написал Вяч. Иванову 22 марта 1907 г.: «Сделал такие изменения: стр. 11 после слов: “ибо Сам Сатанаил пребывал там... воинством” // прибавил // *Демонской силой Он отвел глаза человекам и всей подлунной, погрузил души их в бесовский сон, — и темный бесной сон сковал вселенную ужасными видениями* // далее пробел, которым и отделяются видения: “Вскинулись, взбросились бесы, совлекли со Христа плащаницу” и т. д. // стр. 15 сверху 7 строка Зачеркиваю: “видя без милости погибающий род человеческий” // стр. 16 В фразе: “Так два дня, две ночи безумствовал Сатанаил ” и т. д. зачеркиваю “над телом Христовым” // стр. 18 В фразу: “А рядом с Богородицею” и т. д. вставляю: // как встать заре и взойти воскресшему солнцу и *Ангелу явиться отвалить от гроба камень — настать светлому дню Христова Воскресения,* Она не отходила от Креста — неутомимая Смерть прекрасная и т. д. // Посылаю Вам в таком виде на Ваше усмотрение. Мне кажется, что теперь вполне ясно, что все это было сатанинское наваждение» (см.: Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 91—92). В тот же день Вяч. Иванов ответил: «Благодарю Вас за разъяснения, дорогой Ал<ексей> Мих<айлович>. Кажется, что выработанными Вами изменениями, исполняющими предложенные мною условия, уничтожается то впечатление сатанинской кощунственности, которое д лжно было во что бы то ни стало избегнуть» (Там же. С. 92).

Еще в более смягченной редакции это апокрифическое сказание вошло в *Шиповник 7 и Сирин 7.* Но и оно вызвало нарекания. Так, все же посчитав его «кощунственным», И. А. Шляпкин сетовал в письме к Ремизову: «Тяжело мне, по-своему православному верующему человеку, за кощунственный тон одной из легенд Вашего Лимонаря <...> Спаситель И. Христос в сознании русских православных людей всегда Царь Славы, от коего сокрушаются вереи вечного ада и содрогаются сатана и присные, а в Вашей легенде? Или это влияние Ге и лжере-

ализма? Так зачем же воскресать Ему? этому скелету... <...> Нехорошо, нехорошо...» (цит. по: *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 161). И. А. Шляпкин, в частности, подразумевал полотно Н. Н. Ге «Распятие» (1892). Ремизов ответил 23 февраля 1912 г.: «Над "Страстями" я много сидел и думал, и черкал и перечеркивал. Всё не выходило у меня того ясного изображения, которого хотелось мне достигнуть. О кощунстве не было у меня и мысли. Грех мой в том, что не сумел я изобразить ясно, и грех и беда моя в этом. Во 2-ом изд<ании> я решил просто вычеркнуть те фразы, которые дали повод обвинять меня в умысле, от которого я был далек, и в поступке, в котором ни душою, ни телом невиновен. Я хотел представить наваждение Сатанаила и тот соблазн, который пойдет от Сатанаила, и то отчаяние, от которого изомрет душа. <...> Тут в эти 2 дня и 2 ночи дело происходит не на земле и не среди живых людей, а в царстве душ человеческих, которые возродятся к жизни на земле. В эти 2 дня и 2 ночи Сатанаил "безумствовал" над всей вселенной. И дальше описывается не то, что было, а то, что станет в душе людей, все искушения, какие после пройдут перед душой человеческой. <...> Чем чудовищнее Сатанинское действо, тем картина ярче — искушение сильнее, соблазн безнадежнее, победа крепче и полнее» (Там же). См. также: *Розанов Ю. В.* Повесть Алексея Ремизова «Страсти Господни» в контексте религиозных исканий серебряного века // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 445—452. (Проблемы исторической поэтики; Вып. 6).

Ремизов, касаясь легенды, писал в кн. «Петербургский буерак» в главе о своих сновидениях «Тонь ночи»: «...острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в "воинстве" Сатанаила в тот крестный час смерти Христа в дни, не отличить от ночей, когда померкло солнце и звезды, это наши глаза звездами прорезали смятение тоскующей твари...» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 410—411).

С. 30. *На Голгофе — на эдемской могиле Адама ~ Крестом Спасителя.* — См. примеч. в *Лимонарь 1907*, в котором Ремизов частично пересказывает фрагмент из исследования А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе» (СПб., 1872. С. 170—176): «Когда насаждал Бог рай, пришел Сатанаил и посеял древо познания добра и зла. Бог сказал, указуя на дерево: "Ту буду аз и тело мое и будет тебе на прогнание". Древо Познания разветвилось на три части: одна часть означала Адама, другая Еву, а середняя Господа. Во время грехопадения части Адама и Евы упали. Адамова часть поплыла в Тигр, а Евина после потопа занесена была к водам Мерры. Сиф, поминая Адама,

сложил по указанию Ангела костер из Адамовой части, и запылал неугасимый огонь, который стали стеречь звери. Когда Лот согрешил со своими дочерями, Авраам велел ему принести головню от зверя. Лот принес и посадил на горе и поливал, пока не выросла головня в высокое дерево. В странствиях по пустыне Моисей по повелению Ангела посадил Евину часть в реке крестообразно, и вода из горькой превратилась в сладкую, а дерево разрослось. Почувствовав приближение смерти, Адам просил Сифа и Еву пройти к раю и попросить Архангела дать елея милосердия, чтобы утолить страдания. Архангел Михаил дал им часть Господнюю. Адам узнал ее, сделал себе венец, надел на голову и умер. Из венца выросло огромное дерево. При построении храма Соломонова все эти три дерева попали в Иерусалим, но для постройки оказались негодными. И пролежали так у храма до распятия, когда Пилат велел для Христа и разбойников сделать из этих деревьев кресты. Часть Господня, выросшая из венца, вырвана была с головой Адама. Соломон, узнав голову, велел ее закопать и засыпать камнями, так образовалась Голгофа. По другому сказанию Голгофа была местом погребения Адама в Эдеме (см. "Апокалипсис Моисея", "Слово о Адаме", "О исповедании Евине")» (с. 129—131). Ремизов также опирался на легенды «О винограде и како ростяше», «О главе Адамове», «Сказания о крестном древе» (*ПСРЛ III.* С.7—8, 8, 81—83), на «Западные легенды о древе креста и слово Григория о трех крестных древах» в исследовании А. Н. Веселовского (см., в частности: *Разыскания* X. С. 378, 413).

С. 30. *Распяли Его на кресте леванитовом, ~ где клали венок — там капали кровавые слезы...* — Пересказ с частичным цитированием фрагментов из исследования А. Н. Веселовского: *Разыскания* VII. С. 240, 243, 244. Примеч. в *Лимонарь 1907*: «"Леванитов крест". — Есть сказание, что Господню часть нашли на Ливане, отсюда произошло название креста — леванитовым (ливанским). "Голубиная книга" выпадала "ко честной главе ко Адамовой", "у чудного креста Леванитова". В сказаниях о крестном древе указывается на три крестных древа: кедр, кипарис и сосна, вместо сосны — пальма, олива (елоя, олея) или ель (певга), пальма, кипарис или кипарис, ель, кедр. См.: А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. СПб. 1872 г. В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы. СПб. 1906» (с. 131). В труде А. Н. Веселовского имеется в виду фрагмент на с. 173—174.

...перевязывали хмелем и ожиною... — Ожина — ежевика.

...забивали под ногти иву (согрешившее дерево!)... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Малороссийская колядка говорит, что ива проклята за то, что ни одно дерево не далось, а она далась мучить Христа. С тех пор ива стала червивой» (с. 132).

С. 30—31. *Где гвозди вбивали — ~ вино — миро — пшеница!* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Кровь — вино. Пот — миро. Слезы — пшеница» (Там же).

С. 31. *И была тьма по всей земле от шестого часа до девятого.* — См.: Мф 27: 45.

Этих ангелов была тьма тем... — То же, что тьма тьмущая, бесчисленное количество.

Разбойники, распятые со Христом, <...> поносили Его, как обманщика. — Ср. в Евангелии: «Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его» (Мф 27: 44).

И у подножия, у залитой кровью головы Адама... — Имеется в виду «эдемская могила Адама» на Голгофе (см. выше примеч. к с. 30).

...мытарские мечи... — Возможно, подразумеваются мечи мытарей, сборщиков податей и пошлин.

С. 32. *«Боже мой, Боже мой! / для чего Ты оставил меня?»* — Цитата из Евангелия (Мк 15: 34).

Друг против друга — ~ брат и враг ~ брат и брат... — Ср. в записи богомила Евфимия Зигабена, приведенной А. Н. Веселовским: «...Сатанаил и Бог-Сын — братья...» (*Веселовский. Разыскания* XI. С. 37).

...раздвинула железную тынь... — Вероятно, имеется в виду тын — частокол или забор.

С. 33. *Иисус предал дух.* — То есть испустил дух, умер.

...затряслись горы ~ и небеса, свившись как свиток, прорезались пламенем, и, всколыбнувшись, горела земля... — Ср. в Откровении Иоанна Богослова: «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Откр 6: 14). Ср. также в одном из народных духовных стихов: «И небо воссияет, яко совьется, <...> Тогда же земля вся всколыбается...» (*Сахаров.* С. 150).

«Помяни мя, Господи, / егда приидеши во царствие Твое!» — Слова разбойника, распятого на Голгофе с Христом (Лк 23: 42).

...сад Аримафейский... — Имеется в виду сад Иосифа Аримафея, тайного ученика Христа. В гробнице Аримафея, по преданиям, был погребен Иисус.

С. 33—34. *...разделили пречистое тело: плоть — земле, ~ слезы — соленому морю.* — Из апокрифа о возникновении Адама (*Веселовский. Разыскания* XI. С. 48).

С. 34. *Выволокли демоны тело Христово из нового гроба ~ «Се царь ваш!»* — Рецензент ж. «Беседа» писал о легенде: «...страшный сон привиделся людям, когда Иисус был положен в саду в новом гробе: будто спит Иисус, и выволокли демоны тело его, растлили, убрали в дорогие царские одежды, вознесли на престол славы и возвестили всем бывшим и грядущим в векам: “се царь ваш!”» (Беседа. 1907. Сентябрь. С. 192).

С. 34. *...вознесли на высочайшую гору на престол славы.* — Ср. в «Видении Григория»: «И ангелы и люди видят Господа, которого облако принесло к престолу его славы... <...> Он воссел грозный на престоле славы...» (*Веселовский. Разыскания* XXIV. С. 196).

С. 35. *...иссякли источники ~ солнце померкло...* — Несколько измененная цитата из «Слова на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа» Ефрема Сирина; см.: *Сахаров.* С. 149.

Ангел-мститель

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 250—254, в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 150—155, в цикле «Цепь златая»; *ЗН.* С. 42—47.

Текст-источник: *Мочульский.* С. 233—234 (V. «Варфоломеевы вопросы Богородице»).

В кн. «Петербургский буерак» Ремизов, рассказывая о подоплеке своих снов, упомянул об ангеле-мстителе Михаиле: «Я с грозным архангелом стоял перед крестом, я не мог помириться, и за архангелом я требовал разрушить закон жизни — сойти со креста» (*Петербургский буерак-РК X.* С. 411).

С. 36. *Среди поля на Голгофе...* — *Голгофа* — гора недалеко от Иерусалима, на которой казнили преступников; на ней был распят Христос.

— Слава долготерпению Твоему, Господи! — Припев после чтения каждого из 12 Страстных Евангелий на утрени Святой Пятницы.

Силы небесные — все девять чинов: / ангелы ~ серафимы... — Согласно Библии, ангелы делились на три иерархии по три чина каждая: низшая, средняя и высшая.

Лествица — лестница.

С. 36—37. *Разбойники, ~ Сафет и Фемех... ~ «Милостиве Господи, / помилуй мя, падшего!»* — С Иисусом были распяты два разбойника, один из которых оскорблял Христа, а другой, согласно Евангелию, сказал ему на кресте: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» Христос ответил ему, что он ныне же будет с ним в раю (Лк 23: 39—43).

С. 37—38. *И во мгновенье два ангела подвели под руки старца ~ прощаю твой грех».* — Согласно христианскому вероучению, Иисус своей смертью искупил грех Адама и освободил грешное человечество от наложенного на него проклятия.

С. 38. *И один среди ангелов — в кругу ангелов — вятший паче всех...* — Ср.: «...видел я, Господи, все силы небесные, восходящие на небеса и восхваляющие Тебя пред Отцем небесным. Один же из ангелов, вящейший паче всех, имея в руке копье огненное, не хотел взойти на не-

бо. Христос отвечает: то был один из ангелов-мстителей, предстоящих престолу Отца Моего, которого Он послал ко мне» (*Мочульский.* С. 233). *...вятший паче всех...* — т. е. стоящий выше всех.

С. 39. *...всех недругов победитель — архистратиг Михаил.* — Архангел, вождь небесного воинства в борьбе с темными силами.

С. 40. *...столповое пение.* — Вероятно, имеется в виду столповой распев (ро́спев) — пение по столпам (нотным знакам) при богослужении в каждый день восьмидневного цикла праздника Пасхи. Ср. в 3-й рабочей тетради Ремизова (<1956>): «...памятен столповой распев в Успенском соборе» (*Грачева 2010.* С. 321). См. также с. 501 наст. изд.

И то́роки — слухи Духа... — Подразумеваются особые ленты на голове ангелов, позволяющие улавливать веяния, звуки, исходящие от Бога.

С. 41—42. *...и надвое — сверху и донизу — разодралась / капетазма: ~ / во свидетельство сынам человеческим / о кресте.* — Ср. в Евангелии: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли» (Мф 27: 51—52). *Капетазма* — церковный занавес, находящийся за царскими вратами и закрывающий алтарь. См. также: *Мочульский.* С. 233—234.

Ангел погибельный

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 255—256, в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 156—157, в цикле «Цепь златая»; *ЗН.* С. 48—49.

Тексты-источники: *ПСРЛ III.* С. 109—112 («Вопросы св. Варфоломея»); *Мочульский.* С. 68 (I. «Беседа трех святителей»), 233—235 (V. «Варфоломеевы вопросы Богородице»).

С. 42. *По воскресении из мертвых ~ являлся Христос своим ученикам.* — Ср. в русском списке XIV в.: «Апостолы обращаются к Иис<усу> Христу еще перед Его крестной смертью и воскресением с просьбой — открыть им некоторые тайны. Христос обещает им это сделать по воскресении своем» (*Мочульский.* С. 233).

Апостолы: Петр, Андрей, Иоанн, Варфоломей... — *Св. Петр* (в пер. с греч. *камень*) в списке апостолов в Евангелиях от Матфея и Луки занимает первое место (Мф 10: 2, Лк 10: 2). Первоначальное имя — Симон; Петром его нарек Иисус. Умер ок. 67 г. в Риме. *Св. Андрей Первозванный* — Согласно Евангелию, первым был призван Христом (Ин 1: 40—41). В списке апостолов занимает второе место после Петра. По преданию, был распят ок. 67 г. *Св. Иоанн Богослов* — автор одного из

Евангелий и Апокалипсиса. *Св. Варфоломей* — Этот апостол призван Христом четвертым. Упомянут в Евангелии от Матфея (Мф 10: 3), от Марка (Мк 3: 18), от Луки (Лк 6: 14).

С. 42. *Гора Елеонская* (Масличная) находится к востоку от Иерусалима. С нее Христос вознесся на небеса.

С. 43. *...ангел погибельный — Сатанаил.* — Ангел, захотевший быть равным Богу, за эту гордыню был свержен с небес. Ср. в «Беседе трех святителей»: «Сатанаил <...> причтен бысть....... ко ангелам, за гордость же его наречен бысть Сатана-диавол, извержен ангелом с небесе на землю...» (*ПСРЛ III.* С. 169). Богомилы «падшего диавола называли Сатанаилом» (*Мочульский.* С. 68).

Вольный гоголю... — Ср. в повести «О тивериадском море»: «...и сниде Господь по воздуху на море тивириадское и виде Господь на мори гоголя пловуща, а тот гоголь Сотанаил» (*Веселовский. Разыскания* XI. С. 47). Упоминание о Сатане в образе «гоголя» в Тивериадском море содержится также в апокрифической книге «бытия». В. Мочульский отметил: «Подробность эта, по мнению Порфирьева, взята из народных мифических сказаний» (см.: *Мочульский.* С. 68). *Гоголь* — водоплавающая птица семейства утиных.

Шестьсот шестьдесят ангелов держали его, ~ а уста — пропасть! — Вольное переложение фрагмента из исследования В. Мочульского (с. 235).

«Аз есмь Господь Бог!» / — воззвал Сатана... — Ср. в апокрифической книге «бытия»: «и рече ему <Богу> сатана: аз есмь бог» (Там же. С. 68).

И был великий трус... — Землетрясение.

Воплощение

Впервые опубликовано: *Сирин.* С. 260—262, под загл. «Странник прихожий», в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 161—163, под загл. «Странник прихожий», в цикле «Цепь златая»; Звено (Париж). 1924. 4 февр. № 53. С. 2—3, под загл. «Из книги “Страды мира”. Воплощение»; Воля России. 1926. № 6/7. С. 49—51, под загл. «На землю», в цикле «Покажу вам дьявола»; *ЗН.* С. 50—52.

Тексты-источники: *Рождественский Т. С., Успенский М. И.* Песни русских сектантов-мистиков // Записки русского Географического общества. СПб., 1912. Т. XXXV.

Создано по мотивам некоторых песен русских сектантов-мистиков о разлучении души с телом.

Л. Войтоловский в рецензии на сборник «Сирин» особо выделил две легенды из цикла «Цепь златая»: «Здесь все страницы одинаково

хороши, но лучшие из них “Ангел — страж муки” <“Преисподняя”> и “Странник прихожий” <“Воплощение”>... <...> Сколько естественности, вкуса, красоты и воодушевления в этой поэтической обработке простых народных легенд» (Киевская мысль. 1913. 13 нояб. № 314. С. 2).

С. 43. *...сладúмой реки... — Сладúмый* — услаждающий, дающий утешение. *Река* — в представлении сектантов — речь Божия, пророчество. Ср. в песне № 35: «Протекал там живой воды тихий Дон, / Разливалася там Сладим-река» (*Рождественский, Успенский.* С. 57). Ср.: «“Сладим-река”, вытекающая из рая, от которой “все души питаются” — “глас вещания”, “глас учения”, исходящий от Спасителя и возвещаемый устами пророков, т. е. то же благодатное учение, услаждающее душу и составляющее основу церкви сектантской, а равно <...> вообще — все способы соединения божества с человеком...» (Там же. С. L). Этот образ фигурирует в стихотворениях К. Бальмонта из сб. «Зеленый вертоград» (1909), навеянных, в частности, «распевцами» сектантов (главным образом «хлыстов»): «Сладим-Река», «К Сладим-Реке», «Раскрытые улья», «Веселый рой».

Горел семигранный венец... — Библейский символ награды, получаемой сектантами в земной жизни и ожидаемой в будущей. Этот образ нередко встречается в песнях раскольников. Ср.: «Ангелы с неба слетали / Со седьмигранным венцом...» (Там же. Песня № 570. С. 677); «Я <...> буду жаловать, / Дарить вас <...> венцами семигранными...» (Там же. Песня № 261. С. 346—347) и др.

С. 44. *Бурным духом с превышних высот / стремилась душа по небесному кругу.* — Ср.: «Нередко встречающаяся фраза: “небесные круги” выражает представление сектантов, что “блаженные духи”, “небожители” подобно людям устраивают раденья в небесных сферах...» (Там же. С. XXXV).

...там Божьи оргáны играют на сердце... — Подразумевается как бы «небесная музыка», раздающаяся на сектантских радениях.

...светили небельмными взорами... — То есть светлыми, незамутненными (от слова «бельмо», которое означает пятно, закрывающее зрачок).

...Живая книга... — У сектантов воображаемая «Божья книга» судеб, доступная взору радеющего пророка (см.: Там же. С. XXXIII).

«Где рай твой прекрасный — пресветлый день?» — Ср. в песне № 501: «Где рай мой прекрасный, / Пресветлый мой день?» (Там же. С. 585).

С. 45. *...премудрые девы радостно встретили душу — кротко стояли они со свечами... ~ Премудрые девы стояли со свечами, / «Христос воскрес» запели, с крестом поклонились.* — Ср. в песне № 513: «Его де-

вы встрели / И “Христос воскрес” запели; / Они в радости встречали, / Все стояли со свечами, / С крестом поклонялись...» (Там же. С. 601).

С. 45. *Духом святым уряжая...* — *Уряжать* — празднично одеть, нарядить.

...взяла Богородица свечку, / вложила свечку в сердце... — Критик А. Е. Редько особо выделил эти строки в цикле «Цепь златая»: «Но есть нечто, спасающее мир от отчаяния. Это — жалость людей друг к другу. Эту жалость-любовь зажгла Богородица, провожая на землю душу, только что облеченную Богом во плоть. В трогательно-наивных словах сказания человеческая жалость-любовь символизируется свечой: “Взяла Богородица свечку, вложила свечку в сердце”. И этой “свечой” спасается человечество от отчаяния. <...> Ему <Ремизову. — *Ред.*> даже кажется, что найден какой-то выход, какое-то успокоение, и сказание о “свечке”, зажженной Богородицей в народившейся душе, заканчивается своего рода “призывом” жить: “ — Странник, прихожий, странник милый, брат мой несчастный, сестра моя горькая, будем жить полюбовно, согласно в этом неведомом мире на родимой сырой земле!”» (Русское богатство. 1913. № 12. С. 380).

С. 46. *...через Втай-реку...* — Ср.: «“Втай-река” — тайное учение, содержимое сектантами, тайными, неведомыми непосвященным людям путями исходящее от Бога...» (*Рождественский, Успенский.* С. L). Ср. в стих. К. Бальмонта «Втай-Река»: «Втай-Река не с мудрецами, хочет с сердцем говорить, / Прикатилась и вселилась в полнозвучные сердца, / Из глубокого колодца, без начала и конца».

Странник прихожий... — Ср. в песне № 567: «Ты куда идешь, скажи мне, странник / С посохом в руке? / — Дивной милостью Господней / К лучшей я иду стране» (Там же. С. 671).

Месяц и звезды

Впервые опубликовано: *Лимонарь 1907.* С. 27—32, под загл. «О месяце и звездах и откуда они такие. Христова повесть», с посвящением Модесту Гофману.

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 43—46, «1906 г.», под загл. «Мария Египетская»; *Сирин 7.* С. 43—46, «1906 г.», под загл. «Мария Египетская»; *ЗН.* С. 53.

Текст-источник: *Веселовский. Разыскания* VII («Румынские, славянские и греческие коляды»).

Примеч. в *Шиповник 7*: «В основу положена легенда, передаваемая одной румынской песней. Песня приводится в *Разысканиях А к а д. А. Н. В е с е л о в с к о г о*» (с. 200). Ср. текст этой песни в переложении А. Н. Веселовского: «...Богородица прядет на зеленой тропе, ведущей к вратам рая, прядет золотые нити на одежду своему сыну; откуда ни

взялись соколы, похитили пряжу; Богородица посылает Ивана Крестителя, пусть разыщет соколиное гнездо и принесет ей, а соколят возьмет себе. Это выше моих сил, отвечает святой: соколы унесли *золотую нить* высоко под небеса, свили из него гнездо — *золотой месяц*, а соколят негде взять: из них поделались дробные звезды <...> иные отождествляют луну с ликом Марии Магдалины, заступившей место Божьей Матери» (*Веселовский. Разыскания* VII. С. 225).

В. Малахиева-Мирович писала об этом апокрифе: «Там хотя и говорится, что воздвиглись на земле целые горы от серых — и в добре и в зле серых — дел человеческих — есть уже для Ремизова на земле тростинка девочка Мария Египетская, выпросившая себе золотую нитку от риз Господних — ту золотую нитку, от которой и месяц, и звезды с их красою, и души, пожелавшие сгореть в подвиге» (*РМ*. 1908. Кн. 1. Библиографический отдел. С. 5).

С. 46. *...Мария Египетская.* — Христианская святая, покровительница кающихся женщин. Жила в Египте в V—VI вв. В течение 17 лет была блудницей. Раскаявшись, дала обеты и провела в пустыне 47 лет. Здесь Ремизов отождествляет ее с Марией Магдалиной, последовательницей Христа, одной из жен-мироносиц.

...там стоит цвет солнца, творя суд над цветами... — Ср. в румынской народной песне о проводах мертвеца, душа которого проходит мытарства на западе, к изображению их «примыкает изображение рая»: «...там, где солнечный цвет стоит у врат рая, творя суд над цветами (спрашивая): где их благоухание?» (*Веселовский. Разыскания* VI. С. 21, 23).

С. 47. *Ты видишь те серые горы — не по себе они серы ~ злые и добрые.* — Ср. в тексте румынской колядки: «Видишь ли ты <...> те серые горы? Не по себе они серые, а от овец. У овец черные ягнята; то не ягнята, а пастухи, опирающиеся на клюки, закутанные в капюшоны. Овцы пойдут на восход солнца <...> увенчают себе головы (цветами)» (*Веселовский. Разыскания* VII. С. 254—255).

Рождество

Впервые опубликовано: Русские ведомости. 1911. 25 дек. № 297. С. 2, под загл. «Рождество Христово: Отреченная повесть».

Прижизненные издания: *Шиповник 7*. С. 149—164, «1910 г.», под загл. «Рождество Христово»; *Сирин 7*. С. 149—164, «1910 г.», под загл. «Рождество Христово»; Путь. Орган русской религиозной мысли. 1927. № 6. Январь. С. 3—14; *ЗН*. С. 54—65.

Текст-источник: *ПСРЛ III*. С. 76—80 («О Рождестве И. Христа»).

С. 47—48. *Ехала Богородица с Иосифом в город Вифлеем. ~ На перепись они и ехали.* — Ср. в Евангелии: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. <...> Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, / Записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна» (Лк 2: 1, 4—5).

С. 50. *Христос Спаситель родился! Ступайте скорее в землянку: в землянке в яслях лежит Христос.* — Ср. в Евангелии: «...ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; / И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк 2: 11—12).

И собралось ангелов много — так много, как в небе звезд. / Слава в вышних Богу — / мир на земле! — Ср. в Евангелии: «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: / Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк 2: 13—14).

С. 51. *Нойд* (нойда) — название колдуна, шамана у лопарей (народ саами) в Лапландии. 5 октября 1910 г. Ремизов писал Андрею Белому: «Всё мне хочется о Нойдах написать — они должны составить главу моей поэмы “К Морю-Океану”» (Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 493). Нойдам была посвящена 3-я часть рассказа Ремизова «Глаголица» (1911).

Какой-то голах камнем запустил... — Голах — вероятно, нищий, бедняк, голодранец.

С. 53. *...где родился царь иудейский?* — Ср. в Евангелии слова волхвов, пришедших в Иерусалим: «Где родившийся царь Иудейский?» (Мф 2: 2).

Не Архелая, сына Ирода... — Ирод Архелай (ок. 23 до н. э. —18 н. э.) — старший сын Ирода I и его жены Малфаки, назначенный наследником царя Иудеи.

С. 54. *И царь Ирод смутился.* — Ср. в Евангелии: «...Ирод царь встревожился...» (Мф 2: 3).

...идите, узнайте о младенце и возвращайтесь в Иерусалим: я первый пойду и поклонюсь ему. — Ср. в Евангелии: «...пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Мф 2: 8).

С. 55. *— Не ходите, волхвы, к Ироду! Идите другим путем...* — Ср. в Евангелии: «И, получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Мф 2: 12).

С. 57. *— Обманули! / — насмеялись! — ~ В ярость пришел царь... ~ И велит царь: идти в Вифлеем и там истребить всех младенцев до двух лет.* — Ср. в Евангелии: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным

волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже...» (Мф 2: 16).

С. 59. *...не могли заглушить отчаянного вопля и крика матерей, и стона, и жалобного горького плача.* — Ср. в Евангелии: «...плач и рыдание, и вопль великий...» (Мф 2: 18).

Хождение Богородицы по мукам

Прижизненные издания триптиха: Дни (Берлин). 1922. 5 нояб. № 7. С. 13, с подзаголовком: «Апокриф»; Перезвоны. 1927. № 33. С. 1038—1042, с подзаголовком: «Апокриф», в цикле «Из “Голубиной книги” Русского народа»; *ЗН.* С. 66—69; Голубиная книга. Hamburg: Родник, 1946. С. 19—27 [издано без ведома автора].

Тексты-источники: *ПСРЛ III.* С. 118—124 (список нач. XVII в.); *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 193—198; *Бокадоров Н. К.* Легенда о Хождении Богородицы по мукам // Изборник Киевский. Киев, 1905. С. 39—94.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Черновой автограф — топографические схемы // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16; 2) «Слово Пресвятой Богородицы велми душеполезно о покои всего мира XII в.» // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4—4 об., 3 об., 5 об., 6 об., 8 об., 7 об., 5, 3, 13 об.); 3) Беловой автограф наборной рукописи *ЗН* («1928») // Amherst. Box. 16. F. 31.

Тема народных представлений о страданиях Богородицы заинтересовала Ремизова еще в середине 1900-х гг. 17 апреля 1905 г. он сообщал Блоку: «Читал вчера исследование о Хождении Богородицы по мукам...» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 82). Вероятно, подразумевается кн.: *Бокадоров Н.* «Хождение Богородицы по мукам» (Опыт истории христианской легенды). Киев: Тип. Петра Барского, 1904.

В кн. «Петербургский буерак» Ремизов, имея в виду свой триптих, писал: «И по стопам Богородицы я прошел все подземные дороги — ад» (*Петербургский буерак-РК X.* С. 411).

В. Сахаров отмечал: «Одним из самых поэтических апокрифов о загробной жизни должно признать “Хождение Богородицы по мукам”. Этот апокриф составляет перевод греческого апокрифа, известного под именем “Откровение Пресв<ятой> Богородицы” <...> Он был очень распространен на Востоке и Западе...» (*Сахаров.* С. 193). Средневековый автор легенды, монах, неизвестен. Н. К. Бокадоров писал: «Легенда о Хождении Богородицы по мукам может быть названа апокалипсической, так как представляет собою откровение, данное Богородице через архангела Михаила. Так как это откровение знакомит Богородицу с адскими муками, легенда может быть отнесена, до некоторой степени, к эсхатологическим» (*Бокадоров.* С. 46).

Забытые Богом

Впервые опубликовано: *БВ*. 1912. 26 апр. (9 мая), веч. вып. № 12907. С. 4, без загл.

Прижизненные издания: Заветы. 1912. Кн. 8. Ноябрь. Отд. 1. С. 43—44, в диптихе «Бисер малый: От словес Дебренского старца»; Подорожие. СПб., 1913. С. 189—191, 3-е в цикле «Бисер малый»; Дни (Берлин). 1922. 5 нояб. № 7. С. 13; Перезвоны. 1927. № 33. С. 1038—1040; *ЗН*. С. 66—67; Голубиная книга. Hamburg: Родник, 1946. С. 19—22 [издано без ведома автора].

Название и содержание легенды восходят главным образом к исследованию Н. К. Бокадорова; ср: «Наконец, Богородица была приведена херувимами и серафимами в левую часть ада. Здесь она увидела огненную реку и в ней множество грешников. <...> На огненном море поднимается буря. Качаются и вздымаются волны, и на них показываются грешники. Здесь были жиды, мучившие Христа, отпавшие от христианства после крещения, осквернители священных чувств к родным, убийцы, отравители и детоубийцы. “Да будет им по вере их!” <...> сказала Богородица. А Михаил объяснил, что эти грешники забыты Богом» (*Бокадоров*. С. 57). Возможно, название связано также с эпизодом романа Достоевского «Братья Карамазовы» (см. об этом: *Лимонарь-РК VI*. С. 674; комм. А. М. Грачевой). В ноябре 1941 г. Ремизов, сетуя на свою трудную жизнь, записал в дневнике: «Бог не выдаст, свинья не съест. Съеден на 9/10-х, вот оно горе, не забытый, а *почти* забытый Богом» (цит. по: *Грачева 2010*. С. 507; курсив Ремизова).

С. 60. — — *и увидела Богородица страшное место — муку несказанную: ~ И вот внезапно свет неиздаемый разверз тьму.* — Ср. в пересказе В. Сахаровым «Хождения Богородицы по мукам»: «Пришла Богородица еще на место великой муки и спрашивала о грехе, но архангел сказал, что нельзя видеть той муки, потому что тем грешникам запрещено видеть свет, доколе не явится Сын Твой. Прискорбна стала Богородица и, возведши глаза свои к невидимому престолу Отца своего, сказала: “Во имя Отца и Сына и Св. Духа, да отымется тьма сия, да бых видела сию муку”. И тотчас отнялась тьма и явилось семь небес» (*Сахаров*. С. 194).

«Что же молчите, не отвечаете?» — воззвали ангелы, стерегущие муку... — Ср.: «...и рекоша ангели стрегуще: “почто не глаголите?”» (*ПСРЛ III*. С. 119).

...пренебесный свет режет глаза... ~ «Не поднять нам глаз! Ничего не видим!» — Ср. ответ грешников в *ПСРЛ III*: «...от века несмь света видели» (Там же). Ср. также в исследовании Н. К. Бокадорова: «Путешествуя с архангелом Михаилом по аду, Богородица приходит к грешникам, окутанным вечною тьмою. По молитве Богородицы рассеялся

вечный мрак. Но никто из грешников, привыкших к вечной тьме, не мог взглянуть на ослепительный лик Пресвятой Девы» (*Бокадоров*. С. 48).

С. 61. *Авраам — судия над грешными ~ «Стена необоримая!»* — Фрагмент близок к тексту *ПСРЛ III* (с. 119).

...Павел — восхищенный на третье небо... — Ср. слова апостола Павла во «Втором послании к коринфянам»: «Знаю человека во Христе, который <...> в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба» (2 Кор 12: 2). В апокрифе «Хождение апостола Павла по мукам» рассказывается о том, как ангел вознес Павла на «третье небо», где обитают праведники, а потом показал мучения грешников (см.: *ПОРЛ II*. С. 47; *Сахаров*. С. 209).

...ни Авраам, ни Моисей, ни Иоанн, ни Павел ~ муку отчаяния. И одна пришла, посетила их в беспросветной тьме — в темном отчаянии Богородица... — Восходит к апокрифам «Смерть Авраама», «Исход Моисеев», «Вопросы св. Иоанна Богослова о живых и о мертвых», «Хождение апостола Павла по мукам». Ср. в исследовании Н. К. Бокадорова: «Они же <грешники — *В. Б.*> сказали ей: “Как нас посетила ты, Пресвятая Владычица!” При этом прибавили, что их не посетил ни Христос, ни праотец Авраам, ни Иоанн Креститель, ни великий пророк Моисей, ни Апостол Павел» (*Бокадоров*. С. 53). Ср. также о грешниках в «Хождении Богородицы по мукам» в пересказе В. Сахарова: «С плачем великим они вопияли к Богородице о том, что никто не посетил их, только Она одна, заступница христианского рода, посетила их» (*Сахаров*. С. 194).

«Вот они: те, кто не веровал в Духа Святого ~ здесь и мучатся!» ~ И тьма упала на грешников... — Чуть измененные цитаты из *ПСРЛ III* (с. 119).

...сказал Михаил, архистратиг силы небесной, водитель по грозным мукам. — Ср. в исследовании Н. К. Бокадорова: «Вообще, вестником Богородицы является Гавриил, но, вероятно, Михаил приходит как заведующий адскими силами...» (*Бокадоров*. С. 52).

Богородицу и Матерь Света / в песнях возвеличим! — См. выше комм. к с. 6 наст. изд.

Забывшие Бога

Впервые опубликовано: Новое слово. 1912. № 6. С. 9, без загл.

Прижизненные издания: Заветы. 1912. № 8. С. 44—45, в цикле «Бисер малый: От словес Дебренского старца»; Подорожие. СПб., 1913. С. 192—193, 4-е в цикле «Бисер малый»; Дни (Берлин). 1922. 5 нояб. № 7. С. 13; Перезвоны. 1927. № 33. С. 1040; *ЗН*. С. 67—68; Голубиная книга. Hamburg: Родник, 1946. С. 22—23 [издано без ведома автора].

Название восходит к апокрифу-первоисточнику «Хождение Богородицы по мукам»; ср. слова Архангела Михаила на вопрос Богородицы о тех, кто оказался в преисподней: *«сии суть, иже не вероваша во Отца и Сына и Св. Духа, позабыша Бога»* (*ПСРЛ III*. С. 118—119; *Сахаров*. С. 194). Ср. также о политеизме славян в болгарской легенде о «хождении Богородицы по мукам» (в изложении Н. К. Бокадорова): «Они забыли Бога и веровали в тварь, которую Бог на работу сотворил. Всё это они прозвали богами: и солнце, и месяц, и звезды, и воду, и зверей, и гадов, и выстроенных по человеческому образцу из камня Трояна, Хорса, Велеса и Перуна обратили в богов, а также веровали в бесов. <...> Так как легенда говорит, что славянские язычники забыли Бога, можно предполагать , что в ней имеются в виду славяне, когда-то знавшие Истинного Бога, но впавшие опять в язычество, т. е. исследователь имеет здесь дело с двоеверием славянских народов. Легенда присуждает грешников, впавших в двоеверие, к самым злым адским мукам» (*Бокадоров*. С. 67).

С. 61. *...там — костры! — стоял одр к одру ~ на том нет греха!»* — См.: *ПСРЛ III*. С.120. Ср. данный фрагмент в переложении В. Сахарова: «И был там простерт облак, а посреди его огненные одры, на которых лежали мужи и жены: это те, которые в святую неделю... к заутрени не вставали и спали как мертвые...» (*Сахаров*. С. 195). Ср. также: «...Богородица отправляется на "полунощ". Здесь она видит огненное облако и на нем множество грешников обоего пола. Это были не встававшие по воскресениям к утрени, но спавшие мертвым сном» (*Бокадоров*. С. 55).

Преисподняя

Впервые опубликовано: *Сирин*. С. 257—259, под загл. «Ангел — страж муки», в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: Волны вечности в русской литературе. Киев, 1914. С. 317—318, под загл. «Ангел — страж муки»; *Весеннее порошье*. С. 158—160, под загл. «Ангел — страж муки», в цикле «Цепь златая»; Дни (Берлин). 1922. 5 нояб. № 7. С. 13; Перезвоны. 1927. № 33. С. 1040—1042; *ЗН*. С. 68—69; Голубиная книга. Hamburg: Родник, 1946. С. 24—27 [издано без ведома автора].

Отзыв Л. Войтоловского см. выше в комм. к легенде «Воплощение» (с. 549—550 наст. изд.).

С. 62. *течет река огня негасимого ~ плач неутешим...* — Ср. в слове Палладия Мниха «О втором пришествии Христове, о страшном суде и будущей муке» в пересказе, с цитированием, В. Сахарова: «...на западной же стране потечет, для мучения грешников, река огненная

<...> и “иные муки различные <...> смола горящая, иное же червь ядовитый, не усыпаяй <...> туже суть скрежетание зубом и тьма кромешная, и плач неутешимый <...> и трепет <...> и страх неисчетен и ужас неисповедим”» (*Сахаров.* С. 154—155). Существенна здесь градация человеческих грехов: «...блудники, прелюбодеи и осквернители телесем отъидут во огнь негасимый во веки... Татие <т. е. воры> отъидут в страх непостоянен <...> разбойники пойдут в грозу неисповедимую и тьму кромешную <...> сребролюбцы отъидут в червь неусыпающий <...> убийцы человеческии отъидут в скрежет; пьяницы отъидут в смолу горящую; плясцы, и свирельцы, и гусленицы <...> и смехотворцы и глумословцы отъидут в плач неутешный...» (с. 164; см. там же сходный фрагмент из духовного стиха).

С. 62. *«Лучше бы было да не родиться в мир человеку!» — воскликнула Богородица.* — Неточная цитата из Евангелия (Мф 26: 24). Ср. в духовном стихе «О нынешнем веке и будущем», приведенном В. Сахаровым: «Лучше бы нам грешным не родитися» (*Сахаров.* С. 154). «“Лучше бы не родиться человеку тому”, — сказала Богоматерь» (Там же. С. 195). Это восклицание Ремизов записал на полях конспекта «Хождения Богородицы по мукам» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16). Ср. также в его 1-й рабочей тетради (<1956>): «...лучше бы было не родиться человеку на земле — эти древние слова я скажу под ударами беспощадной судьбы...» (цит. по: *Грачева 2010.* С. 298). Критик А. Е. Редько, размышляя о ремизовском понимании «тяжкой и непостижной» судьбы человека, отметил: «Даже ангелы не все могут примириться с тем, что мир таков, каким ему надлежит быть по воле Божией. Даже Богородица, посетив адов град подземный, воскликнула однажды: “Лучше бы было да не родиться в мир человеку!”» (Русское богатство. 1913. № 12. С. 380).

С. 63. *...небо медное, без облак, безросное...* — «Медное небо» — в народных представлениях — один из атрибутов преисподней. Ср.: «Во время господства в мире антихриста природа и люди будут находиться в бедственном состоянии. “Небо не даст росы, облака не дадут воды...”» (*Сахаров.* С. 115).

С. 64. *«Хочу — мучиться — с грешными!»* — Ср.: «И рече пресвятая ко архистратигу: “при едино(и) молитве молютися, да вниду и аз, да ся мучу со крестьяны...”» (*ПСРЛ III.* С. 122). В передаче В. Сахарова: «Осмотрев все муки, Богоматерь заплакала и сказала архангелу: “*молюти-ся, да вниду и аз, да ся мучу с христианы...*”» (*Сахаров.* С. 196).

Христов крестник

Впервые опубликовано: Речь. 1909. 29 марта. № 86. С. 4, под загл. «Христов Крестник: Народное сказание».

Прижизненные издания: *Шиповник 7*. С. 93—99, «1909 г.», под загл. «Иов и Магдалина»; *Сирин 7*. С. 93—99, «1909 г.», под загл. «Иов и Магдалина»; Веретено: Литературно-художественный альманах. Berlin, 1922. Кн. 1. С. 189—196; Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин, 1923. С. 11—19; Перезвоны. 1927. № 33. С. 1034—1042; *ЗН*. С. 70—74; Голубиная книга. Hamburg: Родник, 1946. С. 5—16 [издано без ведома автора]; *НРС*. 1956. 29 апр. № 15646. С. 5.

3 сентября 1909 г. Ремизов сообщал И. А. Рязановскому: «“Христова Крестника” я попробовал изобразить, напечатан он в пасхальном № “Речи”. Для “Лимонаря” мне хотелось бы его дополнить, и для примечаний знать тексты. Тоже прошу вас, сообщите их мне» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1 об.). В примеч. к *Шиповник 7* писатель указал: «В основу положены народные легенды о Христовом крестнике. А. Н. Афанасьев. *Народные русские легенды*. М., 1859. № 8; Н. Е. Ончуков. *Северные сказки*. СПб., 1908. № 119; А. Н. Веселовский. *Собрание сочинений*. Т. II. Вып. 1. СПб., 1909 («Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада»)» (с. 201). В сборнике А. Н. Афанасьева легенда называется «Христов братец»; Ремизов воспользовался ее вариантами. Наиболее близка к ремизовскому тексту одноименная сказка из сборника Н. Е. Ончукова (с. 286—290).

Прекрасная пустыня

Впервые опубликовано: *Сирин*. С. 263—264, в цикле «Цепь златая».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье*. С. 164—165, в цикле «Цепь златая»; Воля России (Прага). 1926. № 6/7. С. 51—52, под загл. «В мир»; *ЗН*. С. 75—76.

Тексты-источники: *Бессонов П*. Калеки перехожие. М., 1861. Вып. 1. № 45—50. С. 205—217 («Царевич Иосаф, пустынник»).

Сюжет Ремизова вполне оригинальный, с духовными стихами об Иосафе его текст связывает лишь образ «матери-пустыни».

С. 69. *Прекрасная пустыня, / любимая моя мати!* — Ср. в книге П. Бессонова: «Во долине восстояла / Мать прекрасная пустыня» (№ 48. С. 211); «При долине, при долине / Стояла мать прекрасная пустыня» (№ 49. С. 213). Ср. также в народной песне: «О, прекрасная мати-пустыня! / Сам Господь тебя, пустыню, похваляет...».

Сокровище ангелов

Впервые опубликовано: Рёрих. Пг.: Свободное искусство, 1916. С. 95—96, в цикле «Жерлица дружинная».

Прижизненные издания: *Трава-мурава*. С. 173—175, под загл. «Царство ангелов», «1915 г.»; *Ремизов А*. Звенигород окликанный:

Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924. С. 150—151, «1915 г.»; *ЗН.* С. 77—78.

Сюжет навеян картиной Н. К. Рериха «Сокровище ангелов» (1905), эскиз которой помещен в кн. «Рёрих» (с. 67).

С. 71. *А страж его — великий ангел...* — На картине Н. К. Рериха в центре изображен ангел в белых одеждах.

...сирины вкушают золотые яблоки... — *Сирин* — в средневековой мифологии — райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам.

С. 72. *...сердце великое Матери Света...* — *Матерь Света* — Богородица.

II. ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Часть II книги «Русские легенды», «Дела человеческие», включает 37 текстов и делится на четыре раздела: «Чертог твой», «Дела человеческие», «Русские повести», «От патерика».

Основу второй части «Русских легенд» составляют 17 текстов, входившие ранее в цикл «Бисер Малый» («Идите на вечерю: все готово...», «Ученик», «Учитель», «Судия», «Власть», «Человек», «Козлище», «Приди, покажу тебе дела человеческие...», «Разумное древо», «Вошь», «Конь и лев», «Обоюдный», «Покровенный грех», «Испытание», «Невера», «Покаяние» («Один престарелый епископ...»), «Постник»); 14 текстов из книги «Весеннее порошье», циклы «Свет неприкосновенный» («Смех», «Древняя злоба», «Святая тыква», «Завет», «Царевич Алей», «Алазион», «Венец») и «Свет невечерний» («Ученик», «Крепкая душа», «Чистое сердце», «Нищий», «Любовь», «Покаяние» («В одном монастыре одна из самых верных сестер...»), «Блюдущий»).

Из остальных 6-ти текстов два («Властелин», «Воскресения день») первоначально входили в цикл «Лимонарь: Луг духовный» (*Шиповник 7*); один текст («Камушек») — в сборник «Среди мурья» (М.: Северные дни, 1917). Один («Балдахал») был опубликован в сборнике «Укрепа: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг.: Лукоморье, 1916). 3 текста («Прокопий праведный», «Царь Аггей», «Дар рыси») ранее были включены в сборник *Трава-мурава.*

В последующие годы тексты неоднократно переиздавались, переходили из одного цикла в другой, меняли заглавия. При переиздании подвергались правке, иногда значительной, часто отражавшей изменения, происходившие в послереволюционной России. В них усили-

вались иронические ноты, добавлялись элементы литературной игры, вносились реалии повседневности новой России.

В настоящем томе печатаются по тексту *НР РЛ II*.

Чертог твой

«Идите на вечерю: все готово...»

Впервые опубликовано: *Бисер Малый*. С. 42, под загл. «Пир у сына царева».

Прижизненные издания: *Подорожие*. С. 187, под загл. «Пир у сына царева», в цикле «Бисер Малый».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 9.

Текст-источник: Притча о брачном пире (Лк 14: 16—24).

С. 73. *Идите на вечерю: все готово!* — Ср.: «И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: «идите, ибо уже все готово» (Лк 14: 17).

«Много званных — да мало откликается!» — Ср.: «ибо много званых, да мало избранных» (Лк 14: 24).

Ученик

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 17 авг. № 244. С. 2, под загл. «Добрый устав», в цикле «Избранные словеса: От Лимонаря».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье*. С. 137—139, в цикле «Свет невечерний»; *Цепь золотая*. С. 1—4; Перезвоны. 1925. № 5. С. 112—113, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС*. 1953. 15 марта. № 14932. С. 8, в цикле «Великопостное».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 10—12.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 307-е // *Срезневский-III*. LXXXII. С. 84—85.

С. 76. *...разверзся старцу разум* — прояснился ум старца. От *разверзсти* — раскрыть, сделать ясным.

Учитель

Впервые опубликовано: *Бисер Малый*. С. 51—52, под загл. «Всякому свое: От Иоанна Лествичника».

Прижизненные издания: *Подорожие*. С. 206—208, под загл. «Всякому свое: От Иоанна Лествичника»; *Цепь золотая*. С. 1—4; Перезвоны.1925. № 5. С. 114—115, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС*. 1953. 15 марта. № 14932. С. 8, в цикле «Великопостное».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 13—14.

Текст-источник: Слово о некоем игумене иже моляшесе Богу о своих черньцех, да быша с ним в рай вошли // *Пролог.* Сентябрь-ноябрь. 24 сентября. Л. 42—42 об.

С. 77. *На большой конец* — на большое расстояние.

Расслабленный — человек, лишенный возможности двигаться вследствие апоплексического удара или паралича.

Судия

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 54—56, под загл. «Нагой инок».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 214—216, под загл. «Нагой инок»; *Цепь золотая.* С. 5—7; *НРС.* 1954. 12 дек. № 15569. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Автограф: *НР РЛ II.* Л. 15—16.

Текст-источник: Древний патерик. Авва Даниил. Слово 10 // Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб., 1891. С. 79—80.

Этот сюжет также использовал Н. С. Лесков в цикле «Легендарные характеры», сохранив в нем структуру источника: отцы Даниил и Палладий встречают юного монаха, выходящего из бани, и укоряют его за «непристойное» поведение. Они скорбят о его душе, так как видят двух бесов, соблазняющих монаха. Вскоре старцы узнают, что он впал в блуд и был убит. Ремизов изменил смысл рассказа, включив в него появление ангела с предложением к отцу Даниилу судить душу заблудшего монаха, что заставило старца ужаснуться.

С. 78. *...не подобает ~ мыться в бане...* — в ранние века христианства монахам возбранялось посещать публичные бани, а также обнажать свое тело.

Видел я мурина... — то есть беса.

...сотворил блуд с наложницей комиссара... — словесная игра Ремизова: в источнике монах был пойман на любодеянии с женой экзарха.

С. 79. *И в тот час, когда юноша помер, явился старцу Даниилу ангел ~ только воздух благовонный, как от кадила* — этот эпизод отсутствует в тексте-источнике.

Смех

Впервые опубликовано: Огонек. 1914. № 1. 5 янв. С. [2—3], под загл. «Отрок пустынный: От старчества».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 104—107, под загл. «Отрок пустынный», в цикле «Свет неприкосновенный»; Воля Рос-

сии (Прага). 1922. № 1 (29). С. 1—3, под загл. «Отрок», в цикле «Русские повести»; Перезвоны. 1925. № 6. С. 138—140, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС*. 1954. 12 дек. № 15569. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 17—19.

Текст-источник: О бесовском писании // *ПСРЛ I*. С. 201.

С. 79. *Пустыня* — необитаемое, обширное место, простор; также — уединенная обитель, лачуга отшельника.

О моя пустыня прекрасная ~ И благодать — авторская цитата из ремизовского переложения духовного стиха «Царевич Иоасаф» «Прекрасная пустыня» (*Лимонарь-РК VI*. С. 95—96).

С. 80. *Запалитель содомский — запалитель* — от запалить, заставить гореть, зажечь; *содомский* — греховный, развратный, преступный.

«Более сознательный элемент» — пример привнесения Ремизовым лексики послереволюционной России в древний текст.

С. 81. *Щуняли* — то есть бранили.

С. 82. *...заскакали фокстротом по избушке... — Фокстрот* — парный танец, появившийся в США в 1912 г., стал популярен в Европе после Первой мировой войны. Зд.: пример «осовременивания» текста.

Крепкая душа

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 19 авг. № 246. С. 2, под загл. «Крепкая душа: Поведал един от отец».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье*. С. 135, в цикле «Свет невечерний»; Перезвоны. 1925. № 6. С. 141; *НРС*, 1954. 19 дек. № 15576.

Авторизованный текст: *НР РЛ I*. Л. 20.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 309-е // *Срезневский-III*. LXXXII. С. 85—86.

Власть

Впервые опубликовано: *Бисер Малый*. С. 50, под загл. «Власть. От лимониса: Поведал некто сарацин».

Прижизненные издания: *Подорожие*. С. 205, под загл. «Власть. От лимониса: Поведал некто сарацин»; *Цепь золотая*. С. 8; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 191, под загл. «Власть: Рассказ бандита», в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС*. 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 21. Печ. текст, заглавие — автограф, с зачеркнутым подзаголовком «Рассказ бандита».

Тексты-источники: «Слово от лимониса о монасе, егоже хоте убити срацинин» // *Пролог*. Сентябрь-ноябрь. 4 сентября. Л. 7 об.

С. 83. *...сокровища из соседних реквизированных монастырей...* — Ремизов привносит в текст реалии послереволюционной России. В январе 1918 г. вышел Декрет об отделении церкви от государства, церковные и религиозные общества потеряли право владеть собственностью, церковное имущество объявлялось народным достоянием.

Укокошу — излюбленный прием Ремизова: включение в древний текст просторечных слов и выражений.

Человек

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 48—49, под загл. «Человек Божий: От пролога».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 202, под загл. «Человек Божий: От пролога»; *Цепь золотая.* С. 7; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 191, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС.* 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 22. Печ. текст, заглавие — автограф.

Текст-источник: «Слово от патерика о Филагрии мнисе иже найде тысящу златник и возврати погубившему» // *Пролог.* Сентябрь-ноябрь. 13 сентября. Л. 27 об.—28.

С. 83. *...коробочки клеил и всяких чудных доремидошек...* — Ремизов приписывает персонажу собственные увлечения. Начиная с революционных лет, он изготавливал из оберточной бумаги тетради, в которые вклеивал письма, газетные вырезки и т. п., а также цветные коллажи. *Доремидошка* — игрушка из коллекции Ремизова, подробнее см. комментарий Е. Р. Обатниной к рассказу «Аленушка»: *Оказион-РК III.* С. 618.

С. 84. *Товарищи!* — обращение, принятое в Советской России взамен прежнего «господа». Ремизов привносит реалии советского времени в древний текст.

Лататы — задать лататы — убежать.

Козлище

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 52, под загл. «Козлище; От патерика».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 209, под загл. «Козлище; От патерика»; *Цепь золотая.* С. 9; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 192, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС.* 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 23.

Текст-источник: Древний патерик. Глава 15. О смиренномудрии. Слово 80 // Древний патерик, изложенный по главам. М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1899. С. 293.

С. 84. *...пришел китаец с бесноватым китайцем* — ср. в тексте-источнике: «Однажды некие, имея при себе человека, одержимого бесом, пришли в Фиваиду к некоторому старцу, чтобы он исцелил его» (с. 293). Пример литературной игры: китайская тема занимала в творчестве Ремизова особое место, он неоднократно подчеркивал свой «интерес к истории Китая», свои «каллиграфические повадки», увлечение «китайской мудростью», писатель сам сравнивал себя с китайцем. «Я совсем как китаец — так меня тут все и считают», — писал он В. В. Перемиловскому 26 июля 1927 г. (*РЛит.* 1990. № 2. С. 203). Об этом также см.: «Подстриженными глазами», глава «Китай» (*РК VIII.* С. 68).

Чистое сердце

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 19 авг. № 246. С. 2, под загл. «Чистое сердце: Поведал авва Полихроний, новыя лавры пресвитер», в цикле «Избранные словеса: От Лимонаря».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 133, в цикле «Свет невечерний»; *Цепь золотая.* С. 11; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 192, под загл. «Чистое сердце: От слов старца», в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС.* 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 24.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 5-е // *Срезневский-III*, LXXXII. С. 55.

С. 84. *...к шапошному разбору...* — то есть сильно опоздать. Ремизов включает просторечные выражения в древний текст.

Нищий

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 19 авг. № 246. С. 2, в цикле «Избранные словеса: От Лимонаря».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 132, в цикле «Свет невечерний»; *Цепь золотая.* С. 9; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 192, в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; *НРС.* 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, в цикле «Полевые цветы».

Автограф: *НР РЛ II.* Л. 25. Печ. текст с двумя рукописными вставками.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 11-е // *Срезневский-III.* LXXXII. С. 56.

С. 85. *...пиджачишко какой.* — Пример «осовременивания» патерикового текста.

Любовь

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 17 авг. № 244. С. 2, под загл. «Авва Агиодул: Поведал Авва Петр, пресвитер святого отца нашего Саввы», в цикле «Избранные словеса: От Лимонаря».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье*. С. 131, под загл. «Авва Агиодул: Поведал старец», в цикле «Свет невечерний».

Автограф: *НР РЛ II*. Л. 26. Рукописный текст с двумя печатными вставками.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 14-е // *Срезневский-III*. LXXXII. С. 57.

Дела человеческие

«Приди, покажу тебе дела человеческие...»

Впервые опубликовано: *Бисер Малый*. С. 57—58, под загл. «Дела человеческие. От патерика: Рече старец Арсений».

Прижизненные издания: *Подорожие*. С. 221—222, под загл. «Дела человеческие. От патерика: Рече старец Арсений»; *Цепь золотая*. С. 11—12, под загл. «Дела человеческие»; Путь. 1926. № 2. С. 59, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС*. 1955. 6 февр. № 15625. С. 2, в цикле «Дела человеческие».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 22.

Текст-источник: Слово преподобного отца нашего Арсения о делех человеческих // *Пролог*. Декабрь. 3 декабря. Л. 5.

С. 86. *Затвор* — одинокое жилище отшельника, келья затворника.

Утлый — зд.: дырявый, с течью.

...в руках гордых «партийцев». — Пример «осовременивания» древнего текста.

Разумное древо

Впервые опубликовано: *Бисер Малый*. С. 46—47, под загл. «Страх первородный».

Прижизненные издания: *Подорожие*. С. 196—197, под загл. «Страх первородный»; Сегодня. 1922. 29 окт. № 245. С. 4, в цикле «Русская повесть»; Путь. 1926. № 2. С. 60, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС*. 1955. 6 февр. № 15625. С. 2, в цикле «Дела человеческие».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 23 об.

Тексты-источники: О создании Евы и о изгнании Адама // Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Гл. 2. С. 26; О древе разумнем и о реках // Там же. С. 24.

С. 86. *Завет* — наставление, наказ.

Все, что вы видите здесь, для вас уготовано ~ горек его плод и смерть прозябает в нем. — Ср.: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт 2: 16—17).

...принесет вам тлю... — тля, тлен — прах, гниение.

Наследите — наследуете.

С. 87. *Почил* — погрузился в покой.

И от корней его истекал источник ~ Фисон, Геон, Тигр и Ефрат. — Названия четырех рек, согласно Библии, протекающих в райском саду. Ср.: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон <...> Имя второй реки Гихон (Геон) <...> Имя третьей реки Хиддекель [Тигр] <...> Четвертая река Евфрат» (Быт 2: 10—14).

...за ушко-да-на-солнышко... — наказать кого-либо за его проступки, привлечь к ответственности. Пример излюбленного Ремизовым приема: включения просторечных выражений в древний текст.

...на утлую землю. — *Утлая* — зд.: убогая, бедная.

Властелин

Впервые опубликовано: Утро России. 1909. 21 нояб. № 39. С. 3, под загл. «Слово о некоем властелине Зле», в цикле «Цепь златая: Из книги».

Прижизненные издания: *Шиповник-7.* С. 63—66, в цикле «Лимонарь: Луг духовный»; Сегодня. 1922. 24 дек. № 291. С. 5, в цикле «Святки» вместе со сказкой «Камушек»; Путь. 1926. № 2. С. 61—62, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 1955. 6 февр. № 15625. С. 2, в цикле «Дела человеческие».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 24.

Текст-источник: согласно авторскому примечанию, «это повествование написано по кодексу XVII века и представляет собой пересказ. Рукописный сборник принадлежит автору, — дар казанского книгочия Н. Н. Моисеенки». (*Шиповник-7.* С. 200).

В письме от 3 сентября 1909 г. Ремизов сообщал своему постоянному корреспонденту, консультировавшему его по вопросам древнерусской книжности, И. А. Рязановскому: «В Казани у одного знакомого в библиотеке нашел сборник рукописный. Сборник заключает в себе слова Иоанна Златоустого, слово Андрея Юродивого, Никодимово Евангелие, Поучение Афанасия Александрийского и, наконец, то, что меня наиболее заинтересовало — “Слово о некоем властелине зле” (прилагаю при сем это “слово”). <...> Мне хотелось бы это “слово” пересказать и поместить в мой “Лимонарь”» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 1).

С. 88. *Коляда* — славянское народное название рождественского Сочельника.

...гудцам и свирцам... — *Гудец* — музыкант, играющий на гудце (гудок), старинном смычковом 3, 4-х струнном инструменте; свирец — играющий на свирели.

Нечаема — внезапная.

...гвар и плеск. — *Гвар* (говор) — шум; *плеск* (от: плескание) — игра, бряцание на кимвале.

С. 89. *Достоит* — следует, должно.

Древняя злоба

Впервые опубликовано: *Северные записки.* С. 54—57.

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 108—111, в цикле «Свет неприкосновенный»; Воля России. 1922. № 1 (29). С. 4—6, под загл. «Зерефер», в цикле «Русские повести»; Путь. 1926. № 2. С. 62—65, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 1955. 13 февр. № 15632. С. 2, в цикле «Дела человеческие».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 24 об.—26.

Текст-источник: О бесе Зерефере // *ПСРЛ-I.* С. 203.

«Горько старцу, — писал о “Древней злобе“ критик В. Голиков, — что “древняя злоба новой добродетелью стать не может”. — Это не благочестивая ли тоска нашего века о том, что не вырвать из мира зла с самым его корнем?» (Вестник знания. 1915. № 12. С. 801).

С. 89. *...шапошно знал всех бесов...* — От выражения «шапочное знакомство» — поверхностное, случайное, непрочное знание кого-либо или чего-либо.

Ужотко — зд.: обозначение угрозы мести или наказания.

...быстро, как мотоциклетка!. — Внесение Ремизовым современных реалий в древнее повествование.

А что, товарищ... — см. комм. к рассказу «Человек» (с. 564 наст. изд.).

С. 90. *Зерефер.* — В литературной игре Ремизова в «Обезьянью Великую и Вольную Палату» кличку «бес Зерефер» носил Вл. Ник. Княжнин (наст. фам. Ивойлов; 1883—1941) — поэт, лит. критик, библиограф. См. об Ивойлове — «Зерефере»: *Оказион-РК III.* С. 310, 639.

И солдатом в щегольском френче... — *Френч* — куртка военного образца с четырьмя большими наружными накладными карманами, получила широкое распространение в армии в период Первой мировой войны, названа по имени главнокомандующего британскими экспедиционными силами во Франции фельдмаршала Джона Френча.

С. 91. *...как молонья предстал ангел...* — Ср.: «Ангел Господен, сошедший с небес <...> вид его был, как молния» (Мф 28: 2—3).

С. 91. *...или спятил?* — Ремизов вкладывает в уста ангела просторечное выражение.

Алчущего — алкать — сильно желать.

С. 92. *...мерзости запустения!.* — Словосочетание восходит к библейской Книге пророка Даниила: «...и на крыле [святилища] будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя» (Дан 9: 27). Встречается также в Евангелии от Матфея (24: 15—16), от Марка (13: 14).

...помраченную прелесть! — Прелесть — зд.: обман, заблуждение, обольщение; помраченный — мрачный, темный, безумный.

Вошь

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 53—54, под загл. «Вошиное наслание».

Автографы и авторизованные тексты: *БА* — РНБ. Ф. 92: Борисоглебский В. М. Ед. хр. 342, под загл. «Вошиное наслание» (от старинного иконописного подлинника). Легенда; *НР РЛ II.* Л. 26—26 об.

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 212—213, под загл. «Вошиное наслание»; Сегодня. 1922. 29 окт. № 245. С. 4; Путь. 1926. № 2. С. 65—66, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 13 февр. № 15632. С. 2.

С. 93. *И был Богу послух.* — То есть повиновался Богу; *послух* — подчинение, повиновение.

...«просветить ум и смысл светом разума — открыть ему сердечные очи!» — Неточная цитата из молитвы Иоанна Златоуста перед чтением Священного Писания.

...сопричтен был... — был причислен, присоединен.

Конь и лев

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 45—46, под загл. «Страх смертный».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 194—195, под загл. «Страх смертный»; Простая газета. 1917. 8 нояб. № 1. С. 2, под загл. «Страх смертный»; Сегодня. 1922. 29 окт. № 245. С. 4; Путь. 1926. № 2. С. 66—67, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 1953. 15 марта. № 14932. С. 8, в цикле «Великопостное»; Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953. С. 172.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 26 об.—27.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 133-е // *Срезневский-III.* LXXXII. С. 73—75.

В тексте-источнике авва Герасим исцелил льву лапу, который в благодарность стал ему служить, в том числе пасти осла. Однажды про-

ходящие погонщики верблюдов увели осла, а старец подумал, что осла съел лев. За эту мнимую провинность лев должен был носить воду из Иордана. Через некоторое время, с помощью льва, осел вернулся в лавру. Спустя пять лет старец скончался, лев оплакал его смерть и сам умер на его могиле. Ремизов трансформирует сюжет, уделив главное внимание коню и его внутренним переживаниям.

С. 93. *В мясопустные дни...* — то есть в пост.

Дар рыси

Впервые опубликовано: Во имя свободы. 1917. 25 мая. С. 3, под загл. «Дар рыси: От египетского ловзайка».

Прижизненные издания: *Трава-мурава.* С. 152—157; Путь. 1926. № 2. С. 67—70, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 1954. 11 апр. № 15324.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 27—28 об.

Текст-источник: Память преподобного отца нашего Марка постника // *Пролог.* Март. 5 марта. Л. 9 об.—10.

В Прологе содержится скупой рассказ о благочестивом старце, к которому пришла гиена со своим слепым детенышем. Старец плюнул в очи детеныша, и тот был исцелен. Гиена в благодарность принесла шкуру овцы. Сначала старец не хотел принимать подарок, но затем понял, что это дар свыше. Ремизов усложняет сюжет, введя в него психологическую мотивировку поступков.

С. 96. *...теснимых (эксплуатируемых) нами...* — Ремизов привносит в текст лексику революционных лет.

С. 97. *...старуха Ефремовна...* — пример русификации текста-источника.

Святая тыква

Впервые опубликовано: Речь. 1913. 14 апр. № 102. С. 4, под загл. «Святая тыковь: От пролога».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 112—113, под загл. «Святая тыковь», в цикле «Свет неприкосновенный»; Воля России. 1922. № 3 (31). С. 6—8, под загл. «О святом граде»; Путь. 1926. № 2. С. 70—72, под загл. «Святая Тыква: Le Saint Graal», в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела; *НРС.* 1955. 13 февр. № 15632. С. 2, под загл. «Святая тыква («Грааль»)».

Автограф: *НР РЛ II.* Л. 28 об.—30. Печ. текст, окончание: *В мире ходит грех ~ твое неутоленное замученное сердце* — автограф.

Тексты-источники: 1) *Коломенский пролог.* 12 сентября. Л. 27 (проложный рассказ от 10 сент.); 2) 12 и 13 сентября. Житие и жизнь

св. мученика Варипсава // Жития и поучения святых из Великих Миней Четий. М., 1913. (Приложение к журналу «Златоструй»).

В примечаниях к сборнику «Весеннее порошье» Ремизов указывал в качестве источника текста рукописный Коломенский пролог XVI в. из собрания Ивана Александровича Рязановского (Кострома): «...и святому чюдотворцу Николе Мокарьевъ сынъ положилъ есми сия прологи в домъ великому чюдотворцю Николе к Мокрому на посаде на Коломне на поминание душъ родителей своихъ при благовѣрномъ великомъ князи Васильи Ивановичи всея Руси и при епископѣ Тихоне коломенскомъ, а при по...» (л. 1—10), «лѣта 7204 (1696) сия книга града Коломны церкви Обновленію святаго храма Воскресенія Христа Бога нашего, да церкви Іоанна Богослова, да Николы чюдотворца, что на посаде на Покровской улицы, а подписана сия книга мѣсяца маия въ 21 день на память святаго і равноапостолом великаго царя Константина і матери его Еленны, а сия книги любити аки камению драгое і аки бисер многоцѣнны, православнымъ кристияномъ на утвержение, а еретикомъ и развратником крестиянския вѣры уста заграждати» (л. 15—71), «сию книгу прологъ продала старица Пелагея» (л. 71 об.—73), «куплена стана Балахоннскаго села Бреляковскаго деревни Бѣлыя Рамени у Івана Федоровых Хадоевых, а дана два руб. і десять ал., а купил сію книгу, глаголемую пролог Суждальскаго оуезду Ворешмы слободы Спаски Шестьни деревни... больших Петръ Иванов, а подписал своею рукою» (л. 109—314), «в сей книзе шесть сотъ 12 листов» (л. 607). Пролог этот без первых листов, начинается с 4 сентября, а оканчивается 28 февр. О св. тыкови см. под 12 сент., л. 27. В великих Макариевских Четий-минеях — 12 и 13 сент. М.: Изд. Московской старообрядческой книгопечатни, 1913.

3 апреля 1913 г. Ремизов обращался в редакцию газ. «Речь» с просьбой выслать гонорар за «Святую тыковь», что позволяет уточнить дату создания текста.

В рецензии на «Весеннее порошье» В. Голиков писал о «Святой тыкови»: «Это — наши надежды, труды и искания — “всему миру спасения”, наша жажда утолить земное сердце последним правосудием — конечным торжеством правды над неправдой, установлением социальной гармонии, идеальных общественных отношений» (Вестник знания. 1915. № 12. С. 801).

С. 98. *Святая тыква* — Св. Грааль — в средневековых христианских легендах таинственный сосуд, обладающий сакральной силой, изначально служил Христу и апостолам во время Тайной Вечери в качестве потира (чаши для причащения) первой литургии. Также считалось, что это чаша с кровью Иисуса Христа, которую собрал Иосиф Аримафейский, снявший с креста тело распятого Спасителя.

С. 98. *Варипсава* — мученик (память 10 сент.), пустынник, хранитель крови Христовой. По преданию, некий праведник по имени Иаков, присутствовавший при распятии Спасителя, собрал в сосуд, сделанный из тыквы, кровь и воду, которые истекли из ребра Господа. Чтобы скрыть святыню от нечестивых, Иаков сверху наполнил сосуд маслом; от его содержимого происходили исцеления и чудеса. После смерти Иакова сосуд перешел к двум отшельникам. Один из них перед своей кончиной передал святыню Варипсаве. Некие злодеи, наслышанные о чудесах и исцелениях, происходящих от скрытой в сосуде Крови Христовой, решили завладеть святыней, чтобы использовать ее в корыстных целях. Напав ночью на Варипсаву, они убили его, однако не нашли в сосуде то, что искали.

С. 99. *Веруй и обрящешь, веруй, ступай — делай ~ и откроется!* — Перефразированная цитата из Евангелия: «просите, и дано будет вам, ищите, и найдете; стучите и отворят вам» (Лк 11: 9).

Русские повести

С. 99. *«И я не различал, когда день ~ светом неприкосновенным объят был»* — ср.: «и не свемъ, рече, когда день когда ли нощь. но светомъ неприкосновеннымъ объятъ бысть» (Житие преподобного Антония Римлянина // *ПСРЛ I.* С. 264).

Завет

Впервые опубликовано: *Северные записки.* С. 52—54, под загл. «Сердечные очи».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 117—119, под загл. «Сердечные очи», в цикле «Свет неприкосновенный»; Простая газета. 1917. 23 нояб. № 13. С. 2, под загл. «Сердечные очи»; Воля России. 1922. № 1 (29). С. 7—8, в цикле «Русские повести»; Путь. 1926. № 2. С. 72—73, в цикле «Из книги “Плетешок”: Русские повести»; *НРС.* 1954. 10 янв. № 15233. С. 2.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 31 об.—32.

Текст-источник: Новгородский суд и святой Варлаам // *ПСРЛ I.* С. 273.

С. 99. *Церковь Святые-Софии-Неизреченныя-Премудрости-Божия* — собор Святой Софии в Великом Новгороде, построен в 1045—1050 гг.

Варлаам — преподобный Варлаам Хутынский, в миру Алекса Михайлович, новгородец (?—1192 или 1193; память 6 ноября) — основатель Спасо-Хутынского монастыря (1192), расположенного в десяти верстах от Новгорода Великого.

С. 100. *Великий мост* — мост в древнем Новгороде через реку Волхов, связывал Новгородский детинец (кремль) и Ярославское Дворище, являлся местом торговли, общественных собраний, совершения казней — осужденного сбрасывали в Волхов.

...в дом Святого Спаса! — То есть в Спасо-Хутынский монастырь.

С. 101. *...«поновил»... — Поновить* — зд.: исповедовать и причастить.

Царевич Алей

Впервые опубликовано: *Северные записки.* С. 48—52, под загл. «Любовь крестная».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 99—103, под загл. «Любовь крестная», в цикле «Свет неприкосновенный»; Воля России. 1922. № 3 (31). С. 1—6, под загл. «Семиклей», в цикле «Русские повести»; *Цепь золотая.* С. 9—10, под загл. «Любовь»; Перезвоны. 1925. № 7/8. С. 192, под загл. «Любовь», в цикле «Чертог твой: Из книги “Плетешок”»; Путь. 1926. № 2. С. 74—78, в цикле «Из книги “Плетешок”: Московская пчела»; *НРС.* 1954. 19 дек. № 15576. С. 2, под загл. «Любовь», в цикле «Полевые цветы»; *НРС.* 1954. 28 марта. № 15310. С. 2.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 32 об.—34 об.

Текст-источник: Легенда о братстве (Указ о братотворении како сотвори Господь братство крестное, еже назватися меж собою братиею всякому православному христианину) // *ПСРЛ-I.* С. 123—124.

В рецензии на сборник «Весеннее порошье» критик В. Голиков назвал легенду «апофеозом всяческих альтруистических тенденций» (Вестник знания. 1915. № 12. С. 797).

Ремизов неоднократно изменял название повести. Так, в первых публикациях повесть назвалась «Любовь крестная», «Семиклей», «Любовь». Имена персонажей соответствовали именам текста-источника: царь звался Семиклей, царица — Купавой, царевич носил имя Пров, а жена царевича безымянна. Странник, явившийся царевичу, был прямо назван Христом. При поздней переработке Ремизов дал персонажем языческие имена, а также изменил финал, исключив последнюю строку. Первоначально произведение заканчивалось восклицанием царя Семиклея: «Слава Тебе, Господи, что не оставил нас в погибели!».

С. 101. *Алей* — имя восходит к персонажу древнегреческой мифологии: Алей, царь Тегеи, античного города, экономического и культурного центра области Тегеатида, расположенной на полуострове Пелопоннес.

...царь Огодай ~ царица Туракина... — Ремизов дал персонажам имена исторических личностей: Угэдэй Огодай (ок. 1186—1241) — третий сын Чингис-хана и преемник своего отца в качестве кагана (Великого

хана) Монгольской империи (1229—1241). Дорегене Туракина-хатун (кон. XII — сер. XIII в.) — жена монгольского хана Угэдэя (1229—1241), мать Гуюк-хана (1246—1248), осуществлявшая регентство в период междуцарствия (1241—1246).

С. 105. *...старушонка-нищенка Клещевна ~ в свой арбатский угол к Власию...* — Ремизов переносит действие повести в Москву. Власий — церковь св. Власия Севастийского в Староконюшенной слободе (совр. адрес: Москва, Гагаринский пер., 20).

...связал его со своим поясом, и опоясал себя и царевича... — Обряд побратимства, в том числе и христианский, включал опоясывание побратимов одним поясом.

Войдем в воду: омоемся вместе. — То есть предлагается совершить обряд крещения.

Стамех — желудок.

Алазион

Впервые опубликовано: День. 1913. 25 дек. № 350. Стб. 3—10, под загл. «Едина ночь: От великого зерцала»: (Рассказ).

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 120—128, под загл. «Едина ночь», в цикле «Свет неприкосновенный»; Окно (Париж). 1923. Кн. I. С. 82—96; Возрождение (Париж). 1954. № 34. Сент.-окт. С. 18—26.

Автографы и авторизованные тексты: Черновые наброски, загл. рукой неуст. лица: «Бесы». Б. д. // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 4. Л. 129. Впервые опубл.: *Грачева 2000.* С. 98—99; *НР РЛ II.* Л. 35—41 об. Печ. текст, заглавие — автограф.

Текст-источник: 1) Легенда о покаянии князя // *ПСРЛ-I.* С. 91—93; 2) Знамение. Слово о авве Сисое. — Из сборника Кирило-Белозерского монастыря № 9/1086, сделанный для Ремизова список рукой В. Г. Геймана // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 4. Л. 22 об.

В основе произведения лежит «Легенда о покаянии князя», опубликованная в *ПСРЛ* (с. 91). В авторском примечании к «Весеннему порошью» указан также «Рукописный ржевский сборник XVIII века из собрания А. Ремизова (Петербург): “Ис книги Зерцало Великаго о покояніи нѣкоего князя зѣло полезно и о иереи, еже его как исправити, зѣло дивно” (л. 121)». Кроме этого Ремизов воспользовался выписанным из сборника XV в. «Словом о авве Сисое», которое ему предоставил Василий Георгиевич Гейман (1887—1965) — историк, источниковед, палеограф, археограф, много лет проработавший в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Гейман неоднократно консультировал Ремизова по вопросам древнерусской литературы. В письме от 3 ноября 1913 г. Ремизов спрашивал его: «Если делать примечание, как надо сказать о “Слове о авве Сисое”? <...> Этот сборник в Духов-

н<ой> академии или в библиотеке публичной? Откуда вы узнали, что века XV?».

«Слово о авве Сисое» представляет собой патериковый рассказ об ученике аввы Сисоя, скрывшем свои грехи и бежавшем от старца в Александрию. В дороге ему встретился бес, который искушал его, но исчез при упоминании имени аввы Сисоя. После этого ученик возвратился к старцу и поведал ему все, что с ним приключилось. Описание беса из этого рассказа Ремизов перенес в свое повествование, выведя его под именем Алазиона (в первых публикациях — Лазиона).

В ряд источников следует также включить «Притчу о старом муже и молодой девице», опубликованную в: *ПСРЛ II*. С. 452—454, из которой Ремизов заимствовал эпитеты для описания бесов.

Критик Т. Ганжулевич назвала повесть лучшим рассказом цикла «Свет неприкосновенный», отметив, что здесь «фантастика народная слилась с фантастикой гоголевской школы и подчинила себе автора» (*ЕЖ*. 1915. № 6. С. 156).

С. 107. *Алазион* (в других публикациях повести — *Лазион*) — имя главного персонажа древнерусской повести «О бесовском князе Лазионе» (*ПСРЛ I*. С. 207—208). В ремизовской мифологии это прозвище носил крупный землевладелец и промышленник-сахарозаводчик, владелец издательства «Сирин», меценат ремизовских изданий 1910-х гг. М. И. Терещенко (1886—1956). Ср. также: Алазион, князь бесовский, персонаж произведений Ремизова «Русалия» (*Русалия-Росток XII*. С. 219), «Пляшущий демон» (Там же. С. 359).

Сысой — имя священника заимствовано из «Слова о авве Сисое».

...добром наказании... — то есть добром наставлении; *наказание* — наставление.

Ведец — от глагола *ведати, ведетися* — знать.

Говеен — от *говеть* — воздерживаться.

С. 109. *Аналой* — высокий столик с покатым верхом. Употребляется для богослужебных книг и икон.

С. 110. *Мутчики.* — В черновых набросках «Бесы» на л. 1 и 29 содержится описание «топографии ада» и шествия бесов — описание, которое, как установила А. М. Грачева (*Грачева 2000*. С. 97), основано на тексте из апокрифического сборника «Лицидариус» (ответы на вопросы об аде и о необычных обитателях индийских земель). Так как текст «Бесы» дополняет и проясняет текст повести «Едина ночь», приводим его полностью: «Пришли бесы с / 1) озера огненного, где душу вшедшие никогда никак не прохладятся и выйти не могут / с пути в ад. / 2) из тьмы, полной дыма / 3) из земли забенія (забытія), где души вшедшие погибают, никогда не поминаемы Богом / 4) из тартара — из вечного мучения, где во все часы плач и скрежет зубом

и студень люта / 5) — геенны — из вечного огня, из адского, перед силой которым <так! — *Ред.*> наш огонь — тень / 6) — кребоуса от драконов и змия, где полно огненных драконов / от червей, которые никогда не умирают / 7) — варатрума от черного Зинутія (раскрытие), где издревле сидят души / 8) — блата стикса из безвеселия вечного / 9) — ахеронта из пещи огненной / 10) — флагитона от смолы и серы горящей и [от] где так студено, что всякую адскую горячину [пер] обращает в лед. / 11) с 1-го неба, что между землей и луной воздушная луковь <1 сл. нрзб.>. / 12) длинные и голенастые, как журавли / 13) бесы — пятки вперед обращены и пальцы на каждой руке и ноге по восмьнадцати, а головы песьи и ногти, очень остры и лают как псы / 14) одноокие / 15) имеют одну ногу, а рыщут так быстро, как птица, а сядет где, полетывает <?> своею ногою / 16) без голов, глаза стоят в плечах, а вместо уст и носа имеют 2 дыры на груди. / 17) плавающие по морю и пожирающие люди <?> / 18) уд осла, копыты к<а>к у коня и 2 рога, голени как вол, рот до ушей, а вместо зубов кость, голос же человечий / 19) 2 уха длиною с сажень и когти с кем захочет бороться, [сложит по] распростерт одно ухо по хребту, а другим борется храбро на воде и на земле / 20) грудь как у дикий вепря, уста от уха до уха. Никто не может победить / 21) голова, как у человека, а тело львово, голос птичий, полохлив и один [р] / 22) с виду лисица и светел, как корбункул камень, сечет, как меч / 23) червь, а две руки длиною в сажень, слона поймав влечет в воду / 24) блещут, как свечи горят / 25) синьцы (эфиопы) / 26) упырь <?> и бреха <?> / И скрылись за горы, в бездны преисподние, в смолу кипучую, в полючий жар».

С. 110. *...томятся Богом забытые...* — Ср. раздел «Забытые Богом» в «Хождении Богородицы по мукам» (с. 60—61 наст. изд.).

...из горького тартара... — из ада (в древнегреческой мифологии *тартар* — подземное царство, преисподняя).

...студень люта... — лютый холод.

Безуветные — лишающие утешения, от *увет* — утешение, облегчение, наставление.

...из вечноогненной неотенной геенны ~ от червей неумирающих... — *Геенна* — (евр. долина Геннома) от названия оврага близ Иерусалима, в котором идолопоклонствующие иудеи сжигали своих детей в честь идола Молоха. В христианстве и иудаизме — символ Судного дня и вечного мучения, «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк 9: 44).

...от черного зинутия... — *Зинутий* — бездна.

...от огненной жупельной печи... — Печь, в которой горит сера или смола, предназначенная для казни грешников; *жупель* — сера.

Синьцы — синьць — черный (о дьяволе) (*Срезневский. Материалы к словарю*).

С. 112. *Погинул — погинуть* — пропасть, исчезнуть.

...украсишь меня, что Волгу-реку при дубраве... — Ср.: «Украшу тебя, миленкая, аки цвет в чистом поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу реку при дубраве» (Притча о старом муже и молодой девице // *ПСРЛ II*. С. 453).

С. 114. *В червчатых красных одеждах... — Червчатый* — темно-красный, багряный цвет.

С. 115. *Звацающий* — звенящий, от звяцать, издавать звон.

Раззнобилось — затряслось. Зд.: от знобиться, трястись в лихорадке.

С. 116. *Железокостна.* — В письме В. Г. Гейману от 3 ноября 1913 г. Ремизов спрашивал: «Никак не могу понять слова желѣзокотно. Правильно ли вы прочитали? Спросите у кого, кто знает, правильно ли прочитано слово и что означает?» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 428. Л. 1).

Чермноока — красноглаза, от чермный — красный, багряный.

...под голку... — Голка — шум, мятеж.

Зук — звук.

С. 116—117. *...поберещена рожа ~ синие брюхи...* — ср.: «...тебе, старому смерду, поберещеной роже, неколотой потылице, жаравной шее, лещевым скорыням, сомовой губе, понырой свине, раковым глазам, <...> опухлым пятам, синему брюху» (Притча о старом муже и молодой девице // *ПСРЛ II*. С. 454). *Потылица* — спинной хребет; *жаровная шея* — журавлиная шея; *скорынья* — челюсть; *понырые* — понурые.

С. 117. *Мытарев глас.* — Ставшие молитвой слова «Боже, милостив буди мне, грешному», которыми молился мытарь из притчи о мытаре и фарисее, рассказанной Христом своим ученикам (Лк 18: 13).

Жадала — жадать — сильно желать.

С. 118. *Безукорен — безукорный* — безупречный.

Царь Аггей

Впервые опубликовано: Наш век. 1917. 31 дек. № 26. С. 2.

Прижизненные издания: *Трава-мурава*. С. 143—151; Путь. 1926. № 2. С. 79—82, в цикле «Из книги "Плетешок": Русские повести»; *НРС*. 1954. 6 апр. № 15319. С. 2.

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 42—43 об. Печ. текст, заглавие и первая фраза — автограф.

Текст-источник: Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию // *Афанасьев*. № 24. С. 182—186.

В 1950-е гг. вместе с повестью «Аполлон Тирский» (*Лимонарь-РК VI*. С. 130—158) готовился к печати в издательстве «Оплешник». Сохранился авторский эскиз обложки к несостоявшемуся изданию («Павлиньим пером». Макет сборника для изд. «Оплешник». Б., тушь. 1950-е гг. 121 л. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 43).

С. 118. *«Богатые обнищают, а нищие обогатятся!»* — Неточная цитата из Псалтыри, ср.: «Богатии обнищаша и взалкаша, взыскующие же Господа не лишатся всякого блага» (Пс 33: 11). О причинах неточности в указании источника цитаты см.: *Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 80—82.

С. 120. *...какой-то забулдыга ~ принял его, накормил.* — В первых публикациях повести, как и в тексте-источнике, Аггей поселяется у старушонки.

...«советский суп» с воблой... — Ремизов привносит в повествование элементы быта послереволюционной России.

Тридцать лет... — в тексте-источнике — 35 лет.

С. 120—121. *...нагрянули к музыканту «полунощные гости» с обыском ~ в чеку не угодил!* — Ремизов включает в повествование впечатления о жизни в России после Октябрьского переворота, когда он в феврале 1919 г. был арестован и отправлен в ЧК по делу о несуществовавшем заговоре левых эсеров. Подробнее об этом см.: *Взвихренная Русь-РК V.* С. 599. *Чека* — ВЧК, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, созданная 7 (20) декабря 1917 г., являлась основным инструментом реализации красного террора.

С. 122. *Из затвора...* — из уединенного жилища.

Мехоноша — человек, прислуживающий странникам.

С. 122—123. *И когда проходил он по темным улицам ~ поднялась над землей к Богу.* — Этот эпизод отсутствует в тексте-источнике, финал повести совпадает с окончанием «Сказания о гордом Аггее. Пересказа старинной легенды» В. М. Гаршина (1886). По концепции и текстуальным совпадениям сказание Гаршина может быть признано еще одним источником текста Ремизова.

Балдахал

Впервые опубликовано: Голос жизни. 1915. № 12. С. 11—13, под загл. «Яйцо ягиное».

Прижизненные издания: Укрепа: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг.: Лукоморье, 1916. С. 59—63, под загл. «Яйцо ягиное»; *ПН.* 1922. 5 нояб. № 782. С. 2; Русская мысль. 1955. 4 марта. № 742.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 44—48. Печ. текст с правкой рукой Ремизова.

Текст-источник: № XXII. Балдам-пахал и Арьяндива // *Руднев А. Д.* Хори-бурятский говор: (Опыт исследования. Тексты, перевод и примечания). СПб., 1913—1914. Вып. 3: Перевод и примечания. С. 074—

077. (Сер. «Издания Факультета Восточных языков Императорского С.-Петербургского Университета»; № 42).

Сказка была записана востоковедом и фольклористом А. Д. Рудневым в 1911 г. от тринадцатилетнего бурятского мальчика Галана Ниндакова, привезенного своим учителем в дацане Агваном Доржиевым в Петербург. Этот популярный в ламаистской среде рассказ Галан слышал от ламы Кежингинского дацана Шойвана. Ремизов «русифицирует» текст-источник, включая в повествование характерные детали православного монастырского быта, который изображается здесь в пародийном ключе.

С. 123. *Заглавие* — в первых публикациях сказка носила название «Яйцо ягиное». В настоящем комментарии использован материал И. Ф. Даниловой к этой сказке (*Докука и балагурье — РК II.* С. 661–662).

Трошка-на-одной-ножке — действующее лицо народной сказки «Пустой барабан» (*Садовников Д. Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. № 9). Ср. также загадку: «Стоит Трошка на одной ножке, крошит крошки. Светец» (*Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб.; М., 1879. Т. II. С. 111).

Соломина-воромина — персонаж детской считалки. Впервые встречается в сказке Ремизова «Ночь темная» (*Докука и балагурье-РК II.* С. 45).

Старая лягушка хромая — фарфоровая игрушка с отбитой лапкой из коллекции Ремизова, которую ему подарила З. Н. Гиппиус 25 сентября 1905 г. (об этом см.: *Ахру-РК VII.* С. 46).

Балдахал — В тексте-источнике — Балдам-пахал. Ремизов трансформировал это имя, убрав три средние буквы, отчего в нем отчетливо зазвучали как прославленный Пушкиным персонаж русских сказок Балда, так и слово «нахал», емко характеризующее темперамент героя. Балдам-пахал — реальное историческое лицо, которому приписываются некоторые буддийские сочинения. По версии текста-источника, он родился из яйца от ведьмы, воспитавшей его без участия каких-либо чудесных помощников. Когда мальчик подрос, он стал «великим книжником, все знающим и очень сведущим в еретических учениях» (с. 074), после чего мать отвела его в монастырь Наландрахит для состязания на религиозные темы. Впоследствии, «приняв веру», он «составил великое сочинение» взамен «изгаженных книг» и «сделался великим книжником-ученым» (с. 077).

С. 123. *Пустынь* — небольшой монастырь, возникший в пустынной, незаселенной местности.

Шахлатый — косматый, зд.: иронично-иносказательное обозначение монаха.

С. 123. *...у южных — Василиан ~ у западных — Мелетий.* — Описание монастыря полностью повторяет текст-источник, однако у ворот там стоят безымянные «великие книжники».

С. 124. *...Мурину от блуда — Вонифатию от пьянства — Антипе от зуба.* — Подразумеваются специальные молитвы от блуда, пьянства и зубной боли. Священномученику Антипе Пергамскому (память 11 апреля), «зубному исцелителю», молились о прекращении зубной боли. Мученику Вонифатию Тарсийскому (память 19 декабря) — от пьянства. Преподобный Моисей Мурин (память 28 августа) — покаявшийся убийца и разбойник — помощник в трезвости и целомудрии. Ему молятся для преодоления страсти пьянства и блуда. Моисей был родом эфиоп, поэтому получил прозвище Мурин, т. е. черный. Ирония заключается в том, что нарицательное мурин также обозначает беса и именно в этом значении обычно употребляется Ремизовым. См., например, рассказ «Судия» (с. 78 наст. изд.).

Замутиться — зд. в значении: лишиться чистоты веры; впасть в несогласие, ссоры, раздоры.

Келейник — послушник или монах, прислуживающий монашествующему лицу. В данном случае Митрофан находится в послушании у старца, пребывая с ним на горе в бдении (т. е. в духовном созерцании), так же как в тексте-источнике Арьяндива является учеником ламы, который, взойдя на гору, углубился в книги.

Ушки — пельмени.

С. 125. *Ревнуя о вере* — защищая веру. *Ревновать* — зд.: заботиться, защищать.

Пря — спор.

...достал кувшин, напихал ~ всякой дряни, да и полощет... — В тексте-источнике символический смысл этого жеста еще более акцентирован. Арьяндива говорит Балдам-пахалу: «А когда ты омываешься снаружи, то как же очистятся внутренние твои скверны?» (с. 076).

С. 126. *...и вдруг поднялся над землею и понесся.* — В комментарии к тексту-источнику Руднев дает мотивировку этого полета со слов А. Доржиева: Балдам-пахал полетел для того, чтобы получить помощь от своего покровителя (с. 0114).

С. 127. *...в некое новое лето...* — Ср. в тексте-источнике: «в будущие времена» (с. 077).

С. 127. *...книги, загаженные им в заточении...* — Отсылка к тексту-источнику: в заточении Балдам-пахал «испражнялся и мочился» на священные книги (с. 076).

Трудник — человек, живущий и работающий в монастыре на добровольной и бескорыстной основе, но не принадлежащий к братии.

Камушек

Впервые опубликовано: Петроградская газета. 1915. 4 дек. № 333. С. 5, под загл. «Прекрасная девица Варвара Великомученица».

Прижизненные издания: Среди мурья: Рассказы. М.: Северные дни, 1917. С. 121—125; Сегодня. 1922. 24 дек. № 291. С. 5, в цикле «Святки» вместе с притчей «Властелин»; Путь. 1926. № 2. С. 83—85, в цикле «Из книги “Плетешок”: Русские повести».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 50—51.

Текст-источник: «Поверье о том, как явилась икона Варвары Великомученицы в дер. Мериньчах, в верховье реки Ояти, Олонецкой губ., рассказала старуха Анна из дер. Подворья. Мне сообщила М. Мартьянова, за что и благодарю» (*Ремизов А. М.* Среди мурья: Рассказы. М.: Северные дни, 1917. С. 230).

Венец

Впервые опубликовано: Речь. 1913. 25 дек. № 353. С. 4—5, под загл. «Украш-венец».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 114—116, под загл. «Украш-венец», в цикле «Свет неприкосновенный»; Воля России. 1922. № 3 (31). С. 8—10, в цикле «Русские повести»; *Плевицкая Н.* Дежкин Карагод / Вступл. А. Ремизова. Берлин, 1925. С. 7—10, в качестве предисловия; Путь. 1926. № 2. С. 85—87, в цикле «Из книги “Плетешок”: Русские повести».

Авторизованный текст: *НР РЛ II*. Л. 51—52.

Текст-источник: Лужицкая сказка, пересказанная в предисловии Ф. И. Буслаева к «Русским народным песням, собранным П. И. Якушкиным» // *ЛРЛД*. Кн. 2. С. 99.

С. 130. *Ночное зарево от печей и труб ~ снежной Невой.* — Автор переносит действие сказки на рабочую окраину Петербурга.

С. 131. *Христос рождается — Христос на земле!* — Ср. ирмос канона Рождеству Христову: «Христос раждается, славите: Христос с небес, срящите: Христос на земли, возноситеся. Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися».

С. 132. *...те молением меня молили и клятвами заклинали ~ неувядаем, виден всем.* — В «Весеннем порошье» финал сказки имел противоположный смысл, ср.: «О, Петре, мой верный апостол, те молением меня молили и клятвами заклинали, но их черствое сердце было от меня далеко и мой свет не осиял их сердца, и дело их грубно и хвала их негодна Богу и людям постыла, а у этих — веселье от сердца, и песни их святы и слова их чисты — сердце их чисто, и я вошел к ним в их дом, и вот венец на мне, его я сплел из слов и песен неувядаем — видеть всем и созирать!» (*Весеннее порошье.* С. 116).

Прокопий праведный

Впервые опубликовано: Отечество. 1915. № 1. С. 12—13, с посвящением Н. К. Рериху.

Прижизненные издания: *Рёрих.* Пг.: Свободное искусство, 1916. С. 97—102, в цикле «Жерлица дружинная»; *Трава-мурава.* С. 46—50, под загл. «Милый братец»; Звенигород окликанный: Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924. С. 152—155, в цикле «Жерлица дружинная»; Возрождение. 1955. № 40. С. 42—44.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 52 об.—54.

Источники: цикл картин Н. К. Рериха, посвященных св. Прокопию Устюжскому: «Прокопий Праведный отводит тучу от Устюга Великого». Рисунок 1913 г., опубл.: *Рёрих.* С. 133; «Прокопий Праведный отводит тучу от Устюга Великого». Темп. 1914 г., опубл.: *Рёрих.* С. 134; «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится». Темп. 1914 г., опубл.: *Рёрих.* Табл. XXIII между с. 144—145; *Иеромонах Алексий (Кузнецов).* Юродство и столпничество. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1913.

Основой ремизовской легенды о Прокопии праведном послужил текст «Жития Прокопия Устюжского», изданный Обществом Любителей Древней Письменности (ОЛДП. СПб., 1893. Вып. 103), переработанный согласно авторскому замыслу: некоторые эпизоды жития исключены, другие переставлены, композиция стала кольцевой. В результате возникло лиро-эпическое произведение, по своему характеру близкое к стихотворным опытам писателя. Другим важным источником легенды стал цикл живописных и графических работ Рериха, посвященный блаженному: рисунок «Прокопий Праведный отводит тучу от Устюга Великого» (1913), одноименная картина темперой, и картина «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится» (обе — 1914). Написанная в 1914 г., в начале следующего года легенда впервые появилась в ж. «Отечество» с посвящением Николаю Рериху.

В монографии «Рёрих» легенда была включена в «Жерлицу дружинную» и наряду с другими произведениями этого цикла послужила своеобразной литературной «иллюстрацией» к художественным работам Николая Рериха, опубликованным в том же издании. Позднее, под заглавием «Милый братец», она вошла в сборник *Трава мурава.*

В неопубликованных при жизни комментариях к этому сборнику Ремизов писал о легенде: «Прокопий, Христа ради юродивый Устюжский † 1303 г. Из Старграда “от немец” пришел. Новгород к Софии Премудрости, а из Новгорода в Гледень (в Великий Устюг). В 1290 г. отвратил от города каменную тучу, молясь перед образом Божией Матери — Благовещением. Этот образ царь Иван в 1567 г. взял из Устюга на Москву в Московский Большой Успенский собор, где и теперь он

находится: как войдешь в главные двери, смотри от царских врат направо — первый будет Спаситель Цареградский (взят на Москву Иоанном III в 1476 г. от Софии Новогородской), за Спасителем — Успение, св. Петр митрополит писал, а за Успением — Благовещение Устюжское. Вот это и есть та самая икона» (ранее: Собрание Резниковых (Париж), ныне: ГЛМ).

С. 132. *...во святой Соловец остров.* — Соловецкие острова, на которых расположен Соловецкий монастырь, основанный преп. Зосимой и Савватием в XV в.

...ко святой Софии Премудрости Божией. — Софийский собор в Новгороде, построенный в 1052 г.

На Сокольей горе... — ныне Иванова гора в Великом Устюге.

...на бугрине... — на холме.

Прокопий блаженный — святой праведный устюжский чудотворец, Христа ради юродивый (память 8 июля), умер в 1290 или 1303 г. Первоначально был купцом, родом немец или варяг, прибыл из западных стран в Новгород. Принял крещение в Хутынском монастыре под Новгородом, раздал имущество нищим, часть отдал в монастырь, а сам ушел в Великий Устюг. Там он подвизался в качестве «юродивого во Христе». Блаженный Прокопий обличал грехи горожан и призывал к покаянию, в ответ получая только насмешки и побои. Несмотря на это, он продолжал молиться за город. В 1290 г. своими молитвами отвратил от Устюга «каменную» тучу. Умер святой Прокопий 8 июля на мосту около церкви Св. Михаила Архангела. При кончине его произошло чудо: тело святого оказалось засыпано снегом. Имя святого связывается с храмом Успения Пресвятой Богородицы и находившейся в нем чудотворной иконой Устюжской Божией Матери, на которой сохранилась надпись о чуде избавления Устюга по молитвам святого Прокопия.

Поплынь — плавание.

...по опутинам... — по дорогам.

Гледень — зд.: Великий Устюг. Гледен, или Гледень, — древний чудский город при слиянии рек Сухоны и Юга; разрушен в XV в. в результате междоусобной войны галицких князей; имя города сохранилось в названии высокого мыса, на котором он располагался, и в названии Троице-Гледенского монастыря (осн. в XII в.). В четырех километрах от Гледена на левом берегу Сухона в кон. XII — нач. XIII в. был основан Великий Устюг.

С. 132. *...от старца Варлаама* — от Варлаама Прокшинича (?—1243), игумена Спасо-Хутынского монастыря под Новгородом. В Четиях-Минеях ошибочно указывается, что обряд крещения совершил преподобный Варлаам Хутынский, умерший в 1192 г.

С. 133. *Похаб* — юродивый, дурень.

Честнейшая, не пожелавшая в раю быть ~ пожелавшая вольно мучиться с грешными... — Авторская цитата из ремизовского апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» (с. 64 наст. изд.).

...папертный угол в доме Пресвятой Богородицы. — Паперть в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Великом Устюге.

С. 134. *...раскаленные красные камни плыли по черному небу...* — метеорит, упавший 25 июня 1290 г. у деревни Котовалово примерно в 20 верстах к северо-западу от города Великий Устюг из «каменной тучи», чему свидетелями были местные священники. Событие было описано в «Житии Прокопия Праведного». Предполагается, что это был метеоритный дождь. Неоднократно предпринимались попытки поиска его следов, не приведшие, однако, к каким-либо находкам небесных тел.

...перед образом Благовещениг... — Чудотворная икона Пресвятой Богородицы Устюжской, по преданию, молитвами святого Прокопия спасла Великий Устюг от града.

Студеное море — Белое море.

...в церковь к Михайле-архангелу. — Собор Михаила Архангела в монастыре Пресвятой Богородицы Честного и Славного Ее Введения в Великом Устюге.

С. 135. *В летней ночи закуделила крещенская метель...* — Смерть Прокопия была ознаменована чудесным явлением зимней метели среди лета.

Сухона — река в Вологодской обл. России. Сливаясь с р. Юг, образует Северную Двину.

Двина — Северная Двина, река на севере европейской части России.

От патерика

Обоюдный

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 43.

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 188; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, под загл. «Purus amor», в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, под загл. «Purus amor», в цикле «Плетешок»; *НРС.* 1955. 3 апр. № 15681. С. 2, в цикле «Чертог твой (из книги “Полевые цветы”)».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 55. Печ. текст, заглавие — автограф.

Текст-источник: Слово о некоем блуднице, иже милостыню творя, а блуда не остася // Пролог. 12 августа; О человеце, иже милостию и блуд творя // Хронограф редакции 1512 г. СПб.: Изд. Имп. Археографической комиссии, 1911. Т. 22. Гл. 155. С. 318

В тексте-источнике рассказывается о некоем богатом человеке, который, с одной стороны, «миловал нищих», но с другой — «творил грех любодейственный». Поэтому после внезапной смерти он оказался между раем и адом, за свое милосердие он лишен ада, за любострастие — рая. Ремизов превращает повествование в лирический монолог от первого лица.

Покровенный грех

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 48, под загл. «Покровенный грех: От пролога».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 200—201, под загл. «Покровенный грех: От пролога»; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, в цикле «Плетешок».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 56.

Текст-источник: «Слово о еже не осуждати, но миловати согрешающие» / *Пролог.* Сентябрь-ноябрь. 9 сентября. Л. 20—20 об.

С. 136. *Исшмыргали* — исцарапали, от шмургать — царапать тело.

Испытание

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 49—50, под загл. «Испытание: Рече авва Иоанн Колов».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 203—204, под загл. «Испытание: Рече авва Иоанн Колов»; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, в цикле «Плетешок».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 57.

Тексты-источники: выписки из патерика в рукописном сборнике // РНБ. Ѳ I А 36. Л. 107 об.; Авва Иоанн Колов. Слово 8 // Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб., 1891. С. 262.

С. 137. *Василиски* — мифические сверхъестественные существа, символизирующие инфернальный мир. Название производно от греческого «базиликос», король змей. Василиск изображался в виде дракона, но с головой и лапами петуха. Он вылупляется из яйца, снесенного петухом или жабой, в виде змеи. Наряду с аспидом, львом и драконом василиск считался одним из воплощений дьявола.

С. 137. *Скорпия* — скорпион, ядовитое членистоногое животное, обитающее в тропиках и субтропиках.

Покаяние
(«В одном монастыре одна из самых верных сестер...»)

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 19 авг. № 246. С. 2, под загл. «Покаяние: Поведал старец».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 136, в цикле «Свет невечерний»; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, в цикле «Плетешок»; Возрождение. 1955. № 41. С. 23.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 58.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 303-е // *Срезневский-III.* LXXXII. С. 81—82.

Невера

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 52—53, под загл. «Невера: От пролога».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 210—211, под загл. «Невера: От лимониса»; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, в цикле «Плетешок»; Возрождение. 1955. № 41. С. 23—26.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 59.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 3-е // *Срезневский-III.* LXXXII. С. 54.

С. 138. *...попадал на глаза старцу.* — В тексте-источнике монаху являлся святой Иоанн Креститель.

Покаяние
(«Один престарелый епископ, о котором шла молва...»)

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 47—48, под загл. «Покаяние: От пролога».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 198—199, под загл. «Покаяние: От пролога»; *Цепь золотая.* С. 7—8; *НРС.* 1955. 3 апр. № 15681. С. 2, 7, в цикле «Чертог твой (из книги “Полевые цветы”)».

Автограф: *НР РЛ II.* Л. 60.

Текст-источник: Слово о покаянии // *Пролог.* Сентябрь-ноябрь. 5 сентября. Л. 9.

Постник

Впервые опубликовано: *Бисер Малый.* С. 56, под загл. «Иаков Постник: От пролога».

Прижизненные издания: *Подорожие.* С. 217—218, под загл. «Иаков Постник: От пролога»; *Цепь золотая.* С. 10—11; Возрождение. 1955. № 41. С. 26.

Автограф: *НР РЛ II.* Л. 61—62.

Тексты-источники: Память преподобного отца нашего Иякова // *Пролог.* Сентябрь-ноябрь. 10 октября. Л. 84.

С. 140. *...квартиры-то менять это только на любителя!* — Ироническая ремарка Ремизова, которому приходилось неоднократно переезжать с квартиры на квартиру как в России, так и в эмиграции, что нашло отражение в его произведениях. См. об этом: «Среди мурья и неурядицы», глава «На птичьих правах» (*Оказион-РК* III. С. 305), «Учитель музыки», глава «Индустриальная подкова» (*Учитель музыки-РК* IX. С. 113).

...дочь разжившегося нэпмана. — Нэпманы — разговорное название предпринимателей в Советской России и СССР в период НЭПа (новой экономической политики), проводившейся в 1920-е гг. в Советской России. Была принята 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б), сменив политику «военного коммунизма», проводившуюся в ходе Гражданской войны и приведшую Россию к экономическому упадку. Новая экономическая политика имела целью введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, с восстановлением народного хозяйства.

Блюдущий

Впервые опубликовано: Русская молва. 1913. 19 авг. С. 2, под загл. «Блюдущий: Поведал авва Полихроний».

Прижизненные издания: *Весеннее порошье.* С. 134, в цикле «Свет невечерний»; Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4, в цикле «Плетешок»; Звено. 1925. 7 дек. № 149, в цикле «Плетешок»; *НРС.* 1955. 3 апр. № 15681. С. 7, в цикле «Чертог твой (из книги «Полевые цветы)».

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 63.

Текст-источник: Синайский патерик. Слово 18-е // *Срезневский-III.* LXXXII. С. 58.

Воскресения день

Впервые опубликовано: Русь. 1908. 13 апр. № 103. С. 2, под загл. «Светло Христово Воскресенье».

Прижизненные издания: *Шиповник.* Т. 7. С. 137—140, под загл. «Светло-Христово Воскресение», в цикле «Лимонарь: Луг духовный»; Дело народа. 1918. 4 мая. № 35. С. 5; Перезвоны. 1927. № 31. С. 966; Новый путь. 1944. № 6 (50). 10 апр. С. 3; *НРС.* 1955. 11 апр. № 15695. С. 2.

Авторизованный текст: *НР РЛ II.* Л. 64.

С. 141. *Поморье* — историческое название обширной территории на севере Европейской России. Поморский берег — южный берег Белого моря от Онеги до Кеми. Более широко Поморье понимается как все беломорское побережье с прилегающими районами.

С. 141. *Сурож* — древнерусское название города Судак на Крымском полуострове.

...из-за огненной реки... — В древнерусских апокрифических текстах огненная река изображается как место адских мучений («Книга Еноха», «Хождение Богородицы по мукам», «Видение апостола Павла»).

С. 142. *Хоругви* — священные знамена церкви, с изображением Иисуса Христа, Богоматери, особо чтимых святых и праздников. По одному из толкований православных богословов хоругвь рассматривается как символ победы над смертью и дьяволом. Хоругвь состоит из креста, поднятого на высокое древко и украшенного священными изображениями, или из иконы, писанной на полотне, дереве или металлической доске, украшенной бахромой и кистями и поднятой на высокое древко. Находятся обычно возле правого и левого клиросов и выносятся на крестных ходах.

Запрестольная икона — икона на длинной деревянной рукоятке, которая располагается на восточной стороне алтаря за престолом и на которой изображен Иисус Христос, Богоматерь, или святой, которому посвящен храм. Во время крестного хода запрестольные иконы выносят из алтаря и несут впереди шествия. В обычное время стоят у восточной стены алтаря за престолом.

Трехдневное — Воскресение — трехдневное пребывание Христа во гробе и последующее воскресение. Прообразом трехдневного воскресения Христова служило трехдневное пребывание пророка Ионы во чреве кита. На это указывает сам Иисус Христос: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф 12: 40). Иисус Христос пророчествовал ученикам о своей будущей смерти, страданиях и воскресении, но апостолы не понимали смысла сказанного.

III. СВИТОК

Свиток — буквально: длинный узкий лист бумаги (папируса, пергамента), сматываемый в рулон; старинная рукопись, свернутая в трубку. В переносном смысле означает развивающуюся цепь событий, мыслей, воспоминаний и т. п.

Название третьей части *РЛ*, возможно, связано с апокрифическим сказанием о миротворении «Свиток божественных книг». Ср. также в «Откровении Иоанна Богослова»: «И небо скрылось, свившись как свиток...» (Откр 6: 14); ср. также: «...небо совьется аки свиток» (*Св. Ефрем Сирин.* Слово на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа; Ис 34: 4).

Наборная рукопись Третьей части *РЛ* (*НР РЛ-Ч III*) хранится в ГЛМ: Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176 (см. о ней выше в преамбуле к *РЛ*, с. 528 наст.

изд.). На л. 66 содержится оглавление части: «Гнев Ильи Пророка / Пляс Иродиады / Сисиниева молитва / Поясок / С того света».

Первая легенда «Свитка», «Гнев Ильи Пророка», представляет собой беловой автограф с правкой (в основном — это густо зачеркнутые или сверху вписанные слова). «Пляс Иродиады» — беловой автограф с незначительной правкой. Текст легенды по своему строфическому оформлению и пунктуации значительно отличается от текста последней публикации 1922 г. «Сисиниева молитва» — беловой автограф. «Поясок» и «С того света» — газетные вырезки с авторской правкой от руки.

Гнев Ильи Пророка

Впервые опубликовано: *Лимонарь 1907*. С. 33—62, под загл. «Гнев Илии Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его», с посвящением М. А. Кузмину.

Прижизненные издания: *Шиповник 7*. С. 47—61, с посвящением М. А. Кузмину, дата под текстом: «1906 г.»; *Сирин 7*. С. 47—61, с посвящением М. А. Кузмину, дата под текстом: «1906 г.».

Рукописные источники и авторизованные тексты: «Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его. Сказка». — Беловой автограф. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 8; Черновой автограф. «22 октября 1923» // Amherst. Box. 13. F. 1; Печ. текст — авторизованная машинопись, <1920-е гг.> // Amherst. Box. 13. F. 1; Беловой автограф с правкой. <1931>. — *НР РЛ-Ч III* // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 5—29.

Тексты-источники: *Веселовский. Разыскания*: VI («Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын»); VII («Румынские, славянские и греческие коляды»); VIII («Илья — Илий (Гелиос)?»).

Печатается по верхнему слою правки текста *НР РЛ-Ч III*.

В примеч. к *Лимонарь 1907* Ремизов указал: «Повесть делится на три части. Главная часть повести — злоключения Иуды и неистовство Ильино отделяется от вступления с описанием загробных путей и адова чрева припевом заплачки: “Земля! Ты будь мне матерью. Не торопись обратить меня в прах!” Таким же припевом завершается мука мученская заключения повести. Повесть покаянная и поучительная» (с. 125).

В рец. на *Лимонарь 1907* В. Малахиева-Мирович писала об этом апокрифе: «В “Гневе Ильи пророка” рядом с драмою на небесах и в аду из-за того, что Иуда украл у задремавшего апостола Петра ключи и перенес в ад все сокровища рая, — развивается земная драма беспомощности и гибели человека перед грозными силами стихий» (*РМ*. 1908. Кн. 1. Библиографический отдел. С. 5).

С. 143. *...пропастна́я глубина, / высота поднебесная.* — Ср. сходные образы в былине «[Про] Соловья Будимеровича»: «Высота ли, высота поднебесная, / Глубота, глубота акиян-море...» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958. С. 9).

С. 143—144. *Но труднее и самого трудного тесный, усеянный колючим терием, / «путь осуждения» / в пагубу. ~ И печальна другая — в темных цветах — «без возвращения».* — Ремизов в примеч. к *Лимонарь 1907* указал: «Расположение путей загробного мира разнообразно представлено в румынских заплачках, которыми пользовался автор. См. также “Хождение Зосимы и Агапия к Рахманам” (Памятн<ики> отреч<енной> рус<ской> литер<атуры> Н. С. Тихонравова). Ф. И. Буслаев: Исторические очерки народной словесности и искусства. А. Н. Афанасьев: Поэтические воззрения славян на природу» (с. 125—126). Ср. у А. Н. Веселовского в румынских заплачках: «...пути спасения и пути осуждения разделяются лишь за областью семи мытарств, за вербой, откуда в одну сторону дорога идет по полям, усеянным терием, в другую по цветущим равнинам... <...> есть две дорожки, одна вся в цветах темных и печальных, другая в цветах василька, словно огненный поток» (*Веселовский. Разыскания* VII. С. 33).

С. 143. *...лающей выдрой...* — «Семья лающей выдры, подстерегающей людей», упомянута у А. Н. Веселовского (*Веселовский. Разыскания VI.* С. 25).

С. 143—144. *...с книгой Богородица ~ опечаленным душам.* — Ср. в тексте-источнике: «Склоненная пречистым ликом над книгой живота и смерти опочивала утомленная Богородица... <...> у яблони св. Петра Богородица указывает странствующим душам “дороги”, и она же представляется еще в другом образе: записывающею в книгу живых и мертвых, т. е. спасенных и осужденных, “указывая им судьбу”, т. е., вероятно, пути спасения или осуждения, по которым им предстоит идти» (Там же. С. 28—29, 33).

С. 145. *Земля! / Ты будь мне матерью, / не торопись / обратить меня в прах!* — Ср.: «Земля, земля! Отныне будь мне матерью, не торопись обратить меня в прах!» (Там же. С. 31).

С. 146. *...жевал ржавую / «христопродавку», ~ проклятой прострел-травы.* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Трава-христопродавка (Aconitum Lycoctonum) с разрезными листьями. В Вологодской губ. рассказывают, будто, когда жиды ловили Христа, хотел Христос спрятаться под христопродавкой, но не сумела трава хорошо укрыть Христа, — заметили Его жиды, схватили ножи и копья да ну пырять и колоть в траву. Христа, конечно, не подцепили, а траву испортили: пощипали все листья, порезали. Так с той поры и растет такой. Покарал Господь: не сумела она хорошо укрыть Христа. В Сибири то же рассказывают. Толь-

ко там не христопродавка, а трава-прострел. Прокляла ее Богородица. См. Потанин: Очерки северо-запад<ной> Монголии. Событие приурочивается и к избиению младенцев, и к страстям Господним» (с. 126).

И опять некóшные... — *Некóшный* — бес, демон, нечистая сила.

С. 148. *Забрал Иуда: / солнце, / месяц, ~ И наступила в раю такая тьма...* — Ср.: «В одной румынской колядке Июда прокрадывается в рай и, пользуясь сном св. Петра, крадет райские ключи, похитил месяц, солнце и утреннюю зарю, престол Господа, купель Сына, траву босилька и райские цветы, крест и миро — и все это принес в ад, который приукрасился, тогда как в небе настала ночь» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 264). *Босилёк* — базилик.

С. 149. *Хиль* — немощь, хворь.

Огнéвик — фурункул, чирей.

Кила — опухоль при грыже.

Вéред — нарыв с нагноением.

С. 151. *Спрашивает Господь: / «Кто возьмется из вас, преподобных, / принести мне похищенное?» ~ Лишь один вызывается / Илья Пророк. ~ «Дай мне, Господи, гром Твой и молнию...~ «Молод ты и не силен, — говорит Господь, — / не по тебе такое оружие!»* — Ср.: «Кто возьмется принести обратно похищенное? — спрашивает Господь, а святые молчат, всем страшен Июда; вызывается один Илья, просит дать ему гром и молнию. Молод ты и не силен, говорит Господь, не по тебе это оружие» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 264)

С. 151—152. *«Господи, я от моря поднял облако, ~ идола аккаронского.* — Близкий к тексту пересказ фрагмента из исследования А. Н. Веселовского (*Веселовский. Разыскания VIII.* С. 309—310).

Я на горе Кармил перед лицом ~ и четырехсот дубровных гордой Иезавели... — Ср. в Библии: «И сказал Илия: <...> собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели» (3 Цар 18: 18—19).

С. 152. *...и огонь пожрал всесожжение — ~ и поглотил воду во рву.* — Ср. в Библии: «И ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве» (3 Цар 18: 38).

...и не в ветре, не в землетрясении, не в огне, / но в веянии тихого ветра я услышал Тебя? — Библейские образы; ср.: «...не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. / После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра» (3 Цар 19: 11—12).

С. 153. *Громом стучат колеса: ~ бороздит колесница.* — Ср.: «...не забыт и образ колесницы: гром — стук от колесницы, в которой едут Илья или архангел Гавриил» (*Веселовский. Разыскания VIII.* С. 327).

С. 153. *...скользят, колют копья, / колотит каменная палка.* — Ср.: «Орудием громовника является огненная палка, чаще громовые каменные стрелы» (Там же).

И корчится небо от огней — как корчится в огне береста. — Ср.: «Твердь, как береста, свертится...» (Там же. С. 338).

С. 154. *И души цыган не успевают мастерить из снега / зернистый град...* — Ср.: «В Болгарии рассказывают, что Илья заставляет умерших цыган делать град из снегу и пускает его летом на поля грешников...» (Там же. С. 326).

Падают черти на землю — / прячутся в гадов, в змеев... — Ср.: «Молнию русский народ считает за стрелу, кидаемую Богом или Ильей в змея или дьявола, который старается укрыться от нее в разных животных и гадах. В галицком сказании о сотворении мира Илья низвергает громом и молнией чертей на землю...» (Там же. С. 327).

...под шляпки яру́ек. — *Яруйки* — чертовы, ядовитые грибы.

С. 156. *...унимаешь руду-кровь...* — *Руда* (диал., устар.) — буквально: красная; употреблялось в значении «кровь». Ср.: «Появление Ильи в русских заговорах от руды мотивировано библейскими воспоминаниями: он иссушил реки, источники, пусть уймет и кровь» (Там же. С. 311—312).

...две белые лани из леса — / падают мертвые. — Ср. у А. Н. Веселовского в другом контексте: «В Вологде существует <...> предание: две белые лани перестали являться <на заклание при жертвоприношении. — *В. Б.*> за великие людские неправды...» (Там же. С. 348). *Лань* — олень.

С. 157. *...напуски...* — нападки, брань, наветы.

Призор — надзор, присмотр, пригляд.

...ужинистой ржи! — То есть обильной, богатой.

С. 158. *Шаршавый пастушонка Елька...* — *Шаршавый* — то же, что шершавый, шероховатый. Зд., возможно, в значении: ершистый.

С. 159—160. *Порешил Всемогущий: ~ десницу его онего́дить / и навек не открывать день памяти его...* — Ср.: «...гром и молния в руках Ильи; <...> кабы он знал, когда бывает ему празднование, <...> свет погиб бы от его грозовых ударов; оттого Господь скрывает от святого день, в который приходится его память» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 264; см. также: *Разыскания VIII.* С. 325). *Десница* — правая рука. *Оне́годить* — то есть сделать негодной, обезвредить.

С. 160. *...в геенне / серебряный столб, / в столбе золотое кольцо: / к золотому кольцу прикован / на цепи / Иуда.* — Ср. в румынской песне: «...Серебряный столб; / В столб вбито / Золотое кольцо, / К кольцу привязан / Карий конь...» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 277).

С. 160—161. *Зацепили за пуп / плясуна и волынщика, ~ над раскаленными каменными плитами...* — Ср.: «...в изображениях страшного

суда по русским подлинникам плясуны являются повешенными за пуп, как в духовных стихах, создавшихся под впечатлением тех же идей, "плясуны и волынщики" осуждены на повешенье над каменными плитами и на гвоздье железное...» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 197). Ср. также об одном из наказаний в народном стихе «Воскреснет Бог и вознесется рука его»: «...повешенье за хребты над каменными плитами и на гвоздье железное — плясунам и волынщикам...» (*Сахаров.* С. 243).

Пляс Иродиады

Впервые опубликовано: *Лимонарь 1907.* С. 5—25, под загл. «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь», с посвящением В. В. Перемиловскому.

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 23—34, под загл. «О безумии Иродиадином», дата: «1906 г.»; *Сирин 7.* С. 23—34, под загл. «О безумии Иродиадином», дата: «1906 г.»; *Ремизов А.* Пляс Иродиады / Рис. и шрифт Н. Исцеленова. Берлин: Trirema, 1922.

Рукописные источники и авторизованные тексты: «О безумии Иродиадином. Сказка». — Беловой автограф. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 17; Беловой автограф в *НР РЛ-Ч III.* <1931> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 30—53.

Тексты-источники: *Веселовский. Разыскания VII* («Румынские, славянские и греческие коляды»), *XVI* («Легенды об Ироде и Иродиаде и их славянские отражения»).

Печатается по тексту *НР РЛ-Ч III.*

В «Примечаниях» к *Шиповник 7* Ремизов указал: «Главным и самым важным источником были для меня *Разыскания в области русского духовного стиха* Акад<емика> А. Н. Веселовского. СПб., 1883 г. Приложение к 45-му тому Записок Имп. Академии Наук, VI—X» (с. 193). Несомненно, в частности, что писатель использовал одно из старинных каталонских преданий, которое привел А. Н. Веселовский: «...будто бы дочь Ирода любила св. Иоанна, отказываясь от всякого другого брака; когда разгневанный этим отец велел усечь святого и опечаленная девушка хотела поцеловать его голову, которую несли на блюде, голова отшатнулась от поцелуя, и от ее дуновения Иродиада понеслась по воздуху. Там она носится и теперь, лишь отдыхая на дубах и орешинах от полуночи до первых петухов» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 222).

В «Примечаниях» к *Лимонарь 1907* Ремизов так определил сюжет, композицию легенды и ее главных персонажей: «Повесть состоит из рождественской колядки и вертепа: Пляс Иродиады. <...> Начинается она колядкой про Рождество Христово, поклонение волхвов, избиение

младенцев. Хор подхватывает колядским припевом: “Белые цветы”. Затем открывается вертеп. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродиада пляшет. Занавес опускается. Снова выступают колядовщики: рассказывается об усекновении головы Ивана Крестителя. Хор подхватывает колядским припевом: “Белые цветы!” Занавес подымается: несут голову Ивана Крестителя. Ряженые музыканты берутся за музыку. Иродиада выкалывает Ивану Крестителю глаза и намеревается поцеловать голову. Голова оживает. Всё рушится. Музыка играет. Вертепщик рассказывает злополучный исход повести Иродиадиной. <...> Действующие лица: Царь Ирод и дочь его Иродиада. Царь Ирод козар (жид, жидовин). Он живет на черной горе в белых теремах. Ирод — один, другого никакого Ирода не было: он и младенцев перебил, он и голову Ивану Крестителю посек, его живьем и черви съели. Иродиада не дочь Аристовула, сына Ирода Великого, не племянница Ирода Антипы, а родная дочь царя Ирода. Про Саломию ничего не говорится, апокриф такой не знает. Пьют и едят в Иродовом дворце по-русскому. Обычаи в корне “русские”; не русские — западные вводятся для выделения Иродовой поганости — чужеземства: присутствие, напр<имер>, византийских удонош (фаллофоры), немецких “мартынов” и т. д. <...> Сказание об обращении Иродиады в вихорь послужило основанием других сказаний о дочерях Иродовых — трясавицах» (с. 109—113).

На экземпляре книги 1922 г. Ремизов сделал дарственную надпись своей жене: «Иродиада — бело-алая писалась на Кавалергардской. Первый раз читал у С. К. Маковского, в нее много вложено “науки” — книг от востока и до запада» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С. 23).

В книге «Петербургский буерак» Ремизов представил себя как бы действующим лицом трагедии: «Я в толпе скоморохов на пиру у Ирода музыкой разжигал “Иродиаду” и бесновался в ее лебедином взлете» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 411).

В. Малахиева-Мирович так охарактеризовала легенду в отзыве на *Лимонарь 1907*: «В движущихся картинах апокрифа выдержан тот наивный, ярко контрастный в своих красках, выпукло-определенный в контурах стиль древней церковной живописи, которая примитивными средствами умела достигать такого впечатления и реальности, и глубокой религиозной настроенности» (*РМ*. 1908. Кн. 1. Библиографический отдел. С. 5).

Рецензент ж. «Новая русская книга» писал о произведении в издании 1922 г.: «Только одному Ремизову присуща странная и страшная способность заманить читателя 20 века в самую темь русского средневековья, столкнуть на дно Первобытного, замотать в неисходном тупике между молитвой и блудом, а самому отойти с усмешечкой. С Лысой Горы спуститься в благоуханные святые долы к яслям Непо-

рочной. <...> Пляс Иродиады как раз одно из произведений Ремизова, идущих от апокрифов темной веры, густо насыщенных эросом. <...> Тут и "Ирод Казар", и "Белая тополь — белая лебедь, красная панна" — Иродиада, и опять снова нечисть — "злая ведьма" и "другие червячи". Как такая пестрота укладывается в стройный и вычеканенный монолит сказания — в том тайна ремизовского творчества. / Внешность книги привлекает внимание прекрасной бумагой и необычным способом печатания: и текст, и рисунки исполнены литографским способом — ни буквы типографского набора» (*Н. П.* [*Н. В. Пинегин*] // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 16).

С. 162. *Ударила крыльями / белогрудая райская птица: ~ понесли весть...* — В. Малахиева-Мирович в рец. на *Лимонарь 1907* особо отметила этот зачин легенды: «Первый апокриф "О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихрь", вводит нас в книжку сильным аккордом, сразу и музыкальным, и красочным <...> И этот внутренний музыкальный ритм, сопровождаемый тонко соответствующей ему красотой словесного созвучия и красочного сплетения образов, до конца ни разу не покидает автора» (*РМ.* 1908. Кн. 1. С. 5). Примеч. в *Лимонарь 1907*: «"Белогрудая птица" — символ Богородицы» (с. 113).

...во все семьдесят и две страны... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «"Семьдесят две страны" — символическое число стран земли. <...> Тоже упоминается и в "Беседе трех Святителей": "Колко островов великих? — Семьдесят и две, а языков разных толко же, а рыб разных толко же, а птиц разных толко же, а дерев разных толко же"... и т. д.» (с. 113—114).

...свя-атый ве-ечер! / «Ой, коляда, коляда! — В *Лимонарь 1907* был другой припев: «Белые цветы!» Примеч. в *Шиповник 7*: «**Ой, Коляда, Коляда!** — колядский припев. Другие припевы: "Виноградье красно-зеленье мое"! "Святый вечер"! А. А. Потебня. *Объяснения малорусских и сродных народных песен.* Варшава, 1887. Колядка — рождественская величальная песня. В памяти народной сохранилось мало колядок, и теперь редко услышишь. Не один век старались изгонять эту "бесову прелесть". А вот и постарались — здравствуйте!» (с. 195).

С. 163. *...как вела их к вертепу... — Вертеп* (устар.) — пещера, укромное место. Зд. имеется в виду рождественский святой вертеп — пещера, в которой родился Иисус Христос.

Поднялись волхвы, ~ отошли иным путем / на гору Аравию в страну свою / персидскую. — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «В "Сказании Афродитиана о чуде в Персиде" рассказывается, как персидские волхвы ходили на поклонение; они не только поклонились Младенцу и принесли дары Ему, но умудрились сделать изображение Христа и Богородицы. Ими же записана на золотые листы история Рождества; листы хранятся в кумирнице. См.: П. Е. Щеголев: Очерки истории от-

реченной литературы. Сказание Афродитиана. СПб., 1899—1900. Изв<естия> Отдел<ения> Рус<ского> яз<ыка> и Словес<ности> Имп<ераторской> Акад<емии> Наук» (с. 114).

С. 164. *...медянúцей жалят сердце... — Медяница* — имеется в виду медянка, ядовитая змея.

...тутнет нагорное царство. — Тутнуть — гудеть, греметь.

С. 165. *...не погýлить... — Гулить* — издавать в младенчестве нечленораздельные звуки, ласкать.

С. 166. *...у седого Корочуна...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Древн<е>рус<ское> карачун, корочун, корочюн; малорус<ское> керечун; происходит от “крачити”, “крак” — шаг, нога. Олицетворение навечерия Рождества. <...> Когда пришло время рожать Богородице, никто не приютил Ее, один старик Корочун приютил Ее. За это румынская колядка отводит Корочуну (Кречуну) высокое место на том свете: старый купается вместе с Иваном Крестителем в реке Крещения Иордане <...> В великорусских говорах Корочун — злой дух, смерть, нечто враждебное Рождеству. См.: А. Ремизов: Посолонь. М., 1907. Изд. “Золотого руна”» (с. 114—115). О нем Ремизов написал в новелле «Корочун» (*Докука и балагурье-РК II*. С. 48—49). См. также: *Русалия-Росток XII*. С. 905—906.

Конь подъел под Ним сено... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «В хлеву у Корочуна водились кони. Проголодался ли конь или так дурковатый какой, озорства ли ради, только взял да и съел все сено в яслях под Младенцем. Вот почему на постную кутью в Рождественский сочельник сено, которым покрывают стол, не следует давать коням, волам же и быкам можно» (с. 115).

С. 167. *...жатвенный пир.* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Празднование январских Календ с 1—5 января завершалось в Византии жатвенным или готским пиром с воинственной пляской ряженых; по этому случаю в царском дворце давалось угощение народу» (с. 115—116).

С. 167. *...не сосчитать ликом...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «“Не счесть ликом” — не проверить наличность присутствующих» (с. 116).

Веселые люди, потешники... ~ глумцы... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «“Веселые люди” упоминаются вместе с скоморохами, попрошатаями, медведчиками и медвежьими поводчиками. <...> “Глумцы, игрецы” — бродячие потешники, музыканты...» (с. 116—117).

...и ловкá и верткá / березá-коза. — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «“Березá-Коза” — главный колядовщик. В Малороссии Козу делают из дерева, а туловище покрывают шубой; ее поддерживает скрытый под шубой человек. В Белоруссии Коза — парень в кожухе наизнанку, голова покрыта маской с приставленными коровьими рогами. <...> Коза сначала пляшет, потом упрямится» (с. 117).

...удоноши, зачерненные сажей... — «Удоноши» (русский вариант иностранного слова «фаллофоры») — участники старинных обрядов, принадлежностью костюмов которых был огромный, кожаный или деревянный, фалл. См. об этом: *Козьменко М. В.* Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова // Эрос: Россия: Серебряный век. М., 1992. С. 175—187. Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Пачкать лицо сажей восходит к Византийским обрядностям Дионисовских празднеств. Ифифаллы Диониса, вооруженные фиговыми либо кожаными фаллами, окрашивали себе лицо отстоем вина или покрывались личинами в отличие от фаллофоров (удонош), чернивших лицо сажей» (с. 118). Ср. также: «...византийские скоморохи чернят свои лица сажей, как древние фаллофоры, надевают звериные хари...» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 132).

...кони, ~ кобылы... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Конь — известная святочная маска: "бесовская кобылка" древних русских коляд» (Там же).

...турицы, ~ туры... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Рядиться Туром — быком распространенный обычай на колядских игрищах» (Там же).

С. 168. *...там пляшут со слепой рыжей сучкой...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Грамота царя Алексея Михайловича в Белгород к Батурлину 1648 г. нападает на тех, что "медведи водят и с собаками пляшут", запрещая впредь, чтобы они "медведей (не водили) и с сучками не плясали". Выдрессированные собачки были с давних пор в большом ходу у скоморохов. Рассказывают про одного итальянца по имени Андрея, у которого была рыжая слепая собака, понятливая и проворная на все руки: умела собака распознавать на монетах изображения императоров, угадывала без ошибки, какая из присутствующих женщин беременна, кто скуп или щедр или развратен и т. п. См.: Акад. А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883» (с. 118—119). Имеется в виду фрагмент исследования А. Н. Веселовского (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 172).

С. 168. *...разносят утыканные серебром яблоки...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «В ночь на 1 января в Византии ходили дети из дома в дом, поднося хозяину яблоки, утыканные серебряными монетами, за которые получали вдвойне» (с. 119). См. также: *Веселовский. Разыскания VII.* С. 102.

...кличут Плу́гу... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «В грамоте царя Алексея Михайловича к Шуйскому, воеводе Змеева, 1649 г. говорится: "в навечерие Рождества Христова и Васильева дни и Богоявления Господня клички бесовские кличут: Коледу и Таусен и Плугу". "Плуга" — олицетворение плуга. Хождение колядовщиков с плугом — распространенный обычай. Поются особые песни — плуговые» (с. 119—120).

С. 168. И *на сивой свинке выезжает сам У́сень / — овсеневые песни...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Жертвенный поросенок колется на новый год, на день св. Василия; Василий — покровитель свиней. Ряженье свиньей стоит со святочным жертвенным значением этого животного. <...> Рядиться свиньей надо так: спереди и сзади прикройся свиными шкурами, на голову надень свиную голову, да выбирай голову, чтобы зубы были побольше. Когда другие ряженые начнут пляску, свинья пускай бегает вокруг них, да колет их своими клыками. А будут бить, притворись убитой. <...> “Усень” (Авсень, Овсень, Говсень, Бодцень, Баусень и т. д.). Этимологических объяснений названия Авсень, Усень предлагается несколько: одни производят Овсень от овес, другие выводят от корня “съ” — ять. (Такое толкование дано впервые А. Н. Веселовским). <...> Может быть, Усень — имя божества, блещущего Бога предвесенней зари. Он поминается в овсеневых песнях на Васильев вечер. См.: *Е. В. Аничков.* Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПб., 1903—1905. *П. В. Владимиров.* Введение в историю русской словесности. Киев, 1896» (с. 121 —120).

Та́усень, Та́усень! — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «...припев к колядкам на новый год. “Таусень” представляет соединение “Тай усень”, “Да—ту—усень”» (с. 121).

И бродят мартыны безобразные... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «О мартынах ходит слух, будто есть у них своя страна, но страну их никто не знает и они никому ее не показывают, потому что сами они уж очень страшные; только что по ночам и показываются, и то в большие праздники. “Мартыны” произошли от св. Мартына, покровителя свиней в Германии. Св. Мартын празднуется 11 ноября. Он открывает зиму и завершает пору жатвы и сбора винограда. Для ряженья “мартыном” пригодна маска козла (эстонский обряд)» (с. 121—122).

...да медведчики с мохнатыми плясовыми... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Ряженье медведя принадлежит к распространенной народной забаве. Излюбленная святочная маска в Германии, Чехии, Моравии, Болгарии, России и Грузии. Ряженье явилось заменой появления в обряде самого зверя, спустившегося от серьезного культового значения к роли потешного ученого зверя» (с. 122).

С. 169. *...не домра, не сурна дудит...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «“Домра” — азиатская балалайка с проволочными струнами. Игроки на домрах назывались домрачеями. Известна пословица: рад скоморох о своих домрах. “Сурна” — вид рожка или свирели, духовой деревянный инструмент. Звук резкий, пронзительный. Армянская зурна, чувашский сурнай. Сурначи — игрецы на сурнах» (Там же).

...красная панна / Иродиада... — Примеч. в *Шиповник 7*: «Иродиада — панна: и за красоту свою панна и за свою п о г а н о с т ь. Царевны

в святцах поминаются, царевны — русские; пускай же будет панною царевна Иродиада» (с. 195).

...сплетаясь вершинами, / сходятся — / две высокие ветви / высокой яблони. / А на ветвях в бело-алых цветах / горят светочи... — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Две сплетшиеся вершинами ветви дерева (яблони), освещенные светочами — символ крестного страдания. Светочи — жертвоприношение. Зажигать свечи на дереве — распространенный народный обычай. Кроме того свечи на деревьях встречаются в свадебных обрядах: “девья красота” — елка, украшенная цветами и лентами, ее несут девушки, отправляясь к невесте на девичник» (с. 123).

С. 170. *А сердце ее / — криница... — Криница* — колодец, источник.

С. 170—171. *Он в пустыне / оленем рыщет. ~ он крестит / небо и землю...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Ивана Крестителя неизвестно за какие причины прокляла его мать. Проклятый, он превратился в сивого оленя с золотыми рогами и серебряными копытами. Так заклят он скитаться оленем по лесу девять лет и девять дней. Когда они исполнятся, он сойдет на землю, возьмет в руки ключи, войдет в церковь и будет служить обедню. (Румынская колядка)» (с. 124). Данный сюжет Ремизов почерпнул из исследования А. Н. Веселовского (*Веселовский. Разыскания VI.* С. 64—65), который отметил, касаясь в другом месте этой колядки: «Так своеобразно понят был евангельский рассказ об Иоанне Предтече, удалившемся в пустыню, облеченном в одежду из *верблюжьей шерсти* и являющемся снова, чтоб совершить над Спасителем обряд Крещения» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 226; курсив А. Н. Веселовского).

С. 172. *И вопленицы не станут причитать ~ не завопит вытница.* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «“Вытница, вопленица, плачея, певуля”, стиховодница, заводница, княжна-сваха — различные названия дружка невесты» (Там же).

С. 173. *«Ой, рано-рано...* — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «...запев овсеневой песни» (Там же).

...птицы из Ӣрья по небу плывут. — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Ирей — вырей, вырай, ирий — сказочная страна, в которой нет зимы» (с. 123—124).

Прожорливо пламя — огнь желаний... — Ср. в стих. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...» (1836): «Угрюмый, тусклый огнь желанья...».

С. 174. *Зажури́лась черная гора. — Журиться* — горевать, печалиться.

...Магдалина / прядет свою пряжу / — осеннюю паутину — / «Богородичны нити». — В своем исследовании А. Н. Веселовский приводит сюжет о девице, которая прядет на месяце за греховную пляску: «С точки зрения церкви пляска — дело греховное, сатанинское, на которое

подстрекает сам дьявол; плясать в большие праздники было кощунством, за которым неминуемо следовало возмездие...». Так, одна девица, плясавшая «во дни святые», наказана была тем, что «вместе со своей прялкой заклята на месяц: там она сидит и прядет, ее нити — осенняя паутина, которую в Германии зовут нитями Богородицы» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 220, 221).

С. 176. *Зарная змейка... — Зарный* — пылкий, горячий, страстный.

...и не канет... — Зд., возможно, в значении: «не иссякает».

С. 177. *И очервнелись мертвые...* — То есть покраснели.

С. 178. *...Иродиада — / несется неудержимо, / — навек обращенная в вихорь — / буйный вихорь...* — Ср.: «Типом грешной плясуньи являлась Иродиада; недаром ценой своего искусства она поставила требование: голову Иоанна Предтечи. <...> И вот Иродиаду постигла кара: <...> она *носится* по воздуху, в *бурной пляске вихря*» (*Веселовский. Разыскания VII.* С. 221; курсив А. Н. Веселовского).

С. 179. *...ви́рит волны... — Вирить* — зд., вероятно, в значении «вздымать», «поднимать».

...и красный знак вокруг шеи / красной огненной ниткой / жжет. — Примеч. в *Лимонарь 1907*: «Каталонское предание рассказывает, как однажды застал рассвет Иродиаду на берегу замерзшей реки, а ей надо было перейти на ту сторону и там укрыться в пещере. Только что дошла она до половины реки, как лед под ней расступился и отрезал ей голову, заставив испытать страдания Ивана Крестителя. Голова, конечно, приросла немедля. Но с тех пор вокруг шеи Иродиады остался знак, словно красная нитка» (с. 124—125). В исследовании А. Н. Веселовского см.: *Веселовский. Разыскания.* После раздела X (Поправки и дополнения). С. 429—430.

Сисиниева молитва

Впервые опубликовано: *Лимонарь 1907.* С. 73—90, под загл. «Вещица, имен которой двенадцать с половиною. Изъявление».

Прижизненные издания: *Шиповник 7.* С. 101—109, «1906 г.», под загл. «Вещица»; *Сирин 7.* С. 101—109, «1906 г.», под загл. «Вещица»; Струги. Лит. альманах. Берлин: Манфред, 1923. Кн. 1. С. 28—34, под загл. «Голяда», в цикле «Русские повести»; *НРС.* 1955. № 15597. 9 янв. С. 3, под загл. «Вещица-Голяда».

Автографы и авторизованные тексты: Беловой автограф в *НР РЛ-Ч III*. <1931> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 54—59.

Печатается по тексту *НР РЛ-Ч III.*

Основной текст-источник, в котором отражены мотивы и образы богомильских легенд и молитвы св. Сисинию против трясовиц: *Веселовский. Разыскания VI.* С. 41—53 («Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын»).

В примеч. к *Лимонарь 1907* Ремизов указал материалы, которыми также пользовался при написании легенды: *Мансветов И.Д.* Византийский материал для сказания о 12-ти трясавицах. Труды Московского археологического общества. М., 1881. Т. IX. Вып. 1; *Бессонов П.* Белорусские песни... М., 1871; *Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. VI; *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861.

Легенда была включена в состав *Лимонарь 1907* на стадии работы над сборником в издательстве, о чем свидетельствует приписка Вяч. Иванова к письму Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Ремизову: «"Вещицу", Алексей Михайлович, приносите. Ничего, что не лимонарно. Так, значит, нужно, чтобы было посолонно» (цит. по: *Лимонарь-РК VI.* С. 666).

С. 179. *Сисиниева молитва — Св. Сисиний* отождествляется с несколькими реальными и легендарными образами. Согласно преданиям, наиболее известен епископ города Кизик (III в.), который был подвергнут гонениям и обезглавлен при римском императоре Диоклетиане. Почитался в народе как целитель от лихорадки. См.: *Веселовский А. Н.* Заметки к истории апокрифов. I. Еще несколько данных для молитвы св. Сисиния от трясовиц // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 5. С. 288—293; *Веселовский А. Н.* Молитва св. Сисиния и Верзилово коло // Там же. 1895. № 5. С. 226—234; *Маслова М. И.* Аполлон Григорьев и Афанасий Фет: поэзия в иконографическом аспекте // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. С. 140—148.

С. 180. *...показалась Ве́щица.* — Прим. в *Лимонарь 1907:* «Ве́щица — демоническое существо о двенадцати с половиной имен. Имена указывают на разные виды зла, причиняемые Вещицей людям. Византийские сказания о дьяволе Гилло и еврейская легенда о Лилит, первой жене Адама, послужили впоследствии материалом заговору против трясавиц и молитве Сисиния. / Греческая Γελλῶ — славянская Вещица, восходит к халдейскому учению о 12-ти астральных духах, влияющих на судьбу человека» (с. 128—129). По определению А. Н. Веселовского, «Гилло» — «демоническое существо, похищавшее и пожиравшее новорожденных, по поверью, восходящему к древней Греции, популярному в средние века...» (*Веселовский. Разыскания VI.* С. 41—42). Ср. также в исследовании И. Д. Мансветова: «Гилло» и «Гилу» — «злая женщина или ведьма. <...> Известия о ней идут очень издалека и передаются у византийских писателей со слов других, на основании наблюдений над поверьями и из разных апокрифических сказаний. <...> у греков есть поверье о существовании мифической женщины под именем Гилло. Привидением она является у постели новорожденных и убивает их» (Т. IX. Вып. 1. Отд. I. С. 29).

С. 180. *...на молоду́ и под полн, на перекрое и на исходе месяца...* — Подразумеваются разные лунные стадии при заговорах и заклинаниях.

С. 181. *...щемит неведомой тоской ~ кидмя кидалась ~ из села до села — на погост.* — Ср. в народном магическом заговоре от тоски: «...кидмя кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, <...> от села до погоста...».

...положит Вещица свое тело под ступу и летает бесхвостой сорокой, ~ там детё и сожрет. — Ср. в указанном выше исследовании Г. Н. Потанина: «Вещицы (ведьмы) летают по ночам под видом бесхвостой сороки; они спускаются ночью в трубы, которые были закрыты не благословясь, похищают детей из утробы спящих матерей, разводят на шестке огонь и съедают ребенка, а вместо него оставляют в утробе матери голик, краюшку, льдинку или головню» (с. 147—148). *Шесток* — в русской печи площадка между устьем и топкой. *Го́лик* — веник из сухих голых прутьев.

С. 182. *...навеки становился как кукиш.* — Ср. в *Лимонарь 1907*: «...навеки становился негодным» (с. 81).

...не со́билось... — *Со́биться* — собираться, снаряжаться, намереваться что-то сделать.

...Сисиний, великий воин, победитель Пора, царя индейского... — Ср. в исследовании А. Н. Веселовского: «Великий воин был св. Сисиний. Одолевал Сириан, Измаильтян и Татар» (*Веселовский. Разыскания VI.* С. 44). О царе Поре см. в легенде Ремизова «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор» (*Лимонарь-РК VI.* С. 562—577).

С. 183. *...и молния, брячá...* — *Брячить* — то же, что бряцать.

Растужилась Магога... — *Растужиться* — сильно горевать.

...ту́гой сту́женное сердце проклинало... — *Ту́га* — скорбь, печаль, мука, беда.

С. 184. *...к окатному шелому...* — Прим. в *Лимонарь 1907*: «шеломя окатное — необрывистый, пологий холм, утес» (с. 129).

...едет Сисиний и видит: идет по пустыне — ~ стал бить и колоть ее... — Пересказ фрагмента из основного источника (*Веселовский. Разыскания VI.* С. 48).

...и вот на губах его белое засладилось матернее молоко. — В *Лимонарь 1907*: «...изрыгнул на ладонь материнское молоко» (с. 89). См. также: *Веселовский. Разыскания VI.* С. 43, 45.

С. 185. *— Скажи же, проклятая, имя твое!* — Ср.: «Скажи же, проклятая, премерзкие имена твои, прежде чем предадим тебя жестокой смерти» (Там же. С. 44).

Мора ~ Го-/ля-/да. — См. об этих именах: *Веселовский. Разыскания VI.* С. 50—51. В архангельском заговоре от трясавиц упомянуты: Бесица, Преображеница, Полобляющая, Изъедущая, Голяда (*Веселовский. Разыскания.* После раздела X. Поправки и дополнения. С. 429).

С. 185. *Го-/ля-/да.* — Ср. в исследовании И. Д. Мансветова значение половины имени в переводе с греческого: «13-е полуимя <...> (ведьма, оборотень)» (с. 33).

Поясок

Впервые опубликовано: Аргус. 1917. № 5. С. <64—69>, под загл. «Ратный поясок: Народный оберег».

Прижизненные издания: Эпопея. 1922. № 2. С. 26—33, под загл. «Ратный поясок», в диптихе «Веретейка: в роде стихов», вместе со стих. «Заплечный мастер».

Авторизованный текст: Печ. текст — *НР РЛ-Ч III* <1931> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 60—64.

Для *НР* Ремизов воспользовался текстом публикации в «Эпопее» (вырезкой), внеся в него от руки ряд поправок (изменил заглавие: «Поясок» вместо «Ратный поясок», в начале строф поменял строчные буквы на прописные и т. д.).

Печатается по тексту *НР РЛ-Ч III.*

В основе произведения лежат славянские народные заговоры и заклинания от врагов. В старину верили, что написанный на листке бумаги заговор мог отвратить всякое оружие и защитить от всякого врага.

С. 185. *...на столпе стоит каменный муж...* — Вероятно, имеется в виду статуя некоего языческого бога.

...зяблет заповедь... — *Зяблить* — возможно, в значении «расшатывать», «колебать».

С. 186. *...и было б платье мое крепче шамина...* — *Шамин* — возможно, в тексте опечатка и подразумевается необыкновенной твердости камень *шамир*, о котором Ремизов писал в легенде «Соломон и Китоврас» (см.: *Лимонарь-РК VI.* С. 770).

С. 186. *...небо — ключ, / земля — замок.* — Ср. в древнем славянском заклятии: «Тем моим словам небо — ключ, земля — замок отныне и довеку!»

Идет Адам дорогой, ~ от меня не уйти. — Источник заговора: *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1907. Вып. I. № 46. С. 47).

С. 186—187. *На море остров, ~ ни от стрелы летячей!* — Ср. старинный заговор от порезов и ран: «На море на окияне, на острове Буяне стоит каменная гробница; на той гробнице сидит красная девица; красная девица шьет и зашивает иголкой и ниткой, и чистым шелком шемаханским кровавые раны, бойные жилы. Над той девицей летит черный вран. Ты, вран, не каркай, а ты, кровь, не капай ни от пули бой-

ной, ни от стрелы летячей, ни от ножа вострого, ни от копья булатного. Ключ, замок. Аминь» (*Виноградов Н.* Заговоры, обереги... № 121).

...шемахинским шелком... — то есть шелком, произведенным в Шемахинском (Ширванском) ханстве (XVIII в.), которое располагалось на территории современного Азербайджана, в районе города Шемаха.

С. 187. *Взойдет с ночи туча, ~ напоит порох.* — Ср. с заговором ружья: «Взойдет с ночи туча, молния сверкнет, гром ударит, дождь пойдет и <в> огненное ружье вода нальет, обмочит огниво и порох» (*Виноградов Н.* Заговоры, обереги... № 95. С. 71).

Ты не стрелец — ты чернец, ~ забитая палкой. — Ср. с народным заговором на врага и его оружие: «Ты не стрелец, ты чернец; у тебя не ружье, у тебя кочерга; у тебя не порох, а сенная труха забита палкою» (Там же. № 93. С. 71).

С того света

Впервые опубликовано: Слово (Рига). 1925. 24 дек. № 37. С. 3, под загл. «Весть с того света (Плетень)».

Прижизненные изд.: *НРС.* 1955. 3 апр. № 15681. С. 7, в цикле «Чертог твой (из книги “Полевые цветы”)».

Авторизованный текст: Печ. текст — *НР РЛ-Ч III* <1931> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 65.

Основой послужила вырезка из газ. «Слово», в которую Ремизов внес от руки некоторые изменения. Первоначальное заглавие: «Весть с того света» (начальное слово густо зачеркнуто).

Печатается по тексту *НР РЛ-Ч III.*

МЕРЛОГ

Впервые опубликовано: *Ремизов А. М.* Неизданный «Мерлог». [Отрывки] / Подг. текста, публ., вступ. заметка и комм. Антонеллы Д’Амелия // Минувшее: Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987 (репринт. переизд.: М.: «Прогресс»-«Феникс», 1991). Вып. 3. С. 199—261.

Рукописные источники: Алексей Ремизов. Мерлог. — Наборная рукопись. — Авториз. печ. вырезки. <1920-е —1930-е гг.> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 207. 129 + XXII л. Далее: *Мерлог.*

Печатается по наборной рукописи (*Мерлог*) с сохранением вариантов авторских написаний, орфографии, пунктуации и с исправлением опечаток.

Публикации и рукописные источники отдельных произведений:

Рисунки писателей

Впервые опубликовано: Рисунки писателей // Русский очаг (Париж). 1934. № 3. С. 1.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Рисунки писателей. Выставка в Моравской Тшебове. — Беловой автограф. Б. д. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 216. 3 л.; 2) Рисунки писателей. Выставка в Моравской Тшебове.— Авториз. газ. вырезка. <1934> // *Мерлог.* Л. 4—5.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Выставка рисунков писателей

Впервые опубликовано: *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Выставка рисунков писателей: (Письмо из Праги) // *ПН.* 1933. 30 дек. № 4665. С. 3.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Выставка рисунков писателей. — Беловой автограф. <1933> // Amherst. Box. 12. F. 1[a]. 4 p.; 2) *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Выставка рисунков писателей. — Авториз. газ. вырезка. <1933> // *Мерлог.* Л. 6—7.

Текст в *Мерлог*: газетная вырезка с авторской правкой. Название статьи и начальный абзац: («И это вовсе ~ командор!») — автограф.

Выставка рисунков писателей
(Письмо из Праги)

Впервые опубликовано: *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Выставка рисунков писателей: (Письмо из Праги) // *ПН.* 1933. 30 дек. № 4665. С. 3.

Авторизованный печатный текст: *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Выставка рисунков писателей: (Письмо из Праги). — Авториз. газ. вырезка. <1933> // *Мерлог.* Л. 8.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Рукописные издания А. Ремизова

Впервые опубликовано: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Рукописные издания А. Ремизова // *ПН.* 1933. 16 февр. № 4348.

Авторизованный печатный текст: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Рукописные издания А. Ремизова. — Авториз. газ. вырезка. <1933> // *Мерлог.* Л. 10.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка. Над текстом: карандашная библиографическая помета о месте публикации — автограф.

Рукописи и рисунки А. Ремизова

Впервые опубликовано: *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Рукописи и рисунки А. Ремизова // Числа (Париж). 1933. № 9. С. 191–194.

Рукописные источники и авторизованные печатные тексты: 1) «Америка богата серебром...». — Черновой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 5. 3 p.; 2) Рукописи и рисунки Ремизова. — Беловой автограф. <1933> // Amherst. Box. 11. F. 18. 3 p.; <*Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]>. Рукописи и рисунки А. Ремизова. — Авториз. журн. вырезка. <1933> // *Мерлог*. Л. 12–13.

Текст в *Мерлог*: журнальная вырезка с авторской правкой. Подпись отсутствует.

Рисунки писателей

Впервые опубликовано: *Ремизов А.* Рисунки писателей // Временник общества друзей русской книги (Париж). 1938. Кн. 4. С. 25–30.

Прижизненное издание: *Ремизов А.* Рисунки писателей // *НРС*. 1954. 25 июля. № 15429. С. 2.

Авторизованный печатный текст: *Ремизов А.* Рисунки писателей. — Авториз. журн. вырезка. <1938> // *Мерлог*. Л. 15–20.

Статья вошла в книгу Ремизова «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 395–398). В архиве Ремизова имеется вырезка публикации в *НРС* (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 231. 1 л.).

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

Courrier graphique

Впервые опубликовано: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Courrier graphique <Рец. на книги журнала «Le Courrier graphique» за 3 года издания> // Источник публикации не установлен. <1938>.

Авторизованный печатный текст: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Courrier graphique <Рец. на книги журнала «Le Courrier graphique» за 3 года издания>. — Авториз. газ. вырезка. <1938> // *Мерлог*. Л. 21–23.

Текст в *Мерлог*: вырезка из неустановленной газеты 1938 г.

Щуп и цапля

Впервые опубликовано: *Василий Куковников* [*Ремизов А. М.*]. Щуп и цапля <:> Дела литературно-семейные (Под редакцией Василия Куковникова). <1.> «Василий Петрович Куковников был роду московского...», <2.> Рак и раковая наследственность, <3.> Бы — быть и же //

Простая газета (Париж). 1931. 1 марта. № 1. С. 3–4; Щуп и цапля. <1.> Английский язык, <2.> Е и Ё // Простая газета (Париж). 1931. 13 марта. № 2. С. 5; Щуп и цапля. <1.> Самоочевидности, <2.> О и Об // Простая газета (Париж). 1931. 1 апр. № 3. С. 4; Щуп и цапля. Соблазн // Простая газета (Париж). 1931. 15 авг. № 4. С. 4.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) О и об. <Подготовительные материалы для заметок цикла «Щуп и цапля»>. – Автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 13. 8 p.; 2) Щуп и цапля. <В составе альбома из 22 л.>. – Беловой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 23; 3) Щуп и цапля. <Варианты>. – Автограф. Б. д. // Amherst. Box. 15. F. 40. 20 p.; 4) Щуп и цапля. – Газ. вырезки с авторской правкой и рукописными добавлениями. Paris. 8.IX.1948 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 1. 24 л.; 5) Щуп и цапля. – Авториз. газ. вырезки. <1931> // *Мерлог*. Л. 24–27.

Отрывок из текста цикла «Щуп и цапля» вошел в состав книги «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 300).

Текст в *Мерлог*: газетные вырезки с авторской правкой.

Библиография

Впервые опубликовано: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]: **1.** *Sigmund von Herberstain, Moscovia. In Anlehnung an die älteste deutsche Ausgabe aus dem Lateintschen übertragen von Wolfram von den Steinen, eingeleitet and herausgegeben von Hans Kauders. Mit zum Teil handkolorierten Wiedergaben zeitgenösslischer Bilder. Verlag der Philosophlschen Akademie. Erlangen, MCMXXVI. Der Weltkreis – Bücher von Entdeckerfahrten und Reisen. Erster Band. S. 238*; **2.** *L'art populaire en Russie Subcarpathique. Texte explicatif de S. Makovski. Préface par Denis Roche. Edition Plamja, Prague, 1926. Planches : 10 en couleur et 100 en noir. P. 152;* **3.** *L'Elaboration d'un roman de Turguenev: Terres vièerges, par André Mazon. Revue des Etudes slaves, tome V, 1925, fasc. 1–2;* **4.** *Paul Mouratow, l'ancienne peinture russe. Ouvrage traduit du manuscrit russe par André Caffi. Plamja, Praha; A. Stock, Roma, 1925. P. 181. Figs. 60;* **5.** *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself. Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Published by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavi-stock Square, London W. C. 1924. P. 156;* **6.** *Margarita Sobaschnikowa. Makarius. «Die Christengemeinsohaft», Stuttgart, 1925, N 9*; **7.** *Die goldene Kette. Weltpasionen Altrussische Legenden nach Alexei Remisoiv. Ubertragen von Gertrud Hahn. Pflüger Verlag, München. S. 60*; **8.** *Alexei Remisow. Russische Frauen. Dem Volksmunde nacherzählt Ubertragen von Alexander Eliasberg. Drei Masken Verlag. München. S. 154*; **9.** *Michail Ossorgin, Rondinella Natascia ed altri racconti russi. Prima traduzione italiana dal testo originale russo di Raja Pi-*

rola Pomerantz, Copertina e illastrazioni di Roberto Aloy. G. Monreale. Editore, Milano, Milano, 1924. P. 126; **10.** *Le Monde Slave. Décembre 1925, Paris: Nenri Moyesset, P. Milioukov, Jules Legras, B. Mirkine-Guétzévitch, Alexis Remizov*; **11.** *Stephen Graham, The Dividing Line of Europe. D. Appleton and C-o. New-York, 1925 VI1 + 390*; **12.** *«Die literarische Welt». Herausgeber Willy Haas. Ernst Rowohlt Verlag, Berlin;* **13.** *«Russische Rundschau». Monatshefte für die neue russische Literatur. I. Ladyschnikow Verlag. Berlin, Erstes Heft, October, 1925* // Благонамеренный (Брюссель). 1926. № 2. Март-апр. С. 161—167.

Авторизованный печатный текст: *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Библиография. — Авториз. журн. вырезка. <1926> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 207. Л. 31—33.

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

<Цапля>

Впервые опубликовано: Цапля // Своими путями (Прага). 1926. № 12/13. С. 48—49.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Цапля. Б. д. — Беловой автограф // Amherst. Box. 11. F. 21. 2 p. 2) Цапля. Paris. 8. IX.1948 (в составе альбома «Щуп и цапля»). — Газетные и журнальные вырезки с авторской правкой и рукописными добавлениями // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 11—12; <Цапля>. — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог*. Л. 34—35.

Название главы внесено в текст книги «Мерлог» на основании названия текста в журнальной публикации и в рукописном источнике (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 11).

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

Воровской самоучитель

Впервые опубликовано: Воровской самоучитель // Ухват (Париж). 1926. 1 июля. № 5. С. 10; <Авторские исправления> // Ухват (Париж). 1926. № 6. С. 11.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Воровской самоучитель. — Автограф. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 10; 2) Воровской самоучитель. — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог*. Л. 36—37.

Текст в *Мерлоге* представляет собой контаминацию двух журнальных вырезок с рукописной нумерацией.

Текст миниатюры, опубликованной в 5-м номере «Ухвата», дополнен на основании текста авторского уточнения, опубликованного в 6-м номере того же журнала:

«А в № 5 в “Воровском самоучителе” тоже прореха: та же случайность — три добрых совета смазано:

1.

Верный способ извести ближнего: выражай ему сочувствие. А делай это так: вызови по телефону и ахай и охай: “Какое это безобразие, вас все время по телефону беспокоят и по пустякам тревожат!”

2.

А если хочешь извести окончательно: звони, спрашивай адрес общего знакомого, — “не знаете ли адрес Андрея Белого?” Это действует ошеломляюще, если еще повторить после некоторой паузы: “Извините, опять забыл, адрес Андрея Белого?”

3.

Если кто в разговоре помянет, что нету денег (ясный намек одолжиться!) — “У всех теперь нет, — говори, — вот и у меня тоже!” А можно вообще предупредить всякие просительные намеки: сошлись на Россию: “в России, скажи, осталась семья, приходится из последних помогать: десять человек!” Или на “фам де менаж — не по средствам — все самим приходится, и тарелки мыть, и кастрюли чистить!” Ну, тот язык и прикусит. Или, не дав передохнуть: “Вот, скажи, сейчас я и франка не мог бы дать...”» (Ухват. 1926. 20 июля. № 6. С. 11).

Отрывки текста «Воровской самоучитель» в переработанном виде включены в состав книги «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 287, 291).

<Письмо Достоевскому (отрывок)>

Впервые опубликовано: Письмо Достоевскому // *ПН*. 1933. 16 апр. № 4407. С. 2.

Прижизненные издания: Письмо Достоевскому: (Из стоглавой повести «Учитель музыки») // *НРС*. 1954. 12 дек. № 15569. С. 2.

Авторизованный печатный текст: <Письмо Достоевскому (отрывок)>. — Авториз. газ. вырезка. <1926> // *Мерлог*. Л. 38.

Вариант полного текста эссе включен в книгу «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 259—265).

Текст в *Мерлог*: вырезка из газетной публикации эссе в *ПН*.

Цвофирзон

Впервые опубликовано: Цвофирзон // Наш огонек (Рига). 1925. 30 мая. № 22. С. 2—5.

Авторизованный печатный текст: Цвофирзон. — Авториз. журн. вырезка. <1925> // *Мерлог*. Л. 39—47.

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

<Ответы на анкеты. Заметки>

Тексты под номерами 2—11 — библиографически не атрибутированные автором газетные и журнальные вырезки с незначительной правкой от руки. Нумерация (с отсутствием номера «1») — автограф.

2. «Приятель мой, небезызвестный Иван Козлок ~ и то слава Богу...»

Авторизованный печатный текст: «2. / Приятель мой, небезызвестный Иван Козлок ~ и то слава Богу...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 48.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. Имя героя указывает на связь текста с кн. «Учитель музыки».

Текст в *Мерлог*: вырезка из периодического издания.

3. «Как и от человека, жду всегда только одного хорошего...»

Авторизованный печатный текст: «3. / Как и от человека, жду всегда только одного хорошего...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 48.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. По контексту это — ответ Ремизова на анкету о наступающем Новом годе.

Текст в *Мерлог*: вырезка из периодического издания.

4. «В школе 1-го Морского Берегового Отряда...»

Впервые опубликовано: О разных книгах // Воля России. 1926. Кн. 8/9. С. 233—234.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) О разных книгах. — Беловой автограф. 1926 // Amherst. Box. 11. F. 5. 6 p.; 2) «4. / В школе 1-го Морского Берегового Отряда...». — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 49.

Текст в *Мерлог*: журнальная вырезка.

5. «Старинный московский обычай — соседи наши, немцы, на елку обязательно дарят детям книги...»

Авторизованный печатный текст: «5. / Старинный московский обычай — соседи наши, немцы, на елку обязательно дарят детям книги...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 49.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. По контексту это — ответ Ремизова на анкету о наступающем Новом годе.

Текст в *Мерлог*: вырезка из периодического издания.

6. «Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю...»

Впервые опубликовано: «Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю...» <Ответ на анкету «Самое значительное произведение русской литературы последнего десятилетия»> // Новая газета (Париж). 1931. 1 апр. № 3. С. 1.

Авторизованный печатный текст: «6. / Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю...». — Авториз. газ. вырезка. <1931> // *Мерлог.* Л. 50.

Текст в *Мерлог*: газетная вырезка.

7. «У Лескова в “Полунощниках” Николай Иванович в религии все превзошел...» <Ответ на анкету о кино>

Авторизованный печатный текст: «7. / У Лескова в “Полунощниках” Николай Иванович в религии все превзошел...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 51.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. Возможно, этот ответ на анкету о кино опубликован в ж. «Кино» (Париж), в одном из номеров за 1931 г. (всего вышел 21 номер).

Текст в *Мерлог*: вырезка из печатного издания.

8. «На океане только и есть: или буря, или, как сейчас, тишина»

Впервые опубликовано: На воздушном океане // *ПН.* 1931. 13 дек. № 3971. С. 2—3.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: «Я возвращаюсь на океан...». <Отрывок>. — Беловой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 8. 1 p.; «8. / На океане только и есть: или буря, или, как сейчас, тишина». — Авториз. газ. вырезка. <1931> // *Мерлог.* Л. 52.

Вариант полного текста эссе включен в кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 259—265).

Текст в *Мерлог* — отрывок из публикации эссе в *ПН.*

9. О Фурасе

Впервые опубликовано: О Фурасе // Новая газета (Париж). 1926. № 14. С. 10.

Авторизованный печатный текст: 9. О Фурасе. — Авториз. газ. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 53.

Текст в *Мерлог*: вырезка из газетной публикации.

<10>. «Я очень люблю детей, всегда любил...»

Авторизованный печатный текст: «<10>. Я очень люблю детей, всегда любил...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 53.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. По контексту это — ответ на анкету о детском чтении.

Текст в *Мерлог*: вырезка из печатного издания.

<11>. «Кто не чувствует острее, а знает, как свои пять пальцев, что такое безработица...» <Ответ на анкету>

Авторизованный печатный текст: «<11>. Кто не чувствует острее, а знает, как свои пять пальцев, что такое безработица...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 54.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации не установлены. По контексту это — ответ на анкету о безработице.

В наборной рукописи *Мерлога* вырезка с текстом абзаца («Кто еще...») наклеена вслед за текстом абзаца («Когда горит...»). Возможно, что первоначально порядок их следования был обратным, так как под текстом абзаца («Кто еще...») прочитывается заштрихованная подпись автора.

Текст в *Мерлог*: вырезка из печатного издания.

«Пруд»

Впервые опубликовано: О разных книгах // Воля России. 1926. № 8/9. С. 230—232. <Рец. на перевод: *Remizov Alexei.* Rybník: Román / Přel. L. Ryšavý. Družstvo Přátel studia v Praze, 1923. 305 s.>

Авторизованный печатный текст: «Пруд» — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 55—57.

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка. Заглавие — автограф.

<Информационное объявление о книгах «Три серпа», «По карнизам», «Посолонь»>

Авторизованный печатный текст: <Информационное объявление о книгах «Три серпа», «По карнизам», «Посолонь»>. — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 58.

Точные библиографические данные об источнике публикации объявления (*Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. «“Три серпа” византийские легенды о Николае Чудотворце...») не установлены.

Принадлежность анонимного объявления Ремизову определена на основании стилевых особенностей текста. К данному тексту подклеена также анонимная <принадлежащая Ремизову?> вырезка из неустановленной публикации: «Ничто в мире ~ через десять лет».

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из печатного издания.

Сонник

Впервые опубликовано: О разных книгах <Рец. на кн.: Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis. Postdam: Müller Verlag, 1925. S. 168> // Воля России. 1926. Кн. 8/9. С. 232—233.

Авторизованный печатный текст: «Сонник». — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 59—61.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка. Заглавие — автограф.

Книжникам — и — фарисеям

Впервые опубликовано: Книжникам и фарисеям // Ухват (Париж). 1926. 20 июля. № 6. С. 11.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) «Об употреблении фамилии...» <Отрывок>. — Автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 14. 1 p.; 2) «Книжникам и фарисеям». — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 62.

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

Три юбиляра (1866—1926)

Впервые опубликовано: Три юбиляра // Ухват (Париж). 1926. 31 марта. № 1. С. 3.

Рукописные источники и авторизованные печатные тексты: 1) Три юбиляра. (В составе записной книжки из 38 л., озаглавленной «Ремизов под авто»). — Беловой автограф. <1926> // Amherst. Box. 11. F. 18; 2) Три юбиляра. (В составе альбома из 22 л.). — Беловой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 23; 3) «Три юбиляра». — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 63.

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

Parfumerie
Из зарубежной прессы

Впервые опубликовано: Parfumerie // Ухват (Париж). 1926. № 4. 15 июня. С. [14].

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) «Управержение». (В составе записной книжки из 38 л., озаглавленной «Ремизов под авто»). — Беловой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 18; 2) «Parfumerie». — Авториз. журн. вырезка. <1926> // *Мерлог.* Л. 64.

Текст в *Мерлог*: неавторизованная журнальная вырезка.

В настоящем издании название заметки дополнено на основании авторского уточнения: «В № 4 “Ухвата” в “Парфюмерии” по несчастной случайности выпал подзаголовок: “из зарубежной прессы” — без чего дух пропал в “духах”. / “УПРАВЕРЖЕНИЕ” / Как памятно многим, матерьял собран из газетных объявлений “Руля” и “Голоса России” за 1922 год» (Ухват. 1926. 20 июля. № 6. С. 11).

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

Страшно

Впервые опубликовано: Страшно / Космография // Звено (Париж). 1924. 20 окт. № 100. С. 2.

Прижизненное издание: Страшно / Космография // *НРС.* 1954. 18 апр. № 15331. С. 5.

Авторизованный печатный текст: Страшно. — Авториз. журн. вырезка. <1924> // *Мерлог.* Л. 65—67.

Подглавка из рассказа «Космография». Отрывок текста использован в книге «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 14—15).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Для кого писать

Впервые опубликовано: Для кого писать? [Анкета] // Числа (Париж). 1931. № 5. С. 284—285.

Авторизованный печатный текст: Для кого писать. — Авториз. журн. вырезка. <1931> // *Мерлог.* Л. 72—73.

В переработанном виде текст анкеты использован в книге «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 298, 300—304, 318).

Текст в *Мерлог*: авторизованная журнальная вырезка.

«Я статей не умею писать...»

Авторизованный печатный текст: «Я статей не умею писать...». — Авториз. вырезка из период. изд. Б. д. // *Мерлог.* Л. 74.

Точные библиографические данные об источнике первой публикации текста не установлены.

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из периодического издания.

«Охотнее всего и с подробностями...»

Впервые опубликовано: Ваше первое выступление: литературная анкета // Новая газета (Париж). 1931. 1 марта. № 1. С. 2.

Авторизованный печатный текст: «Охотнее всего и с подробностями...» — Авториз. газ. вырезка. <1931> // *Мерлог.* Л. 75—76.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

«Чего я буду говорить о своем творчестве...»

Впервые опубликовано: Что вы думаете о своем творчестве? [Анкета] // Числа (Париж). 1931. № 5. С. 287—288.

Авторизованный печатный текст: «Чего я буду говорить о своем творчестве...». — Авториз. журн. вырезка. <1931> // *Мерлог.* Л. 77.

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала.

Космография

Впервые опубликовано: Космография [Мучительное. Удовольствие. Лучшее. Лысые поверхности. Страшно. Род] // Звено (Париж). 1924. 20 окт. № 100. С. 2.

Прижизненное издание: Космография // *НРС.* 1954. 18 апр. № 15331. С. 5.

Рукописные источники и авторизованные печатные тексты: 1) Космография. — Беловой автограф. 1924 // Amherst. Box. 11. F. 9. 2 p.; 2) Космография. — Вырезка из газ. «Звено» с авторской правкой. <1924> // Amherst. Box. 17. F. 3. 3 p.; 3) Космография — Авториз. газ. вырезка. <1924> // *Мерлог.* Л. 78.

Текст использован в кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 382—383).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка рассказа без изъятой и помещенной отдельно подглавки «Страшно».

Столетие пана Халявского

Впервые опубликовано: Столетие пана Халявского // *ПН.* 1938. 19 мая. № 6262. С. 3.

Прижизненное издание: Наши обжоры XVIII в.: Пан Халявский — 1840 // *НРС.* 1954. 21 марта. № 15303. С. 2.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) Столетие пана Халявского. — Беловой автограф. <1938> // Amherst. Box. 11. F. 19. 5 p.; 2) Столетие пана Халявского. — Авториз. газ. вырезка. <1938> // *Мерлог.* Л. 79—80.

Текст статьи вошел в кн. «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 389—392).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Тайна Гоголя

Впервые опубликовано: Кикимора [фрагмент статьи] // Руль (Берлин). 1922. 21 сент. № 551. С. 2—3.

Прижизненные издания: Тайна Гоголя // Воля России (Прага). 1929. № 8/9. С. 63—67; Природа Гоголя // *Ремизов А*. Огонь вещей. Париж: Оплешник, 1954. С. 115—122.

Авторизованный печатный текст: Тайна Гоголя. — Авториз. журн. вырезка. <1929> // *Мерлог*. Л. 81—83.

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала.

«Заветы»:
Памяти Леонида Михайловича Добронравова
1887 – † 26.5.1926

Впервые опубликовано: «Заветы» <:> Памяти Леонида Михайловича Добронравова. 1887—† 26.5.1926 // Версты (Париж). 1927. № 2. С. 122—128.

Рукописные источники и авторизованные печатные тексты: 1) Леонид Михайлович Добронравов. (В составе записной книжки из 38 л., озаглавленной «Ремизов под авто»). — Беловой автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 18; 2) Памяти Добронравова. — Беловой автограф. 1927 // Amherst. Box. 11. F. 16. 9 p.; 3) «Заветы» / Памяти Леонида Михайловича Добронравова. / 1887 — † 26.5.1926. — Авториз. журн. вырезка. <1929> // *Мерлог*. Л. 84—90.

Статья вошла в кн. «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 362—368).

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала.

Яков Петрович Гребенщиков
1887 – † 1935

Впервые опубликовано: Яков Петрович Гребенщиков <:> 1887 — † 1935 // *ПН*. 1935. 9 мая. № 5159. С. 3.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) Яков Петрович Гребенщиков. 1887 — † 1935. — Беловой автограф. 1935 // Amherst. Box. 11. F. 11. 10 p.; 2) Яков Петрович Гребенщиков / 1887 — † 1935 — Авториз. газ. вырезка. <1935> // *Мерлог*. Л. 91—93.

Статья вошла в кн. «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 369–370).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Памяти Льва Шестова

Впервые опубликовано: Памяти Льва Шестова // *ПН*. 1938. 24 нояб. № 6451. С. 3.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) Памяти Льва Шестова. 1938. — Беловой автограф // Amherst. Box. 16. F. 18. 5 p.; 2) Памяти Льва Шестова. — Авториз. газ. вырезка. <1938> // *Мерлог*. Л. 94–96.

Статья вошла в кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 433–434).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Аввакум
1620–1682

Впервые опубликовано: Аввакум // *ПН*. 1939. 2 марта. № 6548. С. 3.

Авторизованный печатный текст: Аввакум / 1620–1682. — Авториз. газ. вырезка. <1939> // *Мерлог*. Л. 97–99.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка. Справа от текста помета автора: «Епифаний / Лазарь / Федор / Аввакум».

Чудесная Россия
Памяти Льва Толстого
1828–1910

Впервые опубликовано: Чудесная Россия <:> Памяти Льва Толстого // Москва (Чикаго). 1929. № 5. С. 8.

Авторизованный печатный текст: Чудесная Россия / Памяти Льва Толстого / 1828–1910. — Авториз. журн. вырезка. <1939> // *Мерлог*. Л. 100–102.

Статья вошла в кн. «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 275–276).

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала. Подзаголовок и даты жизни — автограф.

А. П. Чехов
1860–1904

Впервые опубликовано: «С первых книг я полюбил Чехова...» <Ответ на анкету «Наши писатели о Чехове», посвященную 30-летию со

дня смерти писателя> // Иллюстрированная жизнь (Париж). 1934. № 18. 12 июля. С. 2—3.

Прижизненное издание: Антон Павлович Чехов: Renyxa — вселенская чепуха // *НРС*. 1954. 28 марта. № 15310. С. 8.

Рукописные источники и авторизованные тексты: 1) Чехов. — Беловой автограф. 22 марта 1934 // Amherst. Box. 11. F. 5. 3 р. ; 2) «С первых книг я полюбил Чехова...» <Ответ на анкету «Наши писатели о Чехове»>. — Беловой автограф. <1934> // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 1—2; 3) А.П. Чехов / 1860—1904. — Авториз. газ. вырезка. <1934> // *Мерлог*. Л. 103—105.

3 июля 1934 г. Ремизов писал редактору «Иллюстрированной жизни» Е. С. Хохлову в сопроводительной открытке к прилагаемому тексту эссе: «Дорогой Евгений Сергеевич! Посылаю зак<азной> бан<деролью> о Чехове. Если мой ответ пространен, очень прошу Вас, лучше не печатайте, но без меня не сокращайте. Если напечатаете, пришлите мне несколько нумеров <так! — *Ред.*>» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 3). При публикации в *НРС* произведена незначительная правка текста. Под заглавием «Хмурые люди» эссе вошло в книгу «Петербургский буерак» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 357—359).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка. Заглавие и даты жизни — автограф.

Философская натура
1853—1900
Владимир Соловьев — жених

Впервые опубликовано: Философская натура <:> Владимир Соловьев — жених // *СЗ*. 1938. Кн. 66. С. 193—204.

Рукописные источники и авторизованные печатные тексты: 1) Философская натура. <Подготовительные материалы к статье>. — Автограф. 1938 // Amherst. Box. 11. F. 6. 44 р.; 2) «Любовь и любва...» <Отрывок>.— Автограф. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 9. 2 р.; 3) Философская натура / Владимир Соловьев — жених / 1853—1900. — Авториз. журн. вырезка. <1938> // *Мерлог*. Л. 106—117.

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала. В заглавии даты — автограф.

Этот камушек
Памяти Владимира Диксона

Впервые опубликовано: Этот камушек. Памяти Владимира Диксона // *ПН*. 1929. 22 дек. № 3196. С. 2.

Авторизованный печатный текст: Этот камушек. Памяти Владимира Диксона. — Авториз. газ. вырезка. <1929> // *Мерлог*. Л. 118.

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка. Заглавие, правка текста — автограф.

Владимир Диксон
16.III.1900 – 17.XII.1929

Впервые опубликовано: *Ремизов А.* Владимир Диксон <:> 16.III.1900 — 17.XII.1929 // *Диксон Вл.* Стихи и проза. Paris: Вол, 1930. С. 5—9.

Рукописный источник и авторизованный печатный текст: 1) На смерть Владимира Диксона. <Черновые наброски, вырезки из некролога «Памяти Владимира Диксона>. — Автограф, печ. текст. Б. д. // Amherst. Box. 11. F. 13. 8 p.; 2) Владимир Диксон / 16.III.1900 — 17.XII.1929. — Авториз. страницы из книги: *Диксон Вл.* «Стихи и проза». Вырезка. <1930> // *Мерлог*. Л. 119—121.

Текст в *Мерлог*: авторизованные страницы из книги *Диксон Вл.* «Стихи и проза».

Владимир Диксон
1900–1929

Впервые опубликовано: Владимир Диксон <:> 1900—1929 <Рец. на кн.: *Владимир Диксон*. Стихи и проза. Париж. 1930> // Москва (Чикаго). 1931. № 12. С. 21—22.

Авторизованный печатный текст: Владимир Диксон / 1900—1929. — Авториз. журн. вырезка. <1931> // *Мерлог*. Л. 123—123 об.

Текст в *Мерлог*: авторизованная вырезка из журнала.

Над могилой Болдырева-Шкотта
1903–1933

Впервые опубликовано: Над могилой Болдырева-Шкотта. 1903—1930 // *ПН*. 1933. № 4453. 1 июня. С. 3.

Авторизованный печатный текст: Над могилой Болдырева-Шкотта / 1903—1930. — Авториз. газ. вырезка. <1933> // *Мерлог*. Л. 124—128.

Текст статьи включен в книгу «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 265—268).

Текст в *Мерлог*: авторизованная газетная вырезка.

Хранящаяся в ГЛМ наборная рукопись (*НР*) *Мерлог* находится в составном жестком переплете. Картонные крышки переплета обтянуты синим дерматином. В переплет плотно вшит весь блок само-

дельной книги. На передней крышке посередине расположена врезка — полоса синей мраморной бумаги. Вверху переплета имеется маркирующая белая бумажная наклейка, охватывающая его переднюю и заднюю стороны, а также торец. На части наклейки, размещенной на передней переплетной крышке, имеется надпись рукой Ремизова: «Рисунки писателей». На части наклейки, расположенной на торце переплета (на корешке самодельной книги) — надпись рукой писателя: «Рисунки / писателей / и / другое», позднее дополненная припиской: «(не разберу)». Внутри переплета — смонтированная воедино книга, составленная из газетных и журнальных вырезок, наклеенных на разноформатные листы, а также из листов бумаги, вырванных из печатной книги. На некоторых материалах существует рукописная авторская правка. После обложки следует авантитул из красной бумаги, на которую наклеены: фрагмент синей бумаги (остаток оторванного листочка) и бледно-зеленый бумажный прямоугольник с надписью-автографом: «Алексей Ремизов / Мерлог»; а также имеется глаголический значок-анаграмма писателя. За авантитулом следует титульный лист (на белой бумаге из школьной тетради) с надписью-автографом: «Алексей Ремизов / Мерлог».

Первая часть текстов, содержащихся в *Мерлог,* — печатные газетные вырезки статей, рецензий, рекламных объявлений и листы из журналов. Все материалы наклеены на бумажные листы различного происхождения (тетрадные, альбомные), скреплены вместе и объединены общей темой: выставки рисунков писателей, и персонально — выставки рисунков Ремизова. Вероятно, эта подборка первоначально представляла собой автономное целое, составлявшее содержание самодельной книги. В дальнейшем писатель продолжал дополнять имеющиеся материалы добавочными листами бумаги с наклеенными на них газетными и журнальными вырезками, а также листами, вырванными из печатных изданий. В итоге произошло тематическое расширение складывающегося произведения, создаваемого излюбленным Ремизовым методом монтажа (courte métrage). В состав текста были включены статьи, эссе и рассказы, связанные со следующими темами: выступления Ремизова как критика и эссеиста (защита теории «русского лада»; оценка наследия классиков); автобиографическая тема; некрологи; память о литературных учениках (В. Диксоне и И. Болдыреве-Шкотте). Собранные в одну рукописную книгу материалы объединены под самодельной обложкой с общим названием: «Мерлог».

По ряду параметров *Мерлог* имеет черновой характер. От первого этапа складывания *НР* — оставшегося нереализованным первоначального замысла (монтажного текста под заглавием «Рисунки писателей», находившегося в стадии формирования) — в составе *НР* сохранился комплекс текстов, включающих в себя как произведения Ремизова,

так и написанную другим автором рецензию на его выставку, а также анонимные рекламные объявления. По опубликованным ремизовским текстам непоследовательно проведена авторская правка, адаптирующая их для нового замысла. Наличие статей, текстуально частично дублирующих друг друга, также указывает на неоконченную авторскую работу с исходным материалом. Следующий этап создания *НР* (период формирования состава *Мерлог*) характеризуется наличием нового общего творческого плана произведения и вновь — остановкой его реализации на промежуточной стадии. Материалы, дополняющие исходный состав *НР*, выстроены в целом последовательно, но также начерно. Об этом свидетельствует наличие дублетов вырезок, включение в тематическую подборку текстов других авторов (см., например, тексты по теме: В. Диксон).

Все печатные материалы, составляющие *Мерлог*, были опубликованы в период с середины 1920-х до конца 1930-х гг. Данная датировка позволяет условно обозначить время формирования имеющегося состава *Мерлог* — конец 1930-х гг. Это было время интенсивной работы писателя над большими книгами «Учитель музыки» и «Подстриженными глазами». Составляющие их тексты были первоначально соединены в единое целое, но в 1930-е гг. писатель разделил подготовленные материалы на два законченных отдельных произведения (см.: *Иверень-РК VIII*. С. 539). Однако с 1932 по 1949 год прекратилась целостная публикация больших произведений Ремизова в виде книг. «Учитель музыки» и «Подстриженными глазами» могли публиковаться только отдельными главами, тексты которых подвергались переработке — обособлению до уровня законченных рассказов. Вероятно, в условиях невозможности целостной публикации больших произведений Ремизов прекратил работу над *Мерлог*. Ряд ранее автономно опубликованных текстов, включенных в *Мерлог*, впоследствии были включены писателем в *НР* «Учителя музыки» и *НР* «Петербургского буерака», работу над которыми он продолжал до конца своей жизни (опубликованы посмертно).

Самую позднюю стадию обращения писателя к *Мерлог* фиксирует его приписка на торце переплета: «(не могу разобрать)», по почерку датируемая временем после 1945 г. Существующую *НР Мерлог* можно рассматривать как текст в целом сложившегося произведения «жанра-ансамбля», оставленного автором на промежуточной стадии его окончательной доработки. Но и в таком незавершенном виде *Мерлог* имеет существенное значение для формирования целостного представления об интенсивной творческой работе Ремизова в конце 1920-х и в 1930-е гг.

Первый опыт по публикации текста *Мерлог* был предпринят Антонеллой Д'Амелия в 1987 г. на основе *НР*, предоставленной хранитель-

ницей архива Ремизова Н. В. Резниковой (ныне эта *НР* находится в составе архива писателя в ГЛМ и является основой настоящей публикации). В связи с ограниченностью возможностей печатания текстов большого объема в альманахе «Минувшее» редакция предложила публикатору издать текст *Мерлог* не полностью, что и было осуществлено. Однако в преамбуле к изданию было дано полное описание содержания всей *НР Мерлог* (см.: *Ремизов А. М.* Неизданный «Мерлог» / Публ. Антонеллы Д'Амелия // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 199—261).

В публикации *Мерлог* в настоящем издании полностью воспроизводится последовательность и все тексты входящих в *НР* подписанных материалов Ремизова на русском языке. Также публикуются анонимные тексты, при атрибуции которых установлено авторство Ремизова. Тексты других авторов и выполненный иным лицом перевод рецензии писателя на немецкий язык, дублирующий входящий в *НР* оригинал той же рецензии на русском языке, публикуются в комментариях к *Мерлог* с указанием точного места их расположения в *НР*. Там же дается детальная информация о местонахождении в *НР* полных дублетов текстов Ремизова, уже наличествующих и публикуемых в составе *Мерлог*.

Имена лиц, упоминаемых в *Мерлог*, вынесены в аннотированный именной указатель. Разные написания иностранных фамилий, присутствующие в разновременных статьях Ремизова (например: Гофман, Гоффман) сохранены в авторском написании, без унификации.

С. 195. *Когда Н. В. Зарецкий затеял в Праге выставку рисунков художников...* — В сентябре 1933 г. художник Н. В. Зарецкий устроил выставку рисунков русских писателей в Праге, в большом зале Народного музея. См. объявление о ее открытии: «15 сентября в Праге открывается выставка рисунков русских и чешских писателей, организованная художником Н. В. Зарецким. В организации выставки приняли участие и чешские ученые: Милослав Навотный, библиотекарь и хранитель автографов Народного Музея в Праге, и Иосеф Вольф, декан библиотеки Народного Музея и председатель Общества чешских библиофилов в Праге. Из русских будут представлены рисунки 29 писателей. Из современных: А. Белый, Оцуп, Ремизов, Очередин, Соколов-Микитов и А. Толстой. Кроме рисунков — фотографии Кобякова: Feuermaennchen и конструкции Очередина» (Числа (Париж). 1933. Кн. 9. С. 197). О взаимоотношениях Ремизова и Н. В. Зарецкого см.: *Морковин В.* Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. Roč. XIV. Čislo 4. 1969. Červenec. С. 178—186; Письма А. М. Ремизова к Н. В. Зарецкому (1949—1951) / Публ. и комм. И. С. Чистовой // Рисунки писателей: Сб. науч. статей. СПб., 2000. С. 326—363.

«Ах, Ленский, ты не прав, ты не прав...» — слова Онегина — неточная цитата из текста либретто оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» (2-е действие, картина 1-я, либретто П. И. Чайковского и К. С. Шиловского).

С. 196. *Был ли я китайцем — ученые доказывают мое литературное родство со знаменитым китайцем, поэтом XI в., Оу-Янг-Сиу...* — См. письмо Ремизова В. В. Перемиловскому от 26 июня 1927 г.: «Я совсем как китаец — так меня тут все и считают» (*РЛит.* 1990. № 2. С. 203). См. также в кн. «Подстриженными глазами»: «Мой взгляд на небо и землю словесно выражается по-китайски — наблюдения нашего парижского китайца, сравнившего тексты поэта, историка литературы и министра одиннадцатого века из Среднего Китая Оу-Янг-Сиу и из моих сказок» (*Иверень-РК VIII.* С. 71).

Организатор выставки в Моравской Тшебове... — пражская выставка рисунков русских писателей (см. далее ст. «Выставка рисунков писателей») была показана и в г. Моравская Тшебова в помещении местной русской гимназии по предложению преподавателя латинского языка этой гимназии В. В. Перемиловского (см. анонимную рецензию: Числа. 1933. Кн. 9. С. 197).

С. 197. *И это вовсе не обязательно ~ взмахнешь — командор!* — Текст абзаца — рукописная вставка Ремизова в текст газетной вырезки.

Не скажу о Костроме, но наши питерские и московские книжники могли позволить себе жениться и даже иметь детей. — Отсылка к биографии проживавшего в Костроме друга Ремизова — коллекционера рукописей, историка-архивиста, юриста И. А. Рязановского (1869—1927), чей брак был бездетен.

Открывшаяся на Николин день... — Известны: день поминовения переноса мощей Св. Николая в Бари — «Никола летний» — 9 (22) мая и день кончины Св. Николая — «Никола зимний» — 6 (19) декабря. Указанная Ремизовым дата открытия выставки не совпадает с журнальным объявлением и с указаниями в письмах Ремизова к Н. В. Зарецкому и В. А. Залкинд (см.: *Морковин В.* Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. Roč. XIV. Čislo 4. 1969. Červenec. С. 178—186; *Флейшман Л. С.* Из комментариев к «Кукхе». Конкректор Обезволпала // Slavica Hierosolymitana. 1977. № 1. С. 185—193).

С. 198. *«Фейермэнхен»* (нем. Feuermænnchen) — «огненный человечек». Его описание дано в воспоминаниях Н. В. Резниковой: «А. М. сидел в своем кресле за письменным столом <...> Под лампой <...> Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло, фигурка — деревянный сучок, его А. М. в Германии нашел» (*Резникова 2013.* С. 36). См. историю его обретения в повести Ремизова «По карнизам»: «Я нашел его в кухне в ящике под плитой — в углях. Лежит в уголку — тоненький, две руки, три ноги» (*Зга-Росток XI.* С. 478). Упоминается в кн. «Под-

стриженными глазами» (*Иверень-РК VIII.* С. 150). Также см. упоминание Фейерменхена в кн.: *Кодрянская 1959.* С. 120.

С. 198. *А в заключение Ремизов ~ чудища («Посолонь», революция («Взвихренная Русь»), интерпенетрация («По карнизам») ~ («Учитель музыки»), иллюстрации к ~ текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова и Гоголь — «Вечера».* — См. перечень альбомов и отдельных рисунков Ремизова, экспонировавшихся на выставке в Праге, в его письмах В. В. Перемиловскому от 1, 9, 12 июля 1934 г. (*РЛит.* 1990. № 2. С. 223—226).

Рукописный каталог работы Зарецкого... — оригинальный рукописный каталог утрачен; известен его немецкий перевод с предисл. Д. Чижевского: *Zaretzky N. V.* Russische Dichter als Maler und Zeichner. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1960. 100 S.

С. 198. *Василий Куковников* — псевдоним А. М. Ремизова (см. подробнее комм. к с. 208). После заметки «Выставка рисунков писателей (Письмо из Праги)» следует газетная вырезка из неустановленного периодического издания — заметка «Рисунки Алексея Ремизова в «STURM'е», подписанная инициалами «Н. Б.» [Н. Берберова?]. Под печатным текстом рукописная помета Ремизова: «<глаголический знак-анаграмма> / Paris / 1927 / <Единствен?>ный отзыв».

«Рисунки Алексея Ремизова в “Sturm'e”

Помните, как рисовал Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Э. Т. А. Гофман? И еще помните рисунки на промокашке, на полях тетради, за которые доставалось в детстве? — Пока мысль гонится за словесной добычей, перо, в ожидании, выделывает свои, нечаянные выверты, такие веселые, что мысль порой, бросив след, возвращается к ним и растворяется в них, порой отдает им то, что ловилось для звука, порой переплетает их со звуком и смыслом...

В книгах Ремизова уже жили или прятались и зайчик Иванович, и коловертыш, и лесавка-ворочуша... а в них — вот он весь, с лесным шепотом, с кудрявой прыгающей, поющей, такой самородной и такой коренной, корневой, земляной, такой замысловатой и такой простой русской речью. Немцам он, пожалуй, напомнит в более сложных композициях тонкостью рисунка и легкой раскраски их художника Кве. Нас он просто заворожит русской сказкой, напугает залесной Бабой-Ягой, цапатою ведьмой, шорохом “лесного оха”, “листика-слепыша”, утешит “морозными цветами” и плеском “ладушек”, двумя чернильными закорючками покажет “скриплика”, “болибошку”, “банных анчуток” — откуда взялись, а такие знакомые. И расскажет уже с эпической важностью бурятскую легенду о сотворении мира. Рядом — 12 братьев строят Софиевскую звонницу в Киеве. А по самой середине, над собственным указом под собственнохвостноподмахнутой грамотой —

сам Асыка, царь обезьяний, "о котором никто ничего не знает и которого никто никогда не видел"...

Н. Б.»

С. 199. *...Ремизовым выпущены несколько книг ~ поэма в прозе «Илья Громовник» и ~ гадальные карты Сведенборга.* — Местонахождение названных рукописных книг установить не удалось.

С. 200. *...на его вечере в «Лютеции» 31 марта.* — После вырезки «Рукописные издания А. Ремизова» следует вырезка — анонимная информация из неустановленного издания:

«Dessins, gouaches, aquarelles, lithographies, eaux-fortes et peintures par:

Ch. Baudelaire	N. Goumileff	A. Noailles
A. Biely	S. Guitry	N. Otzoup
J. Brousson	L. Hervieu	B. Poplavsky
F. Carco	V. Hugo	A. Pouchkine
I. Charchoune	G. Ivanoff	A. Remizoff
J. Cocteau	M. Jakob	A. Rouveyre
F. Dostoïevsky	W. Zoukowsky	G. Sand
J. Dyssord	A. Klod	T. Schevtschenko
A. France	M. Lermontoff	C. Soula
P. Freyssinet	P. Loti	Stendhal
T. Gautier	N. Makeieff	A. Tchekhov
N. Gogol	P. Mérimée	I. Tourgueneff
E. de Goncourt	P. Morand	P. Valéry
J. de Goncourt	A. de Musset	P. Verlaine».

С. 200. *...сделаться учителем чистописания.* — О желании писателя стать учителем чистописания см.: *Иверень-РК VIII.* С. 36—43; *Кодрянская 1959.* С. 97.

С. 201. *В одном из московских государственных музеев хранится рукописная книга Ремизова «Гоносиева повесть», относящаяся к годам после революции 1905 года.* — Имеется в виду рукописная книга: *Ремизов А.* Что есть табак. Гоносиева повесть. 1906 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 27.

«Треугольник» — выставка, организованная Н. Кульбиным (СПб., 1910).

...первые рисунки появились в сборнике «Стрелец», у А. Э. Беленсона, автора «Голубых панталон».— См.: *Ремизов А.* Ребятишкам — картинки // Стрелец: [Лит.-худож. альм.]. Пг., Стрелец, 1915. Сб. 1. С. 84—85. В том же сборнике опубликовано стих. А. Беленсона «Голубые панталоны» (с. 194).

В 1932 г. в Париже на выставке «Чисел» ~ были рисунки и Ремизова. — В декабре 1932 г. — январе 1933 г. в Париже в галерее «L'époque» Н. А. Оцупом и М. И. Залкиндом была организована выставка рус-

ских и французских писателей от Гюго и Готье до Ремизова, Поплавского, Верлена и Валери (см.: Числа (Париж). 1932. Кн. 6. С. 254).

С. 201. *Paris est en nos mains* (*фр.*) — Париж в наших руках. Эта фраза («Паришъ в рукахъ нашыхъ!») взята Ремизовым из письма офицера П. Калечицкого от 23 марта 1814 г., посвященного взятию Парижа русскими войсками в 1814 г. Письмо опубликовано Ремизовым в рассказе «“Паришъ въ рукахъ нашыхъ!”: Письмо отечественное» (Литература. Искусство. Наука: Беспл. прил. к газ. «День» 1913. № 10. С. 2). В дальнейшем включено в состав кн. «Россия в письменах. Том 2» (*Россия в письменах-Росток XIII.* С. 491).

С. 202. *В период 1919—1920 ~ Ремизовым выпущены были несколько книг ~ «золотая» — «Илья Громовник» и «волшебная» — гадальные карты Сведенборга.* — См. комм. к с. 199 наст. изд.

Помню из петербургской жизни 1919—1920 г. товарищ Ложкомоев из Петрокоммуны на керосиновых прошениях Ремизова ставил резолюцию... — О Ложкомоеве см. в кн. «Взвихренная Русь» (*Взвихренная Русь-РК V.* С. 261, 509).

С. 203. *«Александрийские песни»* (1906) — цикл стихотворений М. А. Кузмина.

«Куранты» — имеется в виду книга М. А. Кузмина «Куранты любви. Слова и музыка» (М., 1910. 99 с.).

«Венчание неба и ада» (1790) — поэма У. Блейка. Перевод этой поэмы был сделан в 1930-х гг. С. П. Ремизовой-Довгелло. См.: *Сердечная В.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and the Hell»: загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 4. С. 202—212.

С. 204. *О пушкинском «крючке» рассказывает М. В. Добужинский в своем «Рисунок Пушкина».* — М. В. Добужинский прочел доклад о графике Пушкина 14 апреля 1937 г. в рамках юбилейных торжеств на Пушкинской выставке в Париже. Тогда же он написал статью «О рисунках Пушкина» (опубл.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1976. Кн. 125. С. 145—159).

С. 205. *...«легче борову свиному проткнуться в ослиное ушко».* — Парафраз евангельского текста: «Удобнее верблюду пройти сквозь угольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф 19: 23).

«Треугольник» — см. комм. к с. 291 наст. изд.

...в Берлине, где мои начертательные рисунки приютил Вальден ~ в своем Штурме. — В 1927 г. около 100 рисунков Ремизова экспонировались на выставке в галерее «Штурм» («Sturm-Galerie»), организованной Гервардом Вальденом, пропагандистом искусства авангарда, издателем ж. «Der Sturm».

...двести тридцать альбомов ~ Перечень 157 номеров напечатан в ревельской «Нови», кн. 8. — *Б. п.* [*Ремизов А. М.*]. Рукописные и ил-

люстрированные альбомы А. Ремизова // Новь (Таллин). 1935. Сб. 8. С. 200—202.

С. 205. *...рисунки Пушкина ~ его движущиеся чудища из сна Татьяны!* — Ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «Опомнилась, глядит Татьяна: <...> И что же видит?. за столом / Сидят чудовища кругом: <...> / Еще страшней, еще чуднее: / Вот рак верхом на пауке, / Вот череп на гусиной шее / Вертится в красном колпаке, / Вот мельница вприсядку пляшет / И крыльями трещит и машет; / Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людская молвь и конской топ!» («Евгений Онегин». Гл. V. Строфы XVI—XVII). Авто-иллюстрации Пушкина к указанным строфам отсутствуют.

С. 206. *...ни на любопытство исследователя.* — Под текстом статьи подпись: «Алексей Ремизов».

Courrier graphique (*фр.*) — Вестник графики. «Le Courrier graphique. Revue des arts graphiques» (Paris, 1936—1939, 1946—1962) — журнал, посвященный графике. Гл. редактор — Пьер Морнан (1884—1972).

Неизвестное дитя — волшебный помощник детей, сын феи, мистический герой одноименной сказки Э. Т. А. Гофмана (1821, цикл «Серапионовы братья»).

...про Henry Troyat, получившего за своего «Паука» премию Гонкуров. — В 1938 г. Гонкуровская премия была присуждена Анри Труайя за роман «Паук» («L'Aragne», 1938).

С. 206—207. *...вывезший его «паук» — образ ~ во сне Татьяны и Германа; Гоголем в «Вии» — пузырь ~ Достоевским в пауковой бане ~ в Исповеди Ставрогина ~ в видении Ипполита...* — образы, связанные с работой Ремизова над книгой о снах в русской литературе «Огонь вещей». См.: *Ахру-РК VII.* С. 148, 254, 258.

С. 207. *...«русская земля обратилась во мне в тело и кость...»* — неточная цитата из повести А. Бестужева-Марлинского «Фрегат “Надежда”» (1832) (*Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 88).

А в последнем 19-м №-е сны Тургенева: сон Аратова из «Клары Милич», сон Петушкова, сон Лукерьи из «Живых мощей», сон Чертопханова — четыре рисунка. — Речь идет о публикации: *Remizof A.* Rêves de Tourgueniev // Le Courrier graphique. 1938. № 19. P. 37—39. Текст сопровожден черно-белыми репродукциями рисунков Ремизова.

С. 208. *«...mes yeux n'ont plus de larmes pour pleurer pour vous mes pauvres enfants»* (*фр.*) — У моих глаз нет больше слез, чтобы плакать о вас, мои бедные дети.

Щуп и цапля. — Щуп — «острый железный прут, для прободания оболочки и ощупанья сокрытого внутри» (*Толковый словарь В. И. Даля — IV.* С. 659). *Цапля* — «придирчивый, привязчивый человек» (Там же. С. 570).

С. 208. *Василий Петрович Куковников* (вариант: *В. Куковников*) — псевдоним А. М. Ремизова. Также — персонаж кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*), один из двойников автора.

Fabeldichter aus Tiergarten (*нем.*) — тиргарденский баснописец.

С. 208—209. *Пропитание Василий Петрович добывал себе вязанием джемперов...* — Ср. в кн. «Учитель музыки»: «Василий Петрович Куковников не писатель, он лишь в "рассеянии сущий", с Берлина басни пишет — с Берлина и пошло ему название "баснописец" — Fabeldichter aus Tiergarten или просто "Kalenderdichter". <...> Бывший младший регистратор Государственной Думы, а здесь в Париже, в категории "собаки, потерявшей хозяина", вяжущий свой бесконечный джемпер <...> чтение книг — все. И способ своего чтения применил он и к джемперу — вот почему этот джемпер у него такой бесконечный, и в результате так мало вырабатывает: другой на его месте за тот же срок три свяжет, а он и один — до половины еле-еле» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 304—305).

С. 209. *Смешливый разговор учителя стихосложения ~ глубокий смысл...* — имеется в виду диалог г-на Журдена и учителя философии из 2-го действия (явление VI) комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670).

...«belle marquise vos beaux yeux me font mourir d'amour»... (*фр.*) — прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви. Цитата из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

С. 210. *Одна старая петербургская писательница и теперь упражняющаяся в словесности, имела необычайное пристрастие к частице «же»...* — Имеется в виду Ольга Дмитриевна Форш (1873—1961). См. замечание Ремизова: «Недоразумения с приставкой ЖЕ, отличалась Ольга Форш, читала она выразительно» (*Ремизов А. М.* «Воззвание», «Хор», «Богородица», «К бесовскому действу» и др. Черновые заметки. 1956—1957 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 29. Л. 2).

Ажан (*фр.* agent) — полицейский.

Пассаж-клютэ (*фр.* passage clouté) — переход.

С. 211. *«Pour bien savoir le russe»* (*фр.*) — Чтобы хорошо знать русский язык.

Так и уехал в Тойлу. — Тойла — поселок на южном берегу Финского залива Балтийского моря в Эстонии, где поэт Игорь Северянин жил с 1918 по 1935 г.

Нов. I л. — Новгородская Первая летопись.

Р. Прав. Влад. Мономаха — Имеется в виду «Русская Правда» — сборник правовых норм Киевской Руси, в своей «пространной» редакции включающий Устав Владимира Мономаха.

С. 212. *...«комедия о Алексее, человеке Божьем» ~ «комедия о Евдокии»...* — названия драматических произведений М. А. Кузмина: «Ко-

медия о Алексее Человеке Божьем» (1907); «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» (1907).

С. 213. *Sigmund von Herberstain...* — В наборной рукописи «Мерлога» перед разделом «Библиография» приклеен перевод данной рецензии Ремизова на немецкий язык, выполненный Хансом Руофом (Печ. вырезка, опубл.: *Herberstein S.* Moscovia, Erlangen 1926 (und 12 weitere Titel) [Рец.] // Die Literarische Welt. 1926. № 5. S. 6):

«SIGMUND VON HERBERSTAIN: MOSCOVIA, Erster Band des "*Weltkreis*", Bücher von Entdeckerfahrten und Reisen, herausgegeben *von Hans Kauders, Verlag der philosophischen Akademie Erlangen,* 1926.

Ein hervorragendes Buch, das nicht nur deutsch sondern auch echt russisch ist. Der Name Herberstains bedeutet für Rußland so viel, wie der Name des Chronisten Nestor. Um Herberstain weiß in Rußland jeder gebildete Mensch, das heißt alle die Geschichtsunterricht genossen haben. Und wenn Herberstain nicht wie der Chronist Nestor in den Heiligenkalender hineinkam und nicht «heiliger» Sigmund Herberstain genannt wird, so vielleicht nur wegen seines Familiennamens, der sich auf keine Art nach russischer Manier umformen läßt! / Die "Moscovia" ist eine der Hauptquellen der Geschichte Rußlands, des "heiligen moscovitischen Rußland". Der einzige historische Atlas Rußlands von Prof. Samyslowskij beruht auf der Karte Herberstains. In den russischen Gymnasien wird der Unterricht über "Glauben und Sitten" des russischen Menschen des XVI. Jahrhunderts nach Herberstain erteilt. Herberstain hat Rußland für Europa und Moskau für Rußland entdeckt. / Die Abbildungen, mit denen das Buch ausgestattet ist, sind jedem Russen gut erinnerlich, und das russische Auge erblickt in ihnen sein altes Moskau. / Und wie da aus jedem Antlitz und jedem Wort dieses wahrhaft eurasiatischen Rußlands Asien hervorquillt! / Das Buch ist prächtig herausgegeben. /Für mich aber war es das kostbarste Weihnachtsgeschenk, das mir die Zwerge in der Weihnachtsnacht brachten. / *Alexej Remisow / (Deutsch von Hans Ruoff)*».

С. 214. *...взглянуть на ~ «русских» (не васнецовских) богатырей...* — Отсылка к картине В. М. Васнецова «Богатыри» (1898). Тематика картин и художественная манера Васнецова ассоциировались Ремизовым с не приемлемым им в искусстве псевдорусским стилем.

Евразийство — идейно-политическое и философское течение в русской эмиграции 20—30-х гг. XX в., трактующее Россию как Евразию, т. е. особый срединный материк между Европой и Азией.

«Пламя» — русское издательство в Праге (1923—1939). Основатель и глава издательства — Е. А. Ляцкий.

«Prager Presse» (Praga, 1921—1938) — ежедневная либеральная газета на немецком языке. Основатель — Т. Г. Масарик. Главный редактор — Арне Лорин.

С. 216. *«Слово о полку Игореве»* (XII в.) — памятник литературы Древней Руси.

«Житие Аввакума» — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» — памятник русской литературы XVII в.

С. 217. *...русский «природный» язык...* — скрытая цитата из «Жития протопопа Аввакума»: «Понеже люблю свой русской природной язык» (Житие протопопа Аввакума / Подг. текста и комм. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. Е. Елеонской, А. И. Мазунина. Иркутск, 1979. С. 78).

С. 217. *«...на цепи кинули ~ блох довольно».* — Цитата из «Жития протопопа Аввакума» (Там же. С. 28).

«...виждь, слышателю ~ пострадать!» — Цитата из «Жития протопопа Аввакума» (Там же. С. 53).

С. 220. *«Эпоха»* (Петроград, 1921; Берлин, 1922—1925) — издательство. Глава берлинского отделения издательства — С. Г. Каплун-Сумский.

«Геликон» (М., 1916—1919; Берлин, 1920—1924; Париж, 1927—1937) — издательство. Основатель — А. Г. Вишняк.

С. 222. *Кусково* — расположенное на востоке Москвы бывшее имение графов Шереметевых, где сохранился парк и архитектурно-художественный ансамбль XVIII в., ныне музей-заповедник.

Останкино — находящийся в Москве музей-усадьба XVIII в. на территории бывшего имения графов Шереметевых в деревне Останкино.

Коктебель — поселок на востоке Крыма.

«Всемирная литература» (1919—1924) — издательство при Наркомпросе, организованное в Петрограде при ближайшем участии М. Горького.

С. 225. *Фам де менаж* (*фр.* femme de ménage) — домработница.

«Поэты, эти огни ~ русской фермы в Париже». — Вариант начала подглавки «Письмо Достоевскому» из кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 259).

С. 226. *Цвофирзон* — неологизм Ремизова, основанный на немецкой аббревиатуре Z. V. S. и передающий название вымышленного общества «Zwovierzon» — Свободное философское содружество (см. также: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Флейшман Л. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 207). В «Учителе музыки» изобретение Цвофирзона приписано одному из двойников автора — «залесному аптекарю» Семену Петровичу Судоку: «“Залесный аптекарь” Семен Петрович Судок врал, как художник <...> Судок был автором берлинского “Цвофирзона”. И этот “Цвофирзон” (Zwovierzon) — “свободное философское содружество” можно рассматривать, как образец его литературных упражнений: ни слова правды. Два года (1921—1923)

мутил Судок этим "цвофирзоном" русский Берлин, в те годы самую многочисленную эмигрантскую колонию. По его милости возникла нашумевшая полемика между "Рулем" и сменовеховским "Накануне": обе враждующие газеты были введены в заблуждение его вымышленными литературными сообщениями, появившимися тоже по недоразумению в третьей берлинской газете с переменным названием. Был затронут и аристократический Париж, тогда с высокой валютой; из парижан в аптекарском "Цвофирзоне" принимал деятельное участие Лев Шестов, на самом деле не имевший никакого отношения ни к "аптекарю", ни к его художественной затее. Рассказывали, что Шестов, наконец, решился было напечатать опровержение, но к великому своему изумлению узнал в одной из парижских редакций, что опровержение уже напечатано, и, как впоследствии выяснилось, такое опровержение входило в выдумку Судока. Не осталась и Рига без отклика: не вымышленный, а действительный Петр Моисеевич Пильский письмом в редакцию отказывался от какого-то измышленного Судоком Петра Прокопова, выдававшего себя за ученика Пильского по Петербургской школе журнализма. Два Берлинских инфляционных года, если судить по информации Судока, представляли необычайно кипучую деятельность в искусстве и литературе, или вообще говоря, на культурном фронте: русский Берлин, если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины, а до сих пор не засыпанный ров Е. Д. Кусковой не только сравнялся, а еще, как память, цвел цветочной клумбой — хлестаковскими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. Стабилизация марки разбила все мечты и планы Судока. И с "Берлинской волной" Судок перекочевал в Париж» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 313—314). 2 мая 1923 г. в «Клубе писателей» Ремизов читал «интермедию» «Цвофирзон» вместе с отрывками из «Розановых писем» (см.: Новая русская книга. 1923. Кн. 5/6. С. 43). О жизни русской эмиграции в Берлине, о литературных встречах, о политических и культурных дискуссиях, об издательских предприятиях и художественной деятельности в начале 20-х годов см.: *Русский Берлин*; *Williams Robert C.* Culture in exile. Emigres in Germany 1881—1941. London-Ithaca: Cornell University Press, 1972; *Tafuri Manfredo*. Urss — Berlino. 1922 // La sfera e il labirinto: Avanguardie e architettura da Piranesi agli anni 70. Torino: Einaudi, 1980. P. 141—182.

С. 226. *На Красную Горку ~ организационное собрание нового философского общества...* — Сходные описания возникновения новой философской ассоциации появились и в прессе. Под псевдонимом «Смольный» [А. М. Ремизов] в газ. «Голос России» в разделе «Из жизни художников в Берлине» было объявлено: «В Шарлоттенбурге в "Берлинер Киндель" состоялось первое открытое собрание нового фило-

софского общества. Первым выступил Г. С. Киреев: “Ижица, как символ вещей сокровенных”. Затем П. П. Сувчинский читал “о знаменном распеве” — о его решающем значении для русской музыки. Третьим — художник К. Ф. Задолит свои воспоминания о скульптурных работах в России по украшению Петербурга (1918—1920). После чего А. И. Чхеидзе продекламировал поэму “Лалазар”» (Голос России (Берлин). 1922. 7 мая. № 959. С. 3). *Красная Горка* — народное название первого воскресенья после Пасхи.

С. 226. *Вольфила — Вольфила* — Вольная Философская Ассоциация. Открыта в Петербурге 16 ноября 1919 г. (Литейный, 21). Члены-учредители: Андрей Белый, А. Блок, Р. Иванов-Разумник, Н. Бердяев, Л. Шестов (см.: *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж, 1949. С. 268—276). В Берлине деятельность Вольфилы возобновилась и собрания общества проходили в кафе Флора Диле (Мотцштрассе, 65) под председательством Андрея Белого.

...художественному журналу «Object — Вещь — Gegenstand»... — «Вещь» (Берлин, 1922) — международный журнал по современному искусству. Ред.: Эль Лисицкий, Илья Эренбург.

С. 227. *...докладу д-ра А. С. Роде «О питательности пилюль д-ра Кубу»...* — юмористический эффект основан на словесной игре Ремизова. КУБУ (Петроград <Ленинград>, 1920—1927) — комиссия по улучшению быта ученых. Была создана в Петрограде в 1920 г., председатель — М. Горький, располагалась в Доме ученых. В 1920 г. известный ресторатор А. С. Родэ работал в продовольственном отделе КУБУ и участвовал в выдаче продовольственных пайков голодающим представителям ученой и творческой интеллигенции. Дом ученых в шутку называли «РОДЭвспомогательным домом». С 1921 г. Родэ — в эмиграции.

...Шестов, chargé de cours à l'Université de Simféropol, поделился своими тирольскими афоризмами. — Намек на маршрут пути в эмиграцию Льва Шестова (Крым, Швейцария, Германия, Франция). *Chargé de cours à l'Université de Simféropol* (*фр.*) — преподаватель Симферопольского университета.

...сестры Черновы исполнили под аккомпанемент Е. Д. Кусковой «Солнце всходит и заходит»... — В данном случае намек на невзгоды (аресты, пребывание в тюрьме, ссылка), испытанные после Октябрьского переворота женой лидера правых эсеров В. М. Чернова — О. Е. Колбасиной-Черновой и ее дочерями (Ольгой, Натальей и Ариадной), которые смогли покинуть пределы Советской России только по ходатайству М. Горького. Е. Д. Кускова была в 1922 г. выслана за границу после ряда арестов и ссылки в Вологодскую область. «Солнце всходит и заходит...» — записанная М. Горьким народная песня, включенная в текст пьесы «На дне» (1902). Начало песни: «Солнце всхо-

дит и заходит, / А в тюрьме моей темно. / Дни и ночи часовые / Стерегут мое окно...».

С. 228. *День Всех Святых* — 1 ноября — последний крупный праздник римско-католического литургического года.

...только что прибывшие в Берлин из России высланные московские философы во главе с Н. А. Бердяевым... — В 1922 г. немецкий пароход «Oberbürgermeister Haken» (рейс: 29—30 сентября 1922 года) доставил из Петрограда в Штеттин группу лиц, высланных советской властью. Среди них были философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, С. Е. Трубецкой, Б. П. Вышеславцев, А. А. Кизеветтер, М. А. Ильин (Осоргин), М. М. Новиков, А. И. Угримов, В. В. Зворыкин, Н. А. Цветков, И. Ю. Баккал и другие. 30 сентября пароход прибыл в Штеттин. На борту находилось примерно 30—33 человека из Москвы и Казани, а также из других городов (с семьями примерно 70 человек).

С. 228. *Celui qui mange l'oiseau commence par lui ôter les plumes* (*фр.*) — кто хочет съесть птицу, должен сперва ощипать перья — цитата из средневековой драматизированной новеллы Фернандо де Рохаса «Селестина» (1492).

Обезволпал — имеется в виду Обезвелволпал (Обезьянья Великая и Вольная палата) — придуманное А. М. Ремизовым шуточное тайное общество фантастических обезьян, восходящих к благородным лошадям-гуигнгнмам Дж. Свифта. В 1917—1921 гг. Обезвелволпал приобрел черты ненасильственной оппозиции большевистскому режиму. См. подробнее: *Обатнина 2001.*

«Эпопея» (Москва-Берлин, 1922—1923, № 1—4) — литературный ежемесячник (№ 1—3). Литературный сборник (№ 4). Ред. — Андрей Белый. Выходил в издательстве «Геликон».

С. 231. *...я должен Эренбургу 13 трубок...* — Отсылка к названию сборника рассказов И. Эренбурга «Тринадцать трубок» (Берлин: Геликон, 1923. 257 с.).

Крампэ — берлинский пансион на Виктория Луиза Пляц (Victoria Luise Platz), где жили в начале 1920-х гг. многие русские писатели.

...два тома «Петербурга» и два «Серебряного Голубя»... — Имеются в виду издания: *Андрей Белый.* Петербург: Роман. Ч. 1—2. Берлин: Эпоха, 1922; *Андрей Белый.* Серебряный голубь: Роман. Ч. 1—2. Берлин: Эпоха, 1922.

Метакса — берлинское агентство по найму квартир.

Их видели неразлучно в ревире, в вонунгсамте... — *Ревир* (*нем.* Revier) — полицейский участок. *Вонунгсамт* (*нем.* Wohnungsamt) — отдел регистрации по месту проживания.

С. 232. *«Wünschelrute»* (*нем.*) — лозоискательство, поиск источника воды при помощи лозы.

С. 233. *...в Logos'е...* — *«Логос»* — берлинский книжный магазин.

С. 233. *«Беседа»* (Берлин, 1923—1925) — журнал литературы и науки. Гл. ред. — М. Горький. Ред.: Андрей Белый, В. Ф. Ходасевич, Ф. А. Браун, Б. Ф. Адлер.

Приятель мой, небезызвестный Иван Козлок ~ ничего бы он не желал, как иметь собственную колбасную ~ я был бы доволен, если б мой приятель Козлок разрешил мне заходить иногда к нему в лавку, — я тоже люблю этот копченый воздух. — Ср. в кн. «Учитель музыки»: «Наш художественный критик К. С. Перлов читал у Корнетова на Святках свой ответ на новогоднюю анкету в шанхайской газете: “ваше заветное желание” — что не надо ему ни золотых, ни серебряных гор, а пусть его приятель Козлок откроет колбасную, а он заходил бы к нему копченым воздухом подышать; все смеялись, а я ничего смешного не нахожу: потому что дух колбасный все превосходит. И рассуждаем: что это значит — окорок необозримый! — либо сверхъестественное, загодя назнаменованное “львиным рыком”, либо демпинг: за такую цену никак невозможно!» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 211).

С. 234. *В школе 1-го Морского Берегового Отряда ~ Россия.* — Опубл. в разделе «О разных книгах» как рецензия на немецкое издание Пушкина: *Puschkin A.* Anekdoten und tischgespräche / Herausgegeben, übertragen und mit einem Vorwort verschen von Johanes von Günter. Mit illustrationen von Nicolai Saretzkij. München, 1924. S. 105 (Воля России (Прага). 1926. № 8/9. С. 233—234).

...я хочу, чтобы мне подарили Робинзона или Гулливера... — Имеются в виду популярные в России переложения для детей книг: Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим» (1719) и Дж. Свифта «Путешествия в некоторые удаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» (1725—1726).

С. 235. *Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы...* — Ср. в кн. «Учитель музыки»: «Третий вопрос мне внушила литературная газета, прекратившаяся на пятом номере за ненадобностью: эмиграция в литературной газете не нуждается! — в этой газете была анкета: “Какое произведение вы считаете самым выдающимся за последнее пятилетие”» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 194).

«Соть» (1930) — роман Л. М. Леонова.

«Каспийское море» — неточное название романа Б. А. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» (1930).

С. 235. *...нахожусь под чарами Дон-Кихота: новый перевод под редакцией кельтолога Александра Александровича Смирнова.* — Речь идет об изд.: *Сервантес де Сааведра М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Л., 1929. XCI + 845 с. Данное издание оказало значительное влияние на создание кн. Ремизова «Учитель музыки». Подробнее см.: *Грачева А. М.* Романные эксперименты А. Ремизова 30-х годов XX в. и «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса // Русская литература конца XIX — начала XX века в зеркале современной науки. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 245—254.

С. 236. *...киноических...* — неологизм Ремизова от слова «кино».

...полтора года прожил над кинематографом. — С ноября 1928 г. до мая 1930 г. Ремизов жил в Латинском квартале на бульваре Пор-Руаяль, 11, над кинематографом. Этот период его жизни описан в кн. «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 45—109).

«Рычи, Китай!» — пьеса советского писателя и сценариста С. М. Третьякова (1925), основной темой которой стало сопротивление китайцев английским империалистам.

С. 236—237. *На океане только и есть ~ ваканс.* — Вариант из кн. «Учитель музыки» (ср.: *Учитель музыки-РК IX.* С. 269—271).

С. 237. *«Деженэ»* (*фр.* déjeuner) — завтрак.

Копэн (*фр.* copain) — приятель.

...«trois cents vues de la Collection Coloniale du Chocolat Suchard» (*фр.*) — триста видов из колониальной коллекции шоколада Сушар. Имеются в виду карточки с видами достопримечательностей «колониальной коллекции», вложенные в плитки шоколада швейцарской фирмы Сушар.

Динэ (*фр.* dîner) — ужин.

Я, «китаец»... — Ср. в кн. «Учитель музыки» неоднократное подчеркивание «китайских» черт alter ego автора — Корнетова: «А тот повар в колпаке с искренним любопытством следит за Корнетовым — за китайским поваром, искренне веруя, что Корнетов китаец. <...> И в Париже “китайские” повадки обнаружились как-то само собой безо всякой намеренности и умысла» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 46).

С. 239. *«Пруд»* — данная статья — незначительно переработанное предисловие к не осуществленному в 1925 г. изданию романа в издательстве «Пламя». См. публикацию этого вступления: *Пруд-РК I.* С. 505—507.

В 1-й редакции ~ «Пруд» напечатал в ж. «Вопросы жизни»... — *Ремизов А.* Пруд // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. Отд. IV. С. 61—100; № 6. Отд. IV. С. 1—42; № 7. Отд. IV. С. 1—38; № 8. Отд. IV. С. 87—124; № 9. Отд. IV. С. 3—46; № 10/11. Отд. IV. С. 1—50.

...«Неуемный бубен» — последняя надежда — был отвергнут ред. «Аполлона»... — О непринятии повести «Неуемный бубен» (1910) к публикации в ж. «Аполлон» см. подробнее: *Зга-Росток XI.* С. 615—618.

С. 239. *«Знание»* (СПб., 1898—1913) — культурно-просветительское издательство. Основано К. П. Пятницким. С 1902 г. руководители издательства — К. П. Пятницкий и М. Горький.

«Мусагет» (М., 1910—1917) — издательство. Организовано Андреем Белым, Эллисом (Л. Л. Кобылинским) и Э. К. Метнером. Редактор-издатель — Э. К. Метнер.

«Шиповник» (СПб., 1906—1917; М., 1918—1922) — издательство. Основатели — З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман.

С. 240. *«Сирин»* (СПб., 1912—1915) — издательство. Основатель — М. И. Терещенко.

«Искра» (1900—1905) — революционная нелегальная газета. Основатель — В. И. Ленин.

«Северный Край» (Ярославль, 1898—1905) — ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Основатель и редактор — Э. Г. Фальк. После 1905 до 1909 г. выходила под измененными названиями.

С. 241. *С. С. А.* — Союз Свободных Алкоголиков. Шуточное название близкого к Ремизову дружеского кружка молодых ссыльных в г. Вологде в начале 1900-х гг. Эта аббревиатура встречается в переписке Ремизова и Щеголева тех лет. Подробнее см.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву / Вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Наука, 1998. С. 121—177.

«Пруд» автобиографичен... — Ср.: «В “Пруду” я всю правду написал, только сумел ли? И все это я так кровно вчера почувствовал, когда подходил к Найденовскому дому к Mutter’у, когда заглянул в сад. Но говоря так, в черной волне, я забыл все тепло — дыхание “родного”, забыл благовест, распевы, Пасху — колыбельную Москву неповторимую...» (*На вечерней заре 1987.* С 271).

«Три серпа» — Ремизов А. Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: Таир, 1929. Т. 1. 160 с.; Т. 2. 160 с.

«По карнизам» — См.: *Ремизов А.* По карнизам: Повесть. Белград, 1929. 128 с.

...с бурной «Взвихренной Русью». — Отсылка к изд.: *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927. 530 с.

«Посолонь» — имеется в виду изд.: *Ремизов А.* Посолонь: Волшебная Россия. Париж: Таир, 1930. 240 с.

...посвящена книга «Посолонь». — Далее следует отдельная вырезка из неустановленного текста <Ремизова?>:

«Ничто в мире не изменяется:

— Старики будут вспоминать, как было хорошо десять лет назад. Молодые будут загадывать, как будет хорошо через десять лет».

С. 242. *Сон ~ все-таки обогащает жизнь...* — Ремизов не раз отмечал, что сон является значимой частью человеческой жизни (см.: *Ахру-РК VII.* С. 353—361, 426—432), и подчеркивал его значение для литературного творчества (см.: *Иверень-РК VIII.* С. 276—278). «Если бы писатели одаренные, с глазом, с ухом, с сердцем, "недотроги", на которых все действует, попробовали развить в себе эту коренную память на "ночное", бобровую перекопь, литература приняла бы, я уверен, совсем другую форму: она была бы ближе к Прусту и много было бы в ней и чудного, и чудного с теми приятными и неприятными неожиданностями, какие бывают только во сне» (*Иверень-РК VIII.* С. 277).

С. 243. *Д. С. Мережковский ~ Тутанхамоном упражняется...* — Иронический намек на сюжеты исторической прозы Д. С. Мережковского; отсылка к его роману «Рождение богов. Тутанкамон <так! — *Ред.*> на Крите» (1924).

М. А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует... — Шуточная отсылка к созданной М. А. Алдановым серии романов из истории Великой французской революции и наполеоновских войн — к тетралогии («Девятое термидора», 1923; «Чертов мост», 1925; «Заговор», 1927; «Святая Елена, маленький остров», 1921). Одним из героев романа «Девятое термидора» является граф П. А. Зубов.

С. 244. *...В. И. Иванов на древнегреческом языке ~ разговаривать может, Д. С. Мережковский — по-египетски, Л. И. Шестов — по латыни.* — Отмечены специфика профессиональных интересов юбиляров. В. И. Иванов — филолог-античник, переводчик древнегреческих авторов. Д. С. Мережковский — см. комм. к с. 243 наст. изд. Лев Шестов занимался изучением философских сочинений писавшего на латыни христианского философа Блаженного Августина.

Отокар (*фр.* autocar) — междугородний автобус.

Carte d'identité (*фр.*) — удостоверение личности.

Récépissé (*фр.*) — квитанция. Зд. имеется в виду Récépissé de Demande de Carte de Séjour — временное удостоверение личности (вид на жительство).

Femme de ménage (*фр.*) — домработница.

Parfumerie (*фр.*) — парфюмерия, производство парфюмерных товаров. Заметка состоит из подобранных Ремизовым цитат — объявлений в эмигрантских изданиях.

С. 245. *...случай на Таврической в Петербурге. Мы только что переехали на новую квартиру в дом Хренова.* — Ремизов жил на Таврической улице (дом № 3^{в}, кв. 29) с сентября 1910 г. по июнь 1915 г. «Дом Хренова» — название восходит к фамилии успешного архитектора Александра Сергеевича Хренова (1860—1926), в начале XX в. постро-

ившего или перестроившего более 30 зданий в Петербурге. Частью построенных им доходных домов владел сам архитектор.

С. 245. *...почему еще не могу писать продолжение повести моей «В поле блакитном» (отдельные главы были тогда напечатаны).* — См.: *Ремизов А.* В поле блакитном. Берлин, 1922. 137 с. До выхода отдельного издания в период проживания Ремизова в «доме Хренова» опубл.: Таинственный зайчик // *РМ.* 1909. Кн. 10. Отд. I. С. 131—137; Бочёночек // *ЕЖ.* 1914. № 1. С. 41—42; Пасха // Тропинка. 1910. № 8. С. 307—313.

С. 246. *Я тогда сказку про «мышку-морщинку» писал...* — См.: *Ремизов А.* Морщинка: Сказка. СПб., 1907. 16 с. В издании: *Ремизов А.* Сказки обезьяньего царя Асыки (Берлин, 1922. 80 с.) — эта сказка имеет название «Мышка-Морщинка» (с. 31—38).

С. 247. *...и есть одно: «страшно».* — Далее следуют неавторизованные: 1) вырезка подглавки «Род» из публикуемого рассказа «Космография» (см. с. 252 наст. изд.); 2) повторно: журнальная вырезка комплекса рецензий «Библиография» (см. с. 213—220 наст. изд.).

...на ком остановить глаза: на Шестове или на Пугавкине? — Пугавкин — реальное неустановленное лицо, скрытое под ремизовским прозвищем. В кн. «Учитель музыки» упомянут «Пугавкин» — русский «философ, уже затмивший Канта», приехавший в Париж из советской Москвы, а потом вернувшийся обратно (см.: *Учитель музыки-РК IX.* С. 138—145).

...Осоргин-писатель говорит не от себя, через него говорит «стомиллионное» население русского Парижа. — В ж. «Числа» вместе с ответом Ремизова на анкету «Для кого писать» было опубликовано противоположное мнение Осоргина: «простота письма есть единственный обязательный закон искусства» (Числа (Париж). 1931. Кн. 5. С. 283). Ср. в «Учителе музыки»: «И пусть Шестов <...> ходит на рэсэпсионы с “меблированными” знаменитостями и разъезжает по всему свету на философские конгрессы, <...> а много ли и сколько наперечет знают его из “большинства”, из “массы”, из этих “всех” этого русского “стомиллионного” Парижа, имеющего безобидную наглость судить и о литературе — а то как же, всецветный, не поддающийся никаким дождям эмпермеабль и книга одно и то же! — и с судом которого по смыслу Осоргинской формулы “писать для читателя” следует писателю считаться?» (*Учитель музыки-РК IX.* С. 303).

С. 249. *А называю я эти мои «завитушки» — Чупыжник...* — См.: *Ремизов А.* Чупыжник // *ПН.* 1932. 21 февр. № 3987. С. 3.

«manuscript pour l’impression» (*фр.*) — рукопись для печати.

«imprimé» (*фр.*) — напечатанное произведение.

С. 250. *Картдидантите* (*фр.* carte d’identite) — удостоверение личности.

С. 250. *Redacteur* (*фр.*) — редактор.

С. 252. ...*«русский природный язык»*... — См. комм. к с. 217 наст. изд.

Ванька Каин (Иван Осипов; 1718 — после 1756) — знаменитый московский вор, сыщик.

С. 253. ...*В. В. Розанов: «никогда более страшного человека... подобия человеческого не приходило на нашу землю».* — Цитата из книги В. Розанова «Опавшие листья. Короб первый» (*Розанов В. В.* [Сборник: В 2 т.]. М.: Правда, 1990. Т. 2: Уединенное. С. 315).

С. 253. ...*сатанинское имя Гоголя — имя птицы, под видом которой, по богомильскому сказанию, является Сатанаил при сотворении земли*... — Отражение космогонической гностической легенды, воспринятой богомилами — последователями еретического антиклерикального движения X—XV вв. См. апокрифическую повесть «О тивериадском море»: «Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивериадское, а берегов оу него не было; и виде Господь на мори гоголя пловуща, а тотъ гоголь Сотанаил» (*Веселовский. Разыскания XI.* С. 47). По легенде, Бог и Сатанаил (Сатана) в образе птицы-гоголя совместно сотворяют землю и ангелов. Сатанаил становится их главой, но за гордость низвергается Богом из рая в ад. Эта легенда использована Ремизовым при создании романа «Пруд» (см. подробнее: *Грачева 2000.* С. 35—47).

...*«проклятая колдунья ~ Ничего!!!» («Опавшие листья», 1 короб)* — Цитата из книги В. Розанова «Опавшие листья. Короб первый» (*Розанов В. В.* [Сборник: В 2 т.]. Т. 2: Уединенное. С. 315).

Кикимора — персонаж русской народной демонологии. Предстает в облике женщины, жены домового, проклятой родителями или родившейся от женщины и змея, а также в облике девушки, которая в мире людей умерла в младенчестве некрещеной.

...*«кикимору» создал А. К. Лядов.* — Имеется в виду одночастная симфоническая картина А. К. Лядова «Кикимора. Народное сказание для оркестра» (соч. 1909, изд. 1910). Ее написание связано с несостоявшимся замыслом балета «Алалей и Лейла» на либретто А. Ремизова. См.: *Россия в письменах-Росток XIII.* С. 872.

С. 254. *Как-то шли мы в Петербурге с Шестовым по Караванной ~ видим: птичье.* — См. отмеченное Е. Р. Обатниной (*Ахру-РК VII.* С. 579) отражение этого происшествия в письме Ремизова Л. Шестову берлинского периода: «Помнишь шли мы втроем <...> и Д. А. Левин был, помнишь, птица ему на шляпу и с...нула, на Екатерингофско<м>?» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *РЛит.* 1993. № 1. С. 170).

Поветовый суд — уездный суд. Отсылка к заголовку: «Глава IV. О том, что произошло в присутствии миргородского поветового суда»

(Гоголь Н. В. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

С. 255. *...я видел ее однажды весенним ранним утром в Устьсысольске, где солнышко не заходит...* — См. стихотворение Ремизова в прозе «Кикимора» (1903) — *Оказион-РК III.* С. 56—57, 603. См. также отражение этого мотива в кн. «Иверень» (*Иверень-РК VIII.* С. 416—428).

С. 255. *В «Сказаниях русского народа» у И. П. Сахарова есть стих о Кикиморе.* — См.: «Живет, растет Кикимора у кудесника в каменных горах <...> От утра до вечера тешит Кикимору кот-баюн, говорит он ей сказки заморские про весь род человеч. Со вечера до полуночи заводит кудесник игры молодецкие, веселит Кикимору то слепым козлом, то жмурками. Со полуночи до бела света качают Кикимору во хрустальчатой колыбельке. Ровно через семь лет вырастает Кикимора. Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малым-малешенька со наперсточек, а туловища не спознать с соломиной. <...> Зло на уме держит на люд честной. <...> Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера; со вечера до полуночи свистит, шипит Кикимора по всем углам и полавочной; со полуночи до бела света прядет кудель конопельную, сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую» (Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. СПб., 1885. Кн. 2. С. 36—37).

С. 255—256. *Живет-растет кикимора ~ люд честной.* — Близкое к тексту цитирование программы, предпосланной симфонической картине А. К. Лядова «Кикимора».

С. 256. *Ремез — из птиц первая...* — Ср. миниатюру «Ремез — первая пташка» (*Докука и балагурье-РК II.* С. 105—106). Ремизов возводил происхождение своей фамилии к названию этой птицы. См.: Алексей Ремизов о себе // *Ремизов А. М.* Избранное. Л., 1991. С. 548.

Аука, Скриплик — лесные духи, персонажи из цикла сказок Ремизова «К Морю-Океану».

С. 257. *«Заветы»* (СПб., 1912—1914) — литературно-политический ежемесячный журнал. Ред. — П. П. Инфантьев, в 1913 г. — И. И. Кораевский, в 1914 г. — Н. М. Кузьмин.

«Уездное» (1912) — повесть Е. И. Замятина.

Шишков — «Тунгусские рассказы»... — Аберрация памяти Ремизова. В ж. «Заветы» публиковались рассказы В. Я. Шишкова из сибирской жизни («Краля», 1912; «Суд скорый», 1914). «Тунгусские рассказы» (1914) — название сборника произведений сибирского писателя И. Г. Гольдберга.

«Новая бурса» (1913) — роман Л. М. Добронравова (впервые опубл.: Заветы. 1913. № 6—10).

...Пушкин «прорубил окно в Европу»... — переосмысление цитаты из «Медного всадника» А. С. Пушкина (1833). Ср. оценку Ремизовым

роли Пушкина в отходе литературы от «природного русского лада» — аввакумовского «вяканья»: «...европеец Пушкин советовал учиться у просвирен, но по словам Вяземского сам просвирен не очень жаловал» (*Кодрянская 1959*. С. 145).

С. 258. *...как выразился один «поэт» про «Что делать», «трактат-роман»...* — цитата из стих. В. Ангарского (В. В. Леоновича). Повторена в кн. «Иверень» (*Иверень-РК VIII*. С. 254).

Пушкин — «Балда»... — Имеется в виду «Сказка о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина (1830).

С. 259. *...слова, как звезды...* — См. в статье Ремизова «О человеке — звездах и о свинье» (1919): «Те звезды, какие светят человеку — создание его духа — искусство <...> Само слово — эти крылья духа человеческого» (*Русалия-Росток XII*. С. 558).

...и звезда с звездою говорит... — цитата из стих. М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

...дружил с Шаляпиным. — См. посвященный Шаляпину очерк Л. Добронравова «Ты — царь — живи один!» (Аргус. 1916. № 4).

С. 260. *«Девятая симфония»* (1817 и 1822—1823) — музыкальное произведение Л. ван Бетховена.

С. 261. *«Полунощники»* (1891) — произведение Н. С. Лескова.

«Борис Годунов» (1872), *«Хованщина»* (1881, дописана и оркестрована Н. А. Римским-Корсаковым в 1883 г.) — оперы М. П. Мусоргского.

...он писал роман из студенческой жизни — 30 листов! — Не сохранился.

...затеял роман ~ «Черноризец»... — Не сохранился.

С. 263. *Святая неделя* — первая неделя после Пасхи.

...идешь по Никольской, а у Пантелеймона стоят по стенке... — Имеется в виду реалия Москвы начала XX в. — часовня великомученика Пантелеймона (часовня афонского Пантелеймоновского монастыря), выходившая фасадом на Никольскую улицу. Освящена в 1883 г., уничтожена в 1934 г.

На Преполовение (середа 4-й недели) помер... — Преполовение Пятидесятницы — праздник, отмечающий середину между Пасхой и Пятидесятницей (Троицей), приходится всегда на среду 4-й недели после Пасхи.

...скоротечная чахотка. — «Добронравов умер от скоротечной чахотки в нищете; похороны оплатило румынское правительство» (*Поливанов К. М., Чанцев А. В.* Добронравов Леонид Михайлович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 143).

С. 264. *...известный всему книжному Петербургу под именем «василеостровского книгочия» и знакомый всякому ~ безымянно по бороде и падающим, спускающимся, как на колок, на нос волосам...* — Ср. в статье Ремизова «Репертуар»: «Яков Петрович — книгочий василе-

островский, книжный островной владыка, сатрап библиотечный — власы дьяконовы, а брада колом, лекции читает, бия себя в грудь и таща за бороду, от чего коль не ровен, больше всего на этом свете книгу любит, а питается морожеными овощами. Но ему не надо и мороженого — дай ему книгу, с книгой все забудет, изжогу забудет, от которой много терпит» (*Русалия-Росток XII*. С. 572—573).

С. 264. *Какая преступная рука, какого изменника России могла подписать ссыльный приговор книголюбу ~ незаменимому работнику, подлинно «герою труда»! Я. П. Гребенщиков ~ пролетарского происхождения...* — Полемическая отсылка к получившему известность в кругах литераторов-эмигрантов докладу А. М. Горького «Советская литература», прозвучавшему на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. Горький говорил: «сырьем для фабрики богов служили “знатные” люди древности — Геркулес, “герой труда” <...> Именно труд масс является основным организатором культуры <...> идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества, науки, искусства. <...>

Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы <...> может развиваться только в условиях коллективного труда» (*Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия (1933—1936). М., 1953. С. 300, 319—320, 329—330).

С. 265. *Знаменный распев* — распев (по-старинному: ро́спев) — круг церковных мелодий, постепенно сложившийся в определенный вид в той или другой местности и принятый сначала в местное, а затем и всеобщее церковное употребление. Мелодии каждого распева построены на определенных музыкальных основаниях, одинаковых для всего данного распева. По происхождению распевы различаются на древнейшие и поздние. К древнейшим относятся: большой знаменный, греческий, болгарский и киевский.

Дума — украинская историческая песня, свободная по ритму и лишенная строфического членения, создававшаяся в казацкой среде в XVI—XVII вв.

...в Казанском... — Казанский кафедральный собор (Собор Казанской иконы Божией Матери, 1801—1811, арх. А. Н. Воронихин) в Санкт-Петербурге (Невский пр., Казанская пл., 2).

Бестиарий — средневековый сборник, посвященный описанию животных. В бестиарии научные сведения объединены с баснословными сказаниями и их символическим толкованием.

С. 266. *Догматик* — краткое песнопение догматического содержания, посвященное Богородице.

С. 266. *«Ангел вопияше...»* — пасхальное песнопение, так называемый задостойник Пасхи. Первые слова припева на 9-й песни канона Пасхи.

Последнее напечатанное Льва Шестова — о Бердяеве... — Речь идет о статье Шестова «Николай Бердяев. Гносис и экзистенциальная философия» (*СЗ*. 1938. Кн. 67).

С. 267. *Шестовское «безумие» — «апофеоз беспочвенности»...* — Отсылка к книге Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности» (СПб., 1905).

...учил меня житейской мудрости на манер гофманского кота Мурра... — Отсылка к одному из героев-повествователей романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (1819—1821), воплощению обывателя, филистера.

С. 268. *...к «природной» речи Аввакума...* — Отсылка к цитате из «Жития протопопа Аввакума» (см. комм. к с. 217 наст. изд.).

«Воительница» (1866) — повесть Н. С. Лескова.

Лесков ~ в ~ «Блохе»... — аберрация памяти Ремизова. *«Блоха»* (1925) — пьеса Е. И. Замятина, основанная на повести Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881).

...во славу Аполлона «Полведерского», не понасажал «мелкоскопов» и «нимфузорий»... — неологизмы Лескова — так называемые «лесковизмы», употребленные писателем в повести «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе».

Житийный Макарьевский кодекс — имеются в виду Великие Четьи-Минеи — сборник XVI в. из 12-ти книг, включающий в себя жития святых на каждый день, святоотеческие поучения и апокрифы. Составлен под руководством архиепископа новгородского Макария.

...из Киева «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича. — Имеется в виду книга проповедей архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича (1593—1693): *Лазарь Баранович.* Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников господских, Богородичных, апостольских, мученических... Киев, 1674 [7182].

В 1924 году Аввакум заговорил по-английски. — См. комм. к с. 216—217 наст. изд.

С. 269. *...по-староверски «Лесов и Гор» Мельникова-Печерского...* — Речь идет о дилогии — романах П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871—1874) и «На горах» (1875—1881), посвященных старообрядцам и хлыстам.

В Андрониеве и Новоспасском на выставке Рогожских и Таганских невест по ударениям различали «щепотницу» и «двуперстницу»... — Речь идет о различении девушек по принадлежности их к православному или старообрядческому вероисповеданию. *Двухперстие* — принятое в средневековом православии и сохранившееся у старообрядцев

сложение пальцев (перстов) правой руки для совершения крестного знамения. С 1650-х гг. в Московском патриархате русской православной церкви было вытеснено троеперстием. При двуперстном сложении большой палец, мизинец и безымянный палец складываются вместе; каждый палец символизирует одну из трех ипостасей Бога: Отца, Сына и Святого Духа; а их соединение едино Божество — Святую Троицу. Лоб крестят двумя перстами (указательным и средним), как символами Богочеловечества Христа. При трехперстном сложении лба касаются тремя соединенными пальцами (большим, указательным и средним), которые также знаменуют Святую Троицу. За такой тип сложения пальцев при крестном знамении старообрядцы иронически называли сторонников современного православия «щепотниками».

С. 269. *«Хвалите»* — речь идет о полиелее — в православном богослужении части праздничной утрени от начала пения псалмов до чтения канона, наиболее торжественной части всенощного бдения. В его состав входят 134-й и 135-й псалмы, 134-й начинается со слов «Хвалите имя Господне».

...на рю Дарю... — Имеется в виду православный Свято-Александро-Невский кафедральный собор (освящен в 1861 г.), находящийся в Париже на улице Дарю, 12 (фр. rue Daru, 12).

Знаменный распев — см. комм. к с. 265 наст. изд.

...на площади Грэв сожгли «гадалку» Лавуазен... — Катрин Монвуазен (Montvoisin), прозванная Ля-Вуазен (la Voisin; ок. 1640—1680) — французская авантюристка, была осуждена за колдовство и использование ядов и сожжена на Гревской площади (Place de Grève), где было место казни преступников.

С. 271. *«О двух стариках»* — имеется в виду рассказ «Два старика» (1885) Л. Н. Толстого из цикла «Народные рассказы».

«Много ли человеку земли нужно» (1886), «Чем люди живы» (1881) — произведения Л. Н. Толстого из цикла «Народные рассказы».

С. 272. *Мои первые рассказы в рукописи Мейерхольд ~ показывал Чехову: Антон Павлович не одобрил...* — Ср. в кн. «Иверень»: «Отзыв Чехова на словах Мейерхольду: Мейерхольд, щадя меня, путался, повторяя “надо работать”, но я-то за всеми словами чувствовал, что Антону Павловичу мое “декадентское” очень не понравилось» (*Иверень-РК VIII.* С. 454—455).

«Хмурые люди» — название сборника рассказов А. П. Чехова (1890).

Не довелось мне в жизни встретить Чехова, но во сне однажды снился. — Имеется в виду сон Ремизова «Чехов» (*Ахру-РК VII.* С. 395—396).

...в святой Софии Царегградской... — Собор Святой Софии (532—537) — патриарший православный собор в Константинополе. После

завоевания города турками (1453) обращен в мечеть, с 1935 г. — музей.

С. 272. *Что роком суждено ~ По вечном небе родины моей...* — цитата из стих. В. Соловьева «Что роком суждено, того не отражу я...» (1875—1877).

С. 273. *Знаменская коммуна* — общежитие на кооперативных началах в Санкт-Петербурге на Знаменской улице (1863—1864), возникшее под влиянием идей романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Члены — переводчики и литераторы. Основатель — писатель В. А. Слепцов.

...она пошла бы «в народ». — Речь идет о «хождении в народ» 1860-х — 1870-х гг. — массовом движении студенческой молодежи и революционеров-народников в деревню с целью просвещения и революционизирования крестьянства.

С. 274. *«Твой отказ кн. Дадиани ~ печатной бумаги в мире».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 31 декабря 1872 г. (Юношеские письма Владимира Соловьева // *РМ.* 1910. Кн. 5. С. 163—164).

С. 274—275. *«Отвечаю тебе прямо ~ недостойным».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 6 июля 1873 г. (Там же. С. 167).

С. 275—276. *«Печально, моя дорогая Катя ~слова немы и пошлы».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 11 июля 1873 г. (Там же. С. 167).

С. 276. *«Во-первых, пишу ~ в настоящем я ничто...»* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной, <осень> 1873 г. (Там же. С. 180).

С. 277. *«Сегодня я только к утру ~ мучение мое!»* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 8 октября 1873 г. (Там же. С. 179).

...та же «мудрость змия и незлобивость голубя»... — неточная цитата из Евангелия (Мф 10, 16).

С. 277—278. *«Только что отправил жалобу ~ об этом нечего».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 2 августа 1873 г. (Юношеские письма Владимира Соловьева. С. 170).

С. 278. *«Подателю сего письма ~ дурное скрывать».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 10 августа 1873 г. (Там же. С. 178).

«Что ты пишешь мне ~ боюсь надоесть своей болтовней?» — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной, <август> 1873 г. (Там же. С. 174).

С. 279. *«За днями дни обычной чередой ~ Я этого совсем, мой друг, не понимаю!»* — стихотворные строки — цитата из начала письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 25 августа 1873 г. (Там же. С. 175).

С. 279—280. *«По крайней мере, спокоен ~ у меня ничего живого не будет».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 25 августа 1873 г. (Там же. С. 175).

С. 280. *«В. (Всеволод) раз мне рассказывал ~ и я знаю разницу».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 26 августа 1873 г. (Там же. С. 176).

С. 280—281. *«Не быть мнительным ~ я верю твоей любви и полагаюсь на нее».* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 23 сентября 1873 г. (Там же. С. 178—179).

С. 281. *«Сегодня полученное мною письмо ~ и как это случилось...»* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 15 сентября 1873 г. (Там же. С. 178).

С. 281—282. *«Пожалей меня, дорогая моя ~ Твой навсегда.»* — Цитата из письма В. С. Соловьева Е. В. Селевиной от 25 июля 1873 г. (Там же. С. 168—169).

С. 283. *«И рубины уст ее, казалось, прикипали кровью к самому сердцу».* — Цитата из повести Н. В. Гоголя «Вий» (*Гоголь Н. В.* Собр. худож. произв.: В 5 т. М., 1960. Т. 2: Миргород. С. 239).

Два сборника его стихов, изданные в Париже — «Ступени» и «Листья», изд. Вол... — перечислены сборники В. Диксона: «Ступени» (Париж: Гнездо, 1924. 148 с.) и «Листья» (Париж: Вол, 1927. 248 с.).

С. 284. *...сторона небывалая...* — Отсылка к сюжету легенды Ремизова «Сторона небывалая», который восходит к мировому мифу о временном перемещении человека в волшебное пространство (ирландская легенда о посещении св. Бранданом «обетованной земли святых» и др.). В легенде повествуется о молодце, попавшем в чудесное место, где все «живут — не стареют, не умирают». В дальнейшем, вернувшийся домой, герой узнает, что на земле прошло много лет, что все его близкие скончались, и, в конце легенды, сам умирает (см.: *Ремизов А. М.* Сторона небывалая // Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин; Пг.; М. 1923. С. 20—23). Сюжет легенды отражает один из тематических лейтмотивов лирики Диксона.

...вот камушек — он с белых берегов Двины, сбереженный из краснозвонного Сольвычегодска... — Вероятно, речь идет о камушке, хранившемся у Ремизова, как память о годах его ссылки в Вологодской губернии в 1900—1903 гг.

С. 284. *«Господи Боже Мой! — повторяя за Гоголем, — как много всякой дряни на свете!»* — Неточная цитата из повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» (*Гоголь Н. В.* Собр. худож. произв.: В 5 т. М., 1960. Т. 2: Миргород. С. 33).

С. 286. *...Толстой ~ воссоздает легенду ~ о трех старцах.* — Имеется в виду легенда Л. Н. Толстого «Три старца» (1886).

«Набег» (1852) — рассказ Л. Н. Толстого.

С. 286. *Бретонские легенды — «Мерлин, Кристик» и легенды о Бретонских святых: «Соломон, Еффлам, Ронан» — первые опыты...* — См.: Диксон В.: «Кристик» (*Диксон В.* Стихи и проза. С. 196—207); «Мерлин» (Там же. С. 207—214); «Бретонские святые» (Там же. С. 215—219); «Соломон» (Там же. С. 219—225); «Еффлам» (Там же. С. 225—233); «Ронан» (Там же. С. 233—236).

Лимонарь (греч. Λειμωνάριον, буквально «лужок», от λειμών «луг, цветник») — название нравоучительной книги, содержащей повествования о жизни христианских подвижников. В 1907 г. Ремизов написал свой сборник переложений апокрифов под названием «Лимонарь».

Пролог — в литературе Древней Руси сборник кратких житий, поучений, назидательных повестей, расположенных в порядке церковного календаря.

С. 287. *Но как трудно человеку покориться.* — После текста идет подпись и дата: «Алексей Ремизов 1.XI.1930». После статьи Ремизова «Владимир Диксон» в наборную рукопись «Мерлога» вклеены тексты: **1)** *Б. п.* «Владимир Диксон (Dixon) родился в Сормове...» <Биографическая справка от редакции> — вырезка из кн.: *Диксон В.* Стихи и проза. Paris, 1930. С. 10—11; **2)** *Б. п.* «Посмертная книга Владимира Диксона...» <Информация о выходе кн. Вл. Диксона «Стихи и проза»> — вырезка из неустановленной газеты:

1):

«Владимир Диксон (Dixon) родился в Сормове Нижегородской губернии 16 марта 1900 года. Отец его, Вальтер Франк Диксон американский гражданин: родители отца великобританские подданные: отец — канадец, мать — англичанка.

Предки Диксонов — шотландцы. Один из них служил в армии английского короля Вильгельма III, принца Оранского (1689—1702) и участвовал в битве при Бойне в 1690 г. За военные заслуги ему был подарен участок земли в Ирландии, где он и поселился. Один из его потомков прапрадед Владимира Диксона эмигрировал в Канаду в начале девятнадцатого столетия. Несколько членов семьи Владимира Диксона со стороны отца были священниками англиканской церкви; один из них, Александр Диксон, занимал пост архиерея в городе Гвельфе в Канаде.

Вальтер Диксон приехал в Россию в 1895 г., как инженер-строитель паровозного отдела сормовских заводов. В 1898 г. В. Ф. Диксон женился на Людмиле Ивановне Биджевской, русской православной, хотя дядя ее по отцу был поляк, католик. Когда В. Диксону было три месяца, родители его переехали в Подольск Московской губернии, куда отец его перешел на службу в компанию Зингер. С самых ранних лет В. Диксон был чуткий, отзывчивый, религиозный. Никогда не был

жесток к животным и птицам. Любил природу, музыку и книги, и с детства писал стихи. Рос в деревне, под наблюдением и руководством матери, хотя с трехлетнего возраста и до поступления в школу у него была гувернантка француженка. В 1909 году В. Диксон поступил в Подольское Реальное Училище, которое окончил в июне 1917 года, а в июле родители его отправили в Америку, куда в ноябре и сами уехали.

В феврале 1918 года В. Диксон поступил в Massachusetts Institute of Technology на курс инженеров-механиков, который и окончил в 3 с половиной года вместо четырех лет. Через три месяца после поступления в Институт он вступил в Офицерский Подготовительный Корпус, а, когда был объявлен набор 18-летних, служил солдатом, не оставляя занятий в Институте. В феврале 1919 года ему предстояло назначение в штаб генерала Першинга переводчиком, в виду его знания четырех языков, но, после 11 ноября 1918 года он получил отставку и продолжал занятия в Институте, который и окончил с степенью бакалавра в июне 1921 года. В сентябре того же года он поступил в Harvard University и в июне 1922 получил степень Master of Science. После поездки с отцом для отдыха в Европу поступил на завод компании Зингер, где работал в продолжение года в разных отделениях. В октябре 1923 года принял предложение компании переехать в Париж, где и оставался до дня кончины, занимая ответственное положение по службе.

17 декабря 1929 года в Американском Госпитале в Нэйи на десятый день после операции аппендицита, продолжавшейся более двух часов, В. Диксон помер от амболии. В гроб ему положили русскую землю, лепестки розы из надгробного венка Блока и камушек с Северной Двины из Сольвычегодска — Русская память. Похоронен он в Америке в Плэнфильде, где живут его родители. Последние стихи написаны им в госпитале в канун операции».

2):

«Посмертная книга Владимира Диксона († 17.XII.1929), автора сборников — «Ступени», Париж, 1924 и «Листья», Париж, 1927, состоит из стихов и рассказов. Среди стихов наиболее интересны посвященные Византии и Шартру. Из рассказов надо отметить Бретонские легенды, впервые появившиеся в русской литературе.

Диксон умер, не дожив до тридцати лет. И по тому, что успел сделать, можно судить о нем, как о выдающемся даровании среди молодых «зарубежных» писателей. Из лирических тем его вдохновляла горячая память о русской земле — его родине:

Разве могу забыть я черные пашни,
Облачное небо, дрожащие березы.
Разве могу забыть вас, равнины наши,
Осенние дожди, весенние грозы.

Все мне будет помниться и томить печалью
Красота бесшабашная стороны родной.
Низкое небо над клеверною далью,
Размытые дороги и кустарник сухой.
Разве могу разлюбить я звенящие песни,
Красный плат, мелькающий в цветущих полях,
Дремучие леса и равнины безлесные,
Тускнеющее золото на церковных куполах...
Медленно влачатся дни —
сегодняшний и вчерашний;
И завтрашний день будет скучен и долог.
Все мне будут помниться чернеющие пашни
И серого неба низкий, ласковый полог.

Книга издана прекрасно. С двумя портретами автора и украшена концовками. Склад издания: книжный магазин "Москва", Париж».

С. 287. *«Червь»* — рассказ В. Диксона (*Диксон В.* Стихи и проза. Paris, 1930. С. 166—172).

«Описание обстановки» — рассказ В. Диксона (Там же. С. 186—191).

С. 288. *«Молюсь Тебе русскими словами ~ Тихий путь, прозрачная даль»*. — Цитата из стих. Вл. Диксона «Шартр» (1928).

С. 289. *«Если в глухой вологодской деревне ~ Веру мы приняли, свет и покой?»* — Цитата из стих. Вл. Диксона «Если в глухой вологодской деревне...» (1927), третьей части триптиха «Византия».

«Почему тебя Господь оставил, / Отдал все пустынному врагу?» — Цитата из стих. Вл. Диксона «Почему тебя Господь оставил...» (1927), второй части триптиха «Византия».

«Мне кажется, я не отсюда родом ~ Я странником пришел на краткий час». — Цитата из стих. Вл. Диксона «Мне кажется, я не отсюда родом...» (1929).

«Долго странствую, много скитаюсь ~ И всегда я к тебе прихожу...» — Цитата из стих. Вл. Диксона «Долго странствую, много скитаюсь...» (1928).

С. 290. *«Я помню звезд бесчисленные свечи ~ В прозрачной дали долгих вечеров»*. — Полный текст стих. Вл. Диксона «Я помню звезд бесчисленные свечи» (1929).

И выполнено тщательно. — Далее поставлены: подпись и дата: «Алексей Ремизов 17.XII.1930 Paris».

...во дворе Монпарнасской церкви... — Имеется в виду парижский Храм Трех Святителей (5, rue Pétel).

...этот двор мне, как тюремный в Таганке... — В ноябре 1896 г. Ремизов был арестован и помещен в Таганскую тюрьму за участие в студенческой демонстрации, посвященной памяти событий на Ходынском поле.

С. 290. *...к нам на Villa Flore...* — Ремизовы жили по адресу: Villa Flore, 120, Avenue Mozart, — с ноября 1923 г. по март 1928 г.

«Христос воскресе» — зд.: возглас священника — поздравление с Пасхой.

...на дальнем, открытом, как среди пустого поля. Тиэ... — Имеется в виду парижское кладбище (Le cimetière parisien de Thiais). Оно было открыто в 1929 г., расположено в 10 км к югу от Парижа в городке Тие (Тиэ), департамент Валь-де-Марн (Thiais, Val-de-Marne).

С. 291. *...кошмар верональной температуры кончен...* — В ночь с 14 на 15 мая 1933 г. И. А. Болдырев-Шкотт покончил жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу веронала.

...о снах в бестемпературном «смертном сне»... — Отсылка к цитате из монолога Гамлета из трагедии В. Шекспира: «Какие сны в том смертном сне приснятся...» (перевод Б. Л. Пастернака).

Крокмор (*фр.* croque-mort) — могильщик.

Мэтье (*фр.* métier) — профессия.

«Техническая школа» — имеется в виду «Политехническая школа» (*фр.* École Polytechnique) — высшее учебное заведение для подготовки инженеров.

...в мой мир «по карнизам»... — Скрытая отсылка к повести Ремизова «По карнизам» (*Зга-Росток XI*. С. 471—573).

С. 292. *«Мальчики и девочки»* — повесть И. А. Болдырева-Шкотта. Опубл. отд. книгой: Париж; Берлин, 1929.

...ряд рассказов, «Пирожки Ивана Степановича» ~ писал «Цветную сумятицу»... — «Сохранились сведения о рассказах Болдырева: прозаическом цикле «Безумие», состоящем из миниатюр, связанных главным героем — сумасшедшим; рассказах «Анюта», «Амазонки», «Ганя», «Цветная сумятица», «Записки Ивана Степановича» и др. Попытки их публикации не удались, и тексты, по всей вероятности, были уничтожены автором, предъявлявшим максималистские требования к своим произведениям» (*Грачева А. М., Дворникова Л. Я.* Иван Андреевич Болдырев // Русские писатели. XX век: Биобиблиографический словарь. М., 1998. Ч. 1. С. 200).

С. 293. *...недалеко от Сен-Мишель...* — Имеется в виду площадь Сен-Мишель (фр. place Saint-Michel), расположенная в Латинском квартале, между 5-м и 6-м округами Парижа недалеко от набережной Сены.

ПАВЛИНЬИМ ПЕРОМ

Авторизованные тексты: 1) Авторский макет книги А. М. Ремизова «Павлиньим пером. Сборник сказок» (*ПП*). Части I—II. — Авториз. машинопись, вырезки // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20, с рисунка-

ми Ремизова на л. 37, 39, 93. 1950-е гг. 121 л. (*МПП-1*); 2) Авторский макет книги А. М. Ремизова «Павлиньим пером. Сборник сказок» (*ПП*). Ч. III—IV. — Авториз. машинопись, вырезки // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 21, с рисунком Ремизова. 1950-е гг. 178 л. (*МПП-2*).

Впервые опубликовано: *Ремизов А.* Павлиньим пером / Сост., вступ. статья и примеч. Н. Грякаловой. СПб.: Logos, 1994. 276 с. (Сер. «Литература русского зарубежья»).

Текст *ПП* воссоздан по авторскому макету (*МПП-1* и *МПП-2*). Тексты, входящие в книгу, печатаются по данному источнику. В случае лакун источник публикации обосновывается для каждого случая отдельно.

Сборник сказок под названием «Павлиньим пером» (*ПП*) — последняя книга Ремизова, над которой он систематично и увлеченно работал с начала 1950-х гг. буквально до конца своих дней, однако завершить не успел. В соответствии с авторским замыслом книга была доработана литератором и журналистом Б. Сосинским, который был женат на младшей сестре Наталии Резниковой — Ариадне и входил в ближайшее окружение писателя. После возвращения Сосинского в 1960 г. в СССР книга *ПП* была передана вместе с другими ремизовскими материалами в РГАЛИ. Ее макет (*МПП-1* и *МПП-2*) является типичным для писателя образцом авторского моделирования будущей книги путем монтажа и коллажа — вклеивания вырезок своих предыдущих газетных и журнальных публикаций, нередко подвергнутых последующей правке, графического оформления обложек, титульных листов и внутренних шмуцтитулов. *МПП-1* (части 1-я и 2-я) и *МПП-2* (часть 3-я) состоят из смонтированных в книгу листов машинописи, вырезок из журналов, газет, ксерокопий с правкой и пометами автора и Б. Сосинского. Обложки и шмуцтитулы разделов выполнены в характерной ремизовской манере графического рисунка со стилизованными надписями. На обложке изображена марка издательства «Оплешник», в котором ранее вышло восемь книг Ремизова и планировалось издание *ПП*, о чем свидетельствует Н. В. Резникова: «...была готова к печати еще одна книга — *Павым пером*, но из-за недостатка средств ее не удалось издать» (*Резникова Н.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. С. 102—103). На титульном листе название книги — *Павлиньим пером* — сопровождено авторским примечанием внизу страницы, причем отдельные варианты выделены подчеркиванием: «Книга написана павлиньим пером. Варианты в черновиках: 1) Павлинье перо. Девять сказок и татарская. 2) Павьим пером. 3) Павым пером. (!) И еще один вариант: Павлиное перо» (*МПП-1*. Л. 1). Образ, давший заглавие книге, много лет жил в творческом сознании писателя: предисловие

к «Сказкам русского народа...» (1923) он назвал «Павлиньи перья», используя речевую идиому как метафору народного русского слова. Намного позже, уже в 1947 г., он узнает о существовании персидских «павлиньих сказок» (*Кодрянская 1977*. С. 69), и постепенно образ превратится в символ сказочного слова как такового. Ремизов «играет» образом в поисках наиболее яркой и запоминающейся формы. «Павлинье перо. Девять сказок и татарская» — под таким названием в 1953 г. анонсируется предполагаемое издание сказок (в издательстве «Оплешник»), вошедших впоследствии в первую часть *ПП*. «Павлиное перо» — заглавие подборки из четырех монгольских сказок, опубликованной в ж. «Возрождение» в 1955 г. Затем происходит смещение смыслового акцента, и содержательным ядром образа становится атрибут старинного рукописания: «Павьим пером», «Павым пером»; наконец, приходит окончательный вариант — «Павлиньим пером». Ремизов не отступает от своего принципа работы «по материалам», указывая на источники своих «пересказов» и их словесно-ритмическую и интонационную русификацию: «Предлагаемые сказки пишу по материалам: книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски — русскими ладами» (*МПП-1*. Л. 4). «Работа по материалам» для писателя-«вербалиста», каковым Ремизов себя репрезентировал, — своего рода упражнение в искусстве словесного «изографа», отыскание подходящего для этой цели источника — одна из сфер творческой самореализации писателя, ср. замечание В. П. Никитина: «А. М-чу скучно “без материалов”» (см.: *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 268–269, 276–278).

Хронологические границы текстов, вошедших в *ПП*, охватывают период с 1915 по 1956 год. Пересказы образцов восточного фольклора составляют содержательное ядро *ПП* и обрамляют его композиционной рамкой. Архитектоника сборника основана на принципе монтажного соединения материала. В первой части монгольские сказки соседствуют с татарской и нравоучительными историями, восходящими к индийской «Панчатантре» — «пятикнижию житейской мудрости». Во второй, «русской», части представлено жанровое разнообразие бытовавшей на Руси повествовательной прозы: «повесть от жития» («О Петре и Февронии Муромских»), светская повесть с оттенком поучительности («Аполлон Тирский»), ушедшая в народную словесность и ставшая легендой история о царе Аггее, наконец, апокрифическое сказание об Аврааме. Третья часть, начинающаяся с «Басаркуньих сказок» Подкарпатской Руси — своеобразного синтеза бытовой сказки и былички, затем переносит читателя в экзотические регионы — в Кабилию (Северная Африка) и Тибет. Героями кабильского и тибетского «сказа» избраны Шакал и Заяц — традиционные персонажи жи-

вотного эпоса, герои-трикстеры, обманщики, лгуны и хитрецы, чьи бесчисленные проделки составляют сюжетную основу повествования. Завершает эту часть — и всю книгу — раздел «Суфийная мудрость», куда вошли жизнеописания знаменитых суфиев и мусульманских духовидцев, изречения аскетов, назидательные истории, персидская версия басни из средневекового арабского памятника «Калила и Димна». Историко-филологическим и биографическим комментарием к разделу должно было стать написанное ориенталистом-курдологом В. П. Никитиным «Объяснительное слово к “Суфийной мудрости”» (в *МПП-2* отсутствует; впервые опубл.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 303—306; фрагменты приведены: см. с. 678 наст. изд.). Различные по жанру и национальному генезису тексты — сказки, басни, поучения, апокрифы, жития, диалоги, афоризмы — сведены в едином художественном пространстве и воссоздают панораму «голосов», «сознаний» и «языков».

Имя В. П. Никитина (1885—1960) постоянно встречается на страницах автобиографической прозы Ремизова 1940—1950-х гг., он хорошо известен как персонаж «Мышкиной дудочки» — «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвелволпала» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 134). С 1935 г., когда Ремизовы переехали на свою последнюю парижскую квартиру на ул. Буало, 7, они оказались соседями. Постепенно он входит в ближайший круг общения писателя, более того, каждое свое посещение со свойственной ему скрупулезностью фиксирует в записях, составивших своеобразную хронику — «ремизовиану», охватывающую период с 1943 по 1957 год (записи за 1943—1953 гг. хранятся в коллекции рукописей Никитина в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), за 1954—1957 гг. — в ИРЛИ; о Никитине см. подробнее во вступ. статье в кн: *Ремизов А.* Павлиньим пером / Сост., вступ. статья и примеч. Н. Грякаловой. СПб.: Logos, 1994). Никитин стал вдохновителем и непременным участником «восточных бесед», проходивших на квартире Ремизова в знаменитой Кукушкиной комнате по четвергам (вечер четверга на Востоке — традиционное время рассказывания историй). Знаток Ближнего Востока, эрудит, умелый рассказчик, он заражал присутствующих своей увлеченностью. Посвящая ему проникновенные страницы в «Мышкиной дудочке», писатель раскрывал не только привлекательные черты личности ученого, но и свои «восточнические» пристрастия (*Петербургский буерак-РК X*. С. 57). Никитин знакомил писателя с образцами арабской поэзии разных веков, с суфийской лирикой, с персоязычной прозой, в том числе и современной. Трудно сказать, намеренно или нет, но вся книга Ремизова построена по суфийскому методу рассеивания. Сказки, басни, поучения, жития,

диалоги, изречения, сведенные в едином художественном пространстве, постепенно, с помощью многопланового воздействия, создают общую картину. Она же, в свою очередь, и призвана передать тайное «послание» сознанию читателя.

В *ПП* Ремизов подошел к осуществлению своей давней идеи: объединить разные фольклорные «голоса» в едином хоре. Истоки замысла уходят в 1910-е гг., когда писатель впервые обратился к фольклору народов Сибири, Кавказа и Тибета (подробнее см.: *Докука и балагурье*-*РК II* (разделы «Сибирский пряник», сборники «Ё. Тибетский сказ», «Лалазар. Кавказский сказ»), а также: *Данилова И.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 152—172). Социо-культурной мотивировкой такого интереса могли послужить масштабные праздничные мероприятия, проводившиеся в связи с 300-летием Дома Романовых, особенно знаменитая этнографическая выставка, демонстрировавшая колоритное многообразие населяющих империю народов, в том числе «экзотических». Характерно, что эстетическим ориентиром Ремизов избирается «примитив» — доперспективное средневековое искусство русской церковной росписи. Суть своего замысла писатель изложил в одной из автобиографических статей: «Мне пришло на мысль выразить русским голосом — самым в мире свободным и громким по мечте своей — голос народов всего мира,

народов отверженных, “диких”, затесненных,
обиженных, погибающих и погибших.
Пусть прозвучит по-русски их заветное на всеобщем суде!

Это вроде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, <...> в “Страшном суде”, когда олицетворенные выходят целые страны и народы — “литва”, ”русь”, ”арапы” — и говорят о себе — из уст ленточка и надпись на ней:

свое последнее слово.

Мне удалось положить лишь маленькие камушки — сказ сибирский, сказ кавказский, сказ тибетский; Чакчыгыстаасу, Лалазар, Ё» (*Русский Берлин*. С. 184).

В 1922 г. в Берлине один за другим выходят ремизовские «сказы» отдельными изданиями, а по существу — переизданиями, так как каждый цикл уже публиковался ранее в России. На протяжении всего десятилетия на страницах периодики русского зарубежья публикуются ремизовские сказки, вдохновленные фольклором и других ареалов: арабские, негритянские, подкарпатские, кабильские. Следующим значительным этапом в кристаллизации замысла стало объединение по принципу монтажа всех «нерусских сказок» под одной обложкой в виде макета книги. В фонде Ремизова в ИРЛИ (Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9) сохранились две тетради со вклеенными печатными текстами сказок,

в ряде случаев сопровожденными авторской правкой. Содержание тетрадей следующее. В тетрадь «I. Сказки нерусские» входят две арабские сказки, две негритянские черные, семь басаркуньих подкарпатских, кабильские (десять «шакальих» и одна вне цикла), тибетские заяшные (пять); в тетрадь II — девять сибирских, сюда же вклеена книга «Лалазар. Кавказский сказ» (Берлин, 1922), однако графическая обложка, представленная во всех предыдущих случаях, отсутствует.

«Нерусские сказки» Ремизова не были изданы отдельным сборником, однако свое странствие «по словесной дороге» писатель неустанно продолжал, открывая и осваивая новые географические и исторические пространства, а в аспекте литературной стратегии — «наращивая» новые тексты по кумулятивному принципу. В середине 1940-х гг. он работает над монгольскими сказками, в 1947 г. знакомится с санскритским памятником IV в. «Панчатантра» и его арабской версией «Калила и Димна», с новеллистическим сборником XVII в. «История семи мудрецов», в 1949 г. «напал на притчу» XVII в. «Из татарских бытей». Из этого материала и зазвучали «на русские лады» «девять сказок и татарская», которые Ремизов думал издать отдельной книгой под загл. «Павлинье перо». Намерение автора не осуществилось, и по обстоятельствам внешнего характера цикл был опубликован в раздробленном виде: в берлинских «Гранях» (1954. № 22) и в двух номерах парижского ж. «Возрождение» (1955. № 37, 43). И только в *МПП-1* цикл восстановлен в последовательности составляющих его произведений и является первой частью сборника.

Постоянное творческое общение писателя с конца 1940-х гг. с В. П. Никитиным, их совместные восточные «штудии», по-видимому, вновь актуализировали отдалившийся было замысел подготовки сборника «нерусских сказок», дополненного новыми образцами, а также републикации старых циклов сказок Подкарпатской Руси и «восточных» «сказов». Циклы «Шакал. Сказ кабильский» и «Заяц. Сказ тибетский» в *МПП-2* представлены печатными текстами их последней публикации в *НРС* (1956). Тексты *МПП-2* отличаются от текстов предыдущих публикаций отдельными лексическими и орфоэпическими вариантами (например: *жалко ей шакала / жалко ей стало шакала*; *повытаскаю / понавытаскаю*; *свежее / свеженькое*; *и твердо идет / и уж твердо идет*; *А шакал — целый день его нет... / А шакал весь день прождал...* и т. п. («Шакал»); *за пригорком / за пригоркой*; *зайцу / заяцу*; *звереньшей / детеньшей*; *хвостиком / хвостишком*; *вся шкура долой / вся шкура слезла*; *скрылся из глаз / скрылся с глаз*; *в дом его чертячий / в палату его чертячью* и т. п. («Заяц»)). Перед нами характерная для Ремизова «правка», следы которой несут все варианты его «пересказов». Каждая «редакция» мыслилась Ремизовым как самостоятельное произведение, достойное отдельной публикации,

ибо фиксировало некое новое состояние текста, точнее — его новое *исполнение*, рождающееся в процессе *переписывания*. Чем больше «списков», как подготовленных к печати (наборные рукописи, макеты сборников), так и не предназначавшихся к ней (рукописные альбомы, дарственные автографы отдельных произведений и целых циклов, выполненные стилизованным почерком, иллюстрированные рисунками), — тем больше возникало и вариантов, не выходящих, впрочем, за пределы лексико-стилистического уровня вариативности. Особый статус, значительно более существенный, чем в «классических» текстах, приобретают у Ремизова графические варианты, своего рода визуальные маркеры: деление на абзацы, отступы, употребление двойного тире в функции не пунктуационного, а интонационного знака и т. д. Варьируя графику и стараясь приблизить ее элементы к знакам «устного говорения», которыми насыщена сказовая речь, писатель превращал печатный текст в своеобразную «партитуру». Тексты Ремизова как бы имитируют ситуацию собственного производства, причем не как письменного, а как устного текста. И в таком случае Ремизов оказывается близок авангардисту-перформеру, который, «представляя» сам процесс творчества, становится и рассказчиком, и художником, и сценаристом. Чуткостью к жизни текста, его прочтению, восприятию и воспроизведению можно объяснить стремление писателя к неоднократным переизданиям произведений, написанных «по материалам», в их «обновленном» виде. Текстологическая история многих произведений Ремизова измеряется десятилетиями. Например, хронологические границы тибетских сказок — 1916—1957 гг., повести «Авраам» — 1915—1956 гг. Цикл подкарпатских сказок («Басаркуны»), обработанных «по материалам П. Г. Богатырева» в 1924 г., прошел через этап визуализации в рукописном альбоме «Басаркуньи сказки» (1934), где выполненный «от руки» текст сопровожден графическими рисунками автора. Однако текст рукописной книги-альбома не являлся окончательным: текст в тетради «I. Сказки нерусские» отражает значительную авторскую правку (по печ. тексту первой публикации), в результате которой текст предстал в новой «редакции». Последняя публикация цикла (в ж. «Возрождение» в 1957 г.; под загл. «Басаркуньи сказки») данную авторскую правку почти полностью отражает. Однако появление новых «вариантов» типа *Так идет раз Михайло ночью <...> и слышит: на дереве звук*, тогда как в тексте первой публикации было: *на дереве зуск* (вариант не отвергнут при правке в тетради «I. Сказки нерусские»), и особенно графическая унификация текста (упразднение двойного тире, отсутствие сдвига типографского набора вправо на странице при выделении «голосов» сказочных персонажей), лишившая его специфически «ремизовского» облика текста-партитуры, оставляет открытым вопрос о степени авторизации

текста данной публикации. Анализ особенностей ремизовского отношения к тексту подсказал решение текстологической задачи: печатать цикл «подкарпатских сказок» по тетради «I. Сказки нерусские» с учетом авторской правки (верхний слой текста).

Цикл «Суфийная мудрость», над которым писатель с увлечением работал в последний период своей жизни, используя персидские и арабские «материалы» по переводам В. П. Никитина, остался незавершенным: последний фрагмент «Имамат и Халифат» содержит только первую часть («Имамы»); не нашел отражения в цикле отрывок из поэмы «Кто я?» персоязычного поэта-суфия XIII в. Джалалиддина Руми, переведенный Никитиным и посланный им Ремизову в письме от 30 октября 1954 г. (опубл. в кн.: *Ремизов А.* Павлиньим пером. С. 207). Характер работы Ремизова над материалами можно проиллюстрировать путем простого сравнения перевода текста VIII в., где суфий Хасан Басрийский повествует о своих «памятных встречах», выполненного Никитиным (послан в письме от 1 января 1955 г.) (I), и писательской версии текста (II):

I. Встретил я мальчика с зажженной свечой, спрашиваю — скажи мне, откуда этот свет?

Он потушил свечку и в ответ — скажи мне, куда этот свет исчез, отвечу тебе, откуда он взялся.

II. В окне дома я заметил, мальчик играл с зажженной свечой.

— Откуда взялся свет?— спросил я.

Мальчик, лукаво перемигнув, задул свечу.

— А ты мне скажи, куда ушел свет?

Писатель, отталкиваясь, по существу, от подстрочника, создает изящную миниатюру, проникнутую пониманием духа суфийской мудрости. Учитывая постоянное внимание Ремизова к «пограничным» состояниям сознания, к потаенным законам сна и памяти, к передаче интуитивного опыта в слове, к «автоматическому письму», можно объяснить посетивший его на склоне лет интерес к суфийской теософии и суфийским духовным практикам. Здесь глубинный интерес писателя счастливым образом совпал с достаточно случайным обстоятельством — соседством с В. П. Никитиным, что оба прекрасно понимали. Таков корпус «нерусских сказок» в *ПП.* Однако своеобразие замысла, свидетельствующее в то же время о приверженности писателя монтажному принципу конструирования текста, — в том, что в книгу включены и «пересказы» древнерусских повестей, различных по своему жанру и генезису. Открывает эту часть повесть «О Петре и Февронии Муромских» (на «обложке» заглавие-автограф: «Петр и Феврония Муромские»). Ее история локальна — четыре редакции были

написаны в течение 1951 г. Зато следующий подцикл, состоящий из повестей «Аполлон Тирский» и «Царь Аггей», дает дополнительный материал к пониманию особенностей текстологической работы писателя. «Обложка» с рисунком Ремизова представляет собой титульный лист макета несостоявшейся публикации повестей в издательстве «Оплешник», которая анонсировалась в 1953 г. (с подзаг. «Из Римских деяний»). В *МПП-2* оба текста представлены машинописью с авторской правкой. Правка в том и другом случае не затрагивает ни сюжетной линии, ни композиции, а касается стилистической и интонационной аранжировки, что проявляется в замене инверсии прямым порядком слов, в появлении конструкций, характерных для разговорного стиля речи, в некотором сокращении за счет изъятия повторов слов, отдельных эпитетов, в вариативности на лексическом уровне. Во многом аналогична текстологическая история повести «Авраам». Ремизовский «пересказ» в своей первоначальной «редакции» был впервые опубликован в 1918 г. и так же, как и предыдущие повести, входил в кн. «Трава-мурава», так же Ремизов готовил ее отдельное издание для «Оплешника», о чем свидетельствуют сохранившаяся в *МПП-2* графически оформленная обложка. Только его новая «редакция» дошла до стадии публикации в *НРС* в 1956 г. (в *МПП-2* — ее печ. текст). Данный текст при сравнении его с первоначальной редакцией в большей степени отражает авторское вмешательство. Казалось бы, Ремизов работает по уже известной модели: устраняет инверсию и «стертые» эпитеты, сокращает отдельные фразы или дробит их синтаксически, по возможности избавляется от причастных форм, считая это наследие церковнославянского периода в истории русского языка его «порчей». Однако теперь правка затрагивает более «обширные» пространства текста и более глубокие его уровни. Развертыванию — амплификации, по выражению Ремизова, подвергаются темы и мотивы, связанные с экзистенциальными и иррациональными переживаниями: темы сна, мистических встреч, посмертного суда, воздаяния за грехи, обретения вечного покоя. Текст в его окончательной редакции лишается оттенка стилизации, характерного для первоначальной редакции (не в последнюю очередь за счет церковнославянизмов), усиливается его экспрессивность и одновременно субъективно-лирическая тональность. Те новые слова, которые приходят к писателю в момент пересоздания текста («варианты» на языке текстологии), и сам голос автора — рассказчика, сказителя, балагура, который объединяет «фрагменты», «части» и «куски», казалось бы сюжетно и тематически не связанные друг с другом, в некое ритмическое единство, становятся инструментом напряженной интроспекции, что придает ремизовской прозе в целом черты «интимной экзистенциальности». В таких литературных феноменах, как стилизация, пародия, сказ, парафраз, объ-

ектом литературной манипуляции и эксперимента становится сам язык, при этом отход от языкового узуса может быть очень существенным, что характерно для того типа сказовой традиции, которая представлена творчеством Ремизова и которая получила свое итоговое завершение в *ПП*, где собраны последние «редакции» его «сказов».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Присказка

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 37. С. 41, без нумерации, вместе с текстами «Под быком», «Чуткур», «Тигр» под общим загл. «Павлиное перо».

Авторизованный текст: *МПП-1* (машинопись).

Текст-источник: Откуда пошли сказки у монголов // Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсеном. СПб., 1912. С. 5—6.

В первопечатном тексте — два заключительных абзаца, отсутствующие в *МПП*; вместо последнего абзаца следует: «Я, лама Сахор-Тарба, покинутый, лежал на земле, и вороны клевали мои глаза. И когда моя послушная душа вернулась и я очнулся, я понял, что я ослеп. / Слепой, иду по дороге. Я иду не различая пути. И вижу, чем люди живы, я различаю дни их жизни, что были, есть и будут: я сказываю сказки».

Первоначально, судя по записи В. П. Никитина от 20 сентября 1947 г., «Присказка» предназначалась для вступления к сказкам Н. В. Кодрянской, ср.: «А. М. читает нам свою “Присказку” к сказкам Mme Кодрянской, его “внучки”. “...Я, лама Сохор-Тарбе...” Очень хорошо» (Remizoviana 1947—1949 // *Ms. Coll. Nikitine*). Впоследствии для книги Кодрянской «Сказки» (Париж, 1950) Ремизовым было написано предисловие под названием «Поэзия и волшебство».

С. 297. *Лама* — буддийский монах в Тибете, Монголии и Бурятии, соответствует санскритскому «гуру» — учитель; является составной частью титула в религиозной иерархии северного буддизма (Бурятия, Тыва, Алтай).

Эрлик (Эрлик-хан, Эрлик Номун-хан) — в мифологии монгольских народов и саяно-алтайских тюрок владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, демиург или первое живое существо, созданное демиургом.

2. Под быком

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 37. С. 42—43, под номером I, вместе с текстами «Присказка», «Чуткур», «Тигр» под общим загл. «Павлиное перо».

Авторизованный текст: *МПП-1* (машинопись с авторской правкой, представляющая собой редакцию, отличную от первопечатной).

Текст-источник: Определение характера человека (монгольский способ) // Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсеном. СПб., 1912. С. 18—19.

Текст-источник является и ключом к дешифровке «сказки». Ср.: «Жили-были бык, 2 человека, орел, лисица и козел. Бык был до того велик, что требовалось 2 человека, чтобы ходить за ним. В то время, когда один давал ему корм, другой прибирал навоз. Нужно было быть двоим, потому что на то, чтобы пройти от головы до хвоста быка, человеку требовалось 3 дня. Случилось, что бык издох. Люди его ободрали и тушу разрубили пополам. В это время прилетел орел, схватил переднюю часть быка и унес ее в поднебесье. Там, в воздухе, он раза 2—3 клюнул добычу и, когда она ему не понравилась, выпустил ее из когтей. Один из людей в это время как раз смотрел вверх — и туша попала ему прямо в глаз. Человек, не ожидая ничего подобного, страшно испугался и бросился в безопасное место — под бороду козла. После этого вызвали лисицу, и она 3 дня ездила в лодке, по глазу человека, отыскивая утонувшую там часть быка. Кто больше — бык, человек, орел, козел или лисица?

Тот, кто ответит:

бык......... тот глуп;
человек...... » умен;
орел......... » мастер;
козел........ » Дон-Жуан;
лисица ...... » хитер».

3. Чуткур

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 37. С. 43—46, под номером II, вместе с текстами «Присказка», «Под быком», «Тигр» под общим загл. «Павлиное перо».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Случай с Соном-Лхарамбо // Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсеном. СПб., 1912. С. 97—98.

С. 299. *Чуткур* (монг. мифол.) — черт, в него обращаются мужчины, совершившие 10 грехов: убийство, разврат, кража, ложь, ссора,

обиды, причиненные другим, скверные мысли, зависть, сплетни, неверие. «Чуткуров много видов. Из них можно видеть только тэрэнов, если суметь их вызвать. <...> Тот, кому он является, становится его хозяином и для него он сделает решительно все. Зато избавиться от него потом очень трудно. Если же не суметь это сделать, он завладеет душой своего хозяина» (Легенды и сказки Центральной Азии. С. 10).

С. 299. *Лхасса* (совр. Лхаса; тибет. — обитель богов) — город в Китае, на Тибетском нагорье, религиозный центр тибетского буддизма, резиденция Далай-ламы.

Лхарамбо (совр. лхарамба) — пятая, высшая степень в буддийском образовании. См.: *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

Тоин — имя персонажа было предложено В. П. Никитиным (запись от 12 июня 1949 г.) вместо первоначального Панчен (Remizoviana 1947—1949 // *Ms. Coll. Nikitine*); в тексте-источнике — Гегэн.

С. 300. *Арца* (*ботан.*) — дерево или кустарник семейства хвойных; род можжевельника.

С. 301. *Тамбуры* — молитвенные барабаны.

...желтыми и синими шарами катились они по дороге... — Желтые и оранжевые цвета — традиционные для верхней одежды монгольских лам, нижняя одежда — голубого цвета.

4. Тигр

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 37. С. 47—51, под номером III, вместе с текстами «Присказка», «Под быком», «Чуткур» под общим загл. «Павлиное перо».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Сказка о человеке, не хотевшем быть ханом // Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсеном. СПб., 1912. С. 76—77.

5. Черный змий

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 43. С. 32—34, без загл., вместе с текстами «Алтан — золотое слово: От книг бытей татарских», «Царь зайцев», «Кошка-подвижница».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Притча о змии, како подложися жабе // Стефанит и Ихнилат. СПб.: Изд. Об-ва любителей древней письменности, 1877. Вып. XVI и XXVII. (Сер. «Памятники древней письменности»). См. также: Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков / Изд. подг. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Л., 1969. С. 40—41. Далее отсылки к данному изд.

Восходит к притче из книги басен «Стефанит и Ихнилат», в основе которой — индийский животный эпос, представленный в санскритском сборнике IV в. «Панчатантра» («Пятикнижие» или «Пять назиданий»), где мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему аллегорические истории (притчи) о «разумном поведении».

О чтении Ремизовым этой сказки и еще двух переложений из «Панчатантры» («Журавлиная мудрость и «Пификово сердце») свидетельствует запись В. П. Никитина от 19 июня 1948 г. (*Ms. Coll. Nikitine*).

6. Алтан — золотое слово
— От книг бытей татарских —

Впервые опубликовано: *НРС*. 1951. 7 янв. № 14136. С. 2, под загл. «Алтан — золотое слово: Из книг бытей татарских».

Прижизненные издания: Возрождение. 1955. № 43. С. 34—37, вместе с текстами «Черный змий» «Царь зайцев», «Кошка-подвижница».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Повесть о разуме человеческом // *Скрипиль М. О.* Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. (ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 324—327).

6 августа 1949 г. Ремизов сообщал В. П. Никитину: «Достал Труды Отдела Древнерусской литературы. VI. Скри<пи>ль дает тексты повестей XVII <века>. Мне очень понравилась “От книг бытей татарских”. Пробую рассказать» (*Ms. Coll. Nikitine*). В процессе работы Ремизов осуществил контаминацию двух опубликованных фрагментов: «От книг бытей татарских о разуме человеческом» и «Иная притча о том же царе».

Письма Ремизова к Н. В. Кодрянской дают возможность подробно реконструировать процесс работы писателя над «татарской сказкой». Письмо от 2 августа 1949 г. фиксирует знакомство писателя с источником: «Читая напал на притчу, так назывались нравоучительные рассказы XVII века. “Из татарских былей”. Попробую передать...» (*Кодрянская 1959*. С. 220). В письме от 4 августа появляется вариант заглавия: «Отделываю “Золотое слово”» (*Кодрянская 1977*. С. 129). Далее, 6 августа: «В третий раз переписал Алтына <так!>. В нем совсем наивно, а так — не сказка, а притча» (Там же. С. 131). 17 августа: «...Никитин покажется только в субботу и тогда я узнаю все татарские слова и еще раз перепишу “Золотое слово”» (Там же. С. 223). Наконец, 23 августа сообщает о завершении работы и делится впечатлениями: «Переписывал “Алтан — золотое слово”, не сказка — притча. В четвертый раз, а с охотой: словесно — XVII в. да еще татарский! — есть находки в изображении, что так трудно дается мне. “И сидят на той мизгити (мечети)

две совы дружка к дружке носами, как бы что говорят". Чувствуете, как это наглядно, каждое слово на месте, и не надо никакой инверсии...» (Там же. С. 143). Приведенная Ремизовым цитата включена им в текст без изменений.

С. 312. *Исламгирей* — имеется в виду конкретное историческое лицо крымский хан Ислам-Гирей III (1604—1654), у власти в 1644—1654 гг.

С. 313. *Мизгить* (*устар.*) — мечеть. В письме от 6 августа 1949 г. Ремизов консультировался у В. П. Никитина по поводу некоторых слов тюркского происхождения и исторических реалий: «Хотел бы дознаться — вам на раздумку — царь Сламгирей ближний <т. е. последний. — *Ред.*> Алтын (золото?) татарское кладбище и там мизгить? (по-рус<ски> церковь?)» (*Ms. Coll. Nikitine*).

7. Царь зайцев

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 43. С. 37—38, вместе с текстами «Черный змий», «Алтан — золотое слово: От книг бытей татарских», «Кошка-подвижница».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Глава о сове и вороне // Калила и Димна / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 220—221.

С. 316. *Фируз* — имя зайца, соответствующее источнику, означает «победа» (*перс.*).

8. Кошка-подвижница

Впервые опубликовано: Возрождение. 1955. № 43. С. 38—40, вместе с текстами «Черный змий», «Алтан — золотое слово: От книг бытей татарских», «Царь зайцев».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Возрождение»).

Текст-источник: Глава о сове и вороне // Калила и Димна / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 222—223.

С. 317. *Сифрид-птица* — в древней арабской поэзии фигурирует как символ трусости. Ср. в тексте-источнике предуведомление к последующей притче: «Худший из царей тот, кто обманывает, а кто подчиняется власти обманщиков и предоставляет им править собой, того постигает то, что постигло птицу-Сифрид и зайца, допустивших власть над собой кошки-постницы» (Калила и Димна. С. 222).

9. Мышонок

Впервые опубликовано: Грани. 1954. № 22. С. 25—26, вместе с текстами «Журавлиная мудрость» и «Пификово сердце» под общим загл. «Три сказки».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Грани»).

Текст-источник: Глава о сове и вороне // Калила и Димна / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 233.

На публикацию откликнулся Ю. К. Терапиано, рецензируя 22-ю книгу ж. «Грани» (*НРС*. 1955. 2 янв. № 15590. С. 8).

10. Журавлиная мудрость

Впервые опубликовано: Грани. 1954. № 22. С. 26—27, вместе с текстами «Мышонок» и «Пификово сердце» под общим загл. «Три сказки».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Грани»).

Текст-источник: Притча о жаравле и о еже // Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. С. 69—70.

11. Пификово сердце

Впервые опубликовано: Грани. 1954. № 22. С. 27—29, вместе с текстами «Мышонок» и «Журавлиная мудрость» под общим загл. «Три сказки».

Авторизованный текст: *МПП-1* (печ. текст ж. «Грани»).

Текст-источник: Притча о пифицех // Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. С. 96—97.

С. 323. *Пифик* (*др.-рус.*, мн. ч. пифици) — одно из наименований обезьян в древнерусских источниках (в «Физиологах», в «Букваре Кариона Истомина», а также в ранних переложениях басен Эзопа).

Царь Асыка — выдуманный Ремизовым образ обезьяньего царя, стоящего во главе «Обезьяньей Великой и Вольной палаты». Типичный для Ремизова прием аллюзии на реалии литературного быта, известные ближайшему окружению.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. О Петре и Февронии Муромских

Впервые опубликовано: Возрождение (Париж). 1955. № 38. С. 30—43.

Рукописные источники и авторизованные тексты, а также тексты-источники и их трансформация в переложении Ремизова охарактеризованы в: *Лимонаръ-РК VI*. С. 758—760 (комм. А. М. Грачевой).

В *МПП-1* — текст отсутствует; титульный лист с рисунком Ремизова (эскиз обложки) и заглавием-автографом; примеч. Б. Сосинского: «(см. ленинградское издание)», отсылающее к изд.: ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 164—176 (публ. Р. Д. Дмитриевой по машинописи с авторской правкой из собр. Н. В. Резниковой, предоставленной для публ. В. Н. Сергеевым).

Ремизов работал над повестью в течение 1951 г., создав четыре редакции. В письме к Н. В. Кодрянской от 29 июня 1951 г. он сообщал: «Отделываю повесть о Февронии (1228), жила при Бове королевиче, когда Русь была татарским улусом, и царем Батый» (*Кодрянская 1977*. С. 185). В письме от 20 июля писатель делился своими сомнениями по поводу образа героини: «Мне не нравится моя Феврония, в ней я не слышу визга боли, она “мудрая”, а значит спокойная, а ведь мне надо, чтобы человек от тоски загрыз землю, это мое. У Февронии есть гнев и магия, но какая же во мне магия, и потому выходит формально (словесно)» (*Кодрянская 1959*. С. 234). А 9 сентября уже писал о завершении работы: «Кончил IV-ую редакцию о Петре и Февронии муромских (1228). Тема: неразлучная любовь. Нерадостно писалась эта повесть. И никому не читал. Или вернее: ничей глаз не заглянул в мою рукопись» (Там же. С. 237).

По замыслу Ремизова, повесть должна была издаваться вместе с повестью «Бова-королевич», однако писатель отказался от этой идеи, объединив «Бову-королевича» и «Тристана и Исольду» (Париж: Оплешник, 1957). Повесть о Петре и Февронии была передана в ж. «Опыты», но публикация не состоялась. 16 апреля 1954 г. Ремизов писал по этому случаю: «У них лежит, погребено, моя рукопись: “Повесть о Петре и Февронии”. Вижу и чувствую, как это непохоже на их мерку русской прозы» (*Кодрянская 1977*. С. 357).

Повесть о Петре и Февронии сложилась к середине XV в. как повесть легендарного характера, в которой разрабатывались два сказочных сюжета — о герое-змееборце и о мудрой деве. К этому времени относится возникновение культа князя Петра и его жены Февронии, местных муромских святых, которые были канонизированы в 1547 г. на московском церковном соборе. Работавший над житием новоканонизированных святых русский писатель и публицист Ермолай Еразм хотя и придал своему сочинению некоторые черты агиографического повествования, тем не менее назвал его «Повесть от жития святых новых чюдотворец муромских, благовернаго, и преподобнаго, и достохвального князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давидом, и супруги его, благоверныя, и преподобныя, и достохвальныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Еуфросинии». 25 июня

(8 июля) православная церковь празднует день памяти святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, муромских чудотворцев.

Отдельные сюжетные элементы древнерусской повести сохранены в либретто В. И. Вельского к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1903—1905).

2. Аполлон Тирский

Впервые опубликовано: Аргус. 1917. № 5. С. 5—33, под загл. «Аполлон Тирский. Старинная повесть», дата: 23—27.II.1917.

Прижизненные издания: *Трава-мурава.* С. 91—142.

Авторизованный текст: *МПП-1*— машинопись с авторской правкой, отличающаяся от первоначальной редакции, с авторским эскизом обложки.

Тексты-источники: Аполлон Тирский // *ЛРЛД I.* Отд. II. С. 1—33.

В 1953 г. анонсировалась в издательстве «Оплешник» вместе с повестью «Царь Аггей» и с подзаголовком «Из Римских деяний». Издание не состоялось.

Латинская редакция повести об Аполлоне Тирском входила в средневековый сборник нравоучительных рассказов, историй, новелл «Gesta Romanorum» («Римские деяния»). На русский язык в конце XVII в. была переведена польская редакция сборника, называвшаяся «Historye Rzymskie» и содержавшая около 40 новелл. В предисловии к публикации повести Н. С. Тихонравов отмечал: «Повесть об Аполлоне, короле тирском, принадлежала у нас к числу любимых книг народного чтения, судя по нескольким переводам ее, явившимся в XVII веке и распространившимся во множестве списков. Религиозный оттенок, наброшенный на этот рассказ о разнообразных и опасных приключениях героя, может быть, не мало содействовал обширной популярности на Руси этого романа, который перешел и в лубошные издания народа» (*ЛРЛД I.* Отд. II. С. 1).

Комментарий см.: *Лимонарь-РК VI.* С. 708—711 (сост. О. А. Линдеберг).

3. Царь Аггей

Впервые опубликовано: Наш век. 1917. 31 дек. № 26. С. 2.

Прижизненные издания: *Трава-мурава.* С. 143—151; Путь. 1926. № 2. С. 72—87, в цикле «Русские повести»; *НРС.* 1954. 6 апр. № 15319. С. 2.

Авторизованный текст: *МПП-1* — машинопись с авторской правкой, с небольшими отличиями от первопечатного текста, с авторским эскизом обложки.

Текст-источник: Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию // *Афанасьев.* № 24. С. 182—186, с примеч.: «Из собрания В. И. Даля, ко-

торому легенда эта, заимствованная из старой рукописи, доставлена из Шенкурского уезда, Архангельской губернии».

В 1953 г. анонсировалась в издательстве «Оплешник» вместе с повестью «Аполлон Тирский» и с подзаголовком «Из Римских деяний». Издание не состоялось.

К сюжету легенды о царе Аггее обращались также В. М. Гаршин («Сказание о гордом Аггее. Пересказ старинной легенды», 1886) и Л. Н. Толстой («[Драматическая обработка легенды об Аггее]», 1886).

Комментарий см.: *Лимонарь-РК VI.* С. 711—712 (сост. О. А. Линдеберг).

4. Авраам

Впервые опубликовано: *ЕЖ.* 1918. № 1. С. 26—32, с подзаг. «Отреченная повесть».

Прижизненные издания: *Трава-мурава.* С. 51—64; *НРС.* 1956. 12 февр. № 15569. С. 2.

Рукописные источники: Черновые наброски. Автографы // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 19.

Тексты-источники: О явлении, явившемся отцу нашему Аврааму, Михаил Архистратиг. О завете его и о смерти // *ПОРЛ I.* С. 79—90; Авраам. Смерть Авраама // Апокрифические сказания. СПб., 1894. С. 1—14. (Сборник Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии Наук; Т. LVIII, № 4); 3) О преставлении временные жизни сея св. праведного отца Авраама // Там же.

В *МПП-1* — печ. текст *НРС*, а также авторский эскиз обложки.

Ремизов готовил повесть для издательства «Оплешник», о чем свидетельствуют его письма к Кодрянской от 22 и 23 апреля 1949 г.: «Переписываю для Исаака Вениаминовича <Кодрянского. — *Н. Г.*> “Повесть о Аврааме”»; «Текст “Авраама” переписал с картинками» (*Кодрянская 1977.* С. 121, 122) и сохранившаяся в *МПП-1* обложка с рисунками. Предлагал он ее и для № 4 ж. «Опыты» (см.: *Кодрянская 1977.* С. 371). В публ. в *НРС* представлена новая редакция текста.

Комментарий см.: *Лимонарь-РК VI.* С. 706—798 (сост. О. А. Линдеберг).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Басаркуны

«Сказки Подкарпатской Руси»

Первые публикации «Сказок Подкарпатской Руси» как самостоятельного цикла с указанием «по материалам П. Г. Богатырева» относят-

ся к концу 1924 г. Об истории знакомства с фольклорными источниками Ремизов рассказал во второй части повести «La vie» (впоследствии: «По карнизам») — «La Matiere», посвященной жизни «одухотворенных вещей», где описан следующий эпизод в пражском кабачке «Паук»: «В “Пауке” — П. Г. Богатырев: Богатырев только что вернулся из Подкарпатской Руси, собрал “уйму фольклорного материала” — двести волшебных сказок! “Паук” — кабак ночной. Богатырев в Подкарпатской Руси не новичок — прошел там огонь и воду. И за рассказами о басуркунах под свист джаз-банда проскочила ночь» (*СЗ*. 1926. Кн. 27. С. 136; авторская датировка текста: «7.II.1924. Paris»). Ремизов называет эти рассказы «чудесными гоголевскими сказками» и полностью приводит три текста («Ожина», «Палка» и «Колесо») как то, «что упомнил из рассказанного Богатыревым в “Пауке”» (Там же. С. 137). В окончательный текст повести «По карнизам» сказки не вошли (см.: *Зга-Р XI*. С. 523).

Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971) — русский славист, этнограф, фольклорист и литературовед, один из пионеров отечественных и зарубежных семиотических исследований. Член Пражского лингвистического кружка. В первой половине 1920-х гг. совершил несколько фольклорно-этнографических экспедиций в Закарпатье (Подкарпатскую Русь). На I съезде славянских этнографов в Праге в 1924 г. сделал доклад «Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт статического исследования». В 1929 г. вышла книга «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (на фр. яз., рус. пер. в кн.: *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971; см. также: *Богатырев П.* Народная культура славян. М., 2007). Обнаруживаются параллели в отдельных мотивах, сюжетных положениях, именах и географических названиях между сказками Ремизова и приводимыми Богатыревым в данной работе фольклорными материалами (см., например, главу «Чудесные явления и сверхъестественные существа»). Коллекция П. Г. Богатырева в РГАЛИ (Ф. 47) включает большое количество фольклорно-этнографических материалов, собранных в Прикарпатье.

В тетради «I. Сказки нерусские» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9) представлены печ. тексты (вырезки наклеены) всех семи сказок с обильной авторской правкой под общим загл. «Басаркуньи. Подкарпатские». Полностью цикл из семи сказок под заглавием «Басаркуньи сказки» был опубликован в 1957 г. В *МПП-2* печ. текстами газ. *ПН* представлены первые три сказки (вторая — не полностью), примеч. Б. Сосинского: «Остальные 16 страниц см. в альбоме рисунков “Басаркуньи сказки”» (имелся в виду рукописный альбом Ремизова 1934 г. (34 рис., 48 с.) из собрания Н. В. Резниковой, Париж). О нем см.: «Басаркуньи сказки» А. М. Ремизова // Панорама искусств: Сб. ст. и публ.

М., 1988. Вып. 11. С. 381—392. Главу под назв. «Басаркуньи сказки» Ремизов собирался включить в первую часть повести «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*).

Переводились на фр. яз. (1947), см.: Алексей Михайлович Ремизов. Библиография (1902—2013). СПб., 2016. № 1423.

1. Басаркуны

Впервые опубликовано: *ПН*. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3, под загл. «Басуркуны», вместе со сказками «Сливы» и «Упырь» под общим загл. «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П. Г. Богатырева».

Прижизненные издания: Возрождение. 1957. № 61. С. 78, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *ПН*).

С. 387. *Басаркуны* (*зап.-укр.* босуркун и босуркуня) — колдуны и колдуньи или покойники-упыри в фольклоре и реликтовых верованиях народов Закарпатья.

2. Упырь

Впервые опубликовано: *ПН*. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3, вместе со сказками «Басуркуны» и «Сливы» под общим загл. «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П. Г. Богатырева».

Прижизненные издания: Возрождение. 1957. № 61. С. 78, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *ПН*, не полностью).

С. 388. *Толок* (*укр.*) — выгон для скота; место, в традиционных верованиях связанное с нечистой силы.

3. Сливы

Впервые опубликовано: *ПН*. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3, вместе со сказками «Басуркуны» и «Упырь» под общим загл. «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П. Г. Богатырева».

Прижизненные издания: Возрождение. 1957. № 61. С. 78, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Рукописный источник и авторизованные тексты: «Сливы — подкарпатская сказка —». — Автограф. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 14; I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *ПН*).

Автограф «Сливы — подкарпатская сказка— » содержит разночтения с первопечатным текстом, а также разметку и пометы, касающиеся графического оформления текста.

4. Ожина

Впервые опубликовано: *ПН*. 1924. 7 дек. № 1418. С. 2, вместе со сказкой «Палка» под общим загл. «Басуркун: Сказки Подкарпатской Руси: (По материалам П. Г. Богатырева)».

Прижизненные издания: *СЗ*. 1926. Кн. 27. С. 137—139 (в сост. «La Matiere»); Возрождение. 1957. № 61, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованный текст: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9.

С. 392. *Ожина* (*укр.*) — ежевика.

5. Палка

Впервые опубликовано: *ПН*. 1924. 7 дек. № 1418. С. 2, вместе со сказкой «Ожина» под общим загл. «Басуркун: Сказки Подкарпатской Руси: (По материалам П. Г. Богатырева)».

Прижизненные издания: *СЗ*. 1926. Кн. 27. С. 139—142 (в сост. «La Matiere»); Возрождение. 1957. № 61, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованный текст: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9.

6. Колесо

Впервые опубликовано: *ПН*. 1924. 25 дек. № 1433. С. 2, под загл. «Басуркунка: Сказки Подкарпатской Руси: (По материалам П. Г. Богатырева)».

Прижизненные издания: *СЗ*. 1926. Кн. 27. С. 142—144 (в сост. «La Matiere»); Возрождение. 1957. № 61, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованный текст: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9.

С. 396. *Под Юрья* — накануне дня св. Георгия (Егория) (23 апреля / 6 мая), который считается одним из магически значимых праздников, с ним связано множество поверий и охранительных ритуалов для избавления от происков нечистой силы, в том числе и прядение *мартовой поясины* — пояса-оберега.

7. Мавка

Впервые опубликовано: Новоселье. 1943. № 6. С. 3—5, с подзаг. «Неизданная карпатская сказка».

Прижизненные издания: *СЗ*. 1926. Кн. 27. С. 137—139 (в сост. «La Matiere»); Возрождение. 1957. № 61, вместе с остальными шестью сказками под общим загл. «Басаркуньи сказки».

Авторизованный текст: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9.

С. 397. *Мавка* (*вост.-слав.* мифол.) — демоническое существо женской природы, связанное с миром мертвых (этимол. от корня 'навь'); согласно поверьям, распространенным в основном в ареале украино-русинских Карпат (Подкарпатье), в мавок превращались умершие до крещения дети.

...внутренности у мавки сзади обнажены... — характерная черта внешнего вида мавок — их «отворенность»: спереди они имеют человеческое тело, спины же у них нет, поэтому видны внутренности. См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Том I. Вып. 1: Верования и суеверия. Загадки и пословицы. Колдовство. СПб., 1872.

II. Шакал
Сказ кабильский

Первые публикации сказок данного цикла относятся к 1923—1924 гг., полностью цикл был представлен в ж. «Россия» (1924. № 2 (11). С. 62—79, под загл. «Ушен. Сказ шакалий кабильский»). В 1925 г. среди книг, написанных за границей и неизданных, Ремизов называет книгу «Ушен. Сказ кабильский», созданную «по материалам кабильских сказок, в сказках похождения и гибель Шакала, современного рвача» (Своими путями. (Прага). 1925. № 8/9. С. 6). Впоследствии в полном составе цикл публиковался в июне-августе 1956 г. в *НРС*.

Конкретный источник текстов Ремизовым не указан. Весьма вероятно, что им мог быть известный сборник кабильских сказок, собранных и изданных немецким этнографом, археологом и путешественником Л. Фробениусом (*Frobenius L.* Volksmarchen der Kabylen. Jena, 1921—1922. Bd. 1—3). Данный факт косвенно подтверждает записанная В. П. Никитиным беседа с Ремизовым о «множественности» писательской личности: «А. М. был Шакалом у кабилов (по Фробениусу), зайцем в Тибете и лисой в Китае, где "хвостил" (никак по-французски перевести не мог!)» (*Ms. Coll. Nikitine*).

Кабилия — историко-географическая область, расположенная на севере современного Алжира, коренной этнос — кабилы, самые многочисленные из берберских народов, говорящие на кабильском языке, который относится к северной ветви берберо-ливийских языков. В кабильском и берберском фольклоре широко распространены животные сказки о Шакале — лгуне и плуте, особенно популярен мотив «Шакал похищает девушку» (*Frobenius L.* Volksmarchen der Kabylen.

Jena, 1921. № 6. S. 19—24; ср. «Песнь шакала»). См. также: Фольклор стран Магриба (Алжир, Марокко, Тунис): Аннотированный библиографический указатель. М., 1979. По материалам кабильского фольклора написана также сказка Ремизова «Первые слезы», не связанная с циклом о Шакале и печатавшаяся отдельно от него (Звено. 1923. 3 дек. № 44). Вырезка из данного издания была вклеена в тетрадь «I. Сказки нерусские» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9).

1. Дрозд

Впервые опубликовано: *ПН*. 1923. 23 дек. № 1126. С. 2, вместе с текстами «Ёж» и «До дна».

Прижизненные издания: *НРС*. 1956. 3 июня. № 15681. С. 3.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

2. Кабаниха

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 10 июня. № 15688. С. 5, 7.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

3. Лев в сапогах

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 17 июня. № 15695. С. 7.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Сюжет сказки соотносится со «Сказкой про старого льва и про стаю куропаток», см.: *Таос-Амруш М.* Волшебное зерно: Сказки, легенды и песни берберов Кабилии. М., 1974. С. 167—170.

4. Рябка

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 8 июля. № 15716. С. 8.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

5. Песнь шакала

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 22 июля. № 15730. С. 8.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

6. Ловушка

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 15 июля. № 15723. С. 4, вместе с текстом «Коза».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

7. Коза

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 15 июля. № 15723. С. 4, 7, вместе с текстом «Ловушка».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

8. Волы

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 29 июля. № 15737. С. 8.

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

9. Ёж

Впервые опубликовано: *ПН*. 1923. 23 дек. № 1126. С. 2, вместе с текстами «Дрозд» и «До дна».

Прижизненные издания: *НРС*. 1956. 12 авг. № 15751. С. 3, вместе с текстом «До дна».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

10. До дна

Впервые опубликовано: *ПН*. 1923. 23 дек. № 1126. С. 3, вместе с текстами «Дрозд» и «Ёж».

Прижизненные издания: *НРС*. 1956. 12 авг. № 15751. С. 3, 6, вместе с текстом «Ёж».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

III. Заяц
Сказ тибетский

Первые публикации сказок данного цикла относятся к 1916—1918 гг. В полном составе цикл впервые вышел в свет в 1918 г. в «непериодическом издании» Театрального отдела Наркомпроса «Игра» (№ 2. Ч. 1. С. 35—56) под загл. «Ё. Заяшные сказки (тибетские)» и с подзаг. «Для рассказывания». В авторском примечании указывались время и место их написания («сказки написаны в 1916 г. летом в Москве на Собачьей площадке»), фольклорный источник, давался перевод непонятного слова, и все это сопровождалось пояснением в иронически-игровой манере, отвечавшей тематике сборника: «В основу сказок о Зайцевых деяниях (заяц по-тибетскому — ё) положены тибетские сказки, записанные Г. Н. Потаниным — “Живая Старина” 1912 г., вып. II—IV. Зайца этого самого я во сне видел, так, беленький,

усатый, ничего особенного, у дверей и в окнах мясной и зеленной много таких висит, а еще больше по лесу бегает, — хвостик шариком, а лапки с коготком, как щеточки» (с. 56).

Первое отдельное издание цикла, появившееся в 1921 г. в Чите под маркой изд. «Скифы» и с рис. работы Илена, считается вышедшим без ведома автора, что можно подвергнуть сомнению, поскольку Ремизов был знаком с художником и детским писателем И. М. Левиным, скрывшимся за псевдонимом. В. П. Никитин в записях «Remizoviana. 1950—1953» отмечает: «А. М. <...> говорил мне о Левине, Иос<ифе> Мих<айловиче>, кот<орый> в 1921 г. в Чите издал со своими иллюстр<ациями> Тибетские сказки А. М—ча. Он сейчас в Париже, где устроил свою выставку, “surconsciencilisme”» (*Ms. Coll. Nikitine*; запись от 5 ноября 1950 г.), а через некоторое время художник-авангардист навестил писателя (Там же, запись от 11 ноября 1950 г.). См.: *Вл. З.* [*Зеелер В.*]. Выставка Иосифа Левина // Русская мысль. 1950. № 298. Оказавшись в эмиграции, Ремизов публикует тибетские сказки в рождественском и новогоднем выпусках *ПН* (1921. 25 дек. № 520; 1922. 1 янв. № 526). В 1922 г. в берлинском издательстве «Русское творчество», литературным отделом которого заведовал А. Н. Толстой, вышло последнее отдельное прижизненное издание: Ё. Тибетский сказ. Берлин, 1922. Инскрипт, посвященный С. П. Ремизовой-Довгелло, писатель превратил в воспоминание о жизненных перипетиях, сопровождавших этапы написания и издания цикла: «Эти заяшные сказки — я помню впервые в Кречетниках читал Сергею <брат Ремизова. — *Н. Г.*>. Это когда рука у тебя болела, деточка, лето 1916 г. Потом уж в 18 году Порфирий Петрович Мироносицкий <редактор сб. «Игра». — *Н. Г.*> приходил на остров поправлять эти сказки для Игры ТЕО. А теперь они меня мучают — надо за них что-то отдавать! У меня нет забвения на долг свой. А долги других не помню никогда и не помнил никогда. Это такое же свойство мое, как память твоя — дар Божий, наверно, очень жестокий, — на все. 12 VII 1922 Charlottenburg» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С. 22). В тетради «I. Сказки нерусские» цикл имеет названием «Тибетские. Ё. Заяшные» (сказка «Звериное дерево» отсутствует). В середине 1950-х гг. Ремизов вновь обращается к мысли об издании цикла. О намерении подготовить тибетские сказки к публикации в *НРС*, ставшей последней, Ремизов сообщал художнику Д. А. Соложову 19 октября 1956 г.: «В Н. Р. С. после рассказов о [неразб.], ничего не было и ничего не писал. Когда наберусь сил, сделаю. Тибетские сказки о зайце» (Вестник РХД. 1977. № 121 (II). С. 285; непрочитанное публикатором слово восстанавливается из контекста: в июне-августе 1956 г. в *НРС* публиковался ремизовский цикл «Шакал. Сказ кабильский»).

1. Заячья доля

Впервые опубликовано: Огонек. 1917. № 31. 13 авг. С. 485—486, под загл. «Заячья защита», вместе с текстами «Заячья губа» и «Заячий указ» под общим загл. «Ё — Алексея Ремизова — Тибетские народные сказки» и с примеч. автора, где объяснялось название: «...заяц по-тибетски Ё».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // *Игра*. С. 35—36, под загл. «Заячья защита», первая в составе цикла из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы, 1921. С. 1—3, под загл. «Заячья защита», первая в цикле из шести сказок; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 7—10, под загл: «Созвал Бог всех зверей...»; *НРС*. 1957. 13 янв. № 15905. С. 2, первая в цикле под загл. «Заяц: Сказ тибетский», вместе со сказкой «Заяц добрый».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: цикл «Ронгу чжу». Булюк 6 (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания // Живая старина. 1912 [1914]. Вып. II—IV. № 20. С. 433—434; разд. «Восточные сказки»).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II.* С. 693—697 (сост. И. Ф. Данилова).

2. Заяц — добрый

Впервые опубликовано: Воля страны. 1918. 28 янв. № 12. С. 2, под загл. «Заяц благодетель (Тибетская сказка)».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // *Игра*. С. 37—42, в составе цикла из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы, 1921. С. 4—8, под загл. «Заяц-благодетель», в цикле из шести сказок; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 14—23, под загл: «Жила-была старуха...»; *НРС*. 1957. 13 янв. № 15905. С. 2—3, в цикле под загл. «Заяц: Сказ тибетский», вместе со сказкой «Заячья доля».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: Заяц (по-тиб. ё) (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания. № 19. С. 416—419).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II.* С. 693—697 (сост. И. Ф. Данилова).

3. Разные зайцы

Впервые опубликовано: Лукоморье. 1917. № 5. 11 февр. С. 11—12, с подзаг. «Тибетская сказка».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // *Игра*. С. 43—47, в составе цикла из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы, 1921. С. 9—13; *ПН*. 1922. 1 янв. № 526, под загл. «Подружились волк, обезьяна, ворона...», вместе со сказкой «Жил-был медведь...»; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 24—32, под загл: «Подружились волк, обезьяна, ворона...»; *НРС*. 1957. 27 янв. № 15919. С. 2, в цикле под загл. «Заяц: Сказ тибетский».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: цикл «Ронгу чжу». Булюк 3 (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания. № 20. С. 426—429).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II*. С. 700 (сост. И. Ф. Данилова).

4. Заячий указ

Впервые опубликовано: Огонек. 1917. № 31. 13 авг. С. 489—490, вместе с текстами «Заячья защита» и «Заячья губа» под общим загл. «Ё — Алексея Ремизова — Тибетские народные сказки».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // *Игра*. С. 48—49, в составе цикла из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы, 1921. С. 14—15; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 11—13, под загл: «Овца жила тихо-смирно...»; Литературная Россия: Сб. современной русской прозы. М., 1924. Вып. 1. С. 39—42, под загл. «Ё. Тибетский сказ» (фрагмент); *НРС*. 1957. 3 февр. № 15926. С. 2, в цикле под загл. «Заяц: Сказ тибетский», вместе со сказками «Злой заяц» и «Звериное дерево».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: цикл «Ронгу чжу». Булюк 4 (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания. № 20. С. 429—430).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II*. С. 697—698 (сост. И. Ф. Данилова).

5. Злой заяц

Впервые опубликовано: Огонек. 1917. № 31. 13 авг. С. 486—489, под загл. «Заячья губа», вместе со сказками «Заячья защита» и «Заячий указ» под общим загл. «Ё — Алексея Ремизова — Тибетские народные сказки».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // *Игра*. С. 50—55, под загл. «Заячья губа» в составе цикла из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы,

1921. С. 16—20, под загл. «Заячья губа»; *ПН.* 1922. 1 янв. № 526, под загл. «Жил-был медведь...», вместе со сказкой «Подружились волк, обезьяна, ворона...»; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 11—13, под загл: «Жил-был медведь...»; *НРС.* 1957. 3 февр. № 15926. С. 2, в цикле под загл. «Заяц: Сказ тибетский», вместе со сказками «Заячий указ» и «Звериное дерево».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: цикл «Ронгу чжу». Булюк 5 (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания. № 20. С. 430—433).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II.* С.700—701 (сост. И. Ф. Данилова).

6. Звериное дерево

Впервые опубликовано: Огонек. 1916. № 52. 25 дек. С. [15], с подзаг. «Тибетская статуэтка».

Прижизненные публикации: Ё. Заяшные сказки (Тибетские): Для рассказывания // Игра. С. 56, заключит. в цикле из шести сказок; Ё. Заяшные сказки тибетские. Чита: Скифы, 1921. С. 21; Ё. Тибетский сказ. Берлин: Рус. творчество, 1922. С. 42—43, под загл. «Четыре зверя сошлись у древа...»; *НРС.* 1957. 3 февр. № 15926. С. 2, заключит. в цикле, вместе со сказками «Заячий указ» и «Злой заяц».

Авторизованные тексты: I. Сказки нерусские // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9; *МПП-2* (печ. текст *НРС*).

Текст-источник: «Дерево Тунбачжи» (*Потанин Г.* Тибетские сказки и предания. № 14).

Комментарий см.: *Докука и балагурье-РК II.* С. 701 (сост. И. Ф. Данилова).

IV. Суфийная мудрость

Данный цикл создавался в непосредственном творческом контакте с ориенталистом, иранистом и курдологом В. П. Никитиным (подробнее см. с. 653, 655, 657 наст. изд.). В письме к Ремизову от 20 июня 1957 г., то есть уже после публикации основного корпуса текстов данного тематического ансамбля, Никитин выражал признательность писателю за годы совместной работы над литературой Востока: «Мне хочется низко поклониться Вам и от всей души поблагодарить за доброе ко мне расположение. Оно позволило заглянуть в мастерскую <...>. И в той же мастерской в кукушкиной комнате, мы читали часто “Римские деяния”, московские грамоты, сказки, “Калилу и Димну”. Вы ввели меня в круг чтения старинных повестей, я почувствовал их своеобразную прелесть. Звучание Востока и для Вас и для меня было

чем-то нас объединяющим в его искании» (*Ms. Coll. Nikitine*; черновик письма) и затем в письме от 24 июня того же года продолжал: «<...> По субботам, пока на моей шее была банковская лямка, потом по четвергам, я у Вас. Одно время хорошо работалось вместе, пока глаза и голос не устали. “Римские Деяния”, “Панчатантра”, “Семь мудрецов”, “Мелюзина”, “Калила и Димна”, “Анвар-и-Сохейли”, а до Косьмы Индикоплова дочитаться не привелось. Зато Хасан Басрийский, Бишр Босоногий и другие суфии попали в ремизовский сказ» (Там же; отпуск под копирку). После смерти писателя его ближайшее окружение не оставляло намерений издать последнюю книгу Ремизова, включающую переработки суфийских памятников. Для этой книги Никитиным и было написано «Объяснительное слово к “Суфийной мудрости”», датированное 10 февраля 1958 г., являющееся важным свидетельством о литературных интересах писателя в самые последние годы его жизни и существенным источниковедческим документом (приводим его здесь в сокращении, полный текст: *ПП*. С. 191—193).

«Впервые прозвучавшая в русской художественной прозе “Суфийная мудрость” сообщалась ему мною на основании исследования современного персидского мыслителя Хасана Казем Заде Ираншехра. За исключением замечательного коротенького рассказа о “Хромой м<о>шке” <см. “Хромой толкачик”. — *Н. Г.*>, заимствованного мною из “жития” суфийского шейха в Ардебиле Сафи-Эд-Дина, родоначальника первой национальной династии Сефевидов (III—IV вв.) в Персии, под заглавием «С*а*фват-ос-Саф*а*» («Чистота чистот», т. е. чистейшая чистота, сочинение — XIV в.), она не исчерпывает содержания наших с А. М. восточнических бесед и занятий. Мы читали “Повесть о семи мудрецах”, восходящую, к индийскому оригиналу, изучавшуюся специалистами — Срезневским, Веселовским, Буслаевым. Знакомились с “Калилой и Димной” в издании широко известного арабиста И. Ю. Крачковского. А. М. извлек из этих басен повесть “Стефанит и Ихнелат” (по славянской, через Византию, версии) и сказку о черепахе и утках (персидская версия — *А*нвари-Сох*е*йли). А. М. очень ценил восточную образность в этой сказке. В тихой заводи две утки подружились с черепахой. Когда вода стала иссякать, утки собрались улететь. Черепаха взмолилась. Утки взяли ее с собой, <она> уцепилась ртом за палку, подхваченную ими. Но вопреки условию рта не раскрывать, не удержалась, увидев людей, удивлявшихся внизу, раскрыла рот (чтобы объяснить им), упала и разбилась. В арабских касидах поэтов Шанфара (доисламского периода) и Мутанаббия (X в.) образы еще красочнее и сильнее. Дыхание аравийской пустыни, бедуины-фарисы, междуусобия. <...>

Перейду, однако, к суфийству (или суфизму?), о чем тут главным образом речь. С моей стороны было бы ошибкой отпугнуть читателя

нагромождениями восточных имен и выражений. Ограничусь необходимым. Термин — суфи — т. е. "сермяжник" (суфии ходили в рубище), появляется около половины VIII в. в Сирии, где тогда был основан первый мусульманский монастырь. Это слово обозначало правоверного монаха-мусульманина, соблюдающего — сунну (традиции; изречения первых халифов), умерщвляющего плоть. Как все религиозные движения суфизм проходит через ряд этапов в его развитии. Хасан Басрийский (642—728) являлся действительным основателем исламского монашества. Участие женщин вносит в мистицизм необходимый элемент любви: Р*а*бия, современница Хасана (умерла в 753 г.). Передвигаясь на Восток, суфизм, на персидской почве, приобретает некоторый оттенок ереси. Персы, обращенные в ислам силою меча, никогда не переставали чувствовать связи с Индией, с буддизмом. Так или иначе, к началу X в. мы видим в суфизме три течения: (1) суфий — правоверный мусульманин-аскет (Бишр Босоногий, умер в 841 г., и др.); (2) аскет-мистик (Зу-н-нун и др.); (3) сознательный пантеист (аль-Бестамий, казнен в 873 г.; Халлядж, казнен в 912 г., и др.). В течение X в. суфизм развивается в двух основных направлениях: (1) западном, арабском (правоверные мистики-деисты); (2) восточном, индоперсидском (мистики-пантеисты). Это различие ощущается до наших дней, но все же мистицизм служит связующим звеном. Важнейшие дервишеские ордена возникли в период XII—XIV вв. (Кадирий*е*, Рафаий*е*, Мевлев*и*, Шазел*и*, Накшб*е*нди и др.).

Теология восточного суфизма — обыкновенное пантеистическое представление о Боге: он есть во всем, он содержится в мире и мир в нем. Мир есть эманация божества и имеет лишь призрачное существование ("Майя"). Его разнообразие— обман чувств. Мир един, как едино божество. Оно разлито в виде божественной Души ("психэ" неоплатоников) и в человеке есть ее часть. Высшее счастие человека — отрешиться от своего "я", погрузиться в созерцание божества (таух*и*д), расплыться в нем (фэн*а*) и воссоединиться с ним (иттих*а*д). Для достижения этого идеала суфии должны пройти четыре постепенные стадии (маназиль): шари*а*т — закон; тарик*а*т — путь (в нем самое существенное: выбрать старца — шейха, сделаться его послушником — муридом — и под его руководством убивать волю и личность, не рассуждая о приказаниях шейха, углубляясь в себя, размышляя о божестве) и, наконец, путем экстаза — халь — суфий доходит до третьей стадии — маариф*а*т — познание (суфий становится ариф'ом, познает единство вселенной в Боге, призрачность мира, равенство религий, добра и зла). До четвертой стадии— хакикат — истина — удается дойти лишь немногим: созерцание Божества, пребывание между бытием и небытием. <...>» (*ПП*. С. 191—192, 193).

1. Из-под овечьей шерсти

Грешник — пьяница — дитя — женщина

Впервые опубликовано: *НРС.* 1956. 5 февр. № 15562. С. 8, вместе с текстами «Негр», «Рабийя», «Хромой толкачик» под общим загл. «Из-под овечьей шерсти: Суфийная мудрость».

В *МПП-2* — печ. текст *НРС* с исправлением опечаток рукой Б. Сосинского и его примеч.: «По персидским источникам (материалы, сообщенные В. П. Никитиным)», относящимся ко всей части IV.

С. 459. *Хасан Басри* — Абу Са́йд аль-Ха́сан ибн Яса́р аль-Басри (642, Медина — 728, Басра), в ранней переводной литературе по истории ислама именуется Хасан Басрийский — исламский богослов-мистик, один из первых исламских аскетов (захид), предшественник суфизма, отвергал мусульманские догматы о предопределении, признавая наличие свободной воли у человека. Ему приписывается множество притч и изречений, вошедших в том числе и в «Сказки тысячи и одной ночи».

Суфи (совр. суфий, от *араб.* шерсть) — последователь суфизма, эзотерического течения в исламе, проповедующего особый духовный опыт и аскетизм (грубое шерстяное одеяние считалось обычным атрибутом аскетов-отшельников и мистиков, символом самоотречения и покаяния), одно из основных направлений классической мусульманской философии, повлиявшее на этику, эстетику и литературу.

Источник притчи о мальчике и свече (третий фрагмент «дитя») — рассказ Хасана Басрийского, приведенный Никитиным в письме к Ремизову от 1 января 1955 г. (*ПП.* С. 209).

Негр

Впервые опубликовано: *НРС.* 1956. 5 февр. № 15562. С. 8, вместе с текстами «Грешник — пьяница — дитя — женщина», «Рабийя», «Хромой толкачик» под общим загл. «Из-под овечьей шерсти: Суфийная мудрость».

В *МПП-2* — печ. текст *НРС.*

Источник текста — одна из суфийских притч Хасана Басрийского, которую Ремизов «осовременивает», используя прием остранения, в том числе речевые вульгаризмы («негр» вместо «незнакомец», «баба» вместо «женщина»). См. совр. пер.: Суфии. Восхождение к истине: Собрание притч и афоризмов. М., 2009. С. 92.

Рабийя

Впервые опубликовано: *НРС.* 1956. 5 февр. № 15562. С. 8, вместе с текстами «Грешник — пьяница — дитя — женщина», «Негр», «Хромой толкачик» под общим загл. «Из-под овечьей шерсти: Суфийная мудрость».

В *МПП-2* — печ. текст *НРС* с исправлением опечаток рукой Б. Сосинского.

С. 461. *Рабийя* — Рабиа ал-Адавийа (713 или 714, Басра — 801, Елеонская гора), видная представительница басрийской школы аскетов, одна из самых выдающихся женщин-подвижниц в истории суфизма, героиня многочисленных суфийских притч (в том числе и приписываемых Хасану Басрийскому), прославляющих ее бескорыстную любовь к Богу.

С. 462. *Как же ты знаешь Бога? ~ я его знаю без как.* — Первоначальный текст источника был процитирован Ремизовым в письме к Н. В. Кодрянской от 25 октября 1955 г.: «Хасан Басри спросил <Рабийю. — *Н. Г.*> : “как ты знаешь Бога?” (а я бы спросил: как ты любишь Бога). И он<а> ответил<а>: “— знаю (люблю) без как, как и люблю без потому что”» (*Кодрянская 1977*. С. 390).

Хромой толкачик

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 5 февр. № 15562. С. 8, вместе с текстами «Грешник — пьяница — дитя — женщина», «Негр», «Рабийя» под общим загл. «Из-под овечьей шерсти: Суфийная мудрость».

В *МПП-2* — печ. текст *НРС*.

В письме к Н. В. Кодрянской от 11 ноября 1955 г. Ремизов сообщал: «Продолжаю персидскую мудрость — Никитин дал еще перевод из жизни “суфиев”: “Хромой толкачик”» (*Кодрянская 1977*. С. 392). Об источнике ремизовского парафраза см. в «Объяснительном слове к “Суфийной мудрости”» В. П. Никитина (с. 678 наст. изд.).

С. 463. *Толкачик* — ср.: «Толкунчики, толкунцы, толкачи, толкушки <...>. Рой или столб мошки, которая толчется на воздухе, в теплые вечера, после дождя» (*Толковый словарь В. И. Даля IV*. С. 411).

Сафи-уд-Дин — шейх Сефи ад-Дин Исхак Ардебили (1252, Ардебиль — 1334, Ардебиль) — основатель суфийского ордена Сефевие и родоначальник династии Сефевидов, пользовался большим авторитетом в народе, был признан святым и считался потомком пророка Мухаммеда. Сведения о его жизни содержатся в суфийской книге «Саффат-ус-Сафа» («Несравненная чистота») Таваккул ибн Исмаил ибн Беззаза, написанной в 1357/1358 г. на персидском языке и состоящей из 12 глав (бабов), в каждой из которых более 10 тыс. стихов и притчевых повествований.

2. Сказание о шейхе Баязиде

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 26 авг. № 15765. С. 3.

В *МПП-2* — печ. текст *НРС*.

С. 463. *Баязид Бистами* — Баязид Тайфур ибн Иса Бистами́ (804, Бистам — 874, Бистам) — персидский суфий, его учение содержало положения об исчезновении своего «Я» через состояние «фана» — растворения в Боге. В суфийской литературе существует множество приписываемых ему изречений и историй о нем, изложенных, например, в таких классических текстах, как «Раскрытие скрытого» (Кашф альмаджуб) Худжвири и «Поминовение святых» (Тадкират аль-авлия) Аттара.

3. Зун-Нун

Впервые опубликовано: *НРС*. 1956. 14 мая. С. 3.
В *МПП-2* — печ. текст *НРС*.

С. 468. *Зун-Нун* — Зун-Нун Абу Фаид Савбан ибн Ибрахим аль-Мисри, известный как Зун-Нун аль-Мисри (796, Ахмим — 859, Каир) — египетский суфий, чудотворец, покровитель врачевания, ему приписывается введение понятия «гнозис» в исламе.

4. Желвь и утки

Впервые опубликовано: Возрождение (Париж). 1955. № 47. С. 13—14.
В *МПП-2* — машинопись с правкой Б. Сосинского.

Первопечатный текст сопровожден авторским примеч.: «Из книги “А<н>вари Сохэйли” (Блестки Канопы). Эль Уайд Эль Кашифи (XIV в.). Персидская версия басни из “Калилы и Димны”. “Желвь” — старинное название черепахи (VIII в.)». Ср. «Объяснительное слово к “Суфийной мудрости”» (с. 678 наст. изд.). См. также: Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. С. 57.

Тот же сюжет был использован В. М. Гаршиным в сказке «Лягушка-путешественница» (1887).

5. Халифат и Имамат

Впервые опубликовано: Возрождение. 1957. № 66. С. 58—67.
В *МПП-2* — печ. текст ж. «Возрождение».

С. 472. *Халифат* — теократическое исламское государство, возникшее в результате завоеваний в VII—IX вв. и впоследствии возглавляемое халифами. Первоначальное ядро халифата — созданная пророком Мухаммедом в начале VII в. мусульманская община (умма). *Имамат* — духовная и светская власть, взгляды на которую отличаются в суннитском и шиитском исламе, что изложено Ремизовым в Предисловии со слов В. П. Никитина.

С. 478. *Бишр Хафи* – Абу́ Наср Бишр ибн аль-Ха́рис аль-Марвази́ (767, Мерв – 842, Багдад) – исламский богослов, аскет (захид), суфий. Известен по прозвищу аль-Хафи («босоногий»).

С. 479. *Ахмед Ханбал* – Абу́ Абдулла́х А́хмад ибн Муха́ммад аш-Шайба́ни, известный как А́хмад ибн Ханба́ль (780, Багдад – 855, Багдад) – мусульманский правовед и богослов, сподвижник халифа аль-Мутаваккиля.

ПО СЛЕДАМ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В СССР

Впервые опубликовано: *Паскаль П.* По следам протопопа Аввакума в СССР / *Ремизов А.* <Постскриптум> // Русские записки (Париж). 1939. Кн. XVIII. Июнь. С. 122–140. Далее: *ПСПА*.

Рукописный источник: *Ремизов А.* <Подготовительные рукописные заметки к тексту «По следам протопопа Аввакума в СССР»>. – Автограф. Б. д. // Amherst. Box. 16. F. 32. 5 p.

Печатается по тексту первой публикации из собрания ИРЛИ.

Текст «По следам протопопа Аввакума в СССР» был опубликован в 1939 г. за подписью «П. Паскаль». *Пьер Паскаль* (Pierre Pascal, Петр Карлович Паскаль, 1890–1983) – французский славист, филолог, историк, профессор. Исследователь творчества протопопа Аввакума. Автор монографии: *Pascal P.* Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. 1e éd. Paris, 1938. XXV, 619 p. (рус. пер.: *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого. Науч. ред. текста Е. М. Юхименко. М., 2010. 680 с. – Далее: *Протопоп Аввакум и начало раскола*). В 1939 г. П. Паскаль защитил в Сорбонне докторскую диссертацию по теме монографии. В 1937–1950 гг. он преподавал русский язык и литературу в Школе восточных языков в Париже. В 1930-е гг. Паскаль познакомился и на всю жизнь стал другом А. М. Ремизова, чья жена – С. П. Ремизова-Довгелло – читала в Школе восточных языков курс славяно-русской палеографии. *ПСПА* – результат обработки Ремизовым написанного Паскалем текста – воспоминаний об истоках и первых шагах его научных исследований в области истории русского раскола XVII в. и творчества его лидера – протопопа Аввакума.

В 1957 г. старший научный сотрудник ИРЛИ, медиевист, специалист по творчеству протопопа Аввакума В. И. Малышев послал Ремизову приглашение на открытое заседание Сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, посвященное 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума (состоялось 26 апреля 1957 г.), и спросил, собираются ли отмечать эту дату в Париже. После этого между писателем и Малышевым завязалась переписка, с обеих сторон

сопровождавшаяся посланиями книг и публикаций (см. подробнее: *Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 203—215). Ремизов писал Малышеву 2 мая 1957 г.: «Я ослеп, продолжаю не своей рукой, — все исполню, сообщу, что будет сделано во славу Огненного Протопопа. Мой свод жития пришлю Вам (1927 г.). Прошу Вас, передайте сотрудникам “Трудов Отдела древн<е>русск<ой> лит<ературы>” мой низкий поклон» (*Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву. С. 207). В библиотеке ИРЛИ хранится оттиск составленного Ремизовым компилятивного «списка» текста «Жития протопопа Аввакума» (опубл.: Версты (Париж). 1926. № 1. <Прил.>. С. 1—73 отд. паг.). Текст «Жития» дополнен послесловием Ремизова: «“Парижский” список сделан в 1926 г. по замышлению П. П. Сувчинского: 33 часа переписывал я “Житие”, не только глазами следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву протопопа “всея Руси”» (Версты (Париж). 1926. № 1. <Прил.>. С. 73 отд. паг.).

В составе корпуса печатных книг, присланных Ремизовым Малышеву, находится и экземпляр ж. «Русские записки» (1939. Кн. XVIII. Июнь). В оглавлении журнала имеется рукописная отметка чернилами, выделяющая публикацию *ПСПА*. В журнал также вложен лист машинописи с текстом:

«ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ — Париж, 18-го Мая 1939 г.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Правление Общества Друзей Русской Книги просит Вас пожаловать в открытое заседание Общества, которое состоится в СРЕДУ, 24-го мая с. г. (26, авеню де Токио, верхний зал).

Порядок дня:

1. — Пьер ПАСКАЛЬ. — По следам протопопа Аввакума в СССР (1920—1930 гг.).
2. — А. М. РЕМИЗОВ. — Неопубликованное донесение царю Алексею Михайловичу даурского воеводы Пашкова о наказании кнутом протопопа Аввакума.
3. — В. Л. ЯЧИНОВСКИЙ. — Неизданная рукопись Лермонтова и редкие издания его сочинений из собрания докладчика.
4. — А. А. ШИК. — Редкое немецкое издание стихов Жуковского.

Начало р о в н о в 9 часов вечера».

В тексте хранящейся в ИРЛИ журнальной публикации *ПСПА* имеются рукописные пометы Малышева на страницах, где напечатано «Донесение» воеводы Пашкова и «Челобитная» Даурских казаков.

В 1953 г. данные тексты были изданы самим ученым по тому же архивному источнику, что и текст публикации в составе *ПСПА* (РГАДА. Сибирск. Пр. Д. 508. Л. 184—187). См.: *Малышев В. И.* Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 395—397. В 1957 г. эта статья была послана Малышевым Ремизову (ныне находится в библиотеке Е. Д. Резникова, Париж). О посылке см.: *Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву. С. 208. На с. 130 публикации *ПСПА* имеется помета Малышева: «Произведена сверка с рукописью ЦГАДА. / Сибир. Приказ, ст. 508, лл. 184—187 / Это Отписка». На с. 134 напротив предложения: «После слов Аввакума: “Братцы казаки, не подайте!” — в челобитной прибавлено, как объяснение: “буттось государи, мы тѣ ево воровьския письма вѣдаемъ...”» есть помета Малышева: «Виден холуйский характер челобитной / написано по принуждению». Ученый внес в текст журнальной публикации «Донесения» и «Челобитной» правку, уточняющую написание некоторых древнерусских слов. В настоящем издании тексты «Донесения» и «Челобитной» печатаются с учетом этой правки. Также Малышев поставил четыре вопросительных знака на с. 124 напротив фразы: «У Мякотина (родственник Аввакума)...», и три вопросительных знака — на с. 139 напротив предложений: «Видел я в церкви древние потемневшие иконы — к ним Аввакум прикладывался! Узнал, что на селе живут его родственники: Темные».

При решении вопроса о включении текста *ПСПА* в состав Собрания сочинений Ремизова учитывалось его создание на основе одного из излюбленных литературных методов писателя — работы «по материалу». В данном случае исходным «материалом» стал не фольклорный или древнерусский источник, а современный текст П. Паскаля. В сделанной переработке, «пересказе источника», присутствуют ярко выраженные черты стиля Ремизова. В текст инкорпорированы темы, индивидуально-значимые для творчества литератора конца 1920-х — 1930-х гг. (тема утверждения и защиты «теории русского лада», «отцом» которой Ремизов считал протопопа Аввакума; тема исчезновения старой дореволюционной Москвы с акцентировкой на печальную судьбу достопримечательностей тех мест, где прошли детство и юность писателя, и др.). В тексте иносказательно названы Ремизов и С. П. Ремизова-Довгелло. «Учитель музыки» — это ремизовское прозвание героя одноименного романа — воплощения alter ego автора. Упоминание о «забеглых русских “срезневской культуры”» — прозрачный намек на жену писателя, ученого-палеографа. О художественной специфике *ПСПА* как ремизовского «пересказа» см. подробнее: *Грачева А. М.* Соби́нные друзья протопопа Аввакума (А. Ремизов — П. Паскаль — В. Малышев — А. Панченко) // А. М. Панченко и русская культура. СПб., 2008. С. 357—361. Переработка снабжена послесловием, харак-

терным для ремизовских текстов такого рода, разъясняющим ее цели и характер. В нем Ремизов отмечал: «Взял для просмотра рукопись и сковырнув два-три выражения на русский лад, затеял я переписать. А как стал переписывать <...> переписываю и вижу: пишу по-своему, а отстать не могу. А как еще раз набело взялся <...>, тут уж сами собой и вавилоны и заковырка <...> и прет и гонит. И получилось <...> мысли и факты я сохранил неприкосновенно буква-в-букву и все тени и оттенки, и все житейское <...> ничего не присочинил. Конечно, *без “беллетристики” не обошлось, а это и без указки всякому в явь и в слух, и за нее в ответе я*» *<Курсив ред.>*. Дополнительным аргументом может служить оценка *ПСПА*, сделанная критиком, противником ремизовской «теории русского лада» М. А. Осоргиным: «Из статьи П. Паскаля, написанной “по образцу и слогом журнальных статей”, получилась статья А. Ремизова, как бы его рассказ со слов французского ученого, однако, этим ученым подписанный. Раз автор согласился на такой пересказ — о чем говорить! *Рассказ очень, очень интересен. И он может войти в собрание сочинений Ремизова, — но никогда — в собрание сочинений исследователя жития Аввакума <Курсив ред.>*. <...> Впечатление некоего обмана: вместо обстоятельной передовой статьи — лирическое стихотворение» (*Осоргин М.* Литературные размышления. 80. О переводах // *ПН*. 1939. 26 июня. № 6664. С. 2).

В настоящее время в составе находящихся в России и США частей личного архива А. М. Ремизова рукописи-источника ремизовской переработки — оригинального текста П. Паскаля — не выявлено. Многочисленные семантические и ряд текстуальных совпадений текста *ПСПА* с текстом первого раздела «Предисловия» Паскаля к первому изданию монографии «Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie» 1938 г. позволяют сделать несколько предположений об источнике ремизовского «пересказа». Ремизов работал: 1) или с французским оригиналом этой части «Предисловия»; 2) или с созданным на его основе текстом доклада Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР (1920—1930 гг.)» (из «Приглашения» на заседание Общества Друзей Русской Книги неясно, на каком языке (русском или французском) был прочитан доклад); 3) или с подготовленным самим Паскалем расширенным вариантом этого доклада, предназначенным для журнальной публикации на русском языке.

С. 485. *Аввакум Петров* (1620—1682) — протопоп, крупнейший деятель старообрядчества, писатель и публицист.

В 1927 г. я служил в Институте Маркса и Энгельса. Московский барский особняк Долгоруких, что за Музеем Александра III, в М. Знаменском переулке. — Научно-исследовательский Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) при ЦИК СССР создан в 1921 г. В 1931 г. объ-

единен с Институтом В. И. Ленина в единое учреждение: Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). В 1921–1931 гг. директором ИМЭ был деятель российского революционного движения, историк, архивист Д. Б. Рязанов (1870—1938). Институт находился в главном здании бывшей городской усадьбы Вяземских-Долгоруких по адресу: Малый Знаменский переулок, д. 3/5. Здание расположено позади Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (ранее: Музей изящных искусств имени императора Александра III, открыт в 1912 г.), построенного на участке бывшего Колымажного двора. Содержание «московской» части *ПСПА* последовательно совпадает с содержанием первого раздела «Предисловия» П. Паскаля к его кн. «Протопоп Аввакум и начало раскола» (см.: *Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 33—38). Ср.: «Дело было в Москве около 1928 г. Я выполнял функции “научного” работника в институте, достоинства которого для меня имели двоякое значение: во-первых, там имелась богатая библиотека и, во-вторых, во главе института стоял человек с широкими взглядами» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 33).

С. 485. *Я ~ приводил в порядок рукописи Гракха Бабефа... — Гракх Бабёф* (Gracchus Babeuf, наст. имя: Франсуа Ноэль Бабёф, Babeuf; 1790—1760) — французский революционер, глава «Тайной повстанческой директории», один из руководителей готовившегося вооруженного выступления, один из предшественников коммунистического учения. После раскрытия заговора Бабёф был гильотинирован. Его архив был приобретен у антиквара для собрания Института К. Маркса и Ф. Энгельса по плану создания единого хранилища архивных документов, связанных с мировой историей революционных движений. Ср. также: «После того, как я на протяжении двух или трех часов занимался приведением в порядок документов, связанных с Бабефом, я спускался в подвал и там стал изучать литературные богатства, имевшие, по моему мнению, гораздо большее значение, чем те литературные материалы, которые были открыты для общего пользования» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 33)

С. 486. *Минь Жак Поль* (Migne; 1800—1875), аббат — французский католический священник, редактор и издатель средневековой литературы. Созданная им антология трудов Отцов Церкви (Patrologia Latina и Patrologia Graeca) в науке считается классической и неофициально называется «патрологией Миня».

...записки Фонтэна о житье-бытье Пор-Рояля... — Фонтэн (Фонтен) Николай (Fontaine; 1625—1709) — французский агиограф и богослов. Преподавал в школе монастыря Пор-Рояль. Собирал и переписывал сочинения поборников янсенизма. Автор труда «Mémoires pour servir à l’histoire du Port Royal» (Утрехт, 1736).

С. 486. *«Добротолюбие»* — сборник духовных сочинений православных авторов IV—XV вв. Составители: митрополит Коринфский Макарий и Никодим Святогорец. Опубликован на греческом языке в 1782 г. Переведен на церковнославянский язык Паисием Величковским (1-е изд.: СПб., 1793).

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Археографической Комиссии, 1916 г. — Имеется в виду кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Под ред. В. Г. Дружинина // Памятники истории старообрядчества XVII в. Пг.: Изд. Имп. Археографической комиссии, 1916. Кн. 1. Вып. 1. VIII с., 254 стб. Ср. также: «Однажды я натолкнулся на брошюру, опубликованную в 1916 г. Академией наук под заглавием: “Житие протопопа Аввакума, написанное им самим”» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 33)

Мерзость запустения — библеизм (Дан 9: 27; 11: 31; 12: 11). Фраза употребляется в контексте апокалиптических видений.

А сам «огненный» протопоп! — Отсылка к виду казни протопопа Аввакума, который по приговору царя Федора Алексеевича был сожжен в срубе 14 (24) апреля 1682 г.

И костер такому только царственный путь, а смерть — царский венец. — Ср.: «Бедный горемыка, умчавшийся на огненной колеснице, горя, как свеча, “ловить царский венец” — пока на земле звучит русская речь, будет ярка, как костер, о тебе память... ты научил меня — “люблю свой природный русский язык!”, протопоп Аввакум» (впервые: *Ремизов А.* Книгописец и штанба: Памяти первопечатника Ивана Федорова // *ПН.* 1934. 7 июня. № 4833. С. 3; 24 июня. № 4840. С. 3). Цитата повторена Ремизовым: 1) в главе «Поджигатель» кн. «Подстриженными глазами» (*Иверень-РК VIII.* С. 112—113); 2) в главе «Царский венец» кн. «Пляшущий демон» (*Россия в письменах-Росток XIII.* С. 420).

Патриарх Никон (мирское имя Никита Минин (Минов); 1605—1687) — московский патриарх (1652—1666) с титулом Великого Государя. Проводил церковные реформы с целью унификации обрядовой традиции Русской Православной Церкви с Греческой.

Даниил Заточник (2-я пол. XII в. — 1-я треть XIII в.) — автор и главный персонаж выдающегося древнерусского произведения. Оно сохранилось не менее чем в 20 списках XVI—XVII вв., которые принято относить к двум редакциям, имеющим названия «Слово» и «Моление», иногда редакции объединяют под названием «Послание». Некоторые исследователи пишут о двух самостоятельных, хотя и очень близких произведениях.

«Житие» известно было только на вершинах: сохранился восторженный отзыв Тургенева, Толстого, Розанова, Мельникова-Печерского, Горького. — И. С. Тургенев считал, что «Житие» написано «таким язы-

ком, что каждому писателю непременно следует изучать его» (*Луканина А.* Мое знакомство с Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 2. С. 56). Л. Н. Толстой в беседе с В. Ф. Лазурским, предлагая свою программу преподавания литературы, отметил: «Из книжной словесности остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники)» (*Лазурский В. Ф.* Дневник. Запись под 29 декабря 1895 г. // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 53). А. М. Горький отмечал: «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и “Жития” его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться» (*Горький А. М.* О языке // *Горький А. М.* Собр. соч. В 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия (1933—1935). М., 1953. С. 166). См.: *Мельников-Печерский П. И.* Аввакум Петрович // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. 1: А—АДБ. СПб., 1861. С. 149—154. В. В. Розанов упоминал об Аввакуме в очерке «Киев и киевляне» (1911): «...он был правдив, терпелив, страдалец; и измученный и ревнивый его образ биографически так трогателен и привлекателен» (*Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2017. Т. 7. С. 268).

С. 487. *...Ю. А. Легра в своей краткой истории русской литературы впервые дал по-французски несколько строк из «жития»...* — Жюль Легра (Légras; 1866—1938) — славист, профессор-русист. Автор книги: *Légras Jules.* La littérature en Russie. Paris: Armand Collin, 1929. 222 p.

...Аввакум не выходит из головы. И, наконец, решил перевести «житие» на французский. С этого начинаются мои разыскания. — Ср.: «Мне захотелось перевести житие на французский язык. Это заставило меня начать выяснять ряд исторических, географических, богослужебных и других вопросов» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 33).

Диссертация об Аввакуме А. К. Бородина... — См. кн.: *Бородин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1898. 348 + 171 с. Далее последовательность названных в *ПСПА* научных трудов об Аввакуме и расколе соответствует порядку их перечисления в «Предисловии». См.: *Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 34—35.

...Очерк В. А. Мякотина. — Речь идет о кн.: *Мякотин В. А.* Протопоп Аввакум: его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1894. 160 с.

О ту пору ~ появилась статья ~ В. К. Никольского о Сибирской ссылке протопопа Аввакума: материал — по архивам, много новых и точных данных о протопопе. — Имеется в виду ст.: *Никольский В. К.*

Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Учен. зап. Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1927. Т. II. С. 137–167. Также ср.: «Произошла революция, и стало возможным более полно подтвердить это документами. Статья Никольского о периоде ссылки протопопа Аввакума в Тобольске позволила мне увидеть, какие сокровища таятся в московском архиве, где наряду с другими, менее ценными материалами, собраны главные фонды трех прежних собраний: бывших царских Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, а также и Государственного архива (Древлехранилища)» (*Протопоп Аввакум и начало раскола*. С. 35).

С. 488. *Книжный магазин «Международная книга» на Кузнецком Мосту... — Кузнецкий Мост* — улица в Центральном административном округе г. Москвы. В 1920-е — 1930-е гг. на территории владения № 3 в нижнем этаже пятиэтажного доходного дома размещался антикварный магазин акционерного общества «Международная книга», которым заведовал известный антиквар П. П. Шибанов.

«Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая, выпуск I». — См. комм. к с. 235 наст. изд.

...я даже собственную природную речь... — скрытая цитата из «Жития протопопа Аввакума»: «Понеже люблю свой русской природной язык» (Житие протопопа Аввакума / Подг. текста и комм. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. Е. Елеонской, А. И. Мазунина. Иркутск, 1979. С. 78).

С. 489. *НЭП* — Новая экономическая политика — экономическая политика, принятая в 1921 г. в Советской России. Была рассчитана на временное допущение в экономику капиталистических элементов при сохранении командных высот в руках пролетарского государства. Юридическое окончание НЭПа — 1931 г.

...1-й том Материалов для Истории раскола Субботина; а в другом месте попался IV-й и VI-й. — См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. Т. 1: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. М., [1875]. 492, VI с.; Т. 4: Историко и догматико-полемические сочинения первых расколо-учителей. Ч. 1: Челобитная Никиты (Пустосвята); сочинения Лазаря и подъяка Федора, челобитная инока Сергия. М., [1878]. XXXVI, 315 с.; Т. 6: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколо-учителей. Ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова. М., [1881]. XXVIII, 337 с.

С. 489. *В третьем — книги Сергея Белокурова... — Сергей Алексеевич Белокуров* (1862–1918) — церковный историк, археограф, работал

хранителем Московского главного архива министерства иностранных дел. Автор книг: Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1 (ЧОИДР. 1891. Кн. 1—2); 1894. Ч. 2 (ЧОИДР. 1894. Кн. 2); Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады. М. 1887; Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; Материалы для русской истории. М., 1888; О библиотеке московских государей в XVI ст. М., 1898; О Посольском Приказе. М., 1906 (ЧОИДР. 1906. Кн. 3); Планы г. Москвы XVII в. М., 1898; Юрий Крижанич в России: (По новым документам) // ЧОИДР. 1903. Кн. 2. Отд. 3. С. 1—210; Кн. 3. Отд. 3. Прил. С. 1—306; 1907. Кн. 3. Отд. 4. С. 47—60; 1909. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—28. Данные труды цитируются Паскалем в кн.: *Протопоп Аввакум и начало раскола.*

Кириллова книга — русский сборник XVII в., содержащий статьи догматико-полемического содержания против католиков, лютеран и армян. Название дано по первой статье, представляющей собой толкование 15-го огласительного слова святого Кирилла.

Книга о вере — имеется в виду «Книга о вере», или «Книга о вере истинной православной» (М., 1648). Составитель — игумен Киево-Михайловского монастыря Нафанаил. Книга основана на западнорусских полемических трактатах, направленных против еретиков и предателей православной веры. Пользовалась особым авторитетом у старообрядцев, которые активно применяли ее при изложении своего эсхатологического учения о якобы уже состоявшемся воцарении «последнего» антихриста.

Поучения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея — Ефрем Сирин, преп. (ок. 306—373) — христианский богослов, поэт, один из Учителей Церкви IV в., по происхождению сириец. *Дорофей, авва Палестинский, преп.* (505—565 или 620) — христианский святой. Знаменит своими поучениями, посланиями и записью ответов старцев Варсонофия Великого и Иоанна Пророка на вопросы преподобного Дорофея. В Древней Руси были популярны «Поучения» аввы Дорофея и «Паренесис» Ефрема Сирина — сборник слов назидательного характера, восходящий к греческому переводу произведений сирийского богослова. Первое издание «Паренесиса» — М., 1647, сборник многократно перепечатывался (иногда вместе с поучениями аввы Дорофея, впервые: М., 1652).

Скрижаль (М., 1656) — старопечатная книга. Сборник, первоначально составленный греческим иеромонахом Иоанном Нафанаилом, был прислан патриарху Никону в 1653 г. константинопольским патриархом Паисием. Книга была переведена на славянский язык Арсением Греком. В «Скрижали» патриарх Никон распорядился напечатать все послания к нему константинопольского патриарха Паисия. Также в сборник включили несколько статей по вопросу о крестном знаме-

нии и по вопросу о Символе веры. Книга была дополнена еще рядом статей, в том числе сказанием о церковном Соборе 1656 г., и только после одобрения ее на Соборе 2 июня 1656 г. была выпущена из типографии.

С. 489. *Требник* — богослужебная книга, содержащая чинопоследования Таинств и других священнодействий, совершаемых Православной церковью в особых случаях и не входящих в состав храмового (общественного) богослужения суточного, седмичного и годового круга.

Служебник — богослужебная книга, содержащая богослужебные тексты, произносимые священниками и диаконами во время общественных богослужений.

«Маргарит» (греч. Μαργαρίται — жемчужины) — византийский и древнерусский сборники Слов Иоанна Златоуста.

«Жезл правления» (М., 1667) — книга Симеона Полоцкого, направленная против старообрядцев.

«Грамматика» (1618—1619) — памятник славянской грамматической мысли, созданный Мелетием (в миру — Максим Герасимович Смотрицкий; ок. 1577—1579 или 1572—1633) — архиепископом Полоцким, духовным писателем, публицистом, филологом.

И только с пьяных глаз Китоврасу (читай в Палее) неизбежное... — В памятнике славянской и древнерусской литературы — апокрифе о Соломоне и Китоврасе слугам царя Соломона удается поймать сказочного зверя, только подмешав вино в колодец, из которого тот пил воду. Апокрифическое сказание входило в состав «Палеи» — памятника древнерусской литературы византийского происхождения, излагающей ветхозаветную историю с дополнением ее апокрифами. Апокриф о Соломоне и Китоврасе был переработан А. М. Ремизовым (см.: *Ремизов А.* Соломон и Сфинкс: Легенда о Китоврасе // *ПН.* 1931. 19 апр. № 3679. С. 2—3).

С. 490. *Мне понадобилась статья в «Богословском Вестнике». Заручившись рекомендацией, я отправился в Библиотеку Московского Университета. ~ «Выдается только для антирелигиозной работы», объявил библиотекарь.* — Ср.: «Когда в библиотеке Московского университета я попросил том “Богословского вестника”, мне ответили, что этот журнал выдается лишь для “антирелигиозной” работы» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 37). Имеется в виду статья: *Введенский С.* Костромской протопоп Даниил: Очерк из истории раскола в первое время его существования // Богословский вестник. 1913. № 4. С. 844—854. Данная статья цитируется в кн.: *Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 222.

С. 490—491. *В Библиотеке Исторического Музея ~ со стены ~ взирало картинно важное собрание знатных разряженных лиц ~ с папой*

Львом XIII и Александром III. ~ пока-то не схватились, не завешенной красовалась историческая фреска... — В читальном зале библиотеки Исторического музея, открытом 23 ноября 1914 г., после перестройки помещения было размещено огромное полотно художника Генриха Данже «Великие поборники третейского суда и мира». Картина размером 12 × 6,8 м (вместе с дубовой рамой) была поднесена в дар музею французским гражданином Ансбером Лаббэ в 1900 г. См.: *Щербатов Н. С.* Возникновение отделов музея и мысли о дальнейшем размещении разнородных его собраний и окончательном его устройстве // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1914 год. М., 1915. С. 97.

С. 490. *...я попросил статью о «Печатном Дворе» из «Христианского Чтения», и получил — вырванные страницы, а окончания так и не мог добиться.* — Речь идет о статье: *Николаевский П. Ф.* Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. Кн. 1. С. 114—141; Кн. 2. С. 434—467; 1891. Кн. 1. С. 147—186; Кн. 2. С. 151—186. Данная статья цитируется в кн.: *Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 64.

«Известия» (М., 1917—) — советская и российская общественно-политическая ежедневная газета. Учреждена в марте 1917 г.

«Правда» (1912—) — советская и российская ежедневная газета. До революции 1917 г. — ежедневная большевистская газета. После 1917 г. — основное ежедневное печатное средство массовой информации РСДРП(б) — в 1917—1918 гг., РКП(б) — в 1918—1925 гг.; ВКП(б) — в 1925—1952 гг.; КПСС — в 1952—1991 гг. С 1997 г. — КПРФ.

«Чтения Общества Истории и Древностей» (1846—1916) — имеются в виду «Чтения в Обществе истории и древностей российских» — периодическое издание трудов Общества истории и древностей российских при Московском университете. «Чтения» содержат капитальные исследования по истории народов России и славян, богатейшие историко-этнографические документальные материалы и переводы сочинений иностранцев о России. Выпускались отдельными книгами на протяжении 72 лет с десятилетним перерывом.

«Труды Археологических съездов» — С 1868 г. в России регулярно раз в три года в разных городах проводились Археологические съезды. Одним из результатов их деятельности было издание сборника «Трудов» очередного съезда.

...провинциальные издания какой-нибудь Вятской или Тамбовской Архивной Комиссии. — В 1884 г. в России были созданы губернские Архивные комиссии. Они занимались составлением губернского исторического архива, собирали сведения о древностях и памятниках края, работали над созданием местного краеведческого музея, издава-

ли сборники своих «Трудов». Архивные комиссии ликвидированы в 1920-х гг.

С. 490. *...ведь официально все начинается с Октября!* — Ирония автора. Октябрь — метафорическое название Октябрьского переворота 1917 г., позднее названного Великой октябрьской социалистической революцией, согласно официальной советской доктрине, перевернувшей судьбу человечества.

...я забывал со своей вершины нижний советский мир... — ироническое уподобление советской действительности нижнему, т. е. хтоническому, пространству, в фольклорной и христианской традиции традиционно трактуемого как пространство злых, нечистых сил, слуг дьявола. Ср. также в стих. Саши Черного «Два желания» (1909): «Жить на вершине голой, / Писать простые сонеты... / И брать от людей из дола / Хлеб, вино и котлеты».

С. 491. *Архив Министерства Юстиции* — исторический ведомственный архив в Москве, существовал в 1852—1925 гг. Создан в результате объединения Разрядно-Сенатского, Поместно-Вотчинного и Московского государственного архива старых дел, а также Литовской метрики — архива бывшего великого княжества Литовского. В 1925 г. материалы архива вошли в состав фондов Древлехранилища Московского отделения центрального исторического архива РСФСР (в 1931 г. переименовано в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), в 1941 г. переименован в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), в 1985—1991 гг. — ЦГАДА РСФСР, с 1992 г. — РГАДА).

Архив Министерства Иностранных дел — ведомственный архив. С 1724 по 1832 г. именовался Московским главным архивом Коллегии иностранных дел. Ныне материалы архива хранятся в РГАДА.

...в Кремле — Дворцовый Архив и Архив Оружейной Палаты... — Архив Оружейной Палаты создан в 1726 г. В 1869 г. фонды архива переданы в Московский дворцовый архив. Ныне материалы архива хранятся в РГАДА.

...в Петербурге — Государственный Архив. — Петербургский государственный архив старых дел (ПГАСД) создан в 1780 г. В 1834 г. большинство материалов архива вошли в состав Государственного архива Российской империи. В 1917 г. материалы были частично перевезены в Москву, включены в состав Государственного исторического архива РСФСР. Ныне материалы архива хранятся в РГАДА.

Нынче все эти «фонды» с добавкой из других собраний сосредоточены на Пироговской, бывшей Царицынской улице, за Девичьим полем в Московском Древлехранилище (б. Архив М. Юстиции). — Речь идет о РГАДА. Размещается: Большая Пироговская ул., 17.

С. 491. *...в бывшую Синодальную типографию на Никольской — в Главное Архивное Управление.* — Имеется в виду здание, расположенное по адресу: Никольская ул., строение 15 (здание Синодальной типографии, арх. А. Н. Бакарев, И. Л. Мироновский, 1811—1815). С 1917 до 1930 г. в здании располагалось Главное Архивное Управление.

Я должен был заполнить анкету. Но что написать? ~ «Аввакум!» да еще и «протопоп»!! ~ нипочем не разрешат ~ неизбывная советская доля! — я по-ихнему и ляпнул: «Социально-экономическое положение Верхнего Поволжья в начале XVII в.». — Ср.: «После 1917 г. прошлое России, за исключением технической, экономической или общественной его стороны, было вначале подвергнуто подозрению, затем, с 1927 года, запрету. В архивах я работал не по теме "Аввакум и раскол", но "Экономика Верхней Волги"» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 37).

«Писцовые книги» — поземельные описи, использовавшиеся на Руси с XV в. до середины XVII в., содержавшие сведения об имущественном положении служилых людей.

...как благоразумный разбойник в рай. — Отсылка к апокрифическому сказанию об одном из разбойников, распятом вместе с Иисусом Христом, раскаявшемся и за это прощенном Господом. Ср. упоминание о нем в песнопениях Великой пятницы при чтении «Двенадцати Евангелий»: «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи».

С. 492. *Столбец* — длинная лента из подклеенных один к другому листов, свертываемая в свиток.

В читальном зале видишь столик, за которым из году в год последний летописец Сергей Михайлович Соловьев трудился над своей Историей. Три-четыре оборванца (по-европейски!) согнулись над Писцовым книгами... — Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, профессор Московского университета (с 1848 г.), ректор Московского университета (1871—1877), ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1872), тайный советник. Автор труда «История России с древнейших времен» (1851—1879). Ср. также: «На протяжении долгих месяцев я проводил всю вторую половину дня на Девичьем Поле, в маленьком зале, где до сих пор сохраняется тот стол, за которым Сергей Соловьев день за днем работал над своей монументальной "Историей России"» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 35).

А вы знаете, что такое Писцовые книги? ~ Толщина этой листовой бумажной громады — ни с одной книгой, и самой внушительной, несравнима ~ А уж присесть и не думай, такую книжицу можно перелистывать, но лишь в стоячку. — Ср.: «В писцовых книгах, которые столь объемисты, что их надо рассматривать стоя, я разбирал одно за дру-

гим имена современников Аввакума...» (*Протопоп Аввакум и начало раскола*. С. 35).

С. 492. *...все равно, как с Миланского собора по лесам без перил спускаться...* — воспоминание о реальных обстоятельствах осмотра Ремизовым Миланского собора в мае 1914 г. О восхождении писателя на этот собор см. также в кн. «Пляшущий демон» (*Россия в письменах-Росток. XIII*. С. 420—422).

Постная Триодь — богослужебная книга Православной церкви, содержащая трехпесенные каноны. Постная Триодь содержит в себе моливословия на дни Великого поста с приготовительными седмицами к нему и Страстной седмицы начиная с Недели о мытаре и фарисее и до Великой субботы включительно. Содержит песнопения в основном авторов VIII и IX вв., среди которых: Андрей Критский, Косма Маюмский, Иоанн Дамаскин, император Лев Мудрый, Феофан Начертанный.

Апостол — богослужебная книга, содержащая: части Нового Завета — «Деяния» и «Послания святых апостолов», — собрание общих и воскресных прокимнов, прокимнов для особых служб (посвященных мученикам, пророкам и т. д.) и аллилуиариев — отдельных стихов из Псалтири или других книг Священного Писания. Книга имеет специальную разметку на «зачала» — фрагменты для чтения при различных богослужениях.

Напрестольное Евангелие — богослужебная книга, содержащая текст Четвероевангелия. Находится в алтаре на престоле.

Скоропись — вид кириллического письма, возникший из полуустава во второй половине XIV в., употреблявшийся главным образом в канцеляриях и частном делопроизводстве,

Набатная башня — башня стены Московского Кремля. Построена в 1495 г.

А в Школе у П. Ю. Буайе в наше время еще не заведено было: курс славяно-русской палеографии... — Школа живых восточных языков (l'École Nationale des Langues Orientales Vivantes) — высшее учебное заведение. Совр. название (с 1971 г.) — национальный институт восточных языков и цивилизаций (L'Institut national des langues et civilisations orientales). *Поль Буайе* (Boyer; 1864—1949) — французский славист, с 1908 по 1936 г. — руководитель Школы живых восточных языков. В 1930-е гг. курс славяно-русской палеографии в этом вузе читала С. П. Ремизова-Довгелло.

«Рожденіе же мое ~ в селе Григоровѣ» — цитата из «Жития протопопа Аввакума» (Житие протопопа Аввакума. С. 22). *Кудма* — правый приток Волги. *Село Григорово* — ныне в составе Больше-Мурашкинского района Нижегородской области.

С. 492. *Макарьев монастырь* — Свято-Троице-Макарьевский Желтоводский мужской монастырь. Расположен в селе Макарьево Лысковского района Нижегородской области на берегу Волги. Основан в 1-й половине XV в. Упразднен в 1817 г. Восстановлен в 1883 г. как женский монастырь. После 1917 г. ликвидирован. Вновь открыт в 1991 г. как женский монастырь.

С. 493. *Сибирский Приказ* — центральное правительственное учреждение в России XVII—XVIII вв. Приказ ведал на территории всей Сибири административными, судебными, военными, финансовыми вопросами, торговлей, ямскими, горнорудными и другими предприятиями, а частично и сношениями с сопредельными странами. Окончательно упразднен в 1763 г.

...про это я узнал уже ~ в Париже, от забеглых русских «срезневской культуры»... — намек на жену Ремизова — Серафиму Павловну Ремизову-Довгелло, ученого-палеографа. Также упомянута кн.: *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв.: Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885. VIII+ 261 с. Данная книга входила в число учебных пособий, по которым С. П. Ремизова-Довгелло училась в 1910—1912 гг. в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте.

«Уложение царя Алексея Михайловича» — свод законов Русского царства, принятый Земским Собором в 1649 г.

...послание патриарха Иосифа королевичу Вольдемару о принятии православной веры... — Имеется в виду послание патриарха Иосифа 1643 г., в котором тот убеждал жениха царевны Ирины датского королевича Вольдемара перейти в православие и объяснял ему различие между лютеранским и православным вероисповеданиями.

Я пользовался описанием Оглоблина ~ И немало развернул я столбцов, чтобы добраться до воеводы Пашкова... — *Оглоблин Николай Николаевич* (1852 — после 1919) — историк-археограф. Речь идет о кн.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768) / Сост. Н. Н. Оглоблин. М., 1895—1901. Ч. 1—4. *Пашков Афанасий Филиппович* (?—1664) — воевода, первый глава Нерчинского воеводства в Даурии. Также ср.: «Для документов и рукописей Сибирского приказа существует замечательный аналитический каталог Оглоблина <...> я рассмотрел около 30 других томов, и там мне посчастливилось найти отчеты Пашкова» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 35).

...понаторел я на скорописи ~ удавалось с черновиками справляться ~ ясное лишь заправскому подъячему Сибирского Приказа Грешищеву. — Ср. в главе «Рисунки писателей» кн. Ремизова «Петербургский буерак»: «Но развой и цвет моей рисовальной каллиграфии — Париж <...>, а закорючек — подпишет московский подъячий Федор Греши-

щев» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 398). См. также в кн. «Мерлог» (с. 205 наст. изд.).

С. 493. *Московское Древлехранилище* — нынешний Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в 1925—1931 гг. имел название «Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР». См. также комм. к с. 491 наст. изд.

...не мог поверить своим «отведенным глазам»... — зд. в значении: глазам зачарованного человека, не видящего очевидного. Термин «отвод глаз» используется в народной магической практике, в заговорах.

Бывшие люди — зд.: люди, до 1917 г. принадлежавшие к привилегированным сословиям Российской империи (дворянам, духовенству, купечеству).

Лишенец — неофициальное название гражданина РСФСР, СССР, лишенного избирательных прав в 1918—1936 гг. согласно Конституциям РСФСР 1918 и 1925 гг.

С. 494. *Как и почему 15 сентября 1656 протопоп Аввакум бит кнутом на козлъ. Неизданное донесение воеводы Афанасия Пашкова и челобитная Даурских казаков.* — Первая публикация текста «Донесения» и «Челобитной» даурских казаков. См. его краткое изложение и отсылку на архивный источник в кн.: *Протопоп Аввакум и начало раскола*. С. 314.

С. 498. *...архив, Синодальный или точнее Патриарший ~ Сборники Хлудова, Уварова, древнейшие славянские и греческие рукописи — богатства несметные, но и раньше-то мало использованные, а нынче просто плевать!* — Имеется в виду Синодальное (бывшее Патриаршее) собрание рукописей. В 1920 г. в полном составе было передано в Государственный Исторический музей (ГИМ). В 1917 г. в ГИМ поступило собрание рукописей А. И. Хлудова, до этого согласно завещанию владельца находившееся в Никольском единоверческом монастыре. Собрание рукописей А. С. Уварова согласно его завещанию поступило в ГИМ в 1917 г. из имения Поречье. Ср. также: «В одной из зал Исторического музея имеется малозаметная дверь; узкая и крутая лестница, на которую открывается эта дверь, ведет в Отдел рукописей. Там, в тишине, лишь редко нарушаемой иностранными учеными, покоятся 500 греческих рукописей, свитки и книги Патриаршего приказа, а также московские старопечатные издания XVI и XVII веков; к этим богатствам бывшей Синодальной библиотеки присоединены Хлудовское и Уваровское собрания» (*Протопоп Аввакум и начало раскола*. С. 36).

С. 499. *Рогожское кладбище* — старообрядческое кладбище. Основано в 1771 г. за Покровской заставой в районе Рогожской заставы за Камер-коллежским валом г. Москвы. С конца XVIII в. в районе клад-

бища образовался существующий доныне духовный центр старообрядчества Белокриницкого согласия.

С. 499. *Солянка* — одна из старейших улиц в Москве. Участок Солянки от Солянского проезда до Воспитательного проезда — граница между Басманным и Таганским районами.

Таганка — историческое название местности в Москве между реками Москвой и Яузой, в окрестностях Таганской площади.

Швивая (Вшивая) горка (она же: Таганский холм) — юго-западный склон московского Таганского холма в Заяузье (совр. улицы Верхняя Радищевская, Яузская и Гончарная).

...над серебряниковской Яузой... — имеется в виду в виду берег р. Яузы в районе Серебрянической набережной (правый берег реки между Яузской улицей и улицей Земляной Вал), названной по наименованию казенной слободы XVII в. Старые Серебряники. Там в XVIII—XIX вв. в конце Серебрянического переулка располагались Серебрянические (в произведениях Ремизова всегда: *Серебряниковские*) торговые бани, закрытые и снесенные в начале XX в. В 1900 г. на их месте построено каменное задание богадельни (строение 15, арх. Д. В. Шапошников). В тексте перечислены достопримечательности района Москвы, в котором прошло детство и юность Ремизова. Ср. в кн. «Мышкина дудочка»: «А когда мы переехали из Толмачей на Земляной вал — далеко, имя Шмелева ни Москва-река, ни городом не застенило: Серебряниковские бани на Яузе — хозяин Шмелев, Шмелевские не промахнут, и Сандуновским себя покажут!» (*Петербургский буерак-РК X.* С. 129).

...Никита Мученик за своей оградой... — храм Никиты Мученика в Старой Басманной слободе (XVII в.). Совр. адрес: Старая Басманная ул., 16.

...памятник все той же «послѣдней Руси»... — Отсылка к неоднократно использовавшейся Ремизовым скрытой цитате из «Послания» дьякона Федора — сподвижника протопопа Аввакума, сожженного вместе с ним в срубе в 1682 г.: «Мерзость запустѣнія — неправедное священство и прелесть антихристова на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на алтари неправославная служба, еже и видимъ нынѣ сбывшееся. Инаго уже отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ» (*Дьякон Федор.* Посланіе въ Москву из Пустозерска // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 6: Историко и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова / Под ред. Н. Субботина. М., 1881. С. 66).

...Косьма и Дамиан в Старых Кузнецах...— Церковь Косьмы и Дамиана Ассизских, что в Старых Кузнецах (дата основания: кон. XV в.; дата постройки последнего здания: XVI в.). Располагалась в Заяузье,

в Кузнецкой слободе (Старый Космодамианский пер., 1). Совр. адрес: ул. Гончарная, [26/32, сев. часть]). Снесена в 1936 г.

С. 499....*Успение в Гончарах...* — храм Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах (1654). Совр. адрес: Гончарная ул., 29.

...*Никола на Болвановке...* — Церковь Николая Чудотворца на Болвановке (XVI в.), была центром Таганской слободы. Совр. адрес: ул. Верхняя Радищевская, 20.

Спас в Чигасах. — Церковь Спаса Всемилостивого, что в Чигасах (основание: 1483 г.; постройка последнего здания: нач. XVIII в.). Располагалась: Старочигасовский пер., 5 (ныне: 5-й Котельнический пер., [12]). Закрыта в 1926 г. Снесена приблизительно в 1930 г.

...*Рахмановы, Кузнецовы, Морозовы...* — Перечислены известные купеческие роды старообрядцев, чьи представители были захоронены на Рогожском кладбище.

...*Хлудовы — в Покровском монастыре...* — Покровский монастырь — ныне: женский ставропигиальный монастырь Русской Православной Церкви в Москве у Покровской заставы (совр. адрес: Таганская ул., 58). Основан как мужской в 1635 г. Закрыт в 1935 г. Возвращен Русской православной церкви в 1994 г. На кладбище при Покровском монастыре были похоронены, в частности, представители купеческого рода Хлудовых, а также купеческого рода Найденовых. Там же в 1919 г. была захоронена мать А. М. Ремизова — М. А. Ремизова, урожденная Найденова. В 1934 г. на месте монастырского кладбища был разбит парк культуры и отдыха Ждановского района (ныне: Таганский парк).

С. 500. *«Спас — Ярое око»* — иконографический тип. Оплечная икона Иисуса Христа, восходящая, возможно, к иконографическому типу «Спас Вседержитель». На этой иконе отличительной чертой изображения Иисуса Христа является строгое, проницательное выражение глаз отображенного.

Посолонь — направление обрядового движения православных молящихся по часовой стрелке (букв.: по солнцу).

Сорокосборка — тип кафтана, носимого старообрядцами.

«Виноград Всероссийский» (правильно: «Виноград Российский», 30-е гг. XVIII в.) — сочинение о старообрядческом движении в России во 2-й пол. XVII в. — 1-й пол. XVIII в. Автор — Семен Денисов (1682—1740) — старообрядческий писатель, один из основателей Выговского общежительства.

«Требник Петра Могилы» (Киев, 1646) — богослужебная книга, составленная и изданная киевским митрополитом Петром Могилою с целью очистить церковную обрядность от погрешностей и заблуждений, вкравшихся в малороссийские церкви с Запада, и тем защитить Православную церковь от нареканий противников.

С. 500. *...«ликвидация кулака» и «коллективизация»...* — Коллективизация — процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства (колхозы) в СССР. Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Проводилась в СССР в 1928—1937 гг.; основной этап 1929—1930 гг. — сплошная коллективизация. В процессе ее реализации происходило «раскулачивание» — политические репрессии, применявшиеся в административном порядке местными органами исполнительной власти по политическим и социальным признакам в отношении крестьянства. В 1930 г. был издан официально регламентирующий процесс раскулачивания Приказ ОГПУ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса».

...вот затея еще и еще помудровать над человеком... — Ср. в аннотации Ремизова на пьесу И. С. Тургенева «Нахлебник»: «Неизъяснимую жалость вызывает пьеса к терпению человека, над которым другой человек мудрствует» (Репертуар: Сборник материалов. Пг., 1919. С. 28). Ср. также в кн. «Огонь вещей»: «Раненое сердце легло на весь облик Тургенева <...> И это раненое сердце стало необыкновенно чувствительно к закону жизни: "человек мудрует над человеком"» (*Ахру-РК VII*. С. 281).

Преображенское кладбище — основано в Москве в 1771 г. за Камер-Коллежским Валом. До 1917 г. вместе с построенным вокруг него комплексом зданий являлось вторым после Рогожского кладбища центром старообрядчества. В 1920-е гг. все молельни, кроме Крестовоздвиженской, были закрыты. После 1945 г. Преображенское кладбище стало центром российского «беспоповства» — старообрядцев, не приемлющих священства.

Никониане — название, данное старообрядцами православным верующим, последователям норм и обрядов, предложенных патриархом Никоном в 1650-х — 1660-х гг. в рамках церковной реформы.

Стоглав — сборник решений Стоглавого собора 1551 г.; состоит из 100 глав (101-я глава добавлена в качестве дополнения после окончания собора). Решения сборника касаются как религиозно-церковных, так и государственно-экономических вопросов.

Епифаний Премудрый, преп. (ум. около 1420 г.) — иеромонах, религиозный писатель, агиограф. Составитель житий преподобного Сергия Радонежского и святителя Стефана Пермского.

Андрей Рублев, преп. (ок. 1360—1428) — монах, иконописец.

Сергий Радонежский, преп. (в миру Варфоломей, 1314 или 1322—1392) — церковный и политический деятель, иеромонах, основатель ряда монастырей, в том числе Свято-Троицкого монастыря под Москвой (ныне: Троице-Сергиева лавра), второй игумен Свято-Троицкого монастыря.

С. 500. *Алексей, моск. свт.* (в миру Елевферий Федорович Бяконт; ок. 1304—1378) — митрополит всея Руси, государственный деятель, дипломат.

У «австрийцев» на Рогожском... — «Австрийцы» — название одного из самых широких течений старообрядчества — поповцев. В 1846 г. после перехода в старообрядчество митрополита Боснийского Амвросия на территории Австрии в местечке Белая Криница возникла Белокриницкая иерархия, до настоящего времени являющаяся одним из самых крупных старообрядческих направлений, приемлющих священство. В XIX в. одним из крупнейших центров поповства было Рогожское кладбище (о нем см. комм. к с. 499 наст. изд.).

Порядок службы описан у Мельникова-Печерского в его «Лесах»... — См.: *Мельников П. И.* [*Андрей Печерский*]. В лесах: Роман: В 2 кн. Минск, 1986. Кн. 1. С. 369—371.

С. 501. *Столповой распев* — см. комм. к с. 40 наст. изд.

...уже здесь, один забеглый русский, именующий себя «учителем музыки»... — Имеется в виду А. М. Ремизов, автор кн. «Учитель музыки», герой которой — учитель музыки — одно из alter ego автора.

Григорианское пение (*лат.* cantus Gregorianus), григорианский хорал — музыкальный склад, специфическим фактурным признаком которого является одноголосное пение, используемый в богослужебных песнопениях римско-католической церкви.

«Боже, Боже, вскую оставим мя далече!» — неточная цитата из Библии (Пс 21: 2).

Кацея — кадильница, у староверов в виде небольшой жаровни с длинной ручкой.

«Село Григорово ~ Божiи» — цитата из архивного источника: «Книги письма и переписи Нижегородского уезда князя Ивана Федоровича Шаховского и подъячего Прокофия Симанова 156-го года» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 296. Л. 1—1316).

О Никоне живо еще предание, что происходит он из семьи суровой, нелюдимой: Ежовы. — Мирское имя патриарха Никона — Никита Минин (Минов). Возможно, в тексте содержится скрытый намек на Николая Ивановича Ежова (1895—1940) — в 1936—1938 гг. народного комиссара внутренних дел СССР, одного из главных организаторов массовых репрессий 1937—1938 гг. («Большого террора»).

С. 501—502. *С трудом добрался я до Григорова ~ Узнал, что на селе живут его родственники: Темные. Думал разыскать их ~ не удалось.* — См. подстрочное примечание Паскаля в его исследовании об Аввакуме: «В Григорове я нашел одну семью, которая сама предполагает, что она происходит от Аввакума. Это притязание, впрочем, ни на чем не основано» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 148).

С. 502. *Не буду занимать рассказом о моих странствованиях страдным летом 1930 года по Нижегородской губернии, в местах громких в истории раскола. Побывал я в Княгинине и в Лыскове, и в Макарьеве-Желтоводском монастыре, — там и из поруганных развалин все еще сияет былое благолепие!* — Ср.: «Этот Нижегородский край <...> я объехал вслед за юным Аввакумом ближайшие от его родного Григорова поселения: Княгинино и Лысково. Я видел Волгу <...> Там, на другом берегу возвышался все еще величественный Макарьевский монастырь» (*Протопоп Аввакум и начало раскола.* С. 37).

С. 503. *...я возвращаю своим трудом — книгой о священномученике русского народа протопопе Аввакуме.* — Имеется в виду кн.: *Pascal P.* Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938. XXV + 619 p.

Ведь цель искусства — подписываюсь под Новалисом ~ никак не в содержании, а выполнение. — Неточная цитата из романа Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген»: «Не содержание цель искусства, а выполнение» (*Новалис* [Фридрих фон Гарденберг]. Гейнрих фон Офтердинген / Пер. З. Венгеровой и Вас. Гиппиуса. Пб., MCMXXII. С. 111).

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ «МЕРЛОГ»

Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — поэт, литературный критик, переводчик. В эмиграции с 1923 г. (Германия, Франция)

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — писатель, литературный и театральный критик, мемуарист, общественный деятель

Алданов Марк Александрович (наст. фамилия Ландау; 1886—1957) — прозаик, публицист, общественный деятель. В эмиграции с 1919 г.

Александр II Николаевич (1818—1881) — российский император (1855—1881) из династии Романовых

Альтман Натан Исаевич (1889—1970) — художник-авангардист, скульптор и театральный художник

Алянский Самуил Миронович (Алконост) (1891—1974) — основатель и руководитель книгоиздательства «Алконост» (1918—1926), издатель ж. «Записки мечтателей», зав. издат. бюро ТЕО, сотрудник Изо Наркомпроса (1918—1919); в дальнейшем — работник ряда издательств Москвы и Ленинграда

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — прозаик, драматург

Аничков Евгений Васильевич (1866—1937, по другим данным: 1861—1938) — критик, литературовед, автор исследований по фольклору и литературе Средних веков. В 1917 г. откомандирован с русским военным отрядом во Францию. С 1918 г. жил в Югославии

Анненков Юрий Павлович (1889—1974) — живописец, график, художник кино и театра. В эмиграции с 1924 г.

Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, критик, драматург, переводчик, педагог

Артемьев Александр Родионович (псевд. Артём; 1842—1914) — артист МХТ, ранее: преподаватель рисования и чистописания

Афонский Николай Петрович (1892—1971) — регент. После 1917 г. — в эмиграции (Германия, Франция, США). В 1925—1947 гг. — регент собора св. Александра Невского, организатор и руководитель Митрополичьего хора (Париж)

***Б**абель* Исаак Эммануилович (1894—1940) — писатель, драматург, переводчик, сценарист. Репрессирован. Расстрелян. Посмертно реабилитирован (1954)

Бакст Лев Самойлович (наст. имя Лейб Хаим Израилевич Розенберг, 1866—1924) — художник, сценограф, дизайнер, иллюстратор

Баранович Лазарь (1616—1693) — украинский православный церковный, политический и литературный деятель, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский, местоблюститель Киевской митрополии, ректор и игумен Братского училищного монастыря, ректор Киево-Кирилловского монастыря, основатель Черниговского книгоиздательства

Барладьян — берлинский знакомый Ремизова

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт

Бахрах (Бахрак) Александр Васильевич (1902—1985) — критик, мемуарист. В эмиграции с 1920 г.

Бебер — мальчик, друг *Бику*

Беленсон Александр Эммануилович (1890—1949) — поэт, прозаик, критик, издатель альм. «Стрелец», зав. литературным отделом ж. «Красный милиционер»

Белый Андрей (наст. имя Бугаев Борис Николаевич; 1880—1934) — поэт, прозаик, мемуарист, критик, теоретик литературы

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — художественный деятель, график, театральный художник, живописец, критик, историк искусства, режиссер, музейный деятель. В эмиграции — с 1926 г.

Берберова Нина Николаевна (1901—1993) — писательница, критик, мемуаристка. Во Франции — с 1922 г.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, литератор, публицист, общественный деятель. В 1922 г. выслан из Советской России

Бестужев Александр Александрович (псевд. Марлинский; 1797—1837) — писатель, критик, публицист, декабрист

Биджевская (в замужестве Диксон) Людмила Ивановна — мать писателя В. В. Диксона

Бику Морис (наст. имя Fleury Maurice) — сын мэра деревни Кербелек (Бретань), где Ремизовы отдыхали в 1930-е гг. «Бику» — прозвище мальчика. Упомянут в книге Ремизова «Учитель музыки»

Билибин Иван Яковлевич (1876—1942) — художник, иллюстратор, член объединения «Мир искусства». В эмиграции с 1920 г. В 1935 г. принял советское подданство, в 1936 г. — вернулся в Ленинград

Блейк Вильям (William Blake; 1757—1827) — английский поэт, художник, гравер

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт, драматург, критик, переводчик

Блуа Леон (Léon Bloy; 1846—1917) — французский писатель, религиозный мыслитель

Блюм Андрэ (André Blum; 1881—1963) — французский писатель, член редколлегии издания «Le Courrier graphique»

Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) — фольклорист, этнограф, театровед, переводчик советского полномочного представительства в Чехословацкой Республике (с 1921 г.), приват-доцент (1931—1932), доцент Братиславского ун-та. В 1939 г. вернулся в Россию

Богуславская (в замужестве Пуни) Ксения Леонидовна (1892—1972) — график, художник театра и прикладного искусства; жена художника И. А. Пуни. В эмиграции с 1919 г. (Германия, Франция)

Бодлер Шарль Пьер (Charles Pierre Baudelaire; 1821—1867) — французский поэт, критик, переводчик

Бодлэр — см. *Бодлер*

Болдырев (наст. фам. Шкотт) Иван Андреевич (1903—1933) — прозаик. В 1925 г. бежал из ссылки в Нарымском крае (СССР) за границу (Польша, Франция)

Боратынский (Баратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт, переводчик

Бреннер Евгений Александрович (1895—1954) — работник книжной торговли. В эмиграции с 1917 г. (Германия, Франция). В Париже — владелец книжного магазина и изд-ва «Москва». В 1934 г. уехал в Рабат. Вернулся в Париж в 1953 г.

Бретон Андре (André Breton; 1896—1966) — французский писатель, основоположник сюрреализма

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров. В эмиграции с 1919 г. (США, Франция, Чехословакия)

Бругш Генрих Карл (Heinrich Karl Brugsch; 1827—1894) — немецкий египтолог

Бруни Лев Александрович (1894—1948) — живописец, график

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, критик, историк литературы, переводчик

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). В эмиграции с 1920 г.

Бурнашов Михаил Николаевич (1882—1928) — правовед, сотрудник Публичной библиотеки, один из создателей типографии «Сириус». После 1917 г. выехал в Латвию. В 1925 г. принял сан священника. Участвовал в работе рижского филиала Международного Христианского союза молодежи (YMKA), сотрудничал в ж. «Перезвоны»

В. — см. *Соловьев Вс. С.*

Вайян Андрэ (Andre Vayan; 1890—1977)— французский славист, профессор, с 1921 по 1952 г. преподавал в Национальной школе жи-

вых восточных языков (École nationale des langues orientales vivantes), работал в парижском Институте славяноведения (Institut d'Études slaves), сотрудник, а с 1945 г. — главный редактор ж. «Revue d'études slaves»

Валери Амбуаз Поль Туссен Жюль (Ambroise Paul Toussaint Jules Valéry; 1871—1945) — французский поэт, эссеист, философ

Вальден Гервард (Herwarth Walden; наст. имя: Georg Lewin; 1878—1941) — немецкий художественный критик, музыкант, меценат, издатель ж. «Der Sturm». Эмигрировал в СССР в 1933 г. Преподавал в Москве, в Институте иностранных языков. Репрессирован. Умер в тюрьме в Саратове

Вальтер — издатель. Соучредитель берлинского изд-ва «Вальтер и Ракинт», публиковавшего книги по искусству

Ванька Каин — см. *Осипов Иван*

Вейнингер Отто (Otto Weininger; 1880—1903) — австрийский философ и психолог

Верлен Поль Мари (Paul Marie Verlaine; 1844—1896) — французский поэт

Верн Жюль Габриэль (Jules Gabriel Verne; 1828—1905) — французский писатель

Вильгельм III, принц Оранский (1689—1702)

Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951) — украинский политический и общественный деятель, писатель. В эмиграции жил в Австрии (1919), Чехословакии, Франции (1922—1951)

Вишняк Абрам Григорьевич (1893—1944) — издатель, редактор изд-ва «Геликон». В эмиграции с 1919 г. (Германия). С 1925 г. — во Франции (Париж). Погиб в нацистском концлагере

Вишняк Марк Вениаминович (Вишняк Мордух Веньяминович, псевд. Марков; 1883—1976) — общественно-политический деятель, юрист, публицист. Член редакции ж. «Современные записки» (Париж). В эмиграции с 1919 г. (Франция). С 1940 г. — в США

Вишняк-племянник — см. *Вишняк А. Г.*

Вл. С. — см. *Соловьев Вл. С.*

Водовозов Василий Васильевич (1864—1933) — публицист, юрист, экономист. В эмиграции с 1926 г. (Чехословакия)

Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) —поэт, критик, переводчик, художник

Гайны Иозеф (Josef Hajný) — чешский советник министерства иностранных дел Чехословацкой Республики, член правления Фонда помощи русским студентам в Чехословацкой Республике (1931)

Гауф Вильгельм (Wilhelm Hauff; 1802—1827) — немецкий писатель

Герберштайн (Герберштейн) фон, Зигмунд, барон (Siegmund Freiherr von Herberstein (Herberstain); 1486—1566) — австрийский дипломат, писатель и историк. Посетил Русское государство в 1517 и 1526 гг. и написал книгу «Записки о Московии» (1549)
Гессен Сергей Иосифович (Sergius Hessen; 1887—1950) — философ, правовед, публицист, педагог, соредактор ж. «Логос». В 1922 г. эмигрировал в Прагу. С 1935 г. жил в Польше
Гете Иоганн Вольфганг (с 1782 г. — фон Гете, Johann Wolfgang von Goethe; 1749—1832) — немецкий поэт, государственный деятель, философ
Гиппиус (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945) — писательница, поэтесса, критик, В эмиграции с 1919 г.
Гоголь Николай Васильевич (1809—1859) — писатель
Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — живописец, театральный декоратор, главный художник Александринского театра
Гонкуры, братья — французские писатели. *Эдмон де Гонкур* (Edmond Huot de Goncourt; 1822—1896); *Жюль де Гонкур* (Jules de Goncourt; 1830—1870)
Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — писатель
Горлин Михаил Генрихович (1909—1943?) — поэт, переводчик, литературный критик, историк литературы. С 1922 г. — в эмиграции. Погиб в концлагере
Горький Максим (наст. имя Пешков Алексей Максимович, 1868—1936) — писатель, общественный и государственный деятель
Готье Пьер Жюль Теофиль (Pierre Jules Théophile Gautier; 1811—1872) — французский поэт и критик
Гофман (Гоффман) Эрнст Теодор Вильгельм Амадей (Ernst Theodor Wilhelm Amadeus Hoffmann; 1776—1822) — немецкий писатель, композитор, художник
Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — поэт, критик, филолог-пушкинист. С 1922 г. — во Франции
Гоффман Э. Т. А. — см. *Гофман Э. Т. В. А.*
Гребенщиков Яков Петрович (1887—1935) — библиограф, библиофил
Грешищев Федор — московский подьячий XVII в.
Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник и издатель. В 1919 г. основал «Издательство З. И. Гржебина», фактическим руководителем которого был М. Горький. В 1920 г. выехал в Берлин, основал филиал своей фирмы и выпустил часть рукописей, приобретенных в 1918—1920 гг. В 1923 г. разорился
Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик
Гюго Виктор Мари (Victor Marie Hugo; 1802—1882) — французский прозаик, драматург, поэт

Евсеев Иван Евсеевич (1865—?) — учитель чистописания в Александровском коммерческом училище, выпускник и преподаватель графики в московском Строгановском училище

Епифаний Премудрый, преп. (?—1420) — древнерусский писатель-агиограф, монах. Почитается в лике преподобных, память — 23 мая (5 июня)

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — поэт

Жак Ансель (Ansel Jacques; 1882—1943) — французский географ и геополитик, известный специалист по «восточному вопросу». Погиб в нацистском концлагере Компьен

Жакоб Макс (Max Jacob; 1876—1944) — французский поэт, художник. Умер в нацистском концлагере Дранси

Жарик Марк (Marc Jaryc) — французский библиограф, член редколлегии французского издания «Le Courrier graphique»

Жевержеев Левкий Иванович (1881—1942) — фабрикант, меценат, библиофил, один из основателей Театрального музея в Петрограде

Жорж Занд (Санд, George Sand, наст. имя Амандина Аврора Люсиль Дюпен (Amandine Aurore Lucile Dupin), в замужестве баронесса Дюдеван; 1804—1876) — французская писательница

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, переводчик

Завадская-Добровольская Надежда Алексеевна (1878—1954) — доктор медицины, профессор. Жена писателя В. В. Завадского (псевд. В. Корсак). С 1920 г. в эмиграции

Зак А. Н. — экономист. До 1917 г. — директор Центрального банка обществ взаимного кредита в Петербурге. После 1917 г. — в эмиграции

Зак А. С. — издатель. Владелец изд-ва «Москва» (Берлин)

Залкинд Виктор Александрович (1895—1986) — инженер. С 1922 г. — в эмиграции. В 1923 г. переехал в Палестину

Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — писатель. С 1932 г. — в эмиграции

Зарецкий Николай Васильевич (1876—1959) — художник, искусствовед. С 1920 г. — в эмиграции (Германия, Чехословацкая Республика). С 1951 г. — во Франции

Зензинов Владимир Михайлович (1880—1953) — политический деятель, член партии эсеров. В эмиграции с 1919 г. (Франция, США)

Зингер Меррит Айзек (Isaac Merritt Singer;1811—1875) — основатель американской корпорации «I. M. Singer & Co.» (1851), переименованной в «Singer Manufacturing Company» (1865), затем в «The Singer Company» (1963), производитель военной техники, электроприборов и другой продукции, в том числе швейных машинок

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884—1954) — литературный критик, драматург, шахматист. В эмиграции с 1920 г.

Зубовы — российский графский род. *Александр Николаевич Зубов* (1727—1795, с 1793 — граф) — тайный советник, сенатор. Его сыновья: *Николай Александрович* (1763—1805, с 1793 — граф) — генерал-майор, участник заговора против императора Павла I. *Дмитрий Александрович* (1764—1836, с 1793 — граф) — генерал-майор. *Платон Александрович* (1767—1822, с 1793 — граф) — генерал-фельдцейхмейстер (1793), генерал от инфантерии (1800), генерал-губернатор Новороссии, последний фаворит Екатерины II (1789—1796), участник заговора против императора Павла I. *Валерьян Александрович* (1771—1804, с 1793 — граф) — генерал-аншеф, главнокомандующий в Русско-персидской войне 1796 г., участник заговора против императора Павла I. А. Н. Зубов вместе с сыновьями возведены в графское достоинство Грамотой германо-римского императора Франца II в 1793 г.

Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — писатель, археолог, искусствовед. В эмиграции с 1919 г.

Ибсен Генрик (Хенрик) Юхан (Henrik Johan Ibsen; 1826—1906) — норвежский драматург, поэт, публицист

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, теоретик символизма, драматург, переводчик, филолог-классик. После 1924 г. жил за границей (Италия)

Иванов Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт, прозаик, публицист, переводчик. В эмиграции с 1922 г.

Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — детский писатель, близкий друг А. А. Блока

Иванов Иван Алексеевич — учитель чистописания в Александровском коммерческом училище, выпускник московского Строгановского училища

Иванов-Разумник (наст. имя Иванов Разумник Васильевич; 1878—1946) — критик, публицист, историк литературы и общественной мысли, выразитель взглядов «неонародничества». В 1942 г. вывезен в Германию. После 1945 г. остался в союзной оккупационной зоне Германии

Ильин 2-ой — Ильин Иван Александрович (1883—1954) — философ, публицист. В 1922 г. выслан из Советской России. В эмиграции жил в Германии, Швейцарии

Исцеленов (Исцеленнов) Николай Иванович (1891—1981) — живописец, книжный график, архитектор, реставратор. В эмиграции с 1920 г. В 1921—1924 гг. жил в Берлине. Основатель изд-ва «Трирема» (Берлин). С 1925 г. — во Франции

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — украинский поэт, прозаик, фольклорист
Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель. В эмиграции с 1919 г. В 1937 г. вернулся в СССР
Кускова Екатерина Дмитриевна (1869 — 1958) — политический и общественный деятель, публицист, журналистка. В 1922 г. выслана из Советской России за границу (Германия, Чехословацкая Республика, Швейцария)
Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства»

Лабри Рауль (Raoul Labry; 1880—1950) — французский славист, журналист, профессор русской литературы в Сорбонне. Сотрудник Французского института в Петрограде (Россия, 1916—1917)
Лавуазен (Катрин Монвуазен (Catherine Montvoisin), урожд. Катрин Деэ (Catherine Deshayes), прозванная Ла-Вуазен (фр.: La Voisine — соседка); ок. 1640—1680) — французская авантюристка, осужденная и казненная за колдовство
Лагорио (в замужестве Исцеленова) Мария Александровна (1893—1979) — художница, жена художника Н. И. Исцеленова. В эмиграции после 1921 г. В 1921—1924 гг. жила в Берлине. С 1925 г. — во Франции
Ларбо Валери (Valery Larbaud, полное имя: Valery Nicolas Larbaud; 1881—1957) — французский писатель
Лафонтен Жан де (Jean de La Fontaine; 1621—1695) — французский баснописец
Левитов Александр Иванович (1835—1877) — писатель
Легра Жюль (Jules Legras; 1867—1939) — французский этнолог, профессор русской литературы в Сорбонне (с 1929 г.), профессор иностранной литературы в университете Дижона, известный путешественник по России (Сибирь, 1890)
Лели Жильбер (Gilbert Lely; 1904—1985) — французский поэт, член редколлегии издания «Le Courrier graphique»
Леонов Леонид Максимович (1899—1994) — писатель и общественный деятель
Лепсиус Карл Рихард (Karl (Carl) Richard Lepsius; 1810—1884) — немецкий египтолог, археолог
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт
Лесков Николай Семенович (1831—1895) — писатель
Либерман Семен Петрович (1901—1975) — поэт, переводчик
Лидин Владимир Германович (1894—1979) — писатель, библиофил
Линдберги — Линдберг Чарльз Огастес (Charles Augustus Lindbergh Jr.; 1902—1974) — американский летчик. В 1927 г. первым в одиночку

перелетел через Атлантический океан по маршруту Нью-Йорк — Париж. *Энн Линдберг* (Anne Morrow Lindbergh, до замужества Anne Spencer Morrow; 1906—2001) — американская летчица и писательница, жена Ч. Линдберга

Лисицкий Лазарь Маркович (Мордухович, Эль Лисицкий; 1890—1941) — художник, архитектор. В 1921—1925 гг. жил в Германии и Швейцарии. В 1926 г. вернулся в СССР

Ложкомоев — служащий Петрокоммуны

Лозинский Георгий Леонидович (1889—1942) — филолог-романист, переводчик. В эмиграции с 1921 г.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — ученый-естествоиспытатель, энциклопедист, действительный член Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, поэт

Лурье Артур (Артур-Оскар-Винсент) Сергеевич (наст. имя Наум Израилевич Лурья; 1891—1966) — композитор, музыкальный критик. В эмиграции с 1922 г.

Лутохин Далмат Александрович (1885—1942) — инженер-экономист, преподаватель Петроградского университета, литератор. В эмиграции с 1923 г. В 1927 г. вернулся в СССР

Людовик XVI (Louis XVI, 1754—1793) — король Франции из династии Бурбонов. В 1792 г. низложен, предан суду Конвента и казнен

Лютер Артур Федорович (Arthur Luther; 1876—1955) — немецкий филолог-русист, историк литературы, переводчик

Лядов Анатолий Константинович (1855—1914) — композитор, педагог

Мазон Андрэ (André Mazon; 1881—1967) — французский славист, профессор, член Академии надписей (1941). Автор трудов по древнерусской и русской классической литературе, русскому и чешскому языкам, славянскому фольклору

Макарий Верхотурский (Актайский, в миру Михаил Васильевич Поликарпов; 1851/1856/1857?—1917), старец-монах (1900), насельник Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря. Г. Распутин считал его своим наставником. Дважды побывал в Петербурге (1908, 1909), где встречался с царской семьей

Макеев Николай Васильевич (1887—1975) — журналист, художник, член партии эсеров. С 1921 г. — в эмиграции (Англия)

Маковский Сергей Константинович («Копытчик», «Алазион»; 1877—1962) — поэт, художественный критик, редактор ж. «Аполлон». В 1920 г. эмигрировал в Прагу, с 1925 г. — в Париже

Мансветов Федор Северьянович (1884—1967) — политический и общественный деятель, член парии эсеров, участник Белого движения, член Комитета Земгора, член правления и коммерческий ди-

ректор изд-ва «Пламя» (с 1924 г.), член редакции изд-ва «Воля России», член Совета Русского заграничного исторического архива. С 1922 г. — в эмиграции (Чехословацкая Республика), с 1931 г. — в США

Мария Антуанетта (Marie-Antoinette, урожд. Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская, Marie Antoinette Josèphe Jeanne de Habsbourg-Lorraine; 1755—1793) — королева Франции. Осуждена судом Конвента и казнена

Марков Павел Александрович (1897—1980) — театральный критик, режиссер, историк и теоретик театра, педагог

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — поэт, драматург

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — актер и режиссер. Репрессирован. Расстрелян. Посмертно реабилитирован

Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский; 1818—1883) — писатель, этнограф

Мережковский Дмитрий Сергеевич(1865—1941) — прозаик, поэт, критик, публицист, переводчик, литературно-общественный деятель. Муж З. Н. Гиппиус. В эмиграции с 1919 г.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк и публицист, политик, один из основателей партии конституционных демократов. В ноябре 1918 г. направлен за границу для переговоров о военной помощи белому движению (Турция, Англия). С 1920 г. постоянно жил в Париже. Возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже. С апреля 1921 г. по июнь 1940 г. — редактор газ. «Последние новости»

Миркин-Гетцевич Борис Сергеевич (Boris Mirkine-Guétzévitch; 1892—1955) — юрист, публицист, историк права. В эмиграции с 1929 г. (Франция, США)

Мицкевич Адам Бернард (Adam Bernard Mickiewicz; 1798—1855) — польский поэт, публицист

Мишеев Николай Исидорович (псевд. Еленский; 1878—1947) — драматург, литературный критик, искусствовед, педагог. В эмиграции после 1917 г.

Моран Поль (Paul Morand; 1888—1976) — французский писатель, дипломат

Морнар Пьер (Pierre Mornand; 1884—1972) — французский писатель, библиофил. Главный редактор издания «Le Courrier graphique»

Моруа Андрэ (André Maurois, настоящее имя Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог, Émile-Salomon-Wilhelm Herzog; 1885—1967) — французский писатель

Муратов Павел Павлович (1881—1950) — искусствовед, писатель, переводчик, издатель. В эмиграции с 1922 г.

Мэриме Проспер (Prosper Mérimée; 1803—1870) — французский писатель, переводчик

Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769—1821) — французский император (1804—1814, 1815), полководец и государственный деятель

Нестор Летописец (ок. 1056—1114) — древнерусский летописец, конца XI — начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Традиционно считается одним из авторов «Повести временных лет»

Николай Николаевич (Младший), вел. князь (1856—1929) — первый сын великого князя Николая Николаевича (Старшего) и великой княгини Александры Петровны (урожд. принцессы Ольденбургской), внук Николая I; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (6 декабря 1900 г.). Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914—1915) и в мартовские дни 1917 г. В эмиграции с 1919 г. (Италия). С 1923 г. — во Франции. В 1924—1929 гг. — руководитель Русского Общевоинского Союза

Ницше Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Nietzsche; 1844—1900) — немецкий философ, филолог

Одоевцева Ирина Владимировна (1895—1990) — поэтесса, прозаик, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г. В 1987 г. вернулась в СССР

Осипов Иван (кличка: Ванька Каин; 1718 — после 1756) — знаменитый вор, ставший затем московским сыщиком

Осипов Сергей Яковлевич (1888—1948) — бухгалтер, заведующий конторой изд-ва «Сирин» (1912—1915), в 1920-е гг. — работник торгового представительства Советской России в Берлине

Осоргин Михаил (наст. имя Ильин Михаил Андреевич; 1878—1942) — писатель, журналист, переводчик. В 1922 г. выслан из Советской России

Оу Янг Сиу — китайский поэт XI в.

Оцуп Николай Авдеевич (1894—1958) — поэт, прозаик, литературный критик, драматург, историк литературы, мемуарист. С 1922 г. — в эмиграции (Германия, Франция)

Очередин Борис Иннокеньевич (? — после 1942) — поэт, прозаик, актер-любитель. Член Союза молодых поэтов и писателей в Париже, член РСХД. В эмиграции — во Франции

Паскаль Блез (Blaise Pascal; 1623—1662) — французский философ, математик, механик, физик, литератор

Паскаль Пьер (Петр Карлович, *Pierre Pascal*; 1890—1983) — французский медиевист, славист, профессор Школы Восточных Языков

(1937—1950) и Сорбонны (1950—1960). В 1916—1933 гг. жил в России

Пахомий Логофет (? — не ранее 1484) — иеромонах, агиограф, составитель и редактор ряда житий святых, похвальных «Слов», служб и канонов, переводчик

Першинг Джон Джозеф (John Joseph Pershing; 1860—1948) — генерал американской армии. Единственный, кто получил персональное воинское звание в армии США — Генерал армий Соединенных штатов

Пильняк (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894—1938) — прозаик. Репрессирован. Расстрелян. Посмертно реабилитирован

Пиранези Джованни Баттиста (Giovanni Battista Piranesi; 1720—1778) — итальянский художник-график, архитектор, археолог

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — прозаик, драматург

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, правовед, писатель, историк церкви, действительный тайный советник. В 1880—1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода

Познер Соломон Владимирович (1880—1946) — юрист, писатель, журналист, общественный деятель. С 1921 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. С 1920-х гг. член правления, секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. В годы Второй мировой войны жил на юге Франции

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт, журналист

Поплавский Борис Юлианович (1903—1935) — поэт, прозаик. С 1920 г. — в эмиграции (Турция, Франция)

Порше Жан (Jean Porcher; 1892—1966) — французский историк и библиограф, член редколлегии французского издания «Le Courrier graphique»

Постников Сергей Порфирьевич (1883—1965) — политический и общественный деятель, член партии эсеров, один из основателей Русского заграничного исторического архива. В эмиграции с 1921 г. (Финляндия, Германия, Чехословакия). В 1945 г. депортирован в СССР, сослан. С 1957 г. жил в Чехословакии. Реабилитирован в 1989 г.

Постникова (урожд. Ящуржинская) Елизавета Викторовна (1884—1961) — участница российского революционного движения, член партии эсеров, мемуаристка. Жена С. П. Постникова. В эмиграции с 1921 г.

Птижан — мальчик, друг *Бику*

Пуни Иван Альбертович (1894—1956) — живописец. В эмиграции с 1919 г. (Германия, Франция)

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — писатель

Ракинт Владимир Николаевич (1877—1956) — искусствовед. В эмиграции с 1922 г. (Германия). Соучредитель берлинского изд-ва «Вальтер и Ракинт», публиковавшего книги по искусству. Член редколлегии ж. «Русская книга за границей»

Рафаэль Санти (Raffaello Santi; 1483—1520) — итальянский живописец, график, архитектор

Ремизова-Довгелло (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876—1943) — палеограф, жена А. М. Ремизова. В эмиграции с 1921 г. (Германия, Франция)

Роде (Родэ) Адолий Сергеевич (1869—1930) — известный петербургский ресторатор, владелец ресторана «Вилла Роде» и сада «Аркадия». После 1921 г. — в эмиграции

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — публицист, прозаик, критик, философ

Романова (в замужестве Селевина) Екатерина Владимировна (1855—1928) — двоюродная сестра В. С. Соловьева по матери. В 1872—1875 гг. Вл. С. Соловьев считал ее своей невестой. После 1917 г. — в эмиграции (Франция)

Сабашникова (в замужестве Волошина) Маргарита Васильевна (1882—1973) — художница, мемуаристка, последовательница учения Р. Штайнера. Жена поэта М. Волошина (1906—1907). В 1914—1917 гг. жил за границей (Швейцария), в 1917—1922 гг. — в России. После 1922 г. — в эмиграции (Германия)

Саблер Владимир Карлович (с 1914 г. Десятовский — взял фамилию жены; 1845—1929) — государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода в 1911—1915 гг.

Савинков Борис Викторович (лит. псевд. В. Ропшин; 1879—1925) — член партии эсеров, глава ее Боевой организации, прозаик, поэт, публицист. В 1917 г. — управляющий Военным министерством Временного правительства, Петроградский военный генерал-губернатор. После октябрьского переворота 1917 г. — организатор борьбы с большевиками. В 1920—1924 гг. — за границей (Польша, Англия). В 1924 г. нелегально вернулся в СССР, арестован, осужден. Умер при невыясненных обстоятельствах в тюрьме ГПУ на Лубянке (Москва)

Савинов Сергей Яковлевич (1897 — после 1948) — писатель, журналист, переводчик. Участник Белого движения. В эмиграции с 1921 г. (Чехословацкая Республика). В 1940-х гг. жил в Германии

Сазонова (урожд. Слонимская) Юлия Леонидовна (1894—1957) — литератор, литературный и театральный критик, режиссер, историк театра. В эмиграции с 1920 г.

Салтыков Михаил Евграфович (псевд. Николай Щедрин; 1826—1889) — писатель, публицист

Саул (2-я пол. XI в. до н. э.) — первый царь народа Израиля (согласно Ветхому Завету), основатель единого Израильского царства (ок. 1029—1005 г. до н. э.)

Сахаров Иван Петрович (1807—1863) — этнограф, фольклорист, археолог, палеограф

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, князь (1890—1939) — литературный критик, литературовед, публицист, участник евразийского движения. В эмиграции — с 1920 г. В 1932 г. вернулся в СССР. Репрессирован. Умер в лагере под Магаданом

Северянин Игорь (наст. имя Игорь Васильевич Лотарев; 1887—1941) — поэт. В эмиграции с 1918 г.

Синет — мальчик, друг *Бику*

Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — писатель, публицист. Организатор так наз. «Знаменской коммуны» (Петербург, 1.IX.1863—1.VI.1864 г.)

Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, литературный критик, филолог-романист, переводчик, шахматист

Соболь Андрей (наст. имя Юлий Михайлович (Израиль Моисеевич) Соболь, также Собель; 1888—1926) — писатель. Покончил с собой на Тверском бульваре у памятника А. С. Пушкину

Сократ (470/469—399 г. до н. э.) — древнегреческий философ

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт, философ, литературный критик

Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903) — романист, родной брат Вл. С. Соловьева

Соловьева (урожд. Романова) Поликсена Владимировна (1828?—1909) — мать Вл. С. Соловьева, родная сестра отца Е. В. Романовой

Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — художник, книжный иллюстратор. В эмиграции с 1923 г

Стендаль (Stendhal, наст. имя Мари Анри Бейль, Marie-Henri Beyle; 1783—1842) — французский писатель

Степун Федор Августович (Степпун, Friedrich Step(p)u(h)n; 1884—1965) — общественно-политический деятель, философ, литературный критик, писатель. В 1922 г. выслан из Советской России

Столица (урожд. Ершова) Любовь Никитична (1884—1934) — поэтесса, прозаик, драматург. С 1920 г. в эмиграции (Болгария)

Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Петр Петрович (1892—1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик. В эмиграции с 1918 г.

Сэмболист Альбер (Cymboliste Albert, Цимбалист Альберт Львович) — руководитель издания «Le Courrier graphique»

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — певец. С 1922 г. гастролировал за границей. В 1927 г. лишен права возвращаться в СССР
Шамполион (Шампольон) Жан Франсуа (Jean-François Champollion; 1790—1832) — французский востоковед, основатель египтологии. На основании расшифровки Розетского камня сделал возможным чтение египетских иероглифов
Шаршун Сергей Иванович (1888—1975) — художник, писатель. С 1911 г. жил в Европе (Испания, Германия, Франция)
Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — украинский поэт, прозаик, художник
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф фон (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling; 1775—1854) — немецкий философ
Шестов Лев (наст. имя Лев Исаакович, при рождении Иегуда Лейб Шварцман; 1866—1938) — философ, литературный критик. С 1920 г. — в эмиграции
Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — прозаик
Шкапская Мария Михайловна (1891—1952) — поэтесса, журналистка. Хранительница коллекции игрушек А. М. Ремизова после его отъезда из России
Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — литературовед, критик, писатель, киносценарист, киновед
Шклявер Георгий (Жорж) Гаврилович (1897—1970) — юрист, профессор Парижского университета. Эмигрант. С 1929 г. — генеральный секретарь Европейского Центра при Музее Рериха в Нью-Йорке
Шкотт Александр Яковлевич (ок. 1800 — ок. 1860) — сын Я. Я. Шкотта, предок И. А. Болдырева-Шкотта
Шкотт Джеймс (Яков Яковлевич, James Shcott; между 1735 и 1800?) — шотландец, предок И. А. Болдырева-Шкотта
Шленский Авраам (1900—1973) — еврейский поэт, переводчик, общественный деятель
Шпет Густав Густавович (1879—1937) — философ, психолог, переводчик. В 1935 г. репрессирован. В 1937 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.
Шрейбер Яков Самойлович — инженер
Шрейдер Григорий Ильич (1860—1940) — экономист, публицист. Член партии эсеров. В эмиграции с 1919 г.

***Щ**еголев* Павел Елисеевич (1877—1931) — литературовед, историк освободительного движения. После Февральской революции — член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства

***Э**йнштейн* Альберт (Albert Einstein; 1879—1955) — физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат

Нобелевской премии по физике (1921). Жил в Германии, Швейцарии, США

Элюар Поль (Paul Éluard, наст. имя: Эжен Эмиль Поль Грендель, Eugène Émile Paul Grindel; 1895—1952) — французский поэт. Один из основателей дадаизма и сюрреализма

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, поэт, переводчик, публицист. В 1921 г. уехал за границу. В 1936—1939 гг. был военным корреспондентом «Известий» во время гражданской войны в Испании. После поражения республиканцев уехал в Париж. В 1940 г. вернулся в СССР

Harrison Jane Ellen — см. *Харрисон Е. К.*
Hope Mirrless — см. *Хоп Мерилиз Н. В.*
Légras Jules — см. *Легра Ж.*
Miloukov P. — см. *Милюков П. Н.*
Sobaschnikowa Margarita — см. *Сабашникова М. В.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГАРФ — Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (Москва).

ГИМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей» (Москва).

ГЛМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей)». Отдел фондов рукописей (Москва).

ИРЛИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук». Рукописный отдел. Литературный музей. Библиотека (Санкт-Петербург).

ОГКУ ГАКО — Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Костромской области» (Кострома).

РГАДА — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов» (Москва).

РГАЛИ — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (Москва).

РГБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Amherst — Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгел-

ло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»).

Печатные издания

Афанасьев — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды. СПб.: Современные проблемы, 1914.

Афанасьев-воззрения I—III — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Изд. К. Солдатёнкова, 1865—1869.

Афанасьев-сказки I—III — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984—1985. (Лит. памятники).

БВ — «Биржевые ведомости» (газета; СПб., 1861—1917).

Бисер Малый — *Ремизов А. М.* Бисер Малый: От словес Дебренского старца // Заветы. 1912. Кн. 8. Отд. I. С. 42—60.

Бокадоров — *Бокадоров Н. К.* Легенда о Хождении Богородицы по мукам // Изборник Киевский. Киев, 1905. С. 39—94.

Варенцов — *Варенцов В.* Сборник духовных стихов. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1860.

Веселовский, с указанием выпуска или раздела — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880—1891. Вып. 1—6. Разд. I—XVII. (Сб. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Акад. наук; Прил. к т. XXXVI—LIII).

Весеннее порошье — *Ремизов А. М.* Весеннее порошье: Рассказы. СПб.: Сирин, 1915.

Волшебный мир Алексея Ремизова — «Волшебный мир Алексея Ремизова»: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992.

Грачева 2000 — *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. (Studiorum Slavicorum Monumenta; [Vol.] 19).

Грачева 2010 — *Грачева А. М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. (Б-ка Пушкинского Дома).

Даль В., с указанием раздела — *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа / Послесл. В. П. Аникина. М.: Правда, 1987.

ЕЖ — Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (СПб., 1914—1916).

ЗН — *Ремизов Алексей.* Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Paris: IMCA-Press, MCMXXVIII.

Ключевский — *Ключевский В.* Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб.: Изд. К. Содатёнкова, 1871.

Кодрянская 1959 — *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж: Б. и., [1959].
Кодрянская 1977 — *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж: Б. и., 1977.
Коломенский пролог — Рукописный Коломенский пролог XVI в. Из собр. И. А. Рязановского (Кострома) (местонахождение рукописи неизвестно, исследование проводилось по изд.: Пролог. М., Синодальная тип., 1877).
Лимонарь 1907 — *Ремизов А.* Лимонарь сиречь: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907.
Лицо писателя — *Ремизов А. М.* Лицо писателя: Материалы к книге // *Грачева 2010*. С. 241—483.
ЛН — Литературное наследство.
ЛРЛД I—V — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т. I; М., 1859. Т. II; М., 1860. Т. III; М., 1862. Т. IV; М., 1863. Т. V.
Мочульский — *Мочульский В. Н.* Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса: Тип. Штаба войск Одесского воен. округа, 1893.
МПП — авторский макет книги А. М. Ремизова «Павлиньим пером» (РГАЛИ).
На вечерней заре 1987 — На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. № 6. С. 237—310.
НРС — «Новое русское слово» (газета; Нью-Йорк, 1910—2010).
Обатнина 2001 — *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
ПН — «Последние новости» (газета; Париж, 1920—1940).
Подорожие — Бисер Малый // *Ремизов А. М.* Подорожие: Рассказы. СПб.: Сирин, 1916.
ПОРЛ I—II — Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Николаем Тихонравовым. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1863. Т. I; М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. Т. II.
Порфирьев 1872 — *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань: Унив. тип., 1872 (обл. 1873).
Порфирьев 1890 — *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890.
Пролог — Пролог. М.: Синодальная типография, 1877.

ПСРЛ I—IV — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. I—IV.

Резникова 2013 — *Резникова Н. В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.

РК I—X — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. книга, 2000—2003:

Пруд-РК I — *Ремизов А. М.* Собр. сочинений: В 10 т. 2000. Т. I: Пруд.

Докука и балагурье-РК II — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. II: Докука и балагурье.

Оказион-РК III — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. III: Оказион.

Плачужная канава-РК IV — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2001. Т. IV: Плачужная канава.

Взвихренная Русь-РК V — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. V: Взвихренная Русь.

Лимонарь-РК VI — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2001. Т. VI: Лимонарь.

Ахру-РК VII — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2002. Т. VII: Ахру.

Иверень-РК VIII — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2000. Т. VIII: Иверень.

Учитель музыки-РК IX — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2002. Т. IX: Учитель музыки.

Петербургский буерак-РК X — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. 2003. Т. X: Петербургский буерак.

РЛ — книга А. М. Ремизова «Русские легенды» (ГЛМ).

РЛит — «Русская литература» (журнал; Л. (СПб.), 1958 — по наст. время).

РМ — «Русская мысль» (журнал; М., 1880—1918).

Рождественский, Успенский — *Рождественский Т. С., Успенский М. И.* Песни русских сектантов-мистиков. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1912. (Записки Имп. русского Географического общества по Отд-нию этнографии; Т. XXXV).

Росток-XI— — *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб.: Росток, 2015 (продолжающееся):

Зга-Росток XI — *Ремизов А. М.* Собр. соч. 2015. Т. XI: Зга.

Русалия-Росток XII — *Ремизов А. М.* Собр. соч. 2016. Т. XII: Русалия.

Россия в письменах-Росток XIII — *Ремизов А. М.* Собр. соч. 2016. Т. XIII: Россия в письменах.

Русский Берлин — *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921—1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983.

Сахаров — *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1879.
СЗ — «Современные записки» (журнал; Париж, 1920–1940).
Сирин 1–8 — *Ремизов А.* Соч.: В 8 т. СПб.: Сирин, 1910–1912.
Срезневский I–IV — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб.: Тип. Акад. наук, 1867. Т. I; СПб., 1874. Т. II; СПб., 1876. Т. III; СПб., 1879. Т. IV.
Толковый словарь В. И. Даля I–IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1978–1980. Т. I–IV.
Трава-мурава — Трава-мурава: Сказ и величание. Берлин: С. Ефрон, [1922].
Цепь золотая — *Ремизов А. М.* Цепь золотая // Воля России (Прага). 1923. № 2. С. 1–12.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете» (журнал; М., 1846–1848, № 1–23; 1858–1918, № 24–264).
Шиповник 1–8 — *Ремизов А.* Соч.: В 8 т. СПб.: Шиповник, [1910–1912].
Ms. Coll. Nikitine — Bakhmeteff Archive. Columbus Univ., New York. Rare Book and Manuscript Library. Ms. Coll. Nikitine — коллекция В. П. Никитина в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Авт. комм. — авторский комментарий.
диал. — диалектизмы.
обл. — областной.
НР — наборная рукопись.

СОДЕРЖАНИЕ

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 16 лет»

В оформлении шмуцтитулов, обложки и форзаца
использованы архивные материалы (рисунки писателя,
документы) из фонда А. М. Ремизова в Рукописном отделе
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

А. М. Ремизов
ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ
Собрание сочинений
Том 14

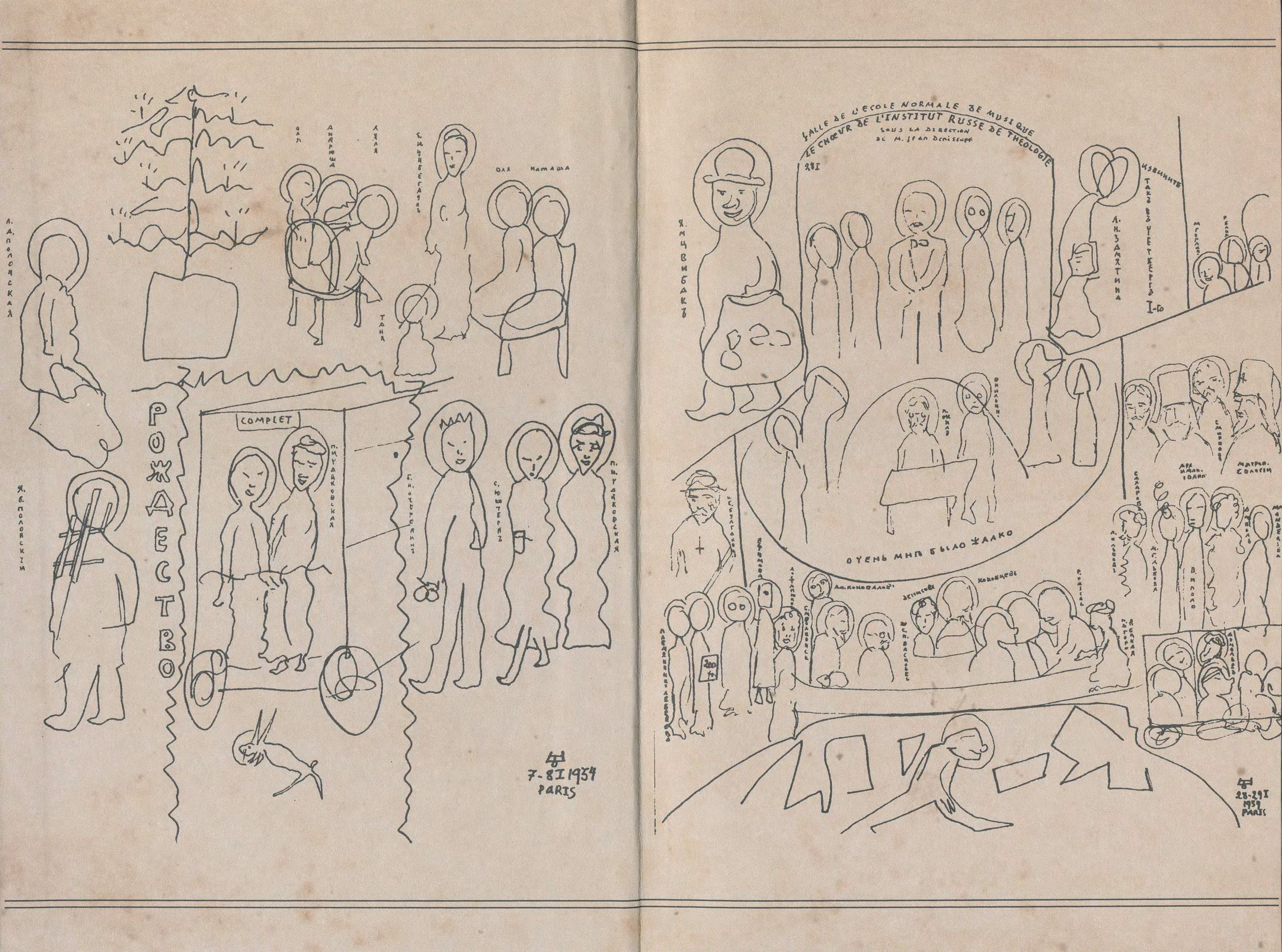
Научный редактор тома *А. М. Грачева*

Редактор *А. П. Дмитриев*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Л. Модебадзе*

Формат 60 × 88 $^1/_{16}$. Гарнитура Петербург. Печ. л. 46,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 3310

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

РОЖДЕСТВО
COMPLET
7-8 I 1954
PARIS
SALLE DE L'ECOLE NORMALE DE MUSIQUE
LE CHŒUR DE L'INSTITUT RUSSE DE THEOLOGIE
SOUS LA DIRECTION
DE M. Jean Denissoff
28 I
ОЧЕНЬ МНЕ БЫЛО ЖАЛКО
28-29 I
1954
PARIS

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧАПЫЖНИКЪ
PARIS

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ
5 альбомов
95 рисунков
(болитъ голова)
мои рисунки —
а как поэтъ,
все равно